This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

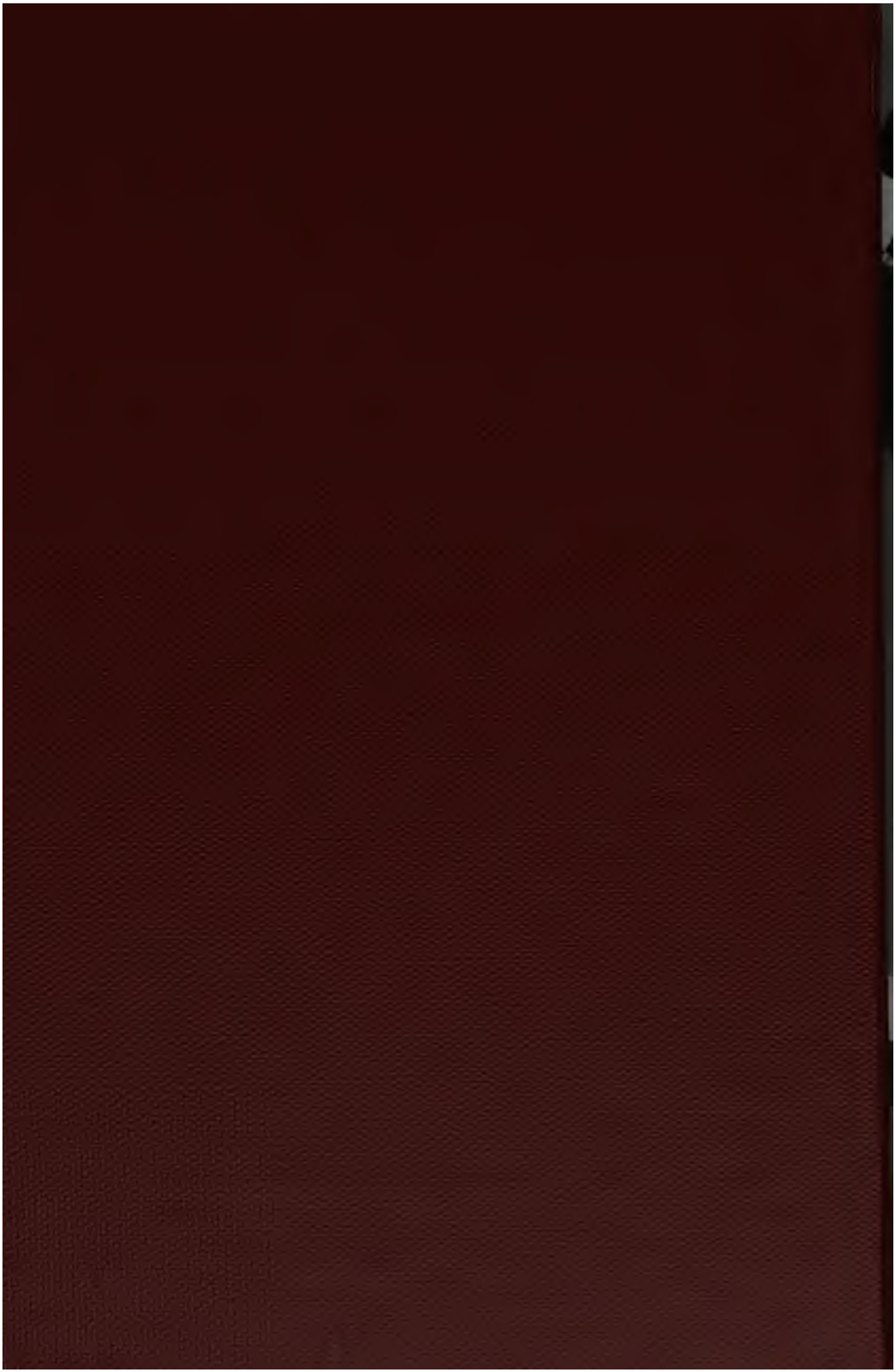
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

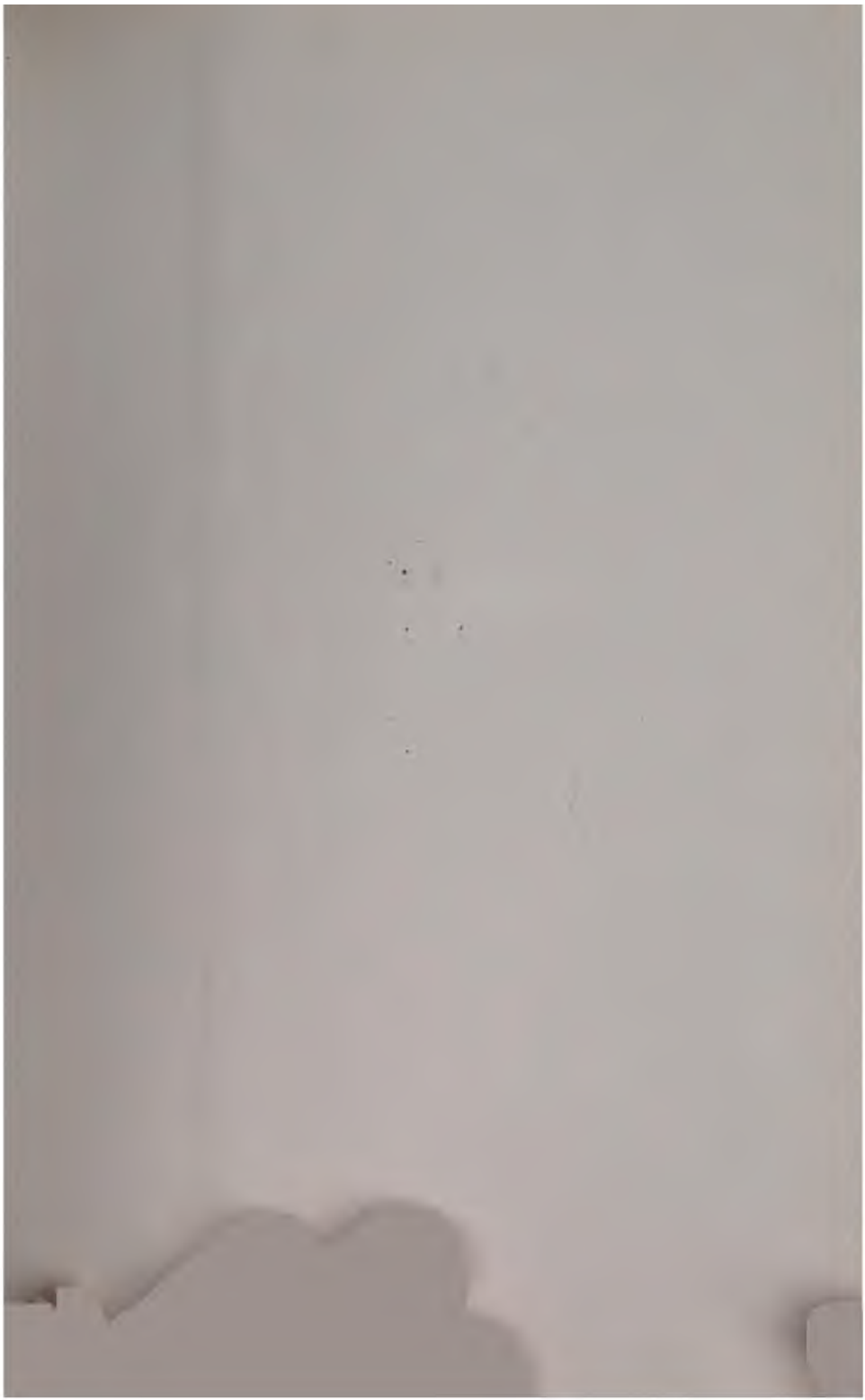
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD·VNIVERSITY·LIBRARY



НАБЛЮДАТЕЛЬ.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ТРЕТІЙ. АВГУСТЪ. 1884 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. Знакомые люди. Главы VI—IX. Романъ **В. Л. Маркова** . . 3
II. По Италіи. **Д. Л. Мордовцева.** 40
III. Фантазія. Стихотвореніе **А. Орлова.** 61
IV. Сафо. Парижскіе нравы. Романъ **Альфонса Додэ.** . . 63
V. Роль арендной земли въ крестьянскомъ хозяйствѣ. (*Окончаніе*). **В. В.** 146
VI. Миссъ Гарріэтъ. Разсказъ **Гюи де-Мопассана** 165
VII. Картины петербургскихъ нравовъ. III. Родители и дѣти. **В. О. Михневича.** . . . 185
VIII. „Покойная сестра его жены". Изъ жизни американскаго литератора. Разсказъ **Франка Стокмана.** 201
IX. Крымскія акварели: 1) Рынокъ. 2) Заключеніе. **Д. И. Стахѣева.** 214
X. Больная любовь. Стихотвореніе **Ф. Андреева.** 220

Стр.

XI. Послѣднія десять лѣтъ жизни барона Брамбеуса (Осипа Ивановича Сенковскаго). Съ 1848 по 1858 г. Письма къ редактору «Наблюдателя». **А. В. Старчевскаго.** 221
XII. Тоска. Стихотвореніе **В. Теплова** 237
XIII. Лиза Флёронъ. Романъ **Онэ.** 238

Современное Обозрѣніе.

XIV. Заграничныя письма. **И. Денисова.** 1

Экскурсія въ область faits divers.—Самоубійства, сѣрно-кислая эпопея, дѣтоубійства и плодоизгнаніе во Франціи.—Вопросъ о дѣвушкахъ-матеряхъ.—«Recherche de la paternité».—Законопроэктъ Риве.—Доводы за и противъ.—Господство адюльтера во Франціи.—Боязнь скандаловъ.—Интересы дѣтей.—Вопіющія безобразія, совершаемыя подъ эгидою закона.—Женитьба отца на дочери.—Драконовскія предложенія Дюма.—Недостаточность закона о «разыс-

(См. на оборотѣ).

№ 8-й „Наблюдателя" вышелъ 15-го Августа 1884 года.

Стр.

каніи отцовства». — Дороговизна суда во Франціи.—Заключеніе.

XV. Наши внутреннія дѣла. . 14
Теорія «бумажныхъ денегъ». — Займы. — Новая пятипроцентная непрерывно-доходная рента.—Погашеніе долга государственному банку и причина медленности въ изъятіи изъ обращенія кредитныхъ билетовъ.— Внутренняя зависимость между политикой и финансами. — Упраздненіе комиссіи прошеній. — Новый порядокъ пріема прошеній и жалобъ, на высочайшее имя приносимыхъ.—Новый законъ о земскихъ ходатайствахъ.—Отношеніе къ этому закону недруговъ земскихъ учрежденій.—Порядокъ предсѣдательствованія въ земскихъ собраніяхъ.—Разъясненіе сената о порядкѣ привлеченія къ отвѣтственности членовъ земскихъ учрежденій.

XVI. Политическая хроника. . . 32
Лѣто и политика.—Манифестація противъ лордовъ. — Митинги въ Гайдъ-паркѣ и Манчестерѣ.—Упорство и увертки членовъ верхней палаты.—Лордъ Салисбюри.—Неожиданные сюрпризы лондонской конференціи. — Ахиллесова пята Англіи.—Комисія для опредѣленія афганистанской границы.—Туркмены и кабульскій эмиръ. Упадокъ англійской торговли и промышленности. — Недостатокъ работъ и стачки.—Билль о медицинскихъ корпораціяхъ.—Версальскіе конгрессъ.—Война изъ-за холеры во Франціи и Италіи.—Антигерманская демонстрація въ Парижѣ.—Изгнаніе изъ Пруссіи русскихъ евреевъ. — Антиеврейскіе безпорядки въ Галиціи и Алжирѣ.—Дипломатическія непріятности изъ-за проговорившихся министровъ. — Конецъ парламентскаго столкновенія въ Норвегіи.—Министерскій кризисъ въ Даніи.—Торговые трактаты Турціи съ Россіей и Англіей.—Новый генералъ-губернаторъ Восточной Румеліи.—Торговыя сношенія Россіи съ Болгаріей.

XVII. Новыя книги: 1) **Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края.** Изслѣдованіе *И. И. Дубасова.* Москва. 1883 г. 2) *Н. А. Лейкингъ.* **Христова невѣста. Кусокъ хлѣба.** Романъ и повѣсть. Изд. 3-е. Спб. 1884 г. 3) **Что читать народу?** Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія, сост. учительницами харьковской частной женской воскресной школы. Спб. 1884 г. . . . 46

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ.

Въ контору поступили для продажи новыя изданія редакціи:

1) **Утѣха жизни**, романъ *Эмиля Золя.* Спб. 1884 г. Ц. 1 р. съ перес.

2) **Гансъ-Филинъ.** Романъ *Фридриха Шпильгагена.* Спб. 1884 г. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

0 15121

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 8-й. АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора журнала: Поварской пер., д. № 5.
1884.

Типографія и Хромолитографія А. Траншеля. Стремянная, № 12.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1884 ГОДУ (ГОДЪ ТРЕТІЙ).

Журналъ издается подъ прежней редакціей и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, **безъ предварительной цензуры.**

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: *проф. И. Е. Андреевскій*, *С. А. Бердяевъ*, *П. И. Бларамбергъ*, *П. Д. Боборыкинъ*, *П. В. Быковъ*, *И. Ф. Василевскій* (Буква), *Е. А. Вернеръ*, *Вологдинъ*, *д-ръ А. С. Виреніусъ*, *проф. В. П. Даневскій*, *И. Н. Денисовъ*, *Ю. Г. Зависьцкій*, *проф. А. И. Загоровскій*, *д-ръ Ивинъ*, *проф. А. Ѳ. Кистяковскій*, *Е. П. Карновичъ*, *баронъ Н. А. Корфъ*, *А. В. Круглова*, *Н. С. Курочкинъ*, *проф. Ѳ. И. Леонтовичъ*, *П. Лѣтневъ*, *С. В. Максимовъ*, *В. Л. Марковъ*, *Н. Мизантроповъ*, *Н. Минскій*, *В. О. Михневичъ*, *В. И. Немировичъ-Данченко*, *М. В. Неручевъ*, *Ф. Д. Нефедовъ*, *В. Н. Никитинъ*, *Омулевскій*, *Л. И. Пальминъ*, *М. Л. Песковскій*, *Л. К. Поповъ*, *Я. П. Полонскій*, *проф. В. И. Сергѣевичъ*, *Д. И. Стахѣевъ*, *В. Я. Стоюнинъ*, *Л. Н. Трефолевъ*, *В. В. Чуйко* и др.

„*Наблюдатель*“ выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 20—25 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		**За полгода:**	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ. .	13 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	7 р. 50 к.
Съ перес. въ другія мѣста Имперіи .	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи.	8 р.
Съ пересылкою за границу. . . .	16 р.	Съ пересылкою за границу. .	9 р.

Гг. подписчики (не заграничные), высылающіе **16 р. с.**, получаютъ,—кромѣ годоваго экземпляра „*Наблюдателя*“,—„**Сборникъ иностранныхъ романовъ**“, изд. ред., въ которомъ помѣщены *три* романа: 1) **Вакалавръ**, *Жюля Валлеса*; 2) **Фостэнъ**, *Э. Гонкура* и 3) **Эгоистъ**, *Вернера*.

Книгопродавцамъ 50 к. уступки. Принимающіе подписку въ разсрочку или по полугодіямъ не пользуются уступкой.

Гг. служащимъ дѣлается *разсрочка* по третямъ, за поручительствомъ казначеевъ.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ ДЛЯ ГГ. СЛУЖАЩИХЪ:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою.	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою.	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за гран.	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, **д. № 5**), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются *исключительно*: въ Главную Контору „**Наблюдателя**“. Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Экземпляры журнала за 1883 г. выписываются по номинальной цѣнѣ.

ЗНАКОМЫЕ ЛЮДИ.

РОМАНЪ.

VI.

Учитель, на другой день, жаловался на головную боль и не вышелъ изъ классной комнаты.

Онъ одинъ обѣдалъ: Сашенька забѣжала его навѣстить. Показалось Борису, что учитель разстроенъ, хотя скрываетъ это. Всѣхъ трехъ соединяла нравственная, понятная имъ, связь.

Необщительный съ другими, Модестъ Гавриловичъ не стѣснялся только въ обществѣ своихъ молодыхъ друзей и Оврагова. Чай „на распашку", то есть, чай у себя въ пристройкѣ, — любилъ онъ не только потому, что, какъ русскій человѣкъ, могъ въ прикуску осушить полдюжины стакановъ горячаго напитка, но больше потому, что могъ часокъ-другой провести въ маленькомъ своемъ кружкѣ „по душѣ", удовлетворяя врожденной человѣку слабости подѣлиться съ людьми своими человѣческими ощущеніями, „высказаться". Онъ, если и говорилъ когда о своемъ „неказистомъ" прошломъ, то всегда съ теплымъ юморомъ, заставлявшимъ Сашеньку невольно задумываться; съ добрымъ смѣхомъ, въ которомъ Борисъ чувствовалъ почему-то несправедливость судьбы къ учителю. Здоровый, нетребовательный взглядъ учителя на внѣшнія условія жизни и строгость его къ тому, что онъ считалъ необходимыми нравственными началами,—раздѣляли братъ и сестра. Учитель видимо избѣгалъ словъ: „несчастье", „несчастный" и тождественныхъ имъ, особенно по примѣненію этихъ понятій къ себѣ лично. „Слащавыхъ" отношеній къ самому себѣ, какъ онъ говаривалъ, онъ терпѣть не могъ ни въ себѣ, ни въ другихъ. „Не былъ я и быть не могу ни несчастнымъ человѣкомъ, ни героемъ"! самодовольно утверждалъ онъ. Со стороны казалось,—по крайней мѣрѣ, его друзьямъ,—что онъ всѣмъ доволенъ, всѣ свои желанія удовлетворилъ, осуществилъ всѣ надежды, всѣхъ своихъ цѣлей достигъ. А иногда, внимательно на

него глядя, Сашенька подумывала, что онъ не имѣетъ болѣе желаній, потерялъ надежды и ровно ни къ чему не стремится. „Именно сегодня такое выраженіе у него“, думала Сашенька. И избѣгала его въ этотъ день.

Свободный субботній вечеръ Модестъ Гавриловичъ расположенъ былъ, по его словамъ, посвятить „самимъ себѣ и поэзіи“. Когда, въ обычное время, стали закрывать ставни, онъ этому воспротивился, утверждая, что нельзя закрывать отъ глазъ такую чудесную мѣсячную ночь. Послѣ чаю онъ увлекъ за собой на крыльцо Бориса „постоять“. „Постоять“ на крыльцѣ—у него значило насладиться тихимъ блѣднымъ небомъ, бѣлизною кудряваго инея, нависшаго на деревьяхъ, яснымъ холоднымъ мѣсяцемъ, бѣлыми сугробами и крышами. Тупые звуки чугунной доски напоминали нашимъ друзьямъ „Деревенскаго сторожа“...

— Есть поэты, которыхъ понять, какъ слѣдуетъ, можно только въ деревнѣ, только осенью или зимой, замѣтилъ Борису учитель. Помнишь:

...„Туча сѣрая сверху ходила
И все плакала, глядя на домъ“...

Тоска! близкая, родная тоска!..

Воротясь въ пристройку, къ себѣ, Модестъ Гавриловичъ говорилъ въ томъ же настроеніи. „Тургеневская женщина“, „Диккенсовскій человѣкъ“, такой симпатичный и всегда полный юмора,— вотъ что было предметомъ ихъ теплой вечерней бесѣды. Говоря о Шиллерѣ, учитель не утерпѣлъ и прочелъ монологъ принцессы Эболи:

. . . . . Любовь
«Любви цѣна. Она алмазъ безцѣнный,
«Который подарю, иль безъ раздѣла
«Зарою я, какъ тотъ купецъ великій,
«Нетронутый всѣмъ золотомъ Ріальто,
«Безцѣнную жемчужину свою
«На дно морское бросилъ, но не продалъ
«Ее съ обиднымъ для себя убыткомъ»...

И какъ онъ прочелъ этотъ монологъ!

Да, поэзія успокоивала учителя, когда сомнѣнія, противъ его воли, охватывали его душу, когда въ нее врывались вдругъ тоска и сожалѣнія о чемъ-то прекрасномъ, для него погибшемъ и невозможномъ. Свѣтлый идеалъ правды и красоты снова вносилъ въ его возмущенный внутренній міръ примиреніе со всѣмъ, что его окружало, что судьба ему послала. Снова подымалась его духовная самостоя-

тельность, снова покоемъ и добромъ дышала его рѣчь. Рѣдко посѣщала его эта тяжелая, поучающая гостья — тоска; но послѣ себя она оставляла слѣдъ на учителѣ, замѣтный для него самого: онъ становился лучше, онъ хотѣлъ быть лучше. Внутренняя борьба сообщала ему толчокъ.

— Объ одномъ я жалѣю, замѣтилъ онъ Борису, раздѣваясь, чтобы лечь спать:—Андрея Петровича къ намъ бы въ компанію на этотъ вечеръ... Семья можетъ состоять изъ родныхъ не только по плоти, но и по духу. Я, ты, Андрей Петровичъ,—люди мы другъ другу чужіе, а въ то же время роднѣй мы иныхъ кровныхъ родныхъ, близкіе мы люди; стало быть, духъ—сила! Однако, прощай: духъ бодръ, плоть немощна; спать хочу!

Никто въ домѣ на зналъ, что тихій учитель только что пережилъ душевную бурю, глубоко потрясшую его нравственный организмъ. Заропгало было сердце, запросило своего, но разсудокъ взялъ верхъ. Съ чувствомъ навсегда покончилъ учитель. Онъ только прилегъ—и заснулъ, какъ убитый, потому что прошлую ночь глазъ не сомкнулъ, проворочался съ боку на бокъ.

— Э! радостно замѣтилъ Модестъ Гавриловичъ, подойдя на другой день къ окну и всматриваясь въ подъѣхавшія къ крыльцу сани:— Да вѣдь это Андрей Петровичъ съ Анютой!... Отлично!... Вотъ такимъ люблю тебя видѣть, Борька! шутливо обратился учитель къ ученику, который въ волненіи заторопился одѣваться, услыша звонъ знакомаго колокольчика.

Овраговъ съ Анютой не были рѣдкими гостями въ Овсянниковѣ. Знакомство съ ними, въ свою очередь, и льстило самолюбію Варвары Ильинишны, считавшей Овраговыхъ вполнѣ порядочными людьми, и доставляло ей удовольствіе, такъ какъ они казались ей пріятными знакомыми. Овраговъ, старый холостякъ, способенъ былъ останавливаться на хорошихъ сторонахъ людей и, ради нихъ, извинять дурныя. Онъ большое значеніе придавалъ радушію и чувствовалъ его въ семьѣ Хворостовой. Ему по душѣ пришелся деревянный домъ съ уютными комнатами, теплыми зимой и прохладными лѣтомъ, съ хозяевами, отъ которыхъ вѣяло добрымъ покоемъ. Онъ видѣлъ смѣшныя стороны хозяйки, этой „provinciale recherchée“, какъ она себя считала. Ему особенно не нравились свѣтскіе вкусы матери, иногда въ ущербъ ея семейнымъ обязанностямъ. Сашенька была во всѣхъ отношеніяхъ къ нему ближе. Ему нравилось строгое выраженіе ея синихъ глазъ, и въ ея обращеніи съ нимъ онъ не чувствовалъ, что

GENERAL BOOKBINDING CO.
QUALITY CONTROL MARK

онъ гость, что его „занимаютъ“. Разговоръ съ ней нисколько не стѣснялъ, не связывалъ.

Въ новенькомъ пиджакѣ, въ свѣжемъ бѣльѣ, Борисъ, какъ умѣлъ, щеголевато завязалъ себѣ бантъ галстуха и поторопился уйти въ домъ. Приглаживая передъ зеркаломъ щеткой свои жиденькіе волосы, Модестъ Гавриловичъ вдругъ задумался. Еще никогда не интересовался онъ своимъ невзрачнымъ лицомъ, такъ какъ интересовался въ эту минуту.

— Отчего это, иногда, я смахиваю на человѣка, близкаго къ помѣшательству? спросилъ онъ себя, съ нѣкоторымъ страхомъ всматриваясь въ надоѣвшую ему желтоватую, бритую физіономію съ безцвѣтными скучными глазами и рыжими бровями: — Этакое противное, ничтожное выраженіе! Не джентльменскій видъ! — Онъ бросилъ щетку на столъ и нетерпѣливо поправилъ воротъ сорочки. Потомъ круто повернулся, какъ-бы желая поскорѣе избавиться отъ этой геморроидальной, надоѣвшей ему учительской физіономіи, и пошелъ было къ двери.

— Нѣтъ! вырвалось у него вмѣстѣ со вздохомъ: — не хочется идти!

Онъ присѣлъ въ свое кожаное кресло и снова вздохнулъ, какъ сильно усталый. Грустный, нѣсколько растерянный взглядъ его выражалъ какую то тяжелую внутреннюю борьбу; облысѣвшая голова безсильно упала на грудь, руки схватились за ручки кресла; такъ просидѣлъ онъ неподвижно нѣсколько минутъ, въ сильномъ волненіи.

— Господи! съ тоскою въ голосѣ сказалъ онъ:—неужели я люблю ее? неужели я ее ревную?... Къ кому же?... къ Оврагову? На этотъ душевный,—не то вопль, не то вопросъ, никто не отвѣтилъ ему въ безмолвной комнатѣ. Это безмолвіе испугало его столько же, сколько испугали его собственныя, только что вырвавшіяся изъ души, слова.— „Сумашедшій! дуракъ!“ обругалъ онъ себя, въ отчаяніи хватаясь за пылавшую голову. И твердою поступью направился въ домъ.

Въ залу вбѣжала, съ веселымъ смѣхомъ, молоденькая дѣвушка и звонко поцѣловала въ губы Сашеньку, какъ была, въ куньей шапочкѣ и съ куньей муфтой на рукахъ, запушенной снѣгомъ.

— Bonjour! обратилась она къ Борису, проворно пожавъ его руку и отвернувшись отъ него къ Сашенькѣ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ ей слово сказать. Хорошенькое личико, съ тою матовой смуглостью, подъ которою обыкновенно таится горячая кровь, теперь разрумянилось морозомъ; глубокіе и таинственные, какъ темная ночь, черные—пречерные глаза свѣтились радостью и радовали, казалось, все

вокругъ себя; это была одна изъ тѣхъ, нечасто встрѣчающихся счастливыхъ женскихъ натуръ, въ которыхъ мать-природа съ любовью и роскошью соединила красоту съ граціей, невольно затрогивающія и оживляющія всякаго, въ комъ только не умерло изящное чувство. Ей едва минуло шестнадцать лѣтъ, и было понятно, что это синее, гладко сшитое, шерстяное платье со шлейфомъ — первое, какое она надѣла послѣ своихъ коротенькихъ полудѣтскихъ платьевъ.

— Какъ я рада, милая Сашенька, видѣть тебя! какъ мы съ папой скоро ѣхали! Что за погода! Прелесть! съ увлеченьемъ передавала молоденькая гостья свои ощущенья, въ то же время развязывая ленты своей куньей шапочки и отдавая муфту Борису.—Сугробы какіе большіе! А поле блеститъ, какъ серебряное!

— Я сама радёшенька тебя видѣть, хорошенькая ты моя дѣвочка, говорила Сашенька, развеселясь при видѣ своей „сарафанницы“ и цѣлуя ее въ разгорѣвшуюся съ мороза пухленькую щеку: — Вотъ умница, что папу вытащила изъ кабинета.

— Благодарствуйте, поблагодарила Анюта Бориса, взявшаго изъ ея рукъ шапочку и осторожно положившаго ее на ноты, на роялѣ.

Дружескимъ пожатіемъ своей маленькой, но сильной, смуглой руки она снова поблагодарила вернувшагося къ нимъ отъ рояля Бориса, причемъ короткимъ, смѣющимся взглядомъ убѣдилась въ томъ, въ чемъ, впрочемъ, не сомнѣвалась. Борисъ всѣмъ своимъ выраженіемъ, своею сконфуженною улыбкою, краскою лица при ея входѣ въ залу, безъ словъ, краснорѣчиво говорилъ, какъ ему пріятно видѣть ее. Старанья Бориса держать себя съ молоденькой гостьей, особенно при сестрѣ, съ достоинствомъ—были, разумѣется, смѣшны въ глазахъ обѣихъ дѣвушекъ. Онъ переживалъ хорошій возрастъ, когда очень молодой человѣкъ какъ бы отворачивается отъ самого себя, остается собой недоволенъ. Это—выходъ изъ состоянія непосредственной зависимости отъ своего ребяческаго міра, отъ своихъ мальчишескихъ вкусовъ. Еще недавно ему нравились грубыя манеры въ другихъ и въ себѣ, какъ признакъ силы; онъ нарочно подбиралъ слова простонародныя и оригинальничалъ своею рѣчью, выработавъ при этомъ нѣсколько циническій взглядъ на внѣшность и пребывая равнодушнымъ къ тому, какъ и въ чемъ онъ одѣтъ. Въ послѣдній годъ, сближаясь съ Анютой, онъ призналъ нѣкоторые изъ своихъ взглядовъ и вкусовъ „дикими“, идущими въ разрѣзъ съ образованною жизнью, а потому „свергнулъ съ себя ихъ иго“, какъ онъ сообщилъ учителю, вполнѣ его одобрившему. Къ внѣшности своей онъ сталъ уже неравнодушенъ; быть хуже другихъ, особенно въ глазахъ Анюты,

стало для него невыносимо. „Мопра, перевоспитанный Эдмеей“, посмѣивался, бывало, надъ ученикомъ учитель.

— Папа къ Модесту Гавриловичу зашелъ, замѣтила Анюта Сашенькѣ, напрасно посматривавшей на дверь лакейской, изъ которой никто не появлялся.—Не наговорятся, какъ сойдутся.

— Когда папа толкуетъ съ Модестомъ Гавриловичемъ о нынѣшней литературѣ, о молодомъ поколѣніи, мнѣ все кажется, что оба они судятъ слишкомъ строго и односторонне,—обратилась, на ходу, къ Борису Анюта, которой гибкая, тонкая талія гнулась очень красиво, а легкія ноги, казалось, скользили по полу, едва его касаясь.—Они умные люди, но, кажется, предубѣждены... Папа запретилъ мнѣ читать статьи Писарева, увѣряя меня, что я ихъ не пойму или пойму не такъ, какъ надо. Что жъ я дура, что-ли?

— По вашему выраженію, Анна Николаевна, я заключаю, что вы читали запрещеннаго вамъ автора? сказалъ Борисъ осторожно.

— Какъ? Ты прочла, Анюта, книгу, запрещенную тебѣ папашей? не безъ страха спросила Сашенька, добрые глаза которой нетерпѣливо остановились на хорошенькомъ лицѣ гостьи, требуя объясненія, оправданія.

— Конечно, я прочла Писарева не одна, а вмѣстѣ съ папа. Анюта смѣялась. Я настояла на своемъ—для того чтобы доказать ему и въ самой себѣ убѣдиться, что меня нельзя сбить съ толку. Писаревъ не ослабитъ во мнѣ уваженія къ тому, что̀ заслуживаетъ уваженія. Впрочемъ, много и правды онъ высказалъ.

— Да, подтвердилъ Борисъ,—хоть не люблю я Писарева и все его направленіе...

— Вы, вѣдь, все Купера да Вальтеръ-Скотта читаете, замѣтила Анюта.

— Для меня, вы знаете, старые мастера, классики, какъ ихъ Модестъ Гавриловичъ называетъ,—наслажденіе; это ужь онъ мнѣ свой вкусъ передалъ.

Хорошенькая дѣвушка съ улыбкой и легкимъ движеньемъ головы замѣтила ему, что онъ „послѣдній романтикъ“.

Она правду сказала. Молодой человѣкъ, быть можетъ, дольше многихъ своихъ сверстниковъ восхищался мечтательностью маркиза Позы. Много безсонныхъ ночей, полныхъ томительнаго душевнаго напряженія, провелъ онъ, зачитываясь Шиллеромъ. Его въ жаръ бросали отчаянныя слова о самомъ себѣ Донъ-Карлоса, когда, разочарованный въ достиженіи нравственнаго идеала, онъ говоритъ Позѣ:

...„Тотъ давно ужь схороненъ.
Прошли всѣ эти сны“...

— Ma créole! привѣтливо встрѣтила молоденькую гостью madame Хворостова, цѣлуя ее на порогѣ своей гостинной и любуясь ею, какъ всегда, самымъ искреннимъ образомъ.—Ravissante! обратилась она къ Оврагову, входившему въ залу съ учителемъ. И, взявъ Анюту подъ руку, съ самой любезной изъ своихъ улыбокъ, радушно протянула Оврагову руку, сказавъ:

— Annette ваша,—прелесть, Андрей Петровичъ.

— Захвàлите вы мнѣ ее, Варвара Ильинишна, смѣясь, отшучивался Овраговъ, пожимая руки хозяйки и ея дѣтей.—Она у меня и такъ фантазерка, пожалуй, нивѣсть что о себѣ возмечтаетъ.

Модестъ Гавриловичъ вдругъ разсмѣялся, подойдя къ Борису и пристально взглянувъ на него. Борисъ обидѣлся.

— Успокойся, братъ, сказалъ ему учитель.

Борисъ взглянулъ на него съ недоумѣніемъ человѣка, не понимающаго, чего отъ него хотятъ.

— Кого глазами ищешь? спросилъ учитель.

— Я никого не ищу, солгалъ Борисъ, краснѣя.

— Хитри, братъ. Молодость-то тѣмъ и хороша, что стеклянная, ее насквозь видишь.

Борисъ разсмѣялся и спросилъ съ возвратившеюся къ нему довѣрчивостью:

— Что-жъ вы во мнѣ видите?

— Неравнодушіе. Вѣдь такъ, братъ?

Борисъ только смѣялся, ничего не утверждая и не отрицая.

— Молодость, сказалъ тихо учитель, положа обѣ руки ему на плечи и задумчиво на него глядя,—никому не довѣряетъ своихъ первыхъ ощущеній и отъ друзей даже прячетъ свое чувство. Но не бойся, братъ! знаю: тебѣ теперь не до меня; я тебя не стану терзать своимъ присутствіемъ.

Учитель круто повернулся и ушелъ, дѣйствительно, къ удовольствію Бориса.

— Вы знаете, что я на балѣ была? начала молоденькая дѣвушка, усаживаясь съ своимъ обожателемъ нѣсколько по дѣтски.—Это мой первый балъ. Очень было весело... Сколько я танцовала!

— Знаю, сказалъ несовсѣмъ весело Борисъ, какъ-бы вспоминая нѣчто непріятное.

— Конечно, вы плохо спали передъ баломъ и послѣ бала? не то спросилъ онъ ее, не то утвердилъ.—Сны видѣли?

— Почему-же это? наивно удивилась она.—Что-же могла-бы я во снѣ увидѣть?

— Передъ баломъ—бѣлое ваше платье, послѣ бала — кавалера, съ которымъ вы больше танцовали...

— Спала я крѣпко и передъ баломъ и послѣ него, и ничего не видѣла, чистосердечно созналась дѣвушка. И вдругъ разсмѣялась; глаза ея заискрились.

— Что вамъ смѣшно? обидѣлся Борисъ, желавшій похвастать передъ дѣвушкой своими психическими началами и знаніемъ женскаго сердца, добытыми имъ изъ статей Бѣлинскаго, особенно изъ его извѣстной характеристики пушкинской Татьяны.

— Мнѣ смѣшна ваша психологія по Бѣлинскому, съ добавленіемъ философіи Модеста Гавриловича, сказала дѣвушка съ мягкимъ, немножко лукавымъ взглядомъ, приводя Бориса въ восторгъ даже тогда, когда онъ на нее сердился. Кокетство Анюты напоминало молодую кошечку, когда она только что вышла изъ котятъ и на ея проворной мягкой лапкѣ когти еще не окрѣпли. Ея смѣхъ заражалъ Бориса.—Вѣдь такъ, серьезный юноша?

— Думайте, какъ вамъ угодно, мнѣ это все равно, заставилъ себя солгать Борисъ, прикидываясь спокойнымъ и равнодушнымъ.

— Вотъ вы не спросите: какъ я была одѣта... Бѣлое газовое платье съ пунцовой широкой лентой; роза въ волосахъ и на груди... не правда-ли, скромно?

— Я не признаю скромности, если она разсчитанная,—рѣшительнымъ тономъ, не дозволяющимъ апеляціи, замѣтилъ молодой педантъ, въ душѣ котораго,—онъ самъ это чувствовалъ,—подымалось нехорошее желанье сказать Анютѣ что нибудь непріятное, огорчить ее.

— На что-же, по вашему, я разсчитывала своимъ скромнымъ бальнымъ платьемъ? весело спросила дѣвушка.

— Нравиться! вѣдь это такъ пріятно для молодой женщины...

— А для молодаго мужчины непріятно нравиться? съ лукавой улыбкой, заставившей Бориса сконфузиться, спросила Анюта.

— Я этого не сказалъ, могъ только проговорить пойманный на своихъ же словахъ ученикъ Бѣлинскаго и Модеста Гавриловича.

Послѣ обѣда, вокругъ стола въ гостинной, въ мягкомъ полусвѣтѣ большой бронзовой лампы подъ абажуромъ, уютно помѣстясь на диванѣ и въ креслахъ, овсянниковское общество, повидимому, было настроено къ интимной бесѣдѣ. Говорили больше Овраговъ съ учителемъ. Варвара Ильинишна въ очкахъ, съ серьезнымъ выраже-

ніемъ лица, что̀ у нея означало, что она слушаетъ, а не участвуетъ въ разговорѣ, вязала на деревянныхъ спицахъ гарусное одѣяло. Сашенька мѣтила носовой платокъ. Модестъ Гавриловичъ, наклонивъ лысую голову, сидѣлъ нѣсколько мрачный, скрестивъ на груди руки.

— Всѣ мои симпатіи въ деревнѣ, я не поклонникъ городской жизни, говорилъ Овраговъ, лѣниво выпуская легкій дымокъ благовонной сигары.—Деревенскому человѣку скучать некогда: работящая жизнь глядитъ ему въ глаза съ зари до зари... сколько въ ней содержанія! умѣй только всякій взять изъ нея свое, изъ деревенской жизни.

— Но молодость свою вы провели въ столицѣ, Андрей Петровичъ,—не безъ значенія замѣтила Оврагову хозяйка, нисколько не раздѣлявшая этихъ деревенскихъ вкусовъ.

— Это выходило совершенно противъ моей воли, объяснилъ Овраговъ:—какъ только я попалъ въ деревню, я сейчалъ-же понялъ, что я на своемъ мѣстѣ... Кабинетъ съ сухими отвлеченностями, гостинная съ безсмысленнымъ шарканьемъ—такою ложью показались они мнѣ въ сравненіи съ полемъ, съ лѣсомъ, со скотнымъ дворомъ... Трудно завраться деревенскому человѣку; то и дѣло толкаетъ его жизнь по своему... Естественное состояніе,—стало быть, разумное.

Вѣрная себѣ, Варвара Ильинишна, съ перваго своего знакомства съ Овраговымъ, дивилась: какъ это такой порядочный, образованный человѣкъ съ хорошими средствами не только прозябаетъ въ глуши, но и проповѣдуетъ всѣмъ эту глушь. Не мало краснорѣчія она израсходовала, пытаясь доказать своему богатому сосѣду, какъ онъ заблуждается въ деревенской прелести. Ничто не брало. Поэтому она, съ тактомъ умной женщины, признала себя въ этомъ пунктѣ разбитою и перестала возражать.

При всей вѣрѣ въ саму себя, какъ въ женщину образованную и пріятную въ „стѣтѣ“ (достоинство, признанное за нею губернскимъ обществомъ) Варвара Ильинишна почувствовала себя нѣсколько неловко въ своей гостиной послѣ перваго визита Оврагова. Подъ вліяніемъ его умной бесѣды и совершенно простаго обращенія, эта свѣтская барыня, имѣвшая слабость считать себя „une provinciale recherchée“, по бальзаковскому выраженію, поняла на старости лѣтъ, что въ ея гостиной можно обойтись безъ „causerie“, что на этой самой орѣховой козеткѣ съ хитро-изогнутой спинкой и кривыми ножками, у этого самаго круглаго стола подъ бархатной скатертью, съ кистями по угламъ, могутъ сидѣть истинно-порядочные люди, кото-

рымъ дѣла нѣтъ до этого гостиннаго пересыпанья изъ пустаго въ порожнее, которымъ оно просто смѣшно. Въ томъ избранномъ губернскомъ обществѣ, мнѣніемъ котораго она такъ дорожила, она еще не встрѣчала этого удачнаго соединенія въ человѣкѣ внѣшнихъ и нравственныхъ условій, слагавшихся въ какую-то хорошую силу. Признавъ въ Овраговѣ „джентльмена-петербуржца", преклонясь въ своемъ сознаніи передъ его „le sans gêne", выработавшемся не въ однихъ салонахъ, Варвара Ильинишна не безъ внутренней гордости считала его своимъ добрымъ знакомымъ. Вѣдь „скажи съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу тебѣ, кто ты". Десятилѣтнія пріятельскія отношенія вполнѣ выяснили для овсянниковской семьи благородный характеръ стараго джентльмена. Свѣтская внѣшность не обманула на его счетъ учителя. Онъ увидѣлъ разносторонне и серьезно образованнаго человѣка; кабинетныя занятія и ихъ вліяніе сказывались на серьезномъ складѣ его ума и богатствѣ знанія, повидимому, тщательно и скромно имъ скрываемаго. Овраговъ много видѣлъ, вдумывался, и—казалось дамамъ—много испыталъ въ жизни. Задушевность сообщала его бесѣдѣ особенную прелесть. Въ его видной, рослой, хотя уже нѣсколько отяжелѣвшей пятидесятилѣтней фигурѣ съ благородными движеніями проступало достоинство, что̀ дается сочетаніемъ хорошаго домашняго воспитанія съ образованіемъ и привычками лучшаго общества. Когда въ овсянниковской залѣ появлялся этотъ пожилой баринъ благообразной наружности, въ черномъ сюртукѣ, выказывавшемъ его сильное сложеніе, широкія плечи и высокую грудь, съ бѣлой гвардейской фуражкой въ рукѣ; когда онъ со смѣло поднятой, подъ гребенку остриженной головой, плавно шелъ въ гостиную, слегка шмурыгая носками врознь— Сашенька бывала ему ужасно рада. Она даже не скрывала этой радости ни отъ своихъ, ни отъ него. Онъ считалъ ее своей „пріятельницей" и почтительно цѣловалъ у ней руку, также какъ и у матери. Вотъ и въ этотъ вечеръ, Сашенька отрывается отъ своей работы, чтобы взглянуть мелькомъ на открытое, спокойное лицо Оврагова съ задумчивыми сѣрыми глазами. Слушая его умную рѣчь и тихій смѣхъ, Сашенька невольно забывала изрядную просѣдь въ его русыхъ вискахъ, слегка зачесанныхъ по военному впередъ и въ его небольшихъ русыхъ же усахъ съ закрученными кончиками.

— Что говорить: деревенщина, если сыта хочетъ быть, сторожи всѣ четыре времени года и понимай ихъ, люби, если отъ каждаго поживиться хочешь,—заговорилъ учитель.—Прозѣвалъ—искать негдѣ...

— Самостоятельность развивается въ деревнѣ, а безъ самостоятель-

ности нѣтъ человѣка. Мужикъ,—боецъ за свое существованіе,—борется круглый годъ со стихіями, хлѣбъ свой добываетъ у матушки-землицы, добавилъ Овраговъ,развивая свою основную мысль:—Мужикъ нашъ въ своемъ дѣлѣ великъ!.. куда-жъ намъ до него, куда до него гемороѣному чиновничеству... далеко!..

— Все это хорошо, Андрей Петровичъ, рѣшилась замѣтить хозяйка, оторвавшись на минуту отъ вязанья, чтобы поцѣловать подсѣвшую къ ней Анюту и полюбоваться на нее:—ну, вы любите деревню, мужика, это ваши вкусы... А что Annette скажетъ?

Овраговъ затянулся благовоннымъ сигарнымъ дымомъ, внимательно глянулъ на хозяйку и на Анюту, но не счелъ удобнымъ что нибудь сказать. Онъ какъ-бы вслушивался въ чужую рѣчь и сосредоточивался, ожидая, чѣмъ кончитъ хозяйка свою мысль. Она не заставила себя ждать и продолжала, снявъ съ носа очки:

— Свѣтъ, какъ хотите, господа, требуетъ отъ насъ уступокъ... Annette—взрослая дѣвушка, ей надо выѣзжать, вотъ и переѣдете на зиму въ городъ...

Овраговъ выслушалъ хозяйку со своей спокойной улыбкой, опустивъ глаза.

— На этомъ вопросѣ, именно о томъ, чѣмъ должна быть образованная дѣвушка и каково ея положеніе въ жизни—мы съ вами, милая сосѣдка, расходимся, сказалъ онъ.—Если изъ моей Анюты не можетъ выйти... какъ-бы это сказать... ну, нашей „барышни“, то-ли, то я желалъ-бы ее видѣть простой сарафанницей. Пусть ужь лучше птицу выкармливаетъ, молочнымъ скопомъ занимается, копны и замолотъ считаетъ. Таланты эти все-же полезнѣе никому ненужныхъ ошибокъ грамматическихъ, музыкальныхъ, рисовальныхъ и, часто, нравственныхъ.

Сашенька невольно разсмѣялась и замѣтила:

— Не повторяйтесь, Андрей Петровичъ, намъ извѣстна образованная барышня по вашей характеристикѣ: болтаетъ по французски, рисуетъ чернымъ карандашомъ евангелистовъ да мадоннъ, обязательно играетъ Les trois rêveries и Carnaval, Шульгофа, все — конечно—съ ошибками; выѣзжаетъ въ губернскій свѣтъ и очень любитъ декольтэ...

— Притомъ-же институтка, добавилъ Борисъ:—ты, Саша, это качество образованной дѣвицы забываешь, потому что сама не институтка.

— Будто я преувеличиваю? обратился Овраговъ къ учителю.

— Непремѣнно, серьезно сказалъ учитель.—Человѣкъ склоненъ

къ преувеличеніямъ чаще именно тамъ, гдѣ самонадѣянно убѣжденъ въ своемъ безпристрастіи; но есть, точно, барышни невозможныя; понятіе о долгѣ, о возможности простаго счастья безъ кареты и брилліантовъ—для нихъ пустыя фразы. Невозможныя-съ! заключилъ онъ со вздохомъ непритворнаго соболѣзнованія...

Овраговъ всталъ и съ минуту постоялъ въ раздумьѣ. Потомъ медленно вышелъ въ залу и сѣлъ за рояль. Здѣсь онъ опять задумался и тихо заигралъ. Играя, онъ имѣлъ привычку опускать голову и уставиться на клавиши. Изъ медленныхъ и тихихъ аккордовъ выходило ноктурно, задумчивое и задушевное. Сашенька, подъ руку съ Анютой, присѣла къ окну, за спиной музыканта. Она боялась помѣшать его вдохновенію, которымъ дорожила: не часто у него бывали такія минуты, не часто онъ игралъ, и никогда не игралъ, когда его просили. Сашенька знала это; зато, когда онъ садился къ роялю, она вознаграждалась за свое терпѣніе. Чуткая дѣвушка понимала, какъ ошибаются тѣ, кто проситъ любителя, дилетанта, сыграть или спѣть, когда ему не хочется ни играть, ни пѣть. Дилетантъ, какъ и артистъ по профессіи, безъ сомнѣнія, черпаютъ свои силы изъ одного и того же источника, изъ вдохновенія; ихъ средства выразить это вдохновеніе—тѣ же; но дилетантъ, вообще, скромнѣе въ отношеніи къ своему вдохновенію, идетъ только на его зовъ. Возможно-ли посягать на талантъ дилетанта во всякую минуту, какъ ни серьезенъ талантъ и какъ ни хочется намъ испытать на себѣ его силу? Андрей Петровичъ недовѣрчивъ къ себѣ, такъ размышляла Сашенька. Музыкальную силу она измѣряла силой производимаго впечатлѣнія. Она спѣла-бы эту самую родную пѣсню. Задушевно лились родные звуки, нѣжные, ласкающіе, любящіе и вдругъ смѣняющіеся тоской... Такъ ей понятна, близка эта стихающая и словно безслѣдно пропадающая въ раздольномъ полѣ, какъ жаворонокъ дрожащая, русская пѣсня: „Не кукушечка въ полѣ куковала“. Сашенька чувствовала слезы на глазахъ; чувствовала, какъ онѣ накипали тамъ. Она замѣтила, что минорныя пьесы, гдѣ говоритъ чувство прошлаго, потеряннаго, невозвратимаго выходили у Оврагова лучше. Его благородное лицо—казалось ей—выражало спокойствіе и какъ-бы безучастность къ своей музыкѣ; но она не вѣрила этому кажущемуся равнодушію, за нимъ она искала тѣхъ глубокихъ и прекрасныхъ движеній души, безъ которыхъ немыслима говорящая сердцу музыка. Вѣдь она слышитъ его душу:—это русская, хорошая душа... это скорбь тяжелаго жизненнаго гнета, что̀ изъ народнаго быта перешла въ народную пѣсню. Для Сашеньки

игра его была однимъ изъ тѣхъ полныхъ и не часто достающихся наслажденій, которыя не только не скоро забываются, но не забываются никогда. „Не кукушечка въ полѣ куковала“, убѣдительно, какъ человѣческимъ голосомъ, пѣли у него ноты—и замерли.

Андрей Петровичъ, не вставая, сыгралъ любимую свою „молитву Моисея“; Сашенька, крѣпко державшая Анюту за руку, рѣшилась подойти къ роялю. Ей не хотѣлось говорить въ эту минуту. Очарованіе музыки, какъ облакомъ, осѣнило ее и она боялась стряхнуть съ себя это очарованіе. Она слышала страданіе, неудовлетвореніе живаго духа,—все, что̀ есть глубокаго въ человѣкѣ.

Овраговъ всталъ и легкимъ движеніемъ головы, хорошо знакомымъ Анютѣ, напомнилъ ей, что пора имъ собираться ѣхать.

— Что̀ за ночь! замѣтилъ, вздохнувъ, Борисъ, обращая вниманіе Анюты на голубовато-серебристый мѣсячный свѣтъ въ окнахъ, смѣнившій румяное освѣщеніе янтарнаго зимняго заката. Наружныя стекла сверкаютъ тонкими морозными рисунками. Молодымъ людямъ понятно, что тамъ на дворѣ, за двойными рамами, и ночной воздухъ и бѣлоголовые сугробы скованы морозомъ, что въ этомъ морозномъ воздухѣ искры сверкаютъ; что тамъ хорошо, лучше чѣмъ въ гостиной съ ея духотой и серьезными разговорами.

— Анюта! тихонько напомнилъ дѣвушкѣ Овраговъ:—пора ѣхать, и взялся за шапку.

— Успѣете еще, замѣтила Сашенька, по праву пріятельницы отбирая у гостя шапку.

— А я съ вами хотѣла посовѣтоваться, сосѣдъ, насчетъ молотилки, передѣлать мнѣ ее надо, обратилась къ Оврагову хозяйка, бросившая въ гостинной свое вязанье.—Мнѣ вашу хвалили...

— Пока вы будете разсуждать о молотилкѣ, папа, мы по снѣгу побѣгаемъ,—шепнула Анюта Оврагову и выбѣжала въ переднюю, прежде чѣмъ онъ успѣлъ высказать свое согласіе или несогласіе на ея желанье.

Въ бархатной шубкѣ, съ куньимъ воротникомъ, въ куньей щегольской шапкѣ и съ куньей муфтой на рукахъ, дѣвушка показалась Борису еще лучше. Онъ помогъ ей надѣть мѣховые сапожки и, вслѣдъ за ней, выскочилъ на крыльцо. Оба остановились невольно, глотая холодный воздухъ. Тихая, морозная зимняя, ночь съ безчисленными хороводами блѣдныхъ, словно иззябшихъ звѣздъ, серьезно глянула имъ въ глаза, вся посеребренная холоднымъ сіяньемъ круглаго, блѣднаго мѣсяца. Бѣлые столбы дыма стоятъ надъ людскими. Голый садъ, съ бѣлыми деревьями, занесенъ бѣлыми сугро-

бами. Черная ель угрюма, какъ черная риза отца Луки на похоронахъ. Бѣлой равниной разлегся прудъ, блестя подъ мѣсяцемъ у обледенѣлыхъ прорубей и сливаясь со снѣжными берегами. Скрипитъ и визжитъ полозъ, хруститъ морозъ подъ копытами прозябшей Овраговской тройки. Чѣмъ дольше всматривались молодые люди въ подробности зимней природы, тѣмъ она больше трогала ихъ своею простотой и обнаженностью. Въ Борисѣ сочувствіе къ роднымъ видамъ не было безсознательно. Увидя горку съ ледяной дорожкой и брошенныя ледни, Анюта вскричала:

— Скатимся съ горки! Люблю, чтобы духъ захватывало!

Она схватила ледню за веревку и легко взобралась на горку. Прежде чѣмъ Борисъ успѣлъ втащиться туда-же съ свой ледней, кунья шапка и муфта дѣвушки мелькнули въ его глазахъ. Она стрѣлой слетѣла внизъ и, со смѣхомъ, упала въ снѣгъ.

— Подѣломъ вамъ! смѣялся Борисъ, ввѣряя себя скользкому и вертлявому, круглому экипажу, который подхватилъ его, прежде чѣмъ онъ успѣлъ не только кончить свою фразу, но и сѣсть, какъ должно. Вышла пресмѣшная сцена: Борисъ потерялъ равновѣсіе, перекувырнулся и слетѣлъ внизъ не на ледняхъ уже, а какъ пришлось, и для него несовсѣмъ удобно.

Веселый смѣхъ дѣвушки заставилъ его забыть боль и выскочить изъ сугроба, куда онъ угодилъ головой.

— Не смѣйся чужой бѣдѣ! отомстила она ему, помирая со смѣху, но все-же помогая ему отряхнуться отъ снѣга. — Ваше кувырканье доставило мнѣ большое удовольствіе!..

Насмѣшница просто потѣшалась надъ несчастьемъ своего молодаго друга; но замѣтя, что онъ сконфуженъ, она со свойственной ей мягкостью подала ему руку, говоря:

— Эта рука у меня озябла, Борисъ Алексѣевичъ, согрѣйте ее мнѣ.

Борисъ нагнулся и, на ходу, сталъ согрѣвать дорогую ему ручку своимъ дыханьемъ, поднося къ своимъ губамъ. Онъ совсѣмъ забылъ, что хотѣлъ предложить Анютѣ еще разъ скатиться, чтобы поправить свою неловкость передъ ней.

— И другая, вѣрно, озябла у васъ? спросилъ Борисъ съ видимымъ желаньемъ согрѣть и другую ручку дѣвушки.

— Нѣтъ, не озябла. Дѣвушка лукаво улыбнулась.—Вы вздумаете, пожалуй, что я вся озябла...

— Тогда я снялъ-бы съ себя шубку и васъ прикрылъ-бы...

— А пока этого не случилось, вернемся-ка: папа ждетъ...

тда съ нею одинаково хорошъ; онъ ни разу не измѣнилъ такту пожилаго, уважающаго себя человѣка... правда, она къ нему привыкла, его посѣщенія ей по душѣ, но онъ тутъ не причемъ... и она нисколько на него не разсчитываетъ; для нея онъ хорошій знакомый—не больше. Если подозрѣваютъ, что она можетъ питать къ нему тайное чувство, она знаетъ, что̀ ей дѣлать. Она не будетъ болѣе краснѣть отъ материнскихъ словъ; она возвратитъ себѣ душевное спокойствіе и не будетъ искать общества Оврагова, какъ оно ни пріятно ей. Но Селифонтьевъ?.. Нѣтъ, онъ ей противенъ...

Дѣвушка рѣшилась не думать объ Овраговѣ; но тутъ-же, вслѣдъ за этою благоразумною рѣшимостью, противъ своей воли, Сашенька вспомнила спокойную фигуру Андрея Петровича, его грустную улыбку, когда онъ, какъ-бы нехотя, коснется себя, своего прошлаго. Она захотѣла вдругъ объяснить себѣ равнодушное выраженіе, которое иногда подмѣчала въ его благородномъ лицѣ; пыталась въ его прошломъ найти объясненіе этого равнодушнаго выраженія, но прошлое Оврагова ей мало извѣстно. „Онъ любилъ, думаетъ Сашенька,—и былъ любимъ; иначе не могло быть“. Она рѣшила, что эта неизвѣстная, такъ живо интересовавшая ее женщина, была хороша собой, умна, любяща. Ей даже непріятна стала эта воображаемая очаровательная женщина,—мать Анюты. Краска ударила ей въ лицо, дѣвичья краска стыда, у которой, кромѣ темноты, нѣтъ свидѣтелей. Стыдно ей стало оттого, что она такъ упорно думаетъ о человѣкѣ, ей постороннемъ. „Ждетъ-ли онъ чего отъ жизни, или счеты съ нею у него покончены“? И отвѣтила себѣ: „покончены“.

Ее испугала вдругъ мысль о своемъ будущемъ, что̀ готовитъ ей судьба. Она не требуетъ себѣ счастья, жизнь иногда такъ тяжела! Хоть-бы этотъ Селифонтьевъ отсталъ... А Андрей Петровичъ съ этого дня для нея чужой... Она вспомнила ту самую улыбку, съ какою Овраговъ, бывало, выслушивалъ ея разсказъ о своемъ дѣтствѣ, и сама улыбнулась. — „Я безхарактерная, съ досадой сказала она себѣ:— даю волю воображенію и не держу своего слова“.

Подавленная тяжестью переживаемыхъ ощущеній, въ которыхъ не умѣла дать себѣ отчета, раздраженная противорѣчіями своего ума и сердца, Сашенька заплакала тѣми обильными сердечными слезами, что̀ даны молодости если не на утѣшеніе, то для облегченія несносной печали. Она молилась въ темнотѣ, неподвижная, бѣлая, какъ привидѣніе горняго духа, съ крѣпко-сжатыми на груди руками; молилась мысленно, не произнося молитвенныхъ словъ, молилась своимъ скорбнымъ сердцемъ.

Чего? не додумала попечительная мать и пошла къ Сашенькѣ въ комнату. Она рѣшилась вызвать ее на объясненіе, хотя щекотливое, но необходимое для счастья дочери. Сашенька въ постели, горничная отпущена; настала удобная минута для объясненія.

— Ты сегодня скучаешь, Alexandrine, съ выраженіемъ дружескаго упрека начала Варвара Ильинишна.—Подумаютъ, что ты влюблена.

Сашенька бросилась матери на шею и прижалась къ ней. Мать почувствовала на своей щекѣ горячую слезу и нетерпѣливымъ движеніемъ обнаружила желаніе узнать причину этихъ, непонятныхъ ей, дочернихъ слезъ.

— Мама! сказала Сашенька въ волненіи, потому что рѣшилась солгать матери еще первый разъ въ жизни: — у меня нѣтъ отъ васъ тайнъ, мнѣ не въ кого быть влюбленной.

— Очень рада, если такъ, милая моя дочка, ласково сказала мать, расположенная если не къ нѣжности, то къ миролюбію. — Я считаю тебя благоразумною дѣвушкой, химера останется химерой...

— Что это за химера, maman?..

— Я объ Андреѣ Петровичѣ говорю. Если ты о немъ думаешь серьезно—это смѣшно, потому что невозможно...

— Если я нахожу удовольствіе въ обществѣ образованнаго и хорошаго человѣка, это, надѣюсь, не обязываетъ его ни къ чему и не компрометируетъ меня, maman,—рѣшительно сказала Сашенька.

Но въ то же время, при имени Андрея Петровича, дѣвушка почувствовала, что измѣняется въ лицѣ: что-то сжимаетъ ей горло, подступаетъ къ сердцу и головѣ. Слова матери показались ей такой правдой, какъ-бы она заглянула ей въ душу.

Тѣмъ не менѣе, Сашенька не могла высказать матери наполнявшаго ее чувства, открыться ей, какъ лучшему другу; между ними— это теперь такъ живо почувствовала дочь — не было той тонкой связи, что̀ основана на взаимномъ довѣріи, воспитанномъ временемъ.

Послѣ ухода матери, Сашенька не могла заснуть. Она очутилась въ положеніи совершенно для нея новомъ: ее давила несносная тяжесть, слезы не облегчали ея тоски, сонъ отъ нея отлетѣлъ. Обдумывая слова матери насчетъ Андрея Петровича, она убѣдилась, что мать права. Да, ей, скромной дѣвушкѣ, неприлично ставить себя въ какое-то неопредѣленное положеніе, подающее поводъ къ такимъ выводамъ. Она ему не пара, ни по лѣтамъ, ни по достоинству. Онъ *ее не об*манываетъ, между ними ничего не было и нѣтъ. Онъ все-

гда съ нею одинаково хорошъ; онъ ни разу не измѣнилъ такту пожилаго, уважающаго себя человѣка... правда, она къ нему привыкла, его посѣщенія ей по душѣ, но онъ тутъ не причемъ... и она нисколько на него не разсчитываетъ; для нея онъ хорошій знакомый—не больше. Если подозрѣваютъ, что она можетъ питать къ нему тайное чувство, она знаетъ, что̀ ей дѣлать. Она не будетъ болѣе краснѣть отъ материнскихъ словъ; она возвратитъ себѣ душевное спокойствіе и не будетъ искать общества Оврагова, какъ оно ни пріятно ей. Но Селифонтьевъ?.. Нѣтъ, онъ ей противенъ...

Дѣвушка рѣшилась не думать объ Овраговѣ; но тутъ-же, вслѣдъ за этою благоразумною рѣшимостью, противъ своей воли, Сашенька вспомнила спокойную фигуру Андрея Петровича, его грустную улыбку, когда онъ, какъ-бы нехотя, коснется себя, своего прошлаго. Она захотѣла вдругъ объяснить себѣ равнодушное выраженіе, которое иногда подмѣчала въ его благородномъ лицѣ; пыталась въ его прошломъ найти объясненіе этого равнодушнаго выраженія, но прошлое Оврагова ей мало извѣстно. „Онъ любилъ, думаетъ Сашенька,—и былъ любимъ; иначе не могло быть“. Она рѣшила, что эта неизвѣстная, такъ живо интересовавшая ее женщина, была хороша собой, умна, любяща. Ей даже непріятна стала эта воображаемая очаровательная женщина,—мать Анюты. Краска ударила ей въ лицо, дѣвичья краска стыда, у которой, кромѣ темноты, нѣтъ свидѣтелей. Стыдно ей стало оттого, что она такъ упорно думаетъ о человѣкѣ, ей постороннемъ. „Ждетъ-ли онъ чего отъ жизни, или счеты съ нею у него покончены“? И отвѣтила себѣ: „покончены“.

Ее испугала вдругъ мысль о своемъ будущемъ, что̀ готовитъ ей судьба. Она не требуетъ себѣ счастья, жизнь иногда такъ тяжела! Хоть-бы этотъ Селифонтьевъ отсталъ... А Андрей Петровичъ съ этого дня для нея чужой... Она вспомнила ту самую улыбку, съ какою Овраговъ, бывало, выслушивалъ ея разсказъ о своемъ дѣтствѣ, и сама улыбнулась. — „Я безхарактерная, съ досадой сказала она себѣ:— даю волю воображенію и не держу своего слова“.

Подавленная тяжестью переживаемыхъ ощущеній, въ которыхъ не умѣла дать себѣ отчета, раздраженная противорѣчіями своего ума и сердца, Сашенька заплакала тѣми обильными сердечными слезами, что̀ даны молодости если не на утѣшеніе, то для облегченія несносной печали. Она молилась въ темнотѣ, неподвижная, бѣлая, какъ привидѣніе горняго духа, съ крѣпко-сжатыми на груди руками; молилась мысленно, не произнося молитвенныхъ словъ, молилась своимъ скорбнымъ сердцемъ.

Въ ту же ночь, въ „пристройкѣ“ овсянниковскаго дома, учитель Модестъ Гавриловичъ напрасно заставлялъ себя заснуть. Сколько онъ ни ворочался съ боку на бокъ—спать не могъ. Не случалось съ нимъ этого прежде. «Вотъ нѣмецъ на этотъ счетъ хорошъ, по Гуфеланду живетъ. Велитъ ему Гуфеландъ воду пить, когда ему не хочется—пьетъ, велитъ ему заснуть—въ ту-жъ минуту, какъ легъ—спитъ... Нѣтъ, слуга покорный, я не гожусь въ нѣмцы».

Скверно, тоска! Онъ, этотъ «серьезный»,—какъ считали его всѣ въ домѣ,—учитель вдругъ лишился самообладанья, что̀ составляло и должно составлять его характеръ, его силу! Онъ такъ боялся всегда разлада своей дѣйствительности съ идеей, выработанной имъ и положенной въ основаніе своей жизни; онъ такъ строго оберегалъ свой внутренній міръ отъ всякаго безпорядка, отъ вторженія въ него невозможныхъ, хотя-бы и соблазнительныхъ желаній. Ему-ли, нищему, чернорабочему, обманывать себя призраками? Для него-ли, скитальца по чужимъ домамъ, поэтическая сторона жизни? Вѣдь давно ужь, мирно и однообразно, идутъ своей чередой его трезвые рабочіе дни; за годами годы идутъ, одинъ какъ другой... прочь-же призраки!

Модестъ Гавриловичъ находился въ порѣ жизни, когда она «остываетъ». Для него, точно, давно уже тянулись года̀ съ строго-опредѣленнымъ характеромъ, «разумные», какъ нынче говорятъ. Онъ давно отвыкъ называть непріятностью какое-нибудь простое, неизбѣжное житейское обстоятельство, рѣдко терялся, никогда не падалъ духомъ, не умѣлъ на себя напускать хандру; внутри у него все словно установилось да и кругомъ него все, будто, въ надлежащемъ порядкѣ; между нимъ и тѣмъ, что̀ внѣ его, установились какія-то правильныя отношенія. Онъ знаетъ, что настоящая, невыдуманная жизнь тронула его и сказала: «ты мой»! Жизнь подвинтила его характеръ, гдѣ слѣдуетъ, по своему. Разсудокъ его не путается больше въ отвлеченіяхъ. Онъ, не безъ гордости, повторялъ философское опредѣленіе: «Достигъ чувства самостоятельности и автономіи и вышелъ изъ состоянія естественной и нравственной несвободы». И вдругъ такой человѣкъ, которому притомъ за сорокъ лѣтъ, убѣждается, что любитъ, любитъ первый разъ въ жизни, любитъ безнадежно и безцѣльно, любитъ Сашеньку, которая, конечно, не знаетъ объ этомъ глупомъ его чувствѣ и знать не будетъ!

— Ужасно! прошепталъ учитель, долгимъ размышленіемъ въ постели *убѣдясь*, что не обманывается; что это ему не кажется, что

онъ Сашеньку любитъ и, къ несчастью, слишкомъ это чувствуетъ. «Къ несчастью»? переспросилъ онъ себя: «Почему-же для *него*, только для *него* можетъ быть несчастьемъ лучшее человѣческое чувство,—то, что̀ люди считаютъ своимъ счастьемъ? Съ нею онъ принималъ-бы всякій ударъ судьбы, какъ наставленіе; его смиряло-бы и укрѣпляло сознаніе, что Сашенька—его... Солнечный лучъ слѣпитъ глаза, привыкшіе къ темнотѣ. Одна только мысль о счастіи съ Сашенькой поднимала уже со дна души учителя горечь, накопившуюся съ самыхъ раннихъ его лѣтъ. Мрачныя тѣни прошлаго, его дѣтство, его жалкая, забитая, голодная дѣтская фигура встала передъ нимъ и властно позвала его за собою... Увидѣлъ онъ бѣдную попадью-вдову, свою мать, увидѣлъ ея завалившуюся избу, ея побирушничество ради дѣтей малъ-мала меньше... Жаль, себя, и семью жалко... Нищета затираетъ ихъ. Но у Модеста Пѣвцова хватило силы—попасть въ семинарію. Сколько труда и лишеній! голодъ, истязанія, холодный ночлегъ на голомъ полу—все онъ прошелъ. Упорно и твердо пробивается Модестъ Пѣвцовъ въ университетъ. Безсонныя ночи, кондиціи чуть не до чахотки, „яркіе дни“, отравленные непосильнымъ трудомъ. И къ чему? Чтобы потерять то, чѣмъ наслаждаются другіе, и не достигнуть того, что̀ другіе своимъ называютъ. Натура-то здоровая задалась: какъ ее ни коверкала жизнь—ничего съ ней не подѣлала. Какъ волъ работалъ онъ, не пропускалъ лекцій, безотвѣтенъ былъ; тѣмъ не менѣе, изъ третьяго курса Модеста Пѣвцова исключили: плату за слушанье лекцій не внесъ. Онъ пошелъ въ домашніе учителя, долго странствовалъ по Малороссіи въ качествѣ ментора и имѣлъ пребезтолковыхъ Телемаковъ. На своей собственной исковерканной молодости онъ испыталъ, что̀ значатъ своевременная помощь и участіе, какъ трудно идти одиноко, когда идти хочется, а не знаешь куда, и мечешься, безсмысленно растрачивая силы и время. А потому не диво, что питомецъ Борисъ былъ для Пѣвцова какъ-бы самъ онъ; что въ воспитанникѣ онъ лелеялъ какъ-бы свою собственную молодость. Тотъ сбережетъ чужую молодость, кому жаль своей невозвратно-погибшей юности! Много пришлось поработать надъ собою Пѣвцову въ помѣщичьихъ домахъ. Иногда ему казалась невыносимою барская жизнь, лѣнивая, распущенная, часто безъ нравственныхъ идеаловъ; возмущало его это огульное удовлетвореніе личнаго эгоизма, суетности и животныхъ инстинктовъ, возводимое формально на степень „правилъ“. Но и тутъ онъ умѣлъ останавливаться на свѣтлыхъ сторонахъ осуждаемаго имъ быта, и мирился съ нимъ. Въ этомъ слу-

чаѣ, ему много содѣйствовала его искренняя религіозность. Христіанская идея, выше которой онъ ничего не зналъ, сводила его, годъ отъ году, къ ученію всепрощенія. „Спица въ глазахъ ближняго, а въ своихъ бревно“, повторялъ онъ себѣ, какъ только, бывало, подымалось въ немъ осужденіе чего либо. „Не хуже-ли другихъ самъ-то я“?

— Сашенька! раздумывалъ въ эту ночь учитель,—прости мнѣ! Мнѣ-ли старику, нищему, мечтать о тебѣ, то-есть мечтать о счастьѣ, о любви, о раздѣленномъ чувствѣ? Чувство—это роскошь жизни, ея цвѣты!.. прочь съ дороги этого чистаго, прекраснаго существа! Провожу ее съ пожеланіемъ добраго мужа и постараюсь заснуть... Моя пѣсенка спѣта... Замри, сердце, для себя! для другихъ только бейся!..

VIII.

На другой день Сашенька, въ дѣвичьей, внимательно выслушивала молодую бабенку, пришедшую къ ней за лѣкарствомъ: „Мальчонка-де больно хворъ, груди не беретъ“.

Баба Ѳеклуша, молочная сестра Сашеньки и ея любимица, горько плакала, одною рукою утирая слезы, другою придерживая завернутаго въ ея толстый синій зипунъ больнаго ребенка. Его крошечная головка въ ваточной шапочкѣ неподвижно лежала у молодой материнской груди, а крошечное, болѣзненно сморщенное личико поразило добрую Сашеньку своимъ мертвеннымъ видомъ. Она насилу удержалась отъ слезъ; такъ ей жалко было видѣть страданье крошки и горесть за него матери. Ребенокъ былъ у нея первый, такъ какъ замужемъ она всего другой годъ. Сашенька его крестила.

— Помретъ, должно, барышня,—убивалась Ѳеклуша, за слезами не видя никого, кромѣ ребенка, и неловко помогая Сашенькѣ вынуть его изъ своего зипуна. Онъ былъ обернутъ въ ваточное ситцевое одѣяльце и на немъ была еще кофта изъ стараго шерстянаго платья,—все рукодѣлье крестной матери. Ребенокъ, когда его освободили изъ одѣяла, съ болѣзненнымъ, дрожащимъ крикомъ и слезами, наполнившими вдругъ его маленькіе, тусклые отъ болѣзни глазенки, вытянулъ свои блѣдныя, какъ-бы восковыя ручки, ловя ими по воздуху, въ то время какъ его маленькія, тоже блѣдныя ножки то вытягивались, то судорожно прижимались къ колотившемуся маленькому животику.

— У него животикъ болитъ, поспѣшила замѣтить внимательно наблюдавшая за нимъ Сашенька.--Что онъ марается? спросила она Ѳеклушу.

— Другой день не марается, барышня. Вотъ она, простынька, чистенькая.

Сашенька задумалась, бережно прикрывая больнаго ребенка одѣяльцемъ, и, поцѣловавъ его въ блѣдный лобикъ, съ минуту любовалась имъ. Точно, это былъ славно сложенный мальчикъ съ бѣлымъ, полненькимъ, выкормленнымъ тѣльцемъ.

— Зачѣмъ ты его по холоду несла, Ѳеклуша? упрекнула Сашенька молодую мать, передавая ей ребенка. — Сколько разъ я тебя за это бранила. Пришла бы за мной...

— Посовѣстилась, признаться, барышня. Дѣло ваше господское, а у насъ въ избахъ черно. И на дворѣ нынче ничего—тепло.

Сашенька нагнулась къ больному ребенку и улыбнулась ему. Но онъ какъ бы не узналъ ея теперь и серьезничалъ.

— Ему полгода, вѣдь? спросила она мать, хотя хорошо сама это знала.—Ну, не отворачивайся, Митя, отъ крестной мамы, не гримасничай, пузырь... Слышишь?...

Но больной ребенокъ опять заплакалъ, какъ обиженный, задвигалъ ручками и ножками, и на крошечномъ, хорошенькомъ личикѣ его выразилось то самое страданіе, что̀ слышалось въ его дрожавшемъ голосенкѣ. Ѳеклуша опять заплакала и, качая его, сказала:

— Даже васъ, барышня, не узнаетъ, нашто, бывало, любилъ!... Помретъ, должно.

Сашенька строго на нее взглянула и вышла къ себѣ, за лѣкарствомъ.

Она скоро вернулась съ гуфеландовымъ порошкомъ и бобковой мазью. Порошку, сколько надо, дала больному съ материнскимъ молокомъ, насыпавъ на сосокъ груди съ ловкостью, обличавшею въ ней близкое знакомство съ дѣтскими болѣзнями. Она ужасно любила дѣтей. Потомъ, не смотря на отчаянный крикъ и плачъ ребенка, со всѣмъ усердіемъ вытерла его бобковой мазью, приказавъ матери слегка придержать его ручки и ножки, отчаянно болтавшіяся. Послѣ всего этого Сашенька, съ тихой молитвой про себя, перекрестила больнаго ребенка. Измученный, обезсиленный страданьемъ и движеньемъ, онъ не замедлилъ смолкнуть, припавъ къ материнской груди.

— Заснулъ, прошептала, нагибаясь къ нему, Сашенька.—Сохрани его, Христосъ, крошку.

— Заснулъ, шопотомъ повторила мать, бережно прикрывая одѣяльцемъ ребенка.—Идти надо, барышня. Благодаримъ за неоставленье ваше.

— Какъ можно! Сашенька неодобрительно качнула головой.— Ступай за мною, Ѳеклуша.

Она отвела Ѳеклушу къ себѣ въ комнату, гдѣ покойно уложила ребенка въ большомъ креслѣ, у печки, и сказала бабенкѣ:

— Переночуешь здѣсь. Ребенка вытерли, нельзя по холоду нести: долго-ли простудить.

— Неравно плакать будетъ, барышня, спать вамъ не дастъ ночью? опасливо говорила Ѳеклуша, цѣлуя Сашенькину руку.

— Дверь мою затворимъ, въ домѣ ничего не услышатъ отсюда... А Митьку я ни за что отъ себя нынче не отпущу. Я измучусь, не зная, лучше-ли ему?.. я ночь не спала бы... Нѣтъ, нѣтъ! останься! Пообѣдай въ людской. Впрочемъ, принесутъ тебѣ.

Ѳеклуша опять стала ловить барышнины руки, которыя та ей не давала.

— Сиди же, Ѳеклуша, съ ребенкомъ и примѣчай, не будетъ-ли у него въ желудочкѣ вѣтровъ.

Наставляя бабенку, Сашенька одѣвалась въ свою старенькую заячью шубку, крытую русскимъ атласомъ, съ котиковымъ воротникомъ. Она не любила капора и обвязала просто голову теплымъ сѣрымъ платкомъ; захватила съ собой нужныя лѣкарства и лѣчебникъ, съ которымъ всегда совѣтовалась въ затруднительныхъ случаяхъ своей врачебной практики, и перекрестила спящаго ребенка.

— Пусть его спитъ, сказала она:— Я къ Талагаю на село пойду; невѣстка его прибѣгала, сказывала: вишь, лицо поморозилъ и руку.

— И то поморозилъ, барышня, аль ни ужасно!

Сашенька вышла, мягко ступая по полу въ ярославскихъ валенкахъ.

Погода стояла „мягкая“. Бѣлѣли деревья, обвѣшанныя сѣдымъ инеемъ. Какъ изъ бѣлой кости выточенный, стоялъ бурьянъ. Воробьи весело чиликали, прискакивая по гладко убитой деревенской улицѣ, со слѣдами натрушенной соломы.

Хриплый голосъ: „Миръ тебѣ, дщерь Сіона!“ несшійся съ снѣжнаго выгона, заставилъ Сашеньку вздрогнуть и обернуться. Сбоку ея, отъ «поповской» усадьбы, двигалась странная фигура въ высокой, отъ времени вытертой пуховой шляпѣ съ широкими полями, какія встрѣчаются только у старыхъ деревенскихъ священниковъ. Эта жалкая шляпа сползла на затылокъ, открывая большую нечесанную, посѣдѣвшую голову. Войлокомъ сбившіяся косицы падали на нанковый, видавшій виды, сѣрый подрясникъ, подпоясанный широкимъ поясомъ, вышитымъ цвѣтнымъ гарусомъ. Поясъ хорошо былъ знакомъ Сашень-

кѣ: она вышила его, еще дѣвочкой, подъ надзоромъ матери, принесшей его въ даръ приходскому священнику, отцу Лукѣ.

— Господи! со страхомъ думала Сашенька, косясь на отца Луку, но дѣлая видъ, что его не примѣчаетъ:—Что за глубокое нравственное паденіе! Это пастырь духовной паствы, это духовникъ, отъ кого у насъ не должно быть тайны!—Она съ душевною болью вспомнила, какимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ встрѣчала его, бывало, ребенкомъ; какъ трепетно прижималась къ нему въ церкви съ поникшею головой и слезами на глазахъ, для того чтобы исповѣдать ему свои грѣхи и получить отъ него, именемъ Спасителя, прощенье въ грѣхахъ вольныхъ и невольныхъ. У чернаго аналоя съ бѣлымъ крестомъ, въ черной эпитрахили сверхъ черной рясы, среди облака кадильнаго дыма и благовоній ладона и стираксы, неуклюжая фигура отца Луки представлялась ея чистому, высоко-настроенному дѣтскому воображенію во всей недоступности святителя, удостоившагося представлять собою въ церкви святость самого Спасителя міра! И вотъ до чего дошелъ ея духовникъ, ея законоучитель, священникъ, окрестившій ее въ купели. Она, его духовная дочь, боится, что онъ къ ней подойдетъ, заговоритъ съ ней. Она готова назадъ вернуться, но ужь поздно: передъ ней широкая, опухлая съ перепоя, малиновая рожа, заросшая всклокоченною, когда то рыжею, а теперь посѣдѣвшею бородой. Отъ него несло сивухой.

— Гряду и зрю: юницы лѣпоту прельщающу! хрипло возгласилъ священникъ, выставивъ впередъ лѣвую руку съ палкой. Потомъ, какъ бы опомнясь, какъ бы подъ вліяніемъ вдругъ сознаннаго долга, онъ вдругъ принялъ на себя серьезный видъ и, по привычкѣ сложивъ грязные пальцы правой руки, благословилъ смущенную дѣвушку, пробормотавъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь»!

Сашенька, не глядя на него, молча ему поклонилась и рѣшилась продолжать свой путь.

— Буди здрава, юница добра! напутствовалъ ее хриплый голосъ священника:—не осуди мя, недостойнаго мытаря! Камо гряду?

Сашенька прибавила шагу, конечно, не оглядываясь. Стыдно ей было за этого стараго пьяницу и жалокъ онъ ей былъ. Боже! въ какомъ истерзанномъ видѣ, въ грязи, въ пуху! вспоминала она его фигуру:—Локти прорваны, валенки сбитыя! Она вспомнила, какъ вмѣстѣ съ матерью, подбирала подъ тѣнь гарусъ для его пояса, какіе вышли яркіе букеты по черному полю и какъ тогда нравилась ей оконченная работа. Теперь это былъ уже не поясъ, а тряпка.

На встрѣчу Сашенькѣ попался мужикъ, который велъ въ поводу

лошадей съ пруда, съ черпакомъ на плечѣ. Снявъ шапку, онъ поклонился барышнѣ. Онъ,—видно было,—смѣялся во слѣдъ «попу».

— Куда это идетъ отецъ Лука? спросила его Сашенька, хотя знала сама: куда.

— Все туда-жъ, барышня; мужикъ весело засмѣялся, оскаливъ бѣлые зубы:—мѣстушко ему одно и дорожка одна, къ цѣловальнику. Поспѣшаетъ—не опоздалъ бы, не допили-бъ безъ него.

— Всякій день?

— Онъ у насъ на это акуратенъ, не пропуститъ. Житье, барышня, попамъ! продолжалъ высказывать словоохотливый малый, остановясь съ лошадьми. Это, въ завтраки, покойника схоронилъ,—штофъ съ дьякономъ кончилъ. Дьячку не даютъ, даже обижается на нихъ дьячокъ, благочинному жалиться хочетъ; а вотъ въ обѣды къ цѣловальнику побѣжалъ. Видали мы поповъ, а нашъ безъ числа жаденъ, завистенъ на водку вотъ какъ! добавилъ пожилой мужикъ, на прощанье съ барышней. Ихній родъ такой споконъ вѣка, пояснилъ онъ свои слова:—облопаться готовы.

Сашенька подходила къ длинному порядку мужичьихъ дворовъ, не переставая думать объ отцѣ Лукѣ. Она все доискивалась причины его паденія. Откуда у него это пьянство? Не отъ бѣдности-ли? Или, наоборотъ, не пьянство-ли причина его бѣдности? Несомнѣнно только, что отецъ Лука пребывалъ и въ бѣдности и во хмѣлю. Приходъ маленькій, доходы малые, а садился обѣдать отецъ Лука самъ—шестъ. Когда въ немъ еще жили лучшіе помыслы и чувства, онъ, конечно, боролся; а тамъ, съ лѣтами, палъ духомъ, возропталъ, предался пагубной слабости, усталъ бороться. „До конца въ упадокъ пришелъ отецъ Лука“, неодобрительно выражался о немъ отецъ благочинный. Страхъ остаться безъ прихода, то есть безъ хлѣба, только и удерживалъ его, заставлялъ отправлять службу въ приходской церкви Николая Чудотворца и исполнять приходскія требы. Иная, духовная, связь не связывала его съ приходомъ и церковью. „Семья ѣсть хочетъ, цѣловальникъ безъ денегъ водки не дастъ“, соображалъ отецъ Лука. Разумѣется, съ такимъ главой поповскій домъ рушился бы и семья распалась, еслибы не матушка попадья. Попадья, Аграфена Прохоровна, оказалась бабой толковой и къ хозяйству „упадливой“. Убѣдясь въ негодности мужа на дѣло и въ его неисправности, попадья перестала бить его чѣмъ попало и не жаловалась на него болѣе преосвященному, ссылавшему его даже, «за блудную жизнь», въ отдаленный монастырь епархіи на смиреніе, по просту, на кирпичную работу. Она предоставила его самому

себѣ, то есть водкѣ. Наблюденіе свое надъ нимъ попадья ограничила нѣкоторымъ полицейскимъ надзоромъ, дабы не пропалъ гдѣ нибудь въ болотѣ, не замерзъ бы въ мятель, да еще чтобы службу свою по церковному чину правилъ. Вслѣдствіе этого, доводилось ей отрезвлять «своего попа» колодезной водой, скрывая его отъ любопытныхъ глазъ. Но даже для домовитой попадьи тяжело было вести хозяйство. Работника или работницу она не держала; «сами-де не велики господа, самимъ бы прокормиться», на посѣвъ сама ѣздила, на возу съ сѣмянами; сама съ дочерьми вязала въ полѣ, молотила на току. Но земли «поповской» не раздавала въ наемъ,—сама ее урабатывала, поэтому могла скотинку держать, лошадь, птицу. У нихъ было два сына и двѣ дочери: „по парѣ чистой и по парѣ нечистой", какъ говорилъ отецъ Лука. Впрочемъ, младшій не выдержалъ семинарскихъ трудовъ и умеръ чахоткой; старшій же не кончилъ ученья, завертѣлся гдѣ-то и для семьи пропалъ: ни слуха, ни духа. Сашенька принимала горячее участье въ судьбѣ попадьи и ея дочерей. Она хотѣла зайти къ попадьѣ на возвратномъ пути отъ обмороженнаго Талагая, чтобы узнать: ладится-ли дѣло поповской дочери Гаши, былъ-ли женихъ и на чемъ покончили?

Злой лай рябой, косматой собаки, подскочившей къ Сашенькѣ, напомнилъ ей, что она «на дворахъ».

— Цыцъ! сволочь! проваливаясь въ снѣгу, бѣжалъ къ барышнѣ на помощь краснощекій малый лѣтъ шестнадцати, босой и безъ шапки, въ рубахѣ и портахъ, какъ стоялъ въ сѣняхъ:—я те, клятая! Цыцъ!—и почесался подъ мышками.

— Сюда, барышня, за мной! Онъ отогналъ отъ Сашеньки косматую собаку и, застѣнчиво улыбаясь, пріятельски ей поклонился.—За мной изволь: тутотка твердо—во! Онъ впередъ пошелъ.

— Босой! простудишься, Сеня! замѣтила ему Сашенька.

— Вотта! намъ это не впервой, барышня, пустяки!

Краснощекій Сеня довелъ барышню до Талагаевой избы, старенькой, по самыя окна обваленной навозомъ, засыпаннымъ снѣгомъ. Въ сѣняхъ Сашенькѣ повстрѣчался сѣденькій, невзрачный мужичонка въ треухѣ, босой, въ старомъ полушубкѣ, наброшенномъ на плеча, съ очень вздувшеюся щекой, обмотанной полинялымъ бабьимъ платкомъ. Правый глазъ запухъ и едва виднѣлся, словно пчела ужалила. Онъ шелъ съ надворья въ избу съ короткими навозными вилками въ рукѣ, тоже вздувшейся подушкою и красной, какъ сукно. Отъ него, особенно отъ короткихъ вилокъ, сильно пахло свѣжимъ навозомъ. За нимъ, слѣдомъ, сѣменилъ босыми грязными но-

жонками бѣлоголовый мальчуганъ въ замазанной рубашонкѣ, съ мѣднымъ крестикомъ на груди. Сашенька никакъ не ожидала увидѣть Талагая на дворѣ, она даже испугалась за него и сказала, отвѣтивъ на его поклонъ:

— Ты напрасно студишься, старикъ:—босой, раздѣтый, не хорошо это!.. Въ избѣ надо...

Талагай суетливо бросилъ въ уголъ свои навозныя вилки и еще суетливѣе сталъ надѣвать въ рукава старенькій полушубокъ. Бѣлоголовый ребенокъ робко жался къ дѣду, разсматривая барышню съ серьезнымъ вниманіемъ и съ такимъ выраженьемъ нахмуреннаго лба и вытаращенныхъ глазъ, что она невольно засмѣялась. Мальчикъ заплакалъ и опрометью бросился за дѣда: спрятаться хотѣлъ.

— Ну, чего ты, Ѳедька, чего? успокоивалъ его дѣдъ, погладивъ плачущаго внука по бѣлобрысой головѣ своей обмороженной рукой:—Барышни Ликсандры Ликсѣвны испужался? Ты этой барышни не бойся, это наша барышня.—Дичокъ-съ, какъ бы извинился онъ передъ барышней за глупаго внука... Въ избу пожалуйте... Онъ торопливо, съ болѣзненнымъ усиліемъ, отворилъ дверь позноблеными руками:—пожалуй, матушка, милости просимъ.

Старый Талагай низко ей поклонился; она вошла въ избу.

Сашенька привыкла къ удушливому избяному запаху, къ этой невыносимой смѣшанной вони овчины, кислой капусты, горячаго ржанаго хлѣба и спертаго жилаго воздуха; но, разумѣется, съ трудомъ его выносила. Она въ немъ просто задыхалась. Привыкла она къ бѣдности и къ грязному безпорядку мужичьихъ избъ; тѣмъ не менѣе, нищета дѣйствовала на нее, какъ и на Бориса, тяжело; ложилась ей на душу какимъ-то упрекомъ. Въ избѣ было тихо и пусто. Только веретено проворно жужжало въ красныхъ пальцахъ толстухи бабы, то и дѣло смачивавшей ихъ на толстыхъ губахъ. Глядя на кудель, начесанную на деревянный гребень, она вытягивала нитку, такъ что веретено плясало въ рукѣ, отнесенной чуть не къ печкѣ. Она поднялась при входѣ барышни, положила гребень на донце и съ веретеномъ въ рукахъ, тяжело опутаннымъ цѣлымъ клубкомъ нитокъ, неловко поклонилась Сашенькѣ, причемъ всколыхнулись подъ рубашкой ея высокія, чуть не подпиравшія подбородокъ, груди.

— Не пускай старика изъ избы раздѣтаго, Параня, обратилась къ бабѣ Сашенька.—Боже сохрани, застудитъ опухоль—бѣда!

— Только вотъ закутку, признаться, почистилъ, счелъ нужнымъ оправдаться Талагай, жалостливо поглядывая на свои красныя руки.—Я тоже съ опаской, барышня милая.

Сашенька только безнадежно качнула головой и, осторожно взявъ его омбороженныя руки, внимательно осмотрѣла ихъ у маленькаго окна.

— Краснѣютъ, замѣтила она,—стало опухоль опадаетъ. Ты что съ ними дѣлалъ, старикъ?

— А ничего, барышня. Признаться, каломъ обкладывалъ. Перемерзъ это я—вьюга въ лѣсу захватила—не чаялъ живу быть. Прибился ко двору, сняли меня съ саней, всего какъ есть сломало: не разогнусь. Кабы не водка, барышня милая, пропалъ бы совсѣмъ. Спасибо, баба за полштофомъ сбѣгала.

— Совсѣмъ было застылъ, тячка, пояснила толстуха, жалостливо подперши щоки мясистой рукой.—Тамъ страсть въ полѣ была!

Сашенька осторожно развязала платокъ, обвязывавшій старикову голову, оглядѣла и пощупала обмороженную щеку.

— Мокнетъ! замѣтила она:—сало гусиное у васъ есть? спросила она толстомясую бабу.

— Откуда у насъ, матушка, гусиное сало? И свинаго нѣтъ... Круглый годъ намъ постъ.

— Ну, я принесла. Вотъ, въ баночкѣ. Сашенька отдала старикової невѣсткѣ помадную банку, завязанную бумажкой.—Намажь, Параня, чистенькую тряпочку саломъ и приложи къ больной щекѣ... И къ рукамъ тоже привяжи. Вотъ тебѣ старый носовой платокъ на тряпочки. Когда ранки пойдутъ—осторожно промывай ихъ холодной водой... Холодной, слышишь. Ты, старикъ, больше на холодѣ будь, пока у тебя ранки заживутъ. Въ жаркой избѣ съ ними нехорошо. Только опять же не босой, не раздѣтый, не на вѣтру. Ранки надо очень закрывать, чтобъ не простудить, а то какъ разъ антоновъ огонь и смерть...

Талагай молча слушалъ наставленія барышни, глядя въ земляной полъ. Съ мороза черное лицо его, облупившійся носъ, красная вздувшаяся щека и красныя опухшія руки не то отталкивали отъ себя своимъ непріятнымъ, почти страшнымъ видомъ, не то вызывали состраданье. Сашенька душою, не глазами, относилась къ людскимъ болѣзнямъ, и ей жалко было бѣднаго старика. Она дала бѣлоголовому ребенку пряникъ и тѣмъ положила начало болѣе пріязненнымъ отношеніямъ его къ себѣ. Затѣмъ, пожелавъ Талагаю скорѣе оправиться, попросила его невѣстку проводить ее отъ собакъ. Она вышла на улицу, подъ охраной толстухи; но краснощекій Сеня съ ребятами уже ждалъ здѣсь „свою барышню“ и весело крикнулъ Талагаевой невѣсткѣ:

— Вернись къ свекру, толстомясая!

Баба, недолго думая, вернулась въ избу.

Краснощекій Сеня съ ребятами окружили барышню, отгоняя отъ нея встревоженныхъ деревенскихъ собакъ.

IX.

— Здорово, ребята! весело вскричалъ господинъ добродушнаго, хотя воинственнаго вида, шумно вваливаясь въ пристройку, во время занятій учителя съ ученикомъ, какъ былъ, въ мерлушечьей шапкѣ, валенкахъ и новенькомъ, опушенномъ котикомъ, романовскомъ полушубкѣ. Онъ затопалъ у двери валенками, съ понятнымъ желаньемъ согрѣть озябшія ноги.

— Василій Васильевичъ! обрадовался Борисъ.

— Цыганскій потъ прошибъ! Чайку, Борька! брр! горланилъ пріѣзжій, неожиданное появленіе котораго, видимо, весело настроило обитателей пристройки, бросившихъ классный столъ, книги и обступившихъ бойкаго гостя.

— Изъ Орла не кормя! кричалъ онъ, въ то время какъ Борисъ проворно развязывалъ его гарусный истрепанный шарфъ, обмотанный вокругъ шеи, и красный кушакъ, достаточно послужившій.—Дамочки ваши здоровы? Предметъ любви моей, конечно, помнитъ своего вертопраха? сохнетъ по мнѣ?

— Здоровы, въ шутливомъ же тонѣ гостя подтвердилъ Борисъ, стаскивая съ него, за рукава, полушубокъ.—Предметъ любви вашей, конечно, по васъ сохнетъ, старый вы вертопрахъ, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ей кушать съ большимъ апетитомъ.

— Коварная! такъ потѣшно сказалъ пріѣзжій, что даже серьезный учитель захохоталъ.

Наблюдатель замѣтилъ бы, что одинъ видъ пріѣзжаго распола галъ встрѣтившихъ его пріятелей къ самому добродушному смѣху было очевидно, что его пріѣздъ—пріятное и желанное событіе въ овсянниковскомъ домѣ. На видъ онъ смахивалъ на пожилаго барышника, очутившись въ поношенной суконной поддёвкѣ по колѣни, съ серебряными круглыми пуговицами въ родѣ маленькихъ гремушекъ въ малиновой рубашкѣ, канаусовой, съ косымъ воротомъ, и въ высокихъ сапогахъ „бураками“.

Смуглое, словно цыганское, скуластое лицо его съ бѣгающими плутовскими глазами, съ черными усами, лихо закрученными, изображало чисто русскую удаль и распущенную беззаботность.

Покурить дайте, братцы, душеньку отвесть! Уфъ, закачало!

Василій Васильевичъ грузно повалился въ старое кожаное кресло и съ удовольствіемъ долго не курившаго человѣка взялся за трубочку, предложенную ему учителемъ.

— Ты что жъ это, Модестъ? со свойственной ему фамильярностью обратился онъ къ учителю. — Ни на что не похожъ ты у меня сталъ? Это, братъ, тебя, какъ бишь ее, педагогія обдѣлала... Глянь на себя: на что ты годишься?

Для учителя и ученика не былъ новостью этотъ нѣсколько дикій взглядъ Василія Васильевича на педагогію. Нисколько на него не обижаясь, учитель съ своимъ неизмѣннымъ, какъ бы испытующимъ взглядомъ и не безъ юмора замѣтилъ ему, что онъ „ругается“, что онъ „ругатель“.

— Какъ же тебя не ругать, Модестъ, когда ты на людей не похожъ? горячился Василій Васильевичъ:—не пьешь, въ карты не играешь, женщинъ не любишь, ни къ чему, кромѣ своей проклятой педагогіи, пристрастія не имѣешь... Были бы тебѣ книги! Ты философъ... Что ты послѣ этого за человѣкъ? Равнодушный къ жизни!

— Отчего же равнодушный? учитель смѣялся. По вашему, коли плѣшивъ да кривоногъ, да не можешь жениться по бѣдности, а долженъ вѣкъ свой „учить“, такъ ужь и „равнодушный“ къ жизни?

— Какъ ты себѣ ни философствуй, а вашъ братъ, учитель на мужчину не похожъ. Ей Богу!

— Такъ на бабу? смѣялся съ Борисомъ учитель.

— Ни мужчина, ни баба, а такъ чортъ знаетъ что такое... Калѣки вы всѣ, заучились. Ты вотъ плѣшивъ, кривоногъ, ходить не умѣешь, женскому полу не нравишься—а глянь на меня: молодчикъ! Хоть подъ вѣнецъ сейчасъ. А я тебѣ не гожусь-ли въ отцы, братъ...

— Почему жъ вы думаете, что я не могу женскому полу нравиться?

— Отстань! кратко, но выразительно сказалъ Василій Васильевичъ, явно не желавшій продолжать обидную для учителя матерію и окинувшій классныя принадлежности взглядомъ, исполненнымъ неодобренія, если не презрѣнія.—Умные вы люди, ученые, а глядѣть на васъ тошно. За что ты мальчика тутъ сушишь? Ѣдемъ къ Анютѣ, Борька! Хорошенькая дѣвочка лучше всякой книги; вотъ тебѣ метода!.. „Метода“!.. Умники!..

Василій Васильевичъ вскочилъ съ кресла, сталъ среди комнаты, подбоченился одною рукой, а другою защипалъ усы, отставивъ одну ногу и выпятивъ грудь,—словомъ, прикозырился. Посеребреныя чуть

ли не шестидесятью годами, его черныя цыганскія кудри, не знавшія помады и гребня, вихрились съ дикою безпорядочностью; изжелта смуглое, обожженное солнцемъ и морозомъ, цыганское лицо, полное, здоровое, выражало довольство и тишину душевную, при нетребовательныхъ, только матеріальныхъ, условіяхъ жизни: другихъ, повидимому, онъ не понималъ. Смуглыя, грязныя руки, не могшія похвалиться особенной чистоплотностью, сжатыя въ увѣсистые кулаки, могли бы, при случаѣ, оказать надежную защиту своему владѣльцу; въ глаза бросалась широкая кость этого дюжаго человѣка.

Онъ имѣлъ полное право, сравнивая себя съ учителемъ, указать на свое физическое преимущество. Даже въ глазахъ Бориса, не знавшаго никого выше Модеста Гавриловича, учитель передъ Васильемъ Васильевичемъ никуда не годился,—конечно, только наружно.

— Чѣмъ не молодецъ? охорашиваясь, спросилъ Василій Васильевичъ:—кабы еще денегъ полонъ карманъ—жить бы Василію сто лѣтъ! Сейчасъ видно: старый гусаръ!

— Бурцовъ, ёра-забіяка! шутилъ учитель,—куда жъ намъ, горемыкамъ, до гусаръ: ничего въ насъ гусарскаго нѣтъ.

— Ничего! самодовольно подтвердилъ старый гусаръ, неодобрительно косясь на невзрачную фигуру учителя въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на верхнюю пуговицу.—Однако, сытый голоднаго не разумѣетъ... Ведите меня въ домъ: смерть чаю хочется.

— Самоваръ, должно быть, не убирали еще, замѣтилъ Борисъ, направляясь за гостемъ въ домъ.

— Василій Васильевичъ! Вотъ неожиданность! рада, рада! Садитесь сюда, ко мнѣ! любезно встрѣтила гостя въ чайной Варвара Ильинишна, не рискнувшая впрочемъ поцѣловать нечесанные вихры его въ ту минуту, какъ онъ, вѣрный преданьямъ добраго стараго времени и своего гусарства, лихо шаркнувъ и притопнувъ каблукомъ, чмокнулъ благосклонно протянутую ему дамскую руку.—Откуда вы? изъ Орла? разсказывайте мнѣ новости. Мы тутъ ничего не знаемъ въ этомъ овсянниковскомъ эдемѣ. Заживо погребены въ сугробахъ... Хозяйка поправила свой чепецъ съ желтыми лентами.—Чаю, Маланья, скорѣе! Вы, конечно, озябли; скорѣе чаю!..

— Не кормя, изъ Орла всю ночь ѣхалъ, чаю бы теперь хорошо, Варвара Ильинишна.

Чайная была просторная горница, зимою больше другихъ любимая семьей, можетъ быть, потому, что тутъ каминъ топился каж-

писи. Тутъ собраны всѣ старые итальянскіе мастера, о которыхъ рѣдко кто слышалъ: Андреа-Рико-де-Кандіа, Чимабуэ, Анджело Гиди, Орканья и пр. Всю эту массу, по моему мнѣнію, посредственностей, исключая Орканьи и Чимабуэ, я обозрѣваю не особенно прилежно: взглянулъ, вдумался, постоялъ—и дальше къ другой картинѣ. Но статуямъ я невольно отдаю всегда больше вниманія, чѣмъ не первоклассным картинамъ. Такъ и здѣсь я прежде всего хотѣлъ видѣть *одно изъ чудесъ древности*, именно Венеру Медицейскую или, вѣрнѣе, Венеру Медичисовъ. Она находится въ такъ называемой «трибунѣ», маленькой осьмисторонней залѣ—„dans une des merveilles les plus célèbres de l'Italie et des arts", какъ выражается дю-Пэйи. Венера Медичисовъ, какъ извѣстно, найдена въ развалинахъ бывшей виллы императора Адріана, недалеко отъ Рима. Найдена она нѣсколько попорченною: отбита была правая рука и середина лѣвой, которыя и реставрированы Бернином. Я долго стоялъ передъ нею... Такъ вотъ этотъ оригиналъ Венеры Медицейской, тысячи и милліоны копій которой разсѣяны по всему свѣту и съ которыми я былъ знакомъ чуть ли не съ тѣхъ поръ, какъ началъ себя помнить. Такъ вотъ оно—это «чудо»? Я стою предъ нимъ—и недоумѣваю... Признаюсь, я бы не очутился въ роли Пигмаліона передъ этой Галатеей, хотя и слышалъ позади себя страстный шопотъ двухъ старыхъ нѣмцевъ:

— Ахъ, какъ бы я хотѣлъ ее обнять...

— Облапить, да, хоть она и мраморная...

И нѣмцы гнусно захихикали. Я обратился къ другимъ, не менѣе знаменитымъ антикамъ, выставленнымъ здѣсь же:—извѣстный „Точильщикъ", онъ почему-то называется и „Шпіономъ"; группа борцовъ, маленькій Аполлоникъ (Apollino), пляшущій Фавнъ, котораго реставрировалъ Микель Анджело.

Отъ статуй я перевелъ глаза на стѣны. Вотъ портретъ знаменитой Форнарины, возлюбленной Рафаэля, работы самого обожателя. Ну, мясистая же баба! Да не вознегодуетъ на меня тѣнь великаго маэстро за непочтительный отзывъ о его «сюжетѣ». Какъ бы то ни было, но возлюбленная Пармезана, что̀ въ неаполитанскомъ музеѣ, несравненно миловиднѣе этой.

Въ этой же трибунѣ „почиваютъ"—иначе не могу сказать, какъ говорятъ о мощахъ, о реликвіяхъ—почиваютъ картины Тиціана, Корреджіо, Рибейры, Микель-Анджело, Андрея дель-Сарто. Къ трибунѣ примыкаютъ шесть или семь залъ, наполненныхъ картинами, по школамъ: школа тосканская (особо), итальянская, нѣмецкая, фламандская, французская, голландская, венеціанская (то же особо). Глаза и нервы устаютъ... Особые кабинеты и залы камеевъ, камней, медалей, надписей... Глянешь въ одну витрину, въ другую, остановишься около античныхъ надписей, объявленій, эпитафій—и мимо, мимо!

Другое дѣло—*живыя лица*, конечно, когда-то *бывшія живыми*, не выдуманныя: передъ ними я останавливаюсь по-долгу, бюсты-ли это, статуи, или пор-

— Слава Богу, вамъ извѣстно даже: двадцать пять лѣтъ, солдатскую лямку выходила въ ключахъ, ни въ чемъ не поймана. Теперь, разумѣется, моя добродѣтель пропала: передъ госпожей меня огадили.

Благоразумная барыня, уставясь глазами въ узоръ, усердно вязала деревянными спицами. Маланья говорила:

— А вѣдь меня, когда крѣпостною была, Финогенъ откупалъ за себя-съ. Гаврила Сергѣевичъ нашъ тоже съ охотой бралъ, очень даже приставалъ. Была дура—не пошла, теперь, видно, искать негдѣ-съ.

Благоразумная барыня вышла изъ чайной.

— Постарѣла, голубушка, постарѣла, смѣялся Василій Васильевичъ.—А была, Модестъ Гавриловичъ, картинка. Довелось и намъ, гусарамъ, амурничать съ тобой, Малаша. А?.. Забыла? Ха! ха! ха!

Старый циникъ, безсовѣстно потѣшаясь надъ заслуженной „домоправительницей", явно расчувствовался при воспоминаніи своей молодости.

— Ну, да и ходокъ, батюшка, были вы, Василій Василичъ! Она разсмѣялась, обнаруживъ невольно пару переднихъ зубовъ, доставившихъ ей названье „зубатой".—Бывало, кто съ дѣвками занимается, кто красныхъ обманываетъ? Василій Василичъ... Однова, Модестъ Гаврилычъ, присыпался ко мнѣ не съ короткимъ,—продолжала Маланья, поощренная удаленіемъ барыни и обрадованная случаемъ почесать языкъ.—Я туда-сюда, а онъ хуже приставалъ да приставалъ. Точно, господа, дѣвка я была безъ покора и не дика; отъ мужчинъ—грѣха таить нечего—не отворачивалась, какъ эти нынѣшнія дуры-несмѣяны; сами вы меня, Василій Василичъ, изволите помнить. Успеньевъ день, народъ отъ обѣдни идетъ, а онъ мнѣ въ фартукъ яблокъ насыпалъ, розовое платье обѣщаетъ; а барыня—вотъ она, у теплицы! Попало мнѣ, господа, за Василья Василича. Что и говорить—ходокъ! Другаго не сыщешь, нѣтъ!

— Согрѣлся, попарилъ животъ! отлично! похвалился веселый Василій Васильевичъ,на-скоро покончившій съ третьимъ стаканомъ чая. На все онъ скоръ былъ, скоро и чай пилъ.—Спасибо, Маланья Ивановна! онъ ей поклонился, какъ простонародье кланяется:—Посаженымъ отцомъ возьми на свою свадьбу.

— Женишка сперва высватайте!

— Высватаемъ и женишка... По ярманкамъ ихъ довольно...

— Базарнаго! не хочу я базарнаго жениха! въ тонѣ стараго гусара отшучивалась старая дѣва. Мужчины ушли въ гостинную, къ хозяйкѣ.

Когда самоваръ вынесли въ дѣвичью, тамъ вокругъ него, за сто-

ломъ, не замедлила собраться вся обычная честная компанія, именно: буфетчикъ Гаврила, старуха-нянька, дѣвочка Поля, подъ предсѣдательствомъ „набольшей“ Маланьи.

— Далась тутъ Малашка! причитывала она, угрызая кусокъ сахару и подымая на пальцахъ блюдечко съ чаемъ:—Вѣрите, бабушка, съ ногъ смоталась. Ну, вы старый человѣкъ, ну разсудите: всякая дѣвчонка себѣ праздникъ имѣетъ, а я безсмѣнная; ни дня мнѣ, ни ночи, бабушка. Люди въ церковь, а я въ чуланъ. Ни выйти мнѣ въ люди, ни одѣться. А вѣдь я, бабушка, года себѣ имѣю.

Маланья сунула нянькѣ въ руку лишній кусокъ сахару, изъ понятнаго желанья, чтобы она участливѣе ее слушала.

— Отъ лежанья, должно, такая: какъ есть одеръ! причитывала сама о себѣ Маланья и гнѣвно глянула на стараго буфетчика, осмѣлившагося вздернуть носомъ и засмѣяться.

— Ужь вы, вижу, выпивши, Гаврила Сергѣичъ, съ досадой замѣтила она буфетчику, мрачно ухмылявшемуся.

— Что-жъ за бѣда, ну, выпивши! поддакнулъ буфетчикъ, храбро продолжая смѣяться, явно на Маланьинъ счетъ:—На свои выпилъ, не кралъ. Онъ еще мрачнѣе усмѣхнулся, а Маланья пуще обидѣлась.—Вѣдь вы, знаю, серчаете на меня, Маланья Ивановна.

— За что я на васъ серчаю, Гаврила Сергѣичъ? Все это ваши одни выдумки. За что?

— За то за самое. Буфетчикъ еще мрачнѣе усмѣхнулся.—Сватался я за васъ, былъ дуракъ; ну, не пошли, все лучше женишковъ себѣ ждали. А вѣдь я къ вамъ тогда съ оброка три раза приходилъ, нарочно васъ поглядѣть хотѣлъ. Ей Богу, бабушка. Это, бывало, сяду съ Маланьей Ивановной на софѣ въ лакейской, обнимаю, на гармоньѣ играю...

— Слышите, бабушка, развеселилась Маланья: — Буфетчикъ-то нашъ расходился, словно молоденькій. Ну, да что старые-то грѣхи поминать, Сергѣичъ? Ты вдовъ, бери меня, пойду.

— Нѣтъ, Маланья Ивановна, теперь я старый, гадкій сталъ и вы старыя, гадкія стали; прошли ваши годы: изъ васъ теперь табакъ сыплется; да и хозяйство мое пропало. Свиней не держу, клѣть завалилась, водку сталъ лопать... Госпожѣ своей не угожу... Вотъ Полю взялъ бы.

Маланья захохотала прямо ему въ лицо.

— Молодая за эдакаго чорта не пойдетъ! возразила она.—Вотъ я тебѣ пара. Она глянула на него съ пытливой, коварной улыбкой.—А и

безъ хозяйства проживемъ, Сергѣичъ. Небось, живая кость мясомъ обростаетъ.

Гаврила мрачно ухмылялся и, съ видимымъ желаньемъ поддразнить „набольшую", твердилъ:—нѣтъ, Маланья Ивановна, мнѣ такой жены не нужно; я хочу молоденькую, хорошенькую.

— Это онъ вправду, бабушка, сочла нужнымъ Маланья отсмѣять Гаврилѣ.—Спасибо еще не одурѣла, замужъ не сбираюсь. Положимъ, бабушка, еслибъ путящій кто посватался —пошла бы; отчего же: съ моимъ удовольствіемъ пошла бы.

Буфетчикъ Гаврила еще мрачнѣе усмѣхнулся и пробормоталъ:

— Знаю, вамъ все за Макарку хочется... ну, тоже не возьметъ...

Въ коридорѣ, какъ только вышелъ изъ чайной старый гусаръ, на него налетѣла „мамзель" съ нескрываемою радостью видѣть его и съ визгливымъ крикомъ: „Basile! наконецъ-то!"

Она вцѣпилась въ него своими сухопарыми маленькими ручонками съ явною рѣшимостью не скоро отпустить его отъ себя. При видѣ этихъ противныхъ «букляшекъ», сообщавшихъ ея постному лицу съ нѣжно закатившимися подъ лобъ глазами — выраженіе глупой овцы, а также устрашась носоваго платка, обвязывавшаго вздутую щеку, и сообразивъ всю опасность остаться жертвой вѣрности своей обожательницы, старый гусаръ попробовалъ было закричать: „караулъ!" Этимъ онъ только вызвалъ смѣхъ своихъ спутниковъ, мужчинъ, но не помогъ дѣлу.

Не сконфуженная, но оскорбленная «мамзель» смотрѣла на эту недостойную выходку съ выраженіемъ холоднаго недовѣрія, неодобренія, и плохенькая ея ручонка прилипла къ его виновному рту, предупреждая дальнѣйшія глупыя выходки стараго повѣсы.

— Мужчины, право, не стоятъ женской привязанности! замѣтила, въ смыслѣ афоризма «Овсянниковская дѣвственница», какъ ее прозвалъ учитель, имѣя въ виду «Орлеанскую дѣвственницу».

— Мужской полъ по природѣ своей грубъ, Фелицата Ивановна; женская нѣжность смягчаетъ его грубые нравы,—тоже въ смыслѣ афоризма добавилъ учитель.

— Вы все надо мною потѣшаетесь, старый грѣшникъ! приставала овсянниковская дѣвственница къ попавшемуся въ ея руки Василію Васильевичу не то съ сожалѣньемъ, не то съ упрекомъ, обрадованная возможностью выразить этому „бездушному" мужчинѣ чувство привязанности къ нему, наполнявшее ея дѣвственное сердце:— Все то вы удираете отъ меня, гадкій!

— Прости, прелестная Фелицата! Прости! Старый гусаръ очутил-

ся передъ нею на колѣняхъ, съ умоляющимъ видомъ схвативъ ея жалкія ручонки.

Свидѣтели этой уморительной сцены помирали со смѣха.

— Руки! Боже мой, мои бѣдныя руки! вдругъ запищала несчастная дѣвственница, посинѣвъ отъ боли и готовая упасть.

— Что я сдѣлалъ! Она готова упасть! по театральному, съ напускнымъ трепетомъ въ голосѣ воскликнулъ весельчакъ, подхвативъ ее на руки и, какъ перо, водружая на стулъ; но на этотъ разъ дѣвственница не рѣшилась отпустить его безъ наказанія. Она, безъ церемоніи, вцѣпилась въ его цыганскія кудри своими маленькими ручонками и, насколько силишки хватило, съ увлеченіемъ оттаскала его.

Старый гусаръ терпѣливо перенесъ заслуженное наказанье, какъ ни въ чемъ не бывало поцѣловалъ у нея наказующую длань, причемъ ему въ носъ ударило камфарой и креазотомъ, и, подмигнувъ хохотавшимъ спутникамъ, чтобъ уходили, удралъ въ гостиную.

— Я не злопамятна, Basile, напутствовала повѣсу дѣвственница, снова оправясь и все еще не теряя надежды вернуть къ себѣ этого огрубѣвшаго по ярмаркамъ человѣка. Но онъ не вернулся, и даже не слыхалъ послѣднихъ ея словъ, возвѣщавшихъ ему прощеніе и доказывавшихъ ея любовь. Отступленіе его скорѣе походило на бѣгство и не могло не огорчить такое нѣжное женское сердце. Какъ? Больше мѣсяца не былъ и даже не спросилъ: что ея флюсъ? не далъ ей даже разсказать исторію ея зубныхъ страданій; какъ ей страшно было, когда она увидѣла ужасный ключъ въ рукахъ фельдшера, но она все-таки рѣшилась и выдернула... А какъ ей хотѣлось объ этомъ разсказать все, все, до мелочей; именно ему, безчувственному, легкомысленному человѣку.

Огорченная Фелицата подошла къ большому зеркалу въ простѣнкѣ залы, съ простительнымъ въ ея положеніи желаньемъ—удостовѣриться, что отвращаетъ отъ ея женскихъ прелестей мужчинъ вообще? Раздѣляя общую всѣмъ дочерямъ Евы слабость нравиться мужчинамъ, не изыскиваетъ-ли она всѣ къ тому подходящіе способы? Но, повидимому, желанье казаться лучше, чѣмъ она есть,— вовсе не легко достигаемое желанье. Какъ ни заблуждалась Фелицата насчетъ собственной красоты, но въ эту минуту нашла, что она „не интересна“. Всегда молодящаяся, перетянутая фигурка сухопарой дѣвственницы, на этотъ разъ, была завернута въ большой сѣрый платокъ. Маленькое, тщедушное, съ виду довольно гладенькое женское существо неопредѣленныхъ лѣтъ, словно иззябшее,

глядѣло въ зеркалѣ на Фелицату, съ лицомъ, хотя благоразумно скрытымъ легкимъ слоемъ пудры, тѣмъ не менѣе посинѣвшимъ и сжавшимся, какъ тронутое морозомъ яблоко. Маленькая безволосая головка храбро держалась на худой шейкѣ, по истинѣ состоявшей изъ сухой желтоватой кожи и голубыхъ жилъ. Высоко, по модѣ, взбитые вверхъ жиденькіе волосы свѣтились насквозь и, не смотря на замѣчательное искусство, дѣвственница не могла скрыть отъ непосвященнаго глаза присутствіе подъ ними чернаго шерстянаго валька. Рѣшительно, достойно было уваженія мужество, съ какимъ эта представительница женской красоты, при удобномъ случаѣ, позволяла себѣ декольтэ, открывая такимъ образомъ нескромному мужскому взору пару отвратительныхъ, высушенныхъ, не женскихъ рукъ. Отъ чувства неудовлетворенной любви, отъ „неинтереснаго“,—чтобъ не сказать больше,—изображенія своего въ зеркалѣ, дѣвственница со вздохомъ перешла къ земнымъ помысламъ. Она вспомнила, что еще не пила чаю, и съ видомъ разстроенной, несправедливо обижаемой дѣвицы, достойной лучшей участи, вбѣжала въ дѣвичью и накинулась на Маланью, своего „заклятаго и хитраго врага“.

— Ты, Богъ знаетъ, что дѣлаешь, Маланья, завизжала она, по своему обыкновенію сыпля словами, что̀ у нея означало гнѣвъ.—Чай отпили въ домѣ, а ты меня безъ чаю держишь?

— Пришли бы, чай вамъ налитъ—берите; всѣмъ не разошлешься. Маланья явно себя сдерживала и подала ей чашку холоднаго чая.— Тоже съ барышней равняетесь, укорительно замѣтила она, съ ехидною усмѣшкою и предвзятымъ намѣреніемъ разсердить ненавистную ей мамзель: —Мы съ вами, Фелицата, не Богъ знаетъ какіе господа.

— Слышишь, няня, всякая хамка смѣетъ меня оскорблять! пищала дѣвственница.

— Нѣтъ, Фелицата, я не хамка... хамокъ нынче нѣтъ, нынче всѣ вольныя! съ достоинствомъ обиженной возразила Маланья:— Родовъ то мы съ тобой, должно, однихъ...

— Ты не смѣешь мнѣ „тыкать“! пищала, дрожа отъ гнѣва, „мамзель“, со слезами на глазахъ и въ голосѣ.—Я Варварѣ Ильинишнѣ пожалуюсь...

Въ благородномъ гнѣвѣ и съ чашкою холоднаго чая, Фелицата оставила дѣвичью и дерзкую ключницу.

— Бабушка, обратилась эта послѣдняя къ нянькѣ, подсѣвъ къ старухѣ по уходѣ буфетчика, и съ видимымъ удовольствіемъ приступая къ разработкѣ неисчерпаемаго разговора о столь ненавистной ей мамзели:—Я вамъ скажу, бабушка, наметки какія она наметы-

ваетъ, ободранная; она вѣдь, окромя шутокъ, за Василія Василича наровитъ. А, бабушка? коза то эта! Маланья расхохоталась; старуха нянька сдѣлала видъ, что ей смѣшно, впрочемъ, отъ чашки чаю не отрывалась, съ жалкой гримасой угрызая сахаръ уцѣлѣвшими зубными корнями.

— Срамота одна, бабушка: намедни пріѣхалъ это Василій Василичъ — свѣчами обставилась, въ зеркало смотрится; косу ей Поля чешетъ. А ужь что тамъ и чесать. Ну, сами видите, бабушка: хоша мы съ Фелицатой подлѣточки, все же я не рябая и волосъ у меня больше, и зубы не болятъ. Мужчинамъ глаза не завяжешь. Коли пошло на правду, хуже Фелицаты, даже изъ простыхъ, я не видала, ей Богу, бабушка, не видала; даже на дѣвушку не похожа: вдова, какъ есть вдова...

Такъ злоязычіе перетолковывало лучшія движенія сердца „Овсянниковской дѣвственницы". Мало того, расположеніе къ мужскому полу, вообще извинительное въ лѣтахъ Фелицаты, Варвара Ильинишна съ отличавшимъ ее матеріализмомъ опредѣляла кратко и грубо, именно, что „Фелицата влюблена во всѣ штаны". Тѣмъ не менѣе, дѣвственница не таила своей любви, называла Василья Васильевича вѣтряникомъ, а себя „вѣрнымъ сердцемъ". Старая гувернантка Сащеньки считалась „своею" въ семьѣ Хворостовыхъ. Она жила по домамъ гувернанткой, но какъ только оставалась безъ мѣста, прямо ѣхала въ Овсянниково, какъ домой. Теперь она ожидала приглашенія въ городъ; только несносный флюсъ задерживалъ ее въ деревнѣ.

В. Марковъ.

(*Продолженіе будетъ*).

ПО ИТАЛІИ.

XIX.

Отъѣздъ изъ Венеціи. — Флоренція. — Венера Медицейская.

«Люди, изучавшіе исторію какой-либо страны по книгамъ, описаніямъ и картинкамъ—говоритъ путешественникъ сороковыхъ годовъ — не могутъ вообразить себѣ того ощущенія, которое объемлетъ странника, когда онъ посѣтитъ мѣста самыхъ происшествій, ступитъ на позорище великихъ или ужасныхъ подвиговъ, и скажетъ себѣ: здѣсь, на этомъ мѣстѣ, посреди этихъ зданій, лѣтъ за триста, за пятьсотъ предъ симъ, совершился грозный подвигъ доблести, или— здѣсь палъ, тогда-то, невинный страдалецъ подъ сѣкирою несправедливаго суда, завѣщавъ потомству славу своего имени и позоръ злодѣевъ».

Эти мысли навѣяны путешественнику торговою площадью въ Неаполѣ (piazzo Merceto *): — на этой площади когда-то палъ отъ руки палача юный король Конрадинъ, въ сущности король самозванный; тутъ-то разыгралась въ 1647 году то народное волненіе, вождемъ и жертвою котораго былъ знаменитый Мазаніелло, простой рыбакъ и народный трибунъ, болѣе того—диктаторъ; здѣсь же, наконецъ, совершены были гнусныя казни въ 1799 году надъ лицами, признавшими надъ собою владычество Франціи, побѣдившей Италію.

Но во мнѣ видъ этой площади, признаюсь, не возбудилъ сожалѣнія къ Конрадину: судьбу этого юноши, какъ извѣстно, оплакивали и поэты и историки; его возвели въ герои, въ мученики; но съ точки зрѣнія исторической правды— Конрадинъ былъ такой же разбойникъ, какъ всякій другой, который пришелъ бы, непрошенный, съ войскомъ въ чужую страну и сталъ бы ее опустошать, грабить церкви, убивать народъ ради только того, что ему захотѣлось сѣсть на чужой престолъ, на которомъ уже сидѣлъ другой разбойникъ. Такую же странную роль разыгралъ въ наше время другой Конрадинъ, тоже изъ австрійскаго рода, Максиміліанъ, который такимъ-же образомъ явился въ

---

*) Впрочемъ, въ Неаполѣ площадь чаще называется largo, чѣмъ piazzo.

Мексику и также былъ казненъ. Обоимъ этимъ Конрадинамъ можно было бы сказать: «не спросясь броду, не суйся въ воду».

Лучшею площадью въ Неаполѣ показалась мнѣ та, которая называется largo del Palazzo. Она и обширнѣе другихъ, и чище, и красивѣе. Ее красятъ дворцы и другія зданія, а равно двѣ величественныя конныя статуи: это—бронзовыя статуи Карла III и Фердинанда I, работы Кановы. Эти бронзовые всадники на высокихъ пьедесталахъ производятъ странное впечатлѣніе. Бронза отъ времени сильно позеленѣла, а на тѣхъ мѣстахъ статуй, гдѣ по углубленіямъ въ дождливое время стекаютъ капли, подѣлались темныя полосы. Особенно эти полосы рѣзко бросаются въ глаза на лицахъ статуй, на тѣхъ углубленіяхъ, которыя идутъ отъ угловъ глазъ внизъ, по щекамъ: кажется, что изъ глазъ бронзовыхъ королей текли черныя, кровавыя слезы и засохли этими кричащими полосами на щекахъ; кажется, что эти бронзовые, въ бронзовыхъ королевскихъ мантіяхъ, владыки Италіи выставлены на позоръ и оплакиваютъ послѣ смерти кровавыми слезами тѣ слезы и ту кровь, которыя по винѣ ихъ пролиты народами Италіи. По крайней мѣрѣ, на меня эти статуи произвели такое впечатлѣніе, и мнѣ невольно вспомнилась русская поговорка: «отольются волку овечьи слезки».

Я считалъ излишнимъ распространяться о другихъ достопримѣчательностяхъ, которыя видѣлъ въ Неаполѣ:—и безъ того мои путевые наброски превратились въ нѣчто довольно объемистое. Остальные дни моего пребыванія въ бывшей столицѣ «короля бомбы» (re bomba) я посвятилъ: то обозрѣнію нѣкоторыхъ главныхъ церквей, которыхъ здѣсь множество, въ томъ числѣ соборъ св. Януарія, гдѣ хранятся мощи этого святаго и голова его, въ особой ракѣ, а главное—кровь, конечно, засохшая, которая три раза въ году превращается якобы въ живую, жидкую кровь... то хожденію на Каподимонте, откуда очарованный взоръ бродитъ по изумительной панорамѣ этого восхитительнаго уголка нашей планеты; то вторичнымъ и третичнымъ посѣщеніямъ музея, въ которомъ, кромѣ удивительныхъ сокровищъ античнаго міра, скульптурныхъ и иныхъ, можно цѣлыми днями любоваться его картинными галлереями, занимающими пятнадцать обширныхъ залъ. Рафаэль, Клодъ-Лоренъ, Доминикинъ, Корреджіо, Тиціанъ, Рубенсъ, Дюреръ, Ванъ-Дикъ и Пармезанъ—Пармезанъ безъ счета!—Но что доставило мнѣ памятное наслажденіе — это прелестное личико возлюбленной Пармезана, которую онъ обезсмертилъ прекраснымъ портретомъ:—она положительно лучше его мадоннъ, хотя, конечно, и уступаетъ мадоннамъ Мурильо. А это что такое!—Такое знакомое, симпатичное лицо... Я его видѣлъ въ Испаніи, въ Мадридѣ, въ real museo: это портретъ молодаго Филиппа II, работы Тиціана.—Это красивое лицо такъ и перенесло меня въ далекую, знойную Кастилію.

Послѣдній вечеръ моего пребыванія въ Неаполѣ я опять провелъ въ об-

ществѣ моихъ соотечественниковъ,—въ семействѣ княгини Абашидзе-Горленко. Мысль наша, вмѣстѣ съ разговоромъ, переносилась отъ береговъ Неаполитанскаго залива къ берегамъ Невы. Старикъ Везувій, повидимому, хотѣлъ очаровать меня прощальнымъ спектаклемъ: выходя на балконъ, мы любовались, какъ онъ, точно дыша могучею грудью, посылалъ къ небу свои медленные огненные вздохи!.. На другой день я уже опять мчался по направленію къ Риму, чтобъ оттуда направиться на Флоренцію и Венецію. Вотъ опять Казерта, Капуя...

А поѣздъ все мчалъ дальше. Станціи мелькаютъ, какъ годы въ прожитой жизни. Въ Римъ мы пріѣхали уже вечеромъ. Я не думалъ въ немъ оставаться и на станціи ждалъ слѣдующаго поѣзда, такъ какъ въ Неаполѣ взялъ билетъ прямаго сообщенія до Флоренціи. Ночью я покинулъ Римъ. Когда я проснулся рано утромъ, на другой день, мнѣ казалось, что я уже не на жаркомъ югѣ, а гдѣ-то на сѣверѣ—такъ далеко, казалось, не похожа была окружавшая меня природа на ту, среди которой я жилъ и странствовалъ всѣ эти полгода—на природу Ментона, Пиринеевъ, Кастиліи, на тропическую природу Андалузіи, Гранады, потомъ Рима, Неаполя, Соренто. Утро было свѣжее, росистое. Сосѣди мои по вагону, молодые итальянцы, пледами покрывали прозябшія ноги. Быстрыя шумныя воды Арно, берегомъ котораго мчался нашъ поѣздъ, казались холодными, свинцовыми. Только яркое солнце, поднявшееся надъ Апеннинами, прогнало этотъ колоритъ сѣвера, и свѣжая роскошная зелень во всѣ глаза, такъ сказать, взглянула на насъ чуднымъ весеннимъ утромъ.

Бѣлѣющіяся въ зелени виллы по отлогостямъ Апенninъ указывали на близость Флоренціи. Скоро показалась и сама она, «цвѣтущая», la bella, вся утопающая въ зелени садовъ.

Поѣздъ въѣхалъ въ городъ. Я велѣлъ везти въ Hotel Cavour, который былъ рекомендованъ мнѣ еще въ Неаполѣ. Вручивъ отельному комисіонеру багажную квитанцію, я вмѣстѣ съ прочими пассажирами ожидалъ въ омнибусѣ, пока перетаскаютъ наши сундуки и чемоданы. Но, немного погодя, комисіонеръ объявилъ мнѣ, что мой багажъ не пришелъ.—Какъ не пришелъ?—Всѣ получили свой багажъ—одинъ я остался безъ него.—Не можетъ быть!—Сколько я ни скитался по свѣту, но нигдѣ мой багажъ ни разу не застрялъ на дорогѣ. Смотрю на квитанцію: вмѣсто Napoli-Firenze на ней стоитъ Napoli-Roma. Злодѣй багажный, въ Неаполѣ, ошибся и прописалъ мой багажъ только до Рима! Надо было телеграфировать въ Римъ, чтобъ застрявшее тамъ добро мое препроводили во Флоренцію. Вслѣдствіе этого, я и оставался въ этомъ городѣ цѣлые сутки безъ багажа, и въ несовсѣмъ безукоризненномъ бѣльѣ долженъ былъ бродить по городу и фигурировать за чопорными табль-д'отами. Отведенный мнѣ номеръ оказался очень красивымъ и просторнымъ; но я не намѣренъ былъ оста-

ваться въ немъ. Я позвонилъ и велѣлъ своему черноглазому cameriere подать мнѣ тотчасъ чаю и яицъ à la coque. Въ каждомъ номерѣ отеля, какъ извѣстно, около электрической пуговки звонка помѣщается объявленіе, что одинъ разъ слѣдуетъ позвонить—для комнатнаго слуги, два—для горничной,три для портьѐ или факино, по нашему—для дворника.—Въ моемъ номерѣ находилось такое же объявленіе на французскомъ и итальянскомъ языкахъ. Послѣднее гласило:

Suonate una volta per cameriere.
Suonate due volte per cameriera.
Suonate tre volte per facchino.

Но какой-то шутникъ, конечно, на зло горничной, per cameriera — взялъ и зачеркнулъ это, гарантирующее личность ея p e r, и вся фраза стала грубою насмѣшкою...

По выходѣ изъ отеля, я тотчасъ же направился къ p a l a z z o U f f i c i. Такъ какъ «отель Кавуръ» стоитъ на улицѣ Проконсоло, то путь мой лежалъ, конечно, черезъ главную или дворцовую площадь—p i a z z a d e l l a s i g n o r i a, которая сама по себѣ стоитъ того, чтобы остановиться на ней со вниманіемъ. На этой площади прежде всего бросается въ глаза конная бронзовая статуя Козьмы 1-го Медичи. Памятникъ этотъ положительно не эффектенъ: въ немъ есть что-то тяжелое, аляповатое: конь подъ всадникомъ скорѣе смотритъ слономъ, чѣмъ конемъ; во всадникѣ преобладаетъ мѣшковатость. Таково, по крайней мѣрѣ, было мое впечатлѣніе, хотя памятникъ этотъ созданъ однимъ изъ лучшихъ мастеровъ, какихъ произвела Италія во всѣ вѣка—Іоанномъ Болонскимъ. Другая достопримѣчательность соборной площади —фонтанъ Нептуна, работы Аммианати. Въ отношеніи художественности статуй и группъ, изъ которыхъ состоитъ фонтанъ, я не могу ничего сказать, кромѣ похвалы, хотя въ общемъ, пожалуй, и не можетъ не броситься въ глаза излишняя изысканность, битье на эффектъ; но, конечно, все же это лучше, чѣмъ огромная лахань у насъ въ Александровскомъ саду, лахань, которую называютъ фонтаномъ.

Рядомъ съ фонтаномъ, на площадь выходитъ фасадъ Стараго дворца (p a l a z z o V e c c h i o). Сколько злодѣяній совершено въ былыя времена передъ этимъ дворцомъ!... Вотъ небольшое пустое мѣсто, гдѣ когда-то, въ XIII-мъ вѣкѣ, стоялъ домъ Уберти, котораго злодѣй герцогъ велѣлъ тайно отравить, а домъ срыть до основанія и посыпать солью то мѣсто, гдѣ онъ стоялъ... А на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь фонтанъ, по приказанію гнуснѣйшаго изъ всѣхъ папъ, папы Александра VI или, вѣрнѣе, папессы Александры шестой, былъ сожженъ благородный Савонаролла за то, что обличалъ папскія и кардинальскія гнусности во имя добра и правды.—А сколько перерѣзалось здѣсь народу во время внутреннихъ междоусобій и борьбы партій! — Зато теперь рыжіе, длинноногіе англичане, и мы, русскіе бродяги, покойно толчемся по этой площади, глазѣя на па-

мятники былаго величія, въ сущности гнуснаго, и такой же гнусной славы. Противъ фасада дворца, у входа, высится колоссальная статуя Геркулеса, убивающаго Какуса за то, что онъ воровалъ воловъ. При видѣ этой группы, я вспоминаю Римъ и ту отлогость Авентинскаго холма, гдѣ находилась якобы пещера Какуса. Группа эта принадлежитъ рѣзцу Бандинелли. Здѣсь же красуется бронзовый левъ Марцокко. Но лучшія произведенія скульптуры помѣщаются тоже противъ дворца, подъ крытою галлереею, или въ ложѣ Ланци (loggia d e'Lanzi), которая называется и ложею Орканья, по имени ея архитектора. Въ древности здѣсь стояла стража Медичисовъ и отсюда же, съ высоты трибуны, дѣлались обращенія къ народу, собиравшемуся здѣсь для рѣшенія общественныхъ вопросовъ, часто разрѣшавшихся кровавою рѣзнею. Подъ аркадами этой ложи и красуются прелестныя группы: бронзовая, работы Бенвенуто Челлини—Персей, попирающій ногою обезглавленной трупъ Медузы и держащій въ рукѣ ея голову; мраморная, работы Іоанна Болонскаго—похищеніе сабинянки, а также группа Юдифи и Олоферна, работы Донателло; два льва, изъ которыхъ одинъ—работы Доминика Вакка, котораго львы, пока Канова не познакомилъ міръ съ своими геніальными работами, считались лучшими, образцовыми. Здѣсь же находится нѣсколько прекрасныхъ античнымъ статуй. Отъ ложи Ланци я поворачиваю къ palazzo Uffici, къ длинному старинному зданію, вытянувшемуся до самаго Арно. Снаружи его украшаютъ ряды статуй, равно какъ и противоположное, такое же длинное зданіе, именуемое tetoja dei pisani—нѣкогда тюрьма плѣнныхъ пизанъ, а теперь почтамтъ. Въ нижнемъ этажѣ palazzo Uffici помѣщаются присутственныя мѣста, а въ верхнемъ— одна изъ богатѣйшихъ въ мірѣ картинныхъ и скульптурныхъ галлерей. Зданіе это построено при Козьмѣ I подъ руководствомъ Вазари, въ половинѣ XVI столѣтія. Я направился, конечно, въ галлерею.—«Описывать-ли ее?—спрашиваетъ себя его превосходительство, Николай Ивановичъ Гречъ.—Исчислять-ли ея сокровища?—На это должно было бы посвятить томъ, да еще тома два на восторги и восклицательные знаки». Войдемте съ вами, читатель, въ это святилище искусства и постараемся избѣгать восторговъ и восклицательныхъ знаковъ.

Слѣдуя указаніямъ гида, мы поднимаемся въ верхній этажъ по лѣстницѣ, украшенной разными статуями и въ томъ числѣ античною статуею Бахуса. Заручившись билетомъ (одна лира), вы проходите сквозь трещотку-контролеръ и вступаете въ первый «вестибулъ» съ бронзовыми статуями Марса, Силена съ Бахусомъ и бюстами Медичисовъ, основателей музея. Во второмъ «вестибулѣ» васъ встрѣчаютъ статуи римскихъ императоровъ:—это все старые знакомые; лица такъ приглядѣлись, что становится скучно... И замѣчательно, что эти императоры находятся въ обществѣ великолѣпнаго кабана античной греческой работы и двухъ волковъ, работа которыхъ ставится необыкновенно высоко. Отсюда вы *входите* въ длиннѣйшую галлерею, наполненную образцами скульптуры и живо-

писи. Тутъ собраны всѣ старые итальянскіе мастера, о которыхъ рѣдко кто слышалъ: Андреа-Рико-де-Кандіа, Чимабуэ, Анджело Гиди, Орканья и пр. Всю эту массу, по моему мнѣнію, посредственностей, исключая Орканьи и Чимабуэ, я обозрѣваю не особенно прилежно: взглянулъ, вдумался, постоялъ—и дальше къ другой картинѣ. Но статуямъ я невольно отдаю всегда больше вниманія, чѣмъ не первокласснымъ картинамъ. Такъ и здѣсь я прежде всего хотѣлъ видѣть *одно изъ чудесъ древности*, именно Венеру Медицейскую или, вѣрнѣе, Венеру Медичисовъ. Она находится въ такъ называемой «трибунѣ», маленькой осьмисторонней залѣ—„dans une des merveilles les plus célèbres de l'Italie et des arts", какъ выражается дю-Пэйи. Венера Медичисовъ, какъ извѣстно, найдена въ развалинахъ бывшей виллы императора Адріана, недалеко отъ Рима. Найдена она нѣсколько попорченною: отбита была правая рука и середина лѣвой. которыя и реставрированы Бернином. Я долго стоялъ передъ нею... Такъ вотъ этотъ оригиналъ Венеры Медицейской, тысячи и милліоны копій которой разсѣяны по всему свѣту и съ которыми я былъ знакомъ чуть ли не съ тѣхъ поръ, какъ началъ себя помнить. Такъ вотъ оно—это «чудо»? Я стою предъ нимъ—и недоумѣваю... Признаюсь, я бы не очутился въ роли Пигмаліона передъ этой Галатеей, хотя и слышалъ позади себя страстный шопотъ двухъ старыхъ нѣмцевъ:

— Ахъ, какъ бы я хотѣлъ ее обнять...

— Облапить, да, хоть она и мраморная...

И нѣмцы гнусно захихикали. Я обратился къ другимъ, не менѣе знаменитымъ антикамъ, выставленнымъ здѣсь же:—извѣстный „Точильщикъ", онъ почему-то называется и „Шпіономъ"; группа борцовъ, маленькій Аполлоникъ (Apollino), пляшущій Фавнъ, котораго реставрировалъ Микель Анджело.

Отъ статуй я перевелъ глаза на стѣны. Вотъ портретъ знаменитой Форнарины, возлюбленной Рафаэля, работы самого обожателя. Ну, мясистая же баба! Да не вознегодуетъ на меня тѣнь великаго маэстро за непочтительный отзывъ о его «сюжетѣ». Какъ бы то ни было, но возлюбленная Пармезана, что̀ въ неаполитанскомъ музеѣ, несравненно миловиднѣе этой.

Въ этой же трибунѣ „почиваютъ"—иначе не могу сказать, какъ говорятъ о мощахъ, о реликвіяхъ—почиваютъ картины Тиціана, Корреджіо, Рибейры, Микель-Анджело, Андрея дель-Сарто. Къ трибунѣ примыкаютъ шесть или семь залъ, наполненныхъ картинами, по школамъ: школа тосканская (особо), итальянская, нѣмецкая, фламандская, французская, голландская, венеціанская (то же особо). Глаза и нервы устаютъ... Особые кабинеты и залы камеевъ, камней, медалей, надписей... Глянешь въ одну витрину, въ другую, остановишься около античныхъ надписей, объявленій, эпитафій—и мимо, мимо!

Другое дѣло—*живыя лица*, конечно, когда-то *бывшія живыми*, не выдуманныя: передъ ними я останавливаюсь по-долгу, бюсты-ли это, статуи, или пор-

мощи этого проклятаго желѣза... Вѣроятно, тутъ, при видѣ этого желѣза, въ душѣ Лонгфелло накипѣлъ его бичующій стихъ объ арсеналѣ:

Вотъ арсеналъ. Громадное собранье
Оружія повсюду видитъ взоръ...
Оркестръ войны и смерти... но молчанье
Хранитъ пока ужасный этотъ хоръ.

При видѣ этихъ старыхъ латъ, шлемовъ и мечей, невольно думается о прошломъ, когда въ крови купались эти мечи, и самъ собой звучитъ въ душѣ стихъ поэта:

Гляжу вокругъ съ тревогою сердечной:
Мнѣ чудится, въ спокойный этотъ часъ,
Что хоръ войны свирѣпый, безконечный
Чрезъ рядъ вѣковъ доносится до насъ.
Безумныя, кровавыя потѣхи!
Вотъ слышу я, саксонскій молотъ бьетъ
О шлемъ стальной, о бранные доспѣхи.
Труба на бой воителей зоветъ.
Мнѣ чудятся норманны, гунны, мавры,
И Медичей воинственный набатъ,
Свистъ пуль и стрѣлъ, монгольскія литавры
И оргіи грабителей-солдатъ...

Однако, я отклонился отъ музея. Но это только такъ кажется: я передаю свои впечатлѣнія; а ихъ вѣдь въ рамку не вставишь, да я и не желаю. Думаю, что видъ арсенала Медичей вызвалъ бы тѣ же впечатлѣнія и въ душѣ каждаго, какъ ударъ стали о кремень непремѣнно высѣкаетъ огонь.

Послѣ арсенала мы довольно долго бродили по музею, и здѣсь-то я оцѣнилъ всѣ выгоды хожденія среди произведеній искусства въ обществѣ знатока, какимъ былъ Лансерэ. Музей расположенъ въ двѣнадцати залахъ, которыя занимаютъ первый и второй этажъ зданія, находящагося въ улицѣ Гибеллиновъ и называющагося также то дворцомъ Подесты, то преторіею, а чаще il Bargello. Лучшія произведенія изъ мрамора и бронзы принадлежатъ мастерамъ, работами которыхъ гордятся всѣ итальянскіе, а отчасти и всѣ европейскіе музеи: это — Микель-Анджело, Донателло, Іоаннъ Болонскій, Бенвенуто Челлини, Брунелески. Въ одной изъ залъ бросается въ глаза колоссальный бюстъ Козьмы 1-го, работы Челлини, а также пьяный Бахусъ, работы Микель-Анджело. Замѣчательны также мелкія работы изъ слоновой кости, изъ бронзы, тонкая рѣзьба изъ дерева: все это—отчасти старинная утварь, украшенія кабинетовъ, будуаровъ и молелень тосканскихъ владыкъ, отчасти украшенія старинной одежды и тому подобныя бездѣлушки. Но на всемъ этомъ лежитъ печать безсмысленной, возмутительной роскоши. Впрочемъ, послѣ всего того, что я видѣлъ уже здѣсь, во Флоренціи и въ другихъ музеяхъ, этотъ послѣдній музей показался мнѣ бѣднымъ.

паніи я упивался дивными произведеніями этого симпатичнѣйшаго свѣтила живописи.

Голодъ заставилъ меня наконецъ вспомнить, что одними картинами и статуями сытъ не будешь, и я поспѣшилъ въ отель—позаботиться о «хлѣбѣ единомъ»...

XX.

Встрѣча съ соотечественниками.—Въ церкви Санта-Кроче.

— Ба, ба!—какими судьбами? Здравствуйте!

Оглядываюсь—Россоловскій, В. С. Я въ это время сидѣлъ въ столовой отеля и подкрѣплялся „хлѣбомъ единымъ“ съ омлетами и котлетами.

— Вячеславъ Сильвестровичъ!—вы ли это? удивленно развожу я руками.

— Какъ видите.

— Да васъ трудно и узнать! вы такъ посѣдѣли и загорѣли.

— Да, есть-таки... А вы откуда?

— Я и самъ не знаю откуда:—изъ Ментона, изъ Испаніи, изъ Севильи, изъ Рима, изъ Неаполя... А вы?

— Прямо изъ Африки, изъ Алжира... Позвольте васъ познакомить—художникъ Лансере; вмѣстѣ въ Алжирѣ зиму провели.

— Очень радъ, давно знаю прелестныя ваши работы—эти бронзовыя группы.

И Лансере и Россоловскій тутъ же усѣлись рядомъ со мной и начали тоже кушать «хлѣбъ единый» съ приложеніями.

Я имъ очень обрадовался—такъ давно, казалось, не видалъ ни одного соотечественника среди этой «басурманщины», хотя, въ сущности, только наканунѣ простился съ своими соотечественницами въ Неаполѣ.

— Что же вы дѣлали въ Алжирѣ?

— Да отчасти лѣчились африканскимъ солнцемъ, отчасти работали.

— То-то слѣды африканскаго солнца у васъ на щекахъ очень замѣтны.

Послѣ завтрака, мы втроемъ пошли бродить по городу. Мнѣ особенно было пріятно осматривать художественныя произведенія съ такимъ знатокомъ и цѣнителемъ ихъ, какъ Лансере: онъ вѣдь самъ вложилъ свою душу въ это дѣло, въ созданіе живыхъ существъ изъ гипса и бронзы—вѣдь его броня говоритъ, дышетъ.

Мы прошли прежде всего въ museo nazionale. Едва трещотка-контролеръ пропустила васъ съ билетомъ, какъ вы сталкиваетесь лицомъ къ лицу со всевозможными древними и новыми оружіями: мечи, копья, шлемы, латы, забрала, мушкеты, пищали, кольчуги, полныя рыцарскія вооруженія, одна тяжесть которыхъ говоритъ, что носили ихъ не люди, а великаны, звѣри, кровожадныя чудовища... Мозгъ отказывается представить ужасныя картины того, что творилось при по-

придѣлѣ два прелестныхъ памятника, подъ которыми покоятся двѣ польки. На одномъ—прелестная мраморная женщина: она, повидимому, спитъ на своемъ мраморномъ ложѣ. Другой памятникъ—бюстъ молодой женщины, съ цѣлымъ стихотвореніемъ вмѣсто эпитафіи.

Оканчивается оно такъ:

Ledwie mu zmysły anioł poprzesłania,
Juz go wywodzi drugie zmartwychwstania.

Весь полъ церкви, какъ это можно видѣть и въ другихъ старинныхъ католическихъ соборахъ, покрытъ надгробными плитами съ надписями, именами, эпитафіями, барельефами:—это изображеніе погребенныхъ тутъ знатныхъ лицъ. Но все это постерто ногами молящихся, а также безпрестанно слоняющимися путешественниками. Иные вводятъ сюда даже собачекъ. Къ выходу уже, на лѣвой сторонѣ, почти противъ Макіавелли, возвышается прекрасный памятникъ Галилея, т. е. и памятникъ и гробница. На верху—бюстъ великаго человѣка: онъ смотритъ на небо. Взоры стоящихъ около него геніевъ обращены туда-же. Подъ нимъ эпитафія, но не хвастливая, не глупая, какъ у Макіавелли, а глубоко-правдивая:

Galilaeus Galilaejus patric. flor.
Geometriae, astronomiae, philosophiae maximus restitutor
Nulli aetatis suae comparandus
Hic bene quiescat.

Замѣчательно, что указательный палецъ правой руки великаго человѣка хранится въ залѣ библіотеки монастыря San Lorenzo, въ стеклянномъ сосудѣ. Палецъ этотъ выкраденъ изъ могилы. Это не удивительно: вѣдь и частицы мощей угодниковъ также похищались вѣрующими.

Еще двѣ гробницы по сосѣдству съ памятникомъ Макіавелли:—Микель-Анджело и поэта Альфіери. Тѣло Микель-Анджело, какъ извѣстно, подобно пальцу Галилея, было выкрадено Козьмою Медичи изъ базилики Петра въ Римѣ, гдѣ оно первоначально было похоронено, а потомъ вторично погребено уже здѣсь, въ церкви Санта-Кроче.

Рядомъ съ нимъ гробница Альфіери, работы Кановы. На ней надпись:

Victorio Alfiero Astensi
Aloisia è principibus Stolbergis
Albaniae comitessa
M. P. C. an. MDCCCX.

Эта графиня Альбани, которая воздвигла памятникъ надъ прахомъ поэта, была прежде женою Карла Эдуарда, графа Альбани, претендента на англійскій престолъ. Онъ сошелъ съ ума и его развели съ женой. Она сошлась съ Альфіери, и болѣе двадцати лѣтъ они были неразлучны. Посвящая свою трагедію „Мирра“ графинѣ, поэтъ говоритъ: «Вы были источникомъ, изъ котораго черпалъ свои

силы мой геній и моя жизнь началась только съ того дня, въ который она прикована была къ вашей». Графиня пережила своего возлюбленнаго поэта болѣе чѣмъ на двадцать лѣтъ, и, по желанію Альфіери, ея прахъ положили въ одну урну съ прахомъ ея возлюбленнаго. На урнѣ латинская эпитафія, сочиненная самимъ Альфіери: „Здѣсь покоится Элоиза Штольбергъ, графиня Альбани, знаменитая родомъ, славная тѣлесною красотою, дарованіями ума и несравненною чистотою души. Погребена, по волѣ Виктора Альфіери, въ одной съ нимъ могилѣ". Къ этому имъ же прибавлено: „это начерталъ я, въ надеждѣ и желаніи умереть прежде ея; но если Богъ судилъ иначе—то надписать: погребена по волѣ Альфіери, который вскорѣ будетъ похороненъ подлѣ нея. Въ теченіе двадцати шести лѣтъ онъ предпочиталъ ее всему на свѣтѣ. Смертную онъ видитъ ее повсюду и чтитъ, какъ божество".

Желаніе поэта исполнилось: онъ умеръ много раньше своего божества. Памятникъ исполненъ рѣзцомъ великаго Кановы.

Изъ Санта-Кроче мы направились въ академію художествъ (academia delle belle arti), гдѣ нашли, впрочемъ, мало замѣчательнаго. Изъ статуй обращаетъ на себя вниманіе знаменитая статуя Давида, работы Микель-Анджело. Тамъ же мы видѣли нѣсколько экземпляровъ изображенія Милосердія и одна изъ нихъ—предсмертная, недоконченная работа великаго Анджело: говорятъ, что онъ готовилъ ее себѣ на памятникъ, но не окончилъ. Впрочемъ, и по едва замѣтнымъ штрихамъ можно судить, что это штрихи великаго мастера. Зато въ залахъ съ образцами старинной живописи (XIII—XIV вѣка) мнѣ представлялось, что я стою передъ произведеніями нашихъ суздальскихъ богомазовъ. Въ новѣйшей живописи — большею частью копіи и, сколько мнѣ помнится, ни одного выдающагося произведенія. Въ академіи я оставался недолго. Остальную часть дня я посвятилъ скитаньямъ по городу, по церквамъ и площадямъ. Въ церкви Santa Maria Novella я видѣлъ извѣстное изображеніе ада, работы Бернарда Орканьи: въ числѣ грѣшниковъ въ аду онъ изобразилъ своего врага, подъячаго, насолившаго чѣмъ-то художнику; за это онъ и запряталъ его (портретъ, конечно) въ адъ.

Затѣмъ я видѣлъ дома тѣхъ изъ флорентинцевъ, которые прославили свою родину, какъ-то: дома—Галилея, Альфіери, Бенвенуто-Челлини, Данта, Микель-Анджело и Макіавелли, который тоже считался гордостью своего отечества. Да и то сказать—Флоренція дала міру не мало славныхъ именъ.

Но пора ужь и прощаться съ городомъ Медичисовъ. У меня впереди еще Венеція, а времени остается немного: пора и въ Россію возвращаться, въ которой я не былъ болѣе полугода.

Съ вечернимъ поѣздомъ я и оставилъ родину Галилея.

придѣлѣ два прелестныхъ памятника, подъ которыми покоятся двѣ польки. На одномъ—прелестная мраморная женщина: она, повидимому, спитъ на своемъ мраморномъ ложѣ. Другой памятникъ—бюстъ молодой женщины, съ цѣлымъ стихотвореніемъ вмѣсто эпитафіи.

Оканчивается оно такъ:

Ledwie mu zmysły anioł poprzesłania,
Juz go wywodzi drugie zmartwychwstania.

Весь полъ церкви, какъ это можно видѣть и въ другихъ старинныхъ католическихъ соборахъ, покрытъ надгробными плитами съ надписями, именами, эпитафіями, барельефами:—это изображеніе погребенныхъ тутъ знатныхъ лицъ. Но все это постерто ногами молящихся, а также безпрестанно слоняющимися путешественниками. Иные вводятъ сюда даже собачекъ. Къ выходу уже, на лѣвой сторонѣ, почти противъ Макіавелли, возвышается прекрасный памятникъ Галилея, т. е. и памятникъ и гробница. На верху—бюстъ великаго человѣка: онъ смотритъ на небо. Взоры стоящихъ около него геніевъ обращены туда-же. Подъ нимъ эпитафія, но не хвастливая, не глупая, какъ у Макіавелли, а глубоко-правдивая:

Galilaeus Galilaejus patric. flor.
Geometriae, astronomiae, philosophiae maximus restitutor
Nulli aetatis suae comparandus
Hic bene quiescat.

Замѣчательно, что указательный палецъ правой руки великаго человѣка хранится въ залѣ библіотеки монастыря San Lorenzo, въ стеклянномъ сосудѣ. Палецъ этотъ выкраденъ изъ могилы. Это не удивительно: вѣдь и частицы мощей угодниковъ также похищались вѣрующими.

Еще двѣ гробницы по сосѣдству съ памятникомъ Макіавелли:—Микель-Анджело и поэта Альфіери. Тѣло Микель-Анджело, какъ извѣстно, подобно пальцу Галилея, было выкрадено Козьмою Медичи изъ базилики Петра въ Римѣ, гдѣ оно первоначально было похоронено, а потомъ вторично погребено уже здѣсь, въ церкви Санта-Кроче.

Рядомъ съ нимъ гробница Альфіери, работы Кановы. На ней надпись:

Victorio Alfiero Astensi
Aloisia è principibus Stolbergis
Albaniae comitessa
M. P. C. an. MDCCCX.

Эта графиня Альбани, которая воздвигла памятникъ надъ прахомъ поэта, была прежде женою Карла Эдуарда, графа Альбани, претендента на англійскій престолъ. Онъ сошелъ съ ума и его развели съ женой. Она сошлась съ Альфіери, и болѣе двадцати лѣтъ они были неразлучны. Посвящая свою трагедію „Мирра“ *графинѣ, поэтъ говоритъ*: «Вы были источникомъ, изъ котораго черпалъ свои

силы мой геній и моя жизнь началась только съ того дня, въ который она прикована была къ вашей». Графиня пережила своего возлюбленнаго поэта болѣе чѣмъ на двадцать лѣтъ, и, по желанію Альфіери, ея прахъ положили въ одну урну съ прахомъ ея возлюбленнаго. На урнѣ латинская эпитафія, сочиненная самимъ Альфіери: „Здѣсь покоится Элоиза Штольбергъ, графиня Альбани, знаменитая родомъ, славная тѣлесною красотою, дарованіями ума и несравненною чистотою души. Погребена, по волѣ Виктора Альфіери, въ одной съ нимъ могилѣ". Къ этому имъ же прибавлено: „это начерталъ я, въ надеждѣ и желаніи умереть прежде ея; но если Богъ судилъ иначе—то надписать: погребена по волѣ Альфіери, который вскорѣ будетъ похороненъ подлѣ нея. Въ теченіе двадцати шести лѣтъ онъ предпочиталъ ее всему на свѣтѣ. Смертную онъ видитъ ее повсюду и чтитъ, какъ божество".

Желаніе поэта исполнилось: онъ умеръ много раньше своего божества. Памятникъ исполненъ рѣзцомъ великаго Кановы.

Изъ Санта-Кроче мы направились въ академію художествъ (academia delle belle arti), гдѣ нашли, впрочемъ, мало замѣчательнаго. Изъ статуй обращаетъ на себя вниманіе знаменитая статуя Давида, работы Микель-Анджело. Тамъ же мы видѣли нѣсколько экземпляровъ изображенія Милосердія и одна изъ нихъ—предсмертная, недоконченная работа великаго Анджело: говорятъ, что онъ готовилъ ее себѣ на памятникъ, но не окончилъ. Впрочемъ, и по едва замѣтнымъ штрихамъ можно судить, что это штрихи великаго мастера. Зато въ залахъ съ образцами старинной живописи (XIII—XIV вѣка) мнѣ представлялось, что я стою передъ произведеніями нашихъ суздальскихъ богомазовъ. Въ новѣйшей живописи — большею частью копіи и, сколько мнѣ помнится, ни одного выдающагося произведенія. Въ академіи я оставался недолго. Остальную часть дня я посвятилъ скитаньямъ по городу, по церквамъ и площадямъ. Въ церкви Santa Maria Novella я видѣлъ извѣстное изображеніе ада, работы Бернарда Орканьи: въ числѣ грѣшниковъ въ аду онъ изобразилъ своего врага, подъячаго, насолившаго чѣмъ-то художнику; за это онъ и запряталъ его (портретъ, конечно) въ адъ.

Затѣмъ я видѣлъ дома тѣхъ изъ флорентинцевъ, которые прославили свою родину, какъ-то: дома—Галилея, Альфіери, Бенвенуто-Челлини, Данта, Микель-Анджело и Макіавелли, который тоже считался гордостью своего отечества. Да и то сказать—Флоренція дала міру не мало славныхъ именъ.

Но пора ужь и прощаться съ городомъ Медичисовъ. У меня впереди еще Венеція, а времени остается немного: пора и въ Россію возвращаться, въ которой я не былъ болѣе полугода.

Съ вечернимъ поѣздомъ я и оставилъ родину Галилея.

XXI.

Въ Венеціи.—Возвратъ на родину.

Когда я сидѣлъ уже въ вагонѣ, долженствовавшемъ везти меня въ Венецію, и безучастно смотрѣлъ на толпу, суетившуюся по платформѣ, какъ это всегда бываетъ при отходѣ поѣзда изъ большаго города,—вдругъ среди гама, крика, привѣтствій и прощаній, оглашавшихъ воздухъ на разныхъ басурманскихъ языкахъ, которые въ теченіе полугода опостылѣли мнѣ хуже горькой рѣдьки,—мой слухъ поразили громкіе отечественные глаголы:—Ахъ, Катя, отойди отъ вагона—не держись за окно...—«Ничего, ничего—не бойся».—Ахъ, пѣтъ,—долго-ли до грѣха!—поѣздъ вдругъ тронется—пожалѣй мои нервы...—«Хорошо, хорошо—вотъ я и отошла».—Да не забудьте, Петръ Ивановичъ, разцѣловать Васю.—«Боюсь, что забуду»...—Ха-ха-ха! вотъ злюка!—«Звонокъ!—прощайте! до свиданья!»—До свиданья въ деревнѣ!

Поѣздъ тронулся. Вмѣстѣ со мной сидѣлъ въ вагонѣ какой-то господинъ, который, повидимому, сильно былъ заинтересованъ разговоромъ неизвѣстныхъ россіянъ и россіянокъ, часто высовывалъ голову изъ вагона, и когда поѣздъ двинулся, онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, по-французски:

— Скажите, пожалуйста, какой это языкъ, на которомъ говорили въ сосѣднемъ вагонѣ и на платформѣ?—Вы не знаете?

— Это языкъ русскій, отвѣчаю я.—«О! русскій!—такъ это языкъ русскихъ?—Я никогда не слыхалъ его».—А какъ онъ вамъ понравился?—«О, языкъ, кажется, мелодичный, сильный».—Человѣкъ—никогда не слыхавшій русскаго языка! Впрочемъ, что-жъ удивительнаго?—«А вы сами—русскій?» снова спросилъ незнакомецъ.—Да, русскій.—«Русскихъ теперь очень много живетъ въ Европѣ; но мнѣ не приводилось ни разу слышать русскаго разговора... Говорятъ, что въ Россіи теперь очень тяжело жить».—Отчего же? притворно удивляюсь я.—«Помилуйте!..» И онъ началъ выкладывать передо мной такія прелести, ходящія на нашъ счетъ по Европѣ, которыя я стѣсняюсь довѣрить русскому печатному станку.

— «Ну, думаю, прославились на весь образованный міръ... Скоро стыдно будетъ признаться въ Европѣ, что ты русскій... Добились таки!..»

Я постарался замять разговоръ—и притворился засыпающимъ. Да я и въ самомъ дѣлѣ скоро заснулъ. Проснулся я уже въ Болоньѣ и чуть было не укатилъ совсѣмъ не по той линіи, по которой лежалъ мой путь въ Венецію. Дѣло въ томъ, что въ Болоньѣ совершается пересадка въ другіе вагоны тѣхъ пассажировъ, которые ѣдутъ въ Падую и Венецію. Я проспалъ эту пересадку и очутился въ положеніи рака на мели. Просыпаюсь—поѣздъ стоитъ у большой станціи. На платформѣ тихо—совсѣмъ не замѣтно бѣготни. Неужели все это спитъ? думаю.—«А какъ называется эта станція»? спрашиваю проходящаго мимо

окна служащаго.—«Болонья», отвѣчаетъ.—«Долго стоитъ поѣздъ?»—Еще долго. А вы куда изволите ѣхать?—«Въ Венецію».—Да венеціанскій поѣздъ ушелъ сейчасъ.—«Какъ ушелъ!—Развѣ была пересадка?»—Была—и поѣздъ ушелъ.—«Вотъ тебѣ и на!» невольно воскликнулъ я по россійски:—«проспалъ, болванъ, и никакая скотина меня не разбудила».—Вы проспали, вѣроятно? спрашиваетъ любезно.—«Да, проспалъ».—Это ничего—слѣдующій поѣздъ идетъ часа черезъ четыре: вы подождите на станціи, а я велю вынести ваши вещи.

Такъ я и прождалъ въ Болоньѣ до утра. Солнце всходило, когда поѣздъ удалялся отъ города по роскошной долинѣ, и на синевѣ горизонта выдѣлялись странные силуеты «падающихъ башень»:—Torre Asinelli и Torre Garisenda. Станціи мелькали одна за другой; поѣздъ мчался черезъ По и Бренту, минуя Феррару и Падую. День былъ прекрасный. Когда поѣздъ стучалъ по желѣзному мосту, перекинутому черезъ Бренту, въ умѣ моемъ невольно повторялись строфы стариннаго-стариннаго романса:

Тихо Брента протекала,
Серебримая луной...

А теперь въ ея мутныхъ струяхъ игралo солнце.

Венеція подкралась какъ-то незамѣтно. Сначала поѣздъ шелъ болотистой равниной, потомъ безконечною дамбою, по сторонамъ которой разстилалось жалкое, безконечное-же болотное море—это лагуны... Такого однообразно-гнуснаго, такого жалкаго вида не представляетъ, кажется, ни одна мѣстность въ мірѣ, какъ окрестности въ Венеціи. По безконечному болоту скользятъ какія-то жалкія посудины въ родѣ плотовъ. Изъ этого-же болота, впереди, выползаютъ странныя, мрачныя зданія, куполы, башни, словно это былъ затопленный или засасываемый болотною трясиною городъ. Это и есть Венеція, во многихъ отношеніяхъ отвратительнѣйшій изъ всѣхъ городовъ въ мірѣ и въ то же время необычайно оригинальный, а иногда даже какой-то волшебный, словно это — капризная декорація на сценѣ. Безконечная дамба кончается наконецъ и поѣздъ входитъ въ галлерею желѣзнодорожной станціи. Юркіе факино влекутъ ваши ручныя вещи и чемоданы. Таможенный досмотръ производится быстро, и въ одинъ моментъ багажъ вашъ уже на узенькой набережной Canale Grande, гдѣ выстроились въ рядъ длинныя и черныя,—какъ засмоленные гробы,—гондолы съ круто выгнутыми кормой и носомъ. Гондола обязательно черная: таковъ ея традиціонный цвѣтъ. Носъ ея—плоская желѣзная ростра, словно голова птицы съ гребенчатою шеею. «Гондольеръ молодой» смотритъ совсѣмъ старичиной или монахомъ. Какой-то оборванецъ придерживаетъ съ берега гондолу, когда вы въ нее садитесь, и протягиваетъ шляпу для подачки.

Гондола скользитъ по Canale Grande. Гондольеръ гребетъ стоя, однимъ весломъ. Вдоль канала вытянулся рядъ высокихъ, мрачныхъ, закоптѣлыхъ зданій, крыльца которыхъ сходятъ прямо въ воду. Вода вездѣ! Изъ нея, у большихъ

дворцовъ, торчатъ высокія, выкрашенныя цвѣтною краскою, сваи для причала гондолъ, какъ у насъ колоды для извощичьихъ лошадей.—Но что это за дворцы!—унылые, облупленные, почернѣвшіе—они кажутся вымершими домами, чѣмъ-то заброшеннымъ. И какъ только живутъ люди въ этихъ тюрьмахъ, окруженныхъ водою, которая плесенью и водорослями покрываетъ ихъ основанія! Но окна этихъ дворцовъ-тюремъ выходятъ, по крайней мѣрѣ, на Canale Grande, гдѣ есть маленькій просторъ. Но изъ Canale Grande гондола поворачиваетъ въ узенькіе каналики, гдѣ уже совсѣмъ почти нѣтъ просвѣта, гдѣ высокія, четырехъ и пятиэтажныя тюрьмы, выходя изъ воды, стоятъ сплошными рядами и, кажется, давятъ другъ-дружку. Тамъ и сямъ, по обѣ стороны каналовъ, чернѣютъ узкія щели — это внутреннія улички, calle, по которымъ изрѣдка бродятъ прохожіе, точно задыхающіеся въ этихъ щеляхъ и въ этихъ тюрьмахъ. Наконецъ гондола пристала къ крыльцу одной огромной тюрьмы. Это «Grand hôtel Vittoria». Растворяются двери и изъ нихъ выходитъ ливрейная прислуга, чтобы взять изъ гондолы мой багажъ. Я вступаю въ тюрьму. Но внутри это уже не тюрьма, а роскошный отель съ франтами-лакеями, съ коврами на полахъ, съ дорогими картинами на стѣнахъ, съ обширными залами.

Послѣ завтрака я тотчасъ же отправляюсь осматривать городъ. Я выхожу не съ того подъѣзда, который ведетъ на каналъ, а съ другаго, что̀ ведетъ въ узенькую уличку—calle Frezzeria. По этой уличкѣ-щели выхожу я въ другую щель, влѣво, потомъ вправо, снова влѣво—и черезъ портикъ вступаю на площадь Марка. Здѣсь уже шло кормленіе голубей. Сотни этихъ сизыхъ, прожорливыхъ дурачковъ такъ и кидаются, словно собаки, на дѣтей и барынь, сидящихъ на ступеняхъ портиковъ и бросающихъ въ голубей горстями кукурузы. Избалованная каждодневными кормежками, глупая птица не довольствуется тѣми зернами, что̀ ей бросаютъ на мостовую, а норовитъ клевать прямо изъ рукъ: голуби садятся барынямъ и дѣтямъ, которыя ихъ кормятъ, и на колѣни, и на плечи, лѣзутъ даже въ бумажные мѣшки съ зернами, суютъ головы въ карманы. Эта картина повторяется изо дня въ день, утромъ, особенно около двухъ часовъ пополудни.

Площадь Марка (piazza San Marco) составляетъ удлиненный четырехугольникъ, вымощенный сѣрымъ и бѣлымъ мраморомъ, и окруженный съ трехъ сторонъ красивыми зданіями съ портиками и галлереями. Четвертую сторону занимаетъ соборъ Марка, отъ котораго начинается малая площадь, или Piazzetta, выходящая на набережную. Площадь Марка и Piazzetta—это лучшее, что̀ имѣетъ въ себѣ Венеція, и самое красивое, просторное пространство, свободное отъ воды, гдѣ, по крайней мѣрѣ, есть чѣмъ вздохнуть, гдѣ не видишь этихъ скучныхъ каналовъ, этихъ облупленныхъ дворцовъ-тюремъ, этихъ узкихъ щелей, называемыхъ улицами. Правда, есть еще просторъ—это «набережная славянъ» *или «рабовъ»* (Riva degli Schiavoni), широкая и хорошо вымощенная, съ

открытымъ видомъ на море и на острова, да публичный садъ, на юговосточномъ концѣ венеціанскаго острова, гдѣ есть и просторъ и прекрасная, богатая зелень. На эти обѣ площади—на большую и малую—выходятъ и дворецъ дожей, и соборъ Марка, и зданія прокурацій; сюда выходитъ и знаменитая башня съ вычурными часами (Torre dell'Orologio); здѣсь же возвышается Кампанилла, самая высокая колокольня въ Италіи; противъ собора стоятъ три высокія мачты, на которыхъ когда-то развѣвались флаги покоренныхъ Венеціею странъ—Мореи, Кандіи и Кипра. Въ концѣ Piazzett'ы возвышаются двѣ колонны: на одной изъ нихъ стоитъ крылатый левъ Венеціи, а на другой св. Георгій, побѣждающій змія.

Соборъ Марка очень напоминаетъ собою византійскія церкви. На немъ красуются знаменитые бронзовые кони, числомъ четыре. Кони эти принадлежатъ времени Нерона, и изъ Рима были перевезены въ Константинополь при Константинѣ, откуда въ 1205 году ихъ взяли въ Венецію, а изъ Венеціи — при Бонапартѣ—въ Парижъ, и уже послѣ вѣнскаго конгресса, въ 1815 году, ихъ снова возвратили Венеціи. Внутренность собора, его иконостасы, золотыя и серебряныя украшенія,—все это также напоминаетъ наши церкви. Меня удивила неровность пола въ немъ: мраморныя плиты лежатъ то выше, то ниже, и ходить по нимъ неудобно. Въ этомъ храмѣ, въ святилищѣ нѣкогда могущественной, гордой республики, душу невольно смущала мысль—сколько гнусныхъ злодѣяній совершено владыками Венеціи—дожами, совѣтомъ десяти и инквизиторами — съ благословенія этого святилища, прошедшее котораго такъ позорно. Позоръ этотъ лежитъ на всей Венеціи, на каждой плитѣ мраморныхъ мостовыхъ площади Марка и Пьяцетты, на каждой ступени „лѣстницы гигантовъ“, ведущей во дворецъ дожей, на всемъ этомъ дворцѣ, на „мосту вздоховъ“, на „набережной славянъ“—и исторія не смоетъ этого позора всѣми водами Адріатики.

Я вышелъ изъ собора, чтобы идти во дворецъ дожей, и моимъ глазамъ представилась картина, напоминающая сцены изъ оперы „Джіоконда“. Не видно только доносчиковъ въ видѣ пѣвцовъ, но вся внѣшность осталась, конечно, тою же, какою она была и въ то время, когда дожи обручались съ моремъ, а подъ свинцовыми крышами тюрьмы (piombi) и въ сырыхъ казематахъ подъ водою (pozzi) томились узники инквизиціи, головы которыхъ и скатывались съ плахи вотъ на эту самую мраморную мостовую. Когда я осматривалъ внутренній дворъ дворца, ко мнѣ подошелъ какой-то господинъ, прилично одѣтый, и любезно сталъ обращать мое вниманіе то на одинъ, то на другой предметъ. Говорилъ онъ по-французски, но съ особеннымъ произношеніемъ: jamais у него выходило зам toujour—тузуръ. Послѣ я догадался, что это былъ навязчивый чичероне, потому что онъ послѣдовалъ за мной и на «лѣстницу гигантовъ» (scala dei giganti) и указывалъ мнѣ на колоссальныя статуи Марса и Нептуна (точно я самъ этого не зналъ) и на то мѣсто, гдѣ обезглавленъ былъ дожъ Марино

Фаліеро; но отослать отъ себя этого непрошенаго благодѣтеля мнѣ уже было неловко и я позволилъ ему жужжать мнѣ на ухо свои надоѣдливыя объясненія.

— Вотъ въ стѣнѣ отверстіе, куда въ пасть льва клались доносы инквизиціи.

—Знаю,—я раньше зналъ это.

— А тамъ на дворѣ, у фонтана, повѣшенъ былъ Календаріо, который строилъ этотъ дворецъ.

— И это знаю, благодарю.

Я обошелъ потомъ весь дворецъ и залу, гдѣ избирались дожи (salla dello scrutinio), которая вся расписана изображеніями изъ исторіи Венеціи, и залу постыднаго совѣта десяти—съ картинами Веронезе и Целотти, и залу, скорѣе прихожую, „львиной пасти“ (della bussolla)—пасти, въ которую опускались явные и тайные доносы,—обошелъ и музей и библіотеку.

А мой чичероне все слѣдуетъ за мной и неустанно болтаетъ: «вотъ остановитесь здѣсь—глядите на эту картину“, „обратите вниманіе на эту статую“, „вотъ античная копія Венеры Медичи“, «въ эту дверь уводили преступниковъ на ponte dei sospiri» и т. д.

Въ одной залѣ меня заняла курьезная географическая карта XV-го вѣка, на которой изображены извѣстныя тогда страны и въ томъ числѣ Россія. Но, Боже мой, что это за Россія! Города и провинціи перепутаны, рѣки не туда текутъ, не туда впадаютъ, моря какія-то фантастическія, точно это какая-нибудь центральная Африка.

Наконецъ я въ залѣ большаго совѣта (salla del maggior consiglio). Это—какъ говоритъ мой гидъ—„salle une des plus vastes et des plus somptueuses de l'Europe“.На стѣнахъ—изображенія блестящихъ моментовъ въ политической жизни нѣкогда могущественной республики. Выше этихъ изображеній тянется рядъ портретовъ дожей, числомъ 76. Сколько высокомѣрія и злодѣйской тупости написано на иныхъ лицахъ! Послѣ 76-го портрета помѣщена черная доска съ надписью: Hic est locus Marini Falieri, decapitati pro criminibus», т. е.: „Вотъ мѣсто Марино Фаліеро, обезглавленнаго за преступленія“. Но, признаюсь, сколько я ни вглядывался въ эту доску (портреты дожей и доска помѣщены очень высоко),—я видѣлъ только черную доску и—никакой надписи.

Изъ дворца дожей я снова вышелъ на Піацетту и распростился съ своимъ чичероне, сунувъ ему въ руку двѣ бумажныхъ лиры. Скоро я очутился на Riva degli Schiavoni. У берега—цѣлыя стаи черныхъ гондолъ, словна стая черныхъ галокъ, опустившаяся на море. Гондольеры, и старые и молодые, усердно предлагаютъ свои услуги.

— Gondola, signore, gondola.

— Спасибо, братцы, не надо.

— Gondola, signore, eccelente gondola!

— Убирайтесь, не надоѣдайте!

А тутъ мальчики и взрослые такъ и суются въ глаза съ разными предложеніями: тотъ развертываетъ у васъ подъ носомъ дешевыя панорамы Венеціи, этотъ прельщаетъ васъ маленькими живыми черепахами, третій суетъ вамъ въ руки раковины. Но всѣхъ восхитительнѣе кувыркающіеся мальчишки: вы идете себѣ, отбиваясь отъ разныхъ услугъ, а передъ вами какъ изъ земли выростаетъ оборванный мальчишка, моментально становится на руки, внизъ головой, колесомъ перекувыркивается и, вставъ на ноги, протягиваетъ для подачки шапку, да съ такимъ видомъ, какъ будто онъ сдѣлалъ для васъ величайшее одолженіе и какъ будто для насъ, иностранцевъ, составляетъ невиданное чудо, какъ мальчишки кувыркаются. Ну, нечего дѣлать—и дашь такому артисту мѣдяка.

А между тѣмъ вы не можете оторваться отъ мысли, что вы идете по Riva degli Schiavoni, по „набережной славянъ", которая когда-то была невольничьимъ рынкомъ,—рынкомъ, на которомъ продавались рабы, невольники, преимущественно нашъ братъ славянинъ, разные иллирійцы, сербы, далматинцы, да наши запорожцы, украинцы и украинки, которыхъ табунами уводили татары въ Крымъ, въ Кафу и въ Козловъ (нынѣ Евпаторія), и продавали на своихъ невольничьихъ рынкахъ генуэзцамъ и венеціанцамъ, пріѣзжавшимъ въ Крымъ съ своими кораблями,—и тутъ, на этой Riva degli Schiavoni, въ виду дворца дожей съ его мавританскими орнаментами, въ виду этого моря и гондолъ, вы невольно переноситесь мыслью въ далекую Украйну, и въ душѣ у васъ звучитъ живучая народная пѣсня:

Ой изъ-за горы, горы,
Зъ темненького лісу
Татары йдуть,
Волыночку везуть.
У волыночки коса—
Зъ золотого волоса—
Щирый біръ освітила,
Зелену діброву
И биту дорогу.

И попадала «волыночка» на Riva degli Schiavoni, и свѣтила своею золотою косою, пока ее не покупали въ гаремъ какого-нибудь члена «совѣта десяти»...

— А, здравствуйте! вотъ неожиданность!

Смотрю—это знакомыя русскія дамы, съ которыми я отъ Ментона ѣхалъ до Генуи.

— Здравствуйте! изумляюсь и я, встрѣчая на Riva degli Schiavoni россіянокъ, хоть и не бѣдныхъ невольницъ, не «волыночекъ», а все-же соотечественницъ.

— Вы ужь изъ Рима?

— Да, изъ Рима, изъ Неаполя, изъ Флоренціи.

— А давно въ Венеціи?

— Сейчасъ пріѣхалъ: — успѣлъ только осмотрѣть Марка и дворецъ дожей.

— А теперь куда?

— Да вотъ хочу познакомиться съ Riva degli Schiavoni.

— Не хотите-ли съ нами? Мы только отнесемъ книги въ читальню, а потомъ мы вамъ покажемъ здѣшній jardin public, единственное мѣсто послѣ площади Марка, гдѣ гулять можно.

— Отлично, я буду ждать васъ.

— Кстати-же мы тамъ, вѣроятно, встрѣтимъ вашу ментонскую знакомую, которая всегда тамъ гуляетъ.

— Какую знакомую? княжну Туманову? Развѣ она здѣсь?

— Нѣтъ, не Туманова, а та, бѣлая дама—Ольга Алексѣевна.

— А какъ она попала сюда? Вѣдь она, кажется, хотѣла ждать мужа гдѣ-то на Комо или въ Меранѣ, или Монтрё.

— Да она вездѣ и была, и вездѣ соскучилась, а вотъ теперь здѣсь, и объ васъ спрашивала.

Скоро мы взошли на одинъ изъ пароходовъ, которые черезъ каждыя пять или десять минутъ совершаютъ рейсы по всему Canale Grande и вдоль Riva degli Schavoni до самаго публичнаго сада, приставая въ разныхъ мѣстахъ, чтобы ссадить однихъ пассажировъ и взять другихъ.

Садъ оказался дѣйствительно прекраснымъ, и я лично убѣдился, что онъ составляетъ единственно возможное въ Венеціи для гулянья мѣсто, хотя венеціанцы, повидимому, и не особенно цѣнятъ его, традиціонно привыкнувъ толкаться лишь по излюбленной своей piazza San Marco. Да эти морскія улитки, эти земноводные венеціанцы, и не понимаютъ, что̀ значитъ дышать ароматомъ зелени, лѣса. Еслибъ не Наполеонъ I, который, владѣя Италіею, развелъ для земноводныхъ гондольеровъ этотъ садъ, то венеціанцы такъ-бы и не додумались, конечно, до этого и продолжали-бы, вѣроятно, доселѣ плескаться въ своихъ гондолахъ по противнымъ каналамъ, да задыхаться въ вонючихъ щелеобразныхъ уличкахъ или слоняться подъ аркадами прокурацій вокругъ piazza San Marco. И какъ имъ не опротивятъ эти гондолы и эта вода, эта вѣчная сырость! Но въ то же время нельзя не сознаться, что катанье ночью въ гондолѣ по Canale Grande представляетъ что-то сказочное, и тогда этотъ странный городъ кажется положительно чѣмъ-то волшебнымъ, чарующимъ. Эти мелькающія во тьмѣ, какъ тѣни, черныя гондолы представляются иногда какими-то лодками Харона, въ могильной тишинѣ скользящими по мертвой поверхности Ахерона; иногда-же, когда мимо васъ плывутъ другія гондолы, разцвѣченныя разноцвѣтными фо-

фонариками, а съ нихъ льются въ сонный воздухъ и на эту темную воду звучныя мелодіи серенадъ, вамъ не вѣрится, чтобъ это была не иллюзія, не вѣрится, что люди въ самомъ дѣлѣ живутъ такъ, какъ это возможно допустить только въ сказкахъ, на сценѣ, на театральныхъ декораціяхъ. Я никогда не забуду одного такого волшебнаго вечера... Прекрасную прогулку доставляютъ также экскурсіи на пароходѣ или въ гондолѣ на островъ Лидо, гдѣ лѣтомъ пріѣзжающіе изъ Венеціи мѣстные жители и иностранцы наслаждаются морскими купаньями. Уже одно скитанье по песчаному морскому берегу и собиранье всевозможныхъ сортовъ раковинъ составляетъ немалое наслажденіе для людей, ищущихъ въ путешествіи—не работы для мозга и нервовъ, а полнаго ихъ успокоенія. Это успокоеніе, столь необходимое послѣ перенесенной мною тяжкой болѣзни, я и нашелъ въ моихъ скитаніяхъ по Испаніи и по Италіи.

А теперь пора и на родину. Пора дать отдыхъ и читателю, котораго я, вѣроятно, уже достаточно утомилъ иногда, быть-можетъ, излишествомъ перечисленія всего, что̀ я видѣлъ, а иногда, быть-можетъ, невольной субъективностью разсказа. Но тамъ, гдѣ писатель вступаетъ въ область личныхъ впечатлѣній, отреченіе отъ самого себя—немыслимо.

Я пробылъ въ Венеціи ровно недѣлю, а оттуда уже, исполняя наказъ моего незабвеннаго врача, Д. И. Коплакова, направилъ свой путь, черезъ Удино, живописною Каринтіею, черезъ очаровательную горную область Земмеринга—на Вѣну, а оттуда—въ южную Украйну. Въ Вѣнѣ я пробылъ недолго. Путь мой лежалъ на Краковъ, Львовъ и Кіевъ.

Кто проѣзжалъ между Вѣной и Краковомъ, тотъ помнитъ, конечно, какъ вездѣ замѣчается борьба славянскаго духа съ нѣмецкимъ. На станціяхъ вы читаете постоянно такія надписи: Neudorf—и тутъ-же—Nova ves; нѣмецъ пишетъ названіе станціи Göding, а славянинъ — Godovin; Bisenz—это Pisek. Вдоль дороги плетутся уже наши «чоботы», наши бѣлые штаны и «сорочки», босыя «дівчата» и босые ребятишки. Далѣе, въ настоящей Моравіи, вы замѣчаете, что борьба славянскаго духа съ нѣмецкимъ доходитъ уже до высокаго комизма. На станціяхъ, на *извѣстныхъ* мѣстахъ, вы видите крупныя надписи по нѣмецки и рядомъ—по славянски. Ни одна народность не обижена. Оно, конечно, комично: но эта комичность дѣлаетъ честь политическому такту австрійскаго правительства, которое умѣетъ уважать національныя чувства всѣхъ подвластныхъ ему народностей. Но зато политическая безтактность поляковъ въ той-же Австріи, по отношенію къ другимъ народностямъ, просто непростительна. Поляки—очень милый, симпатичный, даровитый народъ; но политически они совсѣмъ не развиты, что̀ и доказала вся печальная историческая судьба ихъ родины, глубоко несчастной, которую нельзя не оплакивать.

А вотъ и наши украинскіе, только не русскіе, а австрійскіе хохлята въ бѣлыхъ сорочкахъ...

Вотъ и русская граница, Броды, таможня, возмутительное рытье въ чемоданахъ, въ бумагахъ, въ книгахъ, въ душѣ... это родина...

О, родина святая!..

Д. Мордовцевъ.

Фантазія.

Склонивши гордую головку на плечо,
Она на берегу задумчиво стояла.
Въ глазахъ ея игралъ лучъ жизни горячо,
И все вокругъ нея, все жизнію дышало,—
Той чудной жизнію, что̀ изъ души зоветъ
Порывы, полные какой-то жажды страстной,
И сладко такъ томитъ, и манитъ, и влечетъ
Въ какой-то свѣтлый край, далекій и прекрасный.

И очарована той музыкой живой,
Она отвѣтила призыву всей душою,
И внизъ по крутизнѣ, туда, гдѣ волнъ прибой,
Стремительно пошла отважною стопою.
Какъ трудно было ей спускаться по камнямъ!
Не разъ ея нога съ тропинки соскользала,
И тернъ, своей иглой цѣпляясь къ волосамъ,
Царапалъ ей лицо.... Она не отступала,
И съ торжествомъ въ груди достигла зыбкихъ волнъ.
Лазоревая даль на встрѣчу ей сверкнула.
Назадъ оборотясь, «прости» она шепнула
И твердою рукой толкнула легкій челнъ.

И вдаль она плыла, и пѣсни громко пѣла,
Тѣ пѣсни звонкія, что̀ узники поютъ,
Впервые вырвавшись изъ душнаго предѣла
Глухой тюрьмы на свѣтъ, что̀ на борьбу зовутъ,
Что̀ дышатъ молодой весны благоуханьемъ,
И опьяняютъ кровь отвагой удалой.
Ей вторила волна созвучнымъ колыханьемъ,
Она ей отдалась довѣрчивой душой,
И вдаль, все вдаль плыла, и громко пѣсни пѣла....

курчавыми, какъ овечье руно его костюма—общій шопотъ и эффектъ, имъ не подозрѣваемый.

Плечи танцующихъ толкали его; молодежь, изъ начинающихъ художниковъ, посмѣивалась надъ его криво надѣтой волынкой, горнымъ мохнатымъ костюмомъ, тяжелымъ и неудобнымъ въ эту лѣтнюю ночь.

Молодая японка съ вызывающими глазами, съ высокимъ шиньономъ, поддерживаемымъ стальными ножами, напѣвала: „Ah qu' il est beau, qu'il est beau le postillon... (Ахъ, какъ онъ красивъ, мой миленькій почтальонъ...), заигрывая съ нимъ; въ то же время испанка, въ бѣлыхъ шолковыхъ кружевахъ, проходя подъ руку съ вождемъ апачей, совала ему къ носу букетъ изъ бѣлыхъ жасминовъ.

Онъ ничего не понималъ въ этихъ заигрываніяхъ, считая себя крайне смѣшнымъ, и удалился въ густую тѣнь стеклянной галлереи, на широкій диванъ, скрытый зеленью. Египтянка тотчасъ же усѣлась около него.

Была-ли она молода и красива? Онъ не съумѣлъ бы отвѣтить. Изъ подъ синей рубашки, обрисовывающей ея роскошную талію, выходили круглыя, тонкія руки, обнаженныя до самыхъ плечъ; ея маленькіе пальцы, унизанные кольцами, ея сѣрые глаза, широко открытые и казавшіеся еще больше отъ оригинальныхъ стальныхъ украшеній, падающихъ съ ея лба,— составляли одно гармоническое цѣлое.

Безъ сомнѣнія, актриса. Ихъ пріѣзжало много къ Дешелету. И эта мысль его вовсе не утѣшала, такъ какъ особы этого рода наводили на него страхъ.

Она говорила съ нимъ, наклонясь совсѣмъ близко, облокотившись на колѣно и подперевъ голову рукою, съ кротостью, серьенымъ и нѣсколько утомленнымъ голосомъ....

— Съ юга, въ самомъ дѣлѣ?.... И эти бѣлокурые волосы!.... Вотъ необыкновенная вещь!....

Она хотѣла знать, давно-ли онъ живетъ въ Парижѣ, труденъ-ли консульскій экзаменъ, къ которому онъ готовился, много-ли у него знакомыхъ и какимъ образомъ попалъ онъ на балъ Дешелета, въ улицу Рима, столь отдаленную отъ Латинскаго *квартала.*

Когда онъ назвалъ имя студента, который ввелъ его на этотъ балъ: „Лагурнери!.. родственникъ писателя“... выраженіе лица этой женщины измѣнилось, омрачившись внезапно; но онъ не обратилъ на это вниманія. Въ эти годы глаза глядятъ, ничего не видя.

Лагурнери обѣщалъ, что родственникъ будетъ здѣсь и что онъ представитъ ему Госсена.

—Я такъ люблю его стихи.... такъ буду радъ съ нимъ познакомиться...

Она съ улыбкой сожалѣнія отнеслась къ его чистосердечію, и, красиво пожимая плечами, раздвинувъ въ то же время рукою легкіе листья бамбука, стала смотрѣть на бальную залу, не увидитъ-ли тамъ этого великаго человѣка.

Праздникъ въ это время блисталъ, какъ апоѳеозъ волшебнаго представленія. Мастерская или, лучше сказать, громадный hall,—такъ какъ въ ней никогда не работали,—выведенный во всю высоту зданія, съ своими свѣтлыми обоями, легкими газовыми драпировками, сторами изъ тонкой соломы, лаковыми ширмами, разноцвѣтнымъ хрусталемъ, кустами желтыхъ розъ, украшавшихъ высокій каминъ въ стилѣ Renaissance, все это странно и разнообразно освѣщалось безчисленными китайскими, персидскими, мавританскими и японскими фонариками; одни изъ нихъ были изъ ажурнаго желѣза, вырѣзанные стрѣлками, какъ двери мечетей; другіе, изъ цвѣтной бумаги, изображали фрукты; третьи,—развернуты вѣеромъ, въ формѣ цвѣтовъ, ибисовъ и змѣй. По временамъ, внезапно, громадныя брызги электрическаго свѣта, быстрые и голубоватые, заставляли блѣднѣть эти тысячи огней, освѣщая луннымъ свѣтомъ лица и голыя плечи женщинъ, всю эту фантасмагорію матерій, лентъ и перьевъ, которыя скучивались въ бальномъ залѣ; заливая яркими лучами голландскую лѣстницу съ широкими рампами, ведущую на галлерею перваго этажа, на которой виднѣлись, изъ-за парапета, шейки контробасовъ и ожесточенные взмахи палочки капельмейстера.

Молодой человѣкъ видѣлъ все это съ своего мѣста, сквозь стѣнку зелени цвѣтущихъ ліанъ, которыя какъ бы обрамляли общее зрѣлище и, благодаря оптическому обману, при движеніи танцевъ, то бросали гирлянду глициній на серебряный

шлейфъ платья княжны, то украшали листомъ драцены личи
пастушки временъ Помпадуръ.

Въ данную минуту, для него интересъ зрѣлища удвоивал
удовольствіемъ узнавать отъ своей египтянки имена, славныя
всѣмъ извѣстныя, которыя скрывались подъ этими костюмам
столь разнообразными и забавными своею фантастичность

Этотъ доѣзжачій съ короткимъ бичомъ черезъ плечо,—бы
Жадэнъ; тогда какъ, немного далѣе, изношенная сутана сел
скаго священника скрывала старика Изабэ, казавшагося высоки
отъ пробокъ, подложенныхъ въ его башмаки съ пряжками.

А тамъ Коро улыбался изъ подъ громаднаго козыр
инвалида. Она показывала также Томаса Кутюра, наряженна
бульдогомъ, Юндта въ костюмѣ тюремщика; Шама, въ видѣ эк
тической птицы.

Нѣсколько костюмовъ историческихъ и серьезныхъ:—Мюра
въ шляпѣ съ перьями, принцъ Евгеній, Карлъ I,—въ которы
были замаскированы юные живописцы, ясно оттѣняли разни
между двумя поколѣніями артистовъ: вновь появившихся, сер
езныхъ, холодныхъ, съ типами биржевиковъ, и тѣми особе
ными морщинами, которыя проводятся денежными заботам
и артистовъ стараго поколѣнія, гораздо болѣе похожихъ
юношей, на учениковъ; болѣе шумныхъ и разнузданныхъ.

Не смотря на свои 55 лѣтъ и академическіе лавры, скуль
торъ Каудаль, одѣтый балаганнымъ гусаромъ, съ голыми р
ками, геркулесовскими мышцами, палитрой, болтающейся у е
длинныхъ ногъ вмѣсто гусарской шапки, отплясывалъ со
временъ grande-chaumière, визави съ музыкантомъ Поттером
изображавшимъ подгулявшаго муэззина, въ чалмѣ на бекрен
подплясывавшаго движеніемъ одного туловища и выкрик
вавшаго пронзительнымъ голосомъ: «Аллахъ, иль-Аллахъ!»

Веселый задоръ этихъ двухъ танцоровъ съ громкими им
нами собралъ вокругъ нихъ толпу зрителей; и въ первомъ ря
Дешелетъ, хозяинъ праздника, съ своимъ калмыцкимъ лицо
и сѣдѣющею бородкою, щурилъ маленькіе глазки подъ высок
персидскою шапкою, счастливый чужою веселостью и самъ вес
лясь безконечно, хотя этого и нельзя было замѣтить.

Инженеръ Дешелетъ, представлявшій собою типъ пари

ского артиста начала семидесятыхъ годовъ, очень добрый, богатый, со склонностью къ искусству и съ тою свободою обращенія и презрѣніемъ къ общественному мнѣнію, которыя даются холостою жизнью, проведенною въ путешествіяхъ, — строилъ въ то время желѣзную дорогу изъ Тавриза въ Тегеранъ; и каждый годъ, чтобы отдохнуть отъ десяти мѣсяцевъ утомленія, отъ ночей, проводимыхъ подъ палаткою, лихорадочныхъ скачекъ чрезъ пески и болота, онъ пріѣзжалъ проводить время сильныхъ жаровъ въ отель улицы Рима, выстроенный по его рисункамъ, меблированный, какъ лѣтній дворецъ. Сюда онъ собиралъ умныхъ мужчинъ и красивыхъ женщинъ, требуя отъ цивилизаціи, чтобы она дала ему въ нѣсколько недѣль все, что успѣла выработать возвышеннаго и увлекательнаго.

— Дешелетъ пріѣхалъ!

Эта новость разносилась по мастерскимъ, какъ только поднималась громадная, какъ театральный занавѣсъ, тиковая стора стекляннаго фасада отеля.

Это означало, что празднества начались, и что затѣмъ воспослѣдуютъ, въ теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ, музыка, танцы и кутежи, нарушающіе тишину Европейскаго квартала, погруженнаго въ оцѣпененіе въ этотъ сезонъ дачъ и морскихъ купаній.

Лично Дешелетъ былъ почти не причемъ во всей этой вакханаліи, оглашавшей стѣны его дома днемъ и ночью. Неутомимый кутила предавался удовольствіямъ съ какимъ-то холоднымъ увлеченіемъ, съ блуждающимъ взоромъ, съ улыбкой какъ бы послѣ пріема гашиша, но при всемъ томъ сохранялъ полное спокойствіе и непоколебимую разсудительность.

Вѣрный въ дружбѣ, оказывающій услуги безъ разсчета, онъ питалъ по отношенію къ женщинамъ презрѣніе восточнаго человѣка, выражавшееся у него въ снисходительности и безукоризненной вѣжливости. Изъ всѣхъ женщинъ, которыя являлись сюда, привлекаемыя его богатствомъ и фантастическимъ весельемъ окружающей его среды,—ни одна не могла похвастать, что была его любовницей дольше одного дня.

— Но все таки добрый малый... прибавила египтянка, со-

общая Госсену эти свѣдѣнія. Вдругъ, прервавъ самоё себя, она вскрикнула:

— А вотъ вашъ поэтъ!..

— Гдѣ?

— Да вотъ передъ вами, въ костюмѣ деревенскаго новобрачнаго.

Молодой человѣкъ пробормоталъ „о!“ выражавшее обманутое ожиданіе. Это его поэтъ! Этотъ потный, лоснящійся толстякъ, выставляющій изъ широкаго воротничка съ острыми концами и изъ цвѣтнаго жилета свои неуклюжія прелести... Ему пришли на память вопли отчаянія изъ „*Книги любви*“,—книги, чтеніе которой всегда сопровождалось у него лихорадочнымъ біеніемъ сердца; и онъ совершенно машинально началъ шептать:

„Pour animer le marbre orgueilleux de ton corps,

O, Sapho, j'ai donné tout le sang de mes veines“ *).

Она быстро обернулась, забренчавъ убранствомъ своего восточнаго наряда.

— Что это вы тамъ бормочете?..

Это были стихи Лагурнери. Онъ удивился, что она ихъ не знаетъ.

— Я не люблю стиховъ... коротко сказала она и, нахмуривъ брови, продолжала смотрѣть на танцы, нервно подергивая вѣтви сирени, висѣвшія передъ нею.

Потомъ съ рѣшимостью, не дешево ей доставшеюся, она произнесла: „добрый вечеръ“, и скрылась въ толпѣ.

Бѣдный пиффераро былъ пораженъ.

— Что съ нею?... Что я ей сказалъ?...

Онъ искалъ, раздумывалъ, но, не найдя ничего, рѣшилъ, что самое лучшее—отправиться домой спать. Меланхолически поднявъ свою волынку, онъ вошелъ въ большую залу, менѣе озабоченный исчезновеніемъ египтянки, чѣмъ густотой толпы, черезъ которую ему надо было протолкаться, чтобъ достигнуть дверей.

Чувство собственной безвѣстности среди этого сонма знаменитостей дѣлало его еще болѣе застѣнчивымъ. Въ это время танцы

*) „Чтобы одушевить гордый мраморъ твоего тѣла, о, Сафо, я отдалъ всю кровь моихъ венъ“.

передъ тѣмъ пріятно щекотавшія его, мало по малу сильно врѣзывались ему въ тѣло.

Въ третьемъ этажѣ онъ уже хрипѣлъ, какъ носильщикъ фортепьянъ, и дышалъ съ трудомъ, тогда какъ она въ восхищеніи, полузакрывъ глаза, шептала:

— О, мой милый, какъ это прелестно, какъ мнѣ хорошо...

Послѣднія ступеньки, на которыя онъ поднимался, одна за другой, казались ему какою то-гигантскою лѣстницею, которой стѣны, перила и узкія окна кружились въ безконечной спирали. То, что онъ несъ, было уже не женщина, а какая-то ужасная тяжесть, душившая его, и былъ моментъ, когда онъ готовъ былъ бросить ее со злобой, рискуя разбить въ дребезги.

Наконецъ они на узкой площадкѣ.

— Какъ? уже? спросила она, открывая глаза.

— Наконецъ!.. подумалъ онъ, не имѣя силъ сказать этого громко, крайне блѣдный, держась обѣими руками за грудь, готовую разорваться.

Вся ихъ исторія—въ этомъ восхожденіи на лѣстницу, при сѣроватомъ грустномъ свѣтѣ утра.

II.

Два дня онъ продержалъ ее у себя, и когда она ушла, онъ все еще ощущалъ ея мягкую кожу и тонкое бѣлье. Она сказала ему свою фамилію и адресъ, съ присоединеніемъ слѣдующихъ словъ:

„Когда вы захотите видѣть меня,—позовите... я всегда буду рада“.

На маленькой, изящной и надушенной визитной карточкѣ значилось:

Фанни Легранъ, 6, улица Аркадъ.

Онъ заткнулъ ее за раму зеркала, между пригласительной картой на недавній балъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и прихотливо разукрашенной программой послѣдняго костюмированнаго бала у Дешелета. Это были два его единственные выѣзда въ свѣтъ.

Воспоминаніе объ этой женщинѣ сохранялось въ теченіе нѣсколькихъ дней вмѣстѣ съ нѣжнымъ и легкимъ запахомъ, распро-

послѣдовалъ за нею. Почему? Вѣдь онъ вовсе не былъ прельщенъ этой женщиной, онъ мало даже разсмотрѣлъ ея лицо, тогда какъ другая, что̀ звала его издали, сверкая стальными ножами своего головнаго убора, нравилась ему гораздо больше. Но онъ подчинился волѣ, которая уже господствовала надъ его собственной, — непреодолимой силѣ пробудившагося желанія. „Не ходи туда!...“

Вскорѣ они очутились вдвоемъ на тротуарѣ улицы Рима. При блѣдномъ свѣтѣ утра, виднѣлись ожидающіе фіакры. Подметальщики и рабочіе, идущіе на работу, поглядывали то на домъ, изъ котораго несся шумъ праздника, то на эту, переодѣтую по масляничному, парочку.

— Къ вамъ или ко мнѣ?... спросила она.

Не отдавая себѣ яснаго отчета, онъ подумалъ, что у него будетъ лучше, и сказалъ кучеру свой адресъ.

Во время всего длиннаго переѣзда, они почти не говорили. Она держала его руку въ своихъ, казавшихся ему очень маленькими и холодными. Безъ этихъ первыхъ пожатій онъ могъ бы подумать, что она спитъ, опрокинувшись въ глубь кареты, съ скользящимъ отблескомъ голубой занавѣски на лицѣ.

Они остановились въ улицѣ Жакобъ, передъ студенческой гостинницей. Взбираться приходилось въ четвертый этажъ; это было высоко и трудно.

— Хотите, я васъ внесу на рукахъ? сказалъ онъ, смѣясь, но тихимъ голосомъ, чтобы не разбудить спавшихъ въ домѣ.

Она обвела его медленнымъ взглядомъ, въ одно и то же время нѣжнымъ и снисходительнымъ; этотъ опытный взглядъ вымѣрилъ его и точно говорилъ: „Бѣдняжка!...“

Не ожидая отвѣта, быстрымъ порывомъ, свойственнымъ его возрасту и происхожденію, онъ схватилъ ее и понесъ, словно ребенка, такъ какъ подъ его нѣжной кожей скрывалась сила и крѣпость мужчины. Однимъ духомъ онъ былъ уже во второмъ этажѣ, счастливый своей ношей, обвившей его шею прекрасными обнаженными руками.

Восхожденіе на вторую лѣсницу тянулось нѣсколько дольше и уже не съ такою пріятностью. Опуская свои руки, женщина *становилась тяжелѣе*. Металлическія побрякушки ея костюма,

передъ тѣмъ пріятно щекотавшія его, мало по малу сильно врѣзывались ему въ тѣло.

Въ третьемъ этажѣ онъ уже хрипѣлъ, какъ носильщикъ фортепьянъ, и дышалъ съ трудомъ, тогда какъ она въ восхищеніи, полузакрывъ глаза, шептала:

— О, мой милый, какъ это прелестно, какъ мнѣ хорошо...

Послѣднія ступеньки, на которыя онъ поднимался, одна за другой, казались ему какою то-гигантскою лѣстницею, которой стѣны, перила и узкія окна кружились въ безконечной спирали. То, что̀ онъ несъ, было уже не женщина, а какая-то ужасная тяжесть, душившая его, и былъ моментъ, когда онъ готовъ былъ бросить ее со злобой, рискуя разбить въ дребезги.

Наконецъ они на узкой площадкѣ.

— Какъ? уже? спросила она, открывая глаза.

— Наконецъ!.. подумалъ онъ, не имѣя силъ сказать этого громко, крайне блѣдный, держась обѣими руками за грудь, готовую разорваться.

Вся ихъ исторія—въ этомъ восхожденіи на лѣстницу, при сѣроватомъ грустномъ свѣтѣ утра.

II.

Два дня онъ продержалъ ее у себя, и когда она ушла, онъ все еще ощущалъ ея мягкую кожу и тонкое бѣлье. Она сказала ему свою фамилію и адресъ, съ присоединеніемъ слѣдующихъ словъ:

„*Когда вы захотите видѣть меня,—позовите... я всегда буду рада*“.

На маленькой, изящной и надушенной визитной карточкѣ значилось:

Фанни Легранъ, 6, улица Аркадъ.

Онъ заткнулъ ее за раму зеркала, между пригласительной картой на недавній балъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и прихотливо разукрашенной программой послѣдняго костюмированнаго бала у Дешелета. Это были два его единственные выѣзда въ свѣтъ.

Воспоминаніе объ этой женщинѣ сохранялось въ теченіе нѣсколькихъ *дней вмѣстѣ* съ нѣжнымъ и легкимъ запахомъ, распро-

— Но не долго... это мнѣ скоро надоѣло....

Въ ней не было ничего заученнаго, присущаго женщинамъ театра, ни тѣни тщеславія или лжи. Существовала однако какая-то тайна въ ея жизни, строго хранимая ею даже въ часы страсти; впрочемъ, и самъ любовникъ не пытался узнать эту тайну. Не чувствуя ни ревности, ни любопытства, онъ позволялъ ей приходить въ назначенное время, не испытывая ощущеній ожиданія, тѣхъ волненій, которыя производятся желаніемъ и нетерпѣніемъ.

Время отъ времени, благодаря прекрасному лѣту, они отправлялись въ окрестности Парижа, которыя были ей подробно знакомы.

Они смѣшивались съ многочисленной и шумной толпой отъѣзжающихъ изъ загородныхъ вокзаловъ; завтракали всегда въ какомъ нибудь ресторанчикѣ, расположенномъ у опушки лѣса или на берегу рѣки, избѣгая лишь нѣкоторыхъ людныхъ мѣстъ, посѣщаемыхъ публикою.

Однажды онъ предложилъ ей отправиться въ Во-де-Сернэ.

— Нѣтъ, нѣтъ... только не туда... тамъ бываетъ много художниковъ.

Что это за антипатія къ художникамъ? Онъ припомнилъ, что она-то и положила начало ихъ любви. Онъ спросилъ Фанни о причинѣ.

— Это все испорченные хвастуны, которые разсказываютъ всегда больше, чѣмъ было въ дѣйствительности.... Они мнѣ причинили много зла—отвѣчала она.

— Однако-же искусство,—такая дивная вещь... Ничто другое не можетъ такъ украшать и расширять жизнь, попробовалъ онъ возразить.

— Видишь-ли, дружокъ, по мнѣ прекрасное заключается въ томъ, чтобы быть такимъ простымъ и прямымъ, какъ ты, имѣть двадцать лѣтъ, быть любимымъ и любить....

Двадцать лѣтъ! какая прекрасная пора!

При взглядѣ на нее, живую, всегда на все готовую, смѣющуюся, довольную всѣмъ,—едва-ли кто нибудь далъ бы ей больше двадцати лѣтъ.

Однажды вечеромъ, они пріѣхали въ Сенъ-Клэръ наканунѣ

праздника и не могли найти свободной комнаты. Было уже поздно, а между тѣмъ приходилось пройти цѣлую милю черезъ лѣсъ до слѣдующей деревни. Въ концѣ концовъ, имъ предложили оставшуюся свободной соломенную постель въ глубинѣ сарая, въ которомъ спали каменщики.

— Пойдемъ туда, сказала она, смѣясь:—это мнѣ напомнитъ дни моей бѣдности.

Значитъ, ей была знакома и бѣдность.

Ощупью, промежъ занятыхъ кроватей, пробрались они по большому, выбѣленному известью сараю, освѣщенному ночникомъ, мерцавшимъ въ стѣнной нишѣ.

Всю ночь, прижавшись другъ къ другу, затаивая свой смѣхъ и поцѣлуи, прислушивались они къ храпѣнію и оханьямъ своихъ уставшихъ товарищей по ночлегу, грубая одежда и тяжелая обувь которыхъ почти прикасались къ шолковому платью и изящнымъ ботинкамъ парижанки.

На зарѣ лучъ свѣта, вырвавшись изъ отвореннаго слуховаго окна, освѣтилъ земляной полъ и настланную на немъ солому, и въ то же время сиплый голосъ закричалъ: „Эй, ребята, вставать!“ Вслѣдъ за этимъ, въ снова воцарившейся темнотѣ сарая поднялась продолжительная и непріятная зѣвота, въ которой потягиваніе и громкое покашливаніе сопровождались унылымъ шумомъ пробуждающейся рабочей артели; наконецъ неповоротливые и молчаливые каменщики удалились другъ за другомъ, даже не подозрѣвая, что провели ночь рядомъ съ хорошенькой женщиной.

Послѣ ихъ ухода, она встала, надѣла кое-какъ платье, закрутила наскоро свои волосы и, сказавъ своему возлюбленному: „подожди, я сейчасъ возвращусь“, вышла.

Черезъ нѣсколько минутъ, она вернулась съ большимъ пучкомъ полевыхъ цвѣтовъ, пропитанныхъ росою.

— Теперь будемъ спать, проговорила она, разсыпая по постели свѣжіе, благоухающіе цвѣточки, освѣжившіе окружающій ихъ воздухъ.

Никогда она не казалась ему такой красивой, какъ теперь,

у входа въ этотъ сарай, при свѣтѣ утра, смѣющаяся, съ легкими развѣвающимися волосами и полевыми цвѣтами въ рукахъ.

. . . . . .

Въ другой разъ они завтракали въ Виль-д'Авре, около пруда. Осеннее утро окутывало туманомъ тихую воду и желтѣющіе лѣса, разстилавшіеся передъ ними. Одинокіе, въ маленькомъ садикѣ ресторана, они ѣли форель, сопровождая свой завтракъ постоянными поцѣлуями.

Вдругъ изъ сельскаго павильона, устроеннаго на сучьяхъ платана, подъ которымъ былъ поставленъ ихъ столикъ, раздался громкій и насмѣшливый голосъ:

— Послушайте, господа, когда вы кончите цѣловаться?...

И львиное лицо съ рыжими усами скульптора Каудаля наклонилось изъ круглаго окна павильона.

— Право, мнѣ хочется спуститься позавтракать съ вами... Я скучаю на моемъ деревѣ, какъ сова.

Фанни не отвѣчала, видимо недовольная этой встрѣчей; Госсенъ же, напротивъ поторопился пригласить его, интересуясь знаменитымъ художникомъ и радуясь случаю имѣть его за своимъ столомъ.

Каудаль, одѣтый весьма кокетливо, не смотря на кажущуюся небрежность, въ которой однако-же было все разсчитано, начиная отъ галстуха изъ бѣлаго крепа для смягченія темноватаго цвѣта морщинъ и угрей, до узкой жакетки, обрисовывавшей его еще стройную талію съ выступающими мускулами, — показался Жану старѣе, чѣмъ на балѣ у Дешелета.

Но что̀ удивило и даже въ нѣкоторой степени смутило юношу,—это пріятельскій тонъ скульптора по отношенію къ его любовницѣ. Онъ называлъ ее Фанни, говорилъ ей—ты.

— Знаешь, Фанни, сказалъ онъ, ставя свой приборъ на ихъ столикъ,—я вѣдь вдовствую уже въ теченіе двухъ недѣль. Мари ушла съ Моратэромъ. Сначала я оставался довольно спокойнымъ... Но сегодня утромъ, входя въ мастерскую, я почувствовалъ себя раздраженнымъ, какъ не знаю кто... Работать было невозможно... И я, бросивъ свою группу, отправился завтракать сюда, за городъ. Глупѣйшая идея являться сюда въ

единственномъ числѣ... Еслибы еще немножко, я готовъ былъ проливать слезы въ мое фрикасе...

Затѣмъ, посмотрѣвъ на провансальца, нѣжная бородка котораго и вьющіеся волосы имѣли оттѣнокъ сотерна въ рюмкахъ, онъ добавилъ:

— Славная вещь—молодость!... Вотъ этому нечего бояться, что его бросятъ. Но замѣчательнѣй всего, что, видно, молодость заразительна.... *Она* имѣетъ видъ такой же молодой, какъ и *онъ*....

— Невѣжа! воскликнула она, смѣясь, и ея смѣхъ отозвался молодостью женщины, не имѣющей лѣтъ, любящей и желающей заставить любить себя.

— Удивительная... удивительная женщина, бормоталъ Каудаль, который продолжалъ завтракать, наблюдая за ней съ морщинкой печали и зависти, дрожавшей на углахъ его рта.

— Слушай, Фанни, помнишь одинъ завтракъ здѣсь... это было давно, чортъ возьми; тутъ были Эзано, Дежуа, вся компанія... ты упала въ прудъ. Тебя переодѣли мужчиной, въ куртку сторожа... Это дьявольски шло къ тебѣ.

— Не помню, отвѣчала она холодно и совершенно искренно, такъ какъ созданія эти, измѣнчивыя и подверженныя случайности, живутъ только настоящимъ часомъ своей любви. Никакого воспоминанія о прошедшемъ, никакого страха передъ будущимъ!

Каудаль, наоборотъ, весь преданный прошлому, разсказывалъ, попивая сотернъ, о подвигахъ своей удалой юности, о любви и кутежахъ, о пикникахъ, оперныхъ балахъ, работахъ въ мастерской, о битвахъ и побѣдахъ. Но обернувшись къ нимъ съ поскрившимися, отъ всѣхъ этихъ пламенныхъ воспоминаній, глазами, онъ замѣтилъ, что они его вовсе не слушали, занятые отщипываніемъ винограда изъ губъ другъ у друга.

— Развѣ это все такъ плоско, что̀ я вамъ разсказываю?... Ну, конечно, я вамъ надоѣлъ... Эхъ, чортъ возьми, какъ глупо быть старикомъ.

Онъ всталъ, бросилъ свою салфетку и закричалъ, оборотясь къ ресторану:—Дядя Ланглуа! завтракъ за мною.

Онъ удалился, грустно волоча ноги, какъ бы снѣдаемый неизлѣчимою болѣзнью.

Молодые люди долго слѣдили за его высокой фигурой, нагибавшейся подъ золотистыми листьями.

—Бѣдный Каудаль! въ самомъ дѣлѣ онъ слабѣетъ—прошептала Фанни, голосомъ кроткаго соболѣзнованія.

Госсенъ же возмущался, что эта Мари, дѣвчонка-натурщица, могла забавляться страданіями Каудаля, и предпочесть великому художнику, кого же.... Моратэра, ничтожнаго живописца, безъ таланта, не имѣющаго никакихъ преимуществъ, кромѣ своей молодости. Она отвѣчала смѣхомъ.

— О, невинность, невинность.... И опрокинувъ обѣими руками его голову къ себѣ на колѣни, она вдыхала запахъ его волосъ, упиваясь ими, какъ букетомъ.

Въ тотъ-же вечеръ, Жанъ въ первый разъ ночевалъ у своей любовницы, которая приставала къ нему съ этимъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

— Почему ты не хочешь ночевать, у меня?

— Не знаю, какъ-то неловко.

— Но если я тебѣ говорю, что я свободна, что я одна....

И, пользуясь его утомленіемъ отъ загородной прогулки, она увлекла его въ улицу Аркадъ, вблизи вокзала.

Въ первомъ этажѣ буржуазнаго дома, порядочнаго и довольно богатаго на видъ, имъ отворила старая служанка въ крестьянскомъ чепцѣ и съ угрюмымъ лицомъ.

—Это Машѳмъ... Здравствуй, Машомъ!—вскричала Фанни, бросаясь ей на шею.—Посмотри, вотъ онъ, мой милый король.... Наконецъ, я привела его. Скорѣй зажигай всѣ свѣчи, устрой все по праздничному.

Жанъ остался одинъ въ крошечномъ салонѣ съ низкими полукруглыми окнами, драпированными тѣмъ-же банальнымъ голубымъ шолкомъ, которымъ были обтянуты диваны и мебель. Три, четыре пейзажа украшали стѣны; всѣ они имѣли посвященія: *„На память Фанни Легранъ“*, *„моей милой Фанни“*...

На комодѣ стояла мраморная статуя Сафо, въ полроста, работы Каудаля, бронзовые снимки съ которой такъ распространены вездѣ и которую Госсенъ еще въ дѣтствѣ видѣлъ въ рабочемъ кабинетѣ своего отца. И при свѣтѣ единственной свѣчи, поставленной у цоколя, онъ замѣтилъ сходство этого произведенія, въ

нѣсколько идеализированномъ и моложавомъ видѣ, съ его возлюбленной. Эти линіи профиля, эти движенія таліи подъ драпировками, эта нѣжная округлость рукъ, охватившихъ колѣни, были ему хорошо и близко знакомы; его взоръ упивался ими и воспоминанія о болѣе нѣжныхъ ощущеніяхъ поднимались въ немъ.

Фанни, увидавъ, что онъ любуется статуей, замѣтила развязнымъ топомъ:

— Не правда-ли, здѣсь есть нѣкоторое сходство со мною?... Модель Каудаля была на меня похожа...

Тотчасъ она провела его въ свой будуаръ, гдѣ Машомъ, хмурясь, приготовляла два прибора на маленькомъ столикѣ; всѣ свѣчи были зажжены, даже брà у зеркальнаго шкафа. Дрова въ каминѣ ярко горѣли веселымъ пламенемъ.

— Мнѣ вздумалось ужинать здѣсь, сказала она, смѣясь:—мы тутъ будемъ ближе къ постели...

Никогда Жанъ не видалъ такого кокетливаго убранства. Лампы въ стилѣ Людовика XVI, свѣтлыя кисейки комнатъ его матери и сестеръ не давали ни малѣйшаго понятія объ этомъ гнѣздышкѣ, подбитомъ ватою, простеганномъ, гдѣ дерево мебели скрывалось подъ нѣжными шолковыми матеріями, гдѣ постель была ничто иное, какъ диванъ, болѣе широкій, чѣмъ другіе, раскинутый въ глубинѣ, на шкурахъ бѣлыхъ мѣдвѣдей.

Обворожительна была эта ласка свѣта и тепла, эти голубоватые отблески въ высокихъ зеркалахъ, послѣ ихъ деревенской прогулки, послѣ ливня, подъ который они попали, послѣ грязи изрытой дороги, при начинающихся сумеркахъ.

Но что мѣшало ему наслаждаться, какъ истому провинціалу, всѣмъ этимъ неожиданнымъ комфортомъ, это—угрюмость служанки и подозрительные взгляды, которые она на него бросала, такъ что Фанни скорѣе отправила ее:

—Оставь насъ, Машомъ... мы сами будемъ себѣ прислуживать.

Крестьянка вышла, хлопнувъ дверью.

—Не обращай на это вниманія... Она сердится на меня, что я тебя слишкомъ люблю... Она говоритъ, что я даромъ теряю жизнь... этотъ деревенскій народъ такой жадный... Ея стряпня, право, лучше ея самой... попробуй-ка этотъ пастетъ изъ зайца.

Она разрѣзывала пирогъ, откупоривала шампанское, забывала

ѣсть сама, смотря, какъ онъ ужинаетъ, заставляя при каждомъ своемъ жестѣ подниматься до самыхъ плечъ рукава алжирской гандуры, изъ мягкой бѣлой шерсти, которую она всегда носила дома.

Въ этомъ видѣ она напоминала ему ихъ первую встрѣчу у Дешелета, и, прижавшись другъ къ другу на одномъ креслѣ, ужиная съ одной тарелки, они говорили объ этомъ балѣ.

— О, что до меня касается, говорила она, — то какъ только я тебя увидѣла, я захотѣла владѣть тобой... Мнѣ хотѣлось взять и увезти тебя тотчасъ-же, чтобы ты не былъ съ другими... А ты? Что ты думалъ, когда увидалъ меня?

Сначала онъ ее испугался; затѣмъ почувствовалъ къ ней полное довѣріе, вылившееся въ дружеской бесѣдѣ.

— Кстати, добавилъ онъ,—я никогда тебя не спрашивалъ... за что ты тогда разсердилась? Изъ-за двухъ стиховъ Лагурнери?..

Брови ея нахмурились также, какъ тогда на балѣ, затѣмъ она встряхнула головой и сказала:

— Пустяки, не станемъ больше говорить объ этомъ...

И, обхвативъ его руками, продолжала:

— Вѣдь я тоже немножко боялась... Я пыталась сдержаться, овладѣть собою... но я не смогла... и никогда не буду въ состояніи...

— Ужь и никогда?

— Увидишь.

Онъ отвѣтилъ скептической улыбкой молодости, почти не останавливаясь на угрожающемъ выраженіи, съ которымъ ему было брошено это „увидишь!..“

Эти женскія объятья были такъ нѣжны, такъ покорны; онъ твердо былъ увѣренъ, что ему довольно сдѣлать одно движеніе, чтобы отъ нихъ освободиться.

Но для чего освобождаться?.. Ему было такъ хорошо въ нѣгѣ этой комнаты, полной сладострастія; онъ былъ такъ пріятно опьяненъ этимъ дыханіемъ, ласкающимъ его вѣки, отягченныя дремотою, его глаза, полные мимолетныхъ видѣній; опьяненъ пожелтѣвшими лѣсами, полями, скирдами сѣна со струящеюся съ нихъ водою,—всѣмъ этимъ днемъ ихъ любви, проведеннымъ въ деревнѣ...

Утромъ онъ былъ внезапно разбуженъ голосомъ Машомъ, немилосердно кричавшей у кровати:

— Онъ здѣсь... онъ хочетъ говорить съ вами...

— Что такое?.. Онъ хочетъ? Развѣ я не у себя дома?.. Значитъ, ты позволила ему войти... И она вскочила и выбѣжала изъ комнаты, полураздѣтая, съ раскрытой грудью.—Не вставай, дружокъ мой, я сейчасъ вернусь...

Но онъ не ждалъ ея и не чувствовалъ себя спокойнымъ до тѣхъ поръ, пока не всталъ въ свою очередь и не одѣлся, натянувъ сапоги на свои крѣпкія ноги.

Собирая свое платье въ комнатѣ, герметически закрытой, въ которой лампада освѣщала еще безпорядокъ вчерашняго ужина, онъ слышалъ шумъ страшнаго спора, заглушаемаго обивкой салона. Голосъ мужчины, сначала раздраженный, затѣмъ умоляющій, со взрывами, прерываемыми рыданіемъ, чередовался съ другимъ голосомъ, который Жанъ узналъ не сразу: грубый и хриплый, исполненный ненависти и неприличныхъ словъ, онъ доносился до него, какъ руготня женщинъ въ пивныхъ Латинскаго квартала.

Вся прелесть любви была унижена, запачкана, какъ шолковая матерія, забрызганная грязью; и эта женщина также упала въ его глазахъ до уровня тѣхъ, которыхъ презиралъ онъ прежде.

Она возвратилась, задыхающаяся, закручивая красивымъ жестомъ распустившіеся волосы.

— Какъ это глупо—плачущій мужчина!

Затѣмъ, видя его вставшимъ и одѣтымъ, она вскрикнула въ изступленіи:

— Ты всталъ!.. ложись опять... сейчасъ-же, я такъ хочу!..

Но тотчасъ-же, сдѣлавшись снова кроткою и обнимая его, она прибавила:

— Нѣтъ, нѣтъ... не уходи... ты не можешь уйти такимъ образомъ... Къ тому-же, я увѣрена, что ты больше не возвратишься...

— Почему-же?.. Я приду...

— Поклянись, что ты не сердишься, что ты еще придешь ко мнѣ... О, я знаю тебя...

Онъ поклялся ей въ томъ, чего она хотѣла, но, не смотря на ея мольбы и увѣренія, что она у себя свободна въ своей жизни и поступкахъ, онъ не согласился лечь снова. Наконецъ она, по-

видимому, помирилась съ его желаніемъ уйти и провожала его до дверей, не выказывая ничего, напоминающаго изступленную вакханку; напротивъ, весьма покорно, стараясь заслужить прощеніе.

Продолжительныя и нѣжныя ласки прощанія задержали ихъ въ прихожей.

— Ну, такъ когда-же? спросила она его, заглядывая въ самую глубину его глазъ.

Онъ готовъ былъ отвѣтить—солгать, конечно, торопясь уйти—когда ударъ звонка остановилъ его. Машомъ вышла изъ кухни, но Фанни сдѣлала ей знакъ не отворять. И они остановились всѣ трое, неподвижные, не произнося ни слова.

Послышался подавленный стонъ, затѣмъ шелестъ письма, просунутаго подъ дверь, и шаги, тихо спускающіеся съ лѣстницы.

— Вѣдь я говорила тебѣ, что я свободна... Смотри!..

Она передала своему возлюбленному письмо, только что распечатанное ею, несчастное любовное письмо, крайне робкое и унизительное для писавшаго, наскоро набросанное карандашемъ на столикѣ къ кафе. Въ письмѣ этомъ несчастный просилъ прощенія за свою утреннюю глупую выходку, признавалъ, что не имѣетъ на нее правъ, кромѣ тѣхъ, которыя она сама пожелаетъ ему предоставить, слезно умолялъ, чтобы она не изгоняла его безъ возврата, обѣщая все принять, всему подчиниться.. лишь бы не потерять ея... Боже мой! не потерять ея!..

— Ты вѣришь! сказала она, смѣясь нехорошимъ смѣхомъ.

И этотъ смѣхъ окончательно охладилъ его сердце, которое она хотѣла покорить. Онъ не зналъ еще, что женщина, которая любитъ, не имѣетъ сердца ни для чего, кромѣ любви своей; всѣ ея живыя чувства милосердія, доброты, жалости и самоотверженія поглощаются однимъ существомъ—единственнымъ.

— Ты дурно дѣлаешь, насмѣхаясь надъ нимъ... Это письмо очень хорошо, оно потрясаетъ...

И затѣмъ, совсѣмъ тихо и серьезнымъ голосомъ, держа ее за руки, онъ спросилъ:

— Скажи, за что ты его прогоняешь?..

— Я не хочу его больше... я не люблю его...

— Но вѣдь онъ былъ твоимъ любовникомъ... Онъ создалъ для

тебя эту роскошь, въ которой ты живешь, въ которой ты всегда жила, которая для тебя необходима.

— Дружокъ мой, сказала она своимъ откровеннымъ тономъ,— когда я не знала тебя, я находила все это хорошимъ... Теперь это для меня утомленіе и стыдъ; оно возмущаетъ мою душу... О, я знаю, ты скажешь, что на связь съ тобою я не должна смотрѣть серьезно, что ты меня не любишь... но пусть такъ!.. это ужь мое дѣло... Хочешь-ли ты, или нѣтъ, но я заставлю тебя любить меня.

Онъ не отвѣчалъ и, условившись насчетъ свиданія на завтра, убѣжалъ, оставивъ нѣсколько золотыхъ кухаркѣ,—запасный капиталъ своего студенческаго кошелька—въ уплату за пастетъ. Для него теперь все было кончено. По какому праву разстраивать существованіе этой женщины и что могъ онъ ей предложить взамѣнъ того, что она теряла для него?

Онъ написалъ ей объ этомъ въ тотъ-же день, такъ нѣжно, такъ искренно, какъ только могъ, но не сознаваясь ей, что изъ ихъ связи, изъ этого легкаго и милаго каприза, онъ почувствовалъ вдругъ выдѣляющимся нѣчто рѣзкое, нездоровое, услыхавъ, послѣ ночи любви, рыданія обманутаго любовника, которыя чередовались съ ея смѣхомъ и ея выраженіями, грубыми, какъ у прачки.

Въ этомъ большомъ мальчикѣ, выросшемъ далеко отъ Парижа, въ самой глуши Прованса, было немного отцовской суровости и вся нервность его матери, на которую онъ походилъ, какъ портретъ. И чтобы защитить себя отъ увлеченій удовольствіями, онъ вспомнилъ примѣръ своего дяди, безпорядочная жизнь котораго на половину разорила его семью и подвергла опасности самую честь фамильнаго имени.

Дядя Цезарь! Этими двумя словами и той семейной драмой, которую они напоминали, можно было потребовать отъ Жана болѣе страшныхъ жертвъ, чѣмъ пожертвованіе этой интрижкой, которой онъ никогда не придавалъ серьезнаго значенія. Однако, разорвать эту связь оказалось труднѣе, чѣмъ онъ воображалъ.

Формальнымъ образомъ покинутая, Фанни возвратилась, не смущаясь отказомъ видѣть его, ни затворенною дверью, ни неумолимыми запрещеніями.

„У меня нѣтъ самолюбія“, писала она ему.

Она подкарауливала у ресторана часъ его обѣда, поджидала его передъ кафе, гдѣ онъ читалъ газеты. И ни слезъ, ни сценъ. Если онъ былъ въ обществѣ, она довольствовалась тѣмъ, что слѣдовала за нимъ, выжидая момента, когда онъ былъ одинъ.

— Хочешь, чтобы я пришла сегодня вечеромъ?.. Нѣтъ?.. Ну, такъ пусть до другаго раза...

И она уходила съ покорною кротостью, какъ разнощикъ, вновь застегивающій свой коробъ, оставляя въ его душѣ угрызенія совѣсти за жестокость и чувство униженія за ложь, которую онъ бормоталъ при каждой встрѣчѣ.

— Экзаменъ совсѣмъ близокъ... нѣтъ свободнаго времени... Потомъ, позднѣе, если онъ еще не надоѣстъ ей...

Въ сущности онъ намѣревался тотчасъ-же, какъ будетъ принятъ на службу, взять мѣсячный отпускъ на югъ, разсчитывая, что въ это время она его забудетъ.

Къ несчастью, по окончаніи экзаменовъ, Жанъ заболѣлъ вслѣдствіе простуды, схваченной въ коридорѣ министерства: у него появилась горловая жаба, обострившаяся, благодаря тому, что вначалѣ онъ не обратилъ на нее вниманія. Онъ не былъ знакомъ въ Парижѣ ни съ кѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ студентовъ-земляковъ, которыхъ отдалила отъ него его вынужденная связь. Сверхъ того, здѣсь требовалось нѣчто бо̀льшее, чѣмъ заурядная преданность. И вотъ, съ перваго же вечера, Фанни Легранъ, помѣстившись у кровати, не покидала его въ теченіе цѣлыхъ десяти дней, безъ устали ухаживая за нимъ, не чувствуя ни страха, ни отвращенія, какъ сестра милосердія. Она осыпала его своими нѣжными ласками, которыя иногда, въ минуты лихорадочныхъ припадковъ, переносили его въ пору дѣтства, заставляя звать свою тетку Дивонну; и чувствуя прикосновеніе рукъ Фанни къ своему влажному лбу, онъ повторялъ: „Благодарю, Дивонна...“

— Это не Дивонна, это я возлѣ тебя...

Она избавляла его отъ тѣхъ небрежныхъ наемныхъ ухаживаній, отъ не во время потушеннаго въ каминѣ огня, отъ питья, приготовленнаго не по вкусу.

И Жанъ не могъ надивиться находчивости, осторожности и проворству рукъ этой безпечной и страстной женщины. Въ те-

ченіе ночи она спала не болѣе двухъ часовъ, прикурнувъ на диванчикѣ, — на одномъ изъ тѣхъ диванчиковъ Латинскаго квартала, которые своею мягкостью могутъ поспорить только съ деревянными нарами полицейскаго участка.

— Но вѣдь ты, бѣдная моя Фанни, никогда не ходишь къ себѣ домой? спросилъ онъ ее однажды.—Теперь мнѣ лучше... Надо было бы успокоить Машомъ...

Она расхохоталась. Уже давно и отъ Машомъ, а вмѣстѣ съ нею и отъ всей квартиры не осталось и слѣда. Все продано: и мебель, и гардеробъ, и даже постель. Ей осталось только платье, надѣтое на ней, и немного тонкаго бѣлья, спасеннаго ея служанкой. И если онъ теперь прогонитъ ее, она очутится на улицѣ.

III.

— На этотъ разъ я, кажется, нашла... На Амстердамской улицѣ, какъ разъ противъ вокзала: три комнаты съ большимъ балкономъ... Если хочешь, пойдемъ посмотрѣть, когда ты вернешься изъ министерства... Это высоко, въ пятомъ этажѣ, но вѣдь ты меня будешь вносить на рукахъ... Помнишь тотъ разъ... Какъ тогда было хорошо!..

Въ восторгѣ отъ этого воспоминанія, она вцѣпилась въ него, обвивая его шею руками, и принялась отыскивать у него на груди то мѣстечко, на которомъ ей было такъ отрадно въ первый вечеръ ихъ знакомства.

Среди царящихъ въ этой гостинницѣ нравовъ, съ постыднымъ шатаніемъ по лѣстницамъ разныхъ дѣвъ въ сѣткахъ и истоптанныхъ туфляхъ; съ картонными простѣнками, чрезъ которыя слышно было,какъ шушукались сосѣднія парочки; съ вѣчнымъ перемѣшиваніемъ ключей, подсвѣчниковъ и ботинокъ—жизнь вдвоемъ въ этомъ отелѣ становилась невыносимой. Не для нея, конечно:—съ своимъ Жаномъ она была бы счастлива всюду, на крышѣ, въ погребѣ, въ канавѣ;—но щекотливость молодаго любовника возмущалась нѣкоторыми соприкосновеніями, о которыхъ, живя одинокимъ, онъ вовсе не заботился. Эти связи, устраивающіяся на одну ночь, оскверняли его собственную связь, наводили на него грусть и вселяли отвращеніе, напоминая своимъ подражаніемъ

жестамъ и выраженіямъ человѣческой любви—обезьянъ въ клѣткѣ Jardin des Plantes.

Ресторанъ также опротивѣлъ ему; два раза въ день, для завтрака и обѣда, надо было отправляться на бульваръ Сенъ-Мишель, въ залу, переполненную студентами, учениками школы изящныхъ искусствъ, живописцами, архитекторами, которые, не будучи съ нимъ знакомы, привыкли къ его физіономіи, видя его ежедневно въ теченіе года, съ тѣхъ поръ какъ онъ началъ тутъ обѣдать.

Отворяя дверь и входя съ задорною неловкостью, свойственною молодымъ людямъ, появляющимся публично съ женщиной, онъ краснѣлъ отъ всѣхъ этихъ взоровъ, обращенныхъ на Фанни. Онъ также опасался встрѣтить тутъ кого нибудь изъ своихъ министерскихъ начальниковъ или изъ пріѣзжихъ земляковъ. Сверхъ того, отчасти тревожилъ и вопросъ экономіи.

— Какъ это дорого... говорила она каждый разъ, пересчитывая принесенный съ собою счетъ за обѣдъ... Еслибы мы жили своимъ хозяйствомъ, мнѣ бы хватило этихъ денегъ на три дня.

— Ну, такъ кто же намъ мѣшаетъ?..

И они стали искать квартиру.

Это была ловушка, въ которую попадаютъ всѣ молодые люди, и самые лучшіе и самые честные, движимые тѣмъ инстинктомъ чистоплотности и вкуса къ собственному гнѣзду, который внушается воспитаніемъ въ семьѣ и теплотою домашняго очага.

Квартиру въ Амстердамской улицѣ они взяли тотчасъ-же, найдя ее прелестною, не смотря на комнаты, вытянутыя въ рядъ, ни на то, что окна залы и кухни выходили на грязный задній дворъ, гдѣ изъ англійскаго погреба поднимался запахъ помоевъ и хлора; ни на то, что спальня выходила на покатую шумную улицу, гудящую днемъ и ночью отъ стука фургоновъ, ломовыхъ и легковыхъ извозчиковъ, омнибусовъ, при каждомъ свисткѣ приходящихъ и отходящихъ поѣздовъ; ни на весь содомъ Западнаго вокзала, расположеннаго напротивъ, со своими стеклянными крышами цвѣта грязной воды. Преимущество этой квартиры заключалось въ томъ, что они могли знать часы поѣздовъ, отходящихъ почти отъ ихъ порога. Сенъ-Клу, Вилль-д'Аврэ, Сенъ-Жерменъ и другія станціи береговъ Сены, находились такимъ образомъ

чуть-ли не на ихъ террасѣ, — широкой и удобной, съ цинковой бесѣдкой, разрисованной подъ полосатый тикъ, печальной зимою, но гдѣ лѣтомъ можно было обѣдать на свѣжемъ воздухѣ.

Предстояло обзаводиться мебелью. Жанъ посвятилъ въ свой проэктъ—зажить собственнымъ хозяйствомъ—своихъ домашнихъ, и тетка Дивонна прислала необходимыя на это деньги, сообщая въ то же время въ письмѣ о посланныхъ ею: шкафѣ, комодѣ, и большомъ тростниковомъ креслѣ, взятыхъ ею изъ «комнаты вѣтровъ», ради племянника.

Эта комната, которую онъ какъ бы сейчасъ видѣлъ, въ глубинѣ одного изъ коридоровъ, никогда никѣмъ не занятая, всегда съ закрытыми ставнями, съ дверью, запертою на задвижку, по своему мѣстоположенію была предоставлена порывамъ мистраля, подъ которыми она дрожала, какъ будка маяка. Сюда сваливали разный хламъ и все то, что каждое поколѣніе обитателей замка, признавая устарѣвшимъ, устраняло и замѣняло новыми пріобрѣтеніями.

О, еслибъ только Дивонна знала, для какихъ оригинальныхъ послѣобѣденныхъ отдыховъ послужитъ ея тростниковое кресло и какими юбками и панталончиками наполнится ея шкафъ временъ имперіи!

Но угрызенія совѣсти Госсена, въ этомъ отношеніи, совершенно потерялись посреди множества маленькихъ радостей новой жизни.

Какъ было весело, когда, въ сумерки, послѣ его возвращенія изъ канцеляріи, они отправлялись подъ руку путешествовать по улицамъ предмѣстій, выбирать мебель для столовой: буфетъ, столъ и шесть стульевъ, или-же кретоновыя цвѣтныя занавѣси для оконъ и кровати. Онъ всегда соглашался съ закрытыми глазами на все, что ему предлагали; но зато Фанни разсматривала за двухъ, пробовала стулья, изслѣдовала прочность ножекъ стола, торгуясь при этомъ съ умѣньемъ опытной покупщицы.

Она знала магазины, гдѣ можно было имѣть по фабричной цѣнѣ полный кухонный приборъ для маленькаго хозяйства; достаточно было четырехъ желѣзныхъ кастрюль и пятой эмальированной для утренняго шоколада. Мѣдной посуды она не хотѣла ни за

Молодые люди долго слѣдили за его высокой фигурой, нагибавшейся подъ золотистыми листьями.

—Бѣдный Каудаль! въ самомъ дѣлѣ онъ слабѣетъ—прошептала Фанни, голосомъ кроткаго соболѣзнованія.

Госсенъ же возмущался, что эта Мари, дѣвчонка-натурщица, могла забавляться страданіями Каудаля, и предпочесть великому художнику, кого же.... Моратэра, ничтожнаго живописца, безъ таланта, не имѣющаго никакихъ преимуществъ, кромѣ своей молодости. Она отвѣчала смѣхомъ.

— О, невинность, невинность.... И опрокинувъ обѣими руками его голову къ себѣ на колѣни, она вдыхала запахъ его волосъ, упиваясь ими, какъ букетомъ.

Въ тотъ-же вечеръ, Жанъ въ первый разъ ночевалъ у своей любовницы, которая приставала къ нему съ этимъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

— Почему ты не хочешь ночевать, у меня?

— Не знаю, какъ-то неловко.

— Но если я тебѣ говорю, что я свободна, что я одна....

И, пользуясь его утомленіемъ отъ загородной прогулки, она увлекла его въ улицу Аркадъ, вблизи вокзала.

Въ первомъ этажѣ буржуазнаго дома, порядочнаго и довольно богатаго на видъ, имъ отворила старая служанка въ крестьянскомъ чепцѣ и съ угрюмымъ лицомъ.

—Это Машòмъ... Здравствуй, Машомъ!—вскричала Фанни, бросаясь ей на шею.—Посмотри, вотъ онъ, мой милый король.... Наконецъ, я привела его. Скорѣй зажигай всѣ свѣчи, устрой все по праздничному.

Жанъ остался одинъ въ крошечномъ салонѣ съ низкими полукруглыми окнами, драпированными тѣмъ-же банальнымъ голубымъ шолкомъ, которымъ были обтянуты диваны и мебель. Три, четыре пейзажа украшали стѣны; всѣ они имѣли посвященія: *„На память Фанни Легранъ“*, *„моей милой Фанни“*...

На комодѣ стояла мраморная статуя Сафо, въ полроста, работы Каудаля, бронзовые снимки съ которой такъ распространены вездѣ и которую Госсенъ еще въ дѣтствѣ видѣлъ въ рабочемъ кабинетѣ своего отца. И при свѣтѣ единственной свѣчи, поставленной у цоколя, онъ замѣтилъ сходство этого произведенія, въ

нѣсколько идеализированномъ и моложавомъ видѣ, съ его возлюбленной. Эти линіи профиля, эти движенія таліи подъ драпировками, эта нѣжная округлость рукъ, охватившихъ колѣни, были ему хорошо и близко знакомы; его взоръ упивался ими и воспоминанія о болѣе нѣжныхъ ощущеніяхъ поднимались въ немъ.

Фанни, увидавъ, что онъ любуется статуей, замѣтила развязнымъ тономъ:

— Не правда-ли, здѣсь есть нѣкоторое сходство со мною?... Модель Каудаля была на меня похожа...

Тотчасъ она провела его въ свой будуаръ, гдѣ Машомъ, хмурясь, приготовляла два прибора на маленькомъ столикѣ; всѣ свѣчи были зажжены, даже брà у зеркальнаго шкафа. Дрова въ каминѣ ярко горѣли веселымъ пламенемъ.

— Мнѣ вздумалось ужинать здѣсь, сказала она, смѣясь:—мы тутъ будемъ ближе къ постели...

Никогда Жанъ не видалъ такого кокетливаго убранства. Лампы въ стилѣ Людовика XVI, свѣтлыя кисейки комнатъ его матери и сестеръ не давали ни малѣйшаго понятія объ этомъ гнѣздышкѣ, подбитомъ ватою, простеганномъ, гдѣ дерево мебели скрывалось подъ нѣжными шолковыми матеріями, гдѣ постель была ничто иное, какъ диванъ, болѣе широкій, чѣмъ другіе, раскинутый въ глубинѣ, на шкурахъ бѣлыхъ мѣдвѣдей.

Обворожительна была эта ласка свѣта и тепла, эти голубоватые отблески въ высокихъ зеркалахъ, послѣ ихъ деревенской прогулки, послѣ ливня, подъ который они попали, послѣ грязи изрытой дороги, при начинающихся сумеркахъ.

Но что мѣшало ему наслаждаться, какъ истому провинціалу, всѣмъ этимъ неожиданнымъ комфортомъ, это—угрюмость служанки и подозрительные взгляды, которые она на него бросала, такъ что Фанни скорѣе отправила ее:

—Оставь насъ, Машомъ... мы сами будемъ себѣ прислуживать.

Крестьянка вышла, хлопнувъ дверью.

—Не обращай на это вниманія... Она сердится на меня, что я тебя слишкомъ люблю... Она говоритъ, что я даромъ теряю жизнь... этотъ деревенскій народъ такой жадный... Ея стряпня, право, лучше ея самой... попробуй-ка этотъ пастетъ изъ зайца.

Она разрѣзывала пирогъ, откупоривала шампанское, забывала

ѣсть сама, смотря, какъ онъ ужинаетъ, заставляя при каждомъ своемъ жестѣ подниматься до самыхъ плечъ рукава алжирской гандуры, изъ мягкой бѣлой шерсти, которую она всегда носила дома.

Въ этомъ видѣ она напоминала ему ихъ первую встрѣчу у Дешелета, и, прижавшись другъ къ другу на одномъ креслѣ, ужиная съ одной тарелки, они говорили объ этомъ балѣ.

— О, что до меня касается, говорила она, — то какъ только я тебя увидѣла, я захотѣла владѣть тобой... Мнѣ хотѣлось взять и увезти тебя тотчасъ-же, чтобы ты не былъ съ другими... А ты? Что ты думалъ, когда увидалъ меня?

Сначала онъ ее испугался; затѣмъ почувствовалъ къ ней полное довѣріе, вылившееся въ дружеской бесѣдѣ.

— Кстати, добавилъ онъ,—я никогда тебя не спрашивалъ... за что ты тогда разсердилась? Изъ-за двухъ стиховъ Лагурнери?..

Брови ея нахмурились также, какъ тогда на балѣ, затѣмъ она встряхнула головой и сказала:

— Пустяки, не станемъ больше говорить объ этомъ...

И, обхвативъ его руками, продолжала:

— Вѣдь я тоже немножко боялась... Я пыталась сдержаться, овладѣть собою... но я не смогла... и никогда не буду въ состояніи...

— Ужь и никогда?

— Увидишь.

Онъ отвѣтилъ скептической улыбкой молодости, почти не останавливаясь на угрожающемъ выраженіи, съ которымъ ему было брошено это „увидишь!..“

Эти женскія объятья были такъ нѣжны, такъ покорны; онъ твердо былъ увѣренъ, что ему довольно сдѣлать одно движеніе, чтобы отъ нихъ освободиться.

Но для чего освобождаться?.. Ему было такъ хорошо въ нѣгѣ этой комнаты, полной сладострастія; онъ былъ такъ пріятно опьяненъ этимъ дыханіемъ, ласкающимъ его вѣки, отягченныя дремотою, его глаза, полные мимолетныхъ видѣній; опьяненъ пожелтѣвшими лѣсами, полями, скирдами сѣна со струящеюся съ нихъ водою,—всѣмъ этимъ днемъ ихъ любви, проведеннымъ въ деревнѣ...

Утромъ онъ былъ внезапно разбуженъ голосомъ Машомъ, немилосердно кричавшей у кровати:

— Онъ здѣсь... онъ хочетъ говорить съ вами...

— Что такое?.. Онъ хочетъ? Развѣ я не у себя дома?.. Значитъ, ты позволила ему войти... И она вскочила и выбѣжала изъ комнаты, полураздѣтая, съ раскрытой грудью.—Не вставай, дружокъ мой, я сейчасъ вернусь...

Но онъ не ждалъ ея и не чувствовалъ себя спокойнымъ до тѣхъ поръ, пока не всталъ въ свою очередь и не одѣлся, натянувъ сапоги на свои крѣпкія ноги.

Собирая свое платье въ комнатѣ, герметически закрытой, въ которой лампада освѣщала еще безпорядокъ вчерашняго ужина, онъ слышалъ шумъ страшнаго спора, заглушаемаго обивкой салона. Голосъ мужчины, сначала раздраженный, затѣмъ умоляющій, со взрывами, прерываемыми рыданіемъ, чередовался съ другимъ голосомъ, который Жанъ узналъ не сразу: грубый и хриплый, исполненный ненависти и неприличныхъ словъ, онъ доносился до него, какъ руготня женщинъ въ пивныхъ Латинскаго квартала.

Вся прелесть любви была унижена, запачкана, какъ шолковая матерія, забрызганная грязью; и эта женщина также упала въ его глазахъ до уровня тѣхъ, которыхъ презиралъ онъ прежде.

Она возвратилась, задыхающаяся, закручивая красивымъ жестомъ распустившіеся волосы.

— Какъ это глупо—плачущій мужчина!

Затѣмъ, видя его вставшимъ и одѣтымъ, она вскрикнула въ изступленіи:

— Ты всталъ!.. ложись опять... сейчасъ-же, я такъ хочу!..

Но тотчасъ-же, сдѣлавшись снова кроткою и обнимая его, она прибавила:

— Нѣтъ, нѣтъ... не уходи... ты не можешь уйти такимъ образомъ... Къ тому-же, я увѣрена, что ты больше не возвратишься...

— Почему-же?.. Я приду...

— Поклянись, что ты не сердишься, что ты еще придешь ко мнѣ... О, я знаю тебя...

Онъ поклялся ей въ томъ, чего она хотѣла, но, не смотря на ея мольбы и увѣренія, что она у себя свободна въ своей жизни и поступкахъ, онъ не согласился лечь снова. Наконецъ она, по-

видимому, помирилась съ его желаніемъ уйти и провожала его до дверей, не выказывая ничего, напоминающаго изступленную вакханку; напротивъ, весьма покорно, стараясь заслужить прощеніе.

Продолжительныя и нѣжныя ласки прощанія задержали ихъ въ прихожей.

— Ну, такъ когда-же? спросила она его, заглядывая въ самую глубину его глазъ.

Онъ готовъ былъ отвѣтить—солгать, конечно, торопясь уйти—когда ударъ звонка остановилъ его. Машомъ вышла изъ кухни, но Фанни сдѣлала ей знакъ не отворять. И они остановились всѣ трое, неподвижные, не произнося ни слова.

Послышался подавленный стонъ, затѣмъ шелестъ письма, просунутаго подъ дверь, и шаги, тихо спускающіеся съ лѣстницы.

— Вѣдь я говорила тебѣ, что я свободна... Смотри!..

Она передала своему возлюбленному письмо, только что распечатанное ею, несчастное любовное письмо, крайне робкое и унизительное для писавшаго, наскоро набросанное карандашемъ на столикѣ къ кафе. Въ письмѣ этомъ несчастный просилъ прощенія за свою утреннюю глупую выходку, признавалъ, что не имѣетъ на нее правъ, кромѣ тѣхъ, которыя она сама пожелаетъ ему предоставить, слезно умолялъ, чтобы она не изгоняла его безъ возврата, обѣщая все принять, всему подчиниться.. лишь бы не потерять ея... Боже мой! не потерять ея!..

— Ты вѣришь! сказала она, смѣясь нехорошимъ смѣхомъ.

И этотъ смѣхъ окончательно охладилъ его сердце, которое она хотѣла покорить. Онъ не зналъ еще, что женщина, которая любитъ, не имѣетъ сердца ни для чего, кромѣ любви своей; всѣ ея живыя чувства милосердія, доброты, жалости и самоотверженія поглощаются однимъ существомъ—единственнымъ.

— Ты дурно дѣлаешь, насмѣхаясь надъ нимъ... Это письмо очень хорошо, оно потрясаетъ...

И затѣмъ, совсѣмъ тихо и серьезнымъ голосомъ, держа ее за руки, онъ спросилъ:

— Скажи, за что ты его прогоняешь?..

— Я не хочу его больше... я не люблю его...

— *Но вѣдь* онъ былъ твоимъ любовникомъ... Онъ создалъ для

тебя эту роскошь, въ которой ты живешь, въ которой ты всегда жила, которая для тебя необходима.

— Дружокъ мой, сказала она своимъ откровеннымъ тономъ,— когда я не знала тебя, я находила все это хорошимъ... Теперь это для меня утомленіе и стыдъ; оно возмущаетъ мою душу... О, я знаю, ты скажешь, что на связь съ тобою я не должна смотрѣть серьезно, что ты меня не любишь... но пусть такъ!.. это ужь мое дѣло... Хочешь-ли ты, или нѣтъ, но я заставлю тебя любить меня.

Онъ не отвѣчалъ и, условившись насчетъ свиданія на завтра, убѣжалъ, оставивъ нѣсколько золотыхъ кухаркѣ,—запасный капиталъ своего студенческаго кошелька—въ уплату за пастетъ. Для него теперь все было кончено. По какому праву разстраивать существованіе этой женщины и что могъ онъ ей предложить взамѣнъ того, что она теряла для него?

Онъ написалъ ей объ этомъ въ тотъ-же день, такъ нѣжно, такъ искренно, какъ только могъ, но не сознаваясь ей, что изъ ихъ связи, изъ этого легкаго и милаго каприза, онъ почувствовалъ вдругъ выдѣляющимся нѣчто рѣзкое, нездоровое, услыхавъ, послѣ ночи любви, рыданія обманутаго любовника, которыя чередовались съ ея смѣхомъ и ея выраженіями, грубыми, какъ у прачки.

Въ этомъ большомъ мальчикѣ, выросшемъ далеко отъ Парижа, въ самой глуши Прованса, было немного отцовской суровости и вся нервность его матери, на которую онъ походилъ, какъ портретъ. И чтобы защитить себя отъ увлеченій удовольствіями, онъ вспомнилъ примѣръ своего дяди, безпорядочная жизнь котораго на половину разорила его семью и подвергла опасности самую честь фамильнаго имени.

Дядя Цезарь! Этими двумя словами и той семейной драмой, которую они напоминали, можно было потребовать отъ Жана болѣе страшныхъ жертвъ, чѣмъ пожертвованіе этой интрижкой, которой онъ никогда не придавалъ серьезнаго значенія. Однако, разорвать эту связь оказалось труднѣе, чѣмъ онъ воображалъ.

Формальнымъ образомъ покинутая, Фанни возвратилась, не смущаясь отказомъ видѣть его, ни затворенною дверью, ни неумолимыми запрещеніями.

„У меня нѣтъ самолюбія“, писала она ему.

Она подкарауливала у ресторана часъ его обѣда, поджидала его передъ кафе, гдѣ онъ читалъ газеты. И ни слезъ, ни сценъ. Если онъ былъ въ обществѣ, она довольствовалась тѣмъ, что слѣдовала за нимъ, выжидая момента, когда онъ былъ одинъ.

— Хочешь, чтобы я пришла сегодня вечеромъ?.. Нѣтъ?.. Ну, такъ пусть до другаго раза...

И она уходила съ покорною кротостью, какъ разнощикъ, вновь застегивающій свой коробъ, оставляя въ его душѣ угрызенія совѣсти за жестокость и чувство униженія за ложь, которую онъ бормоталъ при каждой встрѣчѣ.

— Экзаменъ совсѣмъ близокъ... нѣтъ свободнаго времени... Потомъ, позднѣе, если онъ еще не надоѣстъ ей...

Въ сущности онъ намѣревался тотчасъ-же, какъ будетъ принятъ на службу, взять мѣсячный отпускъ на югъ, разсчитывая, что въ это время она его забудетъ.

Къ несчастью, по окончаніи экзаменовъ, Жанъ заболѣлъ вслѣдствіе простуды, схваченной въ коридорѣ министерства: у него появилась горловая жаба, обострившаяся, благодаря тому, что вначалѣ онъ не обратилъ на нее вниманія. Онъ не былъ знакомъ въ Парижѣ ни съ кѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ студентовъ-земляковъ, которыхъ отдалила отъ него его вынужденная связь. Сверхъ того, здѣсь требовалось нѣчто бо̀льшее, чѣмъ заурядная преданность. И вотъ, съ перваго же вечера, Фанни Легранъ, помѣстившись у кровати, не покидала его въ теченіе цѣлыхъ десяти дней, безъ устали ухаживая за нимъ, не чувствуя ни страха, ни отвращенія, какъ сестра милосердія. Она осыпала его своими нѣжными ласками, которыя иногда, въ минуты лихорадочныхъ припадковъ, переносили его въ пору дѣтства, заставляя звать свою тетку Дивонну; и чувствуя прикосновеніе рукъ Фанни къ своему влажному лбу, онъ повторялъ: „Благодарю, Дивонна...“

— Это не Дивонна, это я возлѣ тебя...

Она избавляла его отъ тѣхъ небрежныхъ наемныхъ ухаживаній, отъ не во время потушеннаго въ каминѣ огня, отъ питья, приготовленнаго не по вкусу.

И Жанъ не могъ надивиться находчивости, осторожности и *проворству* рукъ этой безпечной и страстной женщины. Въ те-

ченіе ночи она спала не болѣе двухъ часовъ, прикурнувъ на диванчикѣ, — на одномъ изъ тѣхъ диванчиковъ Латинскаго квартала, которые своею мягкостью могутъ поспорить только съ деревянными нарами полицейскаго участка.

— Но вѣдь ты, бѣдная моя Фанни, никогда не ходишь къ себѣ домой? спросилъ онъ ее однажды.—Теперь мнѣ лучше... Надо было бы успокоить Машомъ...

Она расхохоталась. Уже давно и отъ Машомъ, а вмѣстѣ съ нею и отъ всей квартиры не осталось и слѣда. Все продано: и мебель, и гардеробъ, и даже постель. Ей осталось только платье, надѣтое на ней, и немного тонкаго бѣлья, спасеннаго ея служанкой. И если онъ теперь прогонитъ ее, она очутится на улицѣ.

III.

— На этотъ разъ я, кажется, нашла... На Амстердамской улицѣ, какъ разъ противъ вокзала: три комнаты съ большимъ балкономъ... Если хочешь, пойдемъ посмотрѣть, когда ты вернешься изъ министерства... Это высоко, въ пятомъ этажѣ, но вѣдь ты меня будешь вносить на рукахъ... Помнишь тотъ разъ... Какъ тогда было хорошо!..

Въ восторгѣ отъ этого воспоминанія, она вцѣпилась въ него, обвивая его шею руками, и принялась отыскивать у него на груди то мѣстечко, на которомъ ей было такъ отрадно въ первый вечеръ ихъ знакомства.

Среди царящихъ въ этой гостинницѣ нравовъ, съ постыднымъ шатаніемъ по лѣстницамъ разныхъ дѣвъ въ сѣткахъ и истоптанныхъ туфляхъ; съ картонными простѣнками, чрезъ которыя слышно было,какъ шушукались сосѣднія парочки; съ вѣчнымъ перемѣшиваніемъ ключей, подсвѣчниковъ и ботинокъ—жизнь вдвоемъ въ этомъ отелѣ становилась невыносимой. Не для нея, конечно:— съ своимъ Жаномъ она была бы счастлива всюду, на крышѣ, въ погребѣ, въ канавѣ;—но щекотливость молодаго любовника возмущалась нѣкоторыми соприкосновеніями, о которыхъ, живя одинокимъ, онъ вовсе не заботился. Эти связи, устраивающіяся на одну ночь, оскверняли его собственную связь, наводили на него грусть и вселяли отвращеніе, напоминая своимъ подражаніемъ

жестамъ и выраженіямъ человѣческой любви—обезьянъ въ клѣткѣ Jardin des Plantes.

Ресторанъ также опротивѣлъ ему; два раза въ день, для завтрака и обѣда, надо было отправляться на бульваръ Сенъ-Мишель, въ залу, переполненную студентами, учениками школы изящныхъ искусствъ, живописцами, архитекторами, которые, не будучи съ нимъ знакомы, привыкли къ его физіономіи, видя его ежедневно въ теченіе года, съ тѣхъ поръ какъ онъ началъ тутъ обѣдать.

Отворяя дверь и входя съ задорною неловкостью, свойственною молодымъ людямъ, появляющимся публично съ женщиной, онъ краснѣлъ отъ всѣхъ этихъ взоровъ, обращенныхъ на Фанни. Онъ также опасался встрѣтить тутъ кого нибудь изъ своихъ министерскихъ начальниковъ или изъ пріѣзжихъ земляковъ. Сверхъ того, отчасти тревожилъ и вопросъ экономіи.

— Какъ это дорого... говорила она каждый разъ, пересчитывая принесенный съ собою счетъ за обѣдъ... Еслибы мы жили своимъ хозяйствомъ, мнѣ бы хватило этихъ денегъ на три дня.

— Ну, такъ кто же намъ мѣшаетъ?..

И они стали искать квартиру.

Это была ловушка, въ которую попадаютъ всѣ молодые люди, и самые лучшіе и самые честные, движимые тѣмъ инстинктомъ чистоплотности и вкуса къ собственному гнѣзду, который внушается воспитаніемъ въ семьѣ и теплотою домашняго очага.

Квартиру въ Амстердамской улицѣ они взяли тотчасъ-же, найдя ее прелестною, не смотря на комнаты, вытянутыя въ рядъ, ни на то, что окна залы и кухни выходили на грязный задній дворъ, гдѣ изъ англійскаго погреба поднимался запахъ помоевъ и хлора; ни на то, что спальня выходила на покатую шумную улицу, гудящую днемъ и ночью отъ стука фургоновъ, ломовыхъ и легковыхъ извозчиковъ, омнибусовъ, при каждомъ свисткѣ приходящихъ и отходящихъ поѣздовъ; ни на весь содомъ Западнаго вокзала, расположеннаго напротивъ, со своими стеклянными крышами цвѣта грязной воды. Преимущество этой квартиры заключалось въ томъ, что они могли знать часы поѣздовъ, отходящихъ почти отъ ихъ порога. Сенъ-Клу, Вилль-д'Аврэ, Сенъ-Жерменъ и другія станціи береговъ Сены, находились такимъ образомъ

ть-ли не на ихъ террасѣ, — широкой и удобной, съ цинковой сѣдкой, разрисованной подъ полосатый тикъ, печальной зимою,) гдѣ лѣтомъ можно было обѣдать на свѣжемъ воздухѣ.

Предстояло обзаводиться мебелью. Жанъ посвятилъ въ свой роэктъ—зажить собственнымъ хозяйствомъ—своихъ домашнихъ, тетка Дивонна прислала необходимыя на это деньги, сообщая ь то же время въ письмѣ о посланныхъ ею: шкафѣ, комодѣ, большомъ тростниковомъ креслѣ, взятыхъ ею изъ «комнаты ѣтровъ», ради племянника.

Эта комната, которую онъ какъ бы сейчасъ видѣлъ, въ глубинѣ одного изъ коридоровъ, никогда никѣмъ не занятая, всегда съ закрытыми ставнями, съ дверью, запертою на адвижку, по своему мѣстоположенію была предоставлена порывамъ мистраля, подъ которыми она дрожала, какъ будка маяка. Сюда сваливали разный хламъ и все то, что каждое поколѣніе обитателей замка, признавая устарѣвшимъ, устраняло и замѣняло новыми пріобрѣтеніями.

О, еслибъ только Дивонна знала, для какихъ оригинальныхъ послѣобѣденныхъ отдыховъ послужитъ ея тростниковое кресло и какими юбками и панталончиками наполнится ея шкафъ временъ имперіи!

Но угрызенія совѣсти Госсена, въ этомъ отношеніи, совершенно потерялись посреди множества маленькихъ радостей новой жизни.

Какъ было весело, когда, въ сумерки, послѣ его возвращенія изъ канцеляріи, они отправлялись подъ руку путешествовать по улицамъ предмѣстій, выбирать мебель для столовой: буфетъ, столъ и шесть стульевъ, или-же кретоновыя цвѣтныя занавѣси для оконъ и кровати. Онъ всегда соглашался съ закрытыми глазами на все, что ему предлагали; но зато Фанни разсматривала за двухъ, пробовала стулья, изслѣдовала прочность ножекъ стола, торгуясь при этомъ съ умѣньемъ опытной покупщицы.

Она знала магазины, гдѣ можно было имѣть по фабричной цѣнѣ полный кухонный приборъ для маленькаго хозяйства; достаточно было четырехъ желѣзныхъ кастрюль и пятой эмальированной для утренняго шоколада. Мѣдной посуды она не хотѣла ни за

что: ее такъ долго чистить. Шесть металлическихъ приборовъ съ большою ложкою для супа и двѣ дюжины тарелокъ, изъ крѣпкаго англійскаго фаянса съ веселенькими рисунками; все это было сосчитано, перемыто и разставлено, какъ игрушечная кукольная посуда.

Для простынь, салфетокъ, столоваго и спальнаго бѣлья, она также знала одного торговца, представителя большой фабрики въ Рубэ, у котораго можно было купить съ разсрочкой. Постоянно разсматривая витрины магазиновъ, подкарауливая всевозможныя ликвидаціи, эти остатки крушеній, которые Парижъ безпрестанно выбрасываетъ, подобно пѣнѣ, на свою поверхность,— она отыскала на бульварѣ Клиши, по случаю, превосходную кровать, почти новую и такой ширины, что на нее можно было бы уложить семь женъ Синей Бороды.

Возвращаясь со службы, онъ также пробовалъ дѣлать покупки, не умѣя отказаться отъ невыгодной сдѣлки и не рѣшаясь уйти съ пустыми руками. Зайдя къ старьевщику для покупки стараго судка по ея описанію, онъ явился домой, принеся вмѣсто него какую-то хрустальную люстру для залы, совершенно для нихъ безполезную за неимѣніемъ самой залы.

— Мы повѣсимъ ее на верандѣ, сказала Фанни, желая его нѣсколько утѣшить.

А сколько было удовольствія, при сниманіи мѣрокъ, при спорахъ о разстановкѣ мебели, при крикахъ, безумномъ смѣхѣ и подниманіи рукъ кверху всякій разъ, когда, не смотря на всю предусмотрительность и на заранѣе составленный полный списокъ необходимыхъ покупокъ, они замѣчали, что все таки забыли или то, или другое.

А тёрка для сахару? Мыслимо-ли, чтобы, обзаведясь своимъ хозяйствомъ, они могли обойтись безъ этой терки?..

И наконецъ, когда все было куплено, установлено на мѣсто, занавѣси повѣшены, заправлена новая лампа,—наступилъ давно ожидаемый отрадный вечеръ въ собственной обстановкѣ. Прежде чѣмъ улечься спать, они тщательно осмотрѣли всѣ три комнаты; и какъ она смѣялась, свѣтя ему, пока онъ запиралъ *входную дверь*.

— Поверни еще разокъ... еще... хорошенько затвори... будемъ совершенно у себя дома.

. . . . . .

Наступила новая, восхитительная жизнь. Окончивъ свои занятія въ министерствѣ, онъ торопился домой; очутившись у себя, онъ поспѣшно надѣвалъ туфли и усаживался около растопленнаго камина. Въ полусвѣтѣ сумерекъ, пробираясь по уличной слякоти, онъ уже воображалъ себя въ комнаткахъ, теплыхъ и освѣщенныхъ, съ ихъ старою провинціальною мебелью, которую Фанни сочла сначала за очень громоздкую и немодную, но которая оказалась затѣмъ состоящей изъ прекрасныхъ, хотя и староватыхъ рѣдкостей; въ особенности шкафъ—прелестнѣйшая вещь временъ Людовика XVI—съ рисунками на дверцахъ, представляющими провансальскій праздникъ, съ пастушками въ цвѣтныхъ костюмахъ, пляшущими подъ звуки тамбурина и свирѣли. Присутствіе этихъ старыхъ, вышедшихъ изъ моды, но знакомыхъ для него съ дѣтства вещей напоминало Госсену отцовскій домъ и какъ бы освящало собой его новое собственное гнѣздо, отраду котораго онъ начиналъ вкушать.

По первому его звонку, немедленно являлась на встрѣчу Фанни, тщательно и кокетливо одѣтая. Въ ея черномъ шерстяномъ платьѣ, почти гладкомъ, но сшитомъ у лучшаго портнаго, обнаруживались простота и изящество женщины, знающей толкъ въ нарядахъ; засученные рукава и большой бѣлый передникъ, надѣтый поверхъ платья, нисколько не мѣшали общей прелести наряда; она занималась кухнею, оставляя приходящей служанкѣ только тяжелыя работы, отъ которыхъ грубѣютъ и трескаются руки.

Она знала кухонное мастерство и даже проявляла въ этомъ отношеніи много искусства, знала пропасть рецептовъ разныхъ кушаній сѣвера и юга, столь-же разнообразныхъ, какъ и ея репертуаръ народныхъ пѣсенокъ, которыя она, снявъ передникъ и заперевъ дверь въ кухню, принималась напѣвать своимъ страстнымъ, хоть нѣсколько разбитымъ контральто.

Внизу, подобно чудовищному потоку, перекатами шумѣла улица. Холодный дождь стучалъ по цинковой бесѣдкѣ веранды, а Госсенъ, расположившись въ своемъ креслѣ и протянувъ ноги

къ огню, спокойно смотрѣлъ на окна вокзала и на служащихъ, сгорбленныхъ надъ работою, при бѣломъ свѣтѣ большихъ рефлекторовъ. Ему было хорошо и онъ поддавался убаюкиванью. Былъ ли онъ влюбленъ? Нѣтъ; но онъ былъ полонъ признательностью за любовь, которою его окружали, и за ту всегда ровную нѣжность, съ которою относились къ нему. И какъ могъ онъ такъ долго лишать себя этого счастья изъ боязни избаловаться, опошлиться, изъ страха наложить на себя какія-то оковы, могущія повредить его карьерѣ? Опасенія эти теперь казались ему самому смѣшными. Развѣ настоящая его жизнь не гораздо опрятнѣе и приличнѣе той, которую онъ велъ прежде, переходя отъ одной женщины къ другой, рискуя при этомъ даже своимъ здоровьемъ?

Въ будущемъ также опасаться было нечего. Черезъ три года, когда онъ уѣдетъ, разрывъ совершится самъ собою, безъ всякихъ потрясеній. Фанни была предупреждена; они часто разговаривали объ этомъ, какъ говорятъ о смерти, о злополучіи, хотя и отдаленномъ, но неизбѣжномъ. Оставалось опасеніе того глубокаго огорченія, которое почувствуетъ его семья, узнавъ, что онъ живетъ не одинъ; опасеніе гнѣва его отца, столь строгаго и вспыльчиваго.

Но какъ могутъ они узнать объ этомъ? Жанъ ни съ кѣмъ не видался въ Парижѣ. Отецъ его, «консулъ», какъ его называли *тамъ*, цѣлый годъ былъ занятъ надзоромъ надъ весьма значительнымъ имѣніемъ, въ которомъ онъ самъ хозяйничалъ. Мать, больная, не могла сдѣлать безъ посторонней помощи ни шагу, ни движенія, предоставляя Дивоннѣ управленіе домомъ и ухаживаніе за двумя маленькими сестрами-близнецами, Мартой и Маріей, одновременное рожденіе которыхъ навсегда унесло ея силы. Что касается до дяди Цезаря, мужа Дивоннѣ, то это былъ большой ребенокъ, котораго не пускали путешествовать одного.

Такимъ образомъ, Фанни узнала все семейство. Когда Жанъ получалъ письмо изъ Кастело, въ концѣ котораго близнецы своими маленькими ручками приписывали нѣсколько строкъ крупными буквами, она читала это письмо чрезъ его плечо и волновалась вмѣстѣ съ нимъ.

О ея же прошломъ онъ не зналъ ровно ничего, даже не освѣдомлялся о немъ. Онъ обладалъ добрымъ, безсознательнымъ эгоизмомъ юности, не чувствуя ни ревности, ни безпокойства.

Полный своей собственной жизнью, онъ оставлялъ ее бить ключомъ, думалъ вслухъ, былъ довѣрчивъ и откровененъ, тогда какъ Фанни оставалась нѣмою.

Такимъ образомъ, дни и недѣли проходили въ счастливомъ спокойствіи. Одинъ только разъ оно было нарушено обстоятельствомъ, которое сильно взволновало ихъ обоихъ, но различнымъ образомъ. Она сочла себя беременною и сообщила ему объ этомъ съ такою радостью, что, казалось, привела и его въ восторгъ. Въ сущности-же ему стало страшно. Ребенокъ, въ его годы!... Что онъ будетъ съ нимъ дѣлать? Долженъ-ли онъ признать его? И какая новая связь между этой женщиной и имъ, какое усложненіе въ будущемъ!

Вдругъ цѣпь эта показалась ему тяжелой, холодной и крѣпко заклепанной. Ночью онъ не спалъ, также какъ и она; рядомъ, на ихъ широкой кровати, они грезили съ открытыми глазами, хотя были въ своихъ мысляхъ на тысячу верстъ другъ отъ друга.

Къ счастью, эта фальшивая тревога больше не возобновлялась, и они снова начали свою тихую, увлекательную, замкнутую жизнь.

Затѣмъ, когда зима прошла, когда возвратилось наконецъ настоящее солнце, ихъ келья сдѣлалась еще красивѣе, увеличившись террасою и бесѣдкою. Вечеромъ они обѣдали тамъ подъ зеленью, надъ которою проносились ласточки, свистя своими крохотными крыльями.

Съ улицы неслись на нихъ горячія волны воздуха вмѣстѣ съ шумомъ сосѣднихъ домовъ, но свѣжій вѣтерокъ все таки освѣжалъ ихъ и, близко прижавшись другъ къ другу, они забывались на цѣлые часы, не замѣчая ничего вокругъ себя. Жанъ припоминалъ подобные же вечера у себя, на берегу Роны, мечталъ о далекихъ консульствахъ въ жаркихъ странахъ, переносился мысленно на палубы кораблей, готовыхъ къ отплытію при дуновеніи точно такого-же вѣтерка, какъ и этотъ, отъ котораго трепались теперь полы ихъ палатки.

И когда тихій, нѣжный и ласкающій голосъ шепталъ ему возлѣ самаго уха: «Любишь меня?.. да? любишь?..» онъ принужденъ былъ вернуться изъ своихъ далекихъ мысленныхъ путешествій, чтобъ отвѣтить: „О, да! Конечно, люблю...“ У

молодыхъ любовниковъ голова постоянно занята цѣлою тьмою самыхъ разнородныхъ вещей.

На томъ-же самомъ балконѣ, за раздѣляющею его желѣзною рѣшеткою, покрытою вьющимися растеніями, ворковала другая парочка, господинъ и госпожа Гетемà; оба были очень толсты, и частые поцѣлуи ихъ звучали точно пощечины. Почти равные по возрасту, они удивительно походили другъ на друга по вкусамъ и тяжеловѣснымъ манерамъ; трогательно было видѣть этихъ любовниковъ на склонѣ молодости, напѣвающихъ тихонько въ два голоса старые сантиментальные романсы:

Mais je l'entends qui soupire dans l'ombre,
C'est un beau rêve, ah! laissez moi dormir! *)

Они нравились Фанни и она не прочь была съ ними познакомиться. Изрѣдка, сосѣдка и она обмѣнивались черезъ почернѣвшую желѣзную рѣшотку перегородки улыбкою женщинъ влюбленныхъ и счастливыхъ; но мужчины, какъ обыкновенно, держались болѣе натянуто; такимъ образомъ сосѣди все еще оставались незнакомыми.

Однажды, послѣ полудня, Жанъ возвращался съ набережной д'Орсэ; на углу Королевской улицы его кто-то окликнулъ. День былъ прелестный и видъ, который имѣлъ съ этого поворота бульвара Парижъ, залитый свѣтомъ, представлялъ картину, подобныхъ которой мало въ мірѣ.

— Садитесь сюда, милый юноша, и выпейте чего нибудь.. Мнѣ очень пріятно посмотрѣть на васъ.

Двѣ громадныя руки схватили его и усадили подъ навѣсомъ кафе; тройной рядъ столиковъ загромождалъ тротуаръ. Онъ не сопротивлялся, польщенный тѣмъ, что публика, сидящая вокругъ него,—разные провинціалы и иностранцы въ полосатыхъ жакетахъ и круглыхъ шляпахъ, — съ любопытствомъ шептала имя Каудаля.

Скульпторъ сидѣлъ у столика за стаканомъ абсента, столь гармонировавшаго съ его поблекшимъ видомъ и розеткою почет-

*) „Но я слышу въ тѣни его вздохъ,
Какой прекрасный сонъ! О, не будите меня!“

наго легіона; рядомъ съ нимъ былъ инженеръ Дешелетъ, пріѣхавшій наканунѣ, все такой-же загорѣлый, съ выдавшимися скулами, маленькими добрыми глазами, съ сладострастными ноздрями. Не успѣлъ Жанъ усѣсться, какъ Каудаль, указывая на него, заговорилъ съ комическимъ ожесточеніемъ:

— Вѣдь какъ красивъ, бестія. Ну, можно-ли повѣрить, что и я когда-то былъ въ его лѣтахъ, что и я цвѣлъ подобно ему... О, молодость, молодость!....

— Все объ одномъ и томъ-же, замѣтилъ Дешелетъ, улыбаясь на подталкиванье пріятеля.

— Не смѣйтесь, друже мой.... Все, что я имѣю, все, такъ сказать, мое *я*,—медали, кресты, званіе академика, всѣ прочія почести,—все отдалъ бы я за эти волосы, за этотъ позлащенный солнцемъ цвѣтъ лица...

Вдругъ, круто оборвавъ себя, онъ повернулся къ Госсену.

— А Сафо? Что вы съ нею дѣлаете?.. вѣдь ея больше нигдѣ не видно...

Жанъ вытаращилъ глаза, не понимая вопроса.

— Развѣ вы уже не съ нею?...

Но замѣтивъ, что удивленіе не сходитъ съ лица Госсена, онъ прибавилъ нетерпѣливо:

— Ну,—Сафо... Фанни Легранъ... Вилль-д'Аврэ...

— О! Это кончено уже давно, промолвилъ Жанъ.

Какимъ образомъ эта ложь пришла ему въ голову? Вслѣдствіе-ли стыда, или непріятнаго чувства, возникшаго при имени Сафо, данномъ его возлюбленной; вслѣдствіе-ли нежеланія говорить о ней съ посторонними, или же, можетъ быть, изъ желанія узнать нѣчто такое, чего бы ему иначе не сказали?

— Что такое?... Сафо?... она все еще вертится? спросилъ Дешелетъ, разсѣянный и опьяненный отъ удовольствія при видѣ лѣстницы Мадлэнъ, цвѣточнаго рынка и длинной линіи бульваровъ, между двумя рядами зеленыхъ деревьевъ.

— Развѣ вы не помните... У васъ, въ прошломъ году... Она была великолѣпна въ костюмѣ фелахской женщины... А осенью, когда я ее встрѣтилъ за завтракомъ съ этимъ красавчикомъ у Ланглуа, вы бы сказали, что это новобрачные въ первыя недѣли послѣ свадьбы.

цахъ, не подозрѣвая о нервныхъ содроганіяхъ, которыя каждый разъ искажали его лицо.

Онъ имѣлъ даже смѣлость насмѣхаться надъ постскриптумомъ, слѣдовавшимъ за блестящимъ описаніемъ праздниковъ въ Айсауа: «Я перечитываю мое письмо... въ самомъ дѣлѣ, въ немъ есть недурныя вещи; сбереги мнѣ его, мнѣ можно будетъ имъ воспользоваться...»

— Вотъ господинъ, который не оставлялъ ничего даромъ! сказалъ Жанъ, переходя къ другому листку съ тѣмъ-же самымъ почеркомъ, въ которомъ, холоднымъ тономъ дѣловаго человѣка, Лагурнери требовалъ возврата «Сборника арабскихъ пѣсенъ» и пары туфлей изъ рисовой соломы.

Это была ликвидація ихъ любви. О, этотъ умѣлъ разставаться,—онъ былъ твердъ.

И, не останавливаясь, Жанъ продолжалъ копаться въ этомъ болотѣ, изъ котораго поднимались знойные и нездоровые пары.

При наступленіи ночи, поставивъ свѣчу на столъ, онъ пробѣгалъ коротенькія записки, написанныя какъ бы рѣзцомъ, крайне неразборчиво, слишкомъ толстыми пальцами, которые, въ порывѣ желанія или гнѣва, прокалывали и разрывали бумагу. Это были первыя времена связи съ Каудалемъ, назначенія свиданій, ужины, загородныя поѣздки, затѣмъ ссоры, мольбы о примиреніи, крики, неприличныя и низкія выходки простаго рабочаго, прерываемыя внезапно шуточками, смѣшными словцами; выплаканные упреки, вся слабость, выставленная во всей наготѣ великимъ артистомъ предъ разрывомъ и разлукою.

Огонь пожиралъ все это, вспыхивая высокимъ краснымъ пламенемъ, въ которомъ дымились и корчились плоть, кровь и слезы геніальнаго человѣка; но что за дѣло было до всего этого Фанни, всецѣло преданной юному любовнику, котораго она наблюдала. Палящій жаръ лихорадки, овладѣвшій имъ, жегъ и ее.

Онъ только что нашелъ портретъ, сдѣланный перомъ и подписанный Гаварни, съ слѣдующимъ посвященіемъ: *„моему другу Фанни Легранъ; въ трактирѣ Дампіеръ, въ одинъ дождливый день“*. Умное лицо со впалыми глазами и выраженіемъ грусти и истомы.

— Кто это?...

ее. Она пристала къ нему, какъ смола; преслѣдовала его всюду, ломилась къ нему въ дверь, дожидалась его, лежа поперекъ порога его квартиры... Разъ ночью, среди зимы, она цѣлыхъ пять часовъ стояла на караулѣ у входа къ Фарси, куда онъ отправился съ цѣлой компаніей... Жаль ее было ужасно!... Но элегическій поэтъ оставался непреклоненъ, и наконецъ, чтобъ избавиться отъ нея, обратился за помощью къ полиціи... Прелестный человѣкъ, не правда-ли?... Но этого мало... Въ концѣ концовъ, въ благодарность этой красавицѣ, отдавшей ему лучшіе годы своей молодости, свой умъ, свое тѣло, онъ вылилъ ей на голову цѣлый томъ грязнѣйшихъ стиховъ, преисполненныхъ ненавистью, упреками, жалобами:—„Книгу любви“, лучшее изъ его произведеній.

Госсенъ, безмолвный, вытянувъ впередъ шею, слушалъ, потягивая маленькими глотками, черезъ длинную соломенку, поданный ему замороженный напитокъ. Ему казалось, что это былъ ядъ, леденившій его сердце и всѣ внутренности.

Не смотря на ярко блиставшее солнце, его пробирала дрожь. Въ блѣдноватой дали онъ замѣчалъ какія-то тѣни, двигавшіяся взадъ и впередъ, видѣлъ бочку для поливки улицъ, остановившуюся противъ Мадлэнъ, и перекрещиваніе экипажей, беззвучно катившихся по мягкой асфальтовой мостовой, словно по ватѣ. Но уши его слышали только то, что̀ говорилось за этимъ столомъ,—никакого другаго шума, ни звуковъ во всемъ Парижѣ для него не существовало...

Теперь говорилъ уже Дешелетъ, теперь онъ вливалъ ему ядъ въ сердце:

— Какая ужасная вещь эти разрывы...

И его голосъ, спокойный и насмѣшливый, принималъ выраженіе кротости и безконечнаго состраданія...

— Цѣлые годы жили вмѣстѣ, спали другъ возлѣ друга, смѣшивая свои сновидѣнія. Все высказывали другъ другу, все одинъ другому отдавали; переняли привычки, манеры, разговоры, даже наружностью походили одинъ на другаго, узнали другъ друга съ ногъ до головы... Словомъ, какъ бы склеились вмѣстѣ... Затѣмъ вдругъ разстаются, разрываютъ все, что̀ ихъ связывало... Какъ они это могутъ дѣлать, какъ хватаетъ у нихъ смѣлости?..

Я-бы никогда не рѣшился... Обманутый, оскорбленный, осмѣянный, даже запачканный грязью, я бы не нашелъ силъ уйти, и еслибъ плачущая женщина сказала мнѣ: „останься!..“ я-бы остался... И вотъ поэтому то, если я беру женщину, то никакъ не дольше, чѣмъ на одну ночь... Нѣтъ завтрашняго дня! какъ говаривала старая Франція... или, иначе, женитьба. Это, по крайней мѣрѣ, окончательно и гораздо чище.

— Нѣтъ завтрашняго дня... Нѣтъ завтрашняго дня... Хорошо вамъ говорить... Есть женщины, которыя берутся не на одну ночь... Вотъ эта, напримѣръ.

— Я не далъ ей ни минуты отсрочки.... сказалъ Дешелетъ со спокойной улыбкой, показавшейся отвратительной несчастному молодому любовнику.

— Значитъ, вы ей просто не нравились, а то вѣдь это такая женщина, что ужь если она полюбитъ, то съумѣетъ прицѣпиться... У нея есть вкусъ къ семейной жизни... Впрочемъ, ее преслѣдуетъ постоянная неудача въ намѣреніи устроиться по семейному... Не успѣла она поселиться съ романистомъ Дежуа, какъ онъ вскорѣ послѣ того умеръ; она перешла къ Эзано; тотъ, недолго спустя, женился... На смѣну ему явился граверъ Фламанъ, образецъ античной красоты—вѣдь она всегда преклонялась предъ талантомъ и красотой,—а вы вѣдь знаете, чѣмъ кончилъ этотъ красавецъ...

— А чѣмъ онъ кончилъ? спросилъ Госсенъ подавленнымъ голосомъ и снова принялся сосать свою соломенку, слушая драму любви, волновавшую Парижъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— Граверъ былъ бѣденъ, до безумія влюбленъ въ эту женщину и чтобы не быть покинутымъ ею, чтобы поддержать ея роскошь, онъ поддѣлалъ два фальшивыхъ банковыхъ билета. Почти тотчасъ же открытый и арестованный вмѣстѣ со своей любовницей, онъ отдѣлался десятью годами тюремнаго заключенія, она шестью мѣсяцами предварительнаго задержанія въ Сенъ-Лазарѣ, такъ какъ невинность ея была доказана.

И Каудаль напоминалъ Дешелету, присутствовавшему на процессѣ,—какая она была хорошенькая, въ маленькомъ арестантскомъ чепчикѣ, и какая храбрая,—не плакса какая-нибудь,—но до *конца вѣрная* своему любовнику.

— А ея отвѣтъ этому старому грибу, предсѣдателю, а поцѣлуй, который она послала Фламану черезъ треуголки жандармовъ, закричавъ ему голосомъ, способнымъ смягчить камень:

— Не унывай, голубчикъ; красные дни вернутся, мы еще будемъ любить другъ друга!...

— Но все-таки это нѣсколько отвадило ее, бѣдняжку, отъ охоты къ семейной жизни.

— Послѣ этого, пустившись во всѣ тяжскія, она брала любовниковъ на мѣсяцы, на недѣли, и никогда изъ артистовъ... О, артисты, она ихъ до того боится... Я, кажется, былъ единственнымъ, съ которымъ она продолжала видѣться... Изрѣдка она заходила въ мою мастерскую выкурить папироску. Затѣмъ, нѣсколько мѣсяцевъ я ничего не слыхалъ о ней до того дня, какъ встрѣтилъ ее завтракающей съ этимъ красавчикомъ и кушающей виноградъ съ его губъ. Тогда я подумалъ: вотъ моя Сафо снова показалась.

Жанъ не могъ больше слушать. Онъ чувствовалъ, что умираетъ отъ этого, поглощеннаго имъ, яда. Послѣ недавняго озноба, онъ чувствовалъ, что грудь его горитъ, жгучій жаръ переходитъ въ его голову, готовую лопнуть отъ боли, какъ тонкое желѣзо, раскаленное до бѣла. Онъ перешелъ улицу, шатаясь, какъ пьяный, передъ колесами экипажей. Кучера кричали. Чего имъ нужно было, этимъ дуракамъ?..

Проходя по рынку Маделэны, онъ былъ выведенъ изъ своего оцѣпененія запахомъ геліотропа, любимыхъ духовъ его любовницы. Онъ ускорилъ шагъ, чтобы убѣжать отъ нея; взбѣшенный, съ истерзаннымъ сердцемъ, онъ говорилъ вслухъ:

— Моя любовница!.. Какая грязь... Сафо, Сафо!.. Страшно подумать, что я цѣлый годъ жилъ съ этой тварью!.. Онъ съ бѣшенствомъ повторялъ это имя, припоминая, что встрѣчалъ его въ мелкихъ бульварныхъ газетахъ, въ этомъ Готскомъ альманахѣ волокитъ, между другими прозвищами женщинъ полусвѣта: Сафо, Кора, Каро, Фрина, Жанна де-Пуатье, Тюлень...

И, вмѣстѣ съ четырьмя буквами этаго гнуснаго имени, вся жизнь этой женщины пробѣгала передъ его глазами, подобно помоямъ водосточной канавы. Мастерская Каудаля, свалки у Лагурнери, ночныя ожиданія передъ вертепами или на порогѣ

поэта... Затѣмъ красивый граверъ, поддѣлки, судъ присяжныхъ... и этотъ маленькій арестантскій чепчикъ, такъ къ ней шедшій, и поцѣлуй, посланный ею поддѣлывателю фальшивыхъ билетовъ: „Не унывай, голубчикъ“... Голубчикъ!.. То же имя, тѣ же ласки, которыя она даетъ и ему... Какой позоръ!.. А! онъ начисто вымететъ эту грязь... А запахъ геліотропа все преслѣдовалъ его въ спускавшихся блѣднолиловыхъ сумеркахъ.

Вдругъ онъ замѣтилъ, что все еще ходитъ взадъ и впередъ по рынку, какъ по палубѣ корабля. Онъ направился домой, мигомъ достигъ Амстердамской улицы, съ твердою рѣшимостью выгнать отъ себя эту женщину, вышвырнуть ее на лѣстницу безъ всякихъ объясненій, бросивъ ей вслѣдъ ея прозвище. У дверей онъ пріостановился, подумалъ, сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ. Она будетъ кричать, рыдать, выпуститъ на весь домъ свой рыночный словарь, какъ тамъ, въ улицѣ Аркадъ...

Написать?.. Да, такъ, написать будетъ лучше... Покончить съ нею всѣ счеты въ четырехъ словахъ, крайне жосткихъ. Онъ вошелъ въ таверну, пустынную и угрюмую въ часъ зажиганія газа, сѣлъ къ запачканному столу, около единственной посѣтительницы, женщины съ мертвеннымъ лицомъ, пожиравшей съ жадностью копченую семгу, ничѣмъ ее не запивая. Онъ спросилъ кружку эля, къ которой не прикоснулся, и началъ свое письмо. Но въ головѣ его тѣснилось слишкомъ много словъ, стремившихся вылиться заразъ и которыя слишкомъ медленно, помимо его желанія, начертывались скверными сгустившимися чернилами.

Онъ разорвалъ два или три начатыхъ письма и хотѣлъ уже уйти, ничего не написавъ, когда полный прожорливый ротъ, около него, застѣнчиво прошепталъ:

— Вы не пьете?.. можно?..

Онъ сдѣлалъ утвердительный знакъ. Женщина схватила кружку и осушила ее большими глотками, доказавшими все томленіе этой несчастной, имѣвшей въ карманѣ ровно столько, чтобы утолить свой голодъ, не оросивъ его немножко пивомъ. Онъ почувствовалъ жалость, успокоившую его, внезапно освѣтившую передъ нимъ все горе женской жизни, и онъ началъ разсуждать болѣе человѣколюбиво, началъ обдумывать свое несчастье.

Вѣдь, въ сущности, она его не обманывала; и если онъ ничего

не зналъ изъ ея жизни, то потому только, что онъ самъ никогда объ этомъ не спрашивалъ. Въ чемъ онъ могъ упрекнуть ее?.. Ея заключеніе въ тюрьмѣ?.. Но вѣдь она была оправдана, почти съ тріумфомъ вышла изъ суда... Такъ въ чемъ же?.. Что у нея до него были любовники?.. Но развѣ онъ этого не зналъ?.. Развѣ можно винить ее сильнѣе за то, что имена этихъ любовниковъ были извѣстны, знамениты, что онъ могъ ихъ встрѣтить, говорить съ ними, видѣть ихъ портреты на выставкахъ?.. Можно-ли вмѣнять ей въ преступленіе то, что она предпочитала ихъ?

И въ глубинѣ его сердца поднималось чувство какой-то скверной гордости отъ сознанія, что онъ дѣлилъ ее съ великими художниками, что они также находили ее прекрасной. Въ его годы рѣдко судятъ съ увѣренностью и пониманіемъ... Любятъ женщину, любятъ самую любовь, но опытнаго глаза еще нѣтъ, и молодой любовникъ, показывая портретъ своей милой, ждетъ взгляда или слова, которые одобрили бы его вкусъ. Фигура Сафо выросла въ его глазахъ; она казалась ему окруженною ореоломъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ узналъ, что она была воспѣваема Лагурнери, изваяна Каудалемъ изъ мрамора и бронзы.

Незамѣтно, погруженный въ свои размышленія, онъ очутился на скамьѣ бульвара,—среди дѣтскихъ криковъ, перебранки женъ рабочихъ и пыли іюньскаго вечера.

Но вдругъ, вновь охваченный яростью, онъ вскакивалъ со скамейки и начиналъ ходить, громко и бѣшено говоря самъ съ собою... „Мило... бронзовая Сафо!. Продажная бронза, таскавшаяся повсюду, банальная, какъ музыка шарманки, какъ самое слово *Сафо*, которое, пройдя черезъ рядъ вѣковъ, поверхъ своего первоначальнаго изящества, покрылось слоемъ грязныхъ легендъ и изъ имени богини превратилось въ названіе болѣзни... Боже, какъ все это отвратительно"!..

Такимъ образомъ попеременно, то успокоенный, то взбѣшенный, онъ предавался этому водовороту противоположныхъ страстей. Бульваръ темнѣлъ и становился пустыннымъ. Острый, тяжелый запахъ носился въ горячемъ воздухѣ; онъ узналъ ворота большаго кладбища, гдѣ онъ со всею молодежью присутствовалъ, годъ тому назадъ, при открытіи памятника на могилѣ Дежуа, романиста Латинскаго квартала, автора „Сандринеты".

щимъ, отдувающимся въ одномъ жилетѣ, встряхивающимъ рукава рубахи для циркуляціи воздуха, съ бородой, начинавшейся отъ самыхъ глазъ. Около него, его толстая жена въ одной ночной кофточкѣ потѣла также, хотя никогда ничего не дѣлала, и, для освѣженія, время отъ времени они пѣли одинъ изъ своихъ любимыхъ дуэтовъ.

Короткія отношенія скоро установились между двумя семьями. Утромъ, около десяти часовъ, у дверей раздавался громкій голосъ Гетема, кричавшій:

— Готовы-ли вы, Госсенъ?..

И такъ какъ мѣста ихъ службы находились въ одной сторонѣ, они отправлялись вмѣстѣ. Крайне тяжелый и вульгарный, стоящій нѣсколькими общественными ступенями ниже своего молодаго спутника, чертежникъ говорилъ мало, шепелявилъ, точно у него во рту была такая же большая борода, какъ и на щекахъ; но чувствовалось, что это былъ честный человѣкъ, а нравственное разстройство Жана нуждалось въ подобномъ обществѣ. Онъ въ особенности дорожилъ этимъ знакомствомъ ради своей любовницы, жившей въ уединеніи, полномъ воспоминаній и сожалѣній, болѣе опасныхъ, быть можетъ, чѣмъ тѣ отношенія, отъ которыхъ она добровольно отказалась. И въ госпожѣ Гетемà, безпрерывно занятой своимъ мужемъ и лакомымъ блюдомъ, которое она готовила ему къ обѣду, и новымъ романсомъ, который она споетъ ему за десертомъ,—Фанни находила общество честное и здоровое.

Тѣмъ не менѣе, когда дружба дошла до взаимныхъ приглашеній, въ Жанѣ явилась нѣкоторая совѣстливость. Эти люди должны были считать ихъ законными супругами. Его совѣсть не выносила обмана и онъ поручилъ Фанни предупредить сосѣдку, во избѣжаніе недоразумѣній. Это заставило ее расхохотаться... Бѣдный ребенокъ!.. Только онъ одинъ можетъ быть такъ наивенъ...

— Да они ни одной минуты не думали, что мы мужъ и жена!.. Да развѣ они объ этомъ заботятся?.. Еслибъ ты зналъ, откуда онъ взялъ свою жену . Все, что дѣлала я, ничто въ сравненіи съ ея прошлымъ... Онъ женился на ней только для того,

чтобы она принадлежала ему одному, и ты видишь что ея прошлое нимало не смущаетъ его...

Онъ не могъ прійти въ себя отъ изумленія!..

Такъ она изъ бывалыхъ, эта добрая женщина съ ясными глазами, съ дѣтскимъ смѣхомъ на нѣжно-бѣломъ лицѣ, съ провинціальнымъ растягиваніямъ словъ, она, для которой романсы никогда не были достаточно сантиментальными и выраженія — деликатными. А онъ, человѣкъ такой спокойный, такой увѣренный въ своемъ супружескомъ благополучіи! Жанъ смотрѣлъ на идущаго съ нимъ рядомъ мужа—съ трубкой въ зубахъ,—съ легкими вздохами счастія, въ то время какъ самъ постоянно думалъ, и терзался безсильной яростью.

— Это пройдетъ у тебя, голубчикъ, говорила ему кротко Фанни въ тѣ часы, когда все говорятъ другъ другу... Она успокоивала его, нѣжная и очаровательная, какъ въ первый день ихъ связи, но съ какимъ то оттѣнкомъ распущенности, которую Жанъ не умѣлъ опредѣлить. Распущенность эта выражалась въ болѣе свободныхъ манерахъ и способѣ выраженія, въ сознаніи своей власти, въ странныхъ откровенностяхъ относительно ея прошлой жизни, ея прежнихъ кутежей, безумствъ, ея любопытства, о которыхъ онъ у нея вовсе не разспрашивалъ. Она больше не стѣснялась курить, свертывая пальцами и кладя повсюду на мебель папиросы, которыя услаждаютъ дни подобныхъ ей женщинъ; въ своихъ бесѣдахъ она высказывала самыя циническія теоріи относительно жизни, безчестности мужчинъ, плутовства женщинъ. Даже выраженіе глазъ ея измѣнялось; они тяжелѣли какъ бы отъ болотныхъ паровъ, сквозь которые прорывались молніи циническаго хохота.

Нѣжность ихъ отношеній также приняла другую форму. Сдержанная сначала, въ виду юности своего любовника, въ которомъ она уважала иллюзію перваго увлеченія, эта женщина не стѣснялась болѣе послѣ того, какъ увидѣла впечатлѣніе, произведенное на этого ребенка внезапнымъ открытіемъ ея развратнаго прошлаго, увидѣла ту болотную лихорадку, которую открытіе это зажгло въ его крови. И самыя развратныя ласки, такъ долго сдерживаемыя, всѣ эти слова безумной страсти, которыя прежде она останавливала своими стиснутыми зубами,—она

побѣжала за лакированной шкатулкой, рѣзныя украшенія которой такъ интересовали ея любовника въ теченіе нѣсколькихъ дней.

— Жги, рви, все это твое...

Но онъ не торопился повернуть маленькій ключикъ и разсматривалъ гроздья вишенъ изъ розоваго перламутра и полетъ листовъ, инкрустированныхъ на крышкѣ, которую онъ наконецъ быстро открылъ... Всевозможные форматы, почерки, разноцвѣтныя бумажки съ золочеными монограммами, старыя записки, пожелтѣвшія, потрескавшіяся на изгибахъ, наброски карандашемъ на листкахъ, вырванныхъ изъ записной книжки, визитныя карточки въ кучѣ, безъ порядка, какъ въ ящикѣ, въ которомъ часто роются и въ который онъ самъ погружалъ теперь свои дрожащія руки...

— Передай ихъ мнѣ. Я сожгу ихъ предъ твоими глазами.

Она говорила лихорадочно, присѣвъ передъ каминомъ съ зажженной свѣчей около себя.

— Подай...

— Нѣтъ... постой, отвѣчалъ онъ и прибавилъ еще тише, какъ бы стыдясь,—я хотѣлъ бы прочесть...

— Къ чему? Ты опять причинишь себѣ боль...

Она думала только объ его страданіи, забывая объ деликатности предавать такимъ образомъ секреты страсти, исповѣдь надъ подушкой тѣхъ людей, которые любили ее. И ,приблизившись къ нему, все еще на колѣняхъ, она читала одновременно съ нимъ, наблюдая краемъ глаза за выраженіемъ его лица.

Десять страницъ, подписанныхъ Лагурнери и помѣченныхъ 1861 г., написанныхъ длиннымъ и тонкимъ почеркомъ, на которыхъ поэтъ, посланный въ Алжиръ для оффиціальнаго и лирическаго описанія путешествія императора и императрицы, дѣлалъ своей возлюбленной ослѣпительное описаніе празднествъ.

Алжиръ, переполненный и кишащій народомъ, настоящій Багдадъ изъ „Тысяча одной ночи“; вся Африка, столпившаяся вокругъ города, ломившаяся въ его ворота, подобно самуму; караваны негровъ и верблюдовъ, нагруженные благовонной смолой; разбитыя изъ шкуръ палатки; запахъ человѣческаго тѣла, надъ всѣмъ этимъ обезьяньимъ сборищемъ, расположившимся лагеремъ *на берегу моря*, плясавшимъ ночью вокругъ большихъ огней,

устранявшимся каждое утро передъ появленіемъ вождей юга, подобныхъ королямъ-магамъ,съ восточной пышностью, съ нестройною музыкою, съ тростниковыми флейтами, маленькими глухими барабанами, вокругъ трехцвѣтнаго знамени пророка; а позади, ведомыя неграми лошади, предназначенныя въ подарокъ *а л'амбе-рур* (императору), покрытыя шелкомъ, украшенныя серебромъ, потрясающія при каждомъ шагѣ бубенчиками и вышивками...

Геній поэта дѣлалъ все это живымъ и видимымъ; слова блистали на страницахъ, какъ драгоцѣнные необдѣланные камни, разсматриваемые ювелирами на бумагѣ. Дѣйствительно, она могла гордиться, эта женщина, къ ногамъ которой бросали такія богатства. Она, должно быть, была очень любима, такъ какъ, не смотря на заманчивость этихъ праздниковъ, поэтъ только и думалъ о ней и умиралъ отъ разлуки съ нею.

„О, эту ночь я былъ съ тобою на широкомъ диванѣ улицы Аркадъ. Ты была обнажена, ты была въ безуміи, ты радостно вскрикивала отъ моихъ ласкъ, какъ вдругъ я проснулся, завернутый въ коверъ на моей террасѣ, среди звѣздной ночи. Крикъ муэззина долеталъ до меня съ сосѣдняго минарета ясными прозрачными волнами, скорѣе страшными, чѣмъ молитвенными, и я еще слышалъ тебя, пробуждаясь отъ моего сновидѣнія....“

Какая-же злая сила толкала его продолжать чтеніе, не смотря на страшную ревность, заставлявшую бѣлѣть его губы и сжиматься его руки! Тихо, ласково, Фанни старалась взять у него письмо; но онъ прочелъ его до конца, затѣмъ другое, потомъ еще и еще нѣсколько, роняя ихъ одно за другимъ съ выраженіемъ презрѣнія, равнодушія, не глядя на пламя, разгоравшееся въ каминѣ отъ страстныхъ лирическихъ изліяній великаго поэта. Иногда, среди избытка этой любви, воспламененной аффриканскимъ климатомъ, лиризмъ любовника былъ запятнанъ грубыми непристойностями, достойными казармы, которыми были бы сканда-лизированы свѣтскія читательницы *„Книги любви“*, отличавшейся утонченнымъ спиритуализмомъ и чистотою, подобной серебряной вершинѣ Юнгфрау.

О, подлость человѣческаго сердца! На этихъ-то мѣстахъ въ особенности останавливался Жанъ,—на этихъ грязныхъ страни-

цахъ, не подозрѣвая о нервныхъ содроганіяхъ, которыя каждый разъ искажали его лицо.

Онъ имѣлъ даже смѣлость насмѣхаться надъ постскриптумомъ, слѣдовавшимъ за блестящимъ описаніемъ праздниковъ въ Айсауа: «Я перечитываю мое письмо... въ самомъ дѣлѣ, въ немъ есть недурныя вещи; сбереги мнѣ его, мнѣ можно будетъ имъ воспользоваться...»

— Вотъ господинъ, который не оставлялъ ничего даромъ! сказалъ Жанъ, переходя къ другому листку съ тѣмъ-же самымъ почеркомъ, въ которомъ, холоднымъ тономъ дѣловаго человѣка, Лагурнери требовалъ возврата «Сборника арабскихъ пѣсенъ» и пары туфлей изъ рисовой соломы.

Это была ликвидація ихъ любви. О, этотъ умѣлъ разставаться,—онъ былъ твердъ.

И, не останавливаясь, Жанъ продолжалъ копаться въ этомъ болотѣ, изъ котораго поднимались знойные и нездоровые пары.

При наступленіи ночи, поставивъ свѣчу на столъ, онъ пробѣгалъ коротенькія записки, написанныя какъ бы рѣзцомъ, крайне неразборчиво, слишкомъ толстыми пальцами, которые, въ порывѣ желанія или гнѣва, прокалывали и разрывали бумагу. Это были первыя времена связи съ Каудалемъ, назначенія свиданій, ужины, загородныя поѣздки, затѣмъ ссоры, мольбы о примиреніи, крики, неприличныя и низкія выходки простаго рабочаго, прерываемыя внезапно шуточками, смѣшными словцами; выплаканные упреки, вся слабость, выставленная во всей наготѣ великимъ артистомъ предъ разрывомъ и разлукою.

Огонь пожиралъ все это, вспыхивая высокимъ краснымъ пламенемъ, въ которомъ дымились и корчились плоть, кровь и слезы геніальнаго человѣка; но что за дѣло было до всего этого Фанни, всецѣло преданной юному любовнику, котораго она наблюдала. Палящій жаръ лихорадки, овладѣвшій имъ, жегъ и ее.

Онъ только что нашелъ портретъ, сдѣланный перомъ и подписанный Гаварни, съ слѣдующимъ посвященіемъ: „*моему другу Фанни Легранъ; въ трактирѣ Дампіеръ, въ одинъ дождливый день*“. Умное лицо со впалыми глазами и выраженіемъ грусти и истомы.

— Кто это?...

его на почтительномъ разстояніи ножницами, прицѣпленными стальнымъ крючкомъ къ ея поясу; она заставила его влюбиться до безумія, до того, что онъ сталъ говорить о свадьбѣ и довѣрилъ свою тайну невѣсткѣ. Невѣстка знала Дивонну Абріё съ дѣтства, знала, что это дѣвушка серьезная и деликатная, и въ глубинѣ своего сердца признавала, что этотъ неровный бракъ составитъ, можетъ быть, спасеніе для Фената; но гордость консула возмущалась при мысли, что одинъ изъ Госсеновъ д'Арманди женится на крестьянкѣ: „Если Цезарь сдѣлаетъ это, я его и видѣть не хочу..." говорилъ онъ, и сдержалъ слово.

Женившись, Цезарь оставилъ Кастелэ и поселился на берегу Роны у родителей своей жены; онъ жилъ маленькими средствами, доставляемыми ему братомъ, которыя приносила ежемѣсячно его невѣстка. Маленькій Жанъ сопровождалъ ее въ этихъ посѣщеніяхъ, восхищаясь хижиной Абріё, похожей на законченную ротонду, потрясаемую горными вѣтрами и мистралемъ, и поддерживаемую единственнымъ столбомъ, напоминавшимъ собою мачту. Въ отворенную дверь обрисовывалась маленькая набережная, на которой сушились сѣти и переливалась серебристымъ отливомъ рыбья чешуя. Внизу, двѣ или три простыя лодки качались и скрипѣли на своихъ причалахъ; вдали виднѣлась большая рѣка, веселая и широкая, волны которой какъ бы отбрасывались вѣтромъ къ островамъ, покрытымъ блѣднозеленою растительностью. И здѣсь, съ юныхъ лѣтъ, Жанъ пріобрѣталъ любовь къ далекимъ путешествіямъ и къ морю, котораго онъ еще никогда не видѣлъ.

Это изгнаніе дяди Цезаря продолжалось два или три года и, можетъ быть, никогда бы не кончилось, еслибы не семейное событіе,—рожденіе двухъ близнецовъ: Марты и Маріи. Мать занемогла вслѣдствіе этихъ двойныхъ родовъ, и Цезарь съ женою получили разрѣшеніе навѣщать ее. Примиреніе двухъ братьевъ послѣдовало безъ особыхъ поводовъ, инстинктивно, вслѣдствіе простаго кроваго родства; съ тѣхъ поръ Цезарь съ женою поселились въ Кастелэ, и такъ какъ неизлѣчимое малокровіе, осложнившееся ревматическою подагрою, лишало бѣдную мать возможности движенія, Дивонна должна была принять на себя трудъ веденія хозяйства въ домѣ, ухаживанія за малютками, наблюденія за многочисленной прислугой; должна была посѣщать

онъ описывалъ свою радость по поводу оправданія и освобожденія его возлюбленной. Онъ не жаловался ни на что; съ нею и благодаря ей онъ провелъ два года такого полнаго, такого глубокаго счастья, что воспоминанія о немъ было бы достаточно чтобы наполнить всю его жизнь, усладить ужасъ его судьбы, и онъ заканчивалъ просьбою объ услугѣ:

„Ты знаешь, что у меня на родинѣ есть ребенокъ, мать котораго давно умерла; онъ живетъ у старой родственницы въ такомъ глухомъ уголкѣ, что тамъ никогда ничего не узнаютъ о моемъ дѣлѣ. Я послалъ имъ оставшіяся у меня деньги, объявивъ, что уѣзжаю въ далекое путешествіе, и на тебя разсчитываю я, моя дорогая Нини, что ты будешь время отъ времени справляться объ этомъ маленькомъ несчастливцѣ и сообщать мнѣ о немъ...“

Какъ доказательство участія Фанни, слѣдовало благодарственное письмо и затѣмъ другое, совсѣмъ еще новое, писанное не болѣе шести мѣсяцевъ тому назадъ: „О, какъ ты добра, что навѣстила меня... Какъ ты была прекрасна, какимъ хорошимъ запахомъ пахнуло отъ тебя на мою арестантскую куртку, которой мнѣ было такъ стыдно!..“ И Жанъ остановился, взбѣшенный:

— Значитъ, ты продолжала съ нимъ видѣться?..

— Отъ времени до времени, изъ состраданія...

— Даже послѣ того, какъ мы стали жить вмѣстѣ?..

— Да, одинъ разъ, всего одинъ разъ, въ пріемной... тамъ только и можно ихъ видѣть...

— А, ты добрая женщина...

Мысль, что, не смотря на ихъ связь, она посѣщала этого поддѣлывателя, больше всего приводила его въ отчаяніе. Онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы сознаться въ этомъ; но послѣдній свертокъ писемъ, обвязанный голубой ленточкой,—по мелкимъ наклоненнымъ буквамъ котораго можно было узнать почеркъ женщины,—привелъ его въ ярость.

„Я перемѣняю костюмъ послѣ бала на колесницахъ... приходи ко мнѣ въ уборную...“

— Нѣтъ, нѣтъ... не читай этого...

Она бросилась къ нему, вырвала и швырнула въ огонь всю

связку, прежде чѣмъ онъ понялъ что либо, видя ее передъ собою на колѣняхъ, покраснѣвшую отъ отблеска пламени и отъ стыда своего признанія.

— Я была молода... Каудаль, этотъ большой дуракъ... я исполняла все, что онъ хотѣлъ...

Тогда только онъ понялъ и весь поблѣднѣлъ...

— А, да... Сафо... со всѣми атрибутами... И отталкивая ее ногою, какъ отвратительное животное, онъ вскричалъ:

— Оставь меня, не прикасайся ко мнѣ, ты мнѣ противна!..

Его крикъ былъ заглушенъ страшнымъ ударомъ грома, близкимъ и продолжительнымъ; въ то же время яркій свѣтъ озарилъ комнату... Пожаръ!.. Она вскочила въ ужасѣ, машинально схватила графинъ, остававшійся на столѣ, вылила его на груду бумагъ, пламя которыхъ зажгло сажу, оставшуюся отъ прошлой зимы; затѣмъ она вылила въ огонь ведро съ водою, рукомойникъ, и, видя свое безсиліе надъ пламенемъ, достигавшимъ уже средины комнаты, выбѣжала на балконъ и крикнула:

— Пожаръ!... горимъ!...

Супруги Гетемà прибѣжали первые, затѣмъ явился консьержъ, потомъ полицейскіе. Со всѣхъ сторонъ раздавались крики:

— Опустите заслонку!... Полѣзайте на крышу!... Воды, воды!... Нѣтъ, давайте сюда одѣяло!...

Растерянные, оба смотрѣли на свою квартиру, наполненную народомъ и загрязненную; затѣмъ, когда суматоха окончилась и огонь былъ потушенъ, когда черная толпа внизу, освѣщенная уличнымъ газомъ, разошлась, а успокоенные сосѣди возвратились къ себѣ, оба любовника, оставшись среди этого хаоса воды, сажи и грязи, опрокинутой и измоченной мебели, почувствовали въ себѣ недостатокъ силъ и смѣлости ни для того, чтобы возобновить ссору, ни для того, чтобы привести въ порядокъ комнату. Нѣчто зловѣщее и низкое проникло въ ихъ жизнь, и забывая свое прежее отвращеніе въ этотъ вечеръ, они отправились ночевать въ гостинницу.

Жертва, принесенная Фанни, не послужила ни къ чему. Цѣлыя фразы, заученныя наизустъ изъ этихъ исчезнувшихъ, сожженныхъ писемъ, не выходили изъ памяти любовника и кидались

ему въ лицо приливами крови, какъ нѣкоторыя мѣста неприличныхъ книгъ; прежніе любовники его возлюбленной были почти всѣ знаменитостями. Мертвые переживали самихъ себя: что касается живыхъ, то повсюду встрѣчались ихъ портреты, ихъ имена; о нихъ говорили при немъ, и каждый разъ онъ чувствовалъ стѣсненіе, какъ бы отъ порванныхъ семейныхъ отношеній.

Послѣ того какъ все стало ему извѣстно, разумъ и глаза его прояснились и онъ скоро сталъ подмѣчать въ Фанни слѣды первоначальныхъ на нее вліяній, равно какъ слова, идеи, привычки, которыя она отъ нихъ сохранила. Эту манеру протягивать большой палецъ, какъ-бы вылѣпляя, отдѣлывая предметъ, о которомъ она говорила, съ добавленіемъ: „ты видишь это“, она заимствовала у скульптора. У Дежуа она переняла страсть къ каламбурамъ и къ народнымъ пѣснямъ, которыхъ сборникъ, изданный имъ, сдѣлался знаменитымъ во всѣхъ уголкахъ Франціи; у Лагурнери—его высокомѣрный и презрительный тонъ и строгость его сужденій относительно новѣйшей литературы.

Все это, усвоенное ею, представляло видъ, подобный тѣмъ наслоеніямъ, которыя даютъ возможность опредѣлять время земныхъ переворотовъ по ихъ геологическимъ формаціямъ; и весьма можетъ быть, что она вовсе не была такъ умна, какъ это казалось ему сначала. Но что ему за дѣло до ума! еслибъ даже она была глупѣе всѣхъ, вульгарнѣе и еще десятью годами старше, она подчиняла бы его силой своего прошлаго, этой низкой и грызущей ревностью, проявленій которой онъ не сдерживалъ болѣе, раздражаясь упреками при малѣйшемъ поводѣ.

Романовъ Дежуа не было больше въ продажѣ и остатки послѣдняго изданія можно было найти у букинистовъ по двадцати пяти сантимовъ за томъ. А старый безумецъ Каудаль, въ его годы упорно жаждущій любви!...

— Ты знаешь, вѣдь у него нѣтъ больше зубовъ; я наблюдалъ за нимъ во время завтрака въ Вилль-д'Авре... Онъ ѣстъ, точно коза, передними зубами... Да и талантъ его пропалъ весь.... Какая дрянь его *Вакханка* на послѣдней выставкѣ.....

„*Дѣло швахъ*!“ прибавилъ онъ; это выраженіе: „дѣло швахъ“ онъ заимствовалъ у нея, а она, въ свою очередь, переняла отъ *Каудаля*.

Когда онъ разбиралъ такимъ образомъ одного изъ своихъ соперниковъ прошлаго времени, а Фанни поддакивала, чтобъ быть ему пріятной,—тогда можно было слышать, какъ этотъ мальчишка, ничего не понимающій въ искусствѣ, въ жизни, ничего не знающій, и эта поверхностная женщина, слегка понатершаяся около знаменитыхъ художниковъ, громогласно судили о нихъ и осуждали ихъ съ апломбомъ знатоковъ.

Но главнымъ врагомъ Госсена былъ граверъ Фламанъ. Объ немъ онъ зналъ только, что тотъ былъ очень хорошъ собой, бѣлокуръ, какъ и самъ Жанъ, что его называли „голубчикъ“, что его посѣщали тайкомъ и что когда Жанъ нападалъ на него, какъ на другихъ, называя его „сантиментальнымъ каторжникомъ“ или „хорошенькимъ арестантомъ“, Фанни молча отворачивалась. Вскорѣ онъ началъ обвинять свою любовницу въ снисходительности къ этому разбойнику, и она вынуждена была объясняться съ нимъ по этому поводу, кротко, но съ извѣстной твердостью.

— Ты знаешь, Жанъ, что я не люблю его болѣе, потому что люблю тебя... Я не хожу больше къ нему, не отвѣчаю на его письма, но ты никогда не заставишь меня говорить дурно о человѣкѣ, который обожалъ меня до безумія, до преступленія.

При этомъ откровенномъ тонѣ, составлявшемъ лучшую ея черту, Жанъ не возражалъ, но онъ страдалъ отъ ревнивой ненависти, обостряемой безпокойствомъ, которое нечаяннымъ образомъ приводило его часто среди дня въ Амстердамскую улицу.

— Что если она пошла на свиданіе съ нимъ? думалъ онъ.

Онъ всегда заставалъ ее дома, затворницей, предававшейся кейфу въ ихъ маленькой квартирѣ, подобно восточнымъ женщинамъ, или за фортепьяно, дающей урокъ пѣнія ихъ толстой сосѣдкѣ, г-жѣ Гетема.

Съ того вечера, когда произошелъ пожаръ, они сблизились съ этими добрыми людьми, спокойными и полнокровными, живущими постоянно на сквозномъ вѣтрѣ, при открытыхъ дверяхъ и окнахъ.

Мужъ, служившій чертежникомъ въ артиллерійскомъ музеѣ, бралъ работу на домъ и каждый вечеръ, въ продолженіе недѣли, а по воскресеньямъ въ теченіе цѣлаго дня, его можно было видѣть наклоненнымъ надъ широкимъ чертежнымъ столомъ, потѣю-

щимъ, отдувающимся въ одномъ жилетѣ, встряхивающимъ рук рубахи для циркуляціи воздуха, съ бородой, начинавшейся самыхъ глазъ. Около него, его толстая жена въ одной ноч кофточкѣ потѣла также, хотя никогда ничего не дѣлала, и, освѣженія, время отъ времени они пѣли одинъ изъ своихъ лю мыхъ дуэтовъ.

Короткія отношенія скоро установились между двумя се ями. Утромъ, около десяти часовъ, у дверей раздавался гром голосъ Гетема, кричавшій:

— Готовы-ли вы, Госсенъ?..

И такъ какъ мѣста ихъ службы находились въ одной с ронѣ, они отправлялись вмѣстѣ. Крайне тяжелый и вульгарн стоящій нѣсколькими общественными ступенями ниже сво молодаго спутника, чертежникъ говорилъ мало, шепелявилъ, то у него во рту была такая же большая борода, какъ и на і кахъ; но чувствовалось, что это былъ честный человѣкъ, а нр ственное разстройство Жана нуждалось въ подобномъ общест Онъ въ особенности дорожилъ этимъ знакомствомъ ради св любовницы, жившей въ уединеніи, полномъ воспоминаній и жалѣній, болѣе опасныхъ, быть можетъ, чѣмъ тѣ отношенія, к которыхъ она добровольно отказалась. И въ госпожѣ Гете безпрерывно занятой своимъ мужемъ и лакомымъ блюдо которое она готовила ему къ обѣду, и новымъ романсомъ, торый она споетъ ему за десертомъ,—Фанни находила общес честное и здоровое.

Тѣмъ не менѣе, когда дружба дошла до взаимныхъ приг шеній, въ Жанѣ явилась нѣкоторая совѣстливость. Эти лю должны были считать ихъ законными супругами. Его совѣ не выносила обмана и онъ поручилъ Фанни предупредить сѣдку, во избѣжаніе недоразумѣній. Это заставило ее расхо таться... Бѣдный ребенокъ!.. Только онъ одинъ можетъ бы такъ наивенъ...

— Да они ни одной минуты не думали, что мы муж жена!.. Да развѣ они объ этомъ заботятся?.. Еслибъ ты зна откуда онъ взялъ свою жену .. Все, что дѣлала я, ничто въ ср *неніи съ ея прошлымъ*... Онъ женился на ней только для то

чтобы она принадлежала ему одному, и ты видишь, что ея прошлое нимало не смущаетъ его...

Онъ не могъ прійти въ себя отъ изумленія!..

Такъ она изъ бывалыхъ, эта добрая женщина съ ясными глазами, съ дѣтскимъ смѣхомъ на нѣжно-бѣломъ лицѣ, съ провинціальнымъ растягиваніямъ словъ, она, для которой романсы никогда не были достаточно сантиментальными и выраженія — деликатными. А онъ, человѣкъ такой спокойный, такой увѣренный въ своемъ супружескомъ благополучіи! Жанъ смотрѣлъ на идущаго съ нимъ рядомъ мужа—съ трубкой въ зубахъ,—съ легкими вздохами счастія, въ то время какъ самъ постоянно думалъ, и терзался безсильной яростью.

— Это пройдетъ у тебя, голубчикъ, говорила ему кротко Фанни въ тѣ часы, когда все говорятъ другъ другу... Она успокоивала его, нѣжная и очаровательная, какъ въ первый день ихъ связи, но съ какимъ то оттѣнкомъ распущенности, которую Жанъ не умѣлъ опредѣлить. Распущенность эта выражалась въ болѣе свободныхъ манерахъ и способѣ выраженія, въ сознаніи своей власти, въ странныхъ откровенностяхъ относительно ея прошлой жизни, ея прежнихъ кутежей, безумствъ, ея любопытства, о которыхъ онъ у нея вовсе не разспрашивалъ. Она больше не стѣснялась курить, свертывая пальцами и кладя повсюду на мебель папиросы, которыя услаждаютъ дни подобныхъ ей женщинъ; въ своихъ бесѣдахъ она высказывала самыя циническія теоріи относительно жизни, безчестности мужчинъ, плутовства женщинъ. Даже выраженіе глазъ ея измѣнялось; они тяжелѣли какъ бы отъ болотныхъ паровъ, сквозь которые прорывались молніи циническаго хохота.

Нѣжность ихъ отношеній также приняла другую форму. Сдержанная сначала, въ виду юности своего любовника, въ которомъ она уважала иллюзію перваго увлеченія, эта женщина не стѣснялась болѣе послѣ того, какъ увидѣла впечатлѣніе, произведенное на этого ребенка внезапнымъ открытіемъ ея развратнаго прошлаго, увидѣла ту болотную лихорадку, которую открытіе это зажгло въ его крови. И самыя развратныя ласки, такъ долго сдерживаемыя, всѣ эти слова безумной страсти, которыя прежде она останавливала своими стиснутыми зубами,—она

вать парижанку. Онъ „распекалъ“ гарсоновъ и выражалъ свою благодарность главному повару за хорошо приготовленный соусъ; а Фанни хохотала какимъ то глупымъ и принужденнымъ смѣхомъ надъ дурачествами его въ отдѣльномъ кабинетѣ, причинявшими неудовольствіе Госсену, точно также, какъ и черезчуръ большая короткость, установившаяся между дядей и племянницей.

Можно было подумать, что дружба ихъ продолжается двадцать лѣтъ. Фенатъ, вдавшій въ сентиментальность за десертными винами, говорилъ про Кастела, про Дивонну, а также про своего маленькаго Жана; онъ былъ радъ, что племянникъ его живетъ съ нею, женщиной серьезной, которая помѣшаетъ ему дѣлать глупости.

И заговоривъ о характерѣ молодаго человѣка, нѣсколько подозрительномъ, о его манерѣ смотрѣть на вещи, онъ давалъ ему совѣты, какъ новобрачному, похлопывая его по плечу и смотря на него потухшими, слезящимися глазами.

Опьяненіе прошло только у Бушеро. Два часа пришлось имъ ждать въ первомъ этажѣ на Вандомской площади, въ этихъ большихъ залахъ, высокихъ и холодныхъ, наполненныхъ молчаливой и боязливой толпой; въ этомъ аду страданій, всѣ мытарства котораго имъ пришлось пройти, переходя изъ комнаты въ комнату до кабинета знаменитаго ученаго. Бушеро, при своей необычайной памяти, прекрасно помнилъ г-жу Госсенъ, такъ какъ, десять лѣтъ тому назадъ, былъ одинъ разъ на консультаціи въ Кастела, при началѣ ея недуга. Онъ заставилъ ихъ разсказать различные фазисы ея болѣзни, перечиталъ старые рецепты и тотчасъ же успокоилъ ихъ обоихъ относительно мозговыхъ явленій, проявившихся въ послѣднее время, приписывая это употребленію нѣкоторыхъ лѣкарствъ.

Въ то время какъ докторъ, неподвижно опустивъ широкія брови на свои маленькіе, быстрые и проницательные глаза, писалъ длинное письмо своему товарищу въ Авиньонъ, дядя и племянникъ, задерживая дыханіе, прислушивались къ скрипу пера, который покрывалъ для нихъ весь шумъ роскошнаго Парижа. И предъ ними внезапно предстало всемогущество врача новѣйшихъ временъ

ымъ и всегда управляемое младшимъ, вслѣдствіе родоваго обы-ая посвящать старшаго консульской службѣ.

Къ несчастію, природа часто противится подобнымъ проэктамъ; если можно было найти человѣка неспособнаго управлять имѣ-іемъ и чѣмъ либо другимъ, то это, конечно, былъ Цезарь Гос-энъ, на долю котораго въ двадцать четыре года выпала эта тя-елая отвѣтственность.

Развратникъ, посѣтитель игорныхъ домовъ и деревенскихъ ирушекъ, Цезарь или, лучше сказать, *Фенатъ*,—бездѣльникъ, ку-ила, какъ его называли въ юности,—представлялъ собою осо-енно рельефно тотъ противорѣчивый типъ, который появляется тъ времени до времени въ самыхъ суровыхъ семействахъ, служа для нихъ какъ бы предохранительнымъ клапаномъ.

Въ нѣсколько лѣтъ безпечнаго управленія, безтолковыхъ тратъ, несчастной игры въ клубахъ Авиньона и Оранжа, имѣніе было заложено, запасные погреба опустошены, будущій урожай запро-данъ впередъ; затѣмъ однажды, наканунѣ окончательнаго секве-стра, Фенатъ поддѣлалъ подпись своего брата, написалъ три век-селя съ уплатою въ консульствѣ въ Шанхаѣ, будучи увѣренъ, что ранѣе наступленія срока онъ найдетъ денегъ, чтобы выку-пить ихъ обратно; но это ему не удалось и векселя были аку-ратно представлены старшему брату вмѣстѣ съ отчаяннымъ пись-момъ Фената, сознававшагося въ разореніи и поддѣлкѣ.

Консулъ поспѣшилъ въ Шато-нёфъ, поправилъ по возможности это отчаянное положеніе дѣлъ, при помощи своихъ сбереженій и приданаго жены, и, видя неспособность Фената, отказался отъ „карьеры“, хотя она открывалась передъ нимъ блестящимъ обра-зомъ, и сдѣлался простымъ винодѣломъ.

Это былъ настоящій Госсенъ, держащійся преданій до ма-ніи, жосткій и спокойный, подобно потухшимъ вулканамъ, со-храняющимъ въ себѣ угрозу и запасъ новыхъ изверженій,— вмѣстѣ съ тѣмъ трудолюбивый и весьма свѣдущій въ земледѣліи.

Благодаря ему, Кастелэ достигло цвѣтущаго состоянія, рас-ширилось всѣми землями до самой Роны, и такъ какъ людское счастье всегда слѣдуетъ одно за другимъ, то скоро подъ миртами имѣнія появился маленькій Жанъ.

Въ это время Фенатъ бродилъ по дому, уничтоженный созна-

ніемъ своего преступленія, едва осмѣливаясь поднять глаза на брата, презрительное молчаніе котораго подавляло его; онъ дышалъ свободно только въ полѣ, на охотѣ, на рыбной ловлѣ, стараясь утолить свое горе въ безтолковыхъ занятіяхъ, собирая ракушки, вырѣзывая себѣ отличныя палки изъ миртъ или тростника и завтракая одинъ въ рощѣ дичью, которую онъ самъ жарилъ на огнѣ изъ оливковыхъ сучьевъ. Вечеромъ, возвращаясь къ обѣду за столомъ брата, онъ не произносилъ ни слова, не смотря на снисходительныя улыбки невѣстки, всегда жалостливой къ несчастному и снабжавшей его карманными деньгами потихоньку отъ своего мужа, который особенно строго относился къ Фенату, не столько за его прежнія глупости, какъ за тѣ, которыхъ еще можно было ждать отъ него. И дѣйствительно, лишь только всѣ бѣды, причиненныя Фенатомъ, были исправлены, какъ гордость старшаго Госсена снова подверглась новому испытанію.

Три раза въ недѣлю, для швейной работы, приходила въ Кастелэ хорошенькая дочь рыбака, Дивонна Абріё, родившаяся въ ивнякѣ на берегу Роны; она сама походила на водяной цвѣтокъ съ длиннымъ, гибкимъ стеблемъ. Подъ своимъ каталонскимъ уборомъ изъ трехъ кусковъ, охватывавшимъ ея маленькую головку, откинутые концы котораго дозволяли любоваться ея шейкой, слегка смуглою, какъ и лицо, и нѣжными очертаніями груди и плечъ,—она напоминала одну изъ старинныхъ *донны* на турнирахъ, даваемыхъ когда то около Шато-нёфа, въ Куртезанѣ, въ Вакейрасѣ, въ этихъ старыхъ замкахъ, развалины которыхъ разбросаны по сосѣднимъ холмамъ.

Впрочемъ, эти историческія воспоминанія были не причемъ въ любви Цезаря, имѣвшаго душу простую, чуждую идеаловъ, и лишеннаго начитанности; но будучи самъ маленькаго роста, онъ любилъ высокихъ женщинъ, и влюбился съ перваго дня. Фенатъ зналъ толкъ въ деревенскихъ ухаживаніяхъ:—танецъ на воскресномъ балу, подарокъ дичи, затѣмъ, при первой встрѣчѣ въ открытомъ полѣ, быстрая аттака, опрокидывающая на копну сѣна или соломы. Но оказалось, что Дивонна не танцовала, что дичь она относила на кухню и, столь же крѣпкая, какъ береговые тополи, бѣлые и гибкіе, при первой же аттакѣ отбросила обольстителя на десять шаговъ. Послѣ этого она держал

сто на почтительномъ разстояніи ножницами, прицѣпленными стальнымъ крючкомъ къ ея поясу; она заставила его влюбиться до безумія, до того, что онъ сталъ говорить о свадьбѣ и довѣрилъ свою тайну невѣсткѣ. Невѣстка знала Дивонну Абріё съ дѣтства, знала, что это дѣвушка серьезная и деликатная, и въ глубинѣ своего сердца признавала, что этотъ неровный бракъ составитъ, можетъ быть, спасеніе для Фената; но гордость консула возмущалась при мысли, что одинъ изъ Госсеновъ д'Арманди женится на крестьянкѣ: „Если Цезарь сдѣлаетъ это, я его и видѣть не хочу..." говорилъ онъ, и сдержалъ слово.

Женившись, Цезарь оставилъ Кастелэ и поселился на берегу Роны у родителей своей жены; онъ жилъ маленькими средствами, доставляемыми ему братомъ, которыя приносила ежемѣсячно его невѣстка. Маленькій Жанъ сопровождалъ ее въ этихъ посѣщеніяхъ, восхищаясь хижиной Абріё, похожей на законченную ротонду, потрясаемую горными вѣтрами и мистралемъ, и поддерживаемую единственнымъ столбомъ, напоминавшимъ собою мачту. Въ отворенную дверь обрисовывалась маленькая набережная, на которой сушились сѣти и переливалась серебристымъ отливомъ рыбья чешуя. Внизу, двѣ или три простыя лодки качались и скрипѣли на своихъ причалахъ; вдали виднѣлась большая рѣка, веселая и широкая, волны которой какъ бы отбрасывались вѣтромъ къ островамъ, покрытымъ блѣднозеленою растительностью. И здѣсь, съ юныхъ лѣтъ, Жанъ пріобрѣталъ любовь къ далекимъ путешествіямъ и къ морю, котораго онъ еще никогда не видѣлъ.

Это изгнаніе дяди Цезаря продолжалось два или три года и, можетъ быть, никогда бы не кончилось, еслибы не семейное событіе,—рожденіе двухъ близнецовъ: Марты и Маріи. Мать занемогла вслѣдствіе этихъ двойныхъ родовъ, и Цезарь съ женою получили разрѣшеніе навѣщать ее. Примиреніе двухъ братьевъ послѣдовало безъ особыхъ поводовъ, инстиктивно, вслѣдствіе простаго кровнаго родства; съ тѣхъ поръ Цезарь съ женою поселились въ Кастелэ, и такъ какъ неизлѣчимое малокровіе, осложнившееся ревматическою подагрою, лишало бѣдную мать возможности движенія, Дивонна должна была принять на себя трудъ веденія хозяйства въ домѣ, ухаживанія за малютками, наблюденія за многочисленной прислугой; должна была посѣщать

Жана два раза въ недѣлю въ Авиньонскомъ лицеѣ, не говоря уже о тѣхъ заботахъ, которыхъ больная ежечасно отъ нея требовала.

Какъ женщина умная и любящая порядокъ, она пополняла недостающее ей образованіе своимъ умомъ, крестьянскою смѣткою и обрывками наукъ, оставшихся въ головѣ Фената, окончательно усмиреннаго и дисциплинированнаго.

Консулъ вполнѣ полагался на нее во всѣхъ расходахъ, сдѣлавшихся тяжелыми вслѣдствіе увеличившихся нуждъ и изъ года въ годъ уменьшающихся доходовъ, подтачиваемыхъ у самаго корня филоксерою.

Вся долина была заражена ею, но ихъ имѣніе оставалось еще нетронутымъ, и забота консула состояла въ спасеніи его, при помощи изысканій и опытовъ.

И эта-то Дивонна, оставшаяся вѣрною своей прическѣ и обычаямъ работницы, которая скромно держала себя на своемъ мѣстѣ управительницы и компаньонки, предохранила весь домъ отъ лишеній въ эти трудные критическіе годы. Больная была окружена тѣми же, дорого стоющими заботами; дѣвочки, воспитываемыя около ихъ матери, были настоящими барышнями; плата за ученіе Жана вносилась акуратно, сначала въ лицеѣ, затѣмъ въ Эксѣ, гдѣ онъ изучалъ право, и наконецъ въ Парижѣ, куда онъ отправился для окончанія своего образованія.

Какимъ чудомъ порядка и бдительности достигала она этого, не зналъ никто, также какъ и она сама.

Но каждый разъ, когда Жанъ мечталъ о Кастелэ, когда онъ поднималъ взоры на фотографію съ блѣдными оттѣнками, полинявшую отъ свѣта, первое лицо, представлявшееся ему, первое имя, приходившее на мысль, была Дивонна,—эта крестьянка съ возвышенной душой, какъ бы притаившаяся за ихъ дворянскимъ помѣстьемъ, но поддерживающая его силою своей воли.

Но съ того времени, какъ онъ понялъ, кто такая его любовница, Жанъ избѣгалъ произносить передъ нею это уважаемое имя, точно также, какъ имя своей матери и родныхъ; онъ стѣснялся даже смотрѣть на фотографію, казавшуюся неумѣстною, заблудившеюся на этой стѣнкѣ, надъ кроватью Сафо.

Однажды, возвратясь къ обѣду, онъ былъ удивленъ, замѣтя

три приготовленныхъ прибора вмѣсто двухъ; онъ удивился еще болѣе, заставъ Фанни играющею въ карты съ маленькимъ человѣкомъ, котораго онъ сначала не узналъ, но который, обернувшись, показалъ ему свѣтлые, безпечные глаза, большой носъ на загорѣломъ веселомъ лицѣ, лысый черепъ и козлиную бородку дяди Цезаря.

На восклицаніе племянника онъ отвѣчалъ, не оставляя картъ:

— Видишь, я не скучаю, играю въ безикъ съ моею племянницей!

Его племянницей!

А Жанъ такъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ свою связь! Эта короткость ему не понравилась, равно какъ и тѣ комплименты, которые Цезарь нашептывалъ ему, пока Фанни занималась приготовленіями къ обѣду... „Поздравляю тебя, мой милый... какіе глаза... какія руки... просто королевскій кусочекъ“. Жану стало еще болѣе непріятно, когда за столомъ Фенатъ принялся разсказывать безъ всякой сдержанности о дѣлахъ въ Кастелэ и объ обстоятельствахъ, приведшихъ его въ Парижъ.

Предлогомъ для путешествія было полученіе денегъ,—восьми тысячъ франковъ, одолженныхъ имъ когда-то его пріятелю Курбебессу, которыхъ онъ никогда не разсчитывалъ получить, какъ вдругъ нотаріусъ письменно извѣстилъ его о смерти Курбебесса, *грѣховодника*, и о томъ, что сумма въ восемь тысячъ франковъ имѣется въ наличности для уплаты его долга. Но настоящая причина,—такъ какъ деньги могли бы быть высланы ему по почтѣ,—„настоящая причина, мой милый, это здоровье твоей матери“. Съ нѣкотораго времени она замѣтно слабѣетъ и по временамъ разсудокъ ея какъ бы путается, она забываетъ все, даже имена своихъ малютокъ. „Недавно вечеромъ, только что твой отецъ вышелъ изъ ея комнаты, какъ она спросила у Дивонны: кто этотъ добрый господинъ, такъ часто ее навѣщающій? Никто еще не замѣтилъ этого, кромѣ твоей тетки, и она передала мнѣ это лишь для того, чтобы я поѣхалъ посовѣтоваться съ Бушеро о здоровьѣ бѣдной женщины, которую онъ когда то лѣчилъ“.

— Были уже случаи сумашествія въ вашемъ семействѣ? спросила Фанни докторальнымъ и важнымъ тономъ, тономъ Лагурнери.

— Никогда... отвѣчалъ Фенатъ, прибавя съ хитрою улыб-

кой, разползавшейся до ушей, что въ молодости онъ былъ немножко тронутъ... „но мое сумашествіе не было противно дамамъ, и запирать меня не нужно было".

Жанъ смотрѣлъ на нихъ съ растерзаннымъ сердцемъ. Къ горю, причиненному ему печальной новостью, присоединялось гнетущее чувство недовольства; слышалось, какъ эта женщина говорила о его матери, о ея недугахъ критическаго возраста, свободнымъ тономъ и съ опытностью матроны, положивъ локти на столъ и крутя папироску. А тотъ, другой, болтливый, нескромный, предавался изліяніямъ, разсказывая самыя интимныя тайны семьи.

О! виноградники... Пропали виноградники!... И самые славные изъ нихъ недолго продержатся: половина лозъ уже съѣдена, остальныя сохраняются еще какимъ-то чудомъ, ухаживаніемъ за каждой вѣткой, за каждой ягодой, какъ за больнымъ ребенкомъ; употребленіемъ разныхъ снадобій, дорого стоющихъ. И всего ужаснѣе, что консулъ упорствуетъ и насаждаетъ все новыя лозы, поѣдаемыя филоксерой, вмѣсто того, чтобы употребить всю эту прекрасную землю, покрытую прокаженными лозами, на разведеніе оливковыхъ и каперсовыхъ деревьевъ.

Хорошо еще, что у него, Цезаря, есть нѣсколько гектаровъ на берегу Роны, гдѣ онъ устроилъ искусственное орошеніе: прекрасная выдумка, но примѣнимая лишь на низменныхъ мѣстахъ. Онъ уже получилъ оттуда хорошій урожай легкаго, не очень крѣпкаго вина, которое консулъ называетъ презрительно „лягушечьимъ виномъ"; но Фенатъ также упрямъ, и съ восемью тысячами франковъ Курбебесса онъ купитъ Пибулетту...

— Ты знаешь, дружокъ, первый островъ на Ронѣ, ниже Амбріе... но это между нами; нужно, чтобы въ Кастелэ еще никто не подозрѣвалъ объ этомъ...

— Даже Дивонна, дядюшка? спросила, улыбаясь, Фанни...

При имени жены, глаза Фената сдѣлались влажными.

— О! Дивонна, безъ нея я никогда нечего не дѣлаю. Впрочемъ, она относится довѣрчиво къ моему проэкту; и была бы такъ счастлива, еслибы ея бѣдный Цезарь возстановилъ богатство Кастелэ, послѣ того, какъ онъ первый началъ его разореніе.

Жанъ вздрогнулъ: не станетъ-ли онъ еще дѣлать признаній.

проявляется не только въ гнѣвѣ, но и въ ласкахъ. Ему сдѣлалось страшно за самого себя, онъ убѣжалъ на службу и, идя туда, проклиналъ ту жизнь, которую себѣ устроилъ. Это научитъ его, что̀ значитъ отдаваться подобной женщинѣ!... Сколько подлости, сколько ужасовъ!... Его сёстры, его мать, всѣ затронут ея грязными рѣчами... Какъ? Онъ не вправѣ даже видѣться со своими! Но въ какую-же каторгу онъ упряталъ себя? И вся исторія ихъ связи предстала предъ нимъ; онъ видѣлъ, какъ прекрасныя обнаженныя руки египтянки, обвившіяся около его шеи въ день бала, вцѣпились въ него деспотически и сильно, устраняя его отъ друзей, отъ семьи. Теперь-же онъ твердо рѣшился. Въ этотъ-же вечеръ, во чтобы то ни стало, онъ уѣдетъ въ Кастелэ.

Устроивъ нѣкоторыя неотложныя дѣла и получивъ отпускъ изъ министерства, онъ возвратился домой рано, ожидая страшной сцены, готовый на все, даже на разрывъ. Но нѣжный привѣтъ Фанни, ея заплаканныя глаза, ея щеки какъ-бы смягченныя слезами, едва не обезоружили его.

— Я уѣзжаю сегодня вечеромъ... сухо сказалъ онъ.

— Хорошо, голубчикъ... Поѣзжай навѣстить твою мать, а главное — она ласково подошла къ нему — забудь, какъ я была зла... Я тебя слишкомъ люблю и это сводитъ меня съ ума...

Весь остатокъ дня, укладывая его чемоданъ съ кокетливымъ ухаживаньемъ, съ горячностью первыхъ дней ихъ любви, она сохраняла видъ раскаянія, быть можетъ, въ надеждѣ удержать его. Между тѣмъ она ни разу не попросила его остаться!...

И когда, въ послѣднюю минуту, потерявъ всякую надежду, въ виду окончательныхъ приготовленій, она прижималась къ своему возлюбленному, стараясь заставить его какъ бы проникнуться ею на все время дороги и отсутствія, ея прощаніе и поцѣлуи не говорили ничего другаго, какъ только:

— Скажи, Жанъ, ты не сердишься?...

. . . . . .

О, что за наслажденіе проснуться утромъ въ своей маленькой дѣтской комнатѣ, съ сердцемъ еще горячимъ отъ семейныхъ объясненій, отъ милыхъ изліяній свиданія! Видѣть на томъ же мѣстѣ пологъ своей узенькой кровати, тотъ-же блестящій лучъ солнца, который видѣлъ при пробужденіи въ дѣтствѣ;

Пелликюль... И развеселившись, онъ смѣялся, открывая ротъ до ушей, напѣвая мотивы танцевъ и схватывая подъ тактъ свою племянницу за талію.

Въ полночь, возвращаясь въ отель Кюжасъ, единственный, который онъ зналъ въ Парижѣ, онъ во все горло пѣлъ на лѣстницѣ, и посылая поцѣлуи своей племянницѣ, свѣтившей ему, кричалъ Жану:

— Берегись, Жанъ!

Какъ только онъ ушелъ, Фанни, на лбу которой замѣтна была складка озабоченности, быстро прошла чрезъ отворенную дверь въ свою уборную; въ то время какъ Жанъ ложился, въ постель, она сказала почти беззаботнымъ голосомъ:

— А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, твоя тетушка очень хороша... Теперь я не удивляюсь, что ты такъ часто говоришь о ней... Вы, должно быть, наставляли славные рожки этому несчастному Фенату, у котораго впрочемъ и голова...

Онъ возражалъ ей съ полнымъ негодованіемъ... Дивонна! его вторая мать, ухаживавшая за нимъ, одѣвавшая его, когда онъ былъ маленькимъ... Она спасла его отъ серьезной болѣзни, почти отъ смерти... Нѣтъ, никогда искушеній такого подлаго характера не могло быть у него...

— Толкуй, толкуй, возражала рѣзкимъ голосомъ Фанни, держа шпильки въ зубахъ:—ты не заставишь меня повѣрить, что съ этими глазами, съ такимъ тѣлосложеніемъ, о которомъ распространялся этотъ дурень, его Дивонна могла-бы остаться равнодушною къ такому хорошенькому блондину съ дѣвичьей кожей, какъ ты?.. Видишь-ли, на берегахъ Роны, какъ и повсюду, мы вездѣ одинаковы...

Она говорила это съ убѣжденіемъ, полагая, что весь ея полъ легко поддается капризамъ и побѣждается первымъ желаніемъ. Онъ защищался, но, взволнованный, рылся въ своей памяти, спрашивая себя, не могла-ли когда нибудь невольная ласка предупредить его о какой либо опасности? И хотя онъ ничего не могъ припомнить, но чистота его привязанности была уже затронута; гладкій камень былъ поцарапанъ ногтемъ.

— Вотъ!.. посмотри головной уборъ, какіе носятъ у тебя на *родинѣ*...

ворилъ съ нимъ наканунѣ. Новыя лозы казались прекрасно принявшимися на гладкомъ и блестящемъ слоѣ песку. Наконецъ-то бѣднякъ будетъ вознагражденъ за свои упорные труды; виноградники Кастелэ могли ожить, между тѣмъ какъ всѣ знаменитыя лозы Нерты и Эрмитажа погибли!

Маленькій бѣлый головной уборъ вдругъ появился передъ нимъ. Эта была Дивонна, ранѣе всѣхъ вставшая въ домѣ; въ рукѣ ея былъ небольшой серпъ и еще что-то, что она бросила, причемъ щеки ея, обыкновенно блѣдныя, вспыхнули яркимъ румянцемъ.

— Это ты, Жанъ?.. Какъ ты меня напугалъ... Я думала, это отецъ...

Потомъ, оправившись и поцѣловавъ его, она сказала:

— Хорошо ты спалъ?

— Отлично, тетушка. Но почему-же вы боялись встрѣчи съ отцомъ?..

— Почему?

Она подняла небольшую виноградную лозу, только что вырванную.

— Вѣдь консулъ говорилъ тебѣ, что на этотъ разъ онъ увѣренъ въ успѣхѣ... Ну, такъ смотри! Вотъ черви...

Жанъ увидѣлъ какъ-бы желтоватый мохъ, въѣвшійся въ вѣтку, почти незамѣтную гниль, которая мало по малу разорила цѣлыя провинціи; этотъ безконечно малый, но непобѣдимый истребитель казался насмѣшкой природы въ это прелестное утро, подъ живительными лучами солнца.

— Это только начало... Черезъ три мѣсяца, всѣ лозы будутъ изъѣдены и отецъ твой снова начнетъ насажденіе, такъ какъ въ этомъ онъ видитъ свою гордость. Снова начнутся новые планы, пріискиваніе новыхъ средствъ до тѣхъ поръ, пока...

Жестъ отчаянія докончилъ и пояснилъ ея мысль.

— Такъ, въ самомъ дѣлѣ, дошло до этого?

— Да, вѣдь ты знаешь консула... Онъ никогда ничего не говоритъ; какъ всегда, даетъ мнѣ деньги на ежемѣсячные расходы; но я вижу, что онъ озабоченъ. Онъ постоянно ѣздитъ въ Авиньонъ и Оранжъ... Это онъ ищетъ денегъ...

вать парижанку. Онъ „распекалъ“ гарсоновъ и выражалъ свою благодарность главному повару за хорошо приготовленный соусъ; а Фанни хохотала какимъ то глупымъ и принужденнымъ смѣхомъ надъ дурачествами его въ отдѣльномъ кабинетѣ, причинявшими неудовольствіе Госсену, точно также, какъ и черезчуръ большая короткость, установившаяся между дядей и племянницей.

Можно было подумать, что дружба ихъ продолжается двадцать лѣтъ. Фенатъ, впавшій въ сентиментальность за десертными винами, говорилъ про Кастелэ, про Дивонну, а также про своего маленькаго Жана; онъ былъ радъ, что племянникъ его живетъ съ нею, женщиной серьезной, которая помѣшаетъ ему дѣлать глупости.

И заговоривъ о характерѣ молодаго человѣка, нѣсколько подозрительномъ, о его манерѣ смотрѣть на вещи, онъ давалъ ему совѣты, какъ новобрачному, похлопывая его по плечу и смотря на него потухшими, слезящимися глазами.

Опьяненіе прошло только у Бушерò. Два часа пришлось имъ ждать въ первомъ этажѣ на Вандомской площади, въ этихъ большихъ залахъ, высокихъ и холодныхъ, наполненныхъ молчаливой и боязливой толпой; въ этомъ аду страданій, всѣ мытарства котораго имъ пришлось пройти, переходя изъ комнаты въ комнату до кабинета знаменитаго ученаго. Бушерò, при своей необычайной памяти, прекрасно помнилъ г-жу Госсенъ, такъ какъ, десять лѣтъ тому назадъ, былъ одинъ разъ на консультаціи въ Кастелэ, при началѣ ея недуга. Онъ заставилъ ихъ разсказать различные фазисы ея болѣзни, перечиталъ старые рецепты и тотчасъ же успокоилъ ихъ обоихъ относительно мозговыхъ явленій, проявившихся въ послѣднее время, приписывая это употребленію нѣкоторыхъ лѣкарствъ.

Въ то время какъ докторъ, неподвижно опустивъ широкія брови на свои маленькіе, быстрые и проницательные глаза, писалъ длинное письмо своему товарищу въ Авиньонъ, дядя и племянникъ, задерживая дыханіе, прислушивались къ скрипу пера, который покрывалъ для нихъ весь шумъ роскошнаго Парижа. И предъ ними внезапно предстало всемогущество врача *новѣйшихъ временъ*

Написавъ свое письмо безъ борьбы и страданій, онъ ожидалъ яростнаго, полнаго угрозъ и сумасбродствъ, отвѣта и приготовился къ защитѣ, при помощи честной и вѣрной привязанности благородныхъ сердецъ, его окружавшихъ. Онъ разсчитывалъ, напримѣръ, на своего отца, всегда прямаго и гордаго, на невинную улыбку миленькихъ женщинъ, а также на этотъ широкій, мирный горизонтъ, со здоровымъ горнымъ воздухомъ, съ высокимъ небомъ и быстрою, широкою рѣкою; думая о своей страсти, о всей той грязи, изъ которой она состояла, ему казалось, что онъ выздоравливаетъ отъ злокачественной лихорадки, которою заражаются отъ испаренія въ болотистыхъ мѣстахъ.

Пять или шесть дней прошло послѣ нанесенія Жаномъ рѣшительнаго удара — полное молчаніе. Утромъ и вечеромъ онъ ходилъ на почту и возвращался съ пустыми руками, въ какомъ-то странномъ волненіи. Что-же она дѣлала?.. На что рѣшилась? И, во всякомъ случаѣ, отчего она не отвѣчаетъ? Онъ только объ этомъ и думалъ? И ночью, когда всѣ спали подъ убаюкивающій шумъ вѣтра, онъ говорилъ объ этомъ вдвоемъ съ Цезаремъ въ своей маленькой комнаткѣ:

— Увидишь, что она сама пріѣдетъ, говорилъ дядюшка.

И безпокойство его увеличивалось тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ отправить ей два векселя, срокомъ на шесть мѣсяцевъ и на одинъ годъ, въ обезпеченіе своего долга, вмѣстѣ съ процентами. Какимъ образомъ заплатитъ онъ по этимъ векселямъ? Какъ объяснитъ Дивоннѣ?.. Онъ содрогался при одной мысли объ этомъ, и племяннику становилось жаль его, когда съ вытянутымъ лицомъ, выколачивая свою трубку, при окончаніи бесѣды, онъ говорилъ грустно:

— Ну, такъ спокойной ночи... Во всякомъ случаѣ хорошо, что ты это сдѣлалъ.

Наконецъ онъ пришелъ, этотъ отвѣтъ, и на первыхъ-же строчкахъ: «Мой драгоцѣнный мужъ! Я не писала тебѣ ранѣе, потому что хотѣла не только одними словами доказать тебѣ, насколько я тебя понимаю и люблю»... Жанъ остановился, пораженный, какъ человѣкъ, услыхавшій симфонію вмѣсто воинственнаго марша, котораго онъ такъ опасался.

глубинѣ своего добраго сердца, она пріискивала способы помочь ему. Но какимъ образомъ?.. Уже годъ, какъ она ни съ кѣмъ не видалась; у Жана почти не было знакомствъ... Вдругъ одно имя пришло ей въ голову: Дешелетъ!.. Въ настоящее время онъ долженъ быть въ Парижѣ; а онъ такой добрый малый...

— Но я его едва знаю, сказалъ Жанъ.

— Ну, такъ я поѣду сама...

— Какъ? ты хочешь?..

— Отчего-же нѣтъ?..

Ихъ взоры встрѣтились и они поняли другъ друга. Дешелет тоже былъ когда-то ея любовникомъ, любовникомъ одной ночи о которомъ она едва помнила. Но онъ не забывалъ ни одного они всѣ стояли рядомъ въ его памяти, какъ святые въ календарѣ.

— Если это тебѣ не нравится... сказала она, нѣсколько сконфузясь.

Цезарь, прекратившій свои крики во время этого короткаг разговора, испуганно поднялъ на нихъ такой отчаянно-умоляю щій взоръ, что Жанъ покорился и высказалъ сквозь зубы сво согласіе.

И какъ дологъ показался этотъ часъ имъ обоимъ, терзаемым различными мыслями, въ которыхъ они не хотѣли сознаться Опершись на балконъ, они оба караулили возвращеніе женщины

— Значитъ, этотъ Дешелетъ живетъ очень далеко?..

— Совсѣмъ нѣтъ, на Римской улицѣ... въ двухъ шагахъ.. отвѣчалъ Жанъ, взбѣшенный и находившій также, что Фанни черезчуръ медлитъ своимъ возвращеніемъ. Онъ старался успокоит себя любовнымъ девизомъ инженера: „для меня нѣтъ завтрашняг дня“ и тѣмъ презрительнымъ тономъ, съ которымъ тотъ отзывался о Сафо, какъ о женщинѣ, уставшей отъ жизни полусвѣта.

Но гордость любовника все-таки возмущалась въ немъ и онъ почти желалъ, чтобы Дешелетъ нашелъ ее еще прекрасной и возбуждающею страсть. Ахъ, нужно-же было этому старому болвану Цезарю снова открыть всѣ свои раны!

Наконецъ, накидка Фанни показалась изъ-за угла улицы. Она возвращалась сіяющею:

— *Дѣло* сдѣлано... деньги у меня.

И затѣмъ слѣдовали нѣжности, ласки, сладострастное заигрываніе кошки, слова страсти, заставлявшія любовника прикасаться лицомъ къ атласной бумагѣ, какъ будто бы отъ нея могла выдѣляться теплая женская ласка.

— Она ничего не пишетъ о моихъ векселяхъ? застѣнчиво спросилъ дядюшка Цезарь.

— Она посылаетъ вамъ ихъ обратно... Вы заплатите ей, когда разбогатѣете...

Дядюшка вздохнулъ свободно; щеки его сморщились отъ удовольствія, и съ важностью свѣдущаго человѣка, своимъ громкимъ голосомъ южанина, онъ сказалъ:

— Слушай, что я тебѣ скажу... Эта женщина—святая...

Затѣмъ онъ перешелъ къ другому направленію мыслей съ тою легкостью, которой недостаетъ обыкновенно логики и памяти, составлявшей одну изъ странностей его натуры.

— И какая страсть, мой милый, какой огонь! У меня даже въ горлѣ пересохло, точно, когда Курбебессъ читалъ письма своей Морнà...

Еще разъ Жанъ долженъ былъ прослушать разсказъ о его первомъ путешествіи въ Парижъ, объ отелѣ Кюжасъ, о Пелликюлѣ; но мысли его были далеко; онъ стоялъ, прислонясь къ окну, чрезъ которое смотрѣла тихая ночь, залитая полной луною, до такой степени блестящею, что даже пѣтухи ошибались и привѣтствовали, ее какъ рождающійся день.

Значитъ, это правда, что возможно искупленіе любовью, о которомъ говорятъ поэты. И онъ чувствовалъ гордость при мысли, что всѣ эти великіе, знаменитые люди, которыхъ Фанни любила прежде его, далекіе отъ того, чтобы возродить ее, еще болѣе ее развращали, тогда какъ онъ одною силою своей честности, можетъ быть, навсегда извлечетъ ее изъ порока. Онъ былъ благодаренъ ей, что она придумала эту среднюю мѣру, этотъ полуразрывъ, при которомъ она найдетъ новую привычку къ труду, столь чуждому ея безпечной натурѣ; и отеческимъ тономъ старика онъ написалъ ей на другой день, ободряя ее въ принятомъ намѣреніи, выражая безпокойство относительно приличности того отеля, которымъ она управляла, и посѣщавшей его публики, такъ какъ онъ не довѣрялъ ея снисходительности и той легкости, съ кото-

VI.

„Милое дитя мое! Пишу тебѣ, еще вся дрожа отъ страшнаго безпокойства, которое мы только что перестеля. Наши близнецы пропадали изъ Кастелэ въ теченіе цѣлаго дня, ночи и слѣдующаго утра!.. Въ воскресенье, во время завтрака, замѣтили впервые ихъ отсутствіе. Я принарядила ихъ къ обѣднѣ, куда консулъ хотѣлъ ихъ взять съ собою, и затѣмъ я уже не занималась ими, будучи удержана заботами о твоей матери, болѣе нервной въ этотъ день, чѣмъ обыкновенно, и какъ бы предчувствовавшей несчастье грозившее намъ. Ты знаешь что съ самаго начала своей болѣзни, она получила способность предугадывать то, что̀ должно случиться, и чѣмъ менѣе она можетъ двигаться, тѣмъ сильнѣе работаетъ ея голова. Въ то время какъ мать твоя, къ счастью, находилась въ своей комнатѣ, мы всѣ сидѣли въ залѣ, ожидая малютокъ: ихъ кличутъ по всему дому, пастухъ трубитъ въ свой большой рогъ, словно созывая овецъ, затѣмъ Цезарь, я, Русселина, Тардива, всѣ мы бросились искать ихъ по Кастелэ и каждый разъ, встрѣчаясь другъ съ другомъ, спрашивали: „ну что?“, и получали отвѣтъ:—„ничего не видно!“ Наконецъ никто не осмѣливался больше спрашивать. Съ бьющимся сердцемъ искали въ колодцахъ, на чердакахъ. Какой страшный день... И, вдобавокъ, мнѣ безпрестанно нужно было являться къ твоей матери, улыбаться со спокойнымъ видомъ, объяснять отсутствіе малютокъ, говоря, что я отправила ихъ провести воскресенье у тетки де-Вилламери. Она, казалось, вѣрила этому, но поздно вечеромъ, когда, сидя у нея, я наблюдала въ окна за огнями, мелькавшими по равнинѣ и по Ронѣ въ понтонахъ за дѣтьми, я услыхала ея тихія рыданія и спросила ее, о чемъ она плачетъ.

— „Я плачу о чемъ-то такомъ, что̀ отъ меня скрываютъ, но о чемъ—я все таки не догадываюсь... отвѣчала она голосомъ маленькой дѣвочки, который возвратился къ ней вслѣдствіе ея долгихъ страданій. И не говоря болѣе другъ съ другомъ, мы обе предались нашему безпокойству, подѣлившись своимъ горемъ.

„Наконецъ, милое дитя мое, чтобы не длить болѣе эту грустную исторію, я скажу тебѣ, что въ понедѣльникъ утромъ наши малютки были приведены къ намъ рабочими твоего дяди

аботавшими на островѣ, которые нашли ихъ на грудѣ хво-ста, поблѣднѣвшими отъ холода и голода, послѣ ночи, прове-денной на открытомъ воздухѣ, посреди Роны. И вотъ что онѣ азсказали намъ въ простотѣ своихъ маленькихъ сердецъ:

„Съ давнихъ поръ ихъ мучила мысль поступить, какъ ихъ атронессы, святая Марѳа и Марія, исторію которыхъ онѣ чи-али, и отправиться на лодкѣ безъ парусовъ, веселъ и безъ всякой ровизіи проповѣдывать евангеліе на первомъ берегу, къ кото-ому толкнетъ ихъ Духъ Божій. Итакъ, въ воскресенье послѣ бѣдни, отвязавъ одну изъ рыбачьихъ лодокъ и ставъ въ ней колѣни, подобно св. женамъ, онѣ поплыли, тихонько увле-емыя теченіемъ, и застряли въ тростникахъ Пибулетты, не отря на теперешнюю высокую воду и порывы вѣтра... Да, Богъ ранилъ ихъ и возвратилъ намъ этихъ милашекъ, измявшихъ ько свой воскресный нарядъ и испортившихъ позолоту своихъ итвенниковъ. Не хватало силы даже побранить ихъ, и онѣ трѣчены были только поцѣлуями и объятіями. Но всѣ мы чуть заболѣли отъ испытаннаго нами страха.

„Болѣе всѣхъ поражена была твоя мать, которая, хотя мы ни-го ей не разсказывали, чувствовала,—какъ она говорила,—ерть, парящую надъ Кастелэ. И съ тѣхъ поръ она, всегда та-я спокойная и веселая, предалась тоскѣ, которую ничто не жетъ исцѣлить, не смотря на то, что твой отецъ, я и мы всѣ кно ухаживаемъ за нею... Я должна сказать тебѣ, мой ми-й Жанъ, что ты въ особенности составляешь предметъ ея тос-и безпокойства. Она не смѣетъ сознаться въ этомъ предъ тво-ъ отцомъ, который не хочетъ, чтобы тебя отрывали отъ работы, ты не пріѣхалъ послѣ экзамена, не смотря на твое обѣщаніе. ѣлай же намъ сюрпризъ къ Рождеству и возврати твоей матери прежнюю добрую улыбку. Еслибъ ты зналъ, какъ сожалѣютъ, яя своихъ родителей, при сознаніи, что имъ мало посвящали мени...“

Жанъ читалъ это письмо, стоя у окна, чрезъ которое прони-къ туманный зимній день. Онъ упивался его простодушіемъ дорогими воспоминаніями о нѣжности родныхъ и родномъ нцѣ.

— Что это такое?.. дай посмотрѣть...

Фанни только что проснулась и, при желтоватомъ свѣтѣ у
изъ-за открытыхъ занавѣсокъ, съ глазами еще отягченными сн
машинально протягивала руку къ пачкѣ мариланда, лежав
около нея на ночномъ столикѣ. Онъ колебался, зная ревно
приводившую въ отчаяніе его любовницу при одномъ имени
вонны. Но какъ скрыть отъ нея письмо, объ авторѣ котораго
могла догадаться по самому формату?

Сначала исчезновеніе дѣвочекъ ее сильно тронуло; съ отв
тыми руками и шеей, приподнявшись на подушкѣ, покрытой
нами ея черныхъ волосъ, она читала, свертывая въ то же вр
папироску; но конецъ раздражилъ ее до бѣшенства и, смявъ п
мо, она бросила его на полъ.

— Я тебѣ изображу и не такихъ святыхъ женщинъ...
это выдумка, чтобы заставить тебя пріѣхать... Ей недоста
только хорошенькаго племянника...

Жанъ хотѣлъ остановить ее, воспрепятствовать произне
нію этого грязнаго слова, брошеннаго ею также, какъ и мн
другихъ вслѣдъ за нимъ. Никогда еще не видѣлъ онъ ее
такой степени вышедшей изъ себя, — въ такомъ порывѣ гр
ной злости, подобно прорвавшейся клоакѣ, вылившей
себя грязь и свой отвратительный запахъ. Вся площад
брань, узнанная ею въ прошлой жизни, вырывалась изъ ея иск
вившагося рта.

Нетрудно понять, чего имъ всѣмъ хочется... Цезарь все р
сказалъ и они тамъ всей семьей придумываютъ, какъ бы раз
вать его связь, какъ бы привлечь его на родину, употребляя, к
приманку, красивое тѣлосложеніе Дивонны.

— Прежде всего, знай, если ты уѣдешь, я тотчасъ-же
напишу этому рогоносцу... О, я его предупрежу!...

Говоря это, она злобно скорчилась на постели, блѣдная,
искаженнымъ лицомъ, съ вытянутыми губами и напряженны
мускулами, какъ злое животное, готовое кинуться на него.

И Госсенъ припомнилъ, что онъ видѣлъ ее такою-же въ ул
Аркадъ; но теперь это злобное рычаніе было направлено п
тивъ него самого. И у него явилось сильное желаніе б
ситься и избить ее. Въ подобнаго рода любви, чисто тѣлесн
гдѣ не существуетъ уваженія къ любимому предмету, грубо

проявляется не только въ гнѣвѣ, но и въ ласкахъ. Ему сдѣлалось страшно за самого себя, онъ убѣжалъ на службу и, идя туда, проклиналъ ту жизнь, которую себѣ устроилъ. Это научитъ его, что̀ значитъ отдаваться подобной женщинѣ!... Сколько подлости, сколько ужасовъ!... Его сёстры, его мать, всѣ затронут ея грязными рѣчами... Какъ? Онъ не вправѣ даже видѣться со своими! Но въ какую-же каторгу онъ упряталъ себя? И вся исторія ихъ связи предстала предъ нимъ; онъ видѣлъ, какъ прекрасныя обнаженныя руки египтянки, обвившіяся около его шеи въ день бала, вцѣпились въ него деспотически и сильно, устраняя его отъ друзей, отъ семьи. Теперь-же онъ твердо рѣшился. Въ этотъ-же вечеръ, во чтобы то ни стало, онъ уѣдетъ въ Кастелэ.

Устроивъ нѣкоторыя неотложныя дѣла и получивъ отпускъ изъ министерства, онъ возвратился домой рано, ожидая страшной сцены, готовый на все, даже на разрывъ. Но нѣжный привѣтъ Фанни, ея заплаканныя глаза, ея щеки какъ-бы смягченныя слезами, едва не обезоружили его.

— Я уѣзжаю сегодня вечеромъ... сухо сказалъ онъ.

— Хорошо, голубчикъ... Поѣзжай навѣстить твою мать, а главное — она ласково подошла къ нему — забудь, какъ я была зла... Я тебя слишкомъ люблю и это сводитъ меня съ ума...

Весь остатокъ дня, укладывая его чемоданъ съ кокетливымъ ухаживаньемъ, съ горячностью первыхъ дней ихъ любви, она сохраняла видъ раскаянія, быть можетъ, въ надеждѣ удержать его. Между тѣмъ она ни разу не попросила его остаться!...

И когда, въ послѣднюю минуту, потерявъ всякую надежду, въ виду окончательныхъ приготовленій, она прижималась къ своему возлюбленному, стараясь заставить его какъ бы проникнуться ею на все время дороги и отсутствія, ея прощаніе и поцѣлуи не говорили ничего другаго, какъ только:

— Скажи, Жанъ, ты не сердишься?...

. . . . . .

О, что за наслажденіе проснуться утромъ въ своей маленькой дѣтской комнатѣ, съ сердцемъ еще горячимъ отъ семейныхъ объясненій, отъ милыхъ изліяній свиданія! Видѣть на томъ же мѣстѣ пологъ своей узенькой кровати, тотъ-же блестящій лучъ солнца, который видѣлъ при пробужденіи въ дѣтствѣ;

слышать крикъ павлиновъ на ихъ насѣстяхъ, скрипъ колодца, торопливый топотъ стада, наконецъ видѣть въ открытыя ставни этотъ горячій свѣтъ, ворвавшійся какъ бы чрезъ поднятый шлюзъ! А этотъ чудный горизонтъ спускающихся виноградниковъ, кипарисовъ, оливъ и блестящихъ сосновыхъ рощъ, сходящихъ до самой Роны, подъ этимъ голубымъ небомъ безъ малѣйшаго слѣда облачка, не смотря на ранній часъ, — небомъ, зеленоватымъ, какъ бы выметеннымъ въ теченіе ночи мистралемъ, наполнявшимъ еще громадную долину своимъ живительнымъ и сильнымъ дыханіемъ.

Жанъ сравнивалъ это пробужденіе съ парижскимъ, подъ небомъ грязнымъ, какъ его любовь, и чувствовалъ себя счастливымъ и свободнымъ. Онъ сошелъ внизъ. Въ этомъ домѣ, блестѣвшемъ отъ лучей солнца, всѣ еще спали; ставни были закрыты, какъ и глаза спящихъ. Жанъ радовался минутѣ одиночества, чтобы дать себѣ отчетъ въ томъ нравственномъ выздоровленіи, которое, какъ онъ чувствовалъ, начиналось въ немъ.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по террасѣ и пошелъ по поднимающейся аллеѣ парка,—вѣрнѣе, того, что называли паркомъ,—лѣсомъ сосенъ и миртъ, разбросанныхъ прихотливо по крутому склону, перерѣзанному неправильными тропинками, скользкими отъ засохшихъ сосновыхъ иглъ. Его собака Миракль, старая и хромоногая, вышла изъ своей кануры и молча слѣдовала за нимъ по пятамъ; они прежде такъ часто совершали вмѣстѣ эту утреннюю прогулку!

При входѣ въ виноградники, въ началѣ которыхъ большіе кипарисы склоняли свои остроконечныя вершины, собака не рѣшалась идти далѣе; она знала, насколько почва, покрытая толстымъ слоемъ песку—новое средство противъ филоксеры, къ которому консулъ прибѣгнулъ въ видѣ испытанія—была затруднительна для ея старыхъ лапъ, также какъ и высокія ступени террасъ. Но удовольствіе слѣдовать за своимъ господиномъ все таки заставило ее рѣшиться, и при каждомъ препятствіи она испытывала рядъ болѣзненныхъ усилій, слабо, боязливо взвизгивала и неловко останавливалась, какъ морской ракъ, попавшій на скалу.

Жанъ не смотрѣлъ на нее, весь предавшись мыслямъ о *новомъ насажденіи* лозъ Аликанте, о которомъ его отецъ долго го-

ворилъ съ нимъ наканунѣ. Новыя лозы казались прекрасно принявшимися на гладкомъ и блестящемъ слоѣ песку. Наконецъ-то бѣднякъ будетъ вознагражденъ за свои упорные труды; виноградники Кастелэ могли ожить, между тѣмъ какъ всѣ знаменитыя лозы Нерты и Эрмитажа погибли!

Маленькій бѣлый головной уборъ вдругъ появился передъ нимъ. Эта была Дивонна, ранѣе всѣхъ вставшая въ домѣ; въ рукѣ ея былъ небольшой серпъ и еще что-то, что она бросила, причемъ щеки ея, обыкновенно блѣдныя, вспыхнули яркимъ румянцемъ.

— Это ты, Жанъ?.. Какъ ты меня напугалъ... Я думала, это отецъ...

Потомъ, оправившись и поцѣловавъ его, она сказала:

— Хорошо ты спалъ?

— Отлично, тетушка. Но почему-же вы боялись встрѣчи съ отцомъ?..

— Почему?

Она подняла небольшую виноградную лозу, только что вырванную.

— Вѣдь консулъ говорилъ тебѣ, что на этотъ разъ онъ увѣренъ въ успѣхѣ... Ну, такъ смотри! Вотъ черви...

Жанъ увидѣлъ какъ-бы желтоватый мохъ, въѣвшійся въ вѣтку, почти незамѣтную гниль, которая мало по малу разорила цѣлыя провинціи; этотъ безконечно малый, но непобѣдимый истребитель казался насмѣшкой природы въ это прелестное утро, подъ живительными лучами солнца.

— Это только начало... Черезъ три мѣсяца, всѣ лозы будутъ изъѣдены и отецъ твой снова начнетъ насажденіе, такъ какъ въ этомъ онъ видитъ свою гордость. Снова начнутся новые планы, пріискиваніе новыхъ средствъ до тѣхъ поръ, пока...

Жестъ отчаянія докончилъ и пояснилъ ея мысль.

— Такъ, въ самомъ дѣлѣ, дошло до этого?

— Да, вѣдь ты знаешь консула... Онъ никогда ничего не говоритъ; какъ всегда, даетъ мнѣ деньги на ежемѣсячные расходы; но я вижу, что онъ озабоченъ. Онъ постоянно ѣздитъ въ Авиньонъ и Оранжъ... Это онъ ищетъ денегъ...

— А Цезарь? Его ороше́нія? спросилъ молодой человѣкъ, крайне пораженный.

— Благодаря Бога, въ этомъ отношеніи все шло хорошо. Мы получили уже пятьдесятъ бочекъ легкаго вина отъ послѣдняго урожая, а нынѣшній годъ обѣщалъ принести вдвое болѣе. Въ виду этого успѣха, консулъ уступилъ своему брату всѣ нижніе виноградники, остававшіеся до настоящаго времени въ запустѣніи и представлявшіе, подобно деревенскому кладбищу, лишь ряды засохшихъ лозъ. Нынче-же они на три мѣсяца оставлены подъ водою...

И гордясь дѣломъ своего мужа, своего Фената, провансалка показывала Жану съ возвышенія, на которомъ они стояли, обширные пруды, задерживаемые известковыми плотинами.

— Черезъ два года, эти лозы будутъ приносить доходъ; черезъ два года Пибулетта также дастъ доходъ, какъ и островъ Ламотъ, купленный твоимъ дядей тайно отъ всѣхъ... Тогда мы будемъ богаты.... но до тѣхъ поръ нужно продержаться, нужно чтобы каждый прилагалъ свою заботу и приносилъ жертвы...

Она весело говорила о жертвахъ, какъ женщина, которая имъ больше не удивляется, и съ такимъ увлеченіемъ, что Жанъ, осѣненный внезапной мыслью, отвѣчалъ ей въ томъ-же тонѣ:

— Да, мы принесемъ жертву, Дивонна!..

Въ тотъ-же день онъ написалъ Фанни, что родители не могутъ больше содержать его, что онъ долженъ ограничиться министерскимъ жалованьемъ и что при этихъ условіяхъ жизнь вдвоемъ становится невозможною. Это значило порвать свою связь, раньше чѣмъ онъ думалъ, на три или четыре года ранѣе предвидѣннаго имъ отъѣзда, но онъ разсчитывалъ, что его любовница поймете важныя побудительныя причины, что она сжалится надъ нимъ и надъ его горемъ, и поможетъ ему въ выполненіи тяжелаго долга.

Но была-ли это жертва съ его стороны? Не будетъ-ли онъ, напротивъ, доволенъ тѣмъ, что покончитъ съ существованіемъ, казавшимся ему отвратительнымъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ онъ возвратился на лоно природы, въ свою семью, къ привязанностямъ чистымъ и честнымъ?..

Написавъ свое письмо безъ борьбы и страданій, онъ ожидалъ яростнаго, полнаго угрозъ и сумасбродствъ, отвѣта и приготовился къ защитѣ, при помощи честной и вѣрной привязанности благородныхъ сердецъ, его окружавшихъ. Онъ разсчитывалъ, напримѣръ, на своего отца, всегда прямаго и гордаго, на невинную улыбку миленькихъ женщинъ, а также на этотъ широкій, мирный горизонтъ, со здоровымъ горнымъ воздухомъ, съ высокимъ небомъ и быстрою, широкою рѣкою; думая о своей страсти, о всей той грязи, изъ которой она состояла, ему казалось, что онъ выздоравливаетъ отъ злокачественной лихорадки, которою заражаются отъ испаренія въ болотистыхъ мѣстахъ.

Пять или шесть дней прошло послѣ нанесенія Жаномъ рѣшительнаго удара — полное молчаніе. Утромъ и вечеромъ онъ ходилъ на почту и возвращался съ пустыми руками, въ какомъ-то странномъ волненіи. Что-же она дѣлала?.. На что рѣшилась? И, во всякомъ случаѣ, отчего она не отвѣчаетъ? Онъ только объ этомъ и думалъ? И ночью, когда всѣ спали подъ убаюкивающій шумъ вѣтра, онъ говорилъ объ этомъ вдвоемъ съ Цезаремъ въ своей маленькой комнаткѣ:

— Увидишь, что она сама пріѣдетъ, говорилъ дядюшка.

И безпокойство его увеличивалось тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ отправить ей два векселя, срокомъ на шесть мѣсяцевъ и на одинъ годъ, въ обезпеченіе своего долга, вмѣстѣ съ процентами. Какимъ образомъ заплатитъ онъ по этимъ векселямъ? Какъ объяснитъ Дивоннѣ?.. Онъ содрогался при одной мысли объ этомъ, и племяннику становилось жаль его, когда съ вытянутымъ лицомъ, выколачивая свою трубку, при окончаніи бесѣды, онъ говорилъ грустно:

— Ну, такъ спокойной ночи... Во всякомъ случаѣ хорошо, что ты это сдѣлалъ.

Наконецъ онъ пришелъ, этотъ отвѣтъ, и на первыхъ-же строчкахъ: «Мой драгоцѣнный мужъ! Я не писала тебѣ ранѣе, потому что хотѣла не только одними словами доказать тебѣ, насколько я тебя понимаю и люблю»... Жанъ остановился, пораженный, какъ человѣкъ, услыхавшій симфонію вмѣсто воинственнаго марша, котораго онъ такъ опасался.

Онъ быстро перевернулъ страницу, гдѣ прочелъ слѣдующее: «до самой смерти оставаться твоей вѣрной собакой, которая любитъ тебя, которую ты можешь бить и которая все таки будетъ страстно къ тебѣ ласкаться».

Значитъ, она не получила его письма. Но, перечитанное строчка за строчкой, со слезами на глазахъ, письмо это оказалось дѣйствительно отвѣтомъ. Въ немъ говорилось, что Фанни давно ждала услышать эту дурную вѣсть, когда разстройство дѣлъ въ Кастелэ неминуемо поведетъ за собою ихъ разлуку. Тотчасъ-же принялась она отыскивать себѣ какое либо занятіе, чтобы не быть болѣе ему въ тягость; и она нашла мѣсто управительницы въ меблированномъ отелѣ на авеню Булонскаго лѣса, принадлежащемъ одной очень богатой дамѣ, за сто франковъ въ мѣсяцъ съ готовымъ столомъ, квартирою и полною свободою по воскресеньямъ...

„Слышишь-ли, мужъ мой, цѣлый день въ недѣлю для нашей любви, такъ какъ вѣдь ты еще захочешь видѣть меня? Ты вознаградишь меня за то усиліе, которое употребляю я, чтобы работать первый разъ въ моей жизни, за то рабство дня и ночи, принимаемое мною на себя со всѣми униженіями, которыхъ ты и представить себѣ даже не можешь; они будутъ для меня особенно тяжелы при сумашедшей независимости моего характера... Но я чувствую необычайное удовольствіе при мысли страдать изъ-за любви къ тебѣ. Я такъ много обязана тебѣ; ты заставилъ меня понять такъ много хорошаго и честнаго, о чемъ никто никогда мнѣ не говорилъ! О, еслибы мы встрѣтились ранѣе!.. Но ты не умѣлъ еще ходить, когда я перебрасывалась уже изъ объятій одного мужчины къ другому. Но ни одинъ изъ нихъ никогда не будетъ вправѣ похвастать, что онъ внушилъ мнѣ подобную рѣшимость, чтобы удержать его еще немножко. Теперь возвращайся, когда захочешь, квартира свободна. Я собрала всѣ мои вещи; это было въ особенности тяжело—перетряхивать эти ящики и воспоминанія. Ты найдешь тамъ только мой портретъ, который ничего тебѣ не будетъ стоить, кромѣ добрыхъ взглядовъ, о которыхъ я молю тебя для него. О, голубчикъ, голубчикъ!.. Но если ты оставишь мнѣ мое воскресенье и мое маленькое мѣстечко около твоей шейки... знаешь, мое мѣстечко...“

И затѣмъ слѣдовали нѣжности, ласки, сладострастное заигрываніе кошки, слова страсти, заставлявшія любовника прикасаться лицомъ къ атласной бумагѣ, какъ будто бы отъ нея могла выдѣляться теплая женская ласка.

— Она ничего не пишетъ о моихъ векселяхъ? застѣнчиво спросилъ дядюшка Цезарь.

— Она посылаетъ вамъ ихъ обратно... Вы заплатите ей, когда разбогатѣете...

Дядюшка вздохнулъ свободно; щеки его сморщились отъ удовольствія, и съ важностью свѣдущаго человѣка, своимъ громкимъ голосомъ южанина, онъ сказалъ:

— Слушай, что я тебѣ скажу... Эта женщина—святая...

Затѣмъ онъ перешелъ къ другому направленію мыслей съ тою легкостью, которой недостаетъ обыкновенно логики и памяти, составлявшей одну изъ странностей его натуры.

— И какая страсть, мой милый, какой огонь! У меня даже въ горлѣ пересохло, точно, когда Курбебессъ читалъ письма своей Морнà...

Еще разъ Жанъ долженъ былъ прослушать разсказъ о его первомъ путешествіи въ Парижъ, объ отелѣ Кюжасъ, о Пелликюлѣ; но мысли его были далеко; онъ стоялъ, прислонясь къ окну, чрезъ которое смотрѣла тихая ночь, залитая полной луною, до такой степени блестящею, что даже пѣтухи ошибались и привѣтствовали, ее какъ рождающійся день.

Значитъ, это правда, что возможно искупленіе любовью, о которомъ говорятъ поэты. И онъ чувствовалъ гордость при мысли, что всѣ эти великіе, знаменитые люди, которыхъ Фанни любила прежде его, далекіе отъ того, чтобы возродить ее, еще болѣе ее развращали, тогда какъ онъ одною силою своей честности, можетъ быть, навсегда извлечетъ ее изъ порока. Онъ былъ благодаренъ ей, что она придумала эту среднюю мѣру, этотъ полуразрывъ, при которомъ она найдетъ новую привычку къ труду, столь чуждому ея безпечной натурѣ; и отеческимъ тономъ старика онъ написалъ ей на другой день, ободряя ее въ принятомъ намѣреніи, выражая безпокойство относительно приличности того отеля, которымъ она управляла, и посѣщавшей его публики, такъ какъ онъ не довѣрялъ ея снисходительности и той легкости, съ кото-

рой она можетъ сказать, жертвуя собою: „что же дѣлать? это ужъ такъ...“

Съ каждой почтой, съ прилежаніемъ маленькой дѣвочки, Фанни описывала ему картину этого отеля: настоящій семейный домъ, обитаемый иностранцами. Въ первомъ этажѣ жили перувіанцы, отецъ и мать, дѣти и многочисленная прислуга; во второмъ — русскіе и богатый голландецъ, торговецъ коралами. Комнаты третьяго этажа были заняты двумя наѣздниками изъ гипподрома, весьма порядочными англичанами, и маленькимъ, крайне интереснымъ семействомъ дѣвицы Мины Фогель, артистки на цитрѣ изъ Штутгарта, съ ея братомъ Лео, бѣднымъ чахоточнымъ, который долженъ былъ прервать свое ученіе на кларнетѣ въ парижской консерваторіи и для ухаживанія за которымъ пріѣхала его сестра, не имѣя другихъ средствъ для уплаты за отель и пансіонъ, какъ выручка отъ нѣсколькихъ концертовъ.

„Какъ видишь, мой возлюбленный мужъ, здѣсь все, что можно себѣ представить болѣе трогательнаго и честнаго! Я сама слыву здѣсь вдовою и ко мнѣ относятся съ большимъ уваженіемъ. Впрочемъ, я и не потерпѣла бы инаго обращенія; твоя жена должна быть уважаема. Если я говорю *твоя жена*, то пойми меня: я знаю, что въ одинъ прекрасный день ты меня покинешь, я потеряю тебя, но затѣмъ у меня больше не будетъ другаго; навсегда я останусь твоею, сохраню воспоминаніе о твоихъ ласкахъ и тѣ добрые инстинкты, которые ты пробудилъ во мнѣ... Сафо добродѣтельная!.. Не правда-ли какъ это смѣшно!.. Да, добродѣтельная, когда тебя не будетъ возлѣ нея! Но для тебя я останусь такою, какою ты любилъ меня, безумною и жгучею... Я обожаю тебя“...

Внезапно Жанъ былъ охваченъ тоскою скуки. Эти возвращенія блуднаго сына, послѣ радостей свиданія, пира съ закланнымъ тельцомъ и нѣжныхъ изліяній, всегда заключаютъ въ себѣ отклики прелестей прежней бродячей жизни, сожалѣнія о горькихъ жолудяхъ и о лѣнивомъ стадѣ, которое онъ пасъ. Наступаетъ разочарованіе въ окружающихъ вещахъ и людяхъ, какъ-то вдругъ утрачивающихъ свое прежнее обаяніе. Утра провансальской зимы не представляли болѣе для него благотворной свѣжести, не привлекали его охотою на пушистыхъ выдръ, ни стрѣльбою утокъ на прудахъ стараго Абріэ. Жанъ находилъ вѣтеръ слиш-

льнымъ, воду—холодною и слишкомъ монотонными про-
ъ дядею по затопленнымъ виноградникамъ, во время ко-
послѣдній объяснялъ свою систему шлюзовъ, канавокъ и
водовъ.

евня, посѣщаемая имъ въ его первыя, веселыя, дѣтскія про-
состоявшая изъ старыхъ хижинъ, изъ которыхъ многія
окинуты, отзывалась смертью и отчаяніемъ итальянской
. И когда онъ отправлялся на почту, ему приходилось
ивать у каждаго шаткаго порога пустую болтовню всѣхъ
тариковъ, согнувшихся въ дугу, съ руками, засунутыми въ
которые они вязали; всѣхъ этихъ старухъ, съ желтыми
дками подъ крѣпко завязанными чепцами, съ маленькими
ими и бѣгающими глазками, словно у ящерицъ въ старыхъ
нахъ.

гда одно и то же жалобы на гибель виноградниковъ, не-
марены, болѣзнь тутовыхъ деревьевъ, на семь язвъ еги-
ъ, разоряющихъ эту прекрасную страну Провансъ. Чтобы
ть ихъ, онъ возвращался иногда по узкимъ тропинкамъ,
вшимъ около древнихъ стѣнъ ограды папскаго замка,
камъ, пустыннымъ и заросшимъ кустарникомъ и высокой
Санъ-Рока, служащею для лѣченія лишаевъ; эта высокая
была здѣсь какъ нельзя болѣе у мѣста, въ этомъ средне-
ъ уголкѣ, въ тѣни громадной развалины, стоящей надъ
.

ъ онъ встрѣчалъ священника Малассаня, только что кон-
обѣдню и спускавшагося большими яростными шагами,
тничкомъ, съѣхавшимъ на бокъ, съ рясою, поднятою обѣими
во избѣжаніе зацѣповъ за кусты и терновники. Священ-
тановливался и начиналъ громить нечестіе крестьянъ, неспра-
сти муниципальнаго совѣта; онъ осыпалъ своими прокля-
ія, животныхъ и людей-безбожниковъ, которые не хо-
льше къ обѣднѣ, погребаютъ своихъ покойниковъ безъ
нія таинствъ, лѣчатся посредствомъ магнетизма и спири-
чтобы не обращаться къ священнику и доктору.

Да, милостивый государь, спиритизмъ! Вотъ до чего они
наши крестьяне... И послѣ этого вы удивляетесь, что
дники гибнутъ!..

Жанъ, съ распечатаннымъ письмомъ Фанни въ карманѣ, шалъ съ разсѣяннымъ видомъ; при первой возможности уб отъ поученій попа и возвращался въ Кастелэ, гдѣ укры въ разщелинѣ скалы (по провансальски, это называется cag защищенной отъ бушующаго вокругъ вѣтра и согрѣтой лу солнца, отражающимися отъ камней.

Онъ выбиралъ самый уединенный, самый дикій изъ cagnar скрытый кустарниками ежевики и дубами; онъ ютился для перечитыванія письма Фанни. Мало по малу, отъ то запаха, выдѣлявшагося изъ письма, отъ ласкающихъ слов картинъ, вызываемыхъ его воображеніемъ, на него находил ственное опьяненіе, ускорявшее пульсъ, приводившее его стояніе галлюцинаціи, до того, что предъ нимъ исчезали, ка нужныя декораціи, рѣка, острова, разбросанные въ видѣ клумб ревни на склонахъ горъ и весь кругозоръ неизмѣримой до по которой сильный вихрь гналъ и крутилъ блестѣвшій на с песокъ. Онъ былъ тамъ, въ ихъ комнатѣ, противъ вокзала съ крышей, испытывая безумныя ласки, тѣ неудержимыя же которыя такъ тѣсно связывали ихъ другъ съ другомъ, по судорожнымъ объятіямъ утопающаго...

Вдругъ раздался на тропинкѣ звукъ шаговъ и веселый хо

— Онъ здѣсь!...

Появились его сестры съ маленькими босыми ножками, веденныя старымъ Мираклемъ, который гордился тѣмъ, что съу открыть чутьемъ своего хозяина, и побѣдоносно помах хвостомъ. Но Жанъ оттолкнулъ его ногою и отказался отъ пр женія поиграть въ прятки или побѣгать, сдѣланнаго ему съ за чивымъ видомъ. Однако жъ онъ любилъ ихъ, своихъ малены сестренокъ, которыя были безъ ума отъ старшаго брата, жившаг стоянно такъ далеко. Съ самаго своего пріѣзда, онъ старался латься для нихъ такимъ же ребенкомъ и забавлялся контрас этихъ маленькихъ созданій, родившихся вмѣстѣ и такъ не жихъ одна на другую. Одна—высокая брюнетка съ вьющимис лосами, одновременно самовольная и пропитанная мистициз ей пришла въ голову мысль о лодкѣ, и, экзальтирова уроками священника Малассаня, эта маленькая Марія Е

и увлекла за собою бѣлокурую Марту, кроткую, слабохарак-
ную, похожую на свою мать и брата.

Но какъ надоѣдали ему эти невинныя ласки дѣтей въ то вре-
какъ онъ погружался въ свои воспоминанія, упиваясь кокетли-
ъ запахомъ письма своей возлюбленной!

— Нѣтъ, оставьте меня... мнѣ нужно работать...

Онъ возвращался домой съ цѣлью запереться у себя въ комна-
по голосъ отца звалъ его:

— Это ты, Жанъ?.. Послушай-ка...

Почта приносила новые поводы къ угрюмости этого человѣ-
безъ того мрачнаго по натурѣ, сохранившаго отъ жизни на Во-
ѣ привычку молчаливой важности, прерываемой внезапными
оминаніями... о консульствѣ въ Гонъ-Конгѣ, сверкавшими,
искры въ большомъ кострѣ.

Слушая, какъ отецъ читалъ утреннія газеты и обсуждалъ про-
ное, Жанъ смотрѣлъ на стоящую на каминѣ статую Сафо,
оты Каудаля, съ руками, сложенными на колѣняхъ, съ лирою
погъ; бронза эта была куплена двадцать лѣтъ тому назадъ,
то время когда украшался Кастелэ, и эта продажная статуя,
которой ему дѣлалось тошно, когда онъ смотрѣлъ на нее въ
жскихъ витринахъ, здѣсь, въ его уединеніи, наводила на
любовную истому, желаніе цѣловать эти плечи, разнять эти
одныя, гладкія руки, заставить сказать ее: «Я—Сафо для тебя, и
ько для тебя одного»!

Искушающій образъ поднимался, лишь только онъ выходилъ
комнаты, шелъ вслѣдъ за нимъ, удваивая шумъ его шаговъ
большой, роскошной лѣстницѣ. Имя Сафо отбивалось маятни-
мъ старинныхъ часовъ, нашептывалось вѣтромъ въ большихъ
идорахъ, холодныхъ и вымощенныхъ камнемъ; это-же имя
ходилъ онъ во всѣхъ книгахъ ихъ деревенской библіотеки, ста-
хъ томахъ съ красными обрѣзами, сохранившихъ между своими
аницами крошки отъ его дѣтскихъ завтраковъ. И это неотвяз-
ое воспоминаніе о возлюбленной преслѣдовало его даже въ
натѣ матери, гдѣ Дивонна причесывала больную, подымая ея
красные волосы надъ этимъ лицомъ, которое казалось спо-
нымъ и розовымъ, не смотря на постоянныя страданія.

— А, вотъ и нашъ Жанъ, говорила мать.

Но со своей голой шеей, маленькимъ личикомъ и рук
засученными для этого туалета, ею одною исполняемаго,
напоминала ему иныя побужденія, вызывала предъ ним
ва образъ его любовницы, соскакивающей съ кровати въ
дыма первой папироски. Онъ злился на себя за подобныя
въ особенности въ этой комнатѣ! Но что-же сдѣлать, чтобъ
виться отъ нихъ?

— Дитя наше уже не прежнее, сестра,—грустно го
г-жа Госсенъ.—Что съ нимъ?..

И онѣ вмѣстѣ отыскивали причину. Дивонна ломал
этимъ голову; ей хотѣлось разспросить молодаго человѣка;
залось, онъ убѣгалъ отъ нея, уклонялся оставаться съ не
единѣ.

Однажды, подстерегши его, она явилась къ нему въ са
въ то время какъ онъ охваченъ былъ лихорадкою отъ
своихъ писемъ, отъ дурныхъ мечтаній. Онъ поднялся, нахму
Она остановила его, сѣвъ рядомъ съ нимъ на теплый ка

— Ты, значитъ, не любишь меня больше?... значитъ, я
не твоя Дивонна, которой ты разсказывалъ всѣ свои горе

— О, напротивъ, напротивъ, бормоталъ онъ, взволнов
ея нѣжностью и отворачивая глаза, чтобъ она не могла у
въ нихъ чего нибудь изъ того, что онъ только что прочелъ:
зывовъ любви, восклицаній страсти, принесшихся къ нему
пространство.

— Что съ тобою?.. Отчего ты такъ грустенъ?.. шептал
вонна, лаская его, какъ ребенка. Это былъ отчасти ея сынъ
оставался для нея десятилѣтнимъ, въ томъ возрастѣ, когда
ципируютъ мальчиковъ.

Уже разгоряченный своимъ чтеніемъ, онъ еще болѣе во
дался волнующей прелестью этого прекраснаго тѣла, приди
шагося такъ близко къ нему, этимъ свѣжимъ ротикомъ, этимъ
томъ лица, оживленнымъ отъ прохладнаго вѣтерка, каторый
трепалъ волосы, спустивъ ихъ легкими кудрями на лобъ, п
рижской модѣ. А тутъ еще уроки Сафо: «всѣ женщины одинак
при видѣ мужчины, у нихъ одна мысль въ головѣ»... заставлял

находить вызывающими и улыбку крестьянки, и ея жестъ, которымъ она удержала его.

Вдругъ онъ почувствовалъ головокруженіе отъ сильныхъ ощущеній, и усилія, которыя онъ дѣлалъ, чтобы удержаться отъ нихъ, заставили его конвульсивно вздрагивать. Дивонна испугалась, видя его такимъ блѣднымъ, со стучащими зубами.

— Ахъ, бѣдняжка, у него лихорадка!.. Необдуманнымъ движеніемъ нѣжности, она развязала большую косынку, надѣтую на ней, чтобы обвязать его шею; но вдругъ, схваченная и обнятая имъ, она почувствовала жаръ безумныхъ поцѣлуевъ на затылкѣ, на обнаженныхъ плечахъ, блестѣвшихъ подъ лучами солнца. Она не имѣла времени ни закричать, ни защищаться... можетъ быть, она не сознавала даже ясно того, что произошло.

— О, я безумецъ, безумецъ!.. воскликнулъ онъ и убѣжалъ по тропинкѣ, камни которой зловѣще катились изъ подъ его ногъ.

Въ этотъ же день, за завтракомъ Жанъ объявилъ, что уѣдетъ въ тотъ-же вечеръ, такъ какъ онъ получилъ приказъ отъ министра.

— Какъ, ты уже уѣзжаешь?.. Ты говорилъ... но вѣдь ты только что пріѣхалъ...

И начались мольбы и упрашиванія. Но онъ уже не могъ болѣе оставаться съ ними, такъ какъ во всѣ ихъ нѣжныя ласки вторгалось волнующее и развращающее вліяніе Сафо. Впрочемъ, развѣ не принесъ онъ для нихъ самую большую жертву, отказываясь отъ совмѣстной жизни вдвоемъ? Полный разрывъ окончательно воспослѣдуетъ немного позже, и онъ возвратится тогда, чтобы любить безъ стыда и стѣсненія всѣхъ этихъ добрыхъ людей

Была ночь; всѣ въ домѣ уже улеглись и огни были потушены, когда Цезарь возвратился, проводивъ своего племянника на Авиньонскій поѣздъ. Засыпавъ овса лошади и изслѣдовавъ небо тѣмъ взоромъ, которымъ земледѣльцы предузнаютъ погоду, онъ собирался войти въ домъ, какъ вдругъ замѣтилъ бѣлую фигуру на одной изъ скамеекъ террасы.

— Это ты, Дивонна?

— Да, я ждала тебя...

Сильно занятая въ теченіе цѣлаго дня, разлученная съ Фенатомъ, котораго обожала, она часто сходилась съ нимъ вече-

ромъ, чтобы потолковать и сдѣлать вмѣстѣ небольшую прогулку. По причинѣ-ли короткой сцены между ею и Жаномъ,— понятой, наконецъ, по размышленіи и даже болѣе, чѣмъ она того желала,—или вслѣдствіе замѣченныхъ ею слезъ матери, тихо плакавшей въ теченіе цѣлаго дня, но Дивонна говорила измѣнившимся голосомъ; въ ней замѣтно было сильное безпокойство, необыкновенное въ этой спокойной женщинѣ.

— Знаешь, отчего онъ такъ быстро насъ покинулъ?..

Она не вѣрила этой выдумкѣ о министерствѣ, подозрѣвая скорѣе какую либо дурную привязанность, отвлекавшую ребенка далеко отъ семьи. Столько опасностей, столько странныхъ встрѣчъ въ этомъ проклятомъ Парижѣ!

Неумѣвшій ничего скрывать отъ нея, Цезарь сознался, что дѣйствительно въ жизни Жана была замѣшана женщина, доброе созданіе, неспособное отвратить его отъ своихъ. И онъ сталъ разсказывать о ея преданности, о трогательныхъ письмахъ, которыя она писала, хвалилъ въ особенности смѣлую рѣшимость ея заняться работой, что̀ показалось совершенно естественнымъ крестьянкѣ.

— Нужно же наконецъ работать, для того чтобы жить...

— Но не для женщинъ этого сорта, возразилъ Цезарь.

— Такъ она, значитъ, совершенная дрянь, эта женщина, съ которою живетъ Жанъ!.. И ты бывалъ у нихъ?

— Клянусь тебѣ, Дивонна, что съ тѣхъ поръ, какъ она сошлась съ нимъ, не найти женщины болѣе цѣломудренной и честной... Любовь переродила ее.

Но это были слишкомъ мудреныя слова, и Дивонна ихъ не понимала. Для нея эта дама входила въ ту категорію, которую называли „скверными женщинами“, и мысль, что ея Жанъ служилъ добычею подобной твари, возмущала ее. Еслибы консулъ только подозрѣвалъ объ этомъ!..

Цезарь старался успокоить ее, увѣрялъ, ухмыляясь всѣми складками своего нѣсколько игриваго лица, что въ лѣта молодаго человѣка невозможно обойтись безъ женщины.

— Ну, такъ пусть женится, сказала она съ умилительнымъ убѣжденіемъ.

— Да, наконецъ, они уже не живутъ больше вмѣстѣ; это всегда такъ...

Тогда она сказала серьезнымъ тономъ:

— Послушай, Цезарь! Ты знаешь, какъ говорится у насъ: несчастіе длится всегда долѣе того, что̀ его рождаетъ... Если разсказанное тобою — дѣйствительно правда, если Жанъ вытащилъ эту женщину изъ грязи, то онъ, быть можетъ, самъ запачкался, исполняя это грустное дѣло. Весьма можетъ быть, что онъ сдѣлалъ ее лучшею, болѣе честною, но—ка̀къ знать?—то дурное, что̀ заключалось въ ней, не испортило-ли нашего ребенка до самаго сердца!

Они возвратились на террасу. Тихая, прозрачная ночь царила надо всей молчаливой долиной, въ которой живымъ представлялся только скользящій свѣтъ луны, серебрившій рѣку и поверхность прудовъ. Грудь дышала покоемъ, удаленіемъ ото всего, мирнымъ отдыхомъ сна безъ грезъ. Вдругъ поѣздъ, проходившій по берегу Роны, загудѣлъ своимъ глухимъ шумомъ, пролетая на всѣхъ парахъ.

— О, этотъ Парижъ, сказала Дивонна, грозя кулакомъ невидимому врагу, на котораго провинція изливаетъ весь свой гнѣвъ.. Этотъ Парижъ!.. Что̀ ему даютъ и что̀ онъ возвращаетъ назадъ!..

(*Продолженіе будетъ*).

Роль арендной земли въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

(*Окончаніе*).

II.

Предъидущую статью мы закончили вопросомъ: что заставляетъ крестьянъ арендовать землю, приносящую имъ, повидимому, одинъ только убытокъ?

Еслибы подобный вопросъ задать дисненскому предводителю дворянства, еще недавно такъ краснорѣчиво убѣждавшему крестьянъ въ томъ, что земли у нихъ вполнѣ достаточно, или, еще лучше, г. Гомилевскому, одному изъ сотрудниковъ различныхъ ученыхъ изданій (см. его работу въ Тр. ком. по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи, вып. VIII), то они, вѣроятно, отвѣтили бы, что крестьяне арендуютъ землю по одному лишь недоразумѣнію, ибо, напримѣръ, по разсчету г. Гомилевскаго, крестьяне Херсонской губерніи даже съ своихъ собственныхъ земель получаютъ меньше, чѣмъ они заработали бы, нанявшись къ землевладѣльцамъ. А вѣдь собственная земля несетъ меньше платежей, чѣмъ арендованная! Однако, основательны-ли подобныя утвержденія и руководствуется-ли крестьянинъ, въ самомъ дѣлѣ, только собственной глупостью и рутиной, избѣгая наемнаго заработка и держась за свое хозяйство?

Всякій, вѣроятно, согласится съ тѣмъ, что заработная плата въ Россіи вообще крайне низка, но и она не падаетъ еще ниже лишь потому, что масса крестьянства устраняется отъ наемнаго заработка, что предложеніе труда на рынкѣ, благодаря стремленію народа по возможности больше запахать на свой страхъ, сравнительно невелико. А что выйдетъ, если крестьянинъ сократитъ самостоятельное хозяйство и бо́льшую часть своего времени отдастъ наемному труду—можно видѣть на примѣрѣ центральныхъ черноземныхъ губерній; тамъ положеніе мелкаго земледѣльца до нѣкоторой степени приближается къ подобному идеалу, и тамъ же заработная плата—и безъ того самая низкая въ Россіи—умудряется еще уменьшиться на 30—50%, благодаря способу такъ называемой зимней наемки. Мы не въ состояніи математически опредѣлить степень вліянія, оказываемаго величиной заработной платы въ

Россіи на воздержаніе крестьянина отъ наемнаго заработка и на его привязанность къ собственному хозяйству; мы можемъ только съ большой вѣроятностью предположить, что ему неоднократно приходилось собственнымъ опытомъ испытывать дѣйствіе закона зависимости заработной платы отъ размѣровъ предложенія труда, и что онъ убѣжденъ въ постоянствѣ и непрочности существующаго уровня ея. Поэтому, въ настоящее время, когда отъ него зависитъ выбирать между наемнымъ и самостоятельнымъ трудомъ или комбинировать оба, сообразуясь съ обстоятельствами минуты, возможность заработать много (!), въ качествѣ батрака, не ослѣпляетъ его насчетъ общаго значенія заработка у себя и по найму, и перспектива, ожидающая батрака pur sang рисуется его воображенію достаточно ясно и не особенно привлекательно. Итакъ, мы можемъ сказать, что существующія условія наемнаго труда въ Россіи таковы, что даже высокая заработная плата, вмѣсто того, чтобы отрывать крестьянина отъ земли, какъ бы этого слѣдовало ожидать на основаніи обыкновеннаго комерческаго разсчета, способна, напротивъ того, укрѣпить его связь съ нею. Зная свойства доходовъ, которыми его прельщаютъ предводитель дворянства вкупѣ съ г. Гомилевскимъ, мелкій земледѣлецъ еще сильнѣе ухватится за свое хозяйство, еще больше будетъ дорожить имъ. Спрашивается, поэтому, есть-ли въ положеніи черниговскаго земледѣльца такія условія, которыя бы требовали отъ него жертвоприношеній, подъ угрозой въ противномъ случаѣ разрушить его хозяйственную самостоятельность и связанное съ нею относительное благополучіе? И аренда чужихъ земель, въ большинствѣ случаевъ не покрывающая расходовъ производства, не есть-ли именно такая жертва, необходимая по условіямъ собственнаго крестьянскаго хозяйства?

Малороссійское хозяйство отличается отъ обычнаго великороссійскаго тѣмъ, что пашущее орудіе требуетъ здѣсь запряжки не одной, какъ въ послѣднемъ, а 4—8 штукъ рабочаго скота. А такъ какъ стоимость содержанія послѣдняго падаетъ на хозяйство, то дабы окупить издержки производства, минимальные размѣры крестьянскаго хозяйства въ Малороссіи должны быть больше таковыхъ же великорусскихъ. Если, напримѣръ, въ Великороссіи три десятины запашки есть наименьшій размѣръ ея, при которомъ стоитъ еще держать лошадь, то въ мѣстности, гдѣ работаютъ восьмью лошадьми, принимая даже, что урожай отъ этого повышается вдвое, размѣры запашки домохозяина все таки должны быть не ниже 12-ти десятинъ. Слѣдовало ожидать поэтому, что въ Малороссіи мелкое крестьянское хозяйство вовсе уничтожится, и земельная организація приметъ характеръ нѣмецкій, съ его полными крестьянскими хозяевами съ одной стороны и безземельными батраками—съ другой. Но русскій народъ избѣгнулъ такой перспективы, при помощи очень простаго пріема: бѣдные земледѣльцы, не имѣющіе достаточнаго количества скота, соединяются вмѣстѣ

— А Цезарь? Его ороше[illegible]я? спросилъ молодой человѣкъ, крайне пораженный.

— Благодаря Бога, въ этомъ отношеніи все шло хорошо. Мы получили уже пятьдесятъ бочекъ легкаго вина отъ послѣдняго урожая, а нынѣшній годъ обѣщалъ принести вдвое болѣе. Въ виду этого успѣха, консулъ уступилъ своему брату всѣ нижніе виноградники, остававшіеся до настоящаго времени въ запустѣніи и представлявшіе, подобно деревенскому кладбищу, лишь ряды засохшихъ лозъ. Нынче-же они на три мѣсяца оставлены подъ водою...

И гордясь дѣломъ своего мужа, своего Фената, провансалка показывала Жану съ возвышенія, на которомъ они стояли, обширные пруды, задерживаемые известковыми плотинами.

— Черезъ два года, эти лозы будутъ приносить доходъ; черезъ два года Пибулетта также дастъ доходъ, какъ и островъ Ламотъ, купленный твоимъ дядей тайно отъ всѣхъ... Тогда мы будемъ богаты.... но до тѣхъ поръ нужно продержаться, нужно чтобы каждый прилагалъ свою заботу и приносилъ жертвы...

Она весело говорила о жертвахъ, какъ женщина, которая имъ больше не удивляется, и съ такимъ увлеченіемъ, что Жанъ, осѣненный внезапной мыслью, отвѣчалъ ей въ томъ-же тонѣ:

— Да, мы принесемъ жертву, Дивонна!..

Въ тотъ-же день онъ написалъ Фанни, что родители не могутъ больше содержать его, что онъ долженъ ограничиться министерскимъ жалованьемъ и что при этихъ условіяхъ жизнь вдвоемъ становится невозможною. Это значило порвать свою связь, раньше чѣмъ онъ думалъ, на три или четыре года ранѣе предвидѣннаго имъ отъѣзда, но онъ разсчитывалъ, что его любовница пойметъ важныя побудительныя причины, что она сжалится надъ нимъ и надъ его горемъ, и поможетъ ему въ выполненіи тяжелаго долга.

Но была-ли это жертва съ его стороны? Не будетъ-ли онъ, напротивъ, доволенъ тѣмъ, что покончитъ съ существованіемъ, казавшимся ему отвратительнымъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ онъ возвратился на лоно природы, въ свою *семью, къ привязанностямъ* чистымъ и честнымъ?..

Мы видимъ, что въ Черниговской губерніи число богатыхъ скотомъ домохозяевъ, относительно, въ 1½—3 раза больше, чѣмъ въ черноземныхъ великороссійскихъ, и что къ ней въ этомъ отношеніи нѣсколько приближается одна Курская губернія. Между тѣмъ, по размѣрамъ крестьянскаго землевладѣнія, Черниговская губернія, какъ и вся Малороссія, не выдѣляется изъ другихъ областей Россіи. Такъ, беря имѣющіяся подъ рукой данныя, мы увидимъ, что въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи на одинъ дворъ приходится въ среднемъ 12 десятинъ земли, въ Моршанскомъ 8,7 дес., въ Рязанскомъ—около 7 дес., въ Козелецкомъ(Черниговской губ.) всего 6,9 десятины, а въ Зеньковскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи даже около 5,5 десят. Итакъ, малороссійскій землевладѣлецъ, владѣя приблизительно тѣмъ же количествомъ земли, что и великорусскій крестьянинъ, держитъ скота значительно больше; это значитъ, что издержки производства ложатся на его участокъ тяжелѣе, чѣмъ на надѣлъ великорусскаго хозяина и что для ихъ уравненія черниговецъ долженъ сильнѣе великоросса стремиться къ арендѣ чужихъ земель: послѣдняя даетъ работу скоту (который иначе значительную часть времени кормился бы даромъ), и такимъ образомъ издержки по его содержанію падутъ уже не на собственный участокъ крестьянина, а распредѣлятся между нимъ и землей арендованной.

Есть и еще одно обстоятельство, дѣйствующее въ томъ же направленіи. Въ Великороссіи преобладаетъ общинное землевладѣніе, ведущее къ болѣе или менѣе равномѣрному распредѣленію земли между всѣми крестьянами; въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ значительная часть земледѣльцевъ владѣетъ землей на личномъ правѣ, почему она между ними распредѣлена крайне неравномѣрно. Такъ, напримѣръ, среди казаковъ и государственныхъ крестьянъ Козелецкаго уѣзда, имѣющихъ средній надѣлъ на дворъ 8,5 десятинъ, мы встрѣтимъ: огородниковъ (имѣющихъ меньше одной десятины на дворъ) 12—6,7%, владѣющихъ 1—3 дес.—16—12,%,имѣющихъ отъ 3—5 дес.—16—18/0 а; съ другой стороны домохозяевъ съ 15—25 десятинами насчитывается 9—11,6%, съ 25 — 100 десят. — 5,3 — 3,8%. Столь неравномѣрное распредѣленіе земли легко можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ то, что значительная часть крестьянъ вовсе лишится хозяйственной самостоятельности, ибо только въ рѣдкихъ случаяхъ 1—2-хъ-десятинный надѣлъ въ состояніи вынести издержки по пріобрѣтенію и ремонту инвентаря. Нѣсколько бо̀льшую устойчивость пріобрѣтетъ малоземельный крестьянинъ, если онъ, кромѣ своей земли, станетъ обрабатывать еще арендованную.

Этихъ разсужденій, мнѣ кажется, достаточно для того, чтобы убѣдиться, что аренда земель составляетъ жизненную не обходимость для черниговскаго земледѣльца; въ его рукахъ она не только выполняетъ роль источника доходовъ, но прежде всего служитъ необходимымъ элементомъ организаціи его собственнаго хозяйства. Лишаясь аренды, крестьянинъ теряетъ не только соотвѣтству-

Онъ быстро перевернулъ страницу, гдѣ прочелъ слѣдующее: «до самой смерти оставаться твоей вѣрной собакой, которая любитъ тебя, которую ты можешь бить и которая все-таки будетъ страстно къ тебѣ ласкаться».

Значитъ, она не получила его письма. Но, перечитанное строчка за строчкой, со слезами на глазахъ, письмо это оказалось дѣйствительно отвѣтомъ. Въ немъ говорилось, что Фанни давно ждала услышать эту дурную вѣсть, когда разстройство дѣлъ въ Кастель неминуемо поведетъ за собою ихъ разлуку. Тотчасъ-же принялась она отыскивать себѣ какое либо занятіе, чтобы не быть болѣе ему въ тягость; и она нашла мѣсто управительницы въ меблированномъ отелѣ на авеню Булонскаго лѣса, принадлежащемъ одной очень богатой дамѣ, за сто франковъ въ мѣсяцъ съ готовымъ столомъ, квартирою и полною свободою по воскресеньямъ...

„Слышишь-ли, мужъ мой, цѣлый день въ недѣлю для нашей любви, такъ какъ вѣдь ты еще захочешь видѣть меня? Ты вознаградишь меня за то усиліе, которое употребляю я, чтобы работать первый разъ въ моей жизни, за то рабство дня и ночи, принимаемое мною на себя со всѣми униженіями, которыхъ ты и представить себѣ даже не можешь; они будутъ для меня особенно тяжелы при сумашедшей независимости моего характера... Но я чувствую необычайное удовольствіе при мысли страдать изъ-за любви къ тебѣ. Я такъ много обязана тебѣ; ты заставилъ меня понять такъ много хорошаго и честнаго, о чемъ никто никогда мнѣ не говорилъ! О, еслибы мы встрѣтились ранѣе!.. Но ты не умѣлъ еще ходить, когда я перебрасывалась уже изъ объятій одного мужчины къ другому. Но ни одинъ изъ нихъ никогда не будетъ вправѣ похвастать, что онъ внушилъ мнѣ подобную рѣшимость, чтобы удержать его еще немножко. Теперь возвращайся, когда захочешь, квартира свободна. Я собрала всѣ мои вещи; это было въ особенности тяжело—перетряхивать эти ящики и воспоминанія. Ты найдешь тамъ только мой портретъ, который ничего тебѣ не будетъ стоить, кромѣ добрыхъ взглядовъ, о которыхъ я молю тебя для него. О, голубчикъ, голубчикъ!.. Но если ты оставишь мнѣ мое воскресенье и мое маленькое мѣстечко около твоей шейки... знаешь, мое мѣстечко...“

И затѣмъ слѣдовали нѣжности, ласки, сладострастное заигрыніе кошки, слова страсти, заставлявшія любовника прикасаться щомъ къ атласной бумагѣ, какъ будто бы отъ нея могла выляться теплая женская ласка.

— Она ничего не пишетъ о моихъ векселяхъ? застѣнчиво просилъ дядюшка Цезарь.

— Она посылаетъ вамъ ихъ обратно... Вы заплатите ей, когда збогатѣете...

Дядюшка вздохнулъ свободно; щеки его сморщились отъ удольствія, и съ важностью свѣдущаго человѣка, своимъ громкимъ олосомъ южанина, онъ сказалъ:

— Слушай, что̀ я тебѣ скажу... Эта женщина—святая...

Затѣмъ онъ перешелъ къ другому направленію мыслей съ тою гкостью, которой недостаетъ обыкновенно логики и памяти, ставлявшей одну изъ странностей его натуры.

— И какая страсть, мой милый, какой огонь! У меня даже ь горлѣ пересохло, точно, когда Курбебессъ читалъ письма своей Горнà...

Еще разъ Жанъ долженъ былъ прослушать разсказъ о его ервомъ путешествіи въ Парижъ, объ отелѣ Кюжасъ, о Пелликюлѣ; о мысли его были далеко; онъ стоялъ, прислонясь къ окну, чрезъ оторое смотрѣла тихая ночь, залитая полной луною, до такой тепени блестящею, что даже пѣтухи ошибались и привѣтствовали, ее какъ рождающійся день.

Значитъ, это правда, что возможно искупленіе любовью, о которомъ говорятъ поэты. И онъ чувствовалъ гордость при мысли, что сѣ эти великіе, знаменитые люди, которыхъ Фанни любила прежде го, далекіе отъ того, чтобы возродить ее, еще болѣе ее развращали, тогда какъ онъ одною силою своей честности, можетъ быть, авсегда извлечетъ ее изъ порока. Онъ былъ благодаренъ ей, го она придумала эту среднюю мѣру, этотъ полуразрывъ, при которомъ она найдетъ новую привычку къ труду, столь чуждому я безпечной натурѣ; и отеческимъ тономъ старика онъ напалъ ей на другой день, ободряя ее въ принятомъ намѣреніи, ыражая безпокойство относительно приличности того отеля, которымъ она управляла, и посѣщавшей его публики, такъ какъ нъ не довѣрялъ ея снисходительности и той легкости, съ кото-

удивительнаго, если интересы его и работника-хозяина не всегда совпадаютъ и удовлетворить одной сторонѣ можно только въ ущербъ другой. Поэтому лѣтній наемный заработокъ, если онъ даже нѣсколько превышаетъ доходъ отъ аренды, для земледѣльца все таки менѣе привлекателенъ, чѣмъ послѣдняя. Работа на арендованномъ полѣ есть продолженіе его труда на собственномъ участкѣ; то и другое вмѣстѣ составляютъ одинъ хозяйственный оборотъ. Работа же на сторонѣ есть нѣчто совершенно иное, обыкновенно идущее въ разрѣзъ съ интересами хозяйства.

Наконецъ, весьма вѣроятно, что во всемъ этомъ явленіи не послѣднюю роль играютъ и нравственные мотивы: можетъ быть, крестьянинъ готовъ на матеріальныя потери, лишь бы сохранить нравственныя выгоды, связанныя съ положеніемъ самостоятельнаго хозяина. „Быть хозяиномъ", а не „работникомъ" или „холопомъ"—это идеалъ каждаго сельскаго жителя Нѣжинскаго уѣзда. Высшая похвала относительно хозяина, произносимая не безъ нѣкоторой зависти, заключается въ томъ, что онъ имѣетъ возможность постоянно работать надъ землею. Поэтому онъ такъ жадно стремится къ арендѣ; «вотъ почему и въ панскихъ имѣніяхъ вся система хозяйства построена на скопщинѣ, т. е. раздачѣ исполу и пахатныхъ, и сѣнокосныхъ угодій».

Мы, пожалуй, готовы согласиться и съ тѣмъ положеніемъ, что предѣлъ уступокъ, на какія способенъ крестьянинъ въ интересахъ своего хозяина, уже близокъ или даже перейденъ, и что дальнѣйшее повышеніе арендной платы въ губерніи (или, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ ея частяхъ) не пройдетъ безнаказанно для его хозяйственной самостоятельности. Какую форму приметъ тогда земледѣльческое производство—угадать не беремся; мы можемъ только утверждать, что положеніе вещей, созданное интенсивнымъ стремленіемъ мелкаго хозяина къ поддержанію своей самостоятельности, если и сдѣлалось уже способнымъ оказать на него противоположное вліяніе, то оно еще менѣе благопріятно для капиталистическаго хозяйства; ибо земля оказывается до того обремененной арендной платой, что ей уже не въ моготу выносить другія издержки, связанныя съ такой системой производства. Вѣроятно, именно этой причинѣ мы обязаны тѣмъ обстоятельствомъ, что въ черноземномъ районѣ Козелецкаго уѣзда (о которомъ есть детально разработанныя свѣдѣнія и къ которому относятся вышеприведенныя данныя о способѣ обработки земли арендующими землю крестьянами и обходящимися безъ такой аренды), аренда земли надъ сдачей ея преобладаетъ лишь въ группахъ крестьянъ и казаковъ, собственные участки которыхъ не превышаютъ 13 десятинъ на дворъ; въ слѣдующихъ же группахъ (13—50 дес. на 1 дворъ) отдача земли значительно превышаетъ ея аренду *) и только въ группѣ съ земле-

*) Укажемъ кстати на ошибку въ таблицѣ, помѣщенной на 156 страницѣ т. V. Въ графѣ 7 для 9 группы показано количество арендованной земли 2,050 десят., между

ладѣніемъ выше 50 дес. на дворъ первая нѣсколько уступаетъ послѣдней. Но здѣсь изъ 3 домохозяевъ, арендующихъ 470 десятинъ, двое (нанимающіе 410 дес.) показаны обработывающими землю своимъ скотомъ и сдающими ее (причемъ одинъ изъ нихъ, имѣющій собственной земли 72 дес. и арендованной 268 дес., сдаетъ ее, вѣроятно, почти всю, такъ какъ самъ держитъ только 1 штуку рабочаго скота). Это значитъ, что часть угодій, находящихся въ ихъ распоряженіи, они эксплуатируютъ не путемъ ея обработки, а сдачею мелкимъ съемщикамъ; т. е. эти два двора, вѣроятно, принадлежатъ къ тѣмъ посредникамъ, о которыхъ мы говорили выше и которые нанимаютъ помѣщичьи земли съ тѣмъ, чтобы передавать ихъ мелкимъ хозяевамъ. Борзенскій статистикъ тоже утверждаетъ, что «богатые казаки чаще всего предпочитаютъ сдавать землю изъ доли урожая и употреблять свободное время на различныя торговыя операціи» (с. 94). Въ Зеньковскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, «многіе земельные казаки по одиночкѣ или товариществами занимаются арендой помѣщичьихъ имѣній, частью для обработки земли за свой счетъ семейными и наемными рабочими, частью для раздачи ея по мелочамъ малоземельнымъ съемщикамъ». Даже крупные владѣльцы, хозяйничающіе на собственной землѣ, устраняются отъ производства, благодаря высокимъ арендным цѣнамъ: такъ, въ Зеньковскомъ уѣздѣ, «чѣмъ большая доля урожая отходитъ владѣльцу при скопщинѣ, тѣмъ менѣе относительное пространство экономическей запашки». Впрочемъ, полукапиталистическое крестьянское хозяйство не вовсе отсутствуетъ въ губерніи; но такъ какъ по условіямъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, оно не можетъ дать большихъ выгодъ, если будетъ вестись на обыкновенномъ комерческомъ основаніи (наймомъ рабочихъ по нормальнымъ рыночнымъ цѣнамъ), то здѣсь оно принимаетъ кулацкую форму, строится на кабалѣ, на принужденіи рабочаго тѣмъ или другимъ способомъ отдавать свой трудъ даромъ или за ничтожное вознагражденіе. Теперь было бы всего удобнѣе перейти къ обозрѣнію формъ наемнаго земледѣльческаго труда въ разсматриваемыхъ губерніяхъ; но чтобы не возвращаться больше къ арендным цѣнамъ, скажемъ нѣсколько словъ о практическихъ выводахъ, какіе строятъ черниговскіе статистики на собранномъ ими матеріалѣ для оцѣнки доходности земли съ цѣлью ея обложенія.

Опредѣлить чистый доходъ отъ земли можно двумя способами: вычисляя его на основаніи средней урожайности разныхъ угодій и стоимости обработки полей, или обращаясь прямо къ арендной платѣ и считая таковую именно за чистый доходъ, даваемый земледѣліемъ. Черниговскіе статистики предпочитаютъ второй способъ, по той причинѣ, что чистый доходъ здѣсь дается непосредственно, тогда

тѣмъ какъ, провѣряя эту цифру на основаніи данныхъ с. 152—153 оказывается, что вмѣсто нея должно быть 250. Сообразно этому, преувеличенъ и общій итогъ земли, арендуемой всѣми группами.

какъ въ первомъ случаѣ его нужно опредѣлить вычисленіемъ, основываясь на данныхъ, не вполнѣ отвѣчающихъ дѣйствительности, въ силу крайняго разнообразія явленій, приблизительнымъ выраженіемъ которыхъ они служатъ. Черниговское же уѣздное земское собраніе въ сессію 1879 года приняло, напротивъ того, этотъ неодобряемый статистиками способъ вычисленія. Но какое бы мнѣніе ни восторжествовало, во всякомъ случаѣ избранный методъ опредѣленія чистаго дохода земли не можетъ быть одинаково прилагаемымъ къ владѣльческимъ и крестьянскимъ землямъ. Ибо, какъ мы это видѣли выше, при существующихъ арендныхъ цѣнахъ крестьянская земля несетъ на себѣ двоякаго рода расходы: во-первыхъ, стоимость обработки ея самой, во-вторыхъ, часть расходовъ на арендуемую землю. Но мы видѣли также, что послѣдняя необходима для крестьянскаго хозяйства, слѣдовательно, расходы, связанные съ ея арендованіемъ, должны быть причислены къ тратамъ на собственное хозяйство крестьянина, почему чистый доходъ съ десятины его участка, при остальныхъ сходныхъ условіяхъ, долженъ быть признанъ меньше того, какой имѣетъ крупный владѣлецъ. Впрочемъ, Борзенское земское собраніе поступило еще осмотрительнѣе: въ сессію 1878 года оно постановило обложить владѣнія выше 20 десятинъ вдвое бо́льшимъ процентомъ, чѣмъ маленькіе участки, и, при оцѣнкѣ доходности земель, къ числу издержекъ производства вносить выкупные платежи. Однако, не смотря на то, что большинство собранія, высказавшееся за этотъ предметъ, принадлежало именно къ группѣ владѣльцевъ, имѣющихъ выше 20 десятинъ, губернаторъ опротестовалъ постановленіе собранія, и съ его протестомъ согласился сенатъ.

Выше мы видѣли, что скопщина, кромѣ хорошаго дохода землевладѣльцу, даетъ ему еще и руки для обработки той части полей, которую онъ оставляетъ въ своемъ распоряженіи, вѣроятно, для поддержанія престижа капитализма. А гдѣ басаринокъ для этого не хватаетъ, тамъ онъ прибѣгаетъ къ прямому найму; къ нему же обращаются и крестьяне, когда собственныхъ силъ недостаточно для обработки полей. Главнѣйшія земледѣльческія операціи, это—пашня съ посѣвомъ и уборка растеній. Такъ какъ послѣдняя требуетъ гораздо бо́льшаго числа рукъ, чѣмъ первая, то къ помощи наемнаго труда при уборкѣ хлѣба должны прибѣгать и тѣ мелкіе хозяева, которые запахиваютъ много земли, хотя бы и силами только своей семьи. Напротивъ того, бѣднѣйшіе крестьяне, не бросающіе однако хлѣбопашества, могутъ сами убрать хлѣбъ на 2—3 десятинахъ своего посѣва, но, будучи лишены рабочаго скота, вынуждены прибѣгать къ найму въ другихъ земледѣльческихъ операціяхъ. Такимъ образомъ, въ Черниговской губерніи наемъ на обработку полей практикуется главнымъ образомъ бѣдными крестьянами, а на уборку ихъ—средними и зажиточными. Благодаря супрягѣ, вспахать поле безъ помощи найма можетъ и очень бѣдный земледѣлецъ, почему этотъ родъ заработка распространенъ гораздо меньше, чѣмъ наемъ для уборки хлѣбовъ. Господствующая форма найма въ этомъ послѣднемъ случаѣ—такъ-назы-

влекла за собою бѣлокурую Марту, кроткую, слабохарак-
, похожую на свою мать и брата.

какъ надоѣдали ему эти невинныя ласки дѣтей въ то вре-
ъ онъ погружался въ свои воспоминанія, упиваясь кокетли-
апахомъ письма своей возлюбленной!

Нѣтъ, оставьте меня... мнѣ нужно работать...

ъ возвращался домой съ цѣлью запереться у себя въ комна-
голосъ отца звалъ его:

Это ты, Жанъ?.. Послушай-ка...

чта приносила новые поводы къ угрюмости этого человѣ-
езъ того мрачнаго по натурѣ, сохранившаго отъ жизни на Во-
привычку молчаливой важности, прерываемой внезапными
инаніями... о консульствѣ въ Гонъ-Конгѣ, сверкавшими,
искры въ большомъ кострѣ.

ушая, какъ отецъ читалъ утреннія газеты и обсуждалъ про-
ное, Жанъ смотрѣлъ на стоящую на каминѣ статую Сафо,
ы Каудаля, съ руками, сложенными на колѣняхъ, съ лирою
ногъ; бронза эта была куплена двадцать лѣтъ тому назадъ,
время когда украшался Кастелэ, и эта продажная статуя,
оторой ему дѣлалось тошно, когда онъ смотрѣлъ на нее въ
скихъ витринахъ, здѣсь, въ его уединеніи, наводила на
юбовную истому, желаніе цѣловать эти плечи, разнять эти
ныя, гладкія руки, заставить сказать ее: «Я—Сафо для тебя, и
о для тебя одного»!

скушающій образъ поднимался, лишь только онъ выходилъ
омнаты, шелъ вслѣдъ за нимъ, удваивая шумъ его шаговъ
льшой, роскошной лѣстницѣ. Имя Сафо отбивалось маятни-
старинныхъ часовъ, нашептывалось вѣтромъ въ большихъ
орахъ, холодныхъ и вымощенныхъ камнемъ; это-же имя
илъ онъ во всѣхъ книгахъ ихъ деревенской библіотеки, ста-
томахъ съ красными обрѣзами, сохранившихъ между своими
ицами крошки отъ его дѣтскихъ завтраковъ. И это неотвяз-
воспоминаніе о возлюбленной преслѣдовало его даже въ
тѣ матери, гдѣ Дивонна причесывала больную, подымая ея
асные волосы надъ этимъ лицомъ, которое казалось спо-
мъ и розовымъ, не смотря на постоянныя страданія.

— А, вотъ и нашъ Жанъ, говорила мать.

Но со своей голой шеей, маленькимъ личикомъ и р
засученными для этого туалета, ею одною исполняемаг
напоминала ему иныя побужденія, вызывала предъ н
ва образъ его любовницы, соскакивающей съ кровати въ
дыма первой папироски. Онъ злился на себя за подобныя
въ особенности въ этой комнатѣ! Но что-же сдѣлать, что
виться отъ нихъ?

— Дитя наше уже не прежнее, сестра,—грустно
г-жа Госсенъ.—Что съ нимъ?..

И онѣ вмѣстѣ отыскивали причину. Дивонна лом
этимъ голову; ей хотѣлось разспросить молодаго человѣка
залось, онъ убѣгалъ отъ нея, уклонялся оставаться съ
единѣ.

Однажды, подстерегши его, она явилась къ нему въ
въ то время какъ онъ охваченъ былъ лихорадкою от
своихъ писемъ, отъ дурныхъ мечтаній. Онъ поднялся, нах
Она остановила его, сѣвъ рядомъ съ нимъ на теплый к

— Ты, значитъ, не любишь меня больше?... значитъ,
не твоя Дивонна, которой ты разсказывалъ всѣ свои м

— О, напротивъ, напротивъ, бормоталъ онъ, взволн
ея нѣжностью и отворачивая глаза, чтобъ она не могла
въ нихъ чего нибудь изъ того, что онъ только что проче
зывовъ любви, восклицаній страсти, принесшихся къ не
пространство.

— Что съ тобою?.. Отчего ты такъ грустенъ?.. шеп
вонна, лаская его, какъ ребенка. Это былъ отчасти ея с
оставался для нея десятилѣтнимъ, въ томъ возрастѣ, ко
ципируютъ мальчиковъ.

Уже разгоряченный своимъ чтеніемъ, онъ еще болѣ
дался волнующей прелестью этого прекраснаго тѣла, п
шагося такъ близко къ нему, этимъ свѣжимъ ротикомъ, э
томъ лица, оживленнымъ отъ прохладнаго вѣтерка, кат
трепалъ волосы, спустивъ ихъ легкими кудрями на лоб
рижской модѣ. А тутъ еще уроки Сафо: «всѣ женщины оди
при видѣ мужчины, у нихъ одна мысль въ головѣ»... заста

находить вызывающими и улыбку крестьянки, и ея жесть, которымъ она удержала его.

Вдругъ онъ почувствовалъ головокруженіе отъ сильныхъ ощущеній, и усилія, которыя онъ дѣлалъ, чтобы удержаться отъ нихъ, заставили его конвульсивно вздрагивать. Дивонна испугалась, видя его такимъ блѣднымъ, со стучащими зубами.

— Ахъ, бѣдняжка, у него лихорадка!.. Необдуманнымъ движеніемъ нѣжности, она развязала большую косынку, надѣтую на ней, чтобы обвязать его шею; но вдругъ, схваченная и обнятая имъ, она почувствовала жаръ безумныхъ поцѣлуевъ на затылкѣ, на обнаженныхъ плечахъ, блестѣвшихъ подъ лучами солнца. Она не имѣла времени ни закричать, ни защищаться... можетъ быть, она не сознавала даже ясно того, что произошло.

— О, я безумецъ, безумецъ!.. воскликнулъ онъ и убѣжалъ по тропинкѣ, камни которой зловѣще катились изъ подъ его ногъ.

Въ этотъ же день, за завтракомъ Жанъ объявилъ, что уѣдетъ въ тотъ-же вечеръ, такъ какъ онъ получилъ приказъ отъ министра.

— Какъ, ты уже уѣзжаешь?.. Ты говорилъ... но вѣдь ты только что пріѣхалъ...

И начались мольбы и упрашиванія. Но онъ уже не могъ болѣе оставаться съ ними, такъ какъ во всѣ ихъ нѣжныя ласки вторгалось волнующее и развращающее вліяніе Сафо. Впрочемъ, развѣ не принесъ онъ для нихъ самую большую жертву, отказываясь отъ совмѣстной жизни вдвоемъ? Полный разрывъ окончательно воспослѣдуетъ немного позже, и онъ возвратится тогда, чтобы любить безъ стыда и стѣсненія всѣхъ этихъ добрыхъ людей.

Была ночь; всѣ въ домѣ уже улеглись и огни были потушены, когда Цезарь возвратился, проводивъ своего племянника на Авиньонскій поѣздъ. Засыпавъ овса лошади и изслѣдовавъ небо тѣмъ взоромъ, которымъ земледѣльцы предузнаютъ погоду, онъ собирался войти въ домъ, какъ вдругъ замѣтилъ бѣлую фигуру на одной изъ скамеекъ террасы.

— Это ты, Дивонна?

— Да, я ждала тебя...

Сильно занятая въ теченіе цѣлаго дня, разлученная съ Фенатомъ, котораго обожала, она часто сходилась съ нимъ вече-

и такимъ образомъ составляютъ сборный плугъ, которымъ обрабатываютъ участки другъ друга поочередно. Этимъ путемъ сдѣлалось возможнымъ существованіе такихъ мелкихъ хозяйствъ, которыя иначе неминуемо должны были бы уничтожиться, а представители ихъ—превратиться въ наемниковъ.

Хотя, при помощи супряги, черниговскій крестьянинъ и избѣжалъ необходимости держать непремѣнно четыре-восемь штукъ рабочаго скота и создалъ себѣ возможность въ крайнемъ случаѣ ограничиться, по примѣру своего великорусскаго собрата, одной-двумя штуками, тѣмъ не менѣе, въ общемъ, малороссійское крестьянское хозяйство должно имѣть все-таки больше рабочаго скота, чѣмъ великороссійское. Это потому, что чѣмъ меньше скота имѣетъ крестьянинъ, тѣмъ больше неудобствъ испытываетъ онъ при супрягѣ. Такъ напримѣръ, чтобы образовать плугъ, одноконнымъ хозяевамъ нужно соединиться четыремъ-восьмерымъ человѣкамъ; весьма вѣроятно, что въ такую группу войдетъ скотъ разнаго достоинства—сильный и слабый—отчего выгоды одного хозяина будутъ принесены въ жертву слабости другаго. Затѣмъ поле однихъ вспашется раньше, другихъ—позже, что̀ иногда отразится на урожаѣ хлѣба; наконецъ, чѣмъ больше лицъ соединятся въ супрягѣ, тѣмъ возможнѣе споры и раздоры («ты богато мого зализа стеръ», «ты мою палицю зломывъ» и т. д.). Потому, не смотря на то, что супряга остается господствующимъ способомъ обработки полей въ Черниговской губерніи, каждый крестьянинъ тѣмъ не менѣе стремится имѣть возможно больше скота: кто не въ силахъ содержать полный плугъ, старается хоть приблизиться къ этому идеалу. Сказанное подтверждается и прямымъ сравненіемъ Черниговской губерніи и Великороссіи въ отношеніи числа дворовъ съ одной штукой рабочаго скота и нѣсколькими. Необходимыя данныя почерпнуты нами изъ подворныхъ переписей, сдѣланныхъ земствами, или изъ военно-конскихъ переписей:

	Число дворовъ съ 1 шт. раб. ск. въ %.	Число дворовъ съ 2 и болѣе шт. раб. скота въ %.	Отношеніе ихъ другъ къ другу.
Орловская губ. (1 уѣздъ).	33	43	1,3
Симбирская губ. (1 уѣздъ).	39	30	ок. 1
Тамбовская губ. (2 уѣзда).	27	50	1,9
Рязанская губ.	26	48	1,9
Курская губ. (1 уѣздъ). .	21	50	2,4
Черниговская г. (1 уѣздъ).	16	51	3,2*)

*) Въ таблицахъ по Зеньковскому уѣзду Полтавской губ. дворы съ одной штукой рабочаго скота не строго отграничены отъ остальныхъ, почему мы и не приводимъ здѣсь этого уѣзда.

— Да, наконецъ, они уже не живутъ больше вмѣстѣ; это егда такъ...

Тогда она сказала серьезнымъ тономъ:

— Послушай, Цезарь! Ты знаешь, какъ говорится у насъ: ɔсчастіе длится всегда долѣе того, что̀ его рождаетъ... Если ɪзсказанное тобою — дѣйствительно правда, если Жанъ вы-ɪщилъ эту женщину изъ грязи, то онъ, быть можетъ, самъ за-ачкался, исполняя это грустное дѣло. Весьма можетъ быть, что нъ сдѣлалъ ее лучшею, болѣе честною, но—ка̀къ знать?—то дур-ое, что̀ заключалось въ ней, не испортило-ли нашего ребенка ɔо самаго сердца!

Они возвратились на террасу. Тихая, прозрачная ночь царила адо всей молчаливой долиной, въ которой живымъ представлялся олько скользящій свѣтъ луны, серебрившій рѣку и поверхность рудовъ. Грудь дышала покоемъ, удаленіемъ ото всего, мирнымъ гдыхомъ сна безъ грезъ. Вдругъ поѣздъ, проходившій по берегу оны, загудѣлъ своимъ глухимъ шумомъ, пролетая на всѣхъ арахъ.

— О, этотъ Парижъ, сказала Дивонна, грозя кулакомъ не-ɪдимому врагу, на котораго провинція изливаетъ весь свой гнѣвъ.. готъ Парижъ!.. Что̀ ему даютъ и что̀ онъ возвращаетъ назадъ!..

(*Продолженіе будетъ*).

Роль арендной земли въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

(*Окончаніе*).

II.

Предъидущую статью мы закончили вопросомъ: что заставляетъ крестьян арендовать землю, приносящую имъ, повидимому, одинъ только убытокъ?

Еслибы подобный вопросъ задать дисненскому предводителю дворянства еще недавно такъ краснорѣчиво убѣждавшему крестьянъ въ томъ, что земли у нихъ вполнѣ достаточно, или, еще лучше, г. Гомилевскому, одному изъ сотрудниковъ различныхъ ученыхъ изданій (см. его работу въ Тр. ком. по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи, вып. VIII), то они, вѣроятно, отвѣтили бы, что крестьяне арендуютъ землю по одному лишь недоразумѣнію, ибо, напримѣръ, по разсчету г. Гомилевскаго, крестьяне Херсонской губерніи даже съ своихъ собственныхъ земель получаютъ меньше, чѣмъ они заработали бы, нанявшись къ землевладѣльцамъ. А вѣдь собственная земля несетъ меньше платежей, чѣмъ арендованная! Однако, основательны-ли подобныя утвержденія и руководствуется-ли крестьянинъ, въ самомъ дѣлѣ, только собственной глупостью и рутиной, избѣгая наемнаго заработка и держась за свое хозяйство?

Всякій, вѣроятно, согласится съ тѣмъ, что заработная плата въ Россіи вообще крайне низка, но и она не падаетъ еще ниже лишь потому, что масса крестьянства устраняется отъ наемнаго заработка, что предложеніе труда на рынкѣ, благодаря стремленію народа по возможности больше запахать на свой страхъ, сравнительно невелико. А что выйдетъ, если крестьянинъ сократитъ самостоятельное хозяйство и бо́льшую часть своего времени отдастъ наемному труду—можно видѣть на примѣрѣ центральныхъ черноземныхъ губерній; тамъ положеніе мелкаго земледѣльца до нѣкоторой степени приближается къ подобному идеалу, и тамъ же заработная плата—и безъ того самая низкая въ Россіи—умудряется еще уменьшиться на 30—50%, благодаря способу такъ называемой зимней наемки. Мы не въ состояніи математически *опредѣлить* степень вліянія, оказываемаго величиной заработной платы въ

Россіи на воздержаніе крестьянина отъ наемнаго заработка и на его привязанность къ собственному хозяйству; мы можемъ только съ большой вѣроятностью предположить, что ему неоднократно приходилось собственнымъ опытомъ испытывать дѣйствіе закона зависимости заработной платы отъ размѣровъ предложенія труда, и что онъ убѣжденъ въ постоянствѣ и непрочности существующаго уровня ея. Поэтому, въ настоящее время, когда отъ него зависитъ выбирать между наемнымъ и самостоятельнымъ трудомъ или комбинировать оба, сообразуясь съ обстоятельствами минуты, возможность заработать много (!), въ качествѣ батрака, не ослѣпляетъ его насчетъ общаго значенія заработка у себя и по найму, и перспектива, ожидающая батрака pur sang рисуется его воображенію достаточно ясно и не особенно привлекательно. Итакъ, мы можемъ сказать, что существующія условія наемнаго труда въ Россіи таковы, что даже высокая заработная плата, вмѣсто того, чтобы отрывать крестьянина отъ земли, какъ бы этого слѣдовало ожидать на основаніи обыкновеннаго коммерческаго разсчета, способна, напротивъ того, укрѣпить его связь съ нею. Зная свойства доходовъ, которыми его прельщаютъ предводитель дворянства вкупѣ съ г. Гомилевскимъ, мелкій земледѣлецъ еще сильнѣе ухватится за свое хозяйство, еще больше будетъ дорожить имъ. Спрашивается, поэтому, есть-ли въ положеніи черниговскаго земледѣльца такія условія, которыя бы требовали отъ него жертвоприношеній, подъ угрозой въ противномъ случаѣ разрушить его хозяйственную самостоятельность и связанное съ нею относительное благополучіе? И аренда чужихъ земель, въ большинствѣ случаевъ не покрывающая расходовъ производства, не есть-ли именно такая жертва, необходимая по условіямъ собственнаго крестьянскаго хозяйства?

Малороссійское хозяйство отличается отъ обычнаго великороссійскаго тѣмъ, что пашущее орудіе требуетъ здѣсь запряжки не одной, какъ въ послѣднемъ, а 4—8 штукъ рабочаго скота. А такъ какъ стоимость содержанія послѣдняго падаетъ на хозяйство, то дабы окупить издержки производства, минимальные размѣры крестьянскаго хозяйства въ Малороссіи должны быть больше таковыхъ же великорусскихъ. Если, напримѣръ, въ Великороссіи три десятины запашки есть наименьшій размѣръ ея, при которомъ стоитъ еще держать лошадь, то въ мѣстности, гдѣ работаютъ восьмью лошадьми, принимая даже, что урожай отъ этого повышается вдвое, размѣры запашки домохозяина все таки должны быть не ниже 12-ти десятинъ. Слѣдовало ожидать поэтому, что въ Малороссіи мелкое крестьянское хозяйство вовсе уничтожится, и земельная организація приметъ характеръ нѣмецкій, съ его полными крестьянскими хозяевами съ одной стороны и безземельными батраками—съ другой. Но русскій народъ избѣгнулъ такой перспективы, при помощи очень простаго пріема: бѣдные земледѣльцы, не имѣющіе достаточнаго количества скота, соединяются вмѣстѣ

и такимъ образомъ составляютъ сборный плугъ, которымъ обрабатываютъ участки другъ друга поочередно. Этимъ путемъ сдѣлалось возможнымъ существованіе такихъ мелкихъ хозяйствъ, которыя иначе неминуемо должны были бы уничтожиться, а представители ихъ—превратиться въ наемниковъ.

Хотя, при помощи супряги, черниговскій крестьянинъ и избѣжалъ необходимости держать непремѣнно четыре-восемь штукъ рабочаго скота и создалъ себѣ возможность въ крайнемъ случаѣ ограничиться, по примѣру своего великорусскаго собрата, одной-двумя штуками, тѣмъ не менѣе, въ общемъ, малороссійское крестьянское хозяйство должно имѣть все-таки больше рабочаго скота, чѣмъ великороссійское. Это потому, что чѣмъ меньше скота имѣетъ крестьянинъ, тѣмъ больше неудобствъ испытываетъ онъ при супрягѣ. Такъ напримѣръ, чтобы образовать плугъ, одноконнымъ хозяевамъ нужно соединиться четыремъ-восьмерымъ человѣкамъ; весьма вѣроятно, что въ такую группу войдетъ скотъ разнаго достоинства—сильный и слабый—отчего выгоды одного хозяина будутъ принесены въ жертву слабости другаго. Затѣмъ поле однихъ вспашется раньше, другихъ—позже, что̀ иногда отразится на урожаѣ хлѣба; наконецъ, чѣмъ больше лицъ соединятся въ супрягѣ, тѣмъ возможнѣе споры и раздоры («ты богато мого зализа стеръ», «ты мою палицю зломывъ» и т. д.). Потому, не смотря на то, что супряга остается господствующимъ способомъ обработки полей въ Черниговской губерніи, каждый крестьянинъ тѣмъ не менѣе стремится имѣть возможно больше скота: кто не въ силахъ содержать полный плугъ, старается хоть приблизиться къ этому идеалу. Сказанное подтверждается и прямымъ сравненіемъ Черниговской губерніи и Великороссіи въ отношеніи числа дворовъ съ одной штукой рабочаго скота и нѣсколькими. Необходимыя данныя почерпнуты нами изъ подворныхъ переписей, сдѣланныхъ земствами, или изъ военно-конскихъ переписей:

	Число дворовъ съ 1 шт. раб. ск. въ %.	Число дворовъ съ 2 и болѣе шт. раб. скота въ %.	Отношеніе ихъ другъ къ другу.
Орловская губ. (1 уѣздъ).	33	43	1,3
Симбирская губ. (1 уѣздъ).	39	30	ок. 1
Тамбовская губ. (2 уѣзда).	27	50	1,9
Рязанская губ.	26	48	1,9
Курская губ. (1 уѣздъ). .	21	50	2,4
Черниговская г. (1 уѣздъ).	16	51	3,2*)

*) Въ таблицахъ по Зеньковскому уѣзду Полтавской губ. дворы съ одной штукой рабочаго скота не строго отграничены отъ остальныхъ, почему мы и не приводимъ *здѣсь этого уѣзда.*

владѣніемъ выше 50 дес. на дворъ первая нѣсколько уступаетъ послѣдней. Но здѣсь изъ 3 домохозяевъ, арендующихъ 470 десятинъ, двое (нанимающіе 410 дес.) показаны обрабатывающими землю своимъ скотомъ и сдающими ее (причемъ одинъ изъ нихъ, имѣющій собственной земли 72 дес. и арендованной 268 дес., сдаетъ ее, вѣроятно, почти всю, такъ какъ самъ держитъ только 1 штуку рабочаго скота). Это значитъ, что часть угодій, находящихся въ ихъ распоряженіи, они эксплуатируютъ не путемъ ея обработки, а сдачею мелкимъ съемщикамъ; т. е. эти два двора, вѣроятно, принадлежатъ къ тѣмъ посредникамъ, о которыхъ мы говорили выше и которые нанимаютъ помѣщичьи земли съ тѣмъ, чтобы переотдавать ихъ мелкимъ хозяевамъ. Борзенскій статистикъ тоже утверждаетъ, что «богатые казаки чаще всего предпочитаютъ сдавать землю изъ доли урожая и употреблять свободное время на различныя торговыя операціи» (с. 94). Въ Зеньковскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, «многіе земельные казаки по одиночкѣ или товариществами занимаются арендой помѣщичьихъ имѣній, частью для обработки земли за свой счетъ семейными и наемными рабочими, частью для раздачи ея по мелочамъ малоземельнымъ съемщикамъ». Даже крупные владѣльцы, хозяйничающіе на собственной землѣ, устраняются отъ производства, благодаря высокимъ арендным цѣнамъ: такъ, въ Зеньковскомъ уѣздѣ, «чѣмъ большая доля урожая отходитъ владѣльцу при скопщинѣ, тѣмъ менѣе относительное пространство экономической запашки». Впрочемъ, полукапиталистическое крестьянское хозяйство не вовсе отсутствуетъ въ губерніи; но такъ какъ по условіямъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, оно не можетъ дать большихъ выгодъ, если будетъ вестись на обыкновенномъ комерческомъ основаніи (наймомъ рабочихъ по нормальнымъ рыночнымъ цѣнамъ), то здѣсь оно принимаетъ кулацкую форму, строится на кабалѣ, на принужденіи рабочаго тѣмъ или другимъ способомъ отдавать свой трудъ даромъ или за ничтожное вознагражденіе. Теперь было бы всего удобнѣе перейти къ обозрѣнію формъ наемнаго земледѣльческаго труда въ разсматриваемыхъ губерніяхъ; но чтобы не возвращаться больше къ арендным цѣнамъ, скажемъ нѣсколько словъ о практическихъ выводахъ, какіе строятъ черниговскіе статистики на собранномъ ими матеріалѣ для оцѣнки доходности земли съ цѣлью ея обложенія.

Опредѣлить чистый доходъ отъ земли можно двумя способами: вычисляя его на основаніи средней урожайности разныхъ угодій и стоимости обработки полей, или обращаясь прямо къ арендной платѣ и считая таковую именно за чистый доходъ, даваемый земледѣліемъ. Черниговскіе статистики предпочитаютъ второй способъ, по той причинѣ, что чистый доходъ здѣсь дается непосредственно, тогда

тѣмъ какъ, провѣряя эту цифру на основаніи данныхъ с. 152—153 оказывается, что вмѣсто нея должно быть 250. Сообразно этому, преувеличенъ и общій итогъ земли, арендуемой всѣми группами.

ющую часть дохода, но и бо́льшую или меньшую долю своей хозяйственной устойчивости: почва подъ нимъ колеблется, промыселъ разрушается, и онъ опускается на низшую ступень хозяйственной самостоятельности. Если наши соображенія вѣрны, то они должны найти себѣ подтвержденіе въ явленіяхъ дѣйствительной жизни. Коль скоро аренда чужой земли возвышаетъ хозяйственную самостоятельность крестьянина, то въ группахъ домохозяевъ съ тѣмъ же размѣромъ землевладѣнія арендующіе чужія угодья должны въ этомъ отношеніи занимать высшую ступень сравнительно съ неарендующими.

Посмотримъ, такъ-ли это въ дѣйствительности.

Для провѣрки своего заключенія, мы можемъ воспользоваться единственно данными подворной переписи Козелецкаго уѣзда, такъ какъ только здѣсь собранныя свѣдѣнія объ отдѣльныхъ дворахъ сгруппированы по важнѣйшимъ экономическимъ факторамъ, къ числу которыхъ, между прочимъ, относится размѣръ землевладѣнія, аренда земли и способъ ея обработки. О хозяйственной самостоятельности группы мы будемъ судить по тому, какимъ образомъ ея члены (по способу обработки своей и арендованной земли) распредѣляются между нанимающими чужой скотъ, пашущими супрягой и исключительно собственнымъ скотомъ. Чѣмъ большій процентъ выпадаетъ на долю перваго способа обработки и меньшій—на послѣдній, тѣмъ, значитъ, неустойчивѣе хозяйственная самостоятельность группы, и наоборотъ. Для сравненія мы возьмемъ 4 группы съ землевладѣніемъ отъ 1 до 13 десятинъ; крестьяне, имѣющіе большіе участки, намъ не интересны, ибо они принадлежатъ уже къ разряду зажиточныхъ и одно собственное землевладѣніе способно придать имъ значительную хозяйственную устойчивость. Въ каждой группѣ мы будемъ сравнивать крестьянъ, имѣющихъ рабочій скотъ, слѣдовательно, ведущихъ хозяйство.

Количество земли на дворъ.		Дворы аренд. земли.	Не аренд. и не отдающіе своей.
		Въ процентахъ.	
1 — 3 дес.	обработ. земли наймомъ скота . .	9,6	50
	» » супрягой	79,4	42
	» » своимъ скотомъ. .	11	8
3 — 5 дес.	» » наймомъ скота . .	4,4	34,6
	» » супрягой	79,9	57,4
	» » своимъ скотомъ .	15,7	8
5 — 9 дес.	» » наймомъ скота . .	12	18
	» » супрягой	51,4	67,6
	» » своимъ скотомъ .	36,6	14,4
9—13 дес.	» » наймомъ скота . .	0	10
	» » супрягой	29	40
	» » своимъ скотомъ .	71	50

Повсюду мы замѣчаемъ одно и то же явленіе: домохозяева, арендующіе *землю, рѣже прибѣгаютъ* къ найму скота и чаще обрабатываютъ ее исключи-

ельно собственнымъ инвентаремъ, по сравненію съ тѣми, которые ограничи-ваются своимъ надѣломъ. А такъ какъ количество арендуемой первыми земли составляетъ отъ 25 до 200 и даже 300% собственныхъ участковъ крестьянъ, то и выходитъ, что хозяева, устраняющіеся отъ аренды, труднѣе справляются съ количествомъ земли въ 2—3 раза меньшимъ того, какое обработываютъ крестьяне, нанимающіе чужія угодья. Особенно ясно это видно на группахъ съ низшимъ землевладѣніемъ. Такъ, часть группы съ 1—3 десятинами, нанимающая землю (по 3,2 дес. на дворъ), запахиваетъ своихъ и арендованныхъ угодій слишкомъ вдвое больше, чѣмъ другая часть группы, устраняющаяся отъ аренды; и не смотря на это, лишь 9,6% ея членовъ вынуждены прибѣгать къ найму скота, а 90% слишкомъ обработываютъ землю совершенно самостоятельно или супрягой; изъ той же части группы, которая не прибѣгаетъ къ арендѣ, половина домохозяевъ не можетъ справиться со вдвое-втрое меньшей запашкой. Читатель видитъ, насколько хозяйственная самостоятельность послѣднихъ ниже первыхъ, и какую силу придаетъ крестьянину возможность, въ дополненіе къ собственной запашкѣ, присоединить арендованную. Немудрено, что онъ готовъ для этого на всякія жертвы.

Читатель, можетъ быть, замѣтитъ, что если даже черниговскій земледѣлецъ и готовъ на всякія жертвы, лишь бы арендовать землю, но все имѣетъ свой предѣлъ, и въ данномъ случаѣ онъ чуть-ли уже не перейденъ. Ибо, если арендуемая пашня даетъ крестьянину одинъ только убытокъ, то, значитъ, она не выполняетъ своего назначенія: взять на себя часть издержекъ по содержанію инвентаря, и въ такомъ случаѣ аренда теряетъ свой raison d'être. На это мы отвѣтимъ, что еслибы крестьянинъ всѣ расходы по обработкѣ уплачивалъ наличными деньгами, то, дѣйствительно, продолжать такое хозяйство у него не было бы возможности; но такъ какъ съ землею онъ управляется собственными силами, то описанное положеніе дѣлъ приводитъ лишь къ тому, что за трудъ, приложенный къ своему хозяйству, онъ получаетъ меньше его рыночной стоимости; а принимая во вниманіе, что на себя онъ работаетъ съ бо́льшей энергіей, можно допустить, что денежной потери онъ вовсе не несетъ. Однако, все же остается вѣрнымъ положеніе, что значительная часть черниговскихъ крестьянъ имѣютъ отъ арендуемой земли не больше, чѣмъ они получили бы, работая по найму; слѣдовательно, расходы по содержанію инвентаря, нужнаго для собственнаго хозяйства, падаютъ въ сущности не на арендованную землю, а на личный заработокъ, и потому, казалось-бы, крестьянинъ можетъ обойтись безъ аренды, нанимаясь на постороннія работы.

Приведенное разсужденіе имѣло бы нѣкоторый смыслъ въ томъ случаѣ, еслибы крестьянинъ самъ выбиралъ время для наемнаго труда и могъ бы поэтому отдаваться ему безъ ущерба для собственнаго хозяйства. Но такъ какъ въ дѣйствительной жизни временемъ труда распоряжается наниматель, то нѣтъ ничего

удивительнаго, если интересы его и работника-хозяина не всегда совпадают и удовлетворить одной сторонѣ можно только въ ущербъ другой. Поэтому лѣтній наемный заработокъ, если онъ даже нѣсколько превышаетъ доходъ отъ аренды, для земледѣльца все таки менѣе привлекателенъ, чѣмъ послѣдняя. Работа на арендованномъ полѣ есть продолженіе его труда на собственномъ участкѣ; то и другое вмѣстѣ составляютъ одинъ хозяйственный оборотъ. Работа же на сторонѣ есть нѣчто совершенно иное, обыкновенно идущее въ разрѣзъ съ интересами хозяйства.

Наконецъ, весьма вѣроятно, что во всемъ этомъ явленіи не послѣднюю роль играютъ и нравственные мотивы: можетъ быть, крестьянинъ готовъ на матеріальныя потери, лишь бы сохранить нравственныя выгоды, связанныя съ положеніемъ самостоятельнаго хозяина. „Быть хозяиномъ“, а не „работникомъ“ или „холопникомъ“—это идеалъ каждаго сельскаго жителя Нѣжинскаго уѣзда. Высшая похвала относительно хозяина, произносимая не безъ нѣкоторой зависти, заключается въ томъ, что онъ имѣетъ возможность постоянно работать надъ землею. Поэтому онъ такъ жадно стремится къ арендѣ; «вотъ почему и въ панскихъ имѣніяхъ вся система хозяйства построена на скопщинѣ, т. е. раздачѣ исполу пахатныхъ, и сѣнокосныхъ угодій».

Мы, пожалуй, готовы согласиться и съ тѣмъ положеніемъ, что предѣлъ уступокъ, на какія способенъ крестьянинъ въ интересахъ своего хозяина, уже близокъ или даже перейденъ, и что дальнѣйшее повышеніе арендной платы въ губерніи (или, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ ея частяхъ) не пройдетъ безнаказанно для его хозяйственной самостоятельности. Какую форму приметъ тогда земледѣльческое производство—угадать не беремся; мы можемъ только утверждать, что положеніе вещей, созданное интенсивнымъ стремленіемъ мелкаго хозяина къ поддержанію своей самостоятельности, если и сдѣлалось уже способнымъ оказать на него противоположное вліяніе, то оно еще менѣе благопріятно для капиталистическаго хозяйства; ибо земля оказывается до того обремененной арендной платой, что ей уже не въ моготу выносить другія издержки, связанныя съ такой системой производства. Вѣроятно, именно этой причинѣ мы обязаны тѣмъ обстоятельствомъ, что въ черноземномъ районѣ Козелецкаго уѣзда (о которомъ есть детально разработанныя свѣдѣнія и къ которому относятся вышеприведенныя данныя о способѣ обработки земли арендующими землю крестьянами и обходящимися безъ такой аренды), аренда земли надъ сдачей ея преобладаетъ лишь въ группахъ крестьянъ и казаковъ, собственные участки которыхъ не превышаютъ 13 десятинъ на дворъ; въ слѣдующихъ же группахъ (13—50 дес. на 1 дворъ) отдача земли значительно превышаетъ ея аренду *) и только въ группѣ съ земле-

*) Укажемъ кстати на ошибку въ таблицѣ, помѣщенной на 156 страницѣ т. V. Въ *графѣ 7 для 9* группы показано количество арендованной земли 2,050 десят., между

поряженіе хозяина, съ ранней весны до окончанія зимняго посѣва. Работаетъ онъ не каждый день, а когда „хозяинъ загадае“, но все-таки почти все время отдаетъ хозяину; только когда зажонщикъ не нуженъ хозяину, онъ успѣетъ „отскочить и поробить, що треба дома“. Съ весны онъ начинаетъ городить, поправлять орудія, потомъ орать, ралить, сѣять, косить, причемъ жена его гребетъ... Получивши свою долю, зажонщикъ свозитъ сначала хозяйскій, а потомъ и свой хлѣбъ на хозяйскихъ подводахъ и съ хозяйскими харчами и дегтемъ. Послѣ этого онъ долженъ еще намолотить хозяину жита на посѣвъ и помочь ему отсѣяться, и тогда кончаются его отношенія къ хозяину. Когда обязательныя работы зажонщика кончались и обѣ стороны остались довольны, ставится обоюдный могарычъ, благодарятъ другъ друга и хозяинъ проситъ прійти еще на другой день помолотить конопель. Зажонщикъ приходитъ, а хозяинъ говоритъ: «Хай ще конопли постоять, а помолотимъ, лишень, просо» (ленъ и т. п.); на другой день тоже самое. Это—хитрость, всѣмъ извѣстная и повторяющаяся изъ года въ годъ, но, благодаря ей, зажонщикъ проработаетъ иногда еще съ недѣлю. Тогда хозяинъ дастъ ему снопъ конопель, молотитъ съ нимъ свои и зажонщикъ, наконецъ, окончательно уходитъ, иногда тутъ же договариваясь „у молочу“. Если найдется такой несговорчивый работникъ, что выразитъ сомнѣніе въ пропорціональности басаринка услугѣ, какою онъ самъ пользуется отъ хозяина, то послѣдній его утѣшаетъ, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ: «Усе одно, тобі нічого робить на своему хозяйстві!» Или: «не лінуйся, брате, а йди косить якъ слідъ! Теперь вже неможно, прокосівши дві ручки, про горілку думати. Бачъ, и я роблю, не отдыхаючи. А ви всі думаете, що гуляючи, спанпямъ, та лежаннямъ хлібъ заробляти можно! Лежні въ гору не йдуть: що треба, то вже треба». Подобными пріемами богатый мужикъ достигаетъ того, что и ему удается «паномъ зробитися».

Въ Полтавской губерніи, гдѣ малоземелье развито болѣе, нежели въ Черниговской, гдѣ и помѣщичьи хозяйства поставлены лучше, вслѣдствіе чего дополнять недостатокъ собственныхъ угодій арендою чужихъ крестьянину труднѣе,—тамъ зависимость бѣднаго крестьянина отъ богатаго кажется тяжелѣе, и зажонщикъ еще больше прилѣпляется къ чужому хозяйству. «Раннею весною, какъ только станетъ сходить снѣгъ съ поля, къ «панъ-отцю», т. е. къ богатому домохозяину, начинаютъ являться бѣдняки съ предложеніемъ помѣститься на жниво. Начинается торгъ и послѣ долгихъ бесѣдъ, во время которыхъ «богатырь» сидитъ обыкновенно на крыльцѣ своего дома, а будущіе жнецы стоятъ поодаль, опершись на высокія палки, «панъ-отець,» наконецъ, соглашается принять жнецовъ, напр. за 5-й снопъ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они для своей-же пользы помогали ему подготовить жниво. Такъ какъ малороссы вообще большіе охотники до краснаго словца, то тутъ естественно изъ устъ «панъ-отця» является слѣдующій монологъ: «Ну-те, хлопци, коли вже вы впросились до мене въ жніва,

той робить соби, якъ знаете, щобъ тоді на мене не жалкували,' що вдався такій, та сякій хлібъ. Ось вамъ комора, тамъ закромы новыи, беріть зерно, точить, щобъ було чисте; ось вамъ мішки безъ дірокъ, сійте, не буде сквозь дірки сипатись; ось вамъ кони, волочить, щобъ не сказали, що кà зна якъ заволочено, та погано по груді жаты». Такимъ образомъ начинается долгая, почти на все лѣто, эксплуатація жнеца. Онъ долженъ помогать хозяину чистить зерно для посѣва или, вѣрнѣе, самъ чистить только подъ хозяйскимъ надзоромъ, сѣять вмѣстѣ съ хозяиномъ, волочить, потомъ косить траву, такъ какъ она же идетъ для корма воловъ или лошадей, заморенныхъ, дескать, жнецами во время весеннихъ полевыхъ работъ. По словамъ жнецовъ, рѣдкій изъ хозяевъ откидаетъ имъ четвертую или пятую копицу за уборку сѣнокоса; большею-же частью это дѣлается безплатно, въ видѣ услуги со стороны благодѣтельствуемыхъ жнецовъ. Такимъ же образомъ производится и возка хлѣба съ поля на токъ. Жавшій за снопъ у хозяина старается не упустить случая помѣститься у него же и на молотьбу съ 8-й или 9-й коробки на хозяйскихъ харчахъ. Тутъ опять рядъ услугъ со стороны жнеца. Онъ долженъ все подготовить хозяину для возки хлѣба: исправить возы, ярма, пасти воловъ по ночамъ, возить и складывать хлѣбъ въ клуню или въ стоги, пока-то дойдетъ очередь до самой молотьбы. Въ концѣ концовъ, всѣ почти полевыя работы исполняются исключительно жнецами, и самый богатый хозяинъ старается не держать ни одного взрослаго наемнаго рабочаго*).

И всего интереснѣе то, что подобная отдача рабочей силы одного въ полное распоряженіе другаго почти изъ-за однихъ харчей происходитъ, повидимому, безъ явнаго или замаскированнаго насилія со стороны «богатыря»-хозяина. По крайней мѣрѣ, мы только по одному уѣзду Черниговской губерніи встрѣтили указаніе, что бѣдные весной берутъ у богатыхъ хлѣбъ, съ тѣмъ чтобы за процентъ исполнить извѣстную работу. Съ другой стороны мы видимъ, что зажевщики не заставляютъ себя долго просить, а сами ищутъ, кому бы подарить свой трудъ. Очевидно, что на полѣ труда вообще мѣста крайне мало; въ противномъ случаѣ они бы не позволили такъ грубо эксплуатировать себя «хозяевамъ». Скажутъ, что зажонщикъ можетъ за высшую плату продать свой трудъ помѣщику: но тамъ, во 1-хъ, мало работы; во 2-хъ, не даютъ харчей. Единица его труда въ экономіи оплатится дѣйствительно лучше, но вся масса цѣнностей, которыя онъ оттуда вынесетъ, будетъ меньше. Правда, у него зато останется свободное время; но къ чему оно, если его нельзя утилизировать! Подобное положеніе,— не исключительное въ своемъ родѣ; оно есть отголосокъ общаго хода дѣлъ въ нашемъ отечествѣ, гдѣ предложеніе труда съ теченіемъ времени все больше обгоняетъ спросъ, и гдѣ поэтому образуется значительная масса лицъ, не знаю-

*) Сб. по хоз. стат Полтав. губ. Т. I, ч, 2-я.

ихъ, что̀ съ собой дѣлать, куда приткнуться. Такъ, напримѣръ, чѣмъ мыкаться по «хозяевамъ,» безземельному крестьянину было-бы всего проще избрать какое нибудь ремесло, спеціализироваться въ немъ и жить припѣваючи. Но чтобы такихъ занятій хватило на всѣхъ жаждущихъ, рынокъ долженъ представлять извѣстный запросъ на разнообразные продукты и увеличивать его по мѣрѣ привлеченія къ ремесламъ новыхъ лицъ, вытѣсненныхъ съ земледѣльческой области. А это возможно лишь въ томъ случаѣ, если покупательная сила населенія будетъ непрерывно расти. Въ дѣйствительности же мы этого не видимъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что безземельные не могутъ пристроиться ни къ какому занятію, которое позволило бы имъ жить по человѣчески. Вмѣсто того чтобы, подобно другимъ труженикамъ, имѣть постоянную работу, заботиться о ея добросовѣстномъ выполненіи, откуда уже естественно вытечетъ удовлетвореніе его потребностей, безземельный или малоземельный крестьянинъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ: онъ измѣряетъ степень разнообразія и настоятельности своихъ нуждъ, и затѣмъ уже придумываетъ, какимъ бы способомъ удовлетворить всѣ ихъ или только главнѣйшіе. Первая его потребность—ѣсть! И вотъ онъ «старается прежде всего, такъ сказать, заложить фундаментъ для своего годичнаго пропитанія, т. е. заработать потребное количество зерна со снопа или съ коробки. Когда такой запасъ сдѣланъ, тогда всякій начинаетъ думать «о придбаніи одежды» и т. п., для чего бѣдняки принимаются или за поденщину, или за ремесло, или за какой либо кустарный промыселъ*). Естественно, что бѣднякъ при этомъ не столько гонится за производительнымъ употребленіемъ своего труда, сколько старается исчерпать источникъ, который онъ заполучилъ сегодня, не обращая вниманія на то, въ какую цѣну идетъ его трудъ. А если при этомъ его еще кормятъ, то чего-же лучше! По крайней мѣрѣ, больше хлѣба останется на зиму. «Усе одно, тобі нічого робить на своему хозяйстві»,—совершенно основательно убѣждаетъ хозяинъ артачащагося работника. Онъ могъ-бы еще прибавить, что и въ другомъ хозяйствѣ, кромѣ моего, ты не нуженъ, и никакое иное дѣло тебя не ждетъ. Вотъ почему, не смотря на очевидную эксплуатацію однихъ другими—оба остаются довольны взаимными отношеніями, благодарятъ другъ друга и на слѣдующій годъ одинъ опять просится въ ярмо другаго.

Избавиться отъ эксплуатаціи крестьянину, уже спустившемуся на такую низкую ступень хозяйственной самостоятельности, весьма мудрено; не довести себя до подобнаго опущенія было-бы во многихъ случаяхъ нетрудно; только для этого потребовалось бы нѣсколько измѣнить господствующую систему мелкаго производства, дать большее развитіе одной изъ формъ экономической дѣятельности,

*) Idem.

между равными. По крайней мѣрѣ, этой причинѣ, вѣроятно, обязано своимъ су
ществованіемъ то же явленіе предпочтенія работникомъ мужика барину, напри
мѣръ, въ Московской губерніи. Наконецъ, не послѣднюю роль здѣсь, вѣроятно
играетъ и экономическая зависимость, въ какой находится малоземельный кре
стьянинъ отъ богатаго своего односельца. Всякому понятно и безъ дальнѣйших
объясненій, что бѣдняку нерѣдко приходится обращаться за тѣмъ или другим
къ богатому сосѣду, вслѣдствіе чего онъ изъ свободнаго человѣка превращается
въ нолузависимаго. Но, кромѣ этого предположенія, мы имѣемъ прямыя указанія
объясняющія намъ, почему иногда мѣстный зажонщикъ работаетъ у крестьянина
а не у помѣщика: ему часто приходится занимать весною хлѣбъ (главнымъ об
разомъ у крестьянина же), причемъ онъ «обязывается въ жнивное время, помим
отдачи занятаго, отработать за каждый пудъ одинъ день или нажать копу»
(Новозыб. у. с. 35). Гораздо яснѣе для насъ тѣ причины, вслѣдствіе которых
хозяинъ предпочитаетъ мѣстнаго работпика пришлому и которыя онъ скрываетъ
отъ любопытнаго наблюдателя ссылкой на то, что будто бы послѣдній не умѣетъ
жать. Чтобы понять эти таинственныя причины, намъ нужно подробнѣе ознако
миться съ способами и размѣрами вознагражденія труда зажонщиковъ.

Мы сказали, что въ губерніи преобладаетъ натуральная плата, въ видѣ части
продукта (снопъ, копа), которую и получаетъ зажонщикъ. Эта часть въ раз
ныхъ цачахъ не одинакова, но, въ среднемъ, по уѣздамъ она колеблется между $^1/_8$
и $^1/_7$, т. е. составляетъ отъ 15 до 20% ужона. Затѣмъ, она очень замѣтно по
нижается почти изъ года въ годъ. Но подобно тому, какъ при скощинѣ, и здѣсь
существуютъ доплаты трудомъ со стороны зажонщиковъ; эти-то доплаты, вмѣстѣ
съ тѣми, которыя выговариваютъ богатые крестьяне, отдавая въ скощину свою
собственную или арендованную землю—и служатъ орудіемъ, при помощи кото
раго они выжимаютъ изъ малоземельнаго огромную массу даровоаго труда. Такимъ
образомъ, они получаютъ возможность на свой страхъ эксплуатировать землю,
которую—нанимай они рабочихъ на обыкновенномъ комерческомъ основаніи—
имъ было бы выгоднѣе отдавать мелкимъ съемщикамъ.

Дѣло въ томъ, что въ крупныхъ экономіяхъ доплаты зажонщиковъ прини
маютъ опредѣленную форму столькихъ-то дней труда или исполненія такой-то
работы. У богатыхъ же крестьянъ уговоръ о доплатахъ формулируется въ та
кихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ («по сусѣдски послухать», «якъ хозяинъ по
кличе»), которыя даютъ полную возможность безсовѣстному, но вліятельному хо
зяину превратить зажонщика почти что въ работника. Правда, доля урожая, да
ваемая зажонщику крестьяниномъ, обыкновенно выше той, какую бы онъ полу
чилъ у помѣщика, но ужь за это онъ съ него и выжметъ! „Одно слово, робишь
отъ снігу до снігу“, говоритъ такой запутавшійся въ хозяйскихъ тенетахъ; «ба
саринокъ хуже панщины».

«*Зажонщикъ*, вступающій въ семью, поступаетъ съ женой въ полное рас-

и оружія, то умный полководецъ знаетъ заранѣе, что на первое время потери въ его войскѣ будутъ велики и что, не смотря на всю храбрость, въ его рядахъ нерѣдко будетъ чувствоваться замѣшательство. Если, однако, основываясь на этомъ, какой нибудь сторонній наблюдатель сталъ бы предсказывать нашему войску окончательное пораженіе, онъ впалъ бы въ огромную ошибку, ибо наблюдаемыя имъ потери—явленіе необходимое, можетъ быть, даже предвидѣнное заранѣе и доказывающее только одно, что непріятель обладаетъ большими силами. Вполнѣ аналогично этому современное положеніе русской общины. Послѣ реформы, на нее обрушился цѣлый рядъ ударовъ; безопасны были-бы они для общины, какъ для всенародной формы землевладѣнія, тѣмъ не менѣе безслѣдно для нея пройти они не могли; а такъ какъ всѣ они въ совокупности стремятся къ тому, чтобы разбить, а не укрѣпить, то и оставленные ими слѣды будутъ носить характеръ разрушенія, а не созиданія. Итакъ, наблюдаемые кое-гдѣ факты распаденія общины доказываютъ лишь одно: что на эту форму землевладѣнія обрушились удары, которымъ прежде она не подвергалась; они свидѣтельствуютъ объ измѣненіяхъ, совершившихся въ атмосферѣ, окружающей общину, но ничего еще не говорятъ о ея способности приноровиться къ новымъ условіямъ, способности, отъ которой въ концѣ концовъ зависитъ ея будущая судьба. Чтобы ознакомиться съ этими зиждительными силами общины, недостаточно изучать только ея потери, а нужно изслѣдовать и побѣды, причемъ необходимо отвергнуть способъ прямаго ариѳметическаго сравненія результатовъ дѣйствія положительныхъ и отрицательныхъ вліяній. Ибо, во-первыхъ, всѣхъ фактовъ того или другого рода намъ не собрать; во-вторыхъ, одинъ удачный случай выхода изъ затруднительнаго положенія нерѣдко освѣтитъ намъ положеніе дѣлъ гораздо лучше, чѣмъ десятки отрицательныхъ примѣровъ. Математическій методъ здѣсь также мало пригоденъ, какъ, напримѣръ, у кровати больнаго. Цѣлый рядъ бурныхъ болѣзненныхъ явленій, которыя способны заставить несвѣдущаго наблюдателя сдѣлать самое печальное предсказаніе объ участи, ожидающей больнаго, въ глазахъ опытнаго врача выкупается однимъ благопріятнымъ признакомъ, часто даже незамѣтнымъ для профана. Болѣзненныхъ припадковъ вообще врачъ не боится, такъ какъ они, будучи естественнымъ результатомъ дѣйствія на организмъ извѣстныхъ вредныхъ вліяній, являются неизбѣжно какъ въ томъ случаѣ, когда послѣднія лишь поверхностно задѣнутъ организмъ, такъ и въ томъ, когда они произведутъ въ немъ глубокія измѣненія. Поэтому, чтобы оцѣнить находящійся передъ нимъ патологическій случай, врачъ не ограничивается учетомъ бросающихся въ глаза признаковъ разстройства организма, которые служатъ ему матеріаломъ для сужденій не столько о больномъ, сколько о причинахъ разстройства—а ищетъ другихъ явленій, гдѣ-бы выражалась сила сопротивленія организма дѣйствующимъ на него вреднымъ вліяніямъ и безъ которыхъ врачъ не можетъ сказать,

выйдетъ-ли организмъ побѣдителемъ изъ борьбы съ страданіемъ или уступитъ послѣднему и окончательно разрушится.

Точно также мы должны отнестись и къ вопросу о будущей судьбѣ общинно-артельныхъ формъ въ Россіи. Община, въ послѣднее двадцатилѣтіе, подвергалась цѣлому ряду вредныхъ вліяній; какъ-бы глубоко, поэтому, она ни коренилась въ привычкахъ и міросозерцаніи народа, результаты этихъ вліяній— въ формѣ разстройства, разрушенія — окажутся непремѣнно. Но чтобы судить, что̀ сдѣлается съ общиной вообще — недостаточно указывать на эти отрицательныя явленія, а необходимо поискать данныхъ другаго рода, въ которыхъ проявилась бы сила сопротивленія общины дѣйствующимъ на нее вреднымъ вліяніямъ и ея способность приспособленія къ измѣнившейся обстановкѣ.

«Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій», конечно, не могутъ содержать много фактовъ этого рода, и если мы имѣемъ возможность сказать здѣсь что-либо по интересующему насъ вопросу, такъ это именно благодаря подворной переписи Козелецкаго уѣзда, приложенной къ IV тому трудовъ Черниговскаго статистическаго бюро, и статистическимъ таблицамъ Зеньковскаго уѣзда Полтавской губерніи. Этотъ матерьялъ позволяетъ намъ ознакомить читателя со степенью распространенія одной формы кооперація, такъ называемой «супряги».

Количество рабочаго скота въ извѣстномъ районѣ зависитъ отъ двухъ условій: отъ площади земли, подлежащей обработкѣ, и (при господствѣ мелкой культуры) отъ количества отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ. Чтобы запахать опредѣленную площадь поля, нужно имѣть извѣстное количество рабочаго скота. Если, по какимъ либо соображеніямъ вы пожелаете держать его больше, не разсчитывая однако на соотвѣтствующее приращеніе доходовъ, то до извѣстной степени вы можете увеличивать размѣры скотоводства, хотя не иначе, какъ въ ущербъ самому себѣ. Наконецъ, настанетъ моментъ, когда дальнѣйшее увеличеніе количества рабочаго скота сдѣлается невозможнымъ, такъ какъ и имѣющійся излишекъ его, сравнительно съ хозяйственными требованіями, поглощаетъ весь чистый доходъ имѣнія. Если трудно теперь встрѣтить крупнаго владѣльца, пылающаго такой страстью къ воламъ и рабочимъ лошадямъ, что онъ сталъ-бы ихъ держать, не сообразуясь съ хозяйственными требованіями имѣнія, то, при извѣстной степени раздробленности мелкаго землевладѣнія, это будетъ явленіемъ обыкновеннымъ. Крестьянинъ,—самостоятельный земледѣлецъ,—долженъ обладать полнымъ рабочимъ инвентаремъ, слѣдовательно въ Великороссіи, напримѣръ, держать, по крайней мѣрѣ, одну лошадь. Чтобы получить маленькія выгоды, онъ долженъ запахивать такую площадь, которая требовала-бы полной работы лошади; при меньшей запашкѣ, чистый доходъ его будетъ уменьшаться и, наконецъ, совсѣмъ исчезнетъ. Коль скоро дѣло дойдетъ до этого,—значитъ, размѣры его хозяйства такъ ничтожны, что оно не въ состояніи выносить издержекъ

разсчитанныхъ на нормальное производство. Сократить же издержки можно лишь продавъ лошадь, т. е. переставъ вовсе быть хозяиномъ.

Итакъ, при господствующей семейной организаціи крестьянскаго хозяйства, измельчаніе землевладѣнія имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что противорѣчіе между требованіемъ хозяйственной экономіи и хозяйственной самостоятельности крестьянина, разростаясь все больше и больше, разрѣшается, наконецъ, гибелью послѣдней. Крестьянинъ-земледѣлецъ превращается въ батрака или ремесленника. Такой моментъ для Великороссіи наступаетъ лишь въ послѣднее время. Прежде-же,—благодаря общинѣ, періодически уравнивавшей землевладѣніе, рѣдкости населенія и существованію извоза, на который падала часть издержекъ по содержанію рабочаго скота — крестьянинъ-великоруссъ даже съ малымъ надѣломъ не былъ поставленъ въ необходимость выбирать между исправленіемъ господствующей семейной организаціи производства и полной потерей своей хозяйственной самостоятельности. Такая задача, прежде всего, выпала на долю малороссійскаго земледѣльца.

Здѣсь земля пашется плугомъ, въ который запрягается нѣсколько штукъ скота; имѣете-ли вы три, или десять десятинъ земли—въ обоихъ случаяхъ вамъ нужно работать 4—6 штуками лошадей или воловъ, и если вы не прибѣгнете къ какой-либо уловкѣ—вы должны будете и содержать такое количество скота. Слѣдовательно, при одинаковыхъ размѣрахъ землевладѣнія, расходъ по содержанію скота въ Малороссіи падаетъ на десятину тяжелѣе, нежели въ Великороссіи. Сокращеніе запашки крестьянина,—какъ результатъ размноженія населенія въ этой части Россіи,—должно было раньше поставить на очередь вопросъ о жизни или смерти мельчайшаго хозяина, о направленіи, въ какомъ пойдетъ дальнѣйшее развитіе земледѣлія. Еслибы крестьянинъ всѣми силами держался за семейную организацію производства, не желая поступаться ни малѣйшею ея чертою, то наиболѣе мелкіе хозяева исчезли-бы, ихъ земли перешли-бы въ другія руки, и малороссійское мелкое земледѣліе уподобилось-бы нѣмецкому: типической хозяйственной единицей сдѣлался бы дворъ, владѣющій такимъ количествомъ земли, при которомъ онъ могъ-бы содержать полный инвентарь, т. е. 4—6—8 штукъ рабочаго скота. Но южнорусскій крестьянинъ нашелъ другой выходъ изъ затруднительнаго положенія. Вмѣсто того, чтобы беречь господствующую индивидуалистическую организацію производства, какъ зеницу своего ока, рѣшаясь лучше вовсе утратить хозяйственную самостоятельность, чѣмъ раздѣлить ее съ сосѣдомъ—мелкіе земледѣльцы, позабывъ свой національный индивидуализмъ, требующій возможно-полной независимости ихъ другъ отъ друга, приняли систему, при которой одинъ изъ нихъ, какъ хозяинъ, немыслимъ безъ другаго: полный «плугъ» они стали составлять, соединяясь по два, по три вмѣстѣ. Какъ широко распространенъ этотъ способъ обработки земли? получилъ-ли онъ право гражданства, или практикуется только случайно? Мы можемъ отвѣтить точно на этотъ вопросъ лишь

встрѣчающейся теперь скорѣе случайно, чѣмъ преслѣдуемой систематически. Мы говоримъ о кооперації въ приложеніи къ разнообразнымъ отношеніямъ, изъ которыхъ слагается крестьянская жизнь. Потребность въ такой кооперації особенно сильно чувствуется въ послѣдній періодъ нашей исторіи. Въ сферѣ обрабатывающей промышленности кооперація есть орудіе, помощью котораго народное кустарное производство можетъ бороться съ развивающеюся капиталистической мануфактурой, а медленность, съ какою капиталъ превращаетъ у насъ самостоятельнаго кустаря въ наемнаго работника крупной организаціи производства, позволяетъ надѣяться, что борьба народнаго производства съ капиталистическимъ, на почвѣ организаціи общественной формы труда, приведетъ къ благопріятнымъ результатамъ. Необходимость кооперації въ сферѣ крестьянскаго земледѣлія сдѣлается для всѣхъ очевидной, если мы только вспомнимъ, что препятствія, съ которыми приходится бороться мелкому хозяину для сохраненія своей самостоятельности, возрасли въ значительной степени, а силы его настолько-же ослабѣли. Въ виду сказаннаго, мы считаемъ особенно важнымъ, при изслѣдованіи народной жизни, обращать вниманіе на хозяйственныя отношенія крестьянъ другъ къ другу, слѣдить за упадкомъ прежнихъ формъ кооперації, приспособленныхъ къ другимъ условіямъ существованія и не выдержавшихъ напора новыхъ неблагопріятныхъ вліяній; наблюдать за видоизмѣненіями тѣхъ артельно-общинныхъ союзовъ, которые не погибли окончательно, а стали понемногу приспособляться къ требованіямъ современной жизни; наконецъ, отыскивать, не возникаютъ-ли совершенно новыя формы—продуктъ исключительно послѣдняго времени.

Что касается отношенія къ данному вопросу нашего общества, то мы должны сказать, что его точка зрѣнія кажется намъ совершенно неправильной, и потому мы несогласны и съ заключеніями, къ которымъ склоняется большинство лицъ, пишущихъ объ этомъ предметѣ. Точка зрѣнія, о которой мы говоримъ, достаточно выяснилась въ вопросѣ объ общинѣ—изъ числа кооперативныхъ формъ, обратившей на себя наибольшее вниманіе литературы. Падаетъ-ли община или развивается—думали рѣшить путемъ ариѳметическаго счисленія. Наблюдая случаи выдѣленія изъ общины отдѣльныхъ ея членовъ, встрѣчаясь съ фактами распаденія цѣлыхъ общинныхъ союзовъ и видя повсемѣстное отсутствіе передѣловъ, слѣдовательно, сталкиваясь съ цѣлымъ рядомъ явленій разложенія общины, которому можно было противопоставить лишь незначительное количество случаевъ противоположнаго характера,—заключаютъ, что этотъ союзъ отжилъ свой вѣкъ, что онъ не выдерживаетъ напора новыхъ условій жизни и понемногу разрушается. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, подобнаго рода факты еще ровно ничего не доказываютъ. Если прекрасно дисциплинированное и вооруженное войско предпринимаетъ кампанію въ страну мало извѣстную или *вступаетъ въ борьбу* съ непріятелемъ, изобрѣвшимъ новые тактическіе пріемы

и оружія, то умный полководецъ знаетъ заранѣе, что на первое время потери въ его войскѣ будутъ велики и что, не смотря на всю храбрость, въ его рядахъ нерѣдко будетъ чувствоваться замѣшательство. Если, однако, основываясь на этомъ, какой нибудь сторонній наблюдатель сталъ бы предсказывать нашему войску окончательное пораженіе, онъ впалъ бы въ огромную ошибку, ибо наблюдаемыя имъ потери—явленіе необходимое, можетъ быть, даже предвидѣнное заранѣе и доказывающее только одно, что непріятель обладаетъ большими силами. Вполнѣ аналогично этому современное положеніе русской общины. Послѣ реформы, на нее обрушился цѣлый рядъ ударовъ; безопасны были-бы они для общины, какъ для всенародной формы землевладѣнія, тѣмъ не менѣе безслѣдно для нея пройти они не могли; а такъ какъ всѣ они въ совокупности стремятся къ тому, чтобы разбить, а не укрѣпить, то и оставленные ими слѣды будутъ носить характеръ разрушенія, а не созиданія. Итакъ, наблюдаемые кое-гдѣ факты распаденія общины доказываютъ лишь одно: что на эту форму землевладѣнія обрушились удары, которымъ прежде она не подвергалась; они свидѣтельствуютъ объ измѣненіяхъ, совершившихся въ атмосферѣ, окружающей общину, но ничего еще не говорятъ о ея способности приноровиться къ новымъ условіямъ, способности, отъ которой въ концѣ концовъ зависитъ ея будущая судьба. Чтобы ознакомиться съ этими зиждительными силами общины, недостаточно изучать только ея потери, а нужно изслѣдовать и побѣды, причемъ необходимо отвергнуть способъ прямаго ариѳметическаго сравненія результатовъ дѣйствія положительныхъ и отрицательныхъ вліяній. Ибо, во-первыхъ, всѣхъ фактовъ того или другого рода намъ не собрать; во-вторыхъ, одинъ удачный случай выхода изъ затруднительнаго положенія нерѣдко освѣтитъ намъ положеніе дѣлъ гораздо лучше, чѣмъ десятки отрицательныхъ примѣровъ. Математическій методъ здѣсь также мало пригоденъ, какъ, напримѣръ, у кровати больнаго. Цѣлый рядъ бурныхъ болѣзненныхъ явленій, которыя способны заставить несвѣдущаго наблюдателя сдѣлать самое печальное предсказаніе объ участи, ожидающей больнаго, въ глазахъ опытнаго врача выкупается однимъ благопріятнымъ признакомъ, часто даже незамѣтнымъ для профана. Болѣзненныхъ припадковъ вообще врачъ не боится, такъ какъ они, будучи естественнымъ результатомъ дѣйствія на организмъ извѣстныхъ вредныхъ вліяній, являются неизбѣжно какъ въ томъ случаѣ, когда послѣднія лишь поверхностно задѣнутъ организмъ, такъ и въ томъ, когда они произведутъ въ немъ глубокія измѣненія. Поэтому, чтобы оцѣнить находящійся передъ нимъ патологическій случай, врачъ не ограничивается учетомъ бросающихся въ глаза признаковъ разстройства организма, которые служатъ ему матеріаломъ для сужденій не столько о больномъ, сколько о причинахъ разстройства—а ищетъ другихъ явленій, гдѣ-бы выражалась сила сопротивленія организма дѣйствующимъ на него вреднымъ вліяніямъ и безъ которыхъ врачъ не можетъ сказать,

выйдетъ-ли организмъ побѣдителемъ изъ борьбы съ страданіемъ или уступитъ послѣднему и окончательно разрушится.

Точно также мы должны отнестись и къ вопросу о будущей судьбѣ общинно-артельныхъ формъ въ Россіи. Община, въ послѣднее двадцатилѣтіе, подвергалась цѣлому ряду вредныхъ вліяній; какъ-бы глубоко, поэтому, она ни коренилась въ привычкахъ и міросозерцаніи народа, результаты этихъ вліяній—въ формѣ разстройства, разрушенія — окажутся непремѣнно. Но чтобы судить, что сдѣлается съ общиной вообще — недостаточно указывать на эти отрицательныя явленія, а необходимо поискать данныхъ другаго рода, въ которыхъ проявилась бы сила сопротивленія общины дѣйствующимъ на нее вреднымъ вліяніямъ и ея способность приспособленія къ измѣнившейся обстановкѣ.

«Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій», конечно, не могутъ содержать много фактовъ этого рода, и если мы имѣемъ возможность сказать здѣсь что-либо по интересующему насъ вопросу, такъ это именно благодаря подворной переписи Козелецкаго уѣзда, приложенной къ IV тому трудовъ Черниговскаго статистическаго бюро, и статистическимъ таблицамъ Зеньковскаго уѣзда Полтавской губерніи. Этотъ матерьялъ позволяетъ намъ ознакомить читателя со степенью распространенія одной формы кооперація, такъ называемой «супряги».

Количество рабочаго скота въ извѣстномъ районѣ зависитъ отъ двухъ условій: отъ площади земли, подлежащей обработкѣ, и (при господствѣ мелкой культуры) отъ количества отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ. Чтобы запахать опредѣленную площадь поля, нужно имѣть извѣстное количество рабочаго скота. Если, по какимъ либо соображеніямъ вы пожелаете держать его больше, не разсчитывая однако на соотвѣтствующее приращеніе доходовъ, то до извѣстной степени вы можете увеличивать размѣры скотоводства, хотя не иначе, какъ въ ущербъ самому себѣ. Наконецъ, настанетъ моментъ, когда дальнѣйшее увеличеніе количества рабочаго скота сдѣлается невозможнымъ, такъ какъ и имѣющійся излишекъ его, сравнительно съ хозяйственными требованіями, поглощаетъ весь чистый доходъ имѣнія. Если трудно теперь встрѣтить крупнаго владѣльца, пылающаго такой страстью къ воламъ и рабочимъ лошадямъ, что онъ сталъ-бы ихъ держать, не сообразуясь съ хозяйственными требованіями имѣнія, то, при извѣстной степени раздробленности мелкаго землевладѣнія, это будетъ явленіемъ обыкновеннымъ. Крестьянинъ,—самостоятельный земледѣлецъ,—долженъ обладать полнымъ рабочимъ инвентаремъ, слѣдовательно въ Великороссіи, напримѣръ, держать, по крайней мѣрѣ, одну лошадь. Чтобы получить маленькія выгоды, онъ долженъ запахивать такую площадь, которая требовала-бы полной работы лошади; при меньшей запашкѣ, чистый доходъ его будетъ уменьшаться и, наконецъ, совсѣмъ исчезнетъ. Коль скоро дѣло дойдетъ до этого,—значитъ, размѣры его хозяйства такъ ничтожны, что оно не въ состояніи выносить издержекъ

разсчитанныхъ на нормальное производство. Сократить же издержки можно лишь продавъ лошадь, т. е. переставъ вовсе быть хозяиномъ.

Итакъ, при господствующей семейной организаціи крестьянскаго хозяйства, измельчаніе землевладѣнія имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что противорѣчіе между требованіемъ хозяйственной экономіи и хозяйственной самостоятельности крестьянина, разростаясь все больше и больше, разрѣшается, наконецъ, гибелью послѣдней. Крестьянинъ-земледѣлецъ превращается въ батрака или ремесленника. Такой моментъ для Великороссіи наступаетъ лишь въ послѣднее время. Прежде же,—благодаря общинѣ, періодически уравнивавшей землевладѣніе, рѣдкости населенія и существованію извоза, на который падала часть издержекъ по содержанію рабочаго скота — крестьянинъ-великоросъ даже съ малымъ надѣломъ не былъ поставленъ въ необходимость выбирать между исправленіемъ господствующей семейной организаціи производства и полной потерей своей хозяйственной самостоятельности. Такая задача, прежде всего, выпала на долю малороссійскаго земледѣльца.

Здѣсь земля пашется плугомъ, въ который запрягается нѣсколько штукъ скота; имѣете-ли вы три, или десять десятинъ земли—въ обоихъ случаяхъ вамъ нужно работать 4—6 штуками лошадей или воловъ, и если вы не прибѣгнете къ какой-либо уловкѣ—вы должны будете и содержать такое количество скота. Слѣдовательно, при одинаковыхъ размѣрахъ землевладѣнія, расходъ по содержанію скота въ Малороссіи падаетъ на десятину тяжелѣе, нежели въ Великороссіи. Сокращеніе запашки крестьянина,—какъ результатъ размноженія населенія въ этой части Россіи,—должно было раньше поставить на очередьвопросъ о жизни или смерти мельчайшаго хозяина, о направленіи, въ какомъ пойдетъ дальнѣйшее развитіе земледѣлія. Еслибы крестьянинъ всѣми силами держался за семейную организацію производства, не желая поступаться ни малѣйшею ея чертою, то наиболѣе мелкіе хозяева исчезли-бы, ихъ земли перешли-бы въ другія руки, и малороссійское мелкое земледѣліе уподобилось-бы нѣмецкому: типической хозяйственной единицей сдѣлался бы дворъ, владѣющій такимъ количествомъ земли, при которомъ онъ могъ-бы содержать полный инвентарь, т. е. 4—6—8 штукъ рабочаго скота. Но южнорусскій крестьянинъ нашелъ другой выходъ изъ затруднительнаго положенія. Вмѣсто того, чтобы беречь господствующую индивидуалистическую организацію производства, какъ зеницу своего ока, рѣшаясь лучше вовсе утратить хозяйственную самостоятельность, чѣмъ раздѣлить ее съ сосѣдомъ—мелкіе земледѣльцы, позабывъ свой національный индивидуализмъ, требующій возможно-полной независимости ихъ другъ отъ друга, приняли систему, при которой одинъ изъ нихъ, какъ хозяинъ, немыслимъ безъ другаго: полный «плугъ» они стали составлять, соединяясь по два, по три вмѣстѣ. Какъ широко распространенъ этотъ способъ обработки земли? получилъ-ли онъ право гражданства, или практикуется только *случайно? Мы* можемъ отвѣтить точно на этотъ вопросъ лишь

относительно Козелецкаго уѣзда, Черниговской губерніи, и Зеньковскаго—Полтавской—такъ какъ только по этимъ уѣздамъ мы имѣемъ таблицы подворной описи. И оказывается, что изъ 19,000 дворовъ казаковъ, государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ Козелецкаго уѣзда, супрягой обработываютъ пашню 6,500 дворовъ или 34%, а своимъ собственнымъ скотомъ 4917 дв., или 26%. Число дворовъ, обладающихъ рабочимъ скотомъ въ размѣрахъ, недостаточныхъ для составленія полнаго плуга, иначе говоря, не могущихъ вести чисто-индивидуалистическаго хозяйства и—разъ оно сохранится неизмѣннымъ—подлежащихъ упраздненію, оказывается такимъ образомъ на $^1/_3$ больше числа дворовъ, вполнѣ въ хозяйственномъ отношеніи самостоятельныхъ. Кооперація, поэтому, больше чѣмъ удвоила число мелкихъ земледѣльцевъ; въ сферѣ обработки земли она въ Черниговской губерніи играетъ болѣе важную роль, чѣмъ индивидуализмъ; ею, а не послѣднимъ опредѣлилась настоящая хозяйственная физіономія края. И Козелецкій уѣздъ вовсе не исключительный въ губерніи; если вѣрить словесному заявленію черниговскихъ статистиковъ, то въ Борзенскомъ уѣздѣ супряга распространена значительно сильнѣе: тамъ ею обработываютъ свои поля $^9/_{10}$ домохозяевъ. Въ другой малороссійской губерніи, въ Полтавской, она тоже стоитъ не на заднемъ планѣ. Такъ, въ Зеньковскомъ уѣздѣ своимъ скотомъ обработываютъ землю 6,293 домохозяевъ, а супрягой 3,022 *).

На этомъ мы заканчиваемъ изложеніе результатовъ земскаго статистико-экономическаго изслѣдованія Черниговской и Полтавской губерніи. Мы далеко не исчерпали всего того, что̀ заключается въ изданныхъ матеріалахъ; въ особенности это нужно сказать по отношенію къ трудамъ полтавскаго комитета. Въ изданныхъ двухъ выпускахъ его, напримѣръ, находится интересный очеркъ помѣщичьяго хозяйства; таблицы подворной переписи отличаются нѣкоторыми немаловажными особенностями. Но такъ какъ задача, преслѣдуемая полтавскимъ земско-статическимъ бюро (изученіе хозяйственнаго быта сельскаго населенія), отлична отъ цѣли, ради которой работаютъ черниговскіе статистики (опредѣленіе доходности земельныхъ угодій) и сходна съ тѣми, какія себѣ ставятъ другіе земскіе комитеты, то болѣе подробный анализъ результатовъ, уже достигнутыхъ на этомъ пути полтавскимъ бюро, мы отлагаемъ до того момента, когда станемъ знакомить читателей съ изслѣдованіями другихъ мѣстностей Россіи. Можетъ быть, къ тому времени полтавское земство подаритъ насъ еще однимъ-двумя выпусками своихъ трудовъ.

В. В.

---

*) Кажется, что въ Зеньковскомъ уѣздѣ въ плугъ запрягаютъ меньшее количество скота, нежели въ Черниговской губ. Можетъ быть, поэтому здѣсь супряга и распространена меньше.

МИССЪ ГАРРІЕТЪ.

Разсказъ **Гюи-де-Мопассана.**

Насъ было семеро въ коляскѣ: четыре женщины и трое мужчинъ, изъ которыхъ одинъ сидѣлъ на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ; мы ѣхали шагомъ по большому косогору, гдѣ пролегала дорога.

Отправившись съ разсвѣтомъ изъ Этрета, чтобы осмотрѣть Тонкарвильскія развалины, мы еще находились въ сонливомъ состояніи, убаюкиваемые свѣжимъ утреннимъ вѣтеркомъ; въ особенности женщины, непривычныя къ раннему пробужденію, ежеминутно опускали вѣки, наклоняли голову или зѣвали, оставаясь равнодушными къ очаровательной картинѣ восходящаго солнца.

Была осень. По обѣимъ сторонамъ дороги тянулись обнаженныя поля, на которыхъ, какъ худо выбритая борода, торчали стебли изъ подъ сжатаго овса и ржи. Потемнѣвшая земля какъ будто дымилась. Въ воздухѣ пѣли жаворонки, другія птички чирикали въ кустахъ.

Наконецъ, предъ нашими глазами взошло солнце, совершенно пурпуровое, на краю горизонта и становилось все ярче съ каждой минутой; по мѣрѣ того, какъ оно всходило, деревня какъ будто просыпалась и, улыбаясь, сбрасывала съ себя ночные туманные покровы.

Графъ д'Этрайль, сидѣвшій на козлахъ, закричалъ: „Смотрите, заяцъ!“ и указалъ налѣво, гдѣ росъ клеверъ. Заяцъ бѣжалъ, почти скрытый въ высокой травѣ, откуда виднѣлись только его большія уши; онъ повернулъ на вспаханное поле, пріостановился и снова пустился бѣжать, измѣнивъ направленіе; затѣмъ остановился еще разъ въ нерѣшимости, какую выбрать дорогу и безпокойно всматриваясь, нѣтъ ли опасности; наконецъ онъ помчался большими

скачками назадъ и исчезъ въ густой грядѣ свекловицы. Всѣ мужчины встрепенулись, слѣдя глазами за убѣгавшимъ зайцемъ.

— Мы не любезны сегодня, замѣтилъ Ренэ Леманауръ, смотря на свою сосѣдку, молоденькую баронессу де-Сереннъ, которая едва преодолѣвала дремоту, и сказалъ ей вполголоса:— Вы задумались о вашемъ мужѣ. Успокойтесь, онъ пріѣдетъ не раньше субботы. Вамъ остается еще четыре дня.

— Какъ это глупо! отвѣтила она съ полусонной улыбкой; затѣмъ, побѣдивъ свою сонливость, прибавила:— Послушайте, г. Шеналь, развеселите насъ чѣмъ нибудь. Вы слывете за счастливчика, имѣвшаго больше успѣха у женщинъ, чѣмъ герцогъ де-Ришелье; разскажите намъ, какую хотите, любовную исторію, приключившуюся съ вами.

Леонъ Шеналь, старый художникъ, красивый, полный, высокій, очень довольный своей наружностью и всѣми любимый, провелъ рукою по своей длинной сѣдой бородѣ и улыбнулся, но чрезъ нѣсколько минутъ вдругъ сталъ серьезенъ.

— Разсказъ будетъ не веселъ, mesdames; я вамъ передамъ самую печальную любовную исторію въ моей жизни и желаю, чтобы моимъ друзьямъ не пришлось внушать подобнаго чувства.

I.

„Мнѣ было тогда двадцать пять лѣтъ и я снималъ виды на берегахъ Нормандіи.

„Я называю „сниманіемъ видовъ“ праздношатаніе, съ мѣшкомъ на спинѣ, изъ трактира въ трактиръ, подъ предлогомъ этюдовъ и пейзажей съ натуры. Я не нахожу ничего лучше этой бродячей, полной случайностей, жизни. Вы свободны, не знаете никакихъ препятствій, ни хлопотъ, ни заботъ, не думаете даже о завтрашнемъ днѣ. Вы идете по любимой дорогѣ, путеводителемъ вамъ служитъ ваша фантазія и то, что пріятно ласкаетъ вашъ взоръ. Вы останавливаетесь потому, что васъ прельстилъ ручеекъ, или потому, что апетитно пахнетъ жаренымъ картофелемъ изъ дверей гостинницы. Иногда ароматъ клематитовъ, или простодушный взглядъ трактирщицы рѣшаетъ вашъ выборъ. Не пренебрегайте любовью деревенскихъ дѣвушекъ. У нихъ также есть душа, есть

увства, полныя щечки и свѣжія губки; ихъ горячій поцѣлуй рѣпокъ и сладокъ, какъ лѣсная ягода. Любовь всегда имѣетъ ѣну, откуда бы она ни приходила. Сердце, бьющееся сильнѣе ри вашемъ появленіи; глаза, плачущіе при вашемъ отъѣздѣ,— акія рѣдкія, пріятныя и драгоцѣнныя вещи, которыми всегда ужно дорожить.

„Мнѣ знакомы свиданія во ржахъ, заросшихъ буквицей, и за клѣвами, гдѣ спятъ коровы, и на соломѣ чердаковъ, еще не остывшей послѣ дневнаго зноя. У меня сохранилось воспоминаніе о небѣленомъ, толстомъ холстѣ на упругомъ, загорѣломъ тѣлѣ, о наивныхъ, чистосердечныхъ ласкахъ, которыя даже въ своей грубости гораздо выше, чѣмъ всѣ тонкія наслажденія, получаемыя въ обществѣ прелестныхъ, знатныхъ барынь.

„Но что особенно прельщаетъ въ этихъ безцѣльныхъ поѣздкахъ,—это деревня, лѣса, восходъ солнца, сумерки, лунный свѣтъ. то путешествіе сближаетъ художника съ природой. Вы одни съ ею въ долгомъ, спокойномъ собесѣдованіи. Вы лежите на лугу, осреди маргаритокъ и мака, и, устремивъ взглядъ подъ блестящими солнечными лучами, смотрите вдаль на небольшую деревню ъ остроконечной колокольней, на которой бьетъ двѣнадцать асовъ.

„Вы садитесь у источника, вытекающаго изъ подъ дуба, пореди тонкой, высокой и сочной травы. Вы опускаетесь на колѣни, наклоняетесь и пьете эту холодную, прозрачную воду, амочивъ ею усы и носъ, и испытываете физическое удовольствіе, какъ бы отъ поцѣлуя, прикасаясь губами къ источнику. огда вы встрѣчаете удобное мѣсто для купанья, вы поспѣшно нимаете одежду, погружаетесь въ воду и чувствуете, какъ по ашему тѣлу пробѣгаетъ съ головы до ногъ прохладная, живительая струя этого легкаго, быстраго потока.

„Вы веселы, сидя на холмѣ, задумчивы на берегу пруда и эсторженны, когда солнце утопаетъ въ океанѣ багряныхъ облаовъ, или когда бросаетъ на рѣку свои пурпуровыя отраженія. ечеромъ, при лунномъ свѣтѣ, вы мечтаете о необыкновенныхъ ещахъ, которыя не пришли бы вамъ въ голову при яркомъ яніи дня.

„Итакъ, блуждая однажды вечеромъ по тѣмъ самымъ мѣ-

стамъ, гдѣ мы находимся теперь, я добрѣлъ до деревушки Бенувиль, на Фалезѣ, между Ипортомъ и Этретà. Утромъ я вышелъ изъ Фекампа и направился вдоль берега, высокаго и прямаго, какъ стѣна, съ его мѣловыми выступами, лежащими отвѣсно къ морю; я шелъ по гладкой, мягкой муравѣ, разстилавшейся предъ этой необъятной соленой бездной. Идя скорымъ шагомъ, я громко пѣлъ и посматривалъ то на медленный полетъ чайки, выдѣляющейся своими бѣлыми крыльями на голубомъ небѣ, то на зеленое море, то на темный парусъ рыбачьей лодки; это былъ счастливый день, проведенный беззаботно и на свободѣ.

„Мнѣ указали на маленькую ферму, гдѣ останавливались путешественники, которую содержала крестьянка,—что-то въ родѣ трактира, посреди нормандскаго двора, обсаженнаго въ два ряда буковыми деревьями.

„Свернувъ съ берега, я попалъ въ деревушку, заслоненную зеленью, и явился къ старушкѣ Лекашеръ. Эта сморщенная, суровая крестьянка, повидимому, неохотно и всегда съ какимъ-то недовѣріемъ, принимала посѣтителей.

„Былъ май мѣсяцъ; распустившіяся яблони наполняли дворъ душистымъ запахомъ цвѣтовъ и безпрерывно осыпали своими розовыми лепестками и людей и траву.

— „Есть ли у васъ комната для меня, г-жа Лекашеръ?“ спросилъ я.

„Удивившись, что я знаю ея имя, она отвѣтила:

— „Смотря по обстоятельствамъ; все занято. Но мы увидимъ“. Чрезъ пять минутъ мы условились и я уже укладывалъ свой мѣшокъ на земляномъ полу деревенской каморки, въ которой стояла кровать, два стула, столъ и умывальникъ. Она выходила въ большую закопченную кухню, гдѣ обѣдали жильцы, вмѣстѣ съ прислугой фермы и съ хозяйской вдовой.

„Я вымылъ руки и вышелъ. Старуха готовила къ обѣду цыпленка въ большой печи, гдѣ висѣлъ почернѣвшій отъ дыма котелъ.

— „Такъ у васъ есть путешественники въ настоящее время?“ спросилъ я.

— „Одна дама, пожилая англичанка“, отвѣтила она недовольнымъ тономъ.

„Я получилъ право, съ прибавкою двадцати пяти сантимовъ ъ день, обѣдать одному на дворѣ, въ хорошую погоду.

„Для меня накрыли столъ передъ домомъ и я уже началъ было аздирать зубами тощаго нормандскаго цыпленка, запивая чиымъ яблочнымъ виномъ, и ѣсть простой бѣлый хлѣбъ, очень ерстый, но вкусный.

„Вдругъ деревянная калитка, выходящая на улицу, отворилась странная личность направилась къ дому. Она была очень выока, очень худа и такъ плотно закутана въ шотландскую алъ, съ красными клѣтками, что можно было подумать, что у ея не было рукъ, еслибъ одна изъ нихъ не виднѣлась, держа ѣлый зонтикъ, какіе носятъ туристы. Ея лицо, похожее на умію, съ длинными, сѣдыми буклями около щекъ, подпрыивавшими при каждомъ ея шагѣ, напомнило мнѣ, не знаю поему, копченую селедку, на которую надѣты были папильотки. Она быстро прошла мимо меня, опустивъ глаза, и скрылась въ омикѣ.

„Это странное появленіе развлекло меня. Вѣроятно, это была оя сосѣдка, пожилая англичанка, о которой говорила хозяйка.

„Я не встрѣчалъ ея больше въ этотъ день; но на слѣдующій, огда я усѣлся рисовать въ той прелестной долинѣ, которая ростирается до самаго Этретà, и, поднявъ глаза, увидалъ вдругъ то-то необыкновенное, выдѣлявшееся на гребнѣ холма, какъ удто мачта, расцвѣченная флагами. Это была она. Замѣтивъ еня, она исчезла.

„Въ полдень, я вернулся къ завтраку и сѣлъ за общій столъ, тобы познакомиться съ этой старой чудачкой. Но она не отвѣала на мою любезность и равнодушно принимала мои услуги. усердно наливалъ ей воду въ стаканъ, съ поспѣшностью пеедавалъ кушанья, и только легкое, едва замѣтное движеніе говы, или англійское слово, произнесенное такъ тихо, что я едва огъ разслышать,—было ея благодарностью.

„Я пересталъ обращать на нее вниманіе, хотя она и интереовала меня.

„Спустя три дня, я зналъ о ней подробнѣе, нежели сама ка Лекашеръ.

„Ее звали миссъ Гарріетъ. Отыскивая какую нибудь уединен-

ную деревню, чтобы провести въ ней лѣто, она остановилась въ Бенувилѣ шесть недѣль тому назадъ и, повидимому, не намѣревалась покидать его. За столомъ она никогда не говорила, но проворно и читала въ это время протестанскія проповѣди миссіонеровъ. Она всѣмъ раздавала эти книжки. Самъ священникъ получилъ ихъ четыре, принесенныхъ мальчикомъ, которому заплатили два су за комисію. Иногда совсѣмъ неожиданно она обращалась къ нашей хозяйкѣ и говорила: „Я люблю Господа Бога болѣе всего въ свѣтѣ, поклоняюсь Ему въ Его твореніи, обожаю Его во всей природѣ и всегда ношу Его образъ въ своемъ сердцѣ“. И тотчасъ же послѣ этихъ словъ она вручала изумленной крестьянкѣ одну изъ брошюръ, предназначенныхъ обратить на путь спасенія весь міръ.

„Въ деревнѣ ее не любили. Говорили, что она „богоотступница“ и какое-то осужденіе тяготѣло надъ нею. Священникъ, у котораго г-жа Лекашеръ просила совѣта, отвѣчалъ: „она еретичка, но Богъ не хочетъ смерти грѣшника, я же считаю ее женщиной высокой нравственности“.

„Слова: „богоотступница и еретичка“ приводили многихъ въ сомнѣніе, такъ какъ никто не понималъ ихъ точнаго смысла. Сверхъ того, всѣ утверждали, что англичанка была богата и что она путешествовала всю жизнь по всѣмъ частямъ свѣта, потому что семья выгнала ее изъ дому. Зачѣмъ же выгнала ее семья? Понятно, за ея нечестіе.

„Дѣйствительно, это была одна изъ тѣхъ восторженныхъ натуръ, съ высоконравственными правилами, одна изъ тѣхъ упорныхъ пуританокъ, которыми изобилуетъ Англія, одна изъ тѣхъ добрыхъ, но несносныхъ старыхъ дѣвъ, которыя встрѣчаются за всѣми табль-дотами Европы, которыя извращаютъ Италію, отравляютъ Швейцарію и дѣлаютъ невыносимыми для жительства прелестные города Средиземнаго моря, вносятъ повсюду свои странныя маніи, свои нравы окаменѣлыхъ весталокъ, свои невозможные наряды и знакомый запахъ каучука, наводящій на мысль, что ихъ прячутъ на ночь въ футляръ.

„Когда я встрѣчалъ одну изъ подобныхъ дамъ въ гостинницѣ, я бросался назадъ, какъ птица при видѣ чучела въ полѣ.

„Эта же казалась мнѣ такою необычайной, что даже не раз-
ражала меня.

„Г-жа Лекашеръ, относясь съ инстиктивно безсознательной
раждебностью ко всему, что не принадлежало къ крестьянскому
ословію, чувствовала, по своему ограниченному уму, какую-то
нависть къ восторженнымъ мансрамъ старой дѣвы. Она пріи-
кала ей терминъ, правда, терминъ унизительный, попавшійся ей
извѣстно почему на языкъ и вызванный неизвѣстно какой
утной, таинственной умственной работой. Она говорила: „это
сноватая“, и это названіе, данное такому строгому и сантимен-
льному существу, казалось мнѣ до того забавнымъ, что я самъ
называлъ ее иначе, какъ „бѣсноватая“, и находилъ удоволь-
віе произносить это слово при ея приближеніи.

„Я спрашивалъ у старухи Лекашеръ: „ну, что подѣлываетъ
годня наша бѣсноватая?“

„На это крестьянка отвѣчала негодующимъ тономъ: „Пред-
авьте себѣ, сударь, она нашла жабу, у которой повреждена
га, принесла ее въ комнату, положила въ свой умывальникъ
дѣлаетъ ей перевязки, какъ человѣку. Развѣ это не юрод-
во?“

„Въ другой разъ, гуляя у подножія скалы, она купила огром-
ю, только что пойманную рыбу для того, чтобы снова пустить
въ море. Матросъ, не смотря на щедрую плату, безпощадно
анилъ ее и раздражался сильнѣе, нежели тогда, какъ еслибы она
тащила у него деньги изъ кармана. Мѣсяцъ спустя, онъ не
гъ еще говорить объ этомъ спокойно и не осыпая ее бранью.
да! миссъ Гарріетъ была истинно „бѣсноватая“. Старушка
кашеръ геніально придумала назвать ее этимъ именемъ.

„Работникъ при конюшнѣ, котораго звали Саперомъ, потому
о онъ въ молодости служилъ солдатомъ въ Африкѣ, былъ о ней
таго мнѣнія. Онъ говорилъ съ хитрымъ видомъ: „это старина,
ившая свой вѣкъ“.

„Еслибъ слышала это бѣдная дѣвушка!

„Я не могъ понять причины, почему маленькая служанка
ѣста неохотно прислуживала ей. Быть можетъ, только потому,
о она была иностранка, другой націи, другаго языка, другой
ыгіи. Или потому, наконецъ, что была бѣсноватая?

„Англичанка проводила время, бродя по деревнѣ, дивя поклоняясь Богу въ созданной имъ природѣ. Однажды ромъ я засталъ ее стоявшею на колѣняхъ въ кустѣ. Замѣ что-то красное между листьями, я раздвинулъ вѣтви: миссъ ріетъ поднялась на ноги и, смущенная, устремила на меня ганный взглядъ, какъ сова, пойманная днемъ.

„Иногда, когда я работалъ на скалѣ, она, какъ телегра столбъ, появлялась на крутомъ берегу. Она страстно смот на необъятное море, залитое свѣтомъ, и на высокое, багряное Иногда я видѣлъ ее въ глубинѣ долины, идущую скорой, ле поступью англичанки, и, невольно влекомый, шелъ ей на вст для того только, чтобы взглянуть на лицо фанатички, на е хое, необыкновенное лицо, озаренное душевной глубокой стью.

„Часто я встрѣчалъ ее также на углу фермы, сидящ травѣ, подъ тѣнью яблони, съ раскрытой библіей на колѣ и со взглядомъ, устремленнымъ въ пространство.

„Я не собирался уѣзжать оттуда; я привязался къ этой койной странѣ и полюбилъ ея привольныя, красивыя мѣста; было хорошо въ этой неизвѣстной фермѣ, вдали отъ всего вблизи кормилицы земли, щедрой, здоровой, сырой земли, рую мы утучнимъ когда-нибудь собственными тѣлами. И, г откровенно, можетъ быть, частичка любопытства удерживала у старухи Лекашеръ. Мнѣ хотѣлось познакомиться немно этой странной миссъ Гарріетъ и узнать, что происходитъ въ старыхъ скитающихся англичанокъ.

II.

„Мы странно познакомились; я оканчивалъ этюдъ, ко мнѣ казался очень смѣлымъ, и онъ былъ такимъ на самомъ Пятнадцать лѣтъ спустя, онъ былъ проданъ за десять т франковъ. Онъ былъ простъ, какъ дважды два четыре, и вн демическихъ правилъ. Вся правая сторона моей картины ставляла скалу, огромную неровную скалу, покрытую тем желтыми и красными водорослями, на которую свѣтъ солнца л какъ масло. Хотя самаго солнца не было видно, но золоти

чъ его падалъ на камень. Первый планъ, залитый горячимъ
ѣтомъ, былъ безподобенъ.

„Налѣво море, но не то море синяго, аспиднаго цвѣта, а
леновато-молочное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, суровое подъ темнымъ
ебомъ.

„Я былъ такъ доволенъ своей работой, что плясалъ, принеся
домой. Мнѣ хотѣлось, чтобы весь свѣтъ немедленно увидѣлъ
. Помню, что на поворотѣ тропинки я показалъ ее коровѣ и
кричалъ: «посмотри, голубушка; ты не часто увидишь такія
ртины".

„Подойдя къ дому, я тотчасъ же позвалъ старушку Лекашеръ,
ича во все горло:—„Эй! эй! хозяюшка, идите-ка сюда и по-
залите".

„Крестьянка прибѣжала и безсмысленно глядѣла на мое про-
веденіе, ничего не понимая и даже не различая, былъ-ли изо-
раженъ быкъ, или домъ.

„Миссъ Гарріетъ возвращалась домой; она проходила сзади
ня какъ разъ въ ту минуту, когда я, держа въ рукѣ картину,
казывалъ ее трактирщицѣ. Бѣсноватая не могла не видѣть ея,
къ какъ я постарался держать ее такимъ образомъ, чтобы она
ускользнула отъ глазъ англичанки. Миссъ Гарріетъ мгновенно
тановилась, пораженная и остолбенѣлая. Это была ея скала,
самая, куда она взбиралась мечтать на свободѣ.

„Она произнесла британское «Aoh» такъ выразительно и лестно,
о я повернулся къ ней и съ улыбкой сказалъ: — „Это мой по-
ѣдній этюдъ, сударыня".

— „О! милостивый государь, вы постигаете природу осяза-
льнымъ образомъ, прошептала англичанка въ комическомъ и,
ѣстѣ съ тѣмъ, трогательномъ экстазѣ.

„Увѣряю васъ, я покраснѣлъ; эта похвала смутила меня бо-
е, нежели могла бы смутить похвала королевы; я былъ очаро-
нъ, побѣжденъ, и—честное слово!—готовъ былъ поцѣловать ее.

„За столъ я сѣлъ, какъ и всегда, подлѣ нея. Она заговорила
первый разъ, продолжая громко высказывать свою мысль.
! я такъ люблю природу!»

„Я предложилъ ей хлѣба, воды, вина. Теперь она принимала
съ легкой *улыбкой муміи*. Я завелъ разговоръ о пейзажахъ.

„Мы вмѣстѣ встали изъ-за стола и начали ходить по дв
привлеченный, вѣроятно, сильнымъ заревомъ, распространивш
по небу отъ заката солнца, я отперъ калитку, выходящую
берегъ, и мы отправились вмѣстѣ, совершенно довольные д
другомъ, какъ два лица, понявшія одинъ другаго и прони
тыя одинаковымъ убѣжденіемъ.

„Вечеръ былъ теплый, мягкій, одинъ изъ тѣхъ чудныхъ
ровъ, когда невольно отдыхаешь и тѣломъ и душой. Все
литъ и все восхищаетъ. Чистый благоухающій воздухъ, на
ненный запахомъ водорослей и прочихъ травъ, одинаково
ятно дѣйствуетъ на обоняніе своимъ дикимъ ароматомъ,
вкусъ своею морскою влажностью, и на умъ своей ласка
мягкостью. Мы приближались къ краю бездны, гдѣ, въ ста
рахъ подъ нашими ногами, неизмѣримое море катило свои вс
И мы, открывъ ротъ, вдыхали полной грудью это свѣжее
веніе, которое пронеслось по океану и теперь скользнул
нашему тѣлу.

„Закутанная въ свою клѣтчатую шаль, англичанка, под
голову, съ вдохновеннымъ видомъ смотрѣла на солнце, спу
шееся къ морю. Предъ нами далеко, далеко, какъ только
охватить взоръ, выдѣлялся на пурпуровомъ небѣ силуэтъ
мачтоваго судна съ поднятыми парусами, а ближе мчался
ходъ, оставляя за собою цѣлое облако дыма, застлавшаго
горизонтъ.

„Красный шаръ медленно онускался и вскорѣ слился с
ремъ, какъ разъ позади неподвижно стоявшаго судна, ко
очутилось точно въ огненной рамкѣ, посреди блестящаго
тила. Онъ мало по малу погружался въ воду, началъ то
уменьшаться и исчезъ. И только боковой очеркъ судна вид
на золотистомъ фонѣ неба.

„Миссъ Гарріетъ страстнымъ взоромъ слѣдила за угасав
днемъ. Навѣрно, она имѣла сильное желаніе сжать въ с
объятіяхъ и солнце, и море, и всю вселенную.

—„Ахъ! прошептала она, я люблю... люблю... люб
Въ ея глазахъ блеснули слезы. Она продолжала: „Я желал
быть птичкой, чтобы взвиться на небо“.

„*Англичанка* неподвижно стояла на берегу, какъ я

болѣе удерживать ихъ, даетъ имъ полную волю. Я мигомъ вскочилъ съ мѣста, также взволнованный этимъ непонятнымъ для меня горемъ, и взялъ ее за руки, побуждаемый внезапнымъ движеніемъ души, какъ истый французъ, который дѣйствуетъ раньше, чѣмъ думаетъ.

„Нѣсколько минутъ я держалъ ея руки въ своихъ и чувствовалъ, какъ онѣ дрожали, какъ будто всѣ нервы ея были натянуты. Затѣмъ она поспѣшно отняла ихъ или, скорѣе, вырвала.

„Я узналъ эту дрожь, потому что испыталъ ее и не обманусь въ ней. Ахъ, эта любовная дрожь,—будь она у женщины въ пятнадцать или пятьдесятъ лѣтъ, у крестьянки или аристократки,—такъ близка моему сердцу, что я сразу угадываю ее.

„Все ея бѣдное существо дрожало, тряслось, изнемогало. Я это зналъ. Она ушла, я не произнесъ ни слова, и стоялъ въ изумленіи, какъ предъ чудомъ, и въ страшномъ отчаяніи, какъ будто совершилъ преступленіе.

„Я не вернулся къ завтраку, и пошелъ пройтись по морскому берегу; мнѣ хотѣлось и плакать и смѣяться, я находилъ, что это приключеніе было и забавно и плачевно, что я смѣшенъ, а она несчастна до сумасшествія. Что мнѣ дѣлать? задавалъ я себѣ вопросъ. И рѣшилъ, что самое лучшее—уѣхать, и тотчасъ же остановился на этомъ рѣшеніи.

„Пробродивъ до самаго обѣда, я, грустный и задумчивый, вернулся въ ту минуту, какъ подавали супъ.

„Всѣ, по обыкновенію, сѣли на свои мѣста. Миссъ Гарріетъ была также тутъ. Она ѣла серьезно, ни съ кѣмъ не разговаривала и не поднимала головы. Впрочемъ, ни въ ея лицѣ, ни въ манерахъ не замѣчалось никакой перемѣны.

„Я дождался конца обѣда, затѣмъ, обратившись къ хозяйкѣ, сказалъ:—послушайте, г-жа Лекашеръ, я скоро васъ покидаю.

„Добрая старушка, удивленная и опечаленная, воскликнула своимъ протяжнымъ голосомъ: „Что вы говорите, милый господинъ? вы меня покидаете! я такъ привыкла къ вамъ!“

„Я взглянулъ искоса на миссъ Гарріетъ: ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на ея лицѣ. Но Целеста, маленькая служанка, испуганно посмотрѣла на меня. Это была толстая восемнадцатилѣтняя дѣ-

вушка, краснолицая, свѣжая, сильная, какъ лошадь, и чистенькая, что̀ рѣдко въ этомъ быту. Я цѣловалъ ее иногда въ уголку, по одной лишь привычкѣ посѣтителей гостинницъ, и только.

„Обѣдъ кончился.

„Я закурилъ трубку и началъ ходить взадъ и впередъ подъ яблонями, отъ одного конца двора до другаго. Все, что̀ я передумалъ въ этотъ день:—необыкновенное утреннее открытіе, эта смѣшная, пылкая любовь ко мнѣ, воспоминанія, вызванныя этимъ открытіемъ, прелестныя, волнующія воспоминанія и, можетъ быть, также взглядъ служанки, брошенный на меня при извѣстіи о моемъ отъѣздѣ,—все это, вмѣстѣ взятое и передуманное, приводило меня въ игривое настроеніе; мурашки бѣгали по тѣлу и въ жилахъ; я чувствовалъ на губахъ щекотаніе поцѣлуя и что-то располагающее къ глупостямъ.

„Наступалъ вечеръ, подъ деревьями стемнѣло, я видѣлъ какъ Целеста пришла запереть курятникъ по другой сторонѣ двора. Я бросился за нею такъ тихо, что она не слыхала моихъ шаговъ, и въ то время какъ она, закрывъ отверстіе, чрезъ которое входили куры, приподнималась на ноги, я схватилъ ее обѣими руками и осыпалъ поцѣлуями ея широкое и толстое лицо. Она отбивалась и вмѣстѣ съ тѣмъ хохотала, привычная къ подобнымъ ласкамъ.

„Зачѣмъ я такъ скоро ее выпустилъ? Зачѣмъ я мигомъ оглянулся? Почему я почувствовалъ, что кто-то стоитъ позади меня?

„Это была миссъ Гарріетъ; она возвращалась домой, увидала насъ и остановилась неподвижно, какъ будто передъ привидѣніемъ. Затѣмъ скрылась въ темнотѣ.

„Я былъ пристыженъ, смущенъ и въ большомъ отчаяніи, что она застала меня въ такомъ глупомъ положеніи.

„Ночь я провелъ безпокойно, нервы были возбуждены до чрезвычайности, тяжелыя мысли осаждали голову. Мнѣ слышалось, что кто-то плачетъ. Конечно, я ошибался. Нѣсколько разъ мнѣ казалось также, что ходятъ въ домѣ, что отворяютъ наружную дверь. Къ утру, изнемогая отъ усталости, я наконецъ уснулъ. Я всталъ поздно и вышелъ только къ завтраку, все еще смущенный, не зная, какъ держать себя.

ея щеки были очень красны,—такая краснота присуща только днимъ англичанамъ,—затѣмъ, безъ всякой причины, она блѣдѣла, становилась земляного цвѣта и чуть не падала въ обморокъ. Однако, мало по малу, ея лицо принимало обычное выраженіе и она начинала говорить.

„Потомъ, вдругъ она останавливалась на полуфразѣ, вставала съ мѣста и такъ неожиданно и быстро удалялась, что я помышлялъ, не сдѣлалъ-ли чего нибудь, что̀ могло ей не понравиться, или оскорбить ее.

„Наконецъ я пришелъ къ тому убѣжденію, что эти поступки, много измѣненные для меня въ первое время нашего знакомства, должно быть, были ея нормальнымъ состояніемъ.

„Когда она возвращалась на ферму послѣ долгой ходьбы по морскому берегу въ вѣтряную погоду, ея длинные волосы, затянутые винтообразно, часто распускались и въ безпорядкѣ висѣли по щекамъ. Прежде она не безпокоилась объ этомъ и, не стѣсняясь, приходила къ обѣду, растрепанная своимъ роднымъ вѣтромъ. Теперь же она прямо отправлялась въ свою комнату, чтобы привести въ порядокъ свои „ламповыя стекла“, какъ я называлъ ея букли. И когда я говорилъ ей съ фамильярной любезностью: „Вы прекрасны сегодня, какъ солнце, миссъ Гарріетъ“, на ея щекахъ выступалъ румянецъ,—румянецъ молодой пятнадцатилѣтней дѣвушки.

„Вдругъ она сдѣлалась совершенной дикаркой и не приходила больше смотрѣть, какъ я рисовалъ. Я думалъ—этотъ капризъ пройдетъ. Но онъ не проходилъ. Теперь, когда я обращался къ ней съ вопросомъ, она отвѣчала или съ притворной холодностью, или съ затаеннымъ ожесточеніемъ. Она была рѣзка, нетерпѣлива, раздражительна. Я встрѣчалъ ее за обѣдомъ и мы не разговаривали больше. Въ самомъ дѣлѣ, я думалъ, что чѣмъ нибудь ее обидѣлъ, и однажды спросилъ ее: «Миссъ Гарріетъ, чего вы со мною не та, что̀ были прежде? Чѣмъ я могъ провинѣвать васъ? Вы меня очень огорчаете».

„Она отвѣчала сердитымъ, но забавнымъ тономъ:—«Я всегда съ вами та же, что̀ и прежде. Это неправда, неправда», и убѣжавъ, заперлась въ своей комнатѣ.

„По временамъ, она какъ-то странно смотрѣла на меня. Я

часто потомъ говорилъ себѣ, что осужденные на смерть должны смотрѣть точно такъ, когда имъ объявятъ о днѣ казни. Въ ея глазахъ проглядывало таинственное безуміе и что-то другое,— лихорадочное состояніе и раздраженное, нетерпѣливое, безсильное желаніе неосуществленнаго и неосуществимаго! Мнѣ казалось, что въ ней происходила борьба, въ которой сердце ея билось противъ невѣдомой силы и ей хотѣлось побѣдить, а, можетъ быть, и еще что нибудь... Богъ вѣсть, Богъ вѣсть!

III.

„Дѣйствительно, это было необыкновенное открытіе.

„Уже нѣсколько времени, какъ я каждый день, съ утренней зари, работалъ надъ картиной слѣдующаго содержанія:

„Глубокій оврагъ, между двухъ откосовъ съ терновыми кустами и деревьями, тянулся, теряясь, утопая въ туманѣ молочнаго цвѣта (похожемъ на вату), который иногда стелется надъ долинами при наступленіи дня. И сквозь этотъ густой и прозрачный туманъ, вы видите или скорѣе догадываетесь о присутствіи парочки; молодой парень и молодая дѣвушка стоятъ, обнявшись, она—поднявъ голову къ нему, а онъ—наклонясь къ ней, и цѣлуются.

„Первый лучъ солнца, скользнувъ сквозь вѣтви, прорѣзалъ этотъ утренній туманъ и озарилъ его розовымъ отблескомъ позади деревенскихъ влюбленныхъ, выдѣливъ ихъ неясныя фигуры въ серебристомъ свѣтѣ. Это было красиво, право, красиво.

„Я работалъ на спускѣ, ведущемъ въ небольшую долину Этрета; по счастью, въ это утро въ воздухѣ разстилался тотъ туманъ, какой мнѣ былъ нуженъ.

„Вдругъ, какъ призракъ, кто-то предсталъ предо мной, это была миссъ Гарріетъ. Увидя меня, она намѣревалась было бѣжать, но я позвалъ ее, закричавъ: „Идите, идите сюда, mademoiselle, у меня есть картинка для васъ».

„Она подошла, какъ бы нехотя. Я подалъ ей мой эскизъ. Она ничего не сказала, долго, неподвижно смотрѣла и вдругъ начала плакать. Она нервно, судорожно рыдала, какъ это бываетъ съ *тѣми, кто* долго борется со слезами, но будучи не въ состояніи

олѣе удерживать ихъ, даетъ имъ полную волю. Я мигомъ вскочилъ съ мѣста, также взволнованный этимъ непонятнымъ для меня горемъ, и взялъ ее за руки, побуждаемый внезапнымъ движеніемъ души, какъ истый французъ, который дѣйствуетъ раньше, чѣмъ думаетъ.

„Нѣсколько минутъ я держалъ ея руки въ своихъ и чувствовалъ, какъ онѣ дрожали, какъ будто всѣ нервы ея были натянуты. Затѣмъ она поспѣшно отняла ихъ или, скорѣе, вырвала.

„Я узналъ эту дрожь, потому что испыталъ ее и не обманусь въ ней. Ахъ, эта любовная дрожь,—будь она у женщины въ пятнадцать или пятьдесятъ лѣтъ, у крестьянки или аристократки,—какъ близка моему сердцу, что я сразу угадываю ее.

„Все ея бѣдное существо дрожало, тряслось, изнемогало. Я это зналъ. Она ушла, я не произнесъ ни слова, и стоялъ въ раздумьи, какъ предъ чудомъ, и въ страшномъ отчаяніи, какъ будто совершилъ преступленіе.

„Я не вернулся къ завтраку, и пошелъ пройтись по морскому берегу; мнѣ хотѣлось и плакать и смѣяться, я находилъ, что это приключеніе было и забавно и плачевно, что я смѣшенъ, что она несчастна до сумасшествія. Что мнѣ дѣлать? задавалъ я себѣ вопросъ. И рѣшилъ, что самое лучшее—уѣхать, и тотчасъ же остановился на этомъ рѣшеніи.

„Пробродивъ до самаго обѣда, я, грустный и задумчивый, вернулся въ ту минуту, какъ подавали супъ.

„Всѣ, по обыкновенію, сѣли на свои мѣста. Миссъ Гарріетъ была также тутъ. Она ѣла серьезно, ни съ кѣмъ не разговаривала и не поднимала головы. Впрочемъ, ни въ ея лицѣ, ни въ манерахъ не замѣчалось никакой перемѣны.

„Я дождался конца обѣда, затѣмъ, обратившись къ хозяйкѣ, сказалъ:—послушайте, г-жа Лекашеръ, я скоро васъ покидаю.

„Добрая старушка, удивленная и опечаленная, воскликнула своимъ протяжнымъ голосомъ: „Что вы говорите, милый господинъ? вы меня покидаете! я такъ привыкла къ вамъ!“

„Я взглянулъ искоса на миссъ Гарріетъ: ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на ея лицѣ. Но Целеста, маленькая служанка, испуганно посмотрѣла на меня. Это была толстая восемнадцатилѣтняя дѣ-

горячей любовью ко всѣмъ предметамъ и ко всѣмъ живымъ существамъ, исключая мужчинъ?

„И я понималъ, что она вѣровала въ Бога и надѣялась получить на томъ свѣтѣ возмездіе за свои страданія. Теперь она скоро разложится и, въ свою очередь, превратится въ растеніе, которое зацвѣтетъ подъ солнечными лучами и коровы ощиплятъ его, птицы размечутъ по зернышкамъ, и мясо животныхъ опять сдѣлается мясомъ человѣка. Но то, что̀ называется душою, угасло навсегда на днѣ мрачнаго колодезя. Она не страдала больше. Она отдала свою жизнь для жизни другихъ, которые должны родиться.

„Часы проходили въ этой безмолвной, печальной бесѣдѣ. Слабый свѣтъ возвѣстилъ о наступленіи дня, затѣмъ золотистый лучъ скользнулъ по постели и оставилъ блестящую полосу на простынѣ и на рукахъ покойницы. Она очень любила этотъ часъ. Проснувшіяся птички весело щебетали на деревьяхъ.

„Я раскрылъ окно, отдернулъ занавѣски, чтобы все небо видѣло насъ, и наклонясь надъ холоднымъ трупомъ, приподнялъ ея обезображенную голову и тихо, безъ страха, безъ отвращенія, напечатлѣлъ на ея губахъ долгій, долгій поцѣлуй, какого она никогда не получала“.

. . . . . .

Леонъ Шеналь замолкъ. Дамы плакали; слышно было, какъ сморкался на козлахъ графъ д'Этрайль. Только кучеръ дремалъ. А лошади, не чувствуя болѣе кнута, убавили свой шагъ и вяло тащили. Коляска еле подвигалась впередъ, вдругъ сдѣлавшись тяжелою, точно ее наполнили горемъ.

Картины петербургскихъ нравовъ.

III.

Родители и дѣти.

Мы видѣли, что матримоніальныя отношенія петербуржцевъ, говоря вообще, оставляютъ желать очень многаго со стороны прочности и чистоты. Отсюда естественно заключить, уже по логикѣ вещей, что въ равной степени должны быть неудовлетворительны и отношенія родителей къ дѣтямъ, что семейный разбродъ между супругами отражается неблагопріятно на положеніи дѣтей, на ихъ нравственности и, вообще, на воспитаніи. Развратная жена не можетъ быть доброй матерью и мужъ-негодяй—навѣрно и дурной отецъ. Наконецъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они, сами по себѣ, люди порядочные, но бракъ ихъ неудаченъ и разрѣшается раздоромъ,—положеніе дѣтей все таки незавидное и ихъ не можетъ не деморализовать происходящая между родителями распря.

То, что̀ въ данномъ случаѣ понимается само собой, по аналогіи, подтверждается множествомъ печальныхъ фактовъ и повседневныхъ наблюденій.

Прежде всего, напрашиваются подъ перо нѣкоторыя общія отрицательныя черты, характеризующія петербургскій семейный бытъ и, въ частности, положеніе въ столицѣ *дѣтскаго вопроса*, если можно такъ выразиться. Въ своемъ мѣстѣ мы указывали на то, рѣзко бросающееся въ глаза, явленіе, что въ Петербургѣ заключается, сравнительно, очень мало браковъ и что одною изъ главныхъ причинъ этого служитъ эгоистическая боязнь молодыхъ людей передъ бременемъ, налагаемымъ семьею, одно содержаніе которой, при дороговизнѣ жизни, дѣйствительно, очень трудно. Изъ тѣхъ же побужденій и разсчетовъ, петербуржцы, состоящіе уже въ брачныхъ парахъ, боятся дѣтей, смотрятъ на плодовитость супружества, какъ на обузу и, просто, какъ на несчастье. И этому страху бываютъ причастны не только люди съ ограниченными средствами, приводимые въ смущеніе трудностью выкормить и воспитать кучу ребятъ, но и представители высшихъ зажиточныхъ классовъ. Дѣло въ томъ, что на днѣ этой безнравственной, въ сущности, и противоестественной боязни дѣтей, кромѣ матеріальной разсчетливости, лежатъ еще городская суетность и холодное себялюбіе.

— „Женщина, которая тамъ лежитъ, это... это... миссъ Гарріетъ.

„Саперъ даже не поморщился: онъ еще и не то видалъ въ Африкѣ! Старушка Лекашеръ и Целеста пронзительно вскрикнули и опрометью кинулись бѣжать.

„Нужно было вытащить утопленницу.

„Я крѣпко обвязалъ веревкой за талію работника и, посредствомъ блока, началъ медленно спускать его въ колодезь, наблюдая, какъ онъ съ фонаремъ въ одной рукѣ и съ веревкой въ другой, углублялся внутрь. Вскорѣ раздался его голосъ, как будто выходящій изъ-подъ земли:

— „Стой!—и я увидалъ, какъ онъ вытаскивалъ другую ногу англичанки изъ воды, затѣмъ перевязалъ ихъ вмѣстѣ и снов закричалъ:

— „Тяни!

„Я началъ его поднимать, хотя руки у меня устали, мускул ослабли и я боялся, что выпущу изъ рукъ веревку и не сдерж этого человѣка. Когда его голова показалась у окраины ко лодезя, я спросилъ: — „Ну, что?“ какъ будто ожидалъ, что он принесетъ мнѣ извѣстіе отъ той, которая находилась тамъ в днѣ.

„Мы оба влѣзли на каменную окраину и, стоя другъ проти друга, нагнулись надъ отверстіемъ—тянуть наверхъ тѣло.

„Старушка Лекашеръ и Целеста издали слѣдили за нам спрятавшись за угломъ дома. Когда онѣ увидали черные ба маки и бѣлые чулки утопленицы, онѣ тотчасъ убѣжали.

„Саперъ схватилъ миссъ Гарріетъ за лодыжки и мы вытащил несчастную непорочную дѣвушку въ самомъ нескромномъ вид Лицо ея было ужасное, черное, исцарапанное; ея длинные сѣ дые волосы, распущенные и растрепанные теперь навсегда, вс сѣли мокрыми, грязными прядями. Саперъ презрительнымъ то номъ произнесъ:

— „Чортъ возьми, какъ она худа!

„Мы отнесли ее въ ея комнату, и такъ какъ обѣ женщин больше не показывались, то я съ работникомъ одѣлъ ее въ по гребальный нарядъ.

„*Я омылъ* ея обезображенное лицо. Подъ моей рукою один

і глазъ немного открылся и посмотрѣлъ на меня мутнымъ, холодным взглядомъ,—тѣмъ ужаснымъ, мертвеннымъ взглядомъ, который устремляется на васъ какъ будто съ того свѣта. Я причесалъ, какъ умѣлъ, ея распустившіеся волосы, и своими неловкими руками надѣлъ ей на голову новый, странный уборъ. Затѣмъ я снялъ съ нея мокрую одежду, и хотя мнѣ было стыдно, такъ какъ я, словно, осквернялъ ее, но я обнажилъ немного ея плечи, грудь и сухія, какъ палки, руки.

„Послѣ этого я пошелъ нарвать цвѣтовъ, маку, васильковъ, маргаритокъ и свѣжей, душистой травы, которыми убралъ ея мертное ложе.

„Затѣмъ мнѣ нужно было исполнить всѣ необходимыя формальности, такъ какъ я былъ одинъ при ней. Въ письмѣ, найденномъ въ карманѣ ея платья и написанномъ предъ самой смертью, она просила, чтобы ее похоронили въ этой деревнѣ, гдѣ она провела послѣдніе дни жизни. Страшное предчувствіе жгло мое сердце. Не я ли былъ причиной того, что она желала остаться въ этомъ мѣстѣ?

„Вечеромъ, сосѣднія кумушки пришли посмотрѣть на покойницу, но я не позволилъ войти: я хотѣлъ быть одинъ и просидѣлъ всю ночь.

„Я смотрѣлъ, при мерцаніи свѣчей, на эту несчастную, никому неизвѣстную женщину, такъ плачевно умершую вдалекѣ отъ родины. Остались-ли у нея гдѣ-нибудь друзья, родные? Какое было у нея дѣтство? Какъ сложилась ея жизнь? Наконецъ, откуда она, эта бѣдная, скитающаяся, пропавшая, какъ собака, выгнанная изъ дому? Какое тайное горе и отчаяніе скрывались въ этомъ нерасивомъ тѣлѣ, которое она въ продолженіе всей жизни носила, какъ постыдную одежду, какъ смѣшную оболочку, отдалявшую отъ нея всякую привязанность и любовь?

„Сколько есть несчастныхъ! Я чувствовалъ, что надъ этимъ существомъ тяготѣла вѣчная несправедливость неумолимой природы. Все было кончено для нея и, можетъ быть, ей не пришлось испытать даже и того, что̀ поддерживаетъ всѣхъ бездольныхъ—надежды быть когда-нибудь любимой! Почему же она такъ скрылась, такъ избѣгала другихъ? Отчего она привязывалась такой

Хорошо извѣстно, напр., съ какой безсердечной брезгливостью относятся многія свѣтскія женщины и къ материнству, и къ своимъ дѣтямъ. Полагая, что онѣ созданы исключительно для «свѣта», для успѣховъ на его паркетѣ и для непрерывнаго, безмятежнаго пользованія всякими удовольствіями, женщины этой категоріи видятъ въ материнствѣ какую-то непріятную, нелѣпую случайность, становящуюся помѣхой въ ихъ истинномъ призваніи салонной сильфиды. Сама беременность для нихъ—жестокое несчастье, такъ глупо и уродливо безобразящее ихъ стройныя, изящныя формы. Натурально, онѣ отъ всего сердца желаютъ, чтобы эта несносная mésaventure случалась съ ними какъ можно рѣже. Что касается дальнѣйшаго процесса материнства, когда уже ребенокъ явился на свѣтъ, то свѣтская женщина, обыкновенно, совсѣмъ его не знаетъ и щепетильно отстраняется отъ него до мелочей, ради соблюденія своего салоннаго престижа, своей свободы. Она никогда не станетъ кормить дитя своей грудью. Какъ можно! Это испортитъ изящную округленность ея бюста, истощитъ ее и причинитъ худобу... Выкормить его можетъ наемная кормилица, которой за это хорошо заплатятъ. Дальнѣйшее воспитаніе дѣтей поручается такимъ-же наемнымъ нянькамъ, боннамъ, гувернанткамъ, учителямъ, и этимъ обыкновенно ограничиваются родительскія заботы свѣтской дамы, которая, нерѣдко, даже не видитъ своихъ дѣтей по цѣлымъ днямъ.

На западѣ, напр., въ Парижѣ, вопросъ объ ограниченіи плодовитости браковъ, о произвольномъ, по желанію родителей, нормированіи числа дѣтей, практикуется уже въ настоящее время вполнѣ откровенно, даже на научной подкладкѣ со ссылками на Мальтуса, какъ обыкновенное, вполнѣ законное дѣло и практикѣ семейнаго благоустройства. Парижскій буржуа, вступая въ бракъ, заранѣе предрѣшаетъ—будутъ или не будутъ у него дѣти, и если будутъ, то сколько именно. Кажется, у насъ это искусство, порожденное порчей нравовъ, не привилось еще,—по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно примѣняется у нашихъ западныхъ «учителей». Зато у насъ родители, не поостерегшіеся произвести на свѣтъ лишнихъ дѣтей, которыя имъ въ тягость, которыхъ они не могутъ или не хотятъ воспитать, не стѣсняются отдѣлываться отъ нихъ безхитростнымъ, патріархальнымъ способомъ. Они просто на просто выбрасываютъ ихъ на улицу не только въ фигуральномъ, но и въ буквальномъ смыслѣ, въ теплой надеждѣ, что ихъ подберетъ и воспитаетъ общественная, либо частная благотворительность.

Въ Петербургѣ ежегодно подкидываются сотни грудныхъ ребятъ, —и это составляетъ уже такое заурядное явленіе, что на него никто и вниманія не обращаетъ. Въ послѣднее-же время, стало также входить въ обычай откровенное, гласное, при посредствѣ газетъ, обращеніе со стороны родителей къ добрымъ людямъ—взять у нихъ дѣтей и тѣмъ спасти ихъ отъ этой тягостной, непосильной

обузы. Вотъ одно изъ многихъ такого рода печатныхъ обращеній къ филантро-
мъ, которое мы приводимъ здѣсь буквально:

«Родители, не имѣющіе пріюта и пропитанія, умоляютъ взять на воспитаніе
юбаго изъ ихъ дѣтей: двухъ мальчиковъ и дѣвочки. Спросить отставнаго офи-
ера такого-то, тамъ-то».

Что касается подкидыванія дѣтей, то оно обыкновенно производится тайно
по одному и тому-же способу, основательно выработанному богатымъ опытомъ и
ошедшему какъ-бы въ обычай. Младенецъ, задѣланный въ корзинку и снаб-
женный, для свѣдѣнія тѣхъ, кто сжалится надъ нимъ и подберетъ его, поясни-
тельной цыдулкой: крещенъ или не крещенъ, какъ зовутъ, сколько ему дней отъ
рожденія и проч., съ присовокупленіемъ иногда стереотипной, чувствительной
росьбы принять его на попеченіе,—приносится къ дверямъ добрыхъ людей, о
мъ они извѣщаются звонкомъ, вслѣдъ за которымъ подкидыватель поспѣшно
летучивается. Добрые люди выходятъ на звонокъ и, при видѣ загадочной кор-
ники на своемъ порогѣ, «неизвѣстно кѣмъ» оставленной, сразу смекаютъ въ чемъ
ло. Случается, что добрые люди принимаютъ благосклонно этотъ живой даръ
усыновляютъ несчастнаго подкидыша, а случается, что не оправдываютъ раз-
чета невѣдомыхъ родильницъ и сдаютъ подброшенныхъ имъ ребятъ полиціи, ко-
торая препровождаетъ ихъ въ Воспитательный Домъ.

По сложившейся на этотъ счетъ традиціи, подкидышъ навлекаетъ на муж-
ину, къ дверямъ котораго онъ подкинутъ, нѣкоторое гривуазное подозрѣніе въ
еблагонравіи, въ нарушеніи господней заповѣди, воспрещающей прелюбодѣяніе.
юдямъ думается, что въ такихъ случаяхъ происходитъ просто погашеніе счета
натурой: человѣкъ согрѣшилъ—ввелъ въ соблазнъ какую нибудь дѣвственницу,
сдѣлалъ ее матерью и безжалостно бросилъ на произволъ судьбы; вотъ теперь
лодъ его грѣховности и препровожденъ по принадлежности: — получи, милый
другъ, и распишись! На самомъ дѣлѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ ничего
подобнаго не бываетъ. Чаще всего добрымъ людямъ, которымъ подкидываютъ
ребятъ, здѣсь просто—въ чужомъ пиру похмѣлье, и они нерѣдко совершенно ис-
кренно не могутъ сказать, даже приблизительно, отъ кого именно эта благодать
подослана къ нимъ, въ твердой вѣрѣ на ихъ человѣколюбіе?—Конечно, подки-
дывающіе знаютъ, кому они вручаютъ своихъ малютокъ; но при этомъ прини-
маются въ соображенія условія, вовсе не относящіяся къ самому факту появленія
на свѣтъ этихъ несчастныхъ. Подкидываютъ такимъ людямъ, которые имѣютъ
достатокъ и, будучи женатыми, не имѣютъ дѣтей, которые, наконецъ, пользуются
репутаціей сердобольныхъ человѣколюбцевъ. Понятно, что мать, какъ бы она ни
была испорчена, рѣшившись бросить своего ребенка, все таки настолько по-
заботится о немъ, чтобы подкинуть его къ хорошимъ людямъ, на милосердіе ко-
торыхъ можно положиться.

Что въ этихъ случаяхъ обыватели, которымъ подкидываютъ дѣтей, вовсе не-

равнодушіемъ! По арестантски обстриженныя, грязныя, съ истощенными личиками, вялыя и неуклюжія, точно они разучились ходить, точно они—не дѣти съ отличающей этотъ возрастъ рѣзвостью, одѣтыя въ грубое, давно немытое бѣлье, въ рваныхъ, подбитыхъ вѣтромъ, пестрядинныхъ халатахъ тюремнаго покроя, босыя или въ дырявыхъ опоркахъ,—бредутъ эти жалкія существа по улицамъ, неизбѣжно съ какой нибудь тяжелой, непосильной ношей, такъ какъ только для посылокъ и переносокъ, взамѣнъ ломовыхъ лошадей, они и выпускаются своими хозяевами изъ мастерскихъ катакомбъ на бѣлый свѣтъ. Намъ лично не разъ приводилось видѣть, гдѣ и какъ живутъ эти наши бѣлые негритёнки. Обыкновенно, особыхъ помѣщеній хозяева-ремесленники не отводятъ, собственно для жилища, своимъ рабочимъ и ученикамъ. Мастерская служитъ имъ и столовой, и дортуаромъ; въ ней они безвыходно пребываютъ цѣлыя сутки—и работаютъ, и отдыхаютъ, и спятъ среди всякой нечисти, въ тѣснотѣ, духотѣ и смрадѣ. Ни кроватей, ни постелей они не имѣютъ, а спятъ, гдѣ придется,—на верстакахъ, на полу, въ повалку, и—много, много—если для подстилки находятся въ ихъ распоряженіи какіе нибудь жалкіе, грязные тюфяки; большею-же частью, постель ихъ составляетъ носильное платье.

Еще безотраднѣе положеніе рабочихъ малолѣтковъ въ духовно-нравственномъ отношеніи. Ужасно уже то, что они въ самомъ нѣжномъ возрастѣ лишены родительской опеки, ласки матери, благотворнаго вліянія родной семьи, отъ которой нерѣдко отрываются навсегда. Это—въ большинствѣ—деревенскія, крестьянскія дѣти, цѣлыми толпами приносимыя въ жертву современному промышленному городскому Молоху, не менѣе жестокому и истребительному, чѣмъ его языческій первообразъ. Лишенныя вліянія семьи, дѣти эти сразу попадаютъ въ городскую рабочую, испорченную въ значительной части, среду и быстро деморализуются, такъ какъ никто и не думаетъ позаботиться объ ихъ нравственномъ воспитаніи и образованіи. Пройдя ремесленную „науку“, внушаемую хозяйскими колотушками и руганью, проникшись дурными наклонностями и грубыми, нерѣдко прочными вкусами окружающей среды, потерявъ здоровье или надорвавъ его въ отвратительной обстановкѣ, эти «сыны народа» выростаютъ въ поколѣніе хилыхъ, безвременно-изможденныхъ, апатичныхъ, морально-изуродованныхъ голышей—пролетаріевъ, любителей трактирной „прохлады“—часто неисправимыхъ пьяницъ-чужекъ, которые собирательно именуются „мастеровщиной“—титуломъ далеко не лестнымъ въ трезвыхъ и строгихъ устахъ патріархальной русской деревни, что̀ однако не мѣшаетъ ей жертвовать тысячами своихъ дѣтей.

У крестьянъ, отдающихъ своихъ дѣтей въ городъ, въ «мальчики», въ «науку»,—тотъ разсчетъ, что они этимъ путемъ выдутъ и сами «въ люди» и семью поддержатъ. Особенно льстятся крестьяне отдавать своихъ дѣтей въ торговыя заведенія, въ магазины и лавки, такъ какъ на этомъ поприщѣ всего скорѣе и надежнѣе можно разжиться и разбогатѣть. Деревнѣ, конечно, из-

вѣстно, что многіе «именитые» купцы, капиталисты - милліонщики, ворочающіе огромными дѣлами, не говоря уже о купцахъ средней руки, начинали свою карьеру въ жалкой роли «мальчиковъ». Родоначальники знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ купеческихъ домовъ въ столицѣ непремѣнно были въ свое время такими-же «мальчиками» — учениками. Какъ они выходятъ «въ люди» и богатѣютъ — исторія извѣстная и отнюдь не славная въ большинствѣ случаевъ. Вотъ ея процедура вкратцѣ:

Поступивъ въ лавку, «мальчикъ» на первыхъ порахъ исполняетъ разную черную работу и бѣгаетъ на посылкахъ, а тѣмъ временемъ приглядывается къ практикѣ хозяина и прикащиковъ, какъ нужно обдѣлывать торговое дѣло. Въ этомъ и состоитъ вся «наука». Русская торговая практика очень рѣдко бываетъ чистой. Часто вся она зиждется на систематическомъ обманѣ, обмѣрѣ и обсчитываніи покупателей, и—такимъ способомъ составляются состоянія. Бойкій, смѣтливый «мальчикъ» быстро усвоиваетъ эту премудрость и уже въ отрочествѣ сформировывается въ отъявленнаго наглеца и плута, по профессіи. Ставъ прикащикомъ, онъ обыкновенно «обдѣлываетъ» уже не одного покупателя, но и хозяина, иногда такъ удачно, что чрезъ какихъ-нибудь десять, пятнадцать лѣтъ заводитъ свою самостоятельную торговлю, а тамъ—глядь! — въ «тысячники», либо въ «милліонщики» выскочилъ. Но, разумѣется, изъ тысячей «мальчиковъ», посвящаемыхъ комерціи, только немногіе счастливцы кончаютъ такъ блистательно, по крайней мѣрѣ, въ матеріальномъ отношеніи, тогда какъ, въ нравственно-общественномъ, народъ, конечно, ничего не выигрываютъ отъ пріумноженія хищной стаи Разуваевыхъ и Деруновыхъ. Большинство-же «мальчиковъ» въ торговыхъ заведеніяхъ выростаютъ въ деморализованныхъ оболтусовъ, набравшихся городскаго «форсу», искусившихся въ кутежахъ и развратѣ, на который и идутъ у нихъ всѣ заработанныя и украденныя сбереженія. Крестьяне говорятъ о такихъ, что они «заболтались» въ столицѣ, и машутъ на нихъ рукою, какъ на пропащихъ. И дѣйствительно, это акклиматизовавшееся въ городской грязи деревенское юношество, оставаясь по деревенски темнымъ и невѣжественнымъ, но утративъ всѣ добрыя качества сельскаго патріархальнаго быта, окончательно пропадаетъ не только для своихъ семействъ и общинъ, но и для всего народа, для всего государства.

Вообще, если вглядѣться хорошенько въ задѣтое нами здѣсь глубоко-печальное явленіе, то мы должны признать, что нашъ городъ, въ особенности-же наша столица представляетъ собою въ данномъ отношеніи какой-то огромный, чудовищный агломератъ для послѣдовательнаго физическаго и нравственнаго вырожденія очень значительнаго процента населенія страны, притомъ лучшей его части—его цвѣта,—такъ какъ городъ рекрутируетъ для себя отборнѣйшихъ представителей деревни. Объ этомъ не мѣшало-бы серьезно подумать, потому

что указаннымъ путемъ происходитъ постепенное вырожденіе всей расы, всего народа; но вопросъ этотъ не входитъ въ рамку нашего изслѣдованія.

Возвратимся еще къ положенію малолѣтнихъ рабочихъ въ столицѣ, ради ближайшаго, нагляднаго ознакомленія съ ихъ горькой судьбой по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи достовѣрнымъ фактамъ. Множество такихъ фактовъ дала практика столичнаго мироваго суда за послѣднее время, хотя, по своей сущности, они довольно однообразны и сводятся къ двумъ категоріямъ правонарушеній—либо къ жестокости обращенія съ дѣтьми-учениками, либо къ дурному, антигигіеническому ихъ содержанію, обремененію чрезмѣрной работой и проч.

«Содержаніе «мальчиковъ» въ ремесленныхъ заведеніяхъ бываетъ иногда до того невыносимо и омерзительно, что они сами заявляютъ жалобы полиціи и суду. Разъ къ градоначальнику явилась цѣлая гурьба учениковъ одного зажиточнаго столярнаго мастера съ жалобой на хозяина за то, что онъ лишаетъ ихъ самого необходимаго для существованія. Было наряжено слѣдствіе, которое обнаружило возмутительныя вещи. Дѣти жили въ тѣсной, смрадной мастерской, стѣны которой десятки лѣтъ не видѣли краски; полы въ ней никогда не мылись; ученики не имѣли ни кроватей, ни постелей; у нѣкоторыхъ были только грязные, затасканные тюфяки, употреблявшіеся очень мудренымъ способомъ, по пословицѣ: «голь на выдумки хитра».

— Для спанья тюфякъ имѣемъ, — показывалъ на судѣ одинъ изъ жалобщиковъ: — на тюфякѣ спимъ, тюфякомъ одѣваемся, тюфякъ и подъ голову кладемъ!

— Какъ это понимать? съ удивленіемъ спросилъ судья.

— Да такъ: ляжемъ на голый верстакъ, а тюфякомъ накроемся!

Оказалось, что у несчастныхъ не было никакой почти одежды. Въ мастерской они ходили въ одномъ бѣльѣ, да и то рваномъ и грязномъ, и всегда босые, такъ какъ у большинства вовсе не имѣлось сапогъ, а у кого они водились, то больше—по названію, «для славы».

— Сапоги у васъ есть?... спросилъ судья одного изъ учениковъ.

— Есть! Какъ не быть— только вотъ они каковы! отвѣтилъ тотъ, показавъ ногу, обутую въ какое-то подобіе сапога и совсѣмъ безъ подошвы.

Хозяинъ отпускалъ сапоги, но безъ срока—на все время «науки», т. е. лѣтъ на пять, на семь. Вся верхняя одежда учениковъ ограничивалась нѣсколькими общими тиковыми, безъ подкладки, халатами — и тоже безсрочной службы,—въ которыхъ они ходили и лѣто и зиму. Послѣдствіемъ такого легкаго гардероба было то, что дѣти постоянно простужались, а нѣкоторыя изъ нихъ нажили ревматизмъ. Хозяинъ кормилъ ихъ плохо, а, случалось, и вовсе не давалъ пищи, въ наказаніе провинившимся въ чемъ нибудь. Зато не было недостатка въ тукманкахъ и колотушкахъ, безъ которыхъ — какая-же была-бы «наука»?!

— Неужели все это было возможно? — спросилъ судья, въ заключеніе дороса, одного взрослаго подмастерья-свидѣтеля, очевидно потрясенный до глубинѣ души раскрывшимся передъ нимъ адомъ.

— Съ нашимъ братомъ, господинъ судья, все возможно! — выразительно и характеристично отвѣтилъ тотъ.

Не менѣе характеристично въ этомъ дѣлѣ было и то, что хозяинъ вначалѣ, когда полиція дѣлала ему увѣщанія и, какъ говорится, «честью» потребовала улучшить содержаніе дѣтей, — не обратилъ на это никакого вниманія и ровно ничего не сдѣлалъ, почему его и потянули къ суду. На судѣ онъ держалъ себя вполнѣ угнетенной невинностью, притомъ съ трогательной искренностью. Когда онъ услышалъ, въ чемъ его обвиняютъ,—съ нимъ «сдѣлалось дурно»... Бѣдный чуть не упалъ въ обморокъ, а потомъ все время выражалъ глубочайшее недоумѣніе, какъ еслибъ надъ нимъ играли какую-нибудь жестокую мистификацію.

— Все это Антошка намутилъ! разводилъ онъ руками, разумѣя своего ученика Антошку, по злобѣ и коварству котораго, будто-бы, и стряслась надъ нимъ вся эта напасть, ровно ничѣмъ незаслуженная.

Всего ужаснѣе, что люди этого сорта, въ самомъ дѣлѣ, искренно убѣждены въ своей невиновности! Ихъ пониманію еще недоступны требованія человѣческаго, заботливаго обращенія съ работающими на нихъ «учениками» и нѣкотораго различенія ихъ отъ домашняго скота. Да, пожалуй, любой порядочный хозяинъ несравненно больше печется о своемъ рабочемъ скотѣ!

Приведенный фактъ — наиболѣе рельефный изъ массы однородныхъ случаевъ, на которыхъ останавливаться мы уже не будемъ. Обратимся къ примѣрамъ жестокаго обращенія съ рабочими малолѣтками, которое нерѣдко идетъ рука объ руку и съ дурнымъ ихъ содержаніемъ, какъ это уже само собой подразумѣвается.

Жестокое обращеніе выражается преимущественно въ разнообразныхъ видахъ битья, подъ предлогомъ наказанія и исправленія. Битье въ этой формѣ происходитъ повсемѣстно, и никакое воображеніе не въ состояніи было-бы обнять его безграничные размѣры; до оглашенія и суда доходятъ, конечно, только очень немногіе, исключительные случаи. Беззаконность и безнравственность насилія и битья далеко еще не поняты нашей массой, далеко еще не усвоены ея сознаніемъ. Если, умудренная вѣковою практикой, наша народная «самобытная» педагогія самое слово «учить» не иначе понимаетъ, какъ «драть», если еще такъ недавно на Руси «порка» составляла основу дисциплины и народнаго воспитанія, то невозможно и требовать, чтобы въ какія-нибудь двадцать лѣтъ, съ момента законодательной отмѣны тѣлеснаго наказанія, кореннымъ образомъ измѣнились воззрѣнія массы на это дѣло, чтобы въ ея представленіи сразу празднилась идея о необходимости «дранья» и «порки». Можно было бы еще

примириться, хоть сколько нибудь, съ этими домостроевскими воззрѣніями, если бы битье ребятъ было «отеческое» и не превращалось нерѣдко въ жестокосердное «избіеніе младенцевъ». Въ практикѣ столичнаго мироваго суда встрѣчается множество фактовъ такого именно «избіенія» безжалостными мастерами-хозяевами. Пускаются въ ходъ не только розги, ремни и просто кулаки, но случается и все, что подъ руку подвернется: молотки, полѣнья, желѣзные прутья, и проч. Не составляютъ большой рѣдкости факты неизлѣчимаго калѣчества несчастныхъ малолѣтковъ и истязанія ихъ, помимо битья, разными, изобрѣтенными человѣческой свирѣпостью, пытками и мученіями, передъ которыми простая форменная «порка» блѣднѣетъ и является чуть не благодѣяніемъ, какъ и этомъ и убѣждены многіе хозяева-мастера.

— Ежели учениковъ не бить, такъ какая-же это будетъ «наука?» Съ ними сладу не будетъ... Теперича онъ не слушается, дурно дѣлаетъ, матеріалъ портитъ, балуется,— что-жъ, такъ ему за все, про все спускать? Послѣ этого держать ихъ невозможно!—тономъ искреннѣйшаго убѣжденія оправдывался на судѣ одинъ, обвиненный въ жестокости съ учениками, хозяинъ-мастеръ, и, безъ сомнѣнія, выражалъ здѣсь господствующій взглядъ среди своей братіи.

Въ необходимости битья, какъ чуднаго и единственнаго орудія «науки» — убѣждены бываютъ не только темные, невѣжественные мастера, но и люди высшаго интеллигентнаго класса, имѣющіе промышленныя заведенія. Такъ — однажды былъ привлеченъ къ суду «нашъ извѣстный любимецъ публики», артистъ-пѣвецъ, и понынѣ распространяющій свою громкую славу не только въ Россіи, но и за ея предѣлами, странствуя со своей пѣвческой капеллой и давая «народные», «русскіе» и «славянскіе» концерты, которыми не разъ восхищалась и столичная публика. Капеллу свою этотъ жрецъ Аполлона комплектуетъ дѣтьми-учениками на тѣхъ-же патріархальныхъ основаніяхъ, какія практикуются у нашихъ ремесленниковъ. Онъ беретъ ихъ по контрактамъ съ родителями на нѣсколько лѣтъ въ «науку», въ свое полное, безграничное распоряженіе. А какова его «наука» и какъ онъ ее преподастъ, — показалъ вышеупомянутый процессъ. Жаловался одинъ его ученикъ, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, на тяжкіе побои, нанесенные ему учителемъ-артистомъ. Свидѣтельствовавшій его врачъ «нашелъ на всей его спинѣ и на бокахъ сине-багровыя, широкія полосы и опухшіе рубцы». Происхожденіе этихъ знаковъ объяснилось тѣмъ, что артистъ жестоко выпоролъ своего ученика кожанымъ поясомъ съ бляхами—принадлежностью одного изъ его живописныхъ «національныхъ» костюмовъ, въ которыхъ онъ обыкновенно фигурируетъ передъ публикой. А выпоролъ онъ его за ужасное преступленіе: во-первыхъ, мальчикъ безъ спроса отлучился къ матери и, во-вторыхъ, не пришелъ, по заведенному въ капеллѣ правилу, пожелать «добраго утра» своему хозяину-учителю.

Въ другой разъ, на судѣ обвинялась одна интеллигентная дама, заблагоразсудившая открыть модный магазинъ со швейной мастерской, въ которой работали, большей частью, набранныя въ «науку» дѣвочки. Разъ барыня эта приказываетъ одной своей ученицѣ, уже шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ, сходить и принести розги, не говоря для какой надобности. Дѣвушка исполнила приказаніе, полагая, что розги понадобились для наказанія маленькой ея товарки, Даши; но едва она возвратилась въ мастерскую, какъ, по манію хозяйки, на нее набросились нѣсколько мастерицъ и старшихъ ученицъ, повалили на полъ, насѣли на голову и на ноги, обнажили и безпощадно отодрали до крови ею-же принесенными и изготовленными розгами—подробность, живо рисующая чисто женскую, коварную злостность виновницы этой расправы. Несчастная не знала даже, за что ее сѣкутъ. Только послѣ порки формулировано было ея преступленіе, а именно: хозяйка заподозрила ее въ утайкѣ *катушки ниток*ъ—ни болѣе, ни менѣе!.. При разборѣ на судѣ этого дѣла, не единственнаго въ своемъ родѣ, обнаружилась еще одна чрезвычайно характерная и любопытная подробность. При допросѣ исполнительницъ экзекуціи, товарокъ потерпѣвшей, нѣкоторыя изъ нихъ заявили, что ничего беззаконнаго и непозволительнаго не видѣли въ данномъ случаѣ, такъ какъ, по ихъ твердому убѣжденію, «хозяйка имѣетъ право сѣчь своихъ ученицъ». Защитникъ подсудимой, однако-жъ не сослался на это «право», а старался доказать, на основаніи факта изготовленія розогъ самою потерпѣвшей, что «она сама *пожелала* быть высѣченной...» Сквозникъ-Дмухановскій, не менѣе остроумно оправдывавшійся по обвиненію его Ношлепкиной, какъ видно, не умеръ среди современныхъ адвокатовъ! Для насъ, впрочемъ, гораздо интереснѣе и поучительнѣе приведенное воззрѣніе ученицъ на границы и существо хозяйскаго «права», обусловливающаго, съ ихъ точки зрѣнія, законность порки... До такой степени еще крѣпки у насъ домостроевскія понятія, изъ чего можно заключить, какое страшное множество хозяйскихъ колотушекъ и сѣкуцій пріемлется рабочими малолѣтками не только безропотно, но даже съ признательностью, какъ душеспасительный актъ «науки».

Переходя къ отношеніямъ между родителями и дѣтьми, мы и здѣсь встрѣчаемся, какъ съ обыденнымъ явленіемъ, съ фактами равнодушія, безсердечія и жестокости. Дурныхъ родителей у насъ множество, даже въ культурномъ классѣ, среди образованныхъ людей, и за примѣрами не нужно далеко ходить—они у всѣхъ передъ глазами. Надѣемся, читатель повѣритъ намъ въ этомъ на слово. Педагоги, имѣющіе дѣло съ массою дѣтей различныхъ классовъ, хорошо знаютъ, до какой степени глубоко и неисправимо бываютъ испорчены многіе отроки, и испорчены именно родителями. Наука воспитанія у насъ въ младенчествѣ и совершенно пренебрегается большинствомъ родителей, у которыхъ дѣти растутъ, какъ молодыя поросли въ лѣсу,—вкривь-ли, вкось-ли—

примириться, хоть сколько нибудь, съ этими домостроевскими воззрѣніями, есл
битье ребятъ было «отеческое» и не превращалось нерѣдко въ жестокосерд
«избіеніе младенцевъ». Въ практикѣ столичнаго мироваго суда встрѣчае
множество фактовъ такого именно «избіенія» безжалостными мастерами-
зіевами. Пускаются въ ходъ не только розги, ремни и просто кулаки, но
чается и все, что подъ руку подвернется: молотки, полѣнья, желѣзные пру
и проч. Не составляютъ большой рѣдкости факты неизлѣчимаго калѣче
несчастныхъ малолѣтковъ и истязанія ихъ, помимо битья, разными, изобрѣт
ными человѣческой свирѣпостью, пытками и мученіями, передъ которыми
стая форменная «порка» блѣднѣетъ и является чуть не благодѣяніемъ, как
этомъ и убѣждены многіе хозяева-мастера.

— Ежели учениковъ не бить, такъ какая-же это будетъ «наука?»
ними сладу не будетъ... Теперича онъ не слушается, дурно дѣлаетъ, м
ріалъ портитъ, балуется,— что-жъ, такъ ему за все, про все спускать? Но
этого держать ихъ невозможно!—тономъ искреннѣйшаго убѣжденія оправ
вался на судѣ одинъ, обвиненный въ жестокости съ учениками, хозяинъ-
теръ, и, безъ сомнѣнія, выражалъ здѣсь господствующій взглядъ среди св
братіи.

Въ необходимости битья, какъ чуднаго и единственнаго орудія «нау
убѣждены бываютъ не только темные, невѣжественные мастера, но и л
высшаго интеллигентнаго класса, имѣющіе промышленныя заведенія. Та
однажды былъ привлеченъ къ суду «нашъ извѣстный любимецъ публики»,
тистъ-пѣвецъ, и понынѣ распространяющій свою громкую славу не только
Россіи, но и за ея предѣлами, странствуя со своей пѣвческой капеллой и
вая «народные», «русскіе» и «славянскіе» концерты, которыми не разъ
хищалась и столичная публика. Капеллу свою этотъ жрецъ Аполлона
плектуетъ дѣтьми-учениками на тѣхъ-же патріархальныхъ основаніяхъ, к
практикуются у нашихъ ремесленниковъ. Онъ беретъ ихъ по контрактам
родителями на нѣсколько лѣтъ въ «науку», въ свое полное, безграничное
поряженіе. А какова его «наука» и какъ онъ ее преподастъ, — пока
вышеупомянутый процессъ. Жаловался одинъ его ученикъ, двѣнадцатилѣ
мальчикъ, на тяжкіе побои, нанесенные ему учителемъ-артистомъ. Свидѣт
ствовавшій его врачъ «нашелъ на всей его спинѣ и на бокахъ сине-багро
широкія полосы и опухшіе рубцы». Происхожденіе этихъ знаковъ объясни
мъ, что артистъ жестоко выпоролъ своего ученика кожанымъ поясом
бляхами—принадлежностью одного изъ его живописныхъ «національныхъ»
тюмовъ, въ которыхъ онъ обыкновенно фигурируетъ передъ публикой. А
поролъ онъ его за ужасное преступленіе: во-первыхъ, мальчикъ безъ с
отлучился къ матери и, во-вторыхъ, не пришелъ, по заведенному въ ка
правилу, пожелать «добраго утра» своему хозяину учителю.

Въ другой разъ, на судѣ обвинялась одна интеллигентная дама, заблагоразсудившая открыть модный магазинъ со швейной мастерской, въ которой работали, большей частью, набранныя въ «науку» дѣвочки. Разъ барыня эта приказываетъ одной своей ученицѣ, уже шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ, сходить и принести розги, не говоря для какой надобности. Дѣвушка исполнила приказаніе, полагая, что розги понадобились для наказанія маленькой ея товарки, Даши; но едва она возвратилась въ мастерскую, какъ по знанію хозяйки, на нее набросились нѣсколько мастерицъ и старшихъ ученицъ, повалили на полъ, насѣли на голову и на ноги, обнажили и безпощадно отодрали до крови ею-же принесенными и изготовленными розгами—подробность, живо рисующая чисто женскую, коварную злостность виновницы этой расправы. Несчастная не знала даже, за что ее сѣкутъ. Только послѣ порки формулировано было ея преступленіе, а именно: хозяйка заподозрила ее въ утайкѣ *катушки ниток*ъ—ни болѣе, ни менѣе!.. При разборѣ на судѣ этого дѣла, не единственнаго въ своемъ родѣ, обнаружилась еще одна чрезвычайно характерная и любопытная подробность. При допросѣ исполнительницъ экзекуціи, товарокъ потерпѣвшей, нѣкоторыя изъ нихъ заявили, что ничего беззаконнаго и непозволительнаго не видѣли въ данномъ случаѣ, такъ какъ, по ихъ твердому убѣжденію, «хозяйка имѣетъ право сѣчь своихъ ученицъ». Защитникъ подсудимой, однако-жъ не сослался на это «право», а старался доказать, на основаніи факта изготовленія розогъ самою потерпѣвшей, что «она сама *пожелала* быть высѣченной...» Сквозникъ-Дмухановскій, не менѣе остроумно оправдывавшійся по обвиненію его Ноздревой, какъ видно, не умеръ среди современныхъ адвокатовъ! Для насъ, впрочемъ, гораздо интереснѣе и поучительнѣе приведенное воззрѣніе ученицъ на границы и существо хозяйскаго «права», обусловливающаго, съ ихъ точки зрѣнія, законность порки... До такой степени еще крѣпки у насъ домостроевскія понятія, изъ чего можно заключить, какое страшное множество хозяйскихъ колотушекъ и сѣкуцій пріемлется рабочими малолѣтками не только безропотно, но даже съ признательностью, какъ душеспасительный актъ «науки».

Переходя къ отношеніямъ между родителями и дѣтьми, мы и здѣсь встрѣчаемся, какъ съ обыденнымъ явленіемъ, съ фактами равнодушія, безсердечія и жестокости. Дурныхъ родителей у насъ множество, даже въ культурномъ классѣ, среди образованныхъ людей, и за примѣрами не нужно далеко ходить—они у всѣхъ передъ глазами. Надѣемся, читатель повѣритъ намъ въ этомъ на слово. Педагоги, имѣющіе дѣло съ массою дѣтей различныхъ классовъ, хорошо знаютъ, до какой степени глубоко и неисправимо бываютъ испорчены многіе отроки, и испорчены именно родителями. Наука воспитанія у насъ въ младенчествѣ и совершенно пренебрегается большинствомъ родителей, у которыхъ дѣти растутъ, какъ молодыя поросли въ лѣсу,—вкривь-ли, вкось-ли—

ихъ теплыхъ заботъ, вышло, что добрый по натурѣ, способный и умный мальчикъ былъ до мозга костей испорченъ еще въ отрочествѣ и погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ.

Коля, вмѣстѣ со своими сверстниками и товарищами,—такими-же, какъ онъ, «умными дѣтьми» благородныхъ родителей,—велъ жизнь веселую и непринужденную, на свободную ногу взрослаго бонвивана. Онъ игралъ въ карты, на деньги, «по большой» и съ «большими», зачастую проигрывая такіе «куши», что папаша морщился, а мамаша дѣлала ему нѣжные выговоры. Съ француженкой гувернанткой, «другомъ» родительскаго дома, онъ велъ интимныя отношенія, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняясь, на соблазнъ всѣхъ стороннихъ очевидцевъ. Въ то же время онъ волочился и за другими барышнями, объяснялся имъ въ любви и добивался достаточно пылкаго отвѣта своимъ исканіямъ, заводилъ съ ними романическія интрижки, обмѣнивался любовными письмами... Коля часто сходился съ товарищами, тоже съ увеселительной цѣлью. «Умныя дѣти» (не забудьте: отроческаго возраста!) устраивали шумныя холостяцкія вечеринки и пирушки, на которыхъ всѣ они пили вино и, если не всегда напивались до пьяна, «до положенія ризъ», зато всегда бывали «веселы безконечно...». Нерѣдко на эти пирушки Колю сопровождала его любезная «Маргашка», какъ онъ называлъ «друга дома»—француженку, имя которой было Маргарита (Жюжанъ). «Маргашка» въ такихъ случаяхъ, по показаніямъ свидѣтелей, держала себя съ «умными дѣтьми» совершенно вольно: позволяла имъ въ своемъ присутствіи снимать сюртуки и свободно съ ней обращаться, говорила съ ними на «ты», пила брудершафты, а наконецъ случались здѣсь и такія «непристойности», что свидѣтели даже постыдились разсказывать о нихъ на судѣ...

Не смотря, однако, на такую эпикурейскую, веселую жизнь, а, можетъ быть, благодаря именно ей, въ одно непрекрасное утро Коля былъ неожиданно найденъ на своей постели мертвымъ. Анатомированіе удостовѣрило, что онъ скончался скоропостижно отъ отравленія смѣсью іодистаго калія съ морфіемъ. Подозрѣніе въ отравленіи злосчастнаго юноши пало на «друга дома», вѣтряную «Маргашку», въ томъ предположеніи, что она отправила Колю на тотъ свѣтъ изъ ревности. Изъ-за этого-то и началось уголовное дѣло, но, не взирая на всѣ усилія обвинительной власти, обвиненіе не подтвердилось—и подсудимая была обѣлена начисто. Взяло верхъ предположеніе, что юный герой драмы самъ съ собою покончилъ въ припадкѣ меланхоліи, и — на то весьма похоже, какъ можно заключить уже по тону глубокаго отчаянія, которымъ проникнутъ его «дневникъ». Да и чего-же ему—повторяемъ—оставалось ждать отъ жизни, послѣ всего, что онъ успѣлъ уже взять у нея до пресыщенія, въ томъ раннемъ возрастѣ?

Притомъ-же, какъ извѣстно, самоубійство дѣтей, вслѣдствіе разочарованія и меланхоліи, къ несчастью, вовсе не составляетъ рѣдкаго явленія въ наши

Можно-ли, не бывъ предваренным, повѣрить, что авторомъ этихъ жестокихъ признаній былъ пятнадцатилѣтній мальчикъ? Какой романистъ отважился-бы вложить ихъ въ отроческія уста несовершеннолѣтняго героя?—У этого мальчика уже въ 14 лѣтъ заводятся какія-то постыдныя семейныя «тайны», которыя онъ боится повѣрить даже бумагѣ, какіе-то «поступки»—должно быть не шуточные, если у него, при одномъ объ нихъ воспоминаніи, «выступаетъ холодный потъ на лбу...». Въ четырнадцать лѣтъ его «кровь приведена уже въ движеніе» — какого рода *движеніе*. объ этомъ нетрудно догадаться, а на судѣ было категорически подтверждено, что онъ въ это время состоялъ уже въ любовной связи съ гувернанткой-француженкой, лѣтъ на пятнадцать его старше, и не съ ней одной, судя по обстоятельствамъ дѣла... Въ четырнадцать лѣтъ онъ уже разочарованъ во всѣхъ и во всемъ: не вѣритъ въ Бога, отрицаетъ христіанство,—и безповоротно,— не вѣритъ въ святость «отношеній къ родителямъ», смотритъ на женщинъ окомъ пресыщеннаго мизантропа и взглядъ его на всѣ эти отношенія до того безотраденъ, что онъ и врагу не пожелалъ-бы... Въ четырнадцать лѣтъ сердце его «окаменѣло», и если у него остался еще кумиръ, достойный любви и поклоненія, то это *единственно онъ самъ*... И все это по 14 — 15-му году отъ рожденія!!

Словомъ, этому подростку-философу въ такой степени ужс «ничто человѣческое не чуждо», онъ до того всѣмъ пресытился и окислился, что рѣшительно нельзя было-бы представить—чего-же еще ждать ему отъ жизни впереди, въ чемъ искать ея радость и поэзію, которыми одушевляется мечтательная, счастливая юность? И что̀ можетъ ждать общество отъ подобныхъ пятнадцатилѣтнихъ старцевъ, хилыхъ физически и нравственно, ничего и никого не любящихъ, ничему не вѣрящихъ и одушевленныхъ однимъ лишь эгоистическимъ поклоненіемъ своему «я»?

Въ данномъ случаѣ, всѣ эти неутѣшительные выводы опираются не на одномъ лишь «дневникѣ» героя нашего, гдѣ онъ могъ, конечно, впасть и въ преувеличенія, и въ ошибочныя сужденія и, просто, въ риторическія прикрасы дурнаго вкуса. Къ сожалѣнію, раскрывшаяся на судѣ дѣйствительность, среди которой жилъ и воспитывался этотъ мальчикъ, не только подтвердила его «дневникъ», но и значительно превзошла его содержаніе и краски своими отрицательными сторонами. Судъ здѣсь приподнялъ завѣсу надъ бытомъ, нравами и воспитаніемъ учащагося юношества зажиточнаго привилегированнаго класса—такъ называемой «соли земли», пользующейся особыми прерогативами и преимуществами. Отецъ нашего героя былъ состоятельный человѣкъ, полковникъ, занимавшій видное служебное мѣсто. И онъ и жена его были образованные свѣтскіе люди и ничего не жалѣли для того, чтобы сдѣлать своихъ дѣтей «умными» и приготовить ихъ для карьеры. Особеннымъ попеченіемъ ихъ и любовью пользовался старшій сынъ Коля, герой нашей драмы; но, въ результатѣ всѣхъ

были представлены суду и о которыхъ сама потерпѣвшая съ дѣтской наивностью заявила судьямъ:

— Папа говорилъ, сказала она,—что это самыя превосходныя розги, и когда «мамаша» (сторонняя ребенку, Дульцинея подсудимаго) просила папу отломить большой сучокъ отъ розги, то папа этого не сдѣлалъ и сказалъ, что сучокъ придаетъ розгѣ больше силы и что она оттого не выскользнетъ изъ рукъ...

На столѣ «вещественныхъ доказательствъ», дѣйствительно, лежало нѣчто вполнѣ *превосходное* въ своемъ родѣ. Это былъ пучокъ, связанный изъ девяти толстыхъ рябиновыхъ вѣтвей съ обтрепанными отъ употребленія концами, на который нервные люди смотрѣли съ содроганіемъ и который эксперты назвали не розгами, а шпицрутенами. Жалость и негодованіе присутствовавшихъ на судѣ были тѣмъ сильнѣе, что пострадавшій ребенокъ, по общему отзыву, былъ добрый, тихій, ласковый,—и свирѣпый отецъ не могъ, въ оправданіе свое, представить никакихъ, сколько нибудь извиняющихъ данныхъ *).

Въ этомъ процессѣ ощутительно намекалось на возможность если не прямаго содѣйствія, то косвеннаго поощренія жестокости отца къ своему дѣтищу со стороны его сожительницы, фигурировавшей на судѣ въ качествѣ свидѣтельницы. Предположеніе это въ данномъ случаѣ не разъяснилось; но что мачихи и любовницы отцовъ часто вліяютъ на дурное отношеніе послѣднихъ къ своимъ дѣтямъ—фактъ достовѣрный и нерѣдко повторяющійся. Бываетъ и такъ, что особы эти сами берутъ на себя трудъ истязать и мучить дѣтей своихъ мужей. По крайней мѣрѣ, предъ лицо петербургскаго суда не разъ привлекались такія «злыя мачихи», изъ которыхъ одна, напр., выкинувшая своего двухлѣтняго пасынка, «по нечаянности», изъ окна въ третьемъ этажѣ, послужила даже объектомъ для психопатическаго изслѣдованія покойнаго Достоевскаго и вызвала съ его стороны живѣйшее къ себѣ участіе, повліявшее потомъ на ея оправданіе.

Вл. Михневичъ.

---

*) Феноменальный процессъ этотъ, воспроизведенный въ ежедневной прессѣ, обратилъ на себя вниманіе и педагогической журналистики. (См. статью: „Болкырь-педагогъ и его защитникъ“ въ „Народной Школѣ“ 1876 г., № 12).

Ред.

„ПОКОЙНАЯ СЕСТРА ЕГО ЖЕНЫ".

(Изъ жизни американскаго литератора).

Разсказъ **Франка Стоктона.**

Пять лѣтъ тому назадъ, со мной случилось происшествіе, окрасившее мою жизнь въ новый цвѣтъ или—вѣрнѣе сказать—измѣнившее ея первоначальный общій тонъ. Теперь я нахожу, что будетъ не излишнимъ разсказать объ этомъ происшествіи; даже, просто, будетъ полезно. Оно, по моему мнѣнію, можетъ послужить урокомъ для тѣхъ, кого судьба поставитъ въ такое же положеніе, въ какомъ я очутился тогда.

Я былъ еще очень молодымъ человѣкомъ, когда избралъ литературу своею профессіей, и только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ тяжелаго и часто плохо вознаграждаемаго труда я, наконецъ, добился—такъ сказать—порядочной литературной практики. Всѣ мои произведенія—серьезныя и шутливыя, реальныя и фантастическія—принимались благосклонно издателями тѣхъ журналовъ, для которыхъ я писалъ, и такимъ образомъ я составилъ себѣ довольно обезпеченное положеніе въ жизни. Мои сочиненія не приводили въ восторгъ читающую публику; они не составили мнѣ блестящей репутаціи и не принесли богатства; но они принимались редакціями, обращали на себя вниманіе, давали мнѣ правильный и постоянный заработокъ и вообще, въ описываемую пору, доставляли мнѣ болѣе чѣмъ безбѣдное существованіе.

Въ то время я уже былъ женатъ. Я былъ помолвленъ за годъ и могъ бы жениться ранѣе, но не желалъ рисковать до тѣхъ поръ, пока устроятся къ лучшему мои денежныя дѣла. Я женился только тогда, когда почувствовалъ, что могу сдѣлать это съ спокойной совѣстью и съ полной увѣренностью, что положе-

ніе семьи моей обезпечено. У насъ съ женой не было никакихъ опасеній на этотъ счетъ. Я работалъ постоянно и усидчиво; я въ точности зналъ, куда помѣщу произведенія своего пера, и могъ высчитать заранѣе съ полною акуратностью количество гонорара, слѣдуемаго мнѣ за нихъ. Мы были не богаты, но жили съ достаткомъ, безъ нужды—и были довольны своею участью.

Если вы, читатель, человѣкъ женатый, то, конечно, безъ труда припомните то обаяніе, какое испытывалось вами въ первыя недѣли вашей супружеской жизни. Въ это время, на землѣ цвѣтутъ самые роскошные цвѣты, солнце свѣтитъ всего ярче, облака всего рѣже появляются на небѣ, фрукты бываютъ самыя вкусные, воздухъ проникается чудеснѣйшими благоуханіями, сигары попадаются тогда самаго высшаго достоинства; свѣтъ и теплота перваго супружескаго счастія до того разрѣжаютъ духовную атмосферу, что душа въ это время поднимается выше обычнаго уровня и горизонтъ ея расширяется такъ, какъ никогда въ другую пору.

Я, по крайней мѣрѣ, испыталъ все это на себѣ. Говоря фигурально, чистый клеретъ моей души замѣнился на то время пѣнистымъ шампанскимъ, и въ самый разгаръ его опьяняющаго шипѣнья я писалъ повѣсть. Сюжетъ повѣсти, пришедшій мнѣ въ голову, былъ очень страннаго характера и такъ сильно заинтересовалъ меня, что я работалъ надъ нимъ съ большимъ удовольствіемъ, даже съ увлеченьемъ, и кончилъ повѣсть, сравнительно говоря, очень скоро. Заглавіе повѣсти было: „Покойная сестра его жены“. Когда я прочелъ Гипатіи свою повѣсть, она осталась очень довольна моимъ произведеніемъ; Гипатія слушала меня съ живѣйшимъ удовольствіемъ, и по временамъ казалась совершенно растроганною. Невольное волненіе ея сообщалось и мнѣ, и я порой съ трудомъ разбиралъ написанное мною. Когда чтеніе было окончено, жена моя утерла слезы и, обратившись ко мнѣ, сказала:

— Эта повѣсть составитъ тебѣ имя! Со времени появленія ламартиновской „Исторіи служанки“ не было, кажется, ничего трогательнѣе этого...

Немедленно, на слѣдующій же день, я отослалъ повѣсть *издателю того* журнала, для котораго я чаще писалъ и въ которомъ

обыкновенно являлись мои лучшія произведенія. Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ издателя письмо; онъ такъ расхваливалъ мою повѣсть, какъ никогда еще не хвалилъ ни одного изъ разсказовъ, вышедшихъ изъ-подъ моего пера. Она заинтересовала и положительно очаровала, писалъ онъ, не только его, но и всѣхъ его товарищей по редакціи. Даже старый Джибсонъ, никогда ничего не читавшій иначе, какъ въ корректурныхъ листахъ и одобрявшій лишь юмористическія произведенія, былъ увлеченъ общимъ примѣромъ, прочиталъ мою рукопись и поплакалъ надъ нею. Эти слезы, по его собственному сознанію, были первыя послѣ многихъ-многихъ лѣтъ: до прочтенія моей повѣсти, въ послѣдній разъ онъ плакалъ еще въ дѣтствѣ, когда ему однажды сдѣлали отеческое внушеніе розгами. Издатель увѣрялъ меня, что повѣсть будетъ напечатана тотчасъ-же, какъ только окажется для нея мѣсто въ журналѣ.

Если что нибудь и могло еще сдѣлать для насъ небеса свѣтлѣе, цвѣты—ярче, фрукты—слаще и дымъ сигаръ—пріятнѣе, то именно подобное письмо. Когда-же, вскорѣ послѣ того, повѣсть была напечатана, мы увидали, что и читающая публика приняла ее также благосклонно, съ тѣмъ-же интересомъ, съ какимъ отнеслись къ ней въ редакціи. Многія большія газеты отозвались о ней съ большой похвалой,—однимъ словомъ, въ итогѣ получился крупный литературный успѣхъ. Я никогда не былъ склоненъ тщеславиться моими писаніями, и жена не однажды говорила мнѣ, что она очень мало вообще думаетъ о нихъ, но тѣмъ не менѣе я чувствовалъ, что гордость и самолюбіе мое пріятно польщены успѣхомъ „Покойной сестры его жены“. Если, думалъ я, она не сдѣлаетъ меня богачемъ, какъ жена изволитъ увѣрять меня, то во всякомъ случаѣ много поможетъ мнѣ въ моей литературной карьерѣ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ я написалъ эту повѣсть, со мной случилось необычайное и совершенно непредвидѣнное обстоятельство. Одна рукопись моя была возвращена мнѣ издателемъ того журнала, въ которомъ появилась „Покойная сестра его жены“. „Разсказъ—хорошъ, писалъ мнѣ издатель, но не настолько хорошъ, какъ та повѣсть, которую вы дали намъ передъ этимъ. Вы имѣли успѣхъ и не должны портить свою репу-

тацію печатаніемъ такого произведенія, которое было бы слабѣе „Покойной сестры его жены“, имѣвшей такой громадный и вполнѣ заслуженный успѣхъ“.

Я не привыкъ получать обратно свои рукописи и, читая это письмо, кажется, слегка поблѣднѣлъ. Женѣ я ничего не сказалъ объ этомъ: глупо было бы изъ-за такихъ пустяковъ напускать тѣнь на наше семейное благополучіе. Я немедленно отослалъ разсказъ другому издателю. Не могу выразить вамъ своего удивленія, когда—черезъ недѣлю—рукопись была получена мною обратно. Тонъ записки, сопровождавшей рукопись, указывалъ на то, что издатель какъ будто нѣсколько обижался на меня. „Я вынужденъ возвратить вамъ рукопись, писалъ онъ; но вамъ, конечно, очень хорошо извѣстно, что еслибы вы прислали мнѣ что нибудь въ родѣ „Покойной сестры его жены“, то рукопись ваша была бы тотчасъ же принята“.

Теперь я нашелъ нужнымъ поговорить объ этомъ дѣлѣ съ женой. Она также удивилась, хотя, можетъ быть, менѣе обидѣлась, чѣмъ я.

— Прочитаемъ еще разъ эту повѣсть и посмотримъ: въ чемъ тутъ дѣло! предложила она.

Когда мы окончили чтеніе, Гипатія замѣтила:

— Эта повѣсть также хороша, какъ и многія другія твои повѣсти, уже бывшія въ печати. Я нахожу ее очень интересною, хотя, разумѣется, она—не то, что „Покойная сестра его жены“...

— Разумѣется, нѣтъ! отозвался я.—Та повѣсть была написана въ минуты вдохновенія... Не могу же я ожидать, чтобы на меня каждый день сходило вдохновеніе! Но, вѣроятно, въ этомъ разсказѣ есть какой нибудь промахъ, котораго мы съ тобой не замѣчаемъ. Можетъ быть, успѣхъ „Покойной сестры его жены“ нѣсколько вскружилъ мнѣ голову, и я менѣе старательно работалъ надъ этимъ разсказомъ.

— Я не думаю этого! сказала Гипатія.

— Какъ бы то ни было, продолжалъ я, во всякомъ случаѣ эту рукопись я отложу въ сторону и примусь писать другую вещь.

Черезъ нѣсколько времени я кончилъ работу и отослалъ ее *въ свой журналъ*. Ее продержали въ редакціи нѣсколько не-

ль и затѣмъ возвратили мнѣ обратно. „Вы не должны идти
задъ!“ писалъ мнѣ издатель съ большимъ участіемъ. „Требо-
нія на нумеръ, содержащій „Покойную сестру его, жены“ все
це продолжаются, и мы не рѣшились позволить вамъ разоча-
овывать читателей, съ нетерпѣніемъ ожидающихъ книжки съ
шею повѣстью“.

Я посылалъ рукопись въ четыре журнала и мнѣ возвращали
отовсюду, причемъ замѣчали, что хотя повѣсть сама по себѣ
дурна, но все-таки она—не то, что можно было бы ожидать
ъ автора „Покойной сестры его жены“.

Издатель одного сборника попросилъ у меня разсказа для
ціальнаго нумера, который онъ намѣревался издать къ празд-
ику. Я написалъ разсказъ въ томъ направленіи и въ томъ раз-
рѣ, какіе требовались, и отослалъ его по назначенію. И этотъ
азсказъ возвратился вспять. „Когда я просилъ у васъ разсказа,
исалъ издатель, то надѣялся получить отъ васъ что нибудь въ
одѣ „Покойной сестры его жены“, но теперь я долженъ при-
наться, что совершенно разочарованъ присланнымъ вами раз-
казомъ“...

Когда я читалъ это письмо, меня разобрала такая злость,
то я вслухъ выругалъ „Покойную сестру его жены“.

— Извини, пожалуйста, что я такъ рѣзко выражаюсь при
ебѣ, сказалъ я женѣ, съ удивленіемъ смотрѣвшей на меня,—но
та проклятая повѣсть погубитъ меня. Пока ее не позабудутъ,
икто не станетъ брать моихъ повѣстей!

— Но ты не можешь разсчитывать, чтобы ее забыли когда
ибудь! со слезами на глазахъ промолвила жена.

Излишне разсказывать въ подробностяхъ о моихъ безполез-
ыхъ попыткахъ на литературномъ поприщѣ въ теченіе нѣ-
колькихъ слѣдующихъ мѣсяцевъ. Издатели, съ которыми я глав-
ымъ образомъ велъ дѣло, возымѣли такое высокое мнѣніе о
оихъ писательскихъ способностяхъ, благодаря этой несчастной
Покойной сестрѣ его жены“, что я находилъ совершенно без-
олезнымъ посылать имъ произведенія слабѣе этой повѣсти. А
огда я обращался со своими разсказами въ другіе журналы, то
едакторы ихъ считали, просто за дерзость съ моей стороны,
го я предлагалъ имъ разсказы слабѣе того, который упрочилъ

мою литературную репутацію. Такимъ образомъ, оказывалось, что удачно написанная повѣсть, доставившая мнѣ славу, погубила меня. Сбереженія мои были на исходѣ, нужда заглядывала мнѣ въ лицо и выраженіе ея физіономіи, должно признаться, очень не нравилось мнѣ. Безполезно было пытаться написать еще что нибудь въ родѣ „Покойной сестры его жены“. Эта повѣсть была написана подъ сильнымъ вліяніемъ перваго супружескаго счастія. Но согласитесь, не могъ же я, въ самомъ дѣлѣ, жениться каждый разъ, какъ мнѣ приходилось писать новую повѣсть.

— Но это, наконецъ, просто ужасно! говорила жена.

Я не желалъ никого обманывать на свой счетъ, разсуждалъ я; я не желалъ вводить въ заблужденіе, вовсе не желалъ, чтобы думали, будто я способенъ во всякое время написать подобное произведеніе,—и никто не долженъ былъ ожидать и требовать отъ меня ничего подобнаго. Представьте себѣ: что бы было бы съ Рафаэлемъ, еслибы его патроны постоянно требовали отъ него только Сикстинскихъ Мадоннъ и отказывались бы брать у него все то, что было слабѣе этой знаменитой картины! Я полагаю: онъ умеръ бы съ голоду...

— Но вѣдь Сикстинская Мадонна, другъ мой, была однимъ изъ его послѣднихъ произведеній! замѣтила Гипатія.

— Совершенно вѣрно! согласился я.—Но еслибы онъ женился въ такое же время, какъ я, то, конечно, написалъ бы ранѣе свою мадонну.

Однажды послѣ обѣда, возвращаясь домой, я встрѣтился съ Барбелемъ, съ которымъ былъ хорошо знакомъ въ первое время моей литературной карьеры. Теперь ему было около пятидесяти лѣтъ, но онъ казался старше на видъ. Его волосы и борода были уже совершенно сѣдые, платье такого же цвѣта, и мнѣ думалось, что это платье также, какъ и его волосы, было въ свое время чернымъ. Года рѣзко сказываются на наружности человѣка. Барбель напоминалъ собой квартиру, долго отдававшуюся въ наймы и требовавшую теперь серьезныхъ поправокъ. Но глаза его по прежнему смотрѣли добродушно. Онъ поздоровался со мной очень дружески и пригласилъ меня къ себѣ. Мы отправились. Онъ жилъ въ верхнемъ этажѣ одного грязнаго

ма, находившагося въ одной изъ тѣхъ узкихъ, дрянныхъ
ицъ, куда рѣдко заглядывали порядочные экипажи и заѣзжали
ишь деревянныя телѣги да продавцы завядшей зелени со своими
аломанными фурами.

— Прогулка не особенно пріятная! сказалъ Барбель, когда
ы подошли къ дому. Но, знаете, эта мѣстность нѣсколько на-
оминаетъ мнѣ улицы итальянскихъ городовъ... Дворцы тамъ
акже точно громоздятся рядомъ одинъ съ другимъ.

Комната Барбеля показалась мнѣ еще мрачнѣе самой улицы.
ъ этой комнатѣ было темно, пыльно и паутина висѣла въ ней
о всѣмъ угламъ. Нѣсколько стульевъ стояло въ комнатѣ, и
ниги, лежавшія на грязномъ, засаленномъ столѣ, казалось,
одверглись какой-то странной эпидеміи, ибо всѣ корешки у
ихъ были поломаны или оторваны окончательно. Небольшая
ровать въ углу была задернута покрываломъ, склееннымъ изъ
умеровъ „Нью-Іоркъ-Джеральда“.

— Всего лучше дѣлать себѣ покрывала изъ газетныхъ лис-
овъ! сказалъ Барбель, замѣтивъ мой взглядъ по направленію
ровати. Они грѣютъ не хуже одѣяла, но, между тѣмъ, гораздо
егче его.

Только одна часть комнаты, прилегавшая къ окну, была до-
таточно освѣщена. Здѣсь на колченогомъ столѣ лежалъ небол-
ой точильный камень.

— Въ другомъ концѣ комнаты находится мой кухонный
агъ, но вы можете не иначе увидать его, какъ только тогда,
огда я зажгу свою свѣчу, воткнутую въ бутылочку! продолжалъ
арбель. Но вотъ главное мое украшеніе... на него-то я хотѣлъ
режде всего обратить ваше вниманіе!

И Барбель при этомъ подвелъ меня къ маленькой деревян-
ой рамкѣ, висѣвшей на стѣнѣ близъ окна. Въ этой рамкѣ, подъ
ыленнымъ стекломъ, я увидалъ печатный листокъ, вырванный
ъ какой-то книги или изъ журнала.

— Это—страница изъ „Стрекозы“, юмористической газеты,
роцвѣтавшей въ нашемъ городѣ лѣтъ шесть тому назадъ! поясн-
лъ мнѣ Барбель.—Если вы помните, я постоянно работалъ
ъ этой газетѣ.

— О, да! Конечно, помню! вскричалъ я.—И я никогда не

забуду вашей „Шутки“, появившейся въ этой газетѣ. Как
смѣялся надъ этой чудесной „Шуткой“! Сколько разъ давал
читать ее своимъ пріятелямъ!

Барбель съ минуту, молча, смотрѣлъ на меня и затѣмъ у
залъ на рамку съ запыленнымъ стекломъ.

— Эта страница взята изъ „Шутки“! торжественно про
ворилъ онъ. Я помѣстилъ ее здѣсь для того, чтобы постоян
во время работы, имѣть ее передъ глазами. Эта „Шутка“ по
била меня. Это была послѣдняя вещь, написанная мною
„Стрекозы“. Какъ пришла она мнѣ въ голову, я теперь и с
сказать не могу. Такіе случаи бываютъ съ человѣкомъ тол
разъ въ жизни... „Шутка“ была принята восторженно чит
щею публикой, а всѣ мои произведенія, послѣдовавшія за н
встрѣчались насмѣшкой. „Стрекоза“, наконецъ, отвернулась
меня. Послѣ того я, словно, покатился по наклонной плоско
чѣмъ дальше—тѣмъ хуже, и наконецъ вынужденъ былъ вз
ся за свое настоящее ремесло—за ремесло точильщика. Эт
способомъ я добываю себѣ хлѣбъ, кофе и табакъ, а иногда д
картофель и мясо... Однажды вышелъ со мной такой случ
когда я сидѣлъ за работой, на улицѣ подъ окномъ моимъ яв
ся шарманщикъ. Онъ игралъ серенаду изъ „Троватора“,—и
знакомые звуки привели мнѣ на память доброе старое врем
всѣ прошлыя радости, напомнили ту благодатную пору, ко
счастливый литераторъ ходилъ въ прекрасномъ платьѣ, заним
кресло въ оперѣ, любовался на прекрасные женскіе глаз
разсуждалъ объ Италіи, когда будущее являлось для него од
блестящею перспективой, безъ тѣни, безъ облака. Въ то вр
какъ я прислушивался къ знакомымъ, милымъ звукамъ, а мы
моя уносилась къ счастливому прошлому, я совершенно без
знательно, машинально работалъ надъ своимъ точильнымъ к
немъ. Оттого, ли, что всѣ мои способности въ тѣ минуты б
сильно возбуждены, или отчего другаго—не знаю, но только
этотъ разъ я такъ правильно, такъ отлично отточилъ ос
своихъ гвоздей, что они, казалось, съ одинаковой легкос
должны были прокалывать и жесткую сапожную кожу, и т
чайшія нити старинаго кружева. Когда шарманка смолкл
опять возвратился къ жалкой дѣйствительности, къ пыли и п

мнѣ, посмотрѣлъ на отточенные гвозди и тотчасъ же, безъ малѣйшаго колебанія, выбросилъ ихъ за окно, а хозяину заявилъ, что я испортилъ ихъ. Конечно, мнѣ пришлось заплатить за нихъ, но я, по крайней мѣрѣ, сохранилъ впослѣдствіи свой заработокъ. Вы понимаете? Еслибы я отнесъ хозяину эти отлично отточенные гвозди, такъ онъ постоянно сталъ бы требовать у меня такихъ же гвоздей; я, конечно, не могъ бы исполнить его требованій и лишился бы работы...

Помолчавъ минуту, Барбель добавилъ:

— Мнѣ болѣе нечего говорить вамъ, мой юный другъ! Я только хотѣлъ показать вамъ мою „Шутку“, вставленную въ рамку за стекло, хотѣлъ показать вамъ свой точильный камень, и теперь вы можете отправляться домой и обо всемъ этомъ подумать на досугѣ. А мнѣ еще нужно отточить нѣсколько дюжинъ гвоздей, пока солнце не закатилось...

Не могу сказать, чтобы я развеселился отъ всего того, что слышалъ и видѣлъ въ комнатѣ Барбеля. Я потерялъ Барбеля изъ виду уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ и полагалъ, что онъ по прежнему, выражаясь высокимъ слогомъ, грѣется въ лучахъ счастья—также точно, какъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ. Я былъ чрезвычайно пораженъ, найдя его въ такомъ бѣдственномъ положеніи и видя, что авторъ, написавшій въ свое время знаменитую „Шутку“, вынужденъ заниматься тяжелымъ ремесломъ точильщика. Когда я шелъ отъ него и раздумывалъ такимъ образомъ, страшная картина мрачнаго будущаго возстала передо мной. Развѣ не могло случиться и со мной того-же, что произошло съ несчастнымъ моимъ собратомъ? Слова Барбеля глубоко запали мнѣ въ сердце.

Придя домой, я разсказалъ женѣ исторію моего друга. Грустно выслушала она меня.

— Если наши обстоятельства скоро не поправятся, сказала она, то я боюсь, чтобы и намъ не пришлось обзавестись точильными камнями. Въ этомъ дѣлѣ, вѣдь, и я въ состояніи помогать тебѣ.

Долго мы сидѣли съ ней и толковали, строя различные планы будущаго. Конечно, еще не представлялось неминуемой необходимости приниматься за ремесло точильщика, но, во всякомъ случаѣ, надо было серьезно подумать о добываніи денегъ, а въ про-

Больная любовь.

Еслибъ не образъ твой блѣдный,
Еслибъ не мысль о тебѣ,
Другъ безащитный и бѣдный,
Я поклонился-бъ судьбѣ!

Волны утихли... свершилось!
Къ берегу челнъ мой прибитъ...
Сердце борьбой утомилось,
Умъ надорвался—и спитъ.

Спитъ... Но сквозь тихія грезы,
Въ сумракѣ долгихъ ночей,
Льются горячія слезы,
Льются изъ милыхъ очей.

Жаркимъ дождемъ на больное
Сердце струятся онѣ...
Что-же мнѣ ложе ночное?
Что мнѣ въ блистательномъ днѣ?

Только затѣмъ и полнѣе
Та тишина и покой,
Чтобъ раздавался звучнѣе
Въ сердцѣ моемъ голосъ твой!

Ф. Андреевъ.

сеть вамъ мало выгодъ, если лучи ея заблестятъ надъ вами въ тотъ моментъ, какъ вы будете умирать съ голоду.

— Ея лучи не радуютъ меня! отвѣтилъ я.—Они сожигаютъ, истощаютъ меня.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ издатель, немного погодя,— не хотите-ли напечатать свои послѣдніе разсказы подъ псевдонимомъ? Редакція и публика будутъ удовлетворены, вы получите деньги, ну--а репутацію придется ужь отбросить въ сторону!

Я съ жаромъ пожалъ руку моему благородному товарищу и тотчасъ же съ радостью ухватился за его предложеніе. Я былъ спасенъ.

— Конечно, замѣтилъ я, репутація—дѣло очень хорошее, но она сама по себѣ не дастъ ни пищи, ни платья, ни квартиры. Я согласенъ сейчасъ же потопить мое славное имя въ рѣкѣ забвенія и явиться передъ читающей публикой въ качествѣ новаго, неизвѣстнаго писателя.

— Я надѣюсь, что вы и подъ новымъ именемъ скоро сдѣлаетесь извѣстны, возразилъ издатель.—Я увѣренъ, что вы еще напишете не одну такую же хорошую повѣсть, какъ „Покойная сестра его жены".

Всѣ рукописи, какія имѣлись у меня подъ руками, я отослалъ моему доброму издателю и онѣ, въ свое время, одна за другой появились въ его журналѣ, подписанныя именемъ Джона Дармштадта (то былъ мой псевдонимъ, отнынѣ уже навсегда замѣнившій мое собственное имя). Подобныя же сдѣлки я устроилъ и съ другими издателями, и произведенія Джона Дармштадта охотно принимались повсюду, гдѣ для моихъ рукописей прежде не оказывалось мѣста. Обстоятельства наши поправились, и мы уже позволяли себѣ мечтать о будущемъ благоденствіи.

Время шло. Прошелъ годъ—другой и, наконецъ, у насъ родился сынъ. Мнѣ кажется, трудно сказать: какое время въ жизни нашей счастливѣе—первая-ли пора супружескаго сожительства, или первыя недѣли жизни нашего милаго, дорогаго первенца? Я съ своей стороны могу только сказать, что та же самая душевная восторженность, то же разрѣженіе умственной атмосферы и та же самая необычайная изобрѣтательность, какія овладѣли мною во время медоваго мѣсяца, сказались во мнѣ и теперь. Теперь, так—

же какъ и тогда, моя восторженность выразилась въ пріисканіи прекраснаго, въ высшей степени интереснаго сюжета для повѣсти, и я немедленно засѣлъ за работу. Я дописалъ повѣсть, когда нашему мальчику было уже около шести недѣль. Однажды вечеромъ мы сидѣли съ женой у камина въ нашей столовой, шторы у оконъ были спущены, лампа разливала мягкій свѣтъ, ребенокъ спокойно спалъ въ сосѣдней комнатѣ. Я читалъ женѣ свою повѣсть.

Когда я кончилъ чтеніе, жена порывисто встала съ мѣста и бросилась въ мои объятія.

— Никогда я такъ не гордилась тобой, какъ въ эти минуты! сказала она, съ глазами радостно блиставшими! Это—прелестная повѣсть. Право, она также хороша, какъ и „Покойная сестра его жены“!

Едва только она проговорила эти слова, какъ вдругъ непріятное чувство охватило насъ. Я гордился своимъ произведеніемъ, мнѣ отрадно было слышать похвалы изъ устъ любимой женщины,— и всѣ эти пріятныя ощущенія исчезли въ одно мгновеніе. Мы стояли и, поблѣднѣвъ, смотрѣли другъ на друга. Страшная истина разомъ открылась передъ нами:

Эта повѣсть *была также хороша*, какъ „Покойная сестра его жены“. Это ужасно!...

Мы стояли и молчали. Случай съ прекрасно отточенными гвоздями Барбеля пришелъ намъ на память. И передо мной возсталъ страшный призракъ угрожающаго намъ несчастья, въ которомъ должно было погибнуть все—и наше семейное благополучіе, и тѣ планы, какіе мы уже начали строить по поводу нашего сына.

Жена подошла ко мнѣ и взяла меня за руку. Рука ея была холодна, какъ ледъ.

— Будь силенъ и твердъ! сказала она:—большая опасность угрожаетъ намъ, но ты долженъ встрѣтить ее достойнымъ образомъ. Будь же твердъ!

Я, молча, пожалъ ей руку и мы не сказали болѣе ни слова.

На слѣдующее утро я взялъ свою рукопись и старательно завернулъ ее въ бумагу. Затѣмъ я отправился въ сосѣдній магазинъ и купилъ крѣпкій жестяной ящикъ съ плотною крышкой, собственно предназначавшійся для бисквитовъ. Я положилъ въ него свою рукопись, послѣ чего слесарь запаялъ мнѣ крышку

Еслибъ можно было собрать всѣ письма, написанныя С. къ разнымъ лицамъ, и издать ихъ, то для этого потребовалось бы не менѣе десяти томовъ.

Переписку его можно раздѣлить на нѣсколько періодовъ. Первый періодъ простирается до 1826 года и заключаетъ въ себѣ письма, писанныя на польскомъ языкѣ въ Вильну, къ роднымъ (матери и сестрѣ, которую онъ очень любилъ), затѣмъ къ нѣкоторымъ профессорамъ виленскаго университета, въ которомъ онъ учился; потомъ къ первой женѣ, рожденной Родзевичъ, на которой онъ женился въ 1818 или въ 19 году и состоялъ съ ней въ бракѣ въ теченіе десяти лѣтъ, потомъ развелся съ нею, представивъ предлогомъ къ разводу ея безплодіе; но, какъ оказалось, безплодіе-то было съ его стороны. Наконецъ—письма его къ Ѳ. Булгарину.

Изъ этого періода не обнародовано еще ни одного письма; но нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ многія письма увидятъ свѣтъ и это будетъ весьма важно, потому что о молодости С. очень мало извѣстно вообще. Между тѣмъ, въ Петербургъ вдругъ является молодой оріенталистъ, человѣкъ очень образованный, начитанный и считавшій себѣ не болѣе 24 лѣтъ. Какъ образовалась такая личность, можно было бы составить себѣ понятіе изъ его писемъ; самъ онъ объ этомъ никогда не говорилъ.

Второй періодъ его переписки начинается отъ пріѣзда въ Петербургъ съ Востока и продолжается до 1835 г. Тутъ польскій языкъ брошенъ и С. переписывается на французскомъ и русскомъ языкѣ, смотря по тому, къ кому и о чемъ пишетъ. Тогда онъ былъ совершенно погруженъ въ свои университетскія занятія и усвоивалъ себѣ русскій языкъ—писалъ небольшіе разсказы, которые печаталъ у Булгарина и въ нѣкоторыхъ альманахахъ. Переписка этого періода не могла еще быть значительной, потому-что С., большею частью, удивлялъ только людей интеллигентныхъ, знакомыхъ съ его начинаніями и учеными трудами, какъ оріенталиста. Но несомнѣнно, что у наслѣдниковъ нѣкоторыхъ нашихъ академиковъ, у наслѣдниковъ сенатора К. М. Бороздина и у нѣкоторыхъ профессоровъ, а особенно восточнаго факультета, должны сохраниться его письма а также и у наслѣдниковъ Булгарина, но только до основанія „Б. д. Ч“.; послѣ же того, С. съ нимъ не водился.

Третій періодъ, съ 1834 по 1850 г.—шестнадцать лѣтъ—самый богатый и самый интересный въ его жизни. Въ это время онъ написалъ много писемъ и все къ лицамъ, болѣе или менѣе извѣстнымъ въ литературѣ или такимъ, которыя впослѣдствіи сдѣлались извѣстны. Сюда надо отнести массу постоянныхъ сотрудниковъ какъ «Б. д. Ч.» такъ и «Энциклопедическаго Лексикона» Плюшара,—котораго онъ былъ редакторомъ нѣсколько лѣтъ. Затѣмъ письма къ разнымъ ученымъ, оріенталистамъ и литераторамъ, не принимавшимъ участія въ обоихъ этихъ изданіяхъ, переписка съ сотрудницами по «Б. д. Ч.» и другими образованными дамами, искавшими знакомства съ знаменитымъ барономъ. Эта-то

КРЫМСКІЯ АКВАРЕЛИ.

I.

Рынокъ.

На рынкѣ еще жарче, чѣмъ около моря на набережной. Торговцы—греки, татары и армяне—пыхтятъ и отираютъ потныя лица, иные дремлютъ въ ожиданіи покупателей и лѣниво въ полуснѣ отмахиваются отъ надоѣдливыхъ мухъ.

Рынокъ отъ набережной въ полуверстѣ разстоянія. Онъ начинается съ небольшой площадки, на которой производится торгъ сѣномъ, дровами и огородными овощами. Съ площадки пролегаетъ узенькая улица, застроенная съ обѣихъ сторонъ лавчонками самаго незатѣйливаго вида; двѣ-три изъ нихъ заняты колоніальными и мануфактурными товарами, а остальныя—невозможная смѣсь всякой всячины. Тутъ и мясныя лавки съ тушами висящихъ на желѣзныхъ крюкахъ барановъ, кровавыхъ и ободранныхъ, тутъ-же и просушка ихъ шкуръ на солнцѣ. Въ сосѣдствѣ съ ними магазинъ бакалейныхъ товаровъ, изъ котораго несетъ купоросомъ, скипидаромъ и всякими иными запахами, болѣе или менѣе сильно бросающимися въ носъ покупателю. Рядомъ съ нимъ мастерская русскаго сапожника и самъ онъ тутъ весь на лицо, сидитъ на табуретѣ въ одной рубашкѣ съ засученными рукавами и, сгорбивъ спину, стучитъ молоткомъ по каблуку сапога, забивая въ него деревянные гвозди. Неимовѣрно толстый татаринъ, торгующій фруктами, огромная туша котораго почти не вмѣщается въ тѣснотѣ его лавчонки, развалился на порогѣ подъ тѣнью навѣса и преблагодушно щуритъ глаза, точно стукъ молотка сапожника, раздающійся на весь рынокъ, доставляетъ ему особенное наслажденіе. Тѣнь отъ навѣса, подъ

которымъ онъ развалился, рисуется чернымъ пятномъ на яркомъ солнечномъ свѣтѣ, заливщемъ и улицу, и крыши лавчонокъ, и сосѣднюю русскую церковь, напоминающую своей архитектурой католическій костелъ. Тутъ же, вблизи мастерской сапожника,—и харчевня, въ которой рабочіе имѣютъ обѣдъ за пятнадцать, двадцать копѣекъ. На прилавкѣ ея, выходящемъ прямо на улицу, красуются вареныя бараньи головы, чеснокъ, огурцы, яица, рахатъ-лукумъ и прошлогодніе орѣхи. Иногда всѣ эти снѣди въ пыли, иногда на нихъ немножно и грязцы попадаетъ, но это нисколько не смущаетъ апатичнаго хозяина харчевни—смуглаго старика грека, ни его покупателей. Покупатели, случается, тутъ же на землѣ около лавчонки разбиваютъ бараньи головы и, поглотивъ изъ нихъ все содержимое, бросаютъ остатки собакамъ, всегда готовымъ подхватить добычу и уже заранѣе облизывающимся и ласково помахивающимъ хвостами, въ ожиданіи ея. Иной разъ подгулявшій рабочій, питаясь бараньей головой, ведетъ въ то же время разговоръ съ собакой, утѣшая ее тѣмъ, что ужь несомнѣнно передастъ въ ея собственность кости отъ своего обѣда, иной разъ даже и поцѣлуется съ ней, упрашивая ее быть терпѣливой. Если онъ имѣетъ въ карманѣ нѣсколько мѣдяковъ, то, пожалуй, купитъ ей и булку, благо булочная тутъ же около харчевни, и на ея широкомъ прилавкѣ грудами лежатъ хлѣбы и баранки, а тутъ же, среди нихъ, посиживаютъ сами пекари греки, сложивъ подъ себя ноги и касаясь грязными чулками до предметовъ своего торга. Расщедрится рабочій на пятакъ и напшумитъ на весь рынокъ, ругая пекарей за то, что дремлютъ, за то, что они „эѳіопы греческіе и настоящей рассейской чувствительности не имѣютъ“, и пойдетъ, покачиваясь, въ ближайшій кабакъ.

Ни крики рабочаго, ни пьяныя пѣсни его собратовъ, доносящіеся отъ кабака на рынокъ, никого не тревожатъ и не интересуютъ, какъ явленіе обыденное, и на рынкѣ продолжается мирное теченіе тихой полусонной жизни. У дверей одной лавчонки, подъ тѣнью ея холщеваго навѣса, татаринъ брѣетъ голову своему собрату. Мыло, взбитое въ пѣну, ползетъ съ макушки брѣемаго на его шею, на лобъ, и самъ онъ, склонивъ лоснящуюся голову на грудь цирюльника, закрылъ глаза и тяжело

клалъ въ книгу, какъ закладку, на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ прервалъ чтеніе. Это забывалось, книга валялась, а потомъ, вмѣстѣ съ ассигнаціею, попадала въ шкафъ. Собравъ около десяти депозитокъ разнаго достоинства, я отправился къ А. А. и предъявилъ ей находку. Она была дама экономная, чтобы не сказать больше, и ужасно горевала, что эти деньги пропали безъ всякой пользы, потому что-ихъ нельзя уже было обмѣнять въ государственномъ банкѣ...

На другой день А. А. явилась ко мнѣ въ библіотеку усердной помощницей для основательнаго разсмотрѣнія рѣшительно всѣхъ книгъ, въ надеждѣ, не натолкнетъ-ли ее случай на новѣйшія ассигнаціи. Работа закипѣла быстро и въ два дня пересмотрѣна была вся библіотека, но кромѣ сторублеваго депозитнаго билета, оказавшагося въ монгольскомъ «Словарѣ» Ковалевскаго, мы ничего болѣе не отыскали. А. А., разсматривая этотъ злосчастный билетъ, проронила на него даже нѣсколько слезъ, съ досады, что изъ такой хорошей и цѣнной вещи нельзя было сдѣлать никакого употребленія; но жена талантливаго мужа придумала-таки употребленіе для найденной сторублевой депозитки: былъ позванъ вѣчно пребывавшій при квартирѣ Сенковскаго, столяръ Яковъ, который наклеилъ ассигнацію на маленькомъ бѣломъ столикѣ и покрылъ ее бѣлымъ лакомъ; но А. А., при каждомъ взглядѣ на этотъ столикъ, вздыхала, такъ что О. И. приказалъ Якову соскоблить и уничтожить памятникъ своей разсѣянности.

Я употребилъ цѣлую недѣлю, пока кое-какъ привелъ въ порядокъ развалины библіотеки знаменитаго оріенталиста, и по возвращеніи изъ Москвы, передавая ему ключи отъ его книгохранилища, сообщилъ въ то же время и о грустномъ впечатлѣніи, которое оно произвело на меня.

— Гдѣ-же тѣ книги, на которыя вы потратили столько денегъ и кто это такъ разорзнилъ вашу библіотеку?

— Ахъ, любезный другъ, лучше не спрашивайте. Я имѣлъ неблагоразуміе держать книги въ передней, въ полкахъ безъ стеколъ; тутъ всякій бралъ, что хотѣлъ; но вы знаете, что никто не возвращаетъ взятой книги, если ее можно легко зажилить. Болѣе всего перетаскалъ моихъ книгъ разбойникъ Вагенгеймъ-старикъ. Вы знаете, я часто страдалъ зубною болью и имѣлъ неблагоразуміе посылать за нимъ. Успокоивъ мою боль, онъ всякій разъ, уходя отъ меня, просилъ дать ему что-либо почитать. Я отсылалъ его въ переднюю, гдѣ онъ распоряжался, просто какъ у себя дома. Но вообразите мое удивленіе, когда разъ, заѣхавъ къ Вагенгейму взять у него какія-то новыя капли, я вдругъ увидѣлъ у него въ гостинной порядочный шкафъ съ книгами въ хорошенькихъ переплетахъ. Я попробовалъ вынуть нѣсколько книгъ и вижу, что все это мои книги. — Послушайте, ребэ Вагенгеймъ, говорю я

плетень наложены вѣтви терновника, называемаго въ Крыму „держи-дерево“, и колючки его цѣпляются за все.

II.

Заключеніе.

Ко мнѣ забрался ранній гость, татаринъ, мѣстный садовладѣлецъ, степенный человѣкъ, давно уже разбухшій отъ большихъ доходовъ съ виноградниковъ и садовъ. Покуривая табакъ и потягивая глотокъ за глоткомъ кофе, онъ разсказываетъ:

— Извините, господинъ, я буду вамъ говорить, господинъ. У насъ въ Алуштѣ большой домъ на набережной долго не будетъ, и русскій и татаринъ,—на набережной долго не будетъ.

Татаринъ медленнымъ движеніемъ руки поглаживаетъ бороду, потомъ голову и, не торопясь, не возвышая голоса, продолжаетъ:

— Вотъ какой смѣшной дѣло, и пустое мѣсто есть, и охотникъ купить есть, и продать охотникъ есть, а домъ строить нельзя...

Оказывается, что лучшія мѣста по берегу моря въ Алуштѣ и близъ Алушты принадлежатъ наслѣдникамъ умершаго землевладѣльца П., которые никакъ не могутъ ни раздѣлить доставшагося наслѣдства, ни продать его. Продать они хотятъ и землю, и виноградники, и строенія, и сады—все разомъ на наличныя деньги, чтобы удобнѣе было дѣлиться (всѣхъ наслѣдниковъ болѣе двадцати душъ); но такого покупателя пока не находится.

Степенный татаринъ, сообщившій эти свѣдѣнія, опять многозначительно поглаживаетъ бороду и продолжаетъ разсказывать о покойномъ землевладѣльцѣ П.

— Умный былъ онъ господинъ, далеко впередъ смотрѣлъ, и каждый самый лучшій кусокъ земли покупалъ онъ. Теперь ходи, пожалуйста, по берегу моря, любой мѣсто спрашивай—все его мѣсто.

— Отчего наслѣдники не продаютъ имѣнія по частямъ?

— Нельзя, господинъ: споръ большой будетъ.

— Но можно бы не дѣлить денегъ, а класть ихъ въ банкъ до распродажи всего имущества.

Татаринъ снисходительно улыбается и, не возражая, начинаетъ медленно крутить папироску. Онъ замѣтно придерживается восточнаго правила, что рѣчь серебро, а молчаніе—золото и, подозрительно покашливая, пытливо косится на меня, какъ бы желая убѣдиться, слѣдуетъ-ли продолжать откровенный разговоръ, или лучше ограничиться благоразумнымъ молчаніемъ.

Лицо у него благообразное, лысина во всю голову, борода сѣдая, пушистая и глаза дисциплинированные: онъ то и дѣло потупляетъ ихъ внизъ, какъ бы въ смиренномъ смущеніи; но не смотря на это, мнѣ все таки ясно, что въ немъ пытливости гораздо больше, чѣмъ смиренія. Сидимъ мы съ нимъ у широкаго окна, онъ полулежитъ на диванѣ, одну ногу положилъ подъ себя, а туфли сбросилъ съ обѣихъ ногъ на полъ. Подъ правымъ локтемъ у него смятая подушка, за спиной лежитъ другая и вся фигура его дышетъ восточной лѣнью. Къ этой лѣни располагаетъ все: и воздухъ теплый и мягкій, и видъ на безбрежное море, и тихіе всплески его волнъ, ласкающіе намъ обоимъ слухъ.

— И нашъ братъ, татаринъ, глупый яманъ, большой деньги хочетъ за свой мѣсто. Садъ вонъ тамъ на берегъ моря, хорошій садъ. Покупалъ его богатый русскій, большой деньги давалъ, тридцать тысячъ рублей давалъ. Татаринъ не продалъ. Самъ онъ продалъ-бы, господинъ, да старуха мать не хотѣлъ, шибко кричалъ, бранилъ, въ садъ пришелъ, визжалъ, больно руками махалъ, и сына бранилъ, и покупателя бранилъ, плакалъ... Размѣется, необразованный, деревенскій... А я такъ думаю,—дуракъ онъ!..

Далѣе разговоръ доходитъ до предсказанія о томъ, что для Алушты придетъ такое же время, какое уже пришло для Ялты, Алупки и другихъ мѣстъ южнаго берега: татары продадутъ свои участки прибрежной земли за хорошую цѣну и переселятся въ глубь долины, а захотятъ покупаться или жонъ своихъ выкупать,—повезутъ ихъ въ можарѣ на парѣ быковъ къ морю, какъ это дѣлаютъ теперь татары сосѣднихъ деревень. Иногда въ сумерки, и въ особенности въ лунныя ночи, видно какъ на берегу *мелькаютъ* странныя фигуры въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ,

ится веселый говоръ, взвизгиванья, хохотъ и крики дѣтей—
гатарскія семейства купаются въ морѣ. Самъ глава семьи
тъ гдѣ нибудь тутъ же около нихъ, развалясь на пескѣ, и
тъ трубку, посматривая въ даль моря.

Но тогда-ли будетъ лучше въ Алуштѣ, когда на ея набереж-
будутъ красоваться каменныя зданія съ прихотливыми ба-
ками, балкончиками и террасами и зеленью растеній, или
рь, когда кругомъ такая невозмутимая тишина и спокой-
:—это еще вопросъ.

Д. Стахѣевъ.

Больная любовь.

Еслибъ не образъ твой блѣдный,
Еслибъ не мысль о тебѣ,
Другъ безащитный и бѣдный,
Я поклонился-бъ судьбѣ!

Волны утихли... свершилось!
Къ берегу челнъ мой прибитъ...
Сердце борьбой утомилось,
Умъ надорвался—и спитъ.

Спитъ... Но сквозь тихія грезы,
Въ сумракѣ долгихъ ночей,
Льются горячія слезы,
Льются изъ милыхъ очей.

Жаркимъ дождемъ на больное
Сердце струятся онѣ...
Что̀-же мнѣ ложе ночное?
Что̀ мнѣ въ блистательномъ днѣ?

Только затѣмъ и полнѣе
Та тишина и покой,
Чтобъ раздавался звучнѣе
Въ сердцѣ моемъ голосъ твой!

Ф. Андреевъ.

Послѣднія десять лѣтъ жизни барона Брамбеуса (Осипа Ивановича Сенковскаго).

(съ 1848 по 1858 г.)

Письма къ редактору «Наблюдателя».

IV.

Баронъ Брамбеусъ, пользовавшійся въ свое время такою огромною популярностью, по мѣрѣ охлажденія къ нему его многочисленныхъ поклонниковъ, не желалъ, чтобы знали подробности его жизни, не любилъ говорить о себѣ, разсказывать разные эпизоды изъ прошлаго, и когда однажды, во время завтрака, жена его имѣла неблагоразуміе сказать, что я рекомендовалъ ей тщательно беречь всѣ его письма, писанныя къ ней въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ супружеской жизни, онъ страшно разсердился, вышелъ изъ себя и разразился на меня за эту выходку.

„Проникать въ семейную жизнь, вызнавать подробности этой жизни, заставлять кого-либо записывать воспоминанія, касающіяся частной его жизни, для того чтобы впослѣдствіи, послѣ смерти этого человѣка, выбросить въ народъ новый ворохъ дрязгъ, сплетенъ, и такимъ образомъ осрамить человѣка, изъ-того только, чтобы выпустить ничтожную книжонку—это низко, подло, нестойно порядочнаго человѣка».

Видя, въ какой азартъ пришелъ почтенный баронъ, я, чтобъ успокоить его, сказалъ ему, что̀ вызвало признаніе Аделаиды Александровны.

— Дѣло было такъ: однажды, говоря о васъ, о вашей дѣятельности и перепискѣ со многими лицами и о томъ, какъ интересна должна быть эта переписка, А. А. согласилась въ этомъ со мною и сказала, что у нея тоже хранится много вашихъ писемъ и записокъ, начиная съ перваго вашего знакомства съ ея родителями; тогда я замѣтилъ, какъ важны эти письма, и рекомендовалъ ей беречь ихъ; но я отнюдь не думалъ совѣтовать ей сдѣлать когда-либо изъ этихъ писемъ практическое употребленіе, никогда не желалъ дать мнѣ прочесть тѣ письма, которыя она считала замѣчатель-

ными и дорогими для нея или для общества. Вотъ все мое участіе этомъ дѣлѣ.

Сенковскій нѣсколько успокоился, но все же продолжалъ осуждать т поступокъ, который, кромѣ вреда, ничего не принесъ бы ему.

Однако жъ, какъ онъ ни волновался, въ какихъ черныхъ краскахъ выставлялъ подобныя выходки, все это вовсе не подѣйствовало ни на его, ни на меня: такова ужь природа человѣка,—и то, чего онъ такъ ялся, свершилось черезъ годъ послѣ его смерти. А. А. издала «Біограф скія записки", въ которыхъ, кромѣ разныхъ воспоминаній о различныхъ с тіяхъ семейной жизни, душевныхъ страданіяхъ мужа, вслѣдствіе безконе вражды противъ него всѣхъ почти литераторовъ, за исключеніемъ весьма многихъ, она помѣстила цѣликомъ и безъ разбора рѣшительно всѣ его п ма и записки къ ней, начиная съ того времени, какъ она сдѣля его невѣстой, затѣмъ письма, писанныя имъ къ ней же изъ-за гран или изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ иногда лѣтомъ жилъ онъ, уѣзжая изъ Петербу Писемъ этихъ набралось очень много. Конечно, прочесть ихъ человѣку, и ресующемуся подробностями частной, семейной жизни «барона»—необходим надо сказать, что многія письма не имѣютъ ровно никакого интереса посторонняго человѣка. И, вѣроятно, покойный О. И. боялся, чтобы ни эти-то письма не увидѣли свѣта Божія. Они заключаютъ въ себѣ не изл чувствъ и страсти, а одно риторическое сочиненіе, не чуждое лести и эк таціи, которыя невѣсты и жены такъ охотно принимаютъ,—первыя женіховъ, а вторыя отъ мужей,—за чистую высокопробную монету... И зя не отдать ему справедливости—на эти письма онъ былъ бол мастеръ...

Но какъ бы тамъ ни было, а трудъ А. А. С. дѣлаетъ ей честь и казываетъ, какъ искренно она любила мужа, какъ высоко цѣнила его. Та жонъ очень мало!

Что С. не желалъ, чтобы послѣ него остались слѣды сношеній е разными лицами,—письма и бумаги, могущія послужить матеріаломъ его жизнеописанія,—это видно изъ того, что онъ поставилъ себѣ за пр уничтожать всѣ письма, кѣмъ-бы ни было и о чемъ-бы то ни было п ныя къ нему; пощады имъ не было, а хранились только нѣкоторыя письм сестры и матери, но наконецъ и они предназначены были къ уничтож О. И. совершенно упустилъ однако изъ виду, что онъ очень любилъ пере ваться, дѣлалъ это съ наслажденіемъ и многія его письма имѣютъ очень ное значеніе не только для его біографіи, но и для исторіи русской литера Эти письма сохранились и ревниво сберегаются лицами, бывшими съ ни перепискѣ или въ сношеніяхъ.

Еслибъ можно было собрать всѣ письма, написанныя С. къ разнымъ лицамъ, и издать ихъ, то для этого потребовалось бы не менѣе десяти томовъ.

Переписку его можно раздѣлить на нѣсколько періодовъ. Первый періодъ простирается до 1826 года и заключаетъ въ себѣ письма, писанныя на польскомъ языкѣ въ Вильну, къ роднымъ (матери и сестрѣ, которую онъ очень любилъ), затѣмъ къ нѣкоторымъ профессорамъ виленскаго университета, въ которомъ онъ учился; потомъ къ первой женѣ, рожденной Родзевичъ, на которой онъ женился въ 1818 или въ 19 году и состоялъ съ ней въ бракѣ въ теченіе десяти лѣтъ, потомъ развелся съ нею, представивъ предлогомъ къ разводу ея безплодіе; но, какъ оказалось, безплодіе-то было съ его стороны. Наконецъ—письма его къ Ѳ. Булгарину.

Изъ этого періода не обнародовано еще ни одного письма; но нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ многія письма увидятъ свѣтъ и это будетъ весьма важно, потому что о молодости С. очень мало извѣстно вообще. Между тѣмъ, въ Петербургъ вдругъ является молодой оріенталистъ, человѣкъ очень образованный, начитанный и считавшій себѣ не болѣе 24 лѣтъ. Какъ образовалась такая личность, можно было бы составить себѣ понятіе изъ его писемъ; самъ онъ объ этомъ никогда не говорилъ.

Второй періодъ его переписки начинается отъ пріѣзда въ Петербургъ съ Востока и продолжается до 1835 г. Тутъ польскій языкъ брошенъ и С. переписывается на французскомъ и русскомъ языкѣ, смотря по тому, къ кому и о чемъ пишетъ. Тогда онъ былъ совершенно погруженъ въ свои университетскія занятія и усвоивалъ себѣ русскій языкъ—писалъ небольшіе разсказы, которые печаталъ у Булгарина и въ нѣкоторыхъ альманахахъ. Переписка этого періода не могла еще быть значительной, потому-что С., большею частью, удивлялъ только людей интеллигентныхъ, знакомыхъ съ его начинаніями и учеными трудами, какъ оріенталиста. Но несомнѣнно, что у наслѣдниковъ нѣкоторыхъ нашихъ академиковъ, у наслѣдниковъ сенатора К. М. Бороздина и у нѣкоторыхъ профессоровъ, а особенно восточнаго факультета, должны сохраниться его письма а также и у наслѣдниковъ Булгарина, но только до основанія „Б. д. Ч“.; послѣ же того, С. съ нимъ не водился.

Третій періодъ, съ 1834 по 1850 г.—шестнадцать лѣтъ—самый богатый и самый интересный въ его жизни. Въ это время онъ написалъ много писемъ и все къ лицамъ, болѣе или менѣе извѣстнымъ въ литературѣ или такимъ, которыя впослѣдствіи сдѣлались извѣстны. Сюда надо отнести массу постоянныхъ сотрудниковъ какъ «Б. д. Ч.» такъ и «Энциклопедическаго Лексикона» Плюшара,—котораго онъ былъ редакторомъ нѣсколько лѣтъ. Затѣмъ письма къ разнымъ ученымъ, оріенталистамъ и литераторамъ, не принимавшимъ участія въ обоихъ этихъ изданіяхъ, переписка съ сотрудницами по «Б. д. Ч.» и другими образованными дамами, искавшими знакомства съ знаменитымъ барономъ. Эта-то

особенно интересная переписка—письма къ нему отъ дамъ—совершенно уничтожена С., за исключеніемъ нѣсколькихъ писемъ, которыя мнѣ удалось совершенно случайно спасти отъ забвенія, а именно нѣсколько любопытныхъ писемъ къ барону одной талантливой писательницы, съ которыми, въ своемъ мѣстѣ, я познакомлю читателя. Несомнѣнно, наслѣдники всѣхъ тѣхъ лицъ, съ которыми С. былъ въ перепискѣ, сохраняютъ его письма, но когда-то они будутъ обнародованы,—да и будутъ-ли! А между тѣмъ они представили бы великолѣпныя иллюстраціи къ біографіи «барона». У наслѣдниковъ покойнаго Кукольника, безъ сомнѣнія, также должно быть много весьма игривыхъ и остроумныхъ писемъ С., также какъ у наслѣдниковъ Волкова, издававшаго съ С. нѣкоторое время «Б. д. Ч.»; у наслѣдниковъ Бенедиктова, Солоницына, Губера, Вонлярлярскаго (писателя) и мн. др.

Четвертый и послѣдній періодъ переписки О. И. Сенковскаго заключаетъ въ себѣ годы 1850—1858. Это — важные годы его жизни, не столько для литературы, сколько для науки. Въ это время онъ переписывался съ г-жею К. въ Москвѣ, гдѣ проводилъ обыкновенно великій постъ, съ Е. Н. Ахматовой, у которой должно быть очень много его писемъ, и между ними особенно интересное (изъ Ревеля) въ которомъ онъ охарактеризовалъ всѣхъ современныхъ литературныхъ дѣятелей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Это письмо очень важно для оцѣнки того, какъ онъ понималъ и цѣнилъ своихъ современниковъ и собратовъ. Должны быть еще его письма у наслѣдниковъ А. В. Дружинина, въ особенности послѣднее письмо «барона», вызванное тѣмъ, что Дружининъ, будучи своимъ человѣкомъ въ домѣ С., напечаталъ въ «Современникѣ» неприличный и неблаговидный отзывъ о «Б. д. Ч.» Отзывъ этотъ взорвалъ С. и онъ тотчасъ же написалъ Дружинину письмо, чрезвычайно характерное.

Въ тотъ же день, поутру, я пріѣхалъ къ С. по дѣламъ. Онъ показалъ мнѣ книжку «Современника», гдѣ была напечатана статья Дружинина, о которой я уже зналъ и пробѣжалъ ее наканунѣ, и тутъ же прочелъ мнѣ письмо къ Дружинину. Письмо дѣйствительно было написано мастерски, и ни одному изъ нашихъ литераторовъ не удалось бы написать такъ ѣдко и такъ прилично. Послѣ этого письма, Дружининъ не являлся больше къ С.

Затѣмъ, у почтеннаго В. П. Гаевскаго тоже должны быть письма С—го. Гаевскій познакомился съ Сенковскимъ черезъ меня. Я представилъ его О. И., какъ начинающаго литератора, выступившаго съ весьма удачнымъ разборомъ романа Писемскаго «Тюфякъ». О. И. полюбилъ Гаевскаго, который вскорѣ сдѣлался у него своимъ человѣкомъ, часто бывалъ и много съ нимъ бесѣдовалъ. Это было съ 1851 до 56 года.

Въ заключеніе, я долженъ назвать и себя. Я храню свято переписку О. И. со мною, хотя большею частью дѣловую по «Б. д. Ч.», а потомъ по поводу листковъ его, печатавшихся въ «Сынѣ Отечества» съ 1856 по мартъ

ными, которыхъ первые вѣчно держали въ черномъ тѣлѣ. Трудъ С—го выработанъ на хорошей исторической подкладкѣ, со многими очень вѣскими доказательствами, но вопросъ этотъ относится ко временамъ до-историческимъ, и теперь рѣшить его трудно, хотя весьма важно и для насъ. Это послужило бы къ уясненію, откуда у насъ появилось крѣпостное право, и какъ могло оно пустить такіе глубокіе корни? Если заняться пристальнымъ изученіемъ одной нашей «Бархатной книги», то сдѣлается очень ясно, что и наша аристократія — чуждый элементъ для чисто русскаго народа, что все это заѣзжіе, чужіе люди, то съ Орды, то съ Литвы, то съ Нѣмечины; аристократіи-же чисто русской — нѣтъ. Самые древнѣйшіе наши роды — потомки норманской дружины... Конечно, все это обрусѣло съ вѣками, все это приняло русскую рѣчь, нравы, обычаи; но иная, чужая кровь всегда даетъ себя знать... Да и всѣ на свѣтѣ аристократіи, гдѣ они есть — чуждый, пришлый элементъ въ народѣ. Возьмите цѣльную націю, восточную, или нашихъ южныхъ славянъ. Гдѣ у нихъ аристократія? Есть люди, выдающіеся своимъ богатствомъ, покровительствомъ власти; но древнихъ дворянскихъ родовъ, кромѣ владѣтельнаго, нѣтъ и слѣдовъ. Проникнувшись этой теоріею, С. хотѣлъ нанести польской аристократіи сильный ударъ; но, вѣроятно, вспомнилъ, что на свѣтѣ есть еще и другія аристократіи, кромѣ польской, — и оставилъ этотъ вопросъ открытымъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что С. сдѣлался для польскаго общества— отрѣзаннымъ ломтемъ; съ польскимъ обществомъ теперь все было покончено; онъ имъ болѣе не занимается, вовсе не интересуется; съ поляками никакихъ сношеній не имѣетъ. Остались одни воспоминанія о прошломъ, о первыхъ годахъ молодости, о женѣ, проживающей гдѣ-то на Литвѣ, которая тоже, увлеченная мѣстнымъ теченіемъ, совершенно охладѣла къ нему и думала лишь о деньгахъ, затраченныхъ на путешествіе мужа по Востоку. Ему приходилось— посвятить себя всецѣло Россіи, которая могла дать ему все. Онъ такъ и сдѣлалъ. И какъ же послѣ этого, когда-либо, кому-либо, можно было попрекать С. тѣмъ, что онъ полякъ, сочувствуетъ польскимъ интересамъ и глумится надо всѣмъ русскимъ? Можно-ли усомниться въ его преданности Россіи и въ желаніи ей всего лучшаго, какъ свободно избранному имъ отечеству?

Конечно, надо и то сказать: кому было извѣстно все, что̀ мы здѣсь сообщаемъ? Поэтому-то и винить тѣхъ, кто считалъ его *личностью загадочною* — было-бы тоже несовсѣмъ справедливо. По возвращеніи съ Востока, С. сталъ помышлять о томъ, чтобы писать по русски и первыя статьи его «Путешествія по Востоку» стали появляться въ «Сынѣ Отечества» и «Сѣверномъ Архивѣ», издававшихся Булгаринымъ; затѣмъ стали появляться подъ разными псевдонимами и его разсказы, разумѣется, большею частью фантастическо-юмористическаго содержанія. Но земляки его, жившіе въ Петербургѣ,

желая хоть сколько-нибудь примирить его съ польскимъ обществомъ сѣверо-западныхъ губерній, внушили ему мысль издавать въ Петербургѣ, на польскомъ языкѣ, юмористическій журналъ «Bałamut» (враль, вертопрахъ, хлыщъ). Это изданіе занимало С. въ теченіе двухъ лѣтъ, но не вызвало къ нему расположенія земляковъ и, послѣ этого, С. уже ничего не писалъ по польски и занялся серьезными работами.

А. Старчевскій.

(*Продолженіе будетъ*).

какъ-же это вамъ не совѣстно, душа моя, перетаскать у меня столько книгъ, обмундировать ихъ по своему усмотрѣнію, и распредѣлить не по полкамъ, а по долкамъ.

— Охота вамъ, почтеннѣйшій О. И., заниматься такими пустяками; вы пріѣхали лѣчиться, а занялись другимъ дѣломъ. Видно, у васъ еще не очень болятъ зубы. Пойдемте, я вамъ дамъ новопривезенныя изъ-за границы американскія капли, это будетъ лучше. Тѣмъ дѣло и кончилось, а книги мои такъ и остались у Вагенгейма.

Въ послѣдній день разборки библіотеки, мнѣ осталось обревизовать еще два выдвижныхъ ящика съ рукописями. Тутъ тоже много оказалось хламу, но ни одного письма отъ кого-либо. Приходилось разсмотрѣть послѣднюю небольшую связку бумагъ. Развязавъ ее, я нашелъ нѣсколько оффиціальныхъ документовъ, формуляръ, разводный актъ съ первой женой, который я прочелъ и изъ котораго запомнилъ, что первая жена называлась Родзевичъ, что онъ жилъ съ ней *десять* лѣтъ и просилъ о разводѣ по причинѣ ея безплодія. Было это, кажется, въ 1829 году. Затѣмъ я взялъ бумагу въ 4 ю долю листа, на которой сверху было написано: «*Препровождаю вамъ для прочтенія, что сообщаетъ одинъ изъ вашихъ литературныхъ собратовъ. По прочтеніи, можете уничтожить. Графъ Бенкендорфъ.*

Я прочелъ эту бумагу два раза. То былъ низкій доносъ на С., подписанный однимъ изъ нашихъ извѣстныхъ литераторовъ тридцатыхъ годовъ, С—нымъ. Мнѣ очень грустно было видѣть, до чего можетъ доводить злоба и зависть. Но человѣкъ-то былъ—извѣстный лгунъ!

Работа моя была такимъ образомъ окончена. Я собрался уходить домой, такъ-какъ было уже около четырехъ часовъ; но замѣтивъ, что на большомъ письменномъ столѣ много было набросано разныхъ ненужныхъ уже счетовъ и записокъ изъ типографіи о присылкѣ оригинала и корректуръ, я собралъ все это, чтобы бросить въ круглую желѣзную печку, стоявшую въ углу и уже не топившуюся, такъ какъ это было въ началѣ мая. Когда я открылъ дверцы, то увидалъ въ печкѣ массу изорванной бумаги, изъ чего мнѣ нетрудно было заключить, что О. И., прежде чѣмъ поручить мнѣ разобрать его библіотеку, распорядился бросить въ печку изъ своихъ бумагъ все то, что считалъ ненужнымъ и лишнимъ.

Меня взяло любопытство взглянуть, чѣмъ это начинялъ онъ такъ усердно свою утер-марковскую печку. Первыя бумаги, свалившіяся при открытіи дверецъ на полъ, были письма его матери, сестры и первой жены—всѣ они были писаны по-польски и не были разорваны. Мнѣ стало ужасно грустно и тяжело—какъ это онъ рѣшился бросить послѣднее письмо матери, которой тогда уже не было на свѣтѣ... Но видно, что и ему тяжело было предать эти документы забвенію, потому-что у него не хватило духу изорвать ихъ

въ клочки, а онъ предоставилъ огню уничтожить ихъ. Однако, вышло иначе... Я не рѣшился продолжать свои дальнѣйшія изысканія въ печкѣ, считая это непозволительнымъ. Но эти письма я положилъ въ карманъ, и когда сталъ совать въ печку бумаги, собранныя мною со стола, то встрѣтилъ препятствіе. Печка была переполнена бумагами и закрыта какой-то папкой. Когда я вынулъ эту папку, — она оказалась рукописью, толщиною въ десть бумаги, разорванной пополамъ, во всю длину. Это было цѣлое сочиненіе С., написанное еще въ 1820 году на польскомъ языкѣ: «О происхожденіи польскаго дворянства» (шляхты). Я просмотрѣлъ рукопись, которая стоила автору немало трудовъ, и отправился сообщить Аделаидѣ Александровнѣ о своей находкѣ, сказавъ, что «такъ какъ О. И. нашелъ нужнымъ истребить эту свою рукопись, то сказать ему о томъ, что мы спасли ее,—невозможно, и мнѣ опять досталось-бы не хуже того, какъ за его письма къ вамъ; но я считаю нужнымъ заявить, что сберегу эту рукопись: можетъ быть, она еще къ чему-либо пригодится».

Она согласилась со мною, я взялъ рукопись къ себѣ и тѣмъ кончилось приведеніе мною въ порядокъ библіотеки „барона“, разорванная же рукопись осталась у меня и по сей день.

Принеся ее домой, я безъ отлагательства занялся ею, въ недѣлю прочелъ основательно и нашелъ, что автору она стоила немало трудовъ. Однѣ справки и выписки многихъ мѣстъ изъ источниковъ, которыми пользовался при этомъ О. И., показываютъ, какъ солидно былъ онъ подготовленъ къ историческимъ изслѣдованіямъ, для чего надо было весьма основательно знать римскую, греческую и восточную литературы. А между тѣмъ, когда онъ работалъ надъ этой диссертаціей о происхожденіи польскаго дворянства, ему было не болѣе 20 или 22 лѣтъ, потому-что на рукописи поставленъ 1820 годъ. Авторъ выводитъ польское дворянство отъ лезгинъ, приводилъ слова ихъ языка, сохранившіяся въ польскомъ языкѣ — названія оружія, военнаго дѣла, конской сбруи, даже древнихъ польскихъ костюмовъ. Не обошлось и безъ рисунковъ: нарисованъ польскій гетманскій костюмъ и такой-же—лезгинскихъ воиновъ. Удивительное сходство, дѣйствительно. Сочиненіе было посвящено, кажется, Лелевелю; но потомъ это посвященіе было вырвано. Рукопись кѣмъ-то была читана и по бокамъ сдѣланы замѣтки карандашемъ; но замѣтки эти не важныя. Приложеніе къ этой рукописи—сравненіе славянскаго языка съ персидскимъ и германскимъ. Это было въ 1820 г., когда никто еще и не помышлялъ о сравнительной филологіи.

V.

Для нѣкоторыхъ личность Сенковскаго была загадочною; многіе не знали,

утся, по всей вѣроятности, люди, которые отмѣтятъ это событіе выведутъ заключеніе, что коммуна имѣла рѣшительное вліяніе на азвитіе драматическаго искусства во Франціи.

Главный входъ открытъ только вечеромъ, отъ семи до двѣнадцати часовъ, когда наступаетъ темнота, и огонь лампъ, освѣщающихъ названіе модной пьесы, колеблется отъ вѣтра, какъ пылающее море. Онъ тогда загроможденъ деревянными барьерами, между которыми толпа стоитъ и ждетъ очереди, покорно вынося это медленное шествіе гуськомъ. Передъ ея глазами происходитъ атака на тѣхъ, которые еще не успѣли запастись билетомъ и теперь съ трудомъ отдѣлываются отъ барышниковъ, предлагающихъ имъ „хорошее кресло“ гораздо дешевле, чѣмъ въ кассѣ, и отъ неотступныхъ продавцовъ афишъ, которые насильно суютъ ихъ въ руки.

Проходя мимо носа полиціи, разносчикъ напитковъ, съ серебряной бляхой на плечѣ, смѣло пробирается къ подъѣзду, выкрикивая: „Самое свѣжее, кто желаетъ?“—между тѣмъ, какъ по краямъ тротуара, у разставленныхъ рядами узкихъ лотковъ, при мерцаніи свѣчи, вставленной въ фонарь изъ красной бумаги, торговки апельсинами, съ угреватыми лицами и въ ситцевыхъ чепцахъ, сбываютъ „Прекрасную Валенцію“ мальчишкамъ этого квартала.

Тамъ происходитъ давка отъ прохожихъ, глазѣющихъ по сторонамъ и ощупывающихъ свои карманы, прежде чѣмъ рѣшиться подойти къ кассѣ, и отъ множества экипажей, около дверецъ которыхъ, среди криковъ, спора и брани, снуютъ „подбиратели окурковъ сигаръ“. Этотъ шумъ, гамъ и толкотня продолжаются не больше получаса, затѣмъ мигомъ площадь пустѣетъ; полицейскіе, заложивъ руки въ карманы, прохаживаются взадъ и впередъ; въ сѣняхъ никого нѣтъ, кромѣ трехъ контролеровъ въ бѣлыхъ галстукахъ, серьезно возсѣдающихъ въ кассѣ; продавцы афишъ устремляются къ прилавку кабачика; тяжелые омнибусы, запряженные тройкой, свободно разъѣзжаютъ по опустѣвшей улицѣ; движеніе смѣнилось полной тишиной. И всю эту внезапную перемѣну произвелъ крошечный колокольчикъ, извѣстившій, что занавѣсъ поднимается и начинается спектакль.

Другой входъ незнакомъ съ этой шумной толкотней; въ немъ нѣтъ такой величественной, широкой двери; чрезъ него не проходятъ, въ дни перваго представленія пьесы, грозные критики, знаменитые авторы, вліятельные банкиры, изящные члены собраній, политическія свѣтила, имѣющія большую силу для пожалованія ордена директорамъ, и наконецъ граціозныя, прелестныя женщины, украшенія театральной залы, о которыхъ сказалъ одинъ остроумный писатель:

при различныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, я въ настоящее время, когда уже болѣе двадцати пяти лѣтъ прошло послѣ его смерти, могу заявить со всею добросовѣстностью, что С., не смотря на свое чисто польское происхожденіе, на католическую вѣру, къ которой онъ былъ совершенно индифферентенъ, на образованіе, полученное имъ въ виленскомъ университетѣ, у профессоровъ вовсе не дюжинныхъ и чистокровныхъ поляковъ,—въ душѣ былъ человѣкомъ чисто русскимъ; вполнѣ сочувствовалъ самымъ святымъ, самымъ высокимъ интересамъ Россіи, видѣлъ и понималъ, что Россіи и русскому народу предстоитъ великая будущность, радовался всякому нашему движенію впередъ, принималъ близко къ сердцу все касавшееся Россіи, и никогда, въ теченіе десяти лѣтъ, мнѣ не представлялось случая замѣтить, чтобы С. дурно отнесся къ чему-нибудь русскому, осуждалъ что-либо народное, русское, только потому, что оно русское, или намекнулъ, что ему не нравятся русскіе обычаи и нравы. Ко всему русскому онъ относился, какъ новокрещенный относится ко всему новому для него изъ проповѣдуемаго ему христіанства. Нѣтъ сомнѣнія, что С. какъ человѣкъ съ высокимъ образованіемъ, тонкимъ вкусомъ и европейскимъ лоскомъ,—притомъ человѣкъ другой, болѣе развитой культуры,—не могъ не замѣчать многихъ недостатковъ и слабостей, какъ въ нашемъ обществѣ, наукѣ и литературѣ, такъ и въ нашемъ народѣ; но понимая вполнѣ, гдѣ лежали причины этого застоя и нашей отсталости отъ общечеловѣческой культуры, онъ смотрѣлъ на все снисходительно, твердо вѣруя, что все къ намъ придетъ со временемъ. Свои-же взгляды на то, что намъ особенно было нужно, онъ изложилъ въ цѣломъ трактатѣ—въ посмертной его «Запискѣ», напечатанной мною въ газетѣ «Современность» въ 1880 г. И не смотря на то, что желанія его, выраженныя въ 1857 году, были для того времени довольно смѣлы и либеральны, мы получили въ прошлое царствованіе, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ «Записки» Сенковскаго, вчетверо больше того, чего онъ желалъ, и въ такомъ видѣ, о которомъ онъ и не дерзалъ тогда мечтать!

Но были вещи, которыхъ С., при всей своей снисходительности, при всей сдержанности, никакъ не могъ переварить—это наше чиновничество и его невѣжество; затѣмъ хищничество казеннаго добра, которое выражалось въ видѣ взяточничества. С доказывалъ, что черезъ взяточничество чиновниковъ, казна теряетъ ровно половину того, чѣмъ-бы она могла располагать. Но главное, онъ задался мыслью во что-бы то ни стало соскоблить грубую кору съ нашей тогдашней литературы. Конечно, знакомясь день за день съ тѣмъ, что представляли европейскія литературы, онъ не могъ приходить въ восторгъ отъ того, что являлось въ 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годахъ въ нашей прессѣ вообще,—я разумѣю не представителей, корифеевъ нашей литературы, *но обыденныя* явленія нашей беллетристики и прочихъ родовъ словесности.

Все это, конечно, было слабо, грубо, неуклюже, и Сенковскій ко всему этому былъ неумолимъ, безпощаденъ—просто тиранъ! Онъ былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что одно только бичеваніе въ состояніи поправить дѣло, и придерживался латинской пословицы: «ridendo castigat mores». Но не смотря на всю ѣдкость его отзывовъ о второстепенныхъ произведеніяхъ нашей литературы, это ровно ни къ чему не привело, а въ его настойчивомъ преслѣдованіи всего слабаго, грубаго, неуклюжаго, видѣли ничто иное, какъ ненависть ко всему русскому—ненависть поляка, мстившаго Россіи и русскому обществу, если не мытьемъ, такъ катаньемъ. Но что въ этихъ его дѣйствіяхъ не было вовсе политической подкладки, лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что замѣтивъ, какъ наши, ученые и литераторы — даже талантливые и геніальные—чувствительны ко всякому критическому замѣчанію и не терпятъ никакихъ, самыхъ благонамѣренныхъ указаній критики, не допускаютъ, чтобы критикъ въ чемъ-бы то ни было могъ не согласиться съ авторомъ и не благоговѣлъ безусловно передъ его произведеніемъ,—С., подъ конецъ, рѣшилъ вовсе не касаться хорошихъ и дѣльныхъ книгъ, а просилъ присылать ему для разбора весь ежедневно появляющійся литературный, т. е. печатный хламъ, надъ которымъ онъ и потѣшался вволю. У меня есть болѣе двадцати записокъ, написанныхъ имъ ко мнѣ въ такомъ видѣ: «Я ужь сколько разъ просилъ васъ, А. В., не присылать мнѣ для разбора порядочныхъ сочиненій, потому что, разбирая ихъ, я могу оступиться и сказать, какъ я, по своему тупоумію, смотрю на какой-нибудь предметъ, и замѣтить автору, что онъ смотритъ не по моему, а изъ этого возникнетъ цѣлая полемика, начнутъ меня укорять въ парадоксальности и проч. Это мнѣ уже порядочно надоѣло. Поэтому прошу васъ присылать мнѣ для «Лѣтописи», на будущее время, не хорошія сочиненія нашихъ хорошихъ писателей, а литературно-рыночный товаръ; тогда я могу распоряжаться вполнѣ свободно, какъ распоряжается квартальный въ мелочной лавочкѣ:—это, молъ, гниль, и тутъ же бросаетъ на улицу, въ грязь; это уже протухло, и въ этомъ квасѣ плаваетъ какая-то гадость. Надо быть практичнѣе, реальнѣе». И я, дѣйствительно, привыкъ было носылать ему одинъ лишь рыночный литературный товаръ.

Позвольте мнѣ сдѣлать маленькое отступленіе, оставить на минуту методу С. и обратиться къ нашей современной критикѣ. Развѣ и теперь не то же самое? особенно, если критика позволитъ себѣ разбирать сочиненіе современнаго талантливаго писателя. Какой авторъ согласится съ тѣмъ, что необходима строгая и серьезная критика даже для высокоталантливаго писателя? У насъ и въ настоящее время смотрятъ на критику, какъ на литературную полицію, и вовсе недолюбливаютъ ея. Въ отношеніяхъ и разговорахъ съ литераторами вообще, С. былъ очень остороженъ, сдержанъ, зная, что по выходѣ отъ него все слы-

нанное будетъ передано цѣлому легіону литературной братьи съ различными прибавленіями, поясненіями и варіаціями. Испытавъ нѣсколько разъ послѣдствія своихъ, самыхъ невинныхъ литературныхъ бесѣдъ, часто доводимыхъ въ превратномъ и неказистомъ видѣ до III-го Отдѣленія, онъ принималъ къ себѣ рѣдко и съ разборчивостью, и этого совершенно было достаточно, чтобы въ литературныхъ кружкахъ составилось мнѣніе, что Сенковскій—довольно загадочная личность... Но гдѣ слѣдовало и кому слѣдовало знать, что̀ за личность почтенный «баронъ», тѣ досконально знали, что политика никогда не входила въ программу его ученыхъ и литературныхъ занятій, и считали его человѣкомъ вполнѣ благонамѣреннымъ, хотя и любившимъ иной разъ съострить надъ чѣмъ бы то ни было безъ оглядки. Дубельтъ зналъ С. до своего поступленія въ Третье Отдѣленіе и имѣлъ привычку при встрѣчѣ раскланиваться съ С., но разъ «баронъ», послѣ того какъ г. Дубельтъ поклонился ему на Невскомъ проспектѣ, подошелъ къ нему и сказалъ, смѣясь:—«Я очень дорожу вашимъ расположеніемъ ко мнѣ, но прошу васъ на будущее время *явно* презирать меня; а то каждый вашъ поклонъ прибавитъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, сотню самыхъ злостныхъ враговъ».—Понимаю, замѣтилъ Дубельтъ, и съ этого же дня буду, при встрѣчѣ съ вами на Невскомъ, презирать васъ, по вашему желанію, въ искренности котораго я не сомнѣваюсь.—«Конечно, я убѣжденъ, что какъ бы вы меня ни презирали,—прибавилъ С.—все же не лишите меня своего *вниманія*»—Ну, объ этомъ и не просите: этимъ я и такъ обязанъ къ вамъ по долгу службы...

VI.

Совершенное отчужденіе отъ всего польскаго началось въ С. очень рано, а именно въ самомъ началѣ двадцатыхъ годовъ.

Окончивъ блистательно курсъ въ виленскомъ университетѣ, состоя въ которомъ, онъ на собственный рискъ и страхъ занимался въ свободное отъ университетскихъ занятій время (пользуясь богатыми средствами университетской библіотеки) еще и восточными языками,—надо полагать: арабскимъ, персидскимъ и турецкимъ,—Сенковскій сналъ и видѣлъ путешествіе по Востоку. Изъ этого я заключаю, что труды, исторія и похожденія знаменитаго оріенталиста Клапрота и покровительство ему графа Потоцкаго немало повліяли на молодую, пылкую голову С., который, во что бы то ни стало, хотѣлъ пойти по стопамъ знаменитаго оріенталиста, обратившаго на себя вниманіе всей Европы не только своими необычайными способностями по изученію восточныхъ языковъ, но и своими романическими похожденіями. Но какъ было исполнить задуманное, когда средства вдовы, матери С., вовсе не позволяли этого? Имѣніе ихъ было небольшое и давало лишь возможность приличнаго существованія матери и молодой *ея дочери*, особенно первой, привыкшей вращаться въ хорошемъ обществѣ

и получившей аристократическое воспитаніе, при которомъ отличный французскій языкъ служилъ для обыкновеннаго домашняго обихода.

Но С. и тутъ нашелся: молодой, пылкій, талантливый и бойкій юноша увлекъ дѣвушку, какъ надо полагать, значительно старше его, съ нѣкоторымъ состояніемъ, которая, съ любовью и бракомъ, предложила ему средства отправиться въ путешествіе на Востокъ. Однако надо полагать, что любовь не играла здѣсь важной роли, если молодая супруга рѣшилась, немедленно послѣ свадьбы, отпустить молодаго мужа въ страны далекія и не безопасныя, гдѣ можно было легко сложить голову.

Какъ все это случилось—безъ согласія-ли матери (что вѣроятнѣе), а, можетъ быть и съ ея согласія,—неизвѣстно. О. И. никогда и ни передъ кѣмъ не затрогивалъ этого вопроса, который имѣлъ важное значеніе въ его жизни. Какъ бы, впрочемъ, ни было, С. собрался въ путь и, запасшись отъ какого-то польскаго магната рекомендательнымъ письмомъ къ тогдашнему нашему канцлеру и министру иностранныхъ дѣлъ, извѣстному меценату, графу Николаю Петровичу Румянцеву, пріѣхалъ въ Петербургъ.

Графъ принялъ С. съ теплымъ участіемъ и, ознакомившись съ его желаніями и знаніями, посовѣтовалъ ему поступить въ наше посольство въ Константинополѣ, усовершенствоваться въ знаніи восточныхъ языковъ, а тамъ можно будетъ видѣть, что дѣлать дальше, или, какъ обыкновенно выражался графъ Румянцевъ:—«voyons ce que nous ferons». Не медля нисколько, получивъ отъ канцлера письмо къ нашему послу въ Константинополѣ, графу Строганову, С. отправляется по назначенію и проѣзжаетъ вдоль всѣ сѣверо-и юго-западныя наши губерніи. Разумѣется, онъ былъ у матери и простился съ женой. Проѣзжая наши западныя губерніи, онъ былъ страшно пораженъ бѣдственнымъ положеніемъ тогдашнихъ крѣпостныхъ и ихъ отношеніемъ къ помѣщикамъ. Это ужасное впечатлѣніе не сгладилось и тогда, когда онъ прибылъ въ Константинополь, и хотя Востокъ овладѣлъ имъ всецѣло, хотя онъ, поселившись въ Перѣ (предмѣстьѣ Константинополя) въ одномъ армянскомъ семействѣ, предался съ пыломъ юноши изученію на практикѣ и усовершенствованію въ турецкомъ языкѣ, — картины родины, такъ сильно поразившія его, не давали ему покоя и онъ нашелъ время описать свое путешествіе по западнымъ губерніямъ со всею силою молодаго таланта и впечатлительной натуры. Это первое свое сочиненіе, написанное на польскомъ языкѣ, онъ отправилъ въ редакцію издававшагося тогда въ Вильнѣ замѣчательнаго журнала «Виленскій Курьеръ». Нѣтъ сомнѣнія, что С. имѣлъ въ редакціи сильную руку—или родныхъ, или людей, очень ему сочувствовавшихъ,—а то иначе не видать бы свѣта Божія его статьѣ. Съ другой стороны, дѣлаетъ большую честь лицамъ, руководившимъ тогдашнимъ «Курьеромъ», что они согласились бросить такую статью въ лицо тогдашнимъ владѣльцамъ крестьянъ. Статья была ужасная,

надо полагать, что редакція однако сняла съ нея сливки, чтобы не вооружить противъ себя мѣстную аристократію. Едва статья была окончена печатаніемъ на польскомъ языкѣ, редакторъ «Вѣстника Европы», профессоръ Каченовскій, воспользовался ею и такъ-какъ въ ней дѣло шло объ отношеніяхъ русскихъ крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ-полякамъ, то статья была переведена на русскій языкъ, пропущена цензурою и появилась на страницахъ «Вѣстника Европы» въ 1821 или 22 году. Наши помѣщики, читая эту статью, видѣли, что она имѣла значеніе и для внутреннихъ русскихъ губерній. Но у насъ эта выходка С. противъ помѣщиковъ, хотя и польскихъ, не имѣла значенія, потому что крѣпостное право было тогда въ полной силѣ.

Первый дебютъ С. въ польской литературѣ порвалъ всѣ его отношенія къ землякамъ въ западномъ краѣ. Туда двери для него были заперты навсегда. Нѣтъ сомнѣнія, что «Курьеръ» потерялъ чрезъ это немало подписчиковъ—богатыхъ пановъ, выписывавшихъ журналъ, который поднесъ имъ такой неожиданный сюрпризъ, а бѣдная мать С. не знала, что̀ и дѣлать—такъ сынокъ удружилъ ей. Интересно было бы видѣть переписку родныхъ и знакомыхъ С., забросавшихъ его письмами по этому поводу; но ничего не сохранилось объ этомъ, даже въ польскихъ мемуарахъ того времени.

Сенковскій увидалъ, что зашелъ слишкомъ далеко; тогда ему ничего болѣе не оставалось, какъ окончательно насолить своимъ землякамъ, что̀ онъ и сдѣлалъ, занявшись въ Константинополѣ извлеченіемъ изъ турецкихъ лѣтописей всего относящагося до столкновеній Турціи съ Россіей и Польшей, назвавъ этотъ свой трудъ «Collectanea», т. е. сборникомъ. Эта-то «Коллектанеа», изданная имъ на польскомъ языкѣ, произвела величайшее негодованіе во всѣхъ провинціяхъ, составлявшихъ прежнюю Польшу. Всѣ ложные и превратные разсказы турецкихъ историковъ, относительно сношеній Турціи съ Польшею, были представлены, какъ выражается Булгаринъ въ своемъ воспоминаніи о Сенковскомъ,—какъ сущая правда, а польскія побѣды надъ турками превращены въ пораженія. Уже изъ отзыва одного Булгарина о «Collectanе'ѣ» видно, какое вліяніе эта книга имѣла на земляковъ С.—и связи съ польскимъ обществомъ были порваны окончательно.

Вѣроятно, раздраженіе противъ С. было очень сильное, потому-что онъ не рѣшился уже напечатать своего историческаго изслѣдованія о происхожденіи польскаго дворянства, которое онъ давно хранилъ у себя, не рѣшаясь однако жъ и уничтожить его до начала пятидесятыхъ годовъ, когда наконецъ онъ разорвалъ его и бросилъ въ печку; однако судьба спасла и этотъ трудъ его, направленный противъ польской аристократіи. Въ немъ онъ проводитъ ту мысль, что въ Польшѣ два племени: народъ польскій — чистые славяне; аристократія—потомки лезгинъ, пришедшихъ въ Польшу съ Кавказа въ VII столѣтіи, отчего и происходила вѣчная рознь между побѣдителями и покорен-

ными, которыхъ первые вѣчно держали въ черномъ тѣлѣ. Трудъ С—го выработанъ на хорошей исторической подкладкѣ, со многими очень вѣскими доказательствами, но вопросъ этотъ относится ко временамъ до-историческимъ, и теперь рѣшить его трудно, хотя весьма важно и для насъ. Это послужило бы къ уясненію, откуда у насъ появилось крѣпостное право, и какъ могло оно пустить такіе глубокіе корни? Если заняться пристальнымъ изученіемъ одной нашей «Бархатной книги», то сдѣлается очень ясно, что и наша аристократія — чуждый элементъ для чисто русскаго народа, что все это заѣзжіе, чужіе люди, то съ Орды, то съ Литвы, то съ Нѣмечины; аристократіи-же чисто русской — нѣтъ. Самые древнѣйшіе наши роды — потомки норманской дружины... Конечно, все это обрусѣло съ вѣками, все это приняло русскую рѣчь, нравы, обычаи; но иная, чужая кровь всегда даетъ себя знать... Да и всѣ на свѣтѣ аристократіи, гдѣ они есть — чуждый, пришлый элементъ въ народѣ. Возьмите цѣльную націю, восточную, или нашихъ южныхъ славянъ. Гдѣ у нихъ аристократія? Есть люди, выдающіеся своимъ богатствомъ, покровительствомъ власти; но древнихъ дворянскихъ родовъ, кромѣ владѣтельнаго, нѣтъ и слѣдовъ. Проникнувшись этой теоріею, С. хотѣлъ нанести польской аристократіи сильный ударъ; но, вѣроятно, вспомнилъ, что на свѣтѣ есть еще и другія аристократіи, кромѣ польской, — и оставилъ этотъ вопросъ открытымъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что С. сдѣлался для польскаго общества—отрѣзаннымъ ломтемъ; съ польскимъ обществомъ теперь все было покончено; онъ имъ болѣе не занимается, вовсе не интересуется; съ поляками никакихъ сношеній не имѣетъ. Остались одни воспоминанія о прошломъ, о первыхъ годахъ молодости, о женѣ, проживающей гдѣ-то на Литвѣ, которая тоже, увлеченная мѣстнымъ теченіемъ, совершенно охладѣла къ нему и думала лишь о деньгахъ, затраченныхъ на путешествіе мужа по Востоку. Ему приходилось—посвятить себя всецѣло Россіи, которая могла дать ему все. Онъ такъ и сдѣлалъ. И какъ же послѣ этого, когда-либо, кому-либо, можно было попрекать С. тѣмъ, что онъ полякъ, сочувствуетъ польскимъ интересамъ и глумится надо всѣмъ русскимъ? Можно-ли усомниться въ его преданности Россіи и въ желаніи ей всего лучшаго, какъ свободно избранному имъ отечеству?

Конечно, надо и то сказать: кому было извѣстно все, что̀ мы здѣсь сообщаемъ? Поэтому-то и винить тѣхъ, кто считалъ его *личностью загадочною* — было-бы тоже несовсѣмъ справедливо. По возвращеніи съ Востока, С. сталъ помышлять о томъ, чтобы писать по русски и первыя статьи его «Путешествія по Востоку» стали появляться въ «Сынѣ Отечества» и «Сѣверномъ Архивѣ», издававшихся Булгаринымъ; затѣмъ стали появляться подъ разными псевдонимами и его разсказы, разумѣется, большею частью фантастическо-юмористическаго содержанія. Но земляки его, жившіе въ Петербургѣ,

желая хоть сколько-нибудь примирить его съ польскимъ обществомъ сѣве западныхъ губерній, внушили ему мысль издавать въ Петербургѣ, на по скомъ языкѣ, юмористическій журналъ «Bałamut» (враль, вертопрахъ, хлыщ Это изданіе занимало С. въ теченіе двухъ лѣтъ, но не вызвало къ нему р положенія земляковъ и, послѣ этого, С. уже ничего не писалъ по поль и занялся серьезными работами.

А. Старчевскій.

(*Продолженіе будетъ*).

ТОСКА.

Цыкъ-цыкъ, цыкъ-цыкъ!.. часы стрекочутъ,
Ползетъ, какъ черепаха, ночь;
Не въ силахъ разуму помочь
Сомнѣнья мозгъ безплодно точатъ.
Желанья смолкли; въ сердцѣ холодъ,
И, какъ подстрѣленный орелъ,
Надежда бьется въ безднѣ золъ,
Не утоляя сердца голодъ...
Пути не видно, подъ ногами
Зіяетъ пропасть пустоты,
И, взвившись, падаютъ мечты
Въ пучину между берегами...
Одна тоска,—мой врагъ могучій,—
Паритъ надъ бездной роковой
И, словно крышкой гробовой,
Всю даль прикрыла черной тучей...

В. Тепловъ.

ЛИЗА ФЛЁРОНЪ.

Романъ **Жоржа Онэ** *).

I.

Между Амбигю и Порт-Сент-Онорэ возвышается театръ,—съ главнымъ выходомъ на бульваръ и съ другимъ, маленькимъ, на улицу Бонди,—носящій, со дня своего открытія, названіе „Драматическихъ Фантазій". Онъ былъ построенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находился ресторанъ Баланьи, и сожженъ въ послѣдніе дни коммуны, въ одно время съ Порт-Сен-Мартэнъ, возставшими бандами. Отступая къ Шато-д'о, быстро нагоняемые версальскимъ войскомъ, федералисты, чтобы остановить преслѣдованіе и выиграть время, заградили путь на бульваръ громаднымъ пожаромъ. Три дома были уничтожены пламенемъ. Сгорѣлъ и театръ, одинъ изъ самыхъ популярныхъ и любимыхъ публикою, которая охотно ходила смотрѣть на пьесы, гдѣ наказывался порокъ и торжествовала добродѣтель. Съ полдюжины гражданъ совершенно изжарились въ огнѣ посреди обломковъ; однако борьба, завязавшаяся между порядкомъ и безпорядкомъ, не прекращалась ни на одинъ часъ. Спустя годъ, вмѣсто трехъ домовъ и театра, были уже три театра и домъ, красовавшіеся на бульварѣ своими только что отдѣланными фасадами. Най-

*) Авторъ этого романа, въ настоящее время самый модный писатель въ Парижѣ. Въ непродолжительное время онъ достигъ такого успѣха, какой не часто выпадаетъ на долю первоклассныхъ талантовъ, и „Figaro" провозгласилъ его величайшимъ писателемъ настоящаго, прошедшаго и будущаго. До этого, конечно, еще очень далеко молодому автору, но, тѣмъ не менѣе, три первые романа его: „Serge Panine", „Le maitre de forges" и „Comtesse Sarah" встрѣчены были публикою съ особеннымъ сочувствіемъ и доставили автору двойную извѣстность, такъ какъ, передѣланные въ драмы, они и на сценѣ имѣли огромный успѣхъ. Послѣднее произведеніе его, „Lise Fleuron" par Georges Ohnet, вышло въ іюнѣ и разошлось въ количествѣ 40,000 экземпляровъ. *Ред.*

дутся, по всей вѣроятности, люди, которые отмѣтятъ это событіе и выведутъ заключеніе, что коммуна имѣла рѣшительное вліяніе на развитіе драматическаго искусства во Франціи.

Главный входъ открытъ только вечеромъ, отъ семи до двѣнадцати часовъ, когда наступаетъ темнота, и огонь лампъ, освѣщающихъ названіе модной пьесы, колеблется отъ вѣтра, какъ пылающее море. Онъ тогда загроможденъ деревянными барьерами, между которыми толпа стоитъ и ждетъ очереди, покорно вынося это медленное шествіе гуськомъ. Передъ ея глазами происходитъ атака на тѣхъ, которые еще не успѣли запастись билетомъ и теперь съ трудомъ отдѣлываются отъ барышниковъ, предлагающихъ имъ „хорошее кресло“ гораздо дешевле, чѣмъ въ кассѣ, и отъ неотступныхъ продавцовъ афишъ, которые насильно суютъ ихъ въ руки.

Проходя мимо носа полиціи, разносчикъ напитковъ, съ серебряной бляхой на плечѣ, смѣло пробирается къ подъѣзду, выкрикивая: „Самое свѣжее, кто желаетъ?“—между тѣмъ, какъ по краямъ тротуара, у разставленныхъ рядами узкихъ лотковъ, при мерцаніи свѣчи, вставленной въ фонарь изъ красной бумаги, торговки апельсинами, съ угреватыми лицами и въ ситцевыхъ чепцахъ, сбываютъ „Прекрасную Валенцію“ мальчишкамъ этого квартала.

Тамъ происходитъ давка отъ прохожихъ, глазѣющихъ по сторонамъ и ощупывающихъ свои карманы, прежде чѣмъ рѣшиться подойти къ кассѣ, и отъ множества экипажей, около дверецъ которыхъ, среди криковъ, спора и брани, снуютъ „подбиратели окурковъ сигаръ“. Этотъ шумъ, гамъ и толкотня продолжаются не больше получаса, затѣмъ мигомъ площадь пустѣетъ; полицейскіе, заложивъ руки въ карманы, прохаживаются взадъ и впередъ; въ сѣняхъ никого нѣтъ, кромѣ трехъ контролеровъ въ бѣлыхъ галстукахъ, серьезно возсѣдающихъ въ кассѣ; продавцы афишъ устремляются къ прилавку кабачика; тяжелые омнибусы, запряженные тройкой, свободно разъѣзжаютъ по опустѣвшей улицѣ; движеніе смѣнилось полной тишиной. И всю эту внезапную перемѣну произвелъ крошечный колокольчикъ, извѣстившій, что занавѣсъ поднимается и начинается спектакль.

Другой входъ незнакомъ съ этой шумной толкотней; въ немъ нѣтъ такой величественной, широкой двери; чрезъ него не проходятъ, въ дни перваго представленія пьесы, грозные критики, знаменитые авторы, вліятельные банкиры, изящные члены собраній, политическія свѣтила, имѣющія большую силу для пожалованія ордена директорамъ, и наконецъ граціозныя, прелестныя женщины, украшенія театральной залы, о которыхъ сказалъ одинъ остроумный писатель:

„Онѣ никогда не лишнія! Засмотришься на нихъ и забудеш пьесѣ!“

Этотъ входъ, называемый обыкновенно актерскимъ, узкій, низ невыметенный, выходитъ въ темный коридоръ съ грязными стѣн и идетъ мимо каморки привратника, бдительнаго ока котораго какъ нельзя миновать, чтобы попасть во внутренность театра. Ку ный чадъ отъ пригорѣлаго масла на чугунной плитѣ, смѣшанны удушливымъ запахомъ газа, обдаетъ васъ, лишь только вы войд Афиша, наклеена на стѣнѣ, на которой еще сохранились мѣст обрывки красной, желтой, зеленой и другой цвѣтной бумаги стар афишъ. Надъ дверью виднѣется простая надпись черными букв „администрація“.

Оба входа, противоположные одинъ другому, отлично опре ляютъ театръ: съ одной стороны — блескъ, ослѣпительный св лампъ, роскошныя декораціи, золоченая мебель, яркіе костюмы молодые артисты, всѣ красивые и привлекательные, благодаря парикамъ и гримировкѣ; съ другой стороны—темнота, старыя афи служащія для подклейки декорацій, машинисты въ блузахъ, п готовляющіе перемѣны, угрюмый режиссеръ, шагающій за кулис съ озабоченнымъ видомъ, и актеръ съ вытянутымъ, утомленн лицомъ, прислонившійся къ стѣнѣ, въ ожиданіи своего выхода сцену, и въ сотый разъ пережевывающій свою реплику. Вѣчная гармонія, обманчивая картина, безпрестанно повторяющаяся, о к рой только посвященные могутъ имѣть вѣрныя понятія, но публ этотъ властелинъ театра, для удовольствія которой все пущено ходъ, не должна ничего и подозрѣвать!

Входъ съ бульвара открытъ настежъ для толпы; входъ съ ул Бонди—тщательно запертъ. Предъ его маленькой дверью, моло авторы и наивные вздыхатели приходятъ постоять въ грязной, во чей торговой улицѣ, и, бросая украдкой взгляды, стараются мелькомъ заглянуть въ этотъ рай, о которомъ они такъ част страстно мечтали. Этотъ рай долгое время былъ адомъ. Также к и въ волшебныхъ сказкахъ, всѣ геніи, за исключеніемъ одного, существовали при церемоніальномъ открытіи театра. Всѣ находил немъ какое-нибудь качество, упрочивающее его славу. Но забы злой духъ бросилъ несчастный жребій въ колыбель новорожден и всѣ чудныя похвалы, расточаемыя ему, оказались безполезн Всевозможный родъ представленій былъ испробованъ и ни од не имѣлъ успѣха, хотя пьесы давались хорошія и удачно ставленныя. Драмы, фееріи, комедіи, оперетки все проваливалось.

ое-то непріятное чувство овладѣвало зрителями, какъ только они адились на свои мѣста. Напрасно авторы изощряли свой умъ, напрасно усердствовали актеры, играя съ необыкновеннымъ жаромъ и увствомъ, напрасно пышная обстановка ослѣпляла взоръ, ничто не было въ силахъ сгладить, разсѣять, уничтожить роковое дѣйствіе. Подъ гнетомъ несчастія, дирекціи разорялись одна за другой, какъ карточные домики, разсыпающіеся отъ дуновенія ребенка. Казалось, что театръ былъ обреченъ на окончательное, неминуемое паденіе.

Это убѣжденіе мало по малу овладѣло всѣми и навело суевѣрный страхъ. Сложились цѣлыя легенды; даже нашлись злые шутники, которые, не щадя ничего, разсказывали, что въ театрѣ водятся нечистые духи, что душа одного синдика является туда каждую ночь и что это страшное привидѣніе держитъ подъ своимъ саваномъ гербовыя бумаги и испускаетъ въ коридорахъ глухіе вопли. Газеты воспользовались этими шутками и „Драматическія Фантазіи“ сдѣлались для хроникеровъ, за неимѣніемъ другаго матеріала, всегда готовымъ и, къ несчастью, никогда неисчерпаемымъ сюжетомъ.

Эта прекрасная сцена познакомилась съ ужасами торговой эксплуатаціи одного стараго дровяника, который, для поддержанія театра, ввелъ экономическое управленіе. Во всѣхъ окнахъ табачныхъ магазиновъ и парикмахерскихъ этого околодка были выставлены билеты, за полцѣны привлекавшіе въ театръ ужаснѣйшую публику. Дамы въ чепчикахъ сидѣли въ креслахъ партера и балкона. Труппа, набранная въ окрестностяхъ, должна была играть пьесы провинціальныхъ авторовъ, платившихъ извѣстный гонораръ за принятіе ихъ произведеній. Слѣдовалъ непрерывный рядъ драмъ и комедій, состряпанныхъ удалившимися на покой нотаріусами или ничего не помышляющими въ литературѣ негоціантами, роняющими сцену. Дешевая цѣна мѣстъ не заманивала однако публику. И въ грязномъ, какоптѣломъ театрѣ давали снотворныя пьесы передъ пустыми рядами креселъ. Настала неизбѣжная погибель. Никто болѣе не отважился шутить. Всѣ отвернулись отъ этого зданія, на фронтонѣ котораго неудача воздрузила свое черное знамя. Никто не рѣшался туда входить, какъ будто тамъ свирѣпствовала какая-нибудь заразительная болѣзнь. Это была полная безпомощность, агонія во мракѣ и тишинѣ могилы.

У многихъ невольно рождался вопросъ: неужели участь этого театра, заклейменнаго, точно лазаретъ зачумленныхъ, не измѣнится къ лучшему? Уже ходили слухи о продажѣ этой недвижимости об-

ществу финансистовъ, которое хотѣло устроить тамъ панораму, какъ вдругъ, точно громовой ударъ, пронеслась по Парижу вѣсть, всполошившая весь драматическій міръ. „Фигаро", въ своихъ закулисныхъ извѣстіяхъ, напечаталъ слѣдующія строки: «Г-нъ Франсуа Ромбо принимаетъ подъ свое управленіе театръ „Драматическихъ Фантазій". Надѣясь отвратить злой рокъ, онъ перекрещиваетъ этотъ театръ, который съ этихъ поръ будетъ называться „Современнымъ Театромъ". Передача совершилась вчера вечеромъ. Еще одинъ смѣльчакъ, ныряющій въ пропасть! Да здравствуетъ храбрость!".

Виновникомъ этого иронически-волнующаго объявленія былъ маленькій человѣчекъ, хорошо извѣстный всѣмъ посѣтителямъ биржи, гдѣ онъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, велъ дѣла съ большой ловкостью и счастьемъ. Огромный банкирскій домъ „Нуно и Грамедо" давалъ ему свои порученія. Онъ рискнулъ въ нѣсколькихъ предпріятіяхъ и достигъ того, что могъ жить на широкую ногу. Очень худощавое, рябое выбритое лицо, блестящіе, проницательные черные глаза и коротко-остриженные сѣдые волосы придавали ему видъ хитраго проныры. Онъ говорилъ много и легко, съ очень замѣтнымъ южнымъ акцентомъ и сильными жестами, отличался выдающимся умомъ и рѣдкой настойчивостью. Онъ ужасно горячился, если былъ увѣренъ въ выгодѣ дѣла, до тѣхъ поръ, пока не доводилъ его до желаемаго успѣха, и уступалъ немедленно, если ему доказывали, что онъ затѣялъ рискованную спекуляцію. Всѣ, кто имѣлъ случай сближаться съ нимъ, чувствовали къ нему расположеніе за его умѣнье держать себя. Селимъ Нуно, знаменитый португальскій финансистъ, котораго широкія плечи, сѣдые волосы и смуглый цвѣтъ лица были знакомы всему Парижу, часто говорилъ:—„Этотъ маленькій Ромбо такой молодецъ, что если ему представится случай, онъ пойдетъ далеко." Зато, какъ велико было удивленіе, когда на биржѣ узнали, что человѣкъ, которымъ Нуно такъ дорожилъ, впутался въ театральное дѣло.

Повидимому, онъ не имѣлъ ни малѣйшей способности къ директорской должности. Правда, онъ присутствовалъ на первыхъ представленіяхъ и, казалось, находилъ особенное удовольствіе аплодировать талантливымъ артистамъ, но отсюда до умѣнья поставить пьесу, самолично управлять труппою—была цѣлая бездна. Лица, такъ несправедливо разсуждающія, правда, не знали происхожденія новаго директора „Современнаго Театра" и всѣхъ обстоятельствъ его жизни, которыя дѣлали совершенно понятною рѣшимость Франсуа Ромбо.

Онъ родился въ Бордо, въ подвалѣ, гдѣ складывалось вино; его мать была дочь старшаго сторожа. Сдѣлавшись беременной,—по словамъ однихъ, отъ матроса Жирандо, по словамъ другихъ, отъ богатаго виноторговца,—это прелестное существо имѣло храбрость прожить невидимкой, въ сараѣ, цѣлыхъ четыре мѣсяца передъ родами. Ей необходимо было избѣжать гнѣва отца, стараго, заслуженнаго солдата, дравшагося въ Крыму и Италіи, не любившаго шутить, когда дѣло касалось чести. Онъ, не зная на комъ выместить свое оскорбленіе, собирался убить ту, которая допустила обольстить себя.

Виноторговецъ, вѣроятно, не былъ чуждъ этого проступка, такъ какъ онъ платилъ за воспитаніе ребенка и помѣстилъ маленькаго Франсуа, рожденнаго отъ дѣвицы Ромбо и неизвѣстнаго отца, въ пансіонъ, когда ему минуло восемь лѣтъ. Мальчуганъ былъ способенъ, но лѣнивъ. Его постоянно наказывали и лишали отпуска, но онъ къ этому привыкъ, какъ лошадь къ оглоблямъ. Онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ завзятыхъ лѣнивцевъ, какихъ только видали въ школахъ. Когда дѣло дошло до экзамена на бакалаврскую степень, то, не смотря на свою самоувѣренность, онъ стоялъ съ разинутымъ ртомъ передъ профессорами и вышелъ изъ залы, забросанный черными шарами.

Покровитель наотрѣзъ отъ него отказался. Франсуа имѣлъ относительно старика единственную, но немалую вину:—онъ не удовлетворилъ его самолюбія. Напрасно онъ разыгрывалъ трогательныя сцены; старикъ оставался холоденъ къ протежэ, который своими неуспѣхами заставилъ считать себя очень подозрительнымъ человѣкомъ и даже способнымъ дурно кончить. Франсуа бросился къ его ногамъ съ прерывающимися отъ рыданія словами, и окончательно раздражилъ его, назвавъ мелодраматично:—„батюшка!“—Виноторговецъ, удалившійся отъ дѣлъ, чтобы наслаждаться прелестями привольной буржуазной жизни, предвидя въ будущемъ тяжелыя сцены неотступной привязанности этого молодаго шалопая, объявилъ ему, что принималъ въ немъ участіе лишь по добротѣ своей души, что ему нѣтъ дѣла до его существованія, и просилъ оставить его въ покоѣ, пригрозивъ, въ случаѣ ослушанія, выпроводить его съ полиціей. Затѣмъ онъ позвалъ слугу, принадлежащаго къ той сильной и рослой расѣ Франш-Контэ, какою эта провинція снабжаетъ всю французскую кавалерію, и велѣлъ вытолкнуть его за порогъ.

Обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, сосредоточенныхъ на очень богатомъ господинѣ, котораго ему было пріятно считать отцомъ, Ромбо обратился къ матери. Дочь старшаго сторожа въ винномъ скла-

дѣ, послѣ бурной, разнообразной жизни, наполняемой то веселыми пирами, то продажею просроченныхъ заложенныхъ вещей въ „Монде-Пьетэ“, то роскошно-меблированной квартирой, то плохой каморкой въ темной гостинницѣ, вышла замужъ на 30-мъ году за трактирщика изъ Шартрона, торговавшаго подъ вывѣской „Зеленыя Ставни“ и сдѣлалась обладательницей кабака, у дверей котораго, по понедѣльникамъ, валялись кучи устричныхъ раковинъ.

Находившаяся подъ гнетомъ неограниченной власти мужа, бѣдная женщина дрожала каждый разъ, когда являлся къ ней сынъ. Она расточала мудрые совѣты передъ молодымъ человѣкомъ, достала изъ ящика конторки триста франковъ и отдала ихъ ему, и лишь тогда успокоилась, когда увидала, что Ромбо, съ опечаленнымъ лицомъ, направился въ обратный путь.

Предоставленный самому себѣ, Ромбо первый разъ въ жизни задался вопросомъ, какъ онъ будетъ жить, но ни на одну минуту не палъ духомъ. Имъ овладѣла холодная злоба. Онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, выпутаться и добиться успѣха. Можетъ быть, при обезпеченной жизни, изъ него вышелъ бы порядочный негодяй, но препятствія, съ которыми приходилось бороться, закалили его. Франсуа не обладалъ никакой спеціальной способностью; слишкомъ ограниченныя познанія дѣлали его ни къ чему негоднымъ. Онъ началъ пробовать различныя ремесла и былъ послѣдовательно: рисовальщикомъ на фарфорѣ, страховымъ маклеромъ, комисіонеромъ по винной части, секретаремъ и управляющимъ въ казино, редакторомъ одного маленькаго иллюстрированнаго журнала, директоромъ „Фоли-Борделезъ“—кафе-ресторана,гдѣ три хорошенькія дѣвушки распѣвали романсы посреди табачнаго дыма, и, къ счастью, съумѣлъ выбраться изъ самаго труднаго положенія. Всѣ журналы были полны описаніемъ его любовныхъ похожденій, такъ какъ этотъ человѣкъ, не смотря на свою невзрачную наружность, имѣлъ невѣроятный успѣхъ у женщинъ; онъ лихо и много разъ дрался на дуэли и испыталъ почти всѣ невзгоды, кромѣ банкротства. Конечно, это была врожденная черта, и кровь виноторговца сказывалась тутъ, но мысль потерпѣть новую неудачу тревожила этого смѣльчака. Впрочемъ онъ имѣлъ удивительное чутье, которое предостерегало его отъ опасности и давало возможность избѣжать ея. Онъ былъ извѣстенъ всѣмъ живущимъ на площади Бордо и всей молодежи въ городѣ, которой много способствовалъ въ разныхъ развлеченіяхъ, почему о немъ говорили съ гасконскимъ произношеніемъ, придающимъ словамъ запахъ чеснока:—„Те! те! те! да у Ромбо отличный нюхъ!“.

Въ одинъ прекрасный день чутье направило его въ Парижъ. Тогда ему было 30 лѣтъ, но онъ нисколько не подвинулся впередъ съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ матерью на набережной Шартронъ. Онъ жилъ—и только. Никакихъ сбереженій не могъ онъ сдѣлать и надѣялся, что въ Парижѣ представится болѣе шансовъ попытать счастья, чѣмъ въ Бордо. Но тамъ онъ встрѣтилъ больше конкуренціи, слѣдовательно больше затрудненій. До того времени онъ испыталъ и худое и хорошее, извѣдалъ всю глубину пропасти, а теперь былъ принужденъ играть комедіи въ Батиньолѣ за 80 франковъ жалованья въ мѣсяцъ и не каждый день обѣдать, но между тѣмъ это было самое лучшее время его жизни. Онъ поступилъ на комическія роли подъ именемъ Франциска и, по возобновленіи „Трехцвѣтной кокарды“, игралъ съ колоссальнымъ успѣхомъ роль друга Дюманэ, легендарнаго писателя Шовэна, „питавшагося однимъ верблюжьимъ мясомъ“.

Однако судьба, въ которую Ромбо вѣрилъ, какъ въ Бога, послала молодому человѣку давно желаемый случай. Въ газетахъ появилось торжественное объявленіе о представленіи „г-жи де-Монсоро“ въ театрѣ Батиньоль, съ участіемъ г-жи Клемансъ Вилла, актрисы изъ Порт-Сен-Мартэнъ, въ роли Діаны Меридоль. Красавецъ Данжуа, съ охрипшимъ отъ водки голосомъ, съ блѣднымъ, зеленоватаго цвѣта лицомъ, съ черными глазами, съ курчавыми волосами, идолъ всѣхъ дѣвицъ въ околодкѣ, долженъ былъ играть Бюсси. Франциску дали роль Шико. Напрасно Ромбо увѣрялъ, что роль Шико требовала актера высокаго роста, худаго, съ длинными ногами,—режиссеръ отвѣчалъ на это насмѣшливо:—„Ты будешь маленькимъ Шико, вотъ и все. И съ твоимъ акцентомъ ты сыграешь натурально“.

Ромбо взялъ роль. Когда онъ появился на репетиціяхъ, — это было зимою,—въ своемъ горчичнаго цвѣта пальто, доходящемъ до пятъ, и началъ съ запинками читать роль, то Клемансъ Вилла, звѣзда театра Порт-Сент-Мартэнъ, закусила губы и приняла недовольный видъ.

— Если такъ обставили пьесу, сказала она, то мы потерпимъ полное фіаско! Этотъ маленькій человѣчекъ смѣшенъ въ своемъ пальто до пятъ и съ физіономіей, истыканной, какъ рѣшето.

И раздраженная актриса начала ходить между кулисъ. Это была очень хорошенькая женщина, брюнетка съ темно-сѣрыми глазами, высокая и стройная, съ длинными бѣлыми ручками и крохотными ножками. Она жила богато, на содержаніи, но ею вдругъ овладѣла страсть къ театру, и она безъ всякой подготовки, руководимая только

своимъ быстрымъ умомъ, добилась того, что ее ангажировали въ Порт-Сен-Мартэнъ, гдѣ она играла волшебницъ въ феерiяхъ, пажей и прочiя роли въ пьесахъ, для которыхъ требовалось побольше трико.

Сгарая желанiемъ поступить на главныя роли, она рѣшилась предложить свои услуги въ „Батиньолѣ“, чтобы играть первыхъ любовницъ. Клемансъ ожидала большаго успѣха отъ этого представленiя. Директоръ „Водевиля“, подстрекаемый однимъ членомъ клуба, который интересовался, какъ и многiе другiе, прекрасной дѣвицей, обѣщалъ пріѣхать. А затѣмъ можно будетъ подумать и о серьезномъ ангажементѣ, если актриса произведетъ удовлетворительный эффектъ.

Пьеса прошла какъ по маслу. Директоръ пріѣхалъ, но не предложилъ желаемаго ангажемента. Францискъ превзошелъ себя и привелъ въ восхищенiе даже Клемансъ, которая быстро утѣшилась, забывъ холодность директора, и по окончанiи спектакля увезла съ собой комика. Это счастье длилось шесть недѣль, затѣмъ Клемансъ уѣхала на морскiя купанья и Францискъ не имѣлъ больше о ней никакихъ извѣстiй.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, срокъ его ангажемента подошелъ къ концу; бѣдный актеръ, видя, что онъ остается въ чистомъ проигрышѣ, распростился съ этими мѣстами и, сдѣлавшись по прежнему Ромбо, отправился на биржу. Обдѣлавъ нѣсколько срочныхъ дѣлишекъ, онъ жилъ себѣ потихоньку, какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день, на площади, встрѣтился лицомъ къ лицу съ Клемансъ, выходившей изъ кондитерской. Два товарища расцѣловались тутъ же на улицѣ и разсказали другъ другу все, что̀ съ ними случилось во время разлуки. Клемансъ напала случайно на толстяка Селима Нуно̀ и пріобрѣла отъ него хорошее содержанiе и домъ. Она считается теперь одной изъ выдающихся женщинъ Парижа.

— Если ты играешь на биржѣ, то я могу помочь твоему успѣху чрезъ Нуно̀. Другъ мой, Франсуа, твое счастье упрочено! Представь себѣ, что этотъ толстый португалецъ, который богатъ, какъ золотая руда, не можетъ жить безъ меня... Онъ приходитъ каждый день въ 5 часовъ и разсказываетъ мнѣ о своихъ дѣлахъ, которыя скрываетъ отъ своей жены и дѣтей. Онъ говоритъ:—„Еслибъ я передавалъ дома, сколько достаю, то съ меня начали бы тянуть... Между тѣмъ, какъ съ моей Клемансъ я спокоенъ!... Нуно̀ совѣтуется со мной и увѣряетъ, что я смыслю въ его дѣлахъ.

— Ты и во многомъ другомъ смыслишь, замѣтилъ Ромбо съ плутовскимъ видомъ.

— Ахъ! Пора быть посерьезнѣе, не правда-ли? сказала Клемансъ, смѣясь.—Вѣдь мы больше не въ Батиньолѣ! Приходи завтра обѣдать ко мнѣ, приходи около шести часовъ, я тебя представлю Селиму, какъ стараго товарища. Но смотри, безъ пошлостей, или я тебя больше не знаю.

Ромбо отправился къ Клемансъ, жившей въ улицѣ Гошъ, въ роскошномъ домѣ, построенномъ между дворомъ и садомъ. Онъ поднялся по мраморной лѣстницѣ, стѣны которой были обиты гобеленами. Лакей въ черномъ фракѣ, видно служившій раньше въ какомъ-нибудь знатномъ домѣ Сен-Жерменскаго предмѣстья, доложилъ о его приходѣ Клемансъ, которая сидѣла съ банкиромъ вдвоемъ, въ маленькой гостинной съ плюшевыми обоями блѣдно-фіолетоваго цвѣта и позолоченной мебелью во вкусѣ Людовика XV. Великолѣпный индѣйскій коверъ заглушалъ шумъ шаговъ; съ потолка спускалась дорогая люстра изъ горнаго хрусталя. На диванѣ спокойно и важно возсѣдалъ Нуно. Онъ заговорилъ съ Ромбо гортаннымъ голосомъ, сглаживая шероховатость португальскаго акцента. Экс-Франциск былъ серьезенъ, какъ поколоченный оселъ, и очень понравился Нуно, который отчасти догадывался о причинѣ, побудившей Клемансъ рекомендовать ему молодаго человѣка.

Послѣ этого знакомства, Ромбо пересталъ дѣлать обороты на турецкія и египетскія деньги, а имѣлъ цѣлый реестръ порученій, за которыя каждый мѣсяцъ, при разсчетѣ, получалъ довольно изрядный куртажъ. Онъ завелъ карету, сталъ являться на скачки и сошелся съ нѣсколькими молодыми биржевиками извѣстныхъ фамилій, которые проматывали всѣ свои барыши и даже капиталы на ловкихъ женщинъ полусвѣта. Бывшій комикъ Батиньоля держалъ себя очень строго въ этой веселой, игривой средѣ и никогда ни во что не вмѣшивался, снисходительно относясь къ эксцентричнымъ выходкамъ, составлявшимъ обычное препровожденіе времени его друзей.

По правдѣ сказать, онъ очень скучалъ въ финансовомъ мірѣ и частенько вспоминалъ свои прежнія похожденія. Сидя у моря и ожидая погоды, онъ тосковалъ по бушевавшимъ волнамъ и желалъ бы снова очутиться посреди бурь и управлять судномъ. Имъ овладѣло нестолюбіе, онъ втайнѣ обдумывалъ планъ. Ромбо записался членомъ въ артистическій клубъ, гдѣ художники, музыканты, журналисты, свѣтскіе люди составляли одинъ тѣсный, интимный кружокъ. Нѣсколько богатыхъ понтёровъ вели самую значительную въ Парижѣ игру и приносили клубу немалый доходъ.

Онъ не дотрогивался до картъ, но много бесѣдовалъ и преиму-

щественно съ литераторами. Его считали очень умнымъ, и еслибъ ему вздумалось участвовать въ какомъ нибудь журналѣ, то онъ могъ бы это осуществить безъ труда, но онъ не желалъ. Ему хотѣлось пользоваться прессой, а не служить ей. Клемансъ была его главной повѣренной, онъ обязанъ былъ доказать ей свою признательность; кромѣ того, она была ему необходима.

Въ одно утро онъ явился къ ней, лишь только она встала съ постели, и былъ введенъ въ уборную, гдѣ красавица Клемансъ сидѣла передъ зеркаломъ въ розовомъ шолковомъ пеньюарѣ, отдѣланномъ прошивками Malines. Горничная расчесывала ея длинные волосы. На ея босыхъ ножкахъ были надѣты крошечныя турецкія туфли, вышитыя серебромъ. На колѣняхъ у нея лежалъ маленькій англійскій грифъ, котораго она разсѣянно теребила за шелковистыя уши. Клемансъ сдѣлала знакъ горничной удалиться изъ комнаты и, не привыкши къ раннимъ посѣщеніямъ Ромбо, удивленно обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Что случилось? Не получилъ-ли ты какой-нибудь непріятности? Не разорился-ли?

— Нѣтъ, моя милая, отвѣтилъ Ромбо, невольно улыбнувшись.—Я не дѣлаю спекуляцій за свой счетъ, съ тѣхъ поръ какъ другіе дѣлаютъ ихъ чрезъ мое посредничество. Я просто пришелъ поговорить съ тобой объ одномъ дѣлѣ, и такъ какъ мнѣ хотѣлось застать тебя одну, то я пришелъ пораньше утромъ...

Клемансъ, заинтересованная разговоромъ, не замѣтила его въ высшей степени дерзкаго объясненія.

— Чѣмъ я могу быть полезна? Неужели ты, какъ и Нуно, считаешь меня свѣдущей въ дѣлахъ?

— Отчасти, да. Я хочу взять театръ.

— Ты?

Клемансъ внимательно посмотрѣла на Ромбо: у него былъ серьезный, рѣшительный видъ.

— Ты не шутишь?

— Нисколько.

— Въ такомъ случаѣ, ты съ ума сошелъ.

Но Ромбо не смутился и началъ въ красивыхъ выраженіяхъ объяснять ей свой планъ. Для театра наступилъ смертельный кризисъ, онъ гибнетъ въ борьбѣ между древнимъ и современнымъ искусствомъ. Литература за послѣднія десять лѣтъ измѣнилась, она смѣло вступила въ область реализма. Историческая драма отжила свой вѣкъ и авторы не могутъ ничего придумать. Старые сюжеты избиты, ихъ нужно

обновить. Драма со слезами и смѣхомъ служила прежде театральнымъ образцомъ, который больше всего удовлетворялъ французскому духу. Парижская публика предпочитала этотъ родъ пьесъ. Теперь она забросила его, но что же нужно сдѣлать, чтобы снова привлечь ее? Дать ей что-нибудь новое, выставить на сцену страсти, пороки, смѣшныя стороны современнаго общества; сдѣлать то, что сдѣлалъ Дюма, когда написалъ «Antony». Отчего не пустить драму на новый путь, проложенный комедіей? Развѣ годятся теперь комедіи съ костюмами ренессансъ, или во вкусѣ Людовика XV? Почему драмѣ не выйти изъ исторической колеи? Развѣ настоящее время не изобильно сюжетами? Каждый день въ залахъ суда происходятъ такія скандалёзныя, ужасныя пренія, что невозможно было бы перенести эти судебныя событія на сцену, не оскорбляя скромности публики. Нарушеніе супружеской вѣрности, изнасилованіе, шантажъ, финансовые крахи сдѣлались народными бѣдствіями, и все въ трагическомъ родѣ! А какое изобиліе женскихъ костюмовъ предлагала мода! Какихъ удивительныхъ декорацій не полѣнилась придумать роскошь? Какихъ интересныхъ подробностей не поскупилась доставить парижская жизнь? Все способствовало къ упроченію успѣха идеи. Жизнь не по средствамъ, какую вели всѣ, являлась непрерывной драмой, полной упоенія и горя, гдѣ кровь смѣшивалась со слезами. Стоило только указать цѣль писателямъ, обезкураженнымъ капризами директоровъ, и весь богатый разсадникъ талантовъ станетъ развиваться, упрочивая сразу славу и благосостояніе своего наставника!

Ромбо, увлекаемый лихорадочнымъ вдохновеніемъ, былъ неистощимъ. Онъ импровизировалъ пьесы, игралъ роли, представлялъ въ лицахъ отчаяніе отвергнутыхъ, восторгъ влюбленныхъ, ярость ревнивцевъ, и съ сверкающими глазами, поднявъ руку, готовился нанести ударъ виновной супругѣ. Вся драма происходила въ немъ самомъ и рвалась наружу со страстью, съ жаромъ и лиризмомъ, взволновавшими Клемансъ. Расширивъ ноздри и притаивъ дыханіе, трепещущая актриса, какъ боевой конь при трубныхъ звукахъ, встрепенулась и въ одну минуту была охвачена блестящимъ изображеніемъ этой драматической картины. Она горѣла, въ ней снова проснулась еще несовсѣмъ заглохшая страсть къ театру и она, въ порывѣ восторга, вставляла въ рѣчь Ромбо свои замѣчанія, подстрекавшія его, какъ удары бича.

— И какія роли, голубчикъ! Настоящихъ современныхъ женщинъ, проникнутыхъ чувствомъ, встрѣчающихся на каждомъ шагу. Вотъ какихъ я лихо бы сыграла.

Она замолчала. Мысль, пришедшая ей въ голову, мигомъ охладила ея жаръ, какъ струя холодной воды, влитой въ кипятокъ.

— Ну, не глупы-ли мы? сказала она.—Изъ-за чего горячимся?... А гдѣ же театръ?

Ромбо сѣлъ, совершенно успокоенный и готовый нанести рѣшительный ударъ.

— Ужь у меня есть, отвѣтилъ онъ съ такимъ торжествующимъ дрожаніемъ въ голосѣ, какъ будто объявилъ, что нашелъ самую богатую золотоносную мѣстность въ Америкѣ.

— Какой?

— «Драматическія Фантазіи».

На лицѣ Клемансъ выразилось изумленіе; она безсильно опустила руки.

— Этотъ балаганъ! вскричала она. — Но, милый мой, ты не подумалъ объ этомъ хорошенько. Вѣдь тамъ ничего невозможно сдѣлать. Всякое соображеніе рушится заранѣе. Стѣны его насквозь пропитаны скукой; публика не желаетъ болѣе заглядывать туда. Это все равно, что домъ, въ которомъ всѣ жильцы умерли одинъ за другимъ въ холерѣ. Кто послѣ этого рѣшится въ немъ жить?

— Я не боюсь. Болѣзнь не заразительна, она не въ крови, она спорадическая.

— Но самые опытные люди въ театральномъ дѣлѣ и тѣ обожглись на немъ!... Вѣроятно, ты не имѣешь притязанія считать себя болѣе ловкимъ, чѣмъ они?

— Отчего же нѣтъ? Понимаешь-ли, плохихъ театровъ не существуетъ, возразилъ Ромбо съ убѣжденіемъ, которое снова смутило Клемансъ.—Есть только плохіе директора, плохія пьесы и плохіе актеры.

Онъ всталъ со стула и началъ лихорадочно ходить по уборной, держа въ рукѣ бронзовый ножикъ съ янтовымъ черенкомъ, который взялъ съ камина; онъ чертилъ блестящимъ лезвіемъ странные знаки въ воздухѣ, какъ будто хотѣлъ отвратить бѣду.

— Видишь-ли, у меня особенный взглядъ не театральное дѣло. Я хочу дѣйствовать иначе, чѣмъ этобыло до сихъ поръ. Новая тактика должна доставить неизбѣжную побѣду. Такъ точно Бонапартъ завоевалъ Европу. Прежде всего, я перемѣняю названіе театра, стираю «Драматическія Фантазіи» и пишу золотыми буквами «Современный Театръ: новый, нарядный, многообѣщающій и вполнѣ соотвѣтствующій ное программѣ. Я подметаю все зданіе, чищу залу, которая отвратительна, перекрашиваю ее, обиваю новой матеріей, прибавляю разныхъ

крашеній и дѣлаю ее удобною и изящною, какъ гостинная. Я желаю, тобы моя публика находилась въ красивой обстановкѣ, которая расолагала бы ее къ веселости. Начиная съ сѣней, обставленныхъ еркалами и жардиньерками съ цвѣтами, и до балконовъ и ложъ, роскошно отдѣланныхъ, нужно, чтобы яркая краска живописи, мягкость ковровъ и слабый, ласкающій свѣтъ лампъ производили на зрителей арующее впечатлѣніе. На всемъ, куда бы ни обратился взоръ, нужно, тобы онъ отдыхалъ и наслаждался. Главный и самый важный вопросъ состоитъ въ томъ, видишь-ли, чтобы эти пріятныя, матеріальныя ощущенія подготовляли у зрителей болѣе легкій доступъ душевнымъ движеніямъ. Никогда зритель, имѣющій спокойное, удобное мѣсто въ роскошной парадной залѣ, не соскучится, слушая даже посредственную пьесу. Онъ терпѣливо перенесетъ это неудовольствіе, и на слѣдующій день въ его памяти будетъ только живо представляться ослѣпительный блескъ люстры. Для мрачнаго, неудобнаго театра нужны образцовыя произведенія, чтобы удовлетворить публику. Но у меня будутъ отличныя произведенія, моя игрушечка сдѣлается модѣстомъ свиданія избраннаго общества. Я знаю, что мнѣ предстоитъ немало трудовъ снова привлечь публику, которая отвернулась отъ этого театра, но я надѣюсь на свою труппу и съ помощью ея достигну этого результата. Я приглашу лучшихъ артистовъ Парижа. Ты увидишь, какой будетъ составъ! О! я не пожалѣю денегъ! Я готовъ сорить ими, но увѣренъ, что мнѣ ихъ возвратятъ сторицею.

Онъ могъ бы долго еще говорить, излагать свои планы, перечислять всѣ реформы. Клемансъ не слушала его болѣе. Ея воображенію представилась сверкающая огнями зала, наполненная до верху самой изысканной публикой. На сценѣ, посреди всеобщей тишины, актриса декламируетъ патетическую роль и вызываетъ у всѣхъ слезы. Затѣмъ, вдругъ раздается громъ рукоплесканій и изъ ложъ сыплется дождь цвѣтовъ. Публика стучитъ ногами, сердце Клемансъ сильно бьется, упоеніе успѣха кружитъ ей голову, такъ какъ она актриса—она; и она ясно видитъ, какъ хлопаютъ въ ладоши, отчетливо слышитъ, какъ повторяютъ: „Вилла! Вилла!“—Увлекшись иллюзіей, она встаетъ съ улыбкой на губахъ и чрезъ минуту начинаетъ раскланиваться.

Увидавъ Ромбо, она поняла, что ея счастье—было одною лишь мечтою. Послѣднія слова ея бывшаго сотоварища по сценѣ еще звучатъ въ ея ушахъ—деньги! Не на этомъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, основывались его разсчеты? Не затѣмъ-ли Ромбо пришелъ къ ней сообщить

свои планы, чтобы заинтересовать ее этимъ предпріятіемъ и з
нить ее участвовать въ долѣ.

Она недовѣрчиво взглянула на Ромбо.

— Но откуда же ты возьмешь деньги? спросила она.

— Деньги у меня есть, отвѣтилъ высокомѣрно Ромбо, съ ви
человѣка, нашедшаго доступъ въ кладовыя французскаго банка.
первыхъ, полтораста тысячъ, принадлежащихъ лично мнѣ, кот
я помѣщаю въ это дѣло, что̀ тебѣ должно доказать, какое оно
шаетъ мнѣ довѣріе... А чего не достанетъ, я могу занять у к
талистовъ.

Еслибъ экс-Франциск̀ъ имѣлъ неосторожность колебаться,
кавить и говорить: „Посмотримъ, поищемъ!"—то Клемансъ зам
лась бы въ себя, свернулась бы, какъ цвѣтокъ „не тронь меня'
Ромбо хвастался своими деньгами и деньгами своихъ компаньо
и этого было достаточно, чтобы она ему предложила свой коше

— Ты знаешь, я всегда къ твоимъ услугамъ, сказала Клеман
и надѣюсь, что и ты того же мнѣнія?

— Для ангажемента, да, отвѣтилъ Ромбо.

— А насчетъ капиталовъ?

Физіономія молодаго человѣка омрачилась. Онъ принялъ за
чивую позу.

— Нѣтъ, Клемансъ, воскликнулъ онъ,—нѣтъ! Отъ тебя ничег
надо, кромѣ тебя самой. Твой талантъ, который я высоко цѣ
въ дни моихъ бѣдствій, будетъ способствовать къ достиженію м
счастья. Я не хочу, чтобы въ нашихъ дружескихъ отношеніяхъ
замѣшанъ денежный разсчетъ... Кромѣ того, знаешь, женщины
всегда бываютъ сдержанны... Ты можешь въ минуту откро
ности сказать, что твой капиталъ помѣщенъ въ моемъ дѣ
Свѣтъ золъ: онъ подхватитъ эту новость, а тамъ всего одинъ ш
чтобы повредить моей репутаціи... Моя собственная честь дол
поддержать честь моего театра и предохранить его отъ всѣхъ
тригъ... Наконецъ, я долженъ сознаться, что хочу быть по
властнымъ хозяиномъ и не быть въ подчиненіи у моихъ служащ
Отъ этого зависитъ успѣхъ моего предпріятія, а я желаю его
стигнуть!..

Ромбо остановился, какъ актеръ хорошей школы, и, посмот
спокойно на Клемансъ, продолжалъ:

— А главное, не говори о моихъ планахъ Нунò. Онъ очень у
и тотчасъ же пойметъ пользу этого предпріятія и пожелаетъ

твовать въ немъ, а такъ какъ я ему многимъ обязанъ, то нельзя удетъ отказать...

Клемансъ расхохоталась, она узнала въ немъ прежняго Ромбо.

Однако послѣдствіемъ этого разговора вышло то, что былъ подписанъ контрактъ, которымъ передавалось самое невыгодное театральное дѣло въ руки смѣлаго директора.

Узнавъ эту новость, всѣ друзья и товарищи Ромбо всплеснули руками; всюду на бульварахъ только и раздавалось одно восклицаніе:—„Онъ сумашедшій! Совсѣмъ сумашедшій"!—Дѣйствительно, все было противъ Ромбо, все доказывало его безразсудство. Необразованный, неопытный, прослужившій только нѣсколько лѣтъ ничтожнымъ комедіантомъ, скрываясь подъ мнимымъ именемъ Франциска, Ромбо вздумалъ занять директорское кресло, задавшись цѣлью поднять театръ, который своей тяжестью раздавилъ болѣе ловкихъ и предпріимчивыхъ, нежели онъ. Онъ назвалъ его „Современнымъ Театромъ". Неужели онъ думалъ, что съ перемѣною названія, перемѣнится и сцена? Онъ можетъ назвать мѣдную монету золотымъ луидоромъ, однако отъ этого не разбогатѣетъ. Онъ измѣнитъ, по крайней мѣрѣ, родъ пьесъ, но у этого несчастнаго театра не было никакого спеціальнаго рода пьесъ; перепробовали всѣ и съ одинаковой неудачей.

Когда узнали, что Ромбо намѣревается поставить драму, да еще современную, восклицанія возобновились съ бо́льшей силой, и слова: „Онъ сумашедшій! онъ сумашедшій!"—повторялись хоромъ.

Но Ромбо съ ума не сходилъ; напротивъ, онъ отличался тонкимъ умомъ; кромѣ того, онъ, какъ и всѣ великіе люди, родился подъ счастливой звѣздой, къ которой, во время свѣтлыхъ ночей, обращалъ свой взоръ съ тайной любовью. Недовѣрчивый, какъ старый судья, Ромбо суевѣрно надѣялся на свое счастье, имѣвшее соотношеніе съ слабымъ свѣтомъ, мерцающимъ на темномъ небѣ, который казался ему взглядомъ друга, смотрящаго на него сверху.

Начало было трудно, но Ромбо выполнилъ въ точности свою программу. Онъ перевернулъ вверхъ дномъ весь театръ и разукрасилъ его, какъ мать украшаетъ свою дочь, которую хочетъ выдать замужъ. Онъ истратилъ много денегъ, а еще больше потерялъ даромъ, но не поморщился и продолжалъ дѣлать ангажементы, такъ что въ „Современномъ Театрѣ" составилась труппа, выходящая изъ ряда обыкновенныхъ. Онъ ни передъ чѣмъ не останавливался и, при 300 франковъ сбора, дѣлалъ на 500 ежедневнаго расхода. Клемансъ Вилла исполняла главныя роли, составлявшія предметъ ея мечтаній, но не

не походили другъ на друга. Лиза, стройная блондинка съ тонкимъ личикомъ камеи, озареннымъ задумчивой улыбкой, имѣла кроткій, мечтательный характеръ. Однако въ этой нѣжной натурѣ скрывался горячій темпераментъ. Когда, воодушевленная драматическимъ положеніемъ, она увлекалась страстью, то къ ней влекла какая-то притягательная сила очарованія; въ ея мелодичномъ голосѣ звучали ноты, проникавшія въ самое сердце. Клемансъ—брюнетка, нервная, съ немного полнымъ лицомъ смугловатаго цвѣта, съ некрасивымъ ртомъ и черными глазами, имѣла манеру читать свою роль съ ироническимъ оттѣнкомъ и эта рѣзкость задѣвала за живое и раздражала публику. Ея нѣсколько глухой голосъ выражалъ гнѣвъ съ такимъ рѣдкимъ совершенствомъ, что Ромбо говорилъ:—„Клемансъ безподобно, неподражаемо играетъ злыхъ!“

Двѣ женщины жили бокъ о бокъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, не предвидя, что соперничество вскорѣ ихъ разлучитъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Ромбо, послѣ громаднаго успѣха весною, продолжавшагося все лѣто, поставилъ новую пьесу и предложилъ Лизѣ играть въ ней. Роль была серьезна. Директоръ отлично сознавалъ это. Если драма провалится, то „Современный Театръ“ можетъ снова потерять съ такимъ трудомъ завоеванный престижъ. Но фортуна была за Ромбо, и въ тотъ страшный часъ, когда новая піеса колебалась нерѣшительно на вѣсахъ, бѣлая нѣжная рука женщины повернула ее на сторону успѣха. Для Лизы Флёронъ достаточно было одной сцены, сыгранной со страстью и необыкновеннымъ увлеченіемъ, чтобы привести публику въ восторгъ. Эта дѣвочка, еще неизвѣстная наканунѣ, вдругъ сдѣлалась великой артисткой. Она поразила всю залу, зрители повскакали съ своихъ мѣстъ, кровь бросилась имъ въ голову, и они стояли въ продолженіе 10 минутъ, крича, топая, неистовствуя передъ занавѣсомъ, который не поднимался, непривычный еще къ вызовамъ.

Начиная съ конца этого акта, пьеса возбудила вниманіе, успѣхъ обратился въ тріумфъ. Точно электрическій токъ прошелъ между залой и сценой. Зрителями овладѣло какое-то бѣснованіе. А чародѣйка, съ самоувѣренной улыбкой, продолжала совершать чудо, восхищать публику, приковывая навсегда цѣпь, связывающую съ ней это общество рабовъ. Когда кончился послѣдній актъ и было объявлено имя автора пьесы, на сцену потянулось необычайное шествіе посѣтителей съ умильными физіономіями. Ромбо принималъ поздравленія, убѣдившись, что насталъ его счастливый часъ. Лиза выслушивала похвалы съ чистой, наивной радостью, которая дополняла

ріятное впечатлѣніе, произведенное ею. Этимъ пресыщеннымъ паижанамъ она дала новое ощущеніе благоухающей свѣжести. Она ыла дивно хороша и очаровала всѣхъ. Многіе, послѣ этого вечера, трастно въ нее влюбились.

Клемансъ, всегда утѣшавшая себя тѣмъ, что если она мало зараотываетъ денегъ, то и ся товарищи заработываютъ не больше, снаала приняла очень близко къ сердцу колоссальный успѣхъ Лизы Флеронъ, но поспѣшила успокоить себя тѣмъ, что это успѣхъ мимолетный и что торжествующая на первомъ представленіи Лиза, моетъ быть, снова вернется къ неизвѣстности послѣ другихъ представленій. Но ей скоро пришлось отказаться отъ этой надежды. Все оказывало Клемансъ, что дѣйствительная, полная побѣда ея соперницы будетъ прочна и продолжительна. Все служило признакомъ, что ея царству приходитъ конецъ. Въ одно мгновеніе, окружавшіе ее поклонники обратились къ Лизѣ, весь театръ перешелъ на сторону ового восходившаго свѣтила.

Ромбо первый подалъ примѣръ поклоненія. Его внезапно охвалило какое-то безуміе и онъ, такой серьезный человѣкъ, съ лихорадочнымъ волненіемъ отзывался о новой пьесѣ, приписывая весь я успѣхъ Лизѣ Флёронъ. Стоя въ сѣняхъ, прислонившись къ перилямъ кассы и смотря умиленнымъ взглядомъ на толпу, тянувшуюся по бульвару, и на вереницу собственныхъ экипажей, подъзжавшихъ къ театру, онъ, точно въ забытьи, произнесъ, обратясь ъ журналистамъ:—„Пьеса, конечно, хороша; но актриса, господа, ктриса какова!“

— Это будетъ Деклэ, замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Нѣтъ, возразилъ твердо Ромбо,—это будетъ Флёронъ.

Подобные восторженные отзывы явно шли въ разрѣзъ съ его дминистративными правилами: Ромбо всегда превозносилъ пьесу и нижалъ талантъ актеровъ, чтобы они не очень зазнавались и чтобы му легче было держать ихъ въ рукахъ.

Появились фельетоны, самые лестные для Лизы. Въ клубахъ олько и говорили, что о замѣчательной, поразившей всѣхъ актрисѣ, оторая вмѣстѣ съ тѣмъ была очаровательной женщиной. Фотографы обивались чести воспроизвести для публики черты m-lle Флёронъ. сѣ модные магазины, печатая лѣтнія объявленія, назвали свои ноыя матеріи именемъ Лизы Флёронъ. Множество нескромныхъ, письменыхъ и устныхъ предложеній было сдѣлано молодой актрисѣ. Разныя нусныя женщины прокрадывались въ ея одинокую квартирку. Въ одну едѣлю Лиза извѣдала и сладость и горечь парижской знаменитости.

А Клемансъ въ это время переносила всѣ муки своего паденія, всѣ пытки зависти. Всѣ измѣнили ей, всѣ! даже этотъ противный развратникъ Селимъ, съ своимъ толстымъ брюхомъ и съ смуглой португальской рожей, родившійся, «когда пряники цвѣли», какъ выражалась она, и тотъ сталъ бѣгать за «этой ничтожной, безцвѣтной дѣвчонкой». Но онъ поплатится за это, старый дуракъ, и узнаетъ, во что ему обойдется эта прихоть. Что касается Ромбо, то съ этого вечера онъ пересталъ стоять у окна и бросать нѣжные взоры на звѣзду, которая улыбалась ему на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ миль. У него теперь была другая звѣзда, несравненно ближе той — бѣлокурая, голубоокая, воплощавшая въ себѣ бездну счастья, которой отнынѣ онъ будетъ поклоняться.

Но такъ какъ Ромбо прежде всего былъ дѣловой человѣкъ, то онъ поспѣшилъ ковать желѣзо, пока оно горячо. Онъ воспользовался всѣми своими преимуществами, постарался блеснуть талантами своихъ артистовъ, печаталъ въ газетахъ геніальнѣйшія рекламы, подсказывалъ острыя словца авторамъ пьесъ и съ замѣчательнымъ увлеченіемъ игралъ на турецкомъ барабанѣ предъ театральнымъ персоналомъ. Затѣмъ онъ, не медля, принялъ мѣры и позаботился о будущемъ, нарушилъ контрактъ, который связывалъ Лизу Флёри всего на одинъ годъ и за очень скромное жалованье съ „Современнымъ Театромъ“, и предложилъ своей великой артисткѣ выгодныя для нея условія.

Пока Лиза подписывала контрактъ, Ромбо пристально смотрѣлъ на нее, и она показалась ему такой прелестной, свѣжей и невинной, что онъ, во всю свою жизнь не помышлявшій о женитьбѣ, сказалъ себѣ:— «Тотъ, кто будетъ настолько ловокъ, что заставитъ эту восхитительную дѣвушку полюбить себя, поступитъ недурно и даромъ будетъ имѣть, если у него есть театръ, замѣчательную, молоденькую первую любовницу!“

II.

Въ четвергъ, 25-го мая 1882 г., молодой человѣкъ, повернувъ за уголъ предмѣстья Сен-Мартэнъ въ улицу Бонди и пройдя нѣсколько шаговъ по бульвару, взглянулъ мимоходомъ на афишу театра Ренесансъ; пробѣжавъ ее, онъ вошелъ чрезъ минуту въ коридоръ, ведущій въ администрацію «Современнаго Театра». Сердитый голосъ, раздавшійся изъ каморки привратника, дерзко остановилъ его.

— *Куда* вы идете?

И въ то же время низенькій старикашка, очень блѣдный, въ шерстяной фуфайкѣ сѣроватаго цвѣта, съ одной подтяжкой чрезъ плечо и другой, болтавшейся на боку, въ кожаномъ передникѣ и въ шапкѣ изъ кроличьяго мѣха, выскочилъ какъ сумашедшій, держа въ одной рукѣ шило, а въ другой сапогъ, къ которому онъ очень старательно пришивалъ подошву.

— Куда вы идете? повторилъ онъ подозрительно, какъ будто былъ хранителемъ коронныхъ брилліантовъ.

— Въ администрацію, отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Зачѣмъ?

— Нужно видѣть г. Ромбо.

— Вѣрно просить мѣста? Вы должны оставить ваше письмо здѣсь и въ пять часовъ прійти за отвѣтомъ, произнесъ онъ безъ передышки.

— Вовсе не мѣста просить. Г. Ромбо меня ждетъ.

— Всѣ вы такъ говорите, проворчалъ привратникъ, повернувшись и садясь на низенькій стулъ. Онъ непріязненно посмотрѣлъ на настойчиваго посѣтителя и сказалъ ему высокомѣрнымъ тономъ:

— Прямо по лѣстницѣ во второй этажъ, по коридору налѣво,

И взявъ молотокъ, онъ началъ расколачивать кожу, сильно ударяя, какъ будто желая наказать дерзкаго посѣтителя за его настойчивость.

Молодой человѣкъ направился по темному проходу, ощупалъ ногой первую ступеньку лѣстницы, схватился за желѣзныя перила, и ощупью, чтобы не сломать себѣ шею, добрался до втораго этажа. Окно съ запыленными стеклами, выходящее на маленькій дворъ, слабо пропускало свѣтъ на площадку. Въ коридорѣ, на скамейкѣ, сидѣли двое: старикъ, державшій между ногъ футляръ изъ подъ скрипки, и женщина съ истомленнымъ лицомъ и рѣдкими волосами на вискахъ; ея поношенный ватеруфъ обличалъ крайнюю бѣдность. Канцелярскій писецъ, въ сюртукѣ, съ военной медалью на груди, сидѣлъ за маленькимъ столомъ и читалъ старые переплетенные нумера „Всеобщей газеты“. При шумѣ шаговъ молодаго человѣка, онъ поднялъ глаза и, не трогаясь съ мѣста, только повернулъ немного голову, держа палецъ на строчкѣ, гдѣ остановился.

— Могу я видѣть г. Ромбо? спросилъ новопришедшій, говоря шепотомъ, какъ въ храмѣ.

Писецъ внимательно оглядѣлъ съ головы до ногъ посѣтителя и въ одинъ мигъ замѣтилъ его худобу, его старомодную, запыленную шляпу, чрезвычайно длинный сюртукъ, широчайшія перчатки и вычищенныя ваксой ботинки на толстыхъ подошвахъ. Онъ улыбнулся и, оставъ, протянулъ руку.

— Позвольте вашу карточку.

Незнакомецъ сдѣлалъ было движеніе, чтобы порыться въ кар нахъ, но остановился, немного покраснѣлъ и, потупивъ глаза, сковно отвѣтилъ:

— У меня нѣтъ карточки; доложите: Клавдій Лабарръ.

Полурастворенная дверь, надъ которой виднѣлась надпись: „Секре ріатъ," открылась въ эту минуту и на порогѣ показался бѣлокурый мол дой человѣкъ, съ волосами, остриженными подъ гребенку, и съ длинны усами, провожавшій очень хорошенькую, нарядно одѣтую даму, к торая держала въ тонкой, затянутой перчаткой, рукѣ безплатн билетъ.

— Итакъ до свиданія, моя милая кисынька, сказалъ онъ ей, бу увѣрена, я всегда готовъ къ твоимъ услугамъ.

Затѣмъ живо повернулся и обратился къ писцу:

— Жакэнъ, вы хорошо знаете, что г. Ромбо желаетъ, чтобы е не безпокоили. Онъ занятъ съ костюмеромъ... Неугодно-ли вамъ б летъ мнѣ объяснить причину вашего посѣщенія? спросилъ онъ, у обращаясь къ молодому человѣку.

И жестомъ пригласилъ Клавдія Лабарра войти въ его кабине очень веселенькую комнату съ окнами на бульваръ, меблированн письменнымъ столомъ краснаго дерева, диваномъ и четырьмя кр лами, обитыми репсомъ каштановаго цвѣта.

Лабарръ поклонился.

— Очень вамъ благодаренъ, милостивый государь, но я имѣю д лично къ г. Ромбо... онъ мнѣ назначилъ прійти.

— Въ такомъ случаѣ... будьте такъ любезны подождать немн сказалъ секретарь нѣсколько недовольнымъ тономъ. А вы чего желае

Эти слова относились къ старому музыканту, который, точно с ный, неподвижно сидѣлъ на скамейкѣ, вѣроятно, привыкши долгимъ ожиданіямъ въ передникъ. Старикъ тяжело поднялся...

— Я пришелъ для пробы, требуется первая скрипка...

— Ваше имя?

— Верброустъ.

— Верброустъ, замѣтилъ насмѣшливо секретарь,—композитор

— Да, милостивый государь, композиторъ, отвѣтилъ равнодуш старикъ.

Секретарь посмотрѣлъ на музыканта, который присвоивалъ с имя человѣка, имѣвшаго громкую извѣстность тридцать лѣтъ т назадъ, и методы пѣнія котораго, проданныя за кусокъ хлѣба, *попадались* въ витринахъ музыкальныхъ магазиновъ.

— Итакъ, милостивый государь, сказалъ онъ почти ласково,—потрудитесь зайти часовъ въ семь сегодня или завтра до представленія. Вы найдете г. Кампоэна, нашего капельмейстера, въ фойе музыкантовъ, и можете, я думаю, легко сойтись съ нимъ...

Старикъ всталъ, молча поклонился и, взявъ футляръ подъ мышку, сталъ спускаться тяжелыми шагами съ лѣстницы.

— А вы, сударыня, продолжалъ секретарь, обращаясь къ женщинѣ, которая встала съ мѣста, улыбаясь, отчего всѣ морщины растянулись на ея лицѣ.

— Сударь, я ищу амплуа на сценѣ... Я пріѣхала изъ провинціи... гдѣ играла роли молодыхъ матерей.

— О! сударыня, это до меня не касается. Къ тому же, у насъ полная труппа...

— Однако... еслибъ меня прослушали...

— Только не я, сударыня. Повидайтесь съ режиссеромъ...

— Но... г. Ромбо...

Секретарь поднялъ руки къ небу съ видомъ нетерпѣнія.

— Невозможно, сударыня. Г. Ромбо не имѣетъ ни одной свободной минуты... Онъ утомился... Вотъ этому господину онъ назначилъ пріи и, можетъ быть, не будетъ имѣть возможности принять его. Имѣю есть кланяться, сударыня...

И онъ вернулся въ свой кабинетъ, оставивъ провинціальную модую мать посреди коридора. Она стояла съ разстроеннымъ лицомъ опущенными руками, и произносила какія то жалобныя слова, имѣя рѣшимости уйти.

Дверь въ кабинетъ была полуотворена и Лабарръ слышалъ, какъ кретарь шелестилъ бумагами, разговаривая съ своимъ подчиненнымъ.

— Вотъ вамъ работа на сегодняшній вечеръ... вы поставите мера на билетахъ, помѣченныхъ крестомъ... Молодыя матери съ добной физіономіей... И надѣть нечего!.. Спасибо, у насъ немало йдется этихъ женщинъ и получше! Замѣтили вы старика, который сидѣлъ тутъ со скрипкой, съ минуту тому назадъ? Ну, такъ этотъ ловѣкъ пользовался нѣкоторое время извѣстностью... «Въ Оперѣ», специально давали его балетъ „Стрекоза,“ во времена Леона Пилле... онъ имѣлъ талантъ... Молодая школа ставила его на ряду съ Обемъ... Но онъ искалъ вдохновеній въ коньякѣ... А теперь ищетъ мѣа первой скрипки въ одномъ изъ оркестровъ... О, Компоэнъ съ удовольствіемъ его возьметъ. Такой лѣнивецъ, какъ онъ, заставитъ стака переписывать всѣ ноты для музыкантовъ, когда тотъ будетъ на селѣ.

Электрическій звонокъ прервалъ его рѣчь.

— Это г. Ромбо... сказалъ писецъ, поспѣшно удаляясь, и, отворивъ въ глубинѣ коридора обитую войлокомъ дверь, скрылся. Лабарръ усталъ стоять, но не садился, какъ будто боялся продлить этимъ свое ожиданіе; сердце его нервно сжималось. Кромѣ усталости, на него нашло страшное сомнѣніе. Онъ говорилъ себѣ: „Меня не примутъ. Этотъ человѣкъ занятъ, такъ что не найдетъ и пяти минутъ свободныхъ удѣлить мнѣ. А между тѣмъ онъ самъ написалъ, чтобы я пришелъ".

Въ боковомъ карманѣ длиннаго сюртука онъ ощупалъ письмо Ромбо. Ему захотѣлось еще разъ прочесть его, увѣриться, что не ошибся. Впрочемъ, онъ зналъ наизусть это письмо, доставившее ему столько радости при полученіи. „Милостивый государь, я прочиталъ вашу пьесу. Въ ней много достоинствъ. Но я долженъ лично не реговорить съ вами. Зайдите ко мнѣ на дняхъ около трехъ часовъ въ театръ".

Клавдій Лабарръ подошелъ къ окну, и при свѣтѣ сѣренькаго дня рѣзко выдѣлилось его худое, съ античнымъ профилемъ лицо, выпуклый лобъ, гладко зачесанные назадъ, длинные, каштановаго цвѣта волосы, черные глаза и брови. Его тонкія губы какъ будто были созданы для насмѣшки, а широкій выдающійся подбородокъ обнаруживалъ упрямство. Въ спокойномъ состояніи, это лицо имѣло прекрасное выраженіе серьезной задумчивости. Глубокомысленный взоръ, казалось, старался рѣшить трудную проблемму. Въ одушевленномъ состояніи, лицо это озарялось огнемъ ума, взглядъ блисталъ остроуміемъ, ротъ нервно округлялся, какъ будто готовясь пустить эпиграмму. Невозможно, чтобы такая личность прошла незамѣченной. Она невольно обращала на себя вниманіе. И, не смотря на его бѣдный костюмъ, на его болѣзненную фигуру и озабоченный видъ, Клавдій Лабарръ былъ отмѣченъ тою печатью, которая показываетъ необыкновенное, избранное существо. Онъ сложилъ письмо, сунулъ его въ карманъ и, согнувшись, прошелся раза два-три по сѣнямъ, какъ человѣкъ, привыкшій къ дурному пріему, съ грустью разсматривая зонтикъ, на которомъ чрезъ продырявленную матерію выглядывали прутья изъ китоваго уса; затѣмъ онъ инстинктивно приблизился къ двери, чтобы ему оставалось меньше пространства пройти подъ оскорбительно-вѣжливымъ взглядомъ писца, который, вѣроятно, скоро его выпроводитъ благороднымъ образомъ. Появился Жакэнъ. Лабарръ уже приготовился выразить знакомъ повиновеніе, чтобы, по крайней мѣрѣ, на половину избѣжать непріятности объясненія съ писцомъ, но тотъ, прищуривъ глаза и улыбаясь во весь ротъ, произнесъ:

— Г. Ромбо проситъ васъ пожаловать къ нему въ кабинетъ. ъ пошелъ въ складъ декорацій и сію минуту возвратится.

И открывъ высокую, тяжелую дверь, похожую на ворота сдаюйся крѣпости, онъ ввелъ писателя въ комнату, обитую оливкоъ тисненымъ трипомъ, съ мебелью чернаго дерева и съ античми окнами, пропускавшими нѣжный, таинственный полусвѣтъ. большомъ письменномъ столѣ лежали груды бумагъ, посреди ала великолѣпная серебряная чернильница и повсюду рукописи съ въ разноцвѣтныхъ обложкахъ, сѣрыхъ, синихъ, красныхъ, тыхъ, съ заманчивыми заглавіями, ловко придуманными, чтобы влечь равнодушный взглядъ директора. Всѣ они покоились ь спудомъ, приходя въ ветхость и желтые, какъ увядающіе цвѣты. Лабарръ покушался было заглянуть въ эту общую литературную илу, порыться въ ней и поискать, не найдетъ-ли онъ тамъ свомертвеца, но не рѣшался. Страхъ, что его могутъ застать, удергь Клавдія, и онъ продолжалъ стоять посреди кабинета, осмаваясь кругомъ.

На каминѣ, въ плюшевыхъ рамкахъ, красовались портреты звѣздъ трупы Ромбо: Клемансъ Вилла, въ платьѣ съ открытымъ лифомъ, роскошными, обнаженными плечами, съ нѣжной улыбкой и съимъ страстнымъ загадочнымъ взглядомъ, устремленнымъ въ проанство; госпожа Бреваль съ жидкими черными бандо, съ длинкостлявой таліей, сухими плечами, съ черными глазами и бровми, точно намазанными углемъ, придававшими ей злой видъ; и лестная, въ изящной амазонкѣ, Лиза Флёронъ, кокетливо держая въ рукѣ хлыстъ; изъ подъ приподнятаго немного платья, нѣлась ея маленькая ножка, обутая въ сборчатую ботинку. Всѣ три любимицы публики, точно королевы, сіяли торжествомъ и, держивая своими талантами пьесу, упрочивали ея успѣхъ: Клемансъ Вилла —своимъ смѣлымъ, живымъ вдохновеніемъ, Бреваль сильй, типичной игрой, а Лиза Флеронъ—нѣжной, задумчивой граей, въ роли влюбленныхъ.

И Лабарръ перебиралъ въ своей памяти всѣ сцены, гдѣ талантъ хъ женщинъ долженъ выступить въ полномъ блескѣ. Онъ представлялъ себѣ Бреваль и Клемансъ Вилла играющими страшную ену признанія, въ третьемъ актѣ, гдѣ великая артистка громитъ ю юную подругу и осыпаетъ ее материнскими проклятіями. Какъ ни-бы онѣ хороши, сколько придали-бы силы его пьесѣ! Затѣмъ за Флёронъ въ любовной сценѣ... Съ такими исполнительницами ѣхъ несомнѣненъ.

Электрическій звонокъ прервалъ его рѣчь.

— Это г. Ромбо... сказалъ писецъ, поспѣшно удаляясь, и, отворивъ въ глубинѣ коридора обитую войлокомъ дверь, скрылся. Лабарръ усталъ стоять, но не садился, какъ будто боялся продлить этимъ свое ожиданіе; сердце его нервно сжималось. Кромѣ усталости, на него нашло страшное сомнѣніе. Онъ говорилъ себѣ: „Меня не примутъ. Этотъ человѣкъ занятъ, такъ что не найдетъ и пяти минутъ свободныхъ удѣлить мнѣ. А между тѣмъ онъ самъ написалъ, чтобы я пришелъ".

Въ боковомъ карманѣ длиннаго сюртука онъ ощупалъ письмо Ромбо. Ему захотѣлось еще разъ прочесть его, увѣриться, что не ошибся. Впрочемъ, онъ зналъ наизусть это письмо, доставившее ему столько радости при полученіи. „Милостивый государь, я прочиталъ вашу пьесу. Въ ней много достоинствъ. Но я долженъ лично переговорить съ вами. Зайдите ко мнѣ на дняхъ около трехъ часовъ въ театръ".

Клавдій Лабарръ подошелъ къ окну, и при свѣтѣ сѣренькаго дня рѣзко выдѣлилось его худое, съ античнымъ профилемъ лицо, выпуклый лобъ, гладко зачесанные назадъ, длинные, каштановаго цвѣта волосы, черные глаза и брови. Его тонкія губы какъ будто были созданы для насмѣшки, а широкій выдающійся подбородокъ обнаруживалъ упрямство. Въ спокойномъ состояніи, это лицо имѣло прекрасное выраженіе серьезной задумчивости. Глубокомысленный взоръ, казалось, старался рѣшить трудную проблемму. Въ одушевленномъ состояніи, лицо это озарялось огнемъ ума, взглядъ блисталъ остроуміемъ, ротъ нервно округлялся, какъ будто готовясь пустить эпиграмму. Невозможно, чтобы такая личность прошла незамѣченной. Она невольно обращала на себя вниманіе. И, не смотря на его бѣдный костюмъ, на его болѣзненную фигуру и озабоченный видъ, Клавдій Лабарръ былъ отмѣченъ тою печатью, которая показываетъ необыкновенное, избранное существо. Онъ сложилъ письмо, сунулъ его въ карманъ и, согнувшись, прошелся раза два-три по сѣнямъ, какъ человѣкъ, привыкшій къ дурному пріему, съ грустью разсматривая зонтикъ, на которомъ чрезъ продырявленную матерію выглядывали прутья изъ китоваго уса; затѣмъ онъ инстинктивно приблизился къ двери, чтобы ему оставалось меньше пространства пройти подъ оскорбительно-вѣжливымъ взглядомъ писца, который, вѣроятно, скоро его выпроводитъ благороднымъ образомъ. Появился Жакэнъ. Лабарръ уже приготовился выразить знакомъ повиновеніе, чтобы, по крайней мѣрѣ, на половину избѣжать непріятности объясненія съ писцомъ, но тотъ, прищуривъ глаза и улыбаясь во весь ротъ, произнесъ:

— Г. Ромбо проситъ васъ пожаловать къ нему въ кабинетъ. Онъ пошелъ въ складъ декорацій и сію минуту возвратится.

И открывъ высокую, тяжелую дверь, похожую на ворота сдающейся крѣпости, онъ ввелъ писателя въ комнату, обитую оливковымъ тисненымъ трипомъ, съ мебелью чернаго дерева и съ античными окнами, пропускавшими нѣжный, таинственный полусвѣтъ. На большомъ письменномъ столѣ лежали груды бумагъ, посреди стояла великолѣпная серебряная чернильница и повсюду рукописи пьесъ въ разноцвѣтныхъ обложкахъ, сѣрыхъ, синихъ, красныхъ, желтыхъ, съ заманчивыми заглавіями, ловко придуманными, чтобы привлечь равнодушный взглядъ директора. Всѣ они покоились подъ спудомъ, приходя въ ветхость и желтые, какъ увядающіе цвѣты.

Лабарръ покушался было заглянуть въ эту общую литературную могилу, порыться въ ней и поискать, не найдетъ-ли онъ тамъ своего мертвеца, но не рѣшался. Страхъ, что его могутъ застать, удержалъ Клавдія, и онъ продолжалъ стоять посреди кабинета, осматриваясь кругомъ.

На каминѣ, въ плюшевыхъ рамкахъ, красовались портреты звѣздъ изъ труппы Ромбо: Клемансъ Вилла, въ платьѣ съ открытымъ лифомъ, съ роскошными, обнаженными плечами, съ нѣжной улыбкой и съ своимъ страстнымъ загадочнымъ взглядомъ, устремленнымъ въ пространство; госпожа Бреваль съ жидкими черными бандо, съ длинной, костлявой таліей, сухими плечами, съ черными глазами и бровями, точно намазанными углемъ, придававшими ей злой видъ; и прелестная, въ изящной амазонкѣ, Лиза Флёронъ, кокетливо держащая въ рукѣ хлыстъ; изъ подъ приподнятаго немного платья, виднѣлась ея маленькая ножка, обутая въ сборчатую ботинку. Всѣ эти три любимицы публики, точно королевы, сіяли торжествомъ и, поддерживая своими талантами пьесу, упрочивали ея успѣхъ: Клемансъ Вилла —своимъ смѣлымъ, живымъ вдохновеніемъ, Бреваль сильной, типичной игрой, а Лиза Флеронъ—нѣжной, задумчивой граціей, въ роли влюбленныхъ.

И Лабарръ перебиралъ въ своей памяти всѣ сцены, гдѣ талантъ этихъ женщинъ долженъ выступить въ полномъ блескѣ. Онъ представлялъ себѣ Бреваль и Клемансъ Вилла играющими страшную сцену признанія, въ третьемъ актѣ, гдѣ великая артистка громитъ свою юную подругу и осыпаетъ ее материнскими проклятіями. Какъ были-бы онѣ хороши, сколько придали-бы силы его пьесѣ! Затѣмъ Лиза Флёронъ въ любовной сценѣ... Съ такими исполнительницами успѣхъ несомнѣненъ.

Но достигнетъ-ли онъ его? Будетъ-ли еще принята его пьеса? А если и будетъ, то не дадутъ-ли ее играть подставнымъ актерамъ? Вѣдь пьесы начинающихъ авторовъ всегда исполняются во время каникулъ, а тогда весь лучшій персоналъ въ отпуску, кто на морскихъ купаньяхъ, кто на водахъ, кто въ деревнѣ. Въ его пьесѣ, однако, много хорошихъ мѣстъ. И при мысли, что только отъ каприза человѣка зависитъ дать пьесѣ увидѣть свѣтъ, выставить ее въ роскошной, эффектной обстановкѣ предъ глазами публики, ожидающей съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, или отправить ее въ темный ящикъ къ ея предшественницамъ, отвергнутымъ и обреченнымъ на забвеніе, Лабарръ съ трудомъ подавилъ вздохъ; ему вспомнились минувшіе тяжелые и мрачные годы.

Не отрадна и не легка была жизнь писателя. Сынъ полковаго штабъ-лѣкаря онъ провелъ свое дѣтство въ переѣздахъ съ одной стоянки на другую и постепенно объѣздилъ почти всю Францію и Алжиръ. Никогда онъ не оставался болѣе двухъ зимъ въ одной и той-же мѣстности; то онъ жилъ въ суровыхъ, холодныхъ горахъ Изера, то въ жаркихъ Пиринеяхъ, то подъ дождливымъ небомъ Бретани, то въ богатой, плодородной Турени. Онъ видѣлъ снѣгъ въ концѣ февраля на сѣверѣ и въ то же время года—цвѣтущія апельсиновыя деревья на югѣ. Углубляясь далѣе въ свои воспоминанія, онъ увидалъ предъ собой вѣчно синее небо и знойную страну, съ бѣлыми домами подъ большими деревьями съ широко раскинувшимися вѣтвями; это, должно быть, былъ Оранъ. Однажды,—ему тогда было три года,—его одѣли въ черное платье; онъ видѣлъ, что отецъ его плакалъ, а ласковая любящая женщина, которая прежде убаюкивала его на своихъ колѣняхъ, тихо напѣвая пѣсни, исчезла. У него осталась послѣ нея пустота въ сердцѣ и глубокая грусть. Потомъ, когда онъ спрашивалъ у замѣнившей ее няни, гдѣ она? та лаконически отвѣчала: „на небѣ“. И онъ, въ своемъ дѣтскомъ воображеніи, представлялъ ее себѣ съ большими бѣлыми крыльями, какъ у ангеловъ, нарисованныхъ въ молитвенникѣ, который иногда ему давали, чтобы только онъ сидѣлъ смирно.

На слѣдующее лѣто, нужно было опять переселяться. Наканунѣ отъѣзда, отецъ взялъ его за руку и они оба пошли на зеленый холмикъ, засаженный миртами и гранатовыми деревьями, на красивое кладбище, откуда было видно море. Тамъ отецъ велѣлъ ему стать на колѣни предъ новымъ памятникомъ и повторять за нимъ молитву. Онъ помнитъ, что пока онъ произносилъ священныя слова

лоса, безъ движенія, въ безсмысленномъ, скотскомъ состояніи; подлѣ него стояла пустая бутылка рому. Пораженный Клавдій вышелъ изъ комнаты и никогда, ни единымъ словомъ, не смѣлъ намекнуть на свое открытіе, раздирающее душу. Но онъ понялъ нѣкоторыя отрывочныя фразы, долетавшія до его ушей, когда проходилъ съ отцомъ мимо офицеровъ его полка. Онъ замѣтилъ дрожаніе рукъ старика, писавшаго такіе неразборчивые рецепты, что часто ихъ приносили къ нему обратно для разъясненія, такъ какъ полковые аптекари уже подверглись взысканію, отпустивъ граммы вмѣсто грановъ бѣднымъ солдатамъ, которые чуть не умерли. Еслибы не приходилось звать штабъ-лѣкаря къ больнымъ въ безотлагательныхъ случаяхъ, то никто не заподозрилъ бы въ немъ этого порока, такъ какъ онъ предавался ему въ уединеніи и никогда не посѣщалъ кофейни. Проводя скучную монотонную жизнь въ пустомъ домѣ, безъ жены, безъ семьи, никогда не игравшій въ карты и избѣгавшій общества товарищей, онъ мало по малу катился внизъ, не будучи въ состояніи удержаться на роковомъ пути.

Клавдій ужасался, но не осуждалъ отца. Онъ жалѣлъ его. Развитый не по лѣтамъ, онъ понялъ, что горечь жизни и тяжелыя испытанія довели несчастнаго старика до того, что онъ сталъ искать забвенія въ пьянствѣ. Но къ привязанности, которую онъ чувствовалъ къ отцу, примѣшивался какой-то страхъ. Онъ боялся опять застать штабъ-лѣкаря съ раскраснѣвшимся лицомъ, въ прежней неподвижности, на креслѣ предъ каминомъ, и потому, насколько было возможно, держалъ себя въ отдаленіи.

Квартира его отца выходила всѣми окнами въ садикъ, пересѣкаемый четырьмя узенькими дорожками, обсаженными по краямъ шиповникомъ. Два изъ четырехъ квадратовъ, образуемыхъ этими дорожками,—тѣ, которые были подальше,—предназначались для овощей; другіе два, подъ окнами, для цвѣтовъ. Кругомъ колодца съ высокой закраиной, оправленной желѣзомъ, къ которой былъ прикрѣпленъ блокъ для спуска и поднятія ведра, расли на своихъ тонкихъ, длинныхъ стебляхъ желтые подсолнечники, распуская яркіе лепестки въ видѣ ореола; куртина фіалокъ тянулась во всю длину фасада, и, согрѣваемая очень высокой температурой воздуха, державшейся въ этомъ уголкѣ, загражденномъ со всѣхъ сторонъ стѣнами домовъ, издавала чудный ароматъ.

Клавдій любилъ сидѣть на подоконникѣ въ столовой, гдѣ просиживалъ цѣлые часы за чтеніемъ, или мечтая и нѣжась на тепломъ солнышкѣ. Счастливое было то время! Дочь сосѣдки, семи или восьми-

лѣтній ребенокъ, бѣлокурый, съ голубыми глазами и розовыми щечками, играла каждое утро на пескѣ, въ саду. Клавдій слѣдилъ за ней взоромъ, слушалъ ея милую болтовню, самъ не смѣя съ ней заговорить, и чувствовалъ безсознательную привязанность къ этой малюткѣ, которая своимъ щебетаньемъ оживляла этотъ безмолвный уголокъ. Какъ будто по взаимному договору, садикъ раздѣлялся на двѣ половины: одна половина принадлежала штабъ-лѣкарю; другая —сосѣдкѣ. Иногда ребенокъ, увлекшись игрой и напѣвая своимъ чистымъ голоскомъ веселыя пѣсенки, переходилъ границу. Тогда ея мать, женщина съ грустнымъ лицомъ, которая безъ отдыха шила у окна, кричала ей: «Лиза, куда ты идешь?» и малютка живо перепрыгивала обратно границу, кидая на Клавдія испуганный взглядъ, какъ будто ожидая строгаго выговора.

Онъ ничего не рѣшался сказать, даже ласковаго слова, и чтобы не стѣснять забавъ ребенка, уходилъ въ глубину комнаты. Однажды, впрочемъ, онъ рискнулъ отвѣтить сосѣдкѣ: „оставьте ее, сударыня, это не бѣда“. И чтобы подтвердить свои слова на дѣлѣ, онъ взлѣзъ на окно и соскочилъ въ садъ. Лиза остановилась и съ удивленіемъ смотрѣла на него. Ея мать вѣжливо наклонила голову, сказавъ: „Благодарю васъ“ и продолжала работать.

Дѣвочка издали слѣдовала мелкими шажками за Клавдіемъ, который прогуливался по дорожкамъ. Увидя, что юноша ей улыбается, она отважилась подойти къ нему. Она была очень мила въ своемъ сѣромъ шерстяномъ платьицѣ, съ бѣлокурыми волосами, заплетенными въ одну косу, спускавшуюся по спинѣ, и съ прозрачною бѣлизною лица. Она показала Клавдію свои владѣнія и къ вечеру они были уже большими друзьями. На другой день бесѣды возобновились. Клавдій старался примѣняться къ понятіямъ своей маленькой подруги. Къ задней стѣнѣ дома примыкалъ небольшой чуланъ, дверь котораго всегда была таинственно приперта. Лиза ни разу не рѣшилась отодвинуть задвижку. Ей казалась, что за этой дверью, должно быть, спрятаны ужасныя вещи. Она передала Клавдію о своемъ смутномъ подозрѣніи. Онъ, не будучи такимъ трусомъ, какъ она, смѣло пошелъ къ чулану и не, смотря на просьбы Лизы, отперъ дверь. Ужасныя вещи составляли:—старые стулья, разбитые цвѣточные горшки, заступъ, грабли, лейка, въ которой мокли прутики ивы для связыванія салата. Дѣти принялись хозяйничать.

Незамѣтно пролетѣли каникулы, и въ одинъ вечеръ Клавдій, съ тоской на сердцѣ, объявилъ своей маленькой подругѣ, что на другой день онъ уѣзжаетъ въ Версаль и долженъ съ ней проститься. Солнце

заходило, бросая свои огненные лучи на кровли домовъ; пріятная свѣжесть разливалась въ воздухѣ и ночная тѣнь ужь окутывала садъ. Дѣти молча смотрѣли другъ на друга. Лиза вертѣла между пальцевъ вѣтку шиповника. Отблескъ пурпуроваго неба освѣщалъ ея бѣлокурые волосы и блестящіе глазки.

— Вы пріѣдете опять? спросила она наконецъ.

— Надѣюсь, отвѣтилъ Клавдій дрогнувшимъ голосомъ.—Если отецъ останется въ Эврё...

— А если не останется?

Онъ промолчалъ. Дѣвочка взяла его за руку.

— Тогда мы больше не увидимся?

Клавдій печально покачалъ головой, чувствуя тоску на сердцѣ; онъ хорошо зналъ, что штабъ-лѣкарь никогда не остается долго на одной и той же стоянкѣ; все ему говорило, что онъ видитъ Лизу въ послѣдній разъ. На него напало отчаяніе и онъ невольно воскликнулъ со слезами:

— Прощай, Лиза, но знай, что̀ бы ни случилось, я тебя не забуду.

И, перескочивъ черезъ подоконникъ, онъ убѣжалъ въ свою комнату, легъ на кровать и, уткнувъ голову въ подушку, горько заплакалъ. Ему казалось, что, разставаясь съ этимъ ребенкомъ, онъ остается одинокъ на бѣломъ свѣтѣ. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, видѣлъ въ этой хорошенькой, граціозной дѣвочкѣ свою маленькую жену. Вѣдь онъ былъ уже большой мальчикъ, почти взрослый человѣкъ, и потому понялъ, что въ его встревоженномъ сердцѣ зародилась чистая, непорочная любовь. Онъ уѣхалъ, увозя съ собой горькое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сладкое воспоминаніе объ Эврё. Никогда образъ ребенка, который съ перваго раза произвелъ на него такое глубокое впечатлѣніе, не изгладится изъ его памяти. Предчувствіе, что онъ больше не вернется въ Эврё, не обмануло Клавдія. На слѣдующій годъ штабъ-лѣкарь былъ отправленъ въ Лилль, а юнона продолжалъ свои занятія вдали отъ отца, къ которому боялся приближаться.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ; Клавдій блистательно окончилъ курсъ. Іока выдаваемая стипендія обезпечивала его матеріальное существованіе, все шло хорошо, но потомъ, когда онъ уже получилъ два диплома на степень бакалавра и ему пришлось обратиться къ отцу за совѣтомъ насчетъ выбора карьеры, тутъ-то и начались затрудненія. Штабъ-лѣкарь не признавалъ другой, болѣе блестящей профессіи, кромѣ медицинской, на которую должны быть направлены весь трудъ и всѣ пріобрѣтенныя знанія. Онъ мечталъ для Клавдія о тѣхъ успѣ-

хахъ, какихъ не могъ добиться самъ, и видѣлъ его адъюнктомъ и врачемъ военныхъ госпиталей, пріобрѣвшимъ богатство и извѣстность. Отецъ высказалъ свое мнѣніе сыну, представляя ему всѣ выгоды этой карьеры. Къ несчастью, Клавдію хорошо были извѣстны также и всѣ неудобства ея. Онъ вспомнилъ постоянныя переселенія въ дѣтствѣ съ мѣста на мѣсто и всѣ провинціальныя нарѣчія, которыя сталкивались и путались у него въ головѣ: грубый выговоръ горныхъ жителей востока, пѣвучіе звуки жителей долинъ юга и плавную рѣчь обитателей сѣверныхъ провинцій. Ему представились Оранъ, зеленый холмъ, молчаливое кладбище, смотрящее на море, и бѣлый памятникъ, находившійся такъ далеко отъ него. Не желая разсѣивать своихъ веселыхъ или грустныхъ воспоминаній по четыремъ концамъ земли, онъ въ почтительныхъ выраженіяхъ сообщилъ отцу о своемъ рѣшеніи, но встрѣтилъ твердую, непреклонную волю. Клавдій попробовалъ оспаривать её и навлекъ на себя страшный гнѣвъ. Съ безразсуднымъ упрямствомъ, старикъ не хотѣлъ слышать никакихъ доводовъ. Въ его мозгу, поврежденномъ водкой, крѣпко засѣла мысль сдѣлать изъ Клавдія доктора и онъ готовъ былъ удѣлить сыну частицу своего скуднаго жалованья, еслибы тотъ выказалъ полное повиновеніе. Въ противномъ случаѣ, онъ рѣшился предоставить его самому себѣ. Клавдій повиновался. Онъ отказался отъ своей завѣтной мечты и поступилъ въ медицинскую школу.

Однако, неодолимое призваніе влекло его къ литературѣ. Живя въ маленькой комнаткѣ пятаго этажа на улицѣ „Четырехъ Вѣтровъ“, онъ, при всей своей бѣдности, умудрялся дѣлать сбереженія на топливѣ и пищѣ, и на это ходилъ въ театръ и покупалъ книги. Возвращаясь послѣ лекцій съ кожаной салфеткой подъ мышкой, онъ прямо отправлялся въ галлереи Одеона и проводилъ цѣлые часы за чтеніемъ новаго романа, который обязательный книгопродавецъ позволялъ ему просматривать у окна магазина. Зимой, съ покраснѣвшими отъ стужи пальцами и топчась на одномъ мѣстѣ, чтобы согрѣть ноги, онъ не могъ оторваться отъ своего удовольствія. Когда же наступала ночь и Клавдій не могъ больше читать, онъ возвращался домой, а въ головѣ его бродили заманчивые образы героевъ и героинь. Ему приходили на память сцены изъ драмъ и нѣкоторые эпизоды изъ романовъ; онъ долго мечталъ, не замѣчая, какъ летѣло время; но самъ ничего не писалъ: онъ обѣщалъ отцу окончить курсъ медицины, работалъ только надъ нею и больше ни надъ чѣмъ. Онъ поступилъ бы безчестно, еслибы, принимая помощь

съ старика, стремился не къ той цѣли, какую тотъ ему предначерталъ.

Когда Клавдію, въ апрѣлѣ 1870 г., минуло двадцать лѣтъ, онъ, о призыву, вынималъ жребій и ему выналъ хорошій нумеръ. Между тѣмъ готовился переворотъ, совершенно измѣнившій его жизнь. Какъ громовой ударъ, разразилась война. Весь Парижъ возсталъ въ патріотическомъ энтузіазмѣ. Клавдій въ то же самое время узналъ объ отъѣздѣ штабъ-лѣкаря въ Мецъ. Передвиженіе войска послѣдовало такъ неожиданно, что молодой человѣкъ не успѣлъ проститься съ отцомъ. Онъ получилъ отъ него короткое письмо съ приложеніемъ небольшой суммы денегъ; самъ же онъ, зачисленный въ мобили, былъ посланъ въ Шалонскій лагерь и съ того времени не имѣлъ отъ отца никакихъ извѣстій.

Во время пятимѣсячной осады, онъ сильно страдалъ физически и равственно, и чувствовалъ себя совершенно одинокимъ. Тайный голосъ шепталъ ему, что онъ больше не увидитъ отца. Проводя ночи въ траншеяхъ, передъ покрытою инеемъ равниной, бѣлѣвшей подъ слабымъ луннымъ свѣтомъ, онъ думалъ о горькой судьбѣ этого несчастнаго старика и глубоко сожалѣлъ его. Наконецъ осада была снята. Парижъ раскрылъ свои двери, письма полетѣли со всѣхъ сторонъ о всѣмъ, кромѣ Клавдія. Молодой человѣкъ освѣдомился въ министерствѣ, но тамъ былъ такой безпорядокъ, что не могли дать никакихъ свѣдѣній. Онъ обратился въ полкъ, гдѣ, по спискамъ, штабъ-лѣкарь значился пропавшимъ безъ вѣсти. По возвращеніи арміи въ Мецъ, послѣ дѣла въ Сен-Приватѣ, его никто больше не видалъ. Вѣроятно, онъ палъ жертвою долга и былъ убитъ позади какого нибудь забора, перевязывая раненыхъ подъ градомъ пуль.

Клавдій принялъ это извѣстіе съ нѣмой скорбью; онъ ожидалъ того несчастія, однакожъ подобная увѣренность поразила его. Онъ заперся, чтобы выплакаться и обдумать все наединѣ. Онъ вспоминалъ, какъ отецъ съ жаромъ говорилъ ему о славѣ, о счастіи. А онъ, бѣдняга, увы! былъ обреченъ весь свой вѣкъ прожить въ неизвѣстности. Даже нельзя было узнать, гдѣ его постигла смерть. Общая яма была и ему могилой. Затѣмъ, внезапно, живое воображеніе Клавдія перенесло его въ Эврё; ему представилась комната отца и старое вышитое вольтеровское кресло, въ которомъ штабъ-лѣкарь, съ краснымъ лицомъ и потухшимъ взоромъ, уединенно просыпалъ свой хмѣль. И тогда Клавдій съ содроганіемъ убѣждался, что лучше и счастливѣе для старика—покоиться подъ обагренною кровью землей, полезно и славно окончивъ жизнь на войнѣ. Эта утѣшительная мысль наша-

дила прежнее тяжелое впечатлѣніе и оставила въ его душѣ спокойное, умиротворяющее воспоминаніе объ отцѣ.

Очутившись на свободѣ полнымъ господиномъ своихъ дѣйствій, Клавдій спрашивалъ себя, продолжать ли ему свои занятія. Онъ испытывалъ такое явное отвращеніе къ медицинѣ, что еще, самъ не зная, какъ отъ нея отдѣлаться, взялся за перо и рѣшился посвятить себя литературѣ. Ему тогда было двадцать два года и денегъ онъ имѣлъ очень мало. Отъ продажи имущества, оставшагося послѣ отца, онъ выручилъ нѣсколько сотъ франковъ, которые быстро израсходовались, и ему пришлось бороться съ нуждою. Онъ нанялъ ту же комнату въ улицѣ „Четырехъ Вѣтровъ“ и проводилъ цѣлые дни въ библіотекахъ, читая и дѣлая выписки для обогащенія своихъ познаній. Онъ перебралъ замѣчательныя философскія сочиненія XVII и XVIII столѣтій, запоминалъ всѣ историческіе мемуары и изучалъ театръ отъ его возникновенія съ великими классиками и до полнаго развитія съ великими современными писателями. Онъ прочелъ всѣхъ романистовъ, изъ которыхъ произведенія Бальзака сдѣлались его настольной книгой.

Для обезпеченія себя, онъ писалъ статьи для энциклопедій, и изрѣдка ему даже удавалось помѣщать статейки въ журналы, которые зачастую не платили денегъ. Сверхъ того, Клавдій имѣлъ страсть: собирать гравюры. Во время своихъ продолжительныхъ странствованій по Парижу, онъ любилъ порыться у картонщиковъ, букинистовъ или торговцевъ разнымъ хламомъ, и случалось, что за ничтожную плату пріобрѣталъ цѣнныя вещи. Онъ разсматривалъ ихъ, вертѣлъ, нюхалъ, наслаждаясь запахомъ затхлой бумаги, или любуясь хорошенькой сценой Моро или Дебюкура.

Однажды въ гололедицу, онъ имѣлъ несчастье упасть на улицѣ и повредить себѣ ногу. Его лѣчилъ старый товарищъ изъ медицинской школы; онъ цѣлый мѣсяцъ пролежалъ, не двигаясь въ постели, и первый разъ въ жизни вошелъ въ долги. Желая какъ можно скорѣе выплатить ихъ, Клавдій обрекъ себя на страшныя лишенія. Днемъ онъ давалъ уроки, по ночамъ составлялъ каталоги для книгопродавцевъ. У него были мѣсячные платежи и онъ скорѣе умеръ бы съ голода, передъ шкатулкой, гдѣ лежали деньги, чѣмъ вынуть ихъ оттуда и не заплатить въ срокъ. Однажды, въ самыя тяжелыя минуты жизни, бродя съ голоднымъ желудкомъ по люксембургскому саду, онъ увидалъ одного старика, бросавшаго хлѣбъ птицамъ. Крошки падали въ изобиліи около желѣзной рѣшетки, окружающей цвѣтникъ. Насторожѣ, какъ голодный волкъ, Клавдій ждалъ, когда уй-

дитъ старикъ и, спугнувъ птицъ, съѣлъ брошенный имъ хлѣбъ. Затѣмъ ему стало стыдно самого себя и онъ убѣжалъ, какъ воръ.

Однако онъ составилъ себѣ маленькую репутацію въ Латинскомъ кварталѣ. Иногда онъ позволялъ себѣ заходить въ ресторанъ Медичи и, удалившись въ заднюю комнату, поддавался искушенію и читалъ собственные стихи съ такой прекрасной дикціей, съ такимъ страстнымъ выраженіемъ и жаромъ, что увлекалъ всѣхъ слушателей. Въ эти минуты лицо его сіяло, глаза какъ будто устремлялись на невидимое существо и его задушевный, гармоничный голосъ проникалъ до самаго сердца. Одинъ знаменитый романистъ, на возвратномъ пути въ родные края, услыхалъ случайно, какъ Клавдій читалъ одну изъ своихъ пьесъ; онъ онѣмѣлъ отъ перваго впечатлѣнія и, будучи не въ силахъ скрыть своего восторга, воскликнулъ:

— Какъ написано, и какъ прочитано! У этого молодца геніальный сценическій талантъ. Намъ нужно вмѣстѣ что нибудь написать.

И онъ условился увидѣться съ Клавдіемъ. Романистъ долженъ былъ выкроить изъ одного своего произведенія драму для театра Амбигю" въ сотрудничествѣ съ какимъ нибудь „charpentier", какъ ихъ называютъ на театральномъ языкѣ. Но ни онъ, ни „charpentier" не могли достичь того, чтобы сладить пьесу и уже оба были готовы отказаться. Лабарръ, имѣвшій въ распоряженіи всѣ матеріалы, съ удивительнымъ рвеніемъ первой литературной горячки, написалъ въ одинъ мѣсяцъ пять актовъ и отнесъ ихъ романисту. Тотъ разнылся въ похвалахъ, призналъ драму образцовымъ произведеніемъ, и надавалъ молодому человѣку много лестныхъ обѣщаній. Въ слѣдующую зиму, пьеса была сыграна съ большимъ успѣхомъ, но нигдѣ не упоминалось о сотрудничествѣ Лабарра. Клавдій, возмущенный такой несправедливостью, пошелъ жаловаться знаменитому автору, который всю вину свалилъ на него же. Впрочемъ, было бы неудобно выставить два имени на афишѣ и младшему слѣдовало отступить. Что же касается до вознагражденія, то онъ увидитъ, что сбѣжитъ будетъ добросовѣстный. Обиженный Лабарръ не желалъ выставлять себя передъ публикой въ полемикѣ, въ которой,—какъ романистъ далъ ему понять,—пресса не приметъ сторону неизвѣстнаго писателя. Онъ покорился и, ободренный успѣхомъ этой пьесы, отзывы о которой были прекрасны, снова принялся за работу.

Но театры, — онъ это узналъ по горькому опыту, — недоступны для начинающихъ. Онъ извѣдалъ долгія ожиданія въ передняхъ, пріемы, „стоя", въ кабинетѣ секретарей и неизмѣнные отвѣты: „Пьеса

не подходитъ къ программѣ нашей сцены; разговоръ слишкомъ комиченъ для драматическаго театра и слишкомъ драматиченъ для комедій. „Онъ испыталъ всѣ слѣдствія глубокаго отвращенія, какое чувствуютъ директоры къ молодымъ авторамъ. Онъ убѣдился, что мечтою этихъ „подрядчиковъ удовольствій“ было играть постоянно одну и ту-же пьесу, подписанную однимъ и тѣмъ же именемъ, но подъ разными заглавіями.

Ничто однако не отбило у него охоты. Онъ неутомимо продолжалъ работать, будучи увѣренъ въ душѣ, что выйдетъ на хорошую дорогу, и одинъ день даже думалъ, что достигъ цѣли. Театръ Клюньи принялъ его пьесу и поставилъ на сцену. Это была современная комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, ловкое подражаніе, гдѣ не задѣвались никакія личности. Пьеса,—срепетированная изъ рукъ вонъ плохо труппою актеровъ, набранныхъ гдѣ попало, дурно одѣтыхъ и такихъ тощихъ, что онъ нѣсколько разъ спрашивалъ себя на репетиціяхъ, не лучше-ли ему приходить въ театръ съ четырехфунтовымъ хлѣбомъ въ каждой рукѣ,—прошла успѣшно и въ первый вечеръ доставила Клавдію множество хлалебныхъ рецензій, но ни одного су сбора. Мимолетный директоръ, поставившій пьесу, скрылся вмѣстѣ съ нею. Всѣ молчали о безплодной попыткѣ и Лабарръ снова погрузился во мракъ своей неизвѣстности.

Одинъ, безъ родныхъ, безъ друзей, онъ приходилъ въ ужасное отчаяніе, чувствуя, что бремя, которое онъ упорно несъ на своихъ плечахъ, становилось ему не подъ силу. Онъ съ горечью говорилъ себѣ, что всегда былъ и будетъ „неудачникомъ“. У него не разъ мелькала мысль, что, можетъ быть, онъ дурно поступилъ, не послушавшись отца и что неуспѣхъ его карьеры былъ посмертнымъ мщеніемъ штабъ-лекаря. Еслибъ онъ слѣдовалъ его совѣтамъ, то уже пять лѣтъ какъ былъ бы докторомъ, и еслибы жизнь въ Парижѣ показалась ему трудной, уѣхалъ бы въ провинцію. Тамъ, въ какомъ нибудь скромномъ городкѣ, онъ нашелъ бы бѣленькій, уютный домикъ съ черепичной кровлей, съ зеленѣющимъ садикомъ, гдѣ бы могъ жить въ спокойствіи обезпеченной будущности. Онъ ѣздилъ бы въ одноколкѣ рысцой на смирной лошади, по избитымъ дорогамъ, осѣненнымъ густыми деревьями, на фермы, гдѣ встрѣчали бы его съ дружескимъ привѣтствіемъ. Вотъ въ этомъ-то, можетъ быть, и заключалось все счастье. Вмѣсто того, ему пришлось бороться съ препятствіями, безпрерывно возникающими на его пути, подвергаться вѣчнымъ оскорбленіямъ и отказамъ, и въ этомъ постоянно возрастающемъ униженіи привыкать гнуть шею и ждать наносимаго

удара. И, въ порывѣ гнѣва, онъ проклиналъ искусство и воскли-
ицалъ въ тишинѣ своей комнаты: „Литература—самое послѣднее
ремесло!“

Онъ возставалъ противъ всего общества, говорилъ, что оно по-
ступаетъ глупо, безчестно, покровительствуя авторамъ, присвоиваю-
щимъ себѣ чужія произведенія, торжествующимъ посредственностямъ и
знаменитостямъ, составившимъ себѣ имя съ помощью рекламъ и тре-
звона въ гостинныхъ, и клялся, что если ему удастся когда нибудь
выйти изъ той колеи, въ которую онъ попалъ, то онъ страшно от-
мститъ и раздавитъ всѣхъ, кто его мучилъ.

Сдѣлавъ надъ собой послѣднеее усиліе, Клавдій собрался съ мыс-
лями и принялся одинъ писать драму „Кутилы,“ (Les viveurs),
сюжетъ которой у него уже давно созрѣлъ въ головѣ, ѣдкую са-
тиру, гдѣ онъ могъ излить всю свою злобу. Ромбо только что всту-
пилъ въ управленіе „Современнымъ Театромъ“, газеты были полны
проэктовъ, задуманныхъ новымъ директоромъ. Онъ надѣялся вос-
кресить драматическое искусство, обратившееся, по его мнѣнію, въ
самую жалкую торговлю, создать новыхъ авторовъ и приготовить
преемниковъ современной сцены.

Клавдій основывалъ свои будущія надежды на этомъ смѣльчакѣ,
гордо водружающемъ новое знамя. Онъ съ любопытствомъ слѣдилъ въ
театральныхъ извѣстіяхъ за всѣми ангажементами Ромбо. Каждая
новь принятая пьеса, заглавіе которой появлялось въ газетахъ, при-
чиняла ему боль въ сердцѣ и онъ говорилъ: „Если у нихъ уже такъ
много пьесъ, то какъ же они примутъ мою?“ Простодушный Клав-
дій еще не зналъ, что три четверти пьесъ, принятыхъ такимъ
образомъ и получившихъ такія высокопарныя названія въ закули-
сныхъ хроникахъ, даже не начаты и, можетъ быть, никогда не бу-
дутъ кончены. Объявленіе въ этихъ случаяхъ,—ничто иное, какъ пре-
дупрежденіе, сдѣланное авторомъ на случай успѣха своего произве-
денія. Есть даже такіе авторы, пьесы которыхъ; объявленныя съ та-
кимъ шумомъ, не были и не будутъ играны, а между тѣмъ пользуют-
ся большой извѣстностью. Еслибы ихъ стали играть,—погибла бы
репутація авторовъ.

Клавдій, окончивъ «Кутилъ», поспѣшилъ отнести свою пьесу къ
Ромбо. Въ продолженіе цѣлой недѣли послѣ отдачи рукописи, онъ
почти не жилъ, находясь постоянно въ лихорадочномъ состояніи, пе-
реходя отъ сильной надежды къ полному отчаянію. Онъ дѣлалъ
всевозможныя предположенія: что Ромбо попроситъ измѣненій въ
пьесѣ; что онъ потребуетъ сбавки гонорара автору; что не дозволитъ

сотрудничества. При такомъ хаосѣ мыслей, въ какомъ онъ находился, Клавдій чувствовалъ, что согласится на все. Онъ желалъ, чтобы пьеса его была сыграна, и потому готовъ былъ сдѣлать все, чего бы ни потребовали, только приняли бы пьесу.

Письмо Ромбо чуть не свело его съ ума. Неопредѣленныя фразы показались ему рѣшительными: «Это такой человѣкъ, который не станетъ обѣщать раньше, чѣмъ условится,—говорилъ онъ самому себѣ:—стало быть, онъ рѣшился взять мою пьесу. Онъ находитъ въ ней достоинства и хочетъ поговорить со мной. Ну, чтожъ? поговоримъ.

И онъ отправился поговорить съ Ромбо; а между тѣмъ, въ этомъ роскошномъ кабинетѣ, съ очень цѣнными картинами на стѣнахъ и съ тяжелыми, красивыми драпировками, Клавдіемъ овладѣла прежняя тоска; онъ совершенно потерялъ энергію и блѣдный ждалъ того, кто рѣшитъ его судьбу, задавая себѣ вопросъ: что онъ ему скажетъ.»

Тогда онъ мысленно перебралъ всѣ главныя положенія въ своемъ произведеніи и искалъ, съ какой стороны она можетъ понравиться Ромбо. И вдругъ всѣ недостатки пьесы бросились ему въ глаза, онъ не видалъ въ ней болѣе достоинствъ. Объятый страхомъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что сюжетъ ея былъ слабъ и то, что онъ изъ этого сдѣлалъ, было только посредственностью. Холодный потъ выступилъ у него на лбу. Онъ находилъ себя бездарнымъ и обреченнымъ на вѣчную неизвѣстность. Всѣ свѣтлыя мечты, лелѣявшія его въ минуты лихорадочнаго возбужденія, разлетѣлись, какъ стая испуганныхъ птицъ. Сердце его сжалось, руки дрожали, во рту пересохло, онъ чувствовалъ себя окончательно погибшимъ.

(*Продолженіе будетъ*).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ПИСЬМА.

Экскурсія въ область faits divers.—Самоубійства, сѣрно-кислая эпопея, дѣтоубійства и плодоизгнаніе во Франціи.—Вопросъ о дѣвушкахъ-матеряхъ. — «Recherche e la paternité».—Законопроэктъ Риве.—Доводы за и противъ.—Господство адюльтера во Франціи.—Боязнь скандаловъ.—Интересы дѣтей.—Вопіющія безобразія, совершаемыя подъ эгидою закона.—Женитьба отца на дочери.—Драконовскія предложенія Дюма.—Недостаточность закона о «разысканіи отцовства».—Дороговизна суда во Франціи.—Заключеніе.

Въ каждомъ газетномъ листкѣ, попадающемъ въ руки читателя, чуть не обязательно имѣется одинъ спеціальный отдѣлъ, на который читающая публика въ большинствѣ случаевъ почти совсѣмъ не обращаетъ своего благосклоннаго вниманія. Мы говоримъ о такъ называемыхъ faits divers, о „Смѣси“ прежнихъ журналовъ, или „Дневникѣ приключеній“. Рубрика эта помѣщается обыкновенно въ хвостѣ газетъ; по ней читатель только разсѣянно скользитъ взглядомъ, поглотивъ предварительно глубокомысленныя разсужденія и сообщенія о фактахъ внутренней и внѣшней политики и тому подобныхъ „матеріяхъ важныхъ“. Послѣ того, какъ онъ только что, можетъ быть, ломалъ голову надъ мудреными шахматными ходами дипломатовъ, проникалъ въ сокровенные планы и намѣренія Бисмарка, мысленно рукоплескалъ Гладстону, порицалъ Альфонса, не одобрялъ Кюля Ферри, гадалъ о кандидатахъ на голландскій престолъ, размышлялъ о удьбахъ того или другаго кабинета,—ему кажется скучно и неинтересно заниматься мелочами, въ которыхъ играютъ роль маленькіе, никому неизвѣстные люди. А между тѣмъ, эти мелочи очень часто полны глубочайшаго интереса, казываются болѣе поучительными и наводящими на размышленіе, чѣмъ многіе акты такъ называемой высшей политики. Въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражается вся наша общественная жизнь, со всѣми ея недостатками, несовершенствами, язвами и тѣми самыми вопросами. которые пространно и чаще всего безплодно дебатируются въ разныхъ собраніяхъ и палатахъ, обсуждаются съ трибунъ и разбираются во всевозможныхъ передовыхъ статьяхъ и ученыхъ трактатахъ. И кто хочетъ знать эту жизнь такою, какова она есть, безъ всякихъ при-

сотрудничества. При такомъ хаосѣ мыслей, въ какомъ онъ находился, Клавдій чувствовалъ, что согласится на все. Онъ желалъ, чтобы пьеса его была сыграна, и потому готовъ былъ сдѣлать все, чего бы ни потребовали, только приняли бы пьесу.

Письмо Ромбо чуть не свело его съ ума. Неопредѣленныя фразы показались ему рѣшительными: «Это такой человѣкъ, который не станетъ обѣщать раньше, чѣмъ условится,—говорилъ онъ самому себѣ:—стало быть, онъ рѣшился взять мою пьесу. Онъ находитъ въ ней достоинства и хочетъ поговорить со мной. Ну, чтожъ? поговоримъ.

И онъ отправился поговорить съ Ромбо; а между тѣмъ, въ этомъ роскошномъ кабинетѣ, съ очень цѣнными картинами на стѣнахъ и съ тяжелыми, красивыми драпировками, Клавдіемъ овладѣла прежняя тоска; онъ совершенно потерялъ энергію и блѣдный ждалъ того, кто рѣшитъ его судьбу, задавая себѣ вопросъ: что онъ ему скажетъ.»

Тогда онъ мысленно перебралъ всѣ главныя положенія въ своемъ произведеніи и искалъ, съ какой стороны она можетъ понравиться Ромбо. И вдругъ всѣ недостатки пьесы бросились ему въ глаза, онъ не видалъ въ ней болѣе достоинствъ. Объятый страхомъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что сюжетъ ея былъ слабъ и то, что онъ изъ этого сдѣлалъ, было только посредственностью. Холодный потъ выступилъ у него на лбу. Онъ находилъ себя бездарнымъ и обреченнымъ на вѣчную неизвѣстность. Всѣ свѣтлыя мечты, лелѣявшія его въ минуты лихорадочнаго возбужденія, разлетѣлись, какъ стая испуганныхъ птицъ. Сердце его сжалось, руки дрожали, во рту пересохло, онъ чувствовалъ себя окончательно погибшимъ.

(*Продолженіе будетъ*).

благомыслящихъ французскихъ патріотовъ начинаетъ уже тревожить и смущать призракъ національнаго вырожденія.

Героинями вышеупомянутыхъ драмъ, трагедій и преступленій, являются почти исключительно обольщенныя дѣвушки-матери, filles-mères, выходящія преимущественно изъ сферы рабочаго пролетаріата. Мотивомъ-же преступныхъ дѣяній, помимо стыда, горя, отчаянія и мести, служитъ и страхъ за будущее. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе такой дѣвушки, готовящейся сдѣлаться матерью, въ большинствѣ случаевъ бываетъ, по истинѣ, ужасно: ей, брошенной безсердечнымъ обольстителемъ на произволъ судьбы безъ всякихъ средствъ и поддержки, предстоитъ или умирать съ голоду, если она не желаетъ выступать на торный путь проституціи, или-же совершать преступленія. Могъ-бы быть для нея и еще одинъ выходъ, а именно,—требовать отъ человѣка, сдѣлавшаго ее матерью, обезпеченія прижитаго потомства; но бѣда въ томъ, что французскій законъ формально закрываетъ передъ нею этотъ выходъ. „La recherche de la paternité est interdite", разысканіе отцовства воспрещается,—говоритъ 340 статья кодекса. По буквѣ и духу этой жестокой статьи, мать не имѣетъ права добиваться признанія ребенка его отцомъ, даже и въ томъ случаѣ, если послѣдній не думаетъ скрывать своего отцовскаго права. Отсюда логически вытекаетъ, что незамужняя женщина не можетъ требовать отъ отца своего ребенка никакихъ обязательствъ... Если-же, не смотря на эту пресловутую статью, мать все-таки обращается въ своей безпомощности къ суду, то представители правосудія оправдываютъ, обѣляютъ погубившаго ее негодяя, сплошь и рядомъ „почтеннаго" отца другаго законнаго семейства, и ее-же заставляютъ расплачиваться, взваливая на нее судебныя издержки, какъ это случилось, напр., въ прошломъ году въ Парижѣ, гдѣ разбирался процессъ подобнаго рода, надѣлавшій большого шума... Удивительно-ли при такихъ условіяхъ, что поставленная внѣ закона женщина хватается за револьверъ, вооружается сѣрною кислотою, становится дѣтоубійцею или прибѣгаетъ къ тайнымъ услугамъ акушерки?! У кого поднимется рука, чтобы бросить въ нее за это камнемъ? Что касается, по крайней мѣрѣ, до представителей общественной совѣсти, присяжныхъ, то они видимо не желаютъ брать грѣха на душу: женщины, попадающія на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ подобныхъ преступленіяхъ, во Франціи чаще всего оправдываются или подвергаются сравнительно легкимъ наказаніямъ.

Но оправдывать преступницъ или снисходительно относиться къ нимъ, конечно, недостаточно: надо предпринять что нибудь, что могло бы уврачевать зло, предупредить преступленія, остановить грозную эпидемію дѣтоубійства и плодоизгнаній. Одна изъ главныхъ причинъ этой эпидеміи заключается въ крайней трудности, очень часто въ отсутствіи физической возможности для дѣвушекъ-матерей воспитывать своихъ дѣтей. Еслибы эти матери могли надѣяться на реабилитацію путемъ законнаго брака или, по крайней мѣрѣ, могли разсчитывать на

матеріальную поддержку; еслибы, согласно съ естественными законами, отецъ обязанъ былъ заботиться о воспитаніи произведенныхъ имъ на свѣтъ дѣтей, то, очевидно, дѣвушки рѣже выступали-бы на путь преступленія. Такъ разсуждаютъ благонамѣренные люди, въ интересахъ дѣтей и во имя поруганныхъ правъ женщины поднявшіе агитацію въ пользу „разысканія отцовства". Въ прошломъ году, депутатомъ Риве внесенъ въ палату законопроэктъ, требующій уничтоженія 340 статьи кодекса и предоставляющій обольщенной женщинѣ право привлекать обольстителя къ суду и, по предъявленіи достаточныхъ доказательствъ его виновности, требовать отъ него обезпеченія для рожденнаго или имѣющаго родиться ребенка. Въ предложеніи этомъ шла рѣчь о такомъ жалкомъ пальятивѣ; полумѣра, предлагаемая Риве, до такой степени безсильна измѣнить къ лучшему неприглядное положеніе дѣлъ, что остается только удивляться тому, что серьезные, повидимому, люди удѣлили упомянутому законопроэкту такъ много вниманія и производили изъ-за него такъ много шума. На нашъ взглядъ, вопросъ о „разысканіи отцовства" не имѣетъ почти никакого практическаго значенія; но тѣмъ не менѣе, мы считаемъ не лишнимъ остановиться на немъ, такъ какъ, съ одной стороны, онъ продолжаетъ волновать общественное мнѣніе во Франціи, а съ другой, постановка и развитіе его наглядно показываютъ, чего можно ожидать отъ нищихъ духомъ современныхъ общественныхъ дѣятелей, силою обстоятельствъ вынужденныхъ заниматься разрѣшеніемъ жгучихъ соціальныхъ вопросовъ и не рѣшающихся при этомъ идти дальше трусливыхъ полумѣръ и наложенія мизерныхъ заплатокъ на гнилое, дырявое общественное рубище...

Какъ только законопроэктъ Риве былъ внесенъ въ палату, тотчасъ-же завязалась шумная полемика между его противниками и защитниками;—полемика продолжается еще и теперь, такъ какъ поднятый вопросъ остается открытымъ и до сихъ поръ. Для защитниковъ законопроэкта задача представляется довольно легкою; сбить ихъ съ занятой ими позиціи логическими доводами оказывается довольно затруднительно. И дѣйствительно, законъ, противъ котораго они ратуютъ, долженъ поражать своею явною несправедливостью каждаго непредубѣжденнаго, безпристрастнаго человѣка. Формально воспрещая «recherche de la paternité», законъ въ то же время разрѣшаетъ „recherche de la maternité». Такъ какъ эти „recherches" могутъ производиться и производятся исключительно въ виду тѣхъ естественныхъ обязательствъ, которыя лежатъ на родителяхъ по отношенію къ дѣтямъ, то отсюда слѣдуетъ, что французскій кодексъ всю тяжесть воспитанія дѣтей сваливаетъ въ данномъ случаѣ на плечи слабой, безпомощной женщины, являющейся ничѣмъ инымъ, какъ instrumentum voluptatis для «милыхъ шалуновъ», по просту—негодяевъ, изъ аристократическихъ и буржуазныхъ семействъ; шалуновъ жестихъ законъ предупредительно выгораживаетъ отъ всякой отвѣтственности. Если ребенокъ брошенъ родителями на произволъ судьбы, то лицамъ, принимающимъ

заходило, бросая свои огненные лучи на кровли домовъ; пріятная свѣжесть разливалась въ воздухѣ и ночная тѣнь ужь окутывала садъ. Дѣти молча смотрѣли другъ на друга. Лиза вертѣла между пальцевъ вѣтку шиповника. Отблескъ пурпуроваго неба освѣщалъ ея бѣлокурые волосы и блестящіе глазки.

— Вы пріѣдете опять? спросила она наконецъ.

— Надѣюсь, отвѣтилъ Клавдій дрогнувшимъ голосомъ.—Если отецъ останется въ Эврё...

— А если не останется?

Онъ промолчалъ. Дѣвочка взяла его за руку.

— Тогда мы больше не увидимся?

Клавдій печально покачалъ головой, чувствуя тоску на сердцѣ; онъ хорошо зналъ, что штабъ-лѣкарь никогда не остается долго на одной и той же стоянкѣ; все ему говорило, что онъ видитъ Лизу въ послѣдній разъ. На него нападо отчаяніе и онъ невольно воскликнулъ со слезами:

— Прощай, Лиза, но знай, что̀ бы ни случилось, я тебя не забуду.

И, перескочивъ черезъ подоконникъ, онъ убѣжалъ въ свою комнату, легъ на кровать и, уткнувъ голову въ подушку, горько заплакалъ. Ему казалось, что, разставаясь съ этимъ ребенкомъ, онъ остается одинокъ на бѣломъ свѣтѣ. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, видѣлъ въ этой хорошенькой, граціозной дѣвочкѣ свою маленькую жену. Вѣдь онъ былъ уже большой мальчикъ, почти взрослый человѣкъ, и потому понялъ, что въ его встревоженномъ сердцѣ зародилась чистая, непорочная любовь. Онъ уѣхалъ, увозя съ собой горькое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сладкое воспоминаніе объ Эврё. Никогда образъ ребенка, который съ перваго раза произвелъ на него такое глубокое впечатлѣніе, не изгладится изъ его памяти. Предчувствіе, что онъ больше не вернется въ Эврё, не обмануло Клавдія. На слѣдующій годъ штабъ-лѣкарь былъ отправленъ въ Лилль, а юнома продолжалъ свои занятія вдали отъ отца, къ которому боялся приближаться.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ; Клавдій блистательно окончилъ курсъ. Пока выдаваемая стипендія обезпечивала его матеріальное существованіе, все шло хорошо, но потомъ, когда онъ уже получилъ два диплома на степень бакалавра и ему пришлось обратиться къ отцу за совѣтомъ насчетъ выбора карьеры, тутъ-то и начались затрудненія. Штабъ-лѣкарь не признавалъ другой, болѣе блестящей профессіи, кромѣ медицинской, на которую должны быть направлены весь трудъ и всѣ пріобрѣтенныя знанія. Онъ мечталъ для Клавдія о тѣхъ успѣ-

наго, жертву противъ обольстителя?.. Для рѣшенія этихъ вопросовъ совершенно достаточно только поставить ихъ... да и ставить-то ихъ нѣсколько стыдно: до такой степени они элементарны. А между тѣмъ, партизанамъ «разысканія отцовства» приходится изъ кожи лѣзть, чтобы втолковать эти азбучныя истины господамъ сенаторамъ, депутатамъ, разнымъ президентамъ, юристамъ и т. д., упорно отстаивающимъ сакраментальную формулу: «la recherche de la paternité est interdite»...

Отбиваясь отъ безобиднаго предложенія Риве, консерваторы вопятъ, между прочимъ, и объ интересахъ общественной нравственности. Дозволять разыскивать отца, значитъ, по ихъ словамъ, поощрять развратъ. Тогда каждая «дѣвчонка» смѣло, не сдерживаемая никакими опасеніями, ударится во всѣ тяжкія, и filles-mères расплодятся въ такомъ количествѣ, что ихъ не оберешься. Доводъ опять таки неискренній и фальшивый. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно серьезно говорить о томъ, что наивныя, неопытныя и довѣрчивыя «дѣвчонки»,— а таковы вѣдь почти всѣ бросаемыя любовниками filles-mères,—станутъ руководиться какими нибудь матеріальными разсчетами при завязываніи интимныхъ отношеній?!.. Да и наконецъ, о какихъ разсчетахъ тутъ можетъ быть рѣчь?.. Объ обезпеченіи своего ребенка?

Чаще и пространнѣе всего противники законопроэкта Риве толкуютъ не объ интересахъ нравственности, а о тѣхъ практическихъ неудобствахъ и безпокойствахъ, которыя могутъ возникнуть для мужчинъ и ихъ «почтенныхъ семействъ въ томъ случаѣ, если „разысканіе отцовства“ будетъ допущено закономъ. Они предвидятъ безконечный рядъ публичныхъ скандаловъ, шантажей, вымогательствъ со стороны filles-mères, отъ посягательствъ и притязаній которыхъ не будетъ, будто-бы, гарантированъ ни одинъ порядочный человѣкъ. И все это будетъ производиться съ тѣмъ бо́льшею легкостью, что фактъ отцовства всегда остается болѣе или менѣе сомнительнымъ, что установить или отвергнуть его всегда бываетъ болѣе или менѣе трудно.—Не труднѣе однако-же, а во многихъ случаяхъ даже несравненно легче, чѣмъ въ законномъ бракѣ,—возражаютъ имъ на это. Далѣе, разысканіе отцовства, по проэкту Риве, обставляется очень надежными гарантіями: отъ каждаго вчинателя иска требуется представленіе неопровержимыхъ доказательствъ; что-же касается до неосновательныхъ претензій, до недобросовѣстныхъ исковъ, разсчитанныхъ на скандалъ и вымогательство, то авторамъ ихъ угрожаетъ суровая уголовная кара. При такихъ серьезныхъ гарантіяхъ, всѣмъ дѣйствительно «почтеннымъ» и „порядочнымъ“ людямъ можно и не бояться шантажныхъ продѣлокъ, въ особенности, если эти люди будутъ вести себя осторожнѣе и порядочнѣе съ дѣвушками, относительно которыхъ они не имѣютъ никакихъ серьезныхъ намѣреній. Остается боязнь публичнаго, скандальнаго изобличенія дѣйствительныхъ грѣшковъ „почтенныхъ“ и „порядочныхъ“ людей, каковые грѣшки, при допущеніи разысканія отцов-

ства, дѣйствительно чаще, чѣмъ теперь, будутъ выводиться на свѣжую воду;— и мы едва-ли ошибемся, если предположимъ, что именно это самая боязнь, главнѣйшимъ образомъ, и руководитъ консерваторами въ ихъ упорной оппозиціи предложенію Риве. Въ самомъ дѣлѣ, кто читалъ романъ Золя—„Pot-bouille“,—совершенно вѣрно обрисовывающій семейную жизнь современной французской буржуазіи,—тотъ знаетъ, до какой степени разложенія и упадка дошла французская семья, какіе нравы царятъ у семейнаго очага и за предѣлами его. Адюльтеръ, какъ это видно изъ исторіи, беллетристики, судебной хроники и т. д., пользуется de facto полнѣйшимъ правомъ гражданства въ жизни и, что всего поучительнѣе, шире всего практикуется именно тѣми самыми людьми, которые громче всѣхъ кричатъ о святости брака, о великомъ соціальномъ значеніи семьи и т. д. Въ настоящее время во Франціи, среди „почтенныхъ“ буржуа, едва-ли много найдется такихъ, у которыхъ, наряду съ семейнымъ очагомъ, не имѣлось-бы побочныхъ семей-незаконныхъ связей; такихъ „отсталыхъ отъ вѣка“ субъектовъ, во всякомъ случаѣ, нужно искать днемъ съ огнемъ... Ревностно одвизаются на поприще адюльтера „почтенные“ отцы семействъ; не меньшее усердіе въ этомъ отношеніи проявляютъ и ихъ сынки... Вообще, для людей мало мальски состоятельныхъ, жизнь представляется довольно привольною и веселою: взевозможныхъ „бутончиковъ“ въ низшемъ классѣ распускается достаточно, выбирай любую приглянувшуюся „дѣвчонку“, соблазняй, благо это такъ легко, развлекайся, беззаботно обращай fille въ fille-mère, бросай ее, когда надоѣстъ, берись за другую, третью; однимъ словомъ, катайся, какъ сыръ въ маслѣ, и ни о чемъ не безпокойся;—потому что„la recherche de la paternité est interdite“... И вдругъ, при такихъ-то льготныхъ условіяхъ для „почтенныхъ“ буржуа, показывается на горизонтѣ опасность, раскрывается перспектива безпокойства, а непріятностей: вычеркнутъ изъ кодекса спасительную 340-ю статью, а затѣмъ, того и жди, потянутъ къ суду, предъявятъ ребенка, заставятъ, въ виду вещественныхъ доказательствъ невещественныхъ отношеній, признать его; газетчики раструбятъ пикантную исторію, подорвется репутація „почтенности“, произойдетъ, однимъ словомъ, скандалъ... А если пожелаешь замять дѣло покончить его домашнимъ образомъ, то готовся къ удовлетворенію претензій брошеннаго instrumenti voluptatis, приноси жертвы... Какъ все это непріятно, докучно, неудобно!.. Во что тогда обратится жизнь?!... Нѣтъ, нѣтъ, долой законопроэктъ Риве, и да здравствуетъ 340-я статья!..

Эти и имъ подобные мотивы тщательно, конечно, замаскировываются при публичномъ обсужденіи вопроса, прикрываются благородными словами и громкими фразами; иногда-же, впрочемъ, они пускаются въ ходъ и безъ всякаго прикрытія, выдвигаются на сцену съ полною откровенностью и замѣчательнымъ

цинизмомъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій характерный фактъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ парижскихъ газетахъ разсказана была скандальная исторія, приключившаяся съ однимъ изъ львовъ парижскаго большаго свѣта, нѣкіимъ де-Гонзальвомъ. Левъ этотъ побаловался слегка съ дѣвицею Кларою Гримо, и затѣмъ, какъ и подобаетъ животному, бросилъ ее. Почувствовавъ себя беременною, Клара отправляется къ своему обольстителю, сообщаетъ ему о своемъ положеніи и требуетъ, чтобы онъ призналъ себя отцомъ имѣющаго явиться на свѣтъ ребенка. Де-Гонзальвъ съ достоинствомъ отвѣчаетъ на это, что еслибы онъ имѣлъ слабость или глупость признавать всѣхъ своихъ незаконныхъ дѣтей, то ему на каждомъ перекресткѣ стали-бы надоѣдать словомъ «папенька»,—и безъ дальнихъ околичностей предлагаетъ просительницѣ убираться вонъ и впредь не безпокоить его такими пустяками. Клара упирается и продолжаетъ настаивать на своемъ требованіи. Тогда взбѣшенный джентльменъ схватываетъ палку, бьетъ свою бывшую возлюбленную, вышибаетъ ей при этомъ нѣсколько зубовъ и, въ заключеніе, выталкиваетъ за дверь. Обиженная обращается къ суду, который и приговариваетъ героя, *за нанесеніе побоевъ* (только!) къ уплатѣ 2,000 франковъ въ пользу жертвы... Исторія, какъ видите, самая обыкновенная; но произошла она какъ разъ въ самый разгаръ полемики изъ-за 340 статьи, и партизаны «разысканія отцовства» не замедлили, конечно, ухватиться за нее, коментируя ее на всѣ лады. Обсуждали эту исторію, со своей точки зрѣнія, и консерваторы, причемъ одинъ изъ ихъ органовъ, „Clairon“, обратился къ своимъ читателямъ съ такимъ патетическимъ возгласомъ: «представьте же себѣ, сколько докучныхъ хлопотъ и непріятностей могла-бы надѣлать эта Клара Гримо почтенному семейству де-Гонзальва, еслибы къ услугамъ ея было recherche de la paternité!..» Да, въ случаѣ принятія новаго закона, нѣкоторыя Клары, пожалуй, и будутъ доставлять господамъ де-Гонзальвамъ немножко больше хлопотъ и непріятностей, чѣмъ теперь, но... что дѣлать!.. Вѣдь тутъ альтернатива такая: или «безпокойство» и скандальные процессы для Донъ-Жуановъ, или разбитыя женскія жизни, дѣторубійство, плодоизгнанія и т. д. Изъ двухъ золъ приходится выбирать меньшее,—съ ироніей замѣчаютъ сторонники Риве.

Ратуя противъ «recherche de la paternité», оппоненты Риве совсѣмъ забываютъ о дѣтяхъ, обязанныхъ своимъ появленіемъ на свѣтъ адюльтеру; а между тѣмъ, ихъ-то именно интересы главнѣйшимъ образомъ и имѣются теперь въ виду, къ ихъ-то именно защитѣ и охранѣ законъ и приглашается. Подъ давленіемъ обстоятельствъ, они губятся массами еще въ материнской утробѣ, а родившись, погибаютъ то отъ рукъ матерей, доведенныхъ до отчаянія, то отъ всевозможныхъ лишеній и голода. Неприглядна также въ большинствѣ случаевъ, судьба и тѣхъ изъ нихъ,которымъ удается, иногда какимъ-то чудомъ, остаться въ живыхъ: ихъ удѣлъ — бродяжничество, ранній развратъ,

ступленія, тюрьма... Когда рабочему Анфруа, судившемуся въ прошломъ году дѣлу Луизы Мишель, было указано президентомъ суда на его несовсѣмъ безупречное прошлое, то онъ, между прочимъ, замѣтилъ: „я—незаконный сынъ; пріютомъ мнѣ служила улица, съ ранняго дѣтства мнѣ приходилось вести бродячую жизнь, и если я дѣйствительно совершилъ кое-какіе проступки, то потому, что вліявшая на меня среда была дурна и порочна...“ То же самое, очевидно, могутъ сказать про себя и всѣ другіе, находящіеся въ положеніи Анфруа,—а ихъ имя имъ легіонъ...

Чтобы наглядно показать читателю, въ какое ужасное положеніе могутъ попадать дѣти, лишенныя покровительства закона, и какія возмутительныя безобразія могутъ твориться подъ эгидою этого самаго закона, приводимъ слѣдующую достовѣрную исторію, разсказанную недавно въ журналѣ—«Droit des femmes». Леонъ Рише, авторъ разсказа, служилъ клеркомъ у одного изъ нотаріусовъ города Ножана. Однажды въ контору этого нотаріуса является одинъ изъ мѣстныхъ жителей,—про котораго извѣстно было, что онъ прогналъ отъ себя жену, жилъ со своей служанкой и имѣлъ отъ этой послѣдней дочь,—и говоритъ главному клерку:

— Я пришелъ сюда для заключенія брачнаго контракта...

— Но вѣдь вы женаты!..

— Жена моя только что умерла... Вотъ свидѣтельство о ея смерти.

— Вы хотите теперь жениться на вашей служанкѣ?..

— Нѣтъ, на ея дочери...

— На вашей собственной дочери?!..

— А почему-бы и не на ней?.. Я обѣщалъ жениться на ея матери, когда моя первая жена умретъ. Но жена слишкомъ долго заставила ждать своей смерти; мать за это время успѣла состариться, я ее больше не хочу и предпочитаю молодую.

— А сколько лѣтъ вашей дочери?

— Семнадцать.

— И она соглашается выйти за такого старика, какъ вы?..

— Еще-бы ей не согласиться!.. Вѣдь она моя любовница!.. Я сталъ жить съ нею тотчасъ-же, какъ только ей стукнуло пятнадцать лѣтъ.

Всѣ присутствовавшіе въ конторѣ были возмущены до глубины души; но имъ отѣлось знать, до какихъ предѣловъ доходитъ цинизмъ этого негодяя, а потому разговоръ продолжался.

— Что-же вы сдѣлаете съ другою? спрашиваютъ его?

— Съ какою другою?..

— Да съ матерью...

— Да я ужь двѣ недѣли тому назадъ прогналъ ее отъ себя.

Главный клеркъ поднялся со своего мѣста и отправился въ кабинетъ

патрона. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ самъ нотаріусъ и, весь блѣдный, дрожащій отъ негодованія, крикнулъ посѣтителю:

— Извольте тотчасъ-же убираться вонъ!..

Тотъ взялъ шляпу и, глядя нотаріусу въ глаза, съ усмѣшкой проговорилъ:

— Ладно!.. Посмотримъ!.. Вы не хотите обручить меня съ дѣвушкою, потому что она моя дочь?.. Да вѣдь для закона, для мэра и для васъ она не дочь мнѣ... И если мнѣ это нравится, я женюсь на ней!.. Вы не имѣете ни малѣйшаго права отказывать мнѣ въ заключеніи контракта.

— Убирайтесь вонъ!.. крикнулъ нотаріусъ съ угрожающимъ жестомъ.

— Успокойтесь, я ухожу... Вѣдь въ Ножанѣ, кромѣ васъ, еще три нотаріуса. Надѣюсь, что они будутъ разумнѣе и сговорчивѣе васъ... Но, предупреждаю, если и они поступятъ со мною также, какъ вы, то я обращусь къ судебному приставу и заставлю васъ повиноваться.

— Къ несчастію, этотъ мерзавецъ совершенно правъ,—замѣтилъ нотаріусъ по уходѣ чудовища.—Если онъ обратится ко мнѣ черезъ пристава, то я обязанъ буду подписать контрактъ...

— Но неужели и мэръ?!

— Что мэръ!.. Мэръ его повѣнчаетъ... Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, дочь его для него не дочь. Въ глазахъ закона, она для него чужая...

Финалъ этой возмутительной исторіи былъ таковъ: нотаріусу не пришлось вѣдаться съ судебнымъ приставомъ, такъ какъ одинъ изъ трехъ его коллегъ составилъ и подписалъ требуемый брачный контрактъ; мэръ же дѣйствительно повѣнчалъ парочку, отца съ дочерью... Все разсказанное происходило въ 1844 году и приводится во многихъ газетахъ съ полнымъ обозначеніемъ именъ и фамилій всѣхъ дѣйствовавшихъ лицъ, изъ которыхъ многія живы еще и теперь, такъ что относительно достовѣрности разсказа не можетъ быть ни малѣйшихъ сомнѣній. Къ разсказу этому авторъ прибавляетъ, что ссылаться, ради сглаженія впечатлѣнія, на сравнительную давность событія, въ данномъ случаѣ невозможно, такъ какъ подъ покровомъ закона, оставшагося такимъ-же, какимъ онъ былъ и сорокъ лѣтъ тому назадъ, подобныя безобразія творятся и въ настоящее время... Итакъ законъ, воспрещающій «recherche de la paternité», санкціонируетъ открытое, явное кровосмѣшеніе.

Въ числѣ защитниковъ этого закона и противниковъ «разысканія отцовства» попадаются во Франціи очень почтенные, но также и очень странные, чтобъ не сказать больше, люди, не желающіе признавать даже фактовъ, въ виду которыхъ возникъ вопросъ объ уничтоженіи 340 статьи. Таковъ, напримѣръ, почтенный Аллу, бывшій старшина адвокатскаго сословія въ Парижѣ, утверждающій, что «современный романъ нашелъ для себя настоящій рудникъ въ несчастіяхъ обольщенныхъ и оставленныхъ дѣвушекъ», сверхъ всякой мѣры

удара. И, въ порывѣ гнѣва, онъ проклиналъ искусство и восклицалъ въ тишинѣ своей комнаты: „Литература—самое послѣднее ремесло!“

Онъ возставалъ противъ всего общества, говорилъ, что оно поступаетъ глупо, безчестно, покровительствуя авторамъ, присвоивающимъ себѣ чужія произведенія, торжествующимъ посредственностямъ и знаменитостямъ, составившимъ себѣ имя съ помощью рекламъ и трезвона въ гостинныхъ, и клялся, что если ему удастся когда нибудь выйти изъ той колеи, въ которую онъ попалъ, то онъ страшно отмститъ и раздавитъ всѣхъ, кто его мучилъ.

Сдѣлавъ надъ собой послѣднеее усиліе, Клавдій собрался съ мыслями и принялся одинъ писать драму „Кутилы,“ (Les viveurs), сюжетъ которой у него уже давно созрѣлъ въ головѣ, ѣдкую сатиру, гдѣ онъ могъ излить всю свою злобу. Ромбо только что вступилъ въ управленіе „Современнымъ Театромъ“, газеты были полны проэктовъ, задуманныхъ новымъ директоромъ. Онъ надѣялся воскресить драматическое искусство, обратившееся, по его мнѣнію, въ самую жалкую торговлю, создать новыхъ авторовъ и приготовить преемниковъ современной сцены.

Клавдій основывалъ свои будущія надежды на этомъ смѣльчакѣ, гордо водружающемъ новое знамя. Онъ съ любопытствомъ слѣдилъ въ театральныхъ извѣстіяхъ за всѣми ангажементами Ромбо. Каждая вновь принятая пьеса, заглавіе которой появлялось въ газетахъ, причиняла ему боль въ сердцѣ и онъ говорилъ: „Если у нихъ уже такъ много пьесъ, то какъ же они примутъ мою?“ Простодушный Клавдій еще не зналъ, что три четверти пьесъ, принятыхъ такимъ образомъ и получившихъ такія высокопарныя названія въ закулисныхъ хроникахъ, даже не начаты и, можетъ быть, никогда не будутъ кончены. Объявленіе въ этихъ случаяхъ,—ничто иное, какъ предупрежденіе, сдѣланное авторомъ на случай успѣха своего произведенія. Есть даже такіе авторы, пьесы которыхъ; объявленныя съ такимъ шумомъ, не были и не будутъ играны, а между тѣмъ пользуются большой извѣстностью. Еслибы ихъ стали играть,—погибла бы репутація авторовъ.

Клавдій, окончивъ «Кутилъ», поспѣшилъ отнести свою пьесу къ Ромбо. Въ продолженіе цѣлой недѣли послѣ отдачи рукописи, онъ почти не жилъ, находясь постоянно въ лихорадочномъ состояніи, переходя отъ сильной надежды къ полному отчаянію. Онъ дѣлалъ всевозможныя предположенія: что Ромбо попроситъ измѣненій въ пьесѣ; что онъ потребуетъ сбавки гонорара автору; что не дозволитъ

Статья 3-я. „Всякая женщина, разыскивая отца своего ребенка съ цѣлями скандала и вымогательства и преслѣдующая при этомъ своими притязаніями невиннаго человѣка, наказывается, какъ ложные свидѣтели, т. е. десятилѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ, или какъ поддѣлыватели фальшивыхъ документовъ, двадцатилѣтнею каторжною работою. (Законопроэктъ Риве требуетъ въ этомъ случаѣ гораздо болѣе легкой кары, какъ за диффамацію).

Статья 4-я. „Мать, уличенная въ произведеніи искусственнаго выкидыша, также какъ и сообщники ея въ этомъ преступленіи, наказываются каторжною работою отъ десяти до двадцати лѣтъ.

Статья 5-я. „Мать, уличенная въ дѣтоубійствѣ, подвергается смертной казни“...

А чтобы незнаніемъ закона никто отговариваться не могъ, Дюма предлагаетъ эти „статьи“, вмѣстѣ съ другими, болѣе существенными законоположеніями, начертать повсюду на стѣнахъ мэрій, школъ, на спеціально для того воздвигнутыхъ колоннахъ или на пьедесталахъ статуй Правосудія и Республики, которыя непремѣнно должны быть въ каждомъ большомъ городѣ. „Видите, какъ все это ясно и просто“,—наивно восклицаетъ Дюма, заключая свой проэктъ общественнаго оздоровленія и совсѣмъ упуская изъ виду ту избитую истину, что строгія кары безсильны въ борьбѣ съ соціальными недугами... Замѣтимъ, что вопросомъ о разысканіи отцовства занимался, между прочимъ, собиравшійся въ прошломъ году въ Парижѣ конгрессъ международнаго «общества покровительства дѣтямъ», причемъ единогласно принята была слѣдующая резолюція: „Законъ долженъ предоставить дѣвушкѣ-матери право требовать матеріальной поддержки для своего ребенка отъ человѣка, относительно котораго будетъ доказано, что въ эпоху зачатія онъ находился съ нею въ интимныхъ отношеніяхъ, и который со своей стороны не докажетъ, что женщина, въ *ту-же эпоху*, вела развратный образъ жизни“... Вообще, нужно сказать, что болѣе или менѣе рѣшительныхъ сторонниковъ законопроэкта Риве немало,—и мы убѣждены, что рано или поздно, путемъ идейной пропаганды или путемъ усиленнаго воздѣйствія сѣрною кислотою и другими способами, рутина будетъ наконецъ побѣждена и, по примѣру большинства другихъ цивилизованныхъ странъ, Франція, въ той или другой формѣ, дозволитъ „recherche de la paternité».

Но тутъ возникаетъ слѣдующій вопросъ: къ какимъ практическимъ результатамъ можетъ повести измѣненіе кодекса въ указанномъ либеральномъ смыслѣ? Можетъ-ли законъ Риве, или какой-нибудь другой, ему подобный, уврачевать то зло, для борьбы съ которымъ онъ предназначается? Меньше-ли станетъ число несчастныхъ filles-mères, сдѣлается-ли ихъ положеніе обезпеченнѣе, улучшится-ли судьба незаконныхъ дѣтей, сократятся-ли случаи дѣтоубійствъ, плодоизгнаній и другихъ преступленій, такъ часто совершаемыхъ теперь брошен-

ными матерями?.. Увы!.. Принимая въ разсчетъ существующія соціальныя условія, на всѣ только-что поставленные вопросы приходится дать отрицательные отвѣты. Въ единичныхъ случаяхъ новый законъ несомнѣнно принесетъ свою долю пользы и въ нѣкоторой степени достигнетъ предположенной имъ цѣли: иной „Альфонсъ“ дѣйствительно можетъ поплатиться слегка за свои шалости и, пожалуй, станетъ на будущее время нѣсколько осторожнѣе, сдержаннѣе; та или другая Клара получитъ возможность съ грѣхомъ пополамъ поддерживать существованіе своего ребенка, и такимъ образомъ однимъ лишнимъ преступленіемъ того или другого рода дѣйствительно будетъ меньше. Это, конечно, прекрасно;—но рѣчь идетъ не объ единицахъ, не объ исключеніяхъ, а объ общей массѣ, о большинствѣ беззащитныхъ и безпомощныхъ существъ. Что-же касается этого большинства, то можно смѣло утверждать, что для него всякій покровительственный законъ останется мертвою буквою. Замѣтимъ, прежде всего, что далеко не каждая обманутая и брошенная fille-mère, какъ бы ни было отчаянно и безнадежно ея положеніе, рѣшится понести свой «стыдъ» и «позоръ» на арену судебнаго разбирательства;—думать иначе, значило-бы совсѣмъ не знать человѣческаго сердца вообще, а женскаго въ частности. Итакъ, изъ числа вооруженныхъ правомъ „разысканія отцовства“ приходится, при первомъ-же приступѣ къ дѣлу, исключить добрую долю такихъ женщинъ, которыя сами не пожелаютъ воспользоваться этимъ правомъ. Передъ остальными же,—полагаемъ, что ихъ будетъ меньшинство,—встанутъ, въ большинствѣ случаевъ, почти непреодолимыя препятствія на пути къ достиженію цѣли. Отъ каждой истицы требуются несомнѣнныя доказательства справедливости ея притязаній, ея иска. А между тѣмъ, сплошь и рядомъ она не въ состояніи будетъ представить этихъ доказательствъ, не съумѣетъ защищаться отъ извѣта въ томъ, что ребенокъ прижитъ ею не съ отвѣтчикомъ, а съ другимъ лицомъ... Но допустимъ, что всѣ нужныя доказательства она соберетъ. Что-же дальше?.. Обращаться къ суду, начинать процессъ?.. Но вѣдь въ громадномъ большинствѣ случаевъ для нея практически неосуществимо и это средство: чаще всего она принадлежитъ къ неимущему классу;—правосудіе-же, хотя бы въ той-же Франціи, очень дорого, такъ дорого, что, доступное de jure для всѣхъ, de facto оно является привилегіею одного состоятельнаго меньшинства; бѣднякамъ-же, по необходимости, приходится фигурировать на судѣ больше въ роли отвѣтчиковъ, чѣмъ истцовъ. Для иллюстраціи этого положенія приводимъ примѣръ, наглядно показывающій, для кого собственно держитъ въ своихъ рукахъ вѣсы слѣпая богиня правосудія. Одинъ парижскій рабочій долженъ былъ получить со своего работодателя 195 франковъ. Должникъ отказался платить, а потому кредиторъ, имѣвшій въ рукахъ формальный документъ, удостовѣрявшій долгъ, обратился къ судебному приставу съ требованіемъ взыскать должную сумму законнымъ порядкомъ. Черезъ два мѣсяца, приставъ предъявилъ истцу счетъ судебныхъ издержекъ въ 285 фран-

ковъ!.. Истратить 285 фр., чтобы получить 195!.. Курьезно, не правда-ли? Еслибы фактъ этотъ, со всѣми подробностями, которыя мы опускаемъ, не былъ разсказанъ въ серьезной газетѣ, то мы рѣшительно отказались-бы вѣрить ему...

Да, правосудіе, покровительство закона обходится дорого во Франціи,— и ужь одного этого обстоятельства совершенно достаточно для того, чтобы сильно затормозить на практикѣ примѣненіе будущаго закона о «разысканіи отцовства». Закономъ этимъ, какъ и только что вотированнымъ закономъ о возстановленіи развода, именно болѣе нуждающіеся въ немъ и не въ состояніи будутъ пользоваться. Но тогда гдѣ-же и въ чемъ спасеніе? Теоретическій отвѣтъ на этотъ вопросъ напрашивается самъ собою. Такъ какъ основная причина общественныхъ золъ, о которыхъ мы говорили и которыя, между прочимъ, вызвали и агитацію въ пользу закона Риве, заключается въ крайней неудовлетворительности *общихъ* соціальныхъ условій, то очевидно, что на измѣненіе этихъ условій и должны быть направляемы усилія благомыслящихъ людей. Еслибы рабочій классъ во Франціи,—изъ рядовъ котораго почти исключительно и вербуются жертвы разврата,—былъ въ такомъ положеніи, при которомъ дочерямъ его не приходилось-бы играть роль instrumenti voluptatis для развращенной до мозга костей буржуазіи и аристократіи,—всѣ эти вопросы о filles-mères, о незаконныхъ дѣтяхъ и т. д., вмѣстѣ съ большею частію другихъ жгучихъ вопросовъ, разрѣшились-бы сами собою. На это, повторяемъ, отвѣтъ чисто теоретическій; практическаго-же отвѣта приходится ждать отъ самой жизни или, точнѣе, отъ тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые ближе всего заинтересованы въ устраненіи недостатковъ и несовершенства существующаго соціальнаго строя.

И. Денисовъ.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Теорія „бумажныхъ денегъ“. — Займы. — Новая пятипроцентная непрерывно-доходная рента. — Погашеніе долга государственному банку и причина медленности въ изъятіи изъ обращенія кредитныхъ билетовъ.—Внутренняя зависимость между политикой и финансами.—Упраздненіе комиссіи прошеній.—Новый порядокъ пріема прошеній и жалобъ, на высочайшее имя приносимыхъ.—Новый законъ о земскихъ ходатайствахъ.—Отношеніе къ этому закону недруговъ земскихъ учрежденій. — Порядокъ предсѣдательствованія въ земскихъ собраніяхъ. — Разъясненіе сената о порядкѣ привлеченія къ отвѣтственности членовъ земскихъ учрежденій.

Такъ недавно еще теорія „бумажныхъ денегъ“ свирѣпствовала *во всю* ширь. Находились своеобразные „спасители отечества“, ко-

рые, не справляясь со здравымъ смысломъ, указаніями финансово-ономической науки и опытомъ жизни, кричали: „чѣмъ больше бу-жныхъ денегъ, тѣмъ лучше“. Въ подтвержденіе этой финансовой оріи дикарей, они указывали, что, будто-бы, „обиліе бумаж-ихъ денегъ способствуетъ подъему крестьянскаго благосостоянія, тому что увеличиваетъ количество денегъ, обращающихся въ средѣ рестьянъ, и даетъ имъ возможность исправно уплачивать повинно-и и удовлетворять всѣ хозяйственныя потребности“. Болѣе сума-родное измышленіе трудно себѣ представить, такъ какъ именно обиліемъ бумажныхъ денегъ“ и обусловливаются, прежде всего, ереживаемыя нынѣ затрудненія въ народномъ и государственномъ озяйствѣ. Но не легко было вразумлять поклонниковъ „бумажныхъ енегъ“: каждую попытку въ этомъ направленіи они приравнивали очти къ потрясенію государственныхъ основъ и осыпали привержен-евъ металлической валюты самыми недостойными заподозриваніями инсинуаціями.

Наконецъ, теоріи „бумажныхъ денегъ“ нанесенъ былъ смертель-ый ударъ. Высочайшимъ указомъ 1-го января 1881 года было по-елѣно, „не прибѣгая къ дальнѣйшимъ выпускамъ кредитныхъ би-етовъ, сокращать, по мѣрѣ возможности и безъ внезапнаго стѣсне-ія денежнаго рынка, количество кредитныхъ билетовъ, выпу-ценныхъ уже въ обращеніе“. Въ этихъ видахъ, государствен-ому казначейству поручено было уплатить государственному банку 7.000,000 рублей и погашать остальную часть долга банку по вы-ущеннымъ кредитнымъ билетамъ ежегодными уплатами, начиная ъ 1881 года, въ размѣрѣ 50.000,000 руб. въ годъ. Такимъ обра-омъ, въ теченіе трехъ лѣтъ (съ 1881 по 1883 годъ включительно), плачено изъ средствъ казны государственному банку 150.000,000 редитныхъ рублей.

Уплата по 50.000,000 рублей въ годъ—дѣло не легкое, даже и ля такого государства, которое не испытываетъ финансовыхъ за-рудненій, подобно Россіи. Производить эту уплату изъ чистаго до-ода оказалось невозможнымъ, такъ-какъ, вмѣсто остатковъ, у насъ олучались дефициты и, для покрытія даже текущихъ расходовъ, асто приходится прибѣгать къ „экстраординарнымъ средствамъ“. Естественно, поэтому, что уплата банку 50.000,000 рублей наличны-и деньгами, къ опредѣленному сроку, заставила прибѣгнуть къ аключенію займовъ. Такой способъ уплаты представляетъ переводъ олга безсрочнаго и безпроцентнаго въ долгъ срочный и процент-ый, да притомъ еще на обременительныхъ условіяхъ.

матеріальную поддержку; еслибы, согласно съ естественными законами, отецъ обязанъ былъ заботиться о воспитаніи произведенныхъ имъ на свѣтъ дѣтей, то, очевидно, дѣвушки рѣже выступали-бы на путь преступленія. Такъ разсуждаютъ благонамѣренные люди, въ интересахъ дѣтей и во имя поруганныхъ правъ женщины поднявшіе агитацію въ пользу „разысканія отцовства". Въ прошломъ году, депутатомъ Риве внесенъ въ палату законопроэктъ, требующій уничтоженія 340 статьи кодекса и предоставляющій обольщенной женщинѣ право привлекать обольстителя къ суду и, по предъявленіи достаточныхъ доказательствъ его виновности, требовать отъ него обезпеченія для рожденнаго или имѣющаго родиться ребенка. Въ предложеніи этомъ шла рѣчь о такомъ жалкомъ пальятивѣ; полумѣра, предлагаемая Риве, до такой степени безсильна измѣнить къ лучшему неприглядное положеніе дѣлъ, что остается только удивляться тому, что серьезные, повидимому, люди удѣлили упомянутому законопроэкту такъ много вниманія и производили изъ-за него такъ много шума. На нашъ взглядъ, вопросъ о „разысканіи отцовства" не имѣетъ почти никакого практическаго значенія; но тѣмъ не менѣе, мы считаемъ не лишнимъ остановиться на немъ, такъ какъ, съ одной стороны, онъ продолжаетъ волновать общественное мнѣніе во Франціи, а съ другой, постановка и развитіе его наглядно показываютъ, чего можно ожидать отъ нищихъ духомъ современныхъ общественныхъ дѣятелей, силою обстоятельствъ вынужденныхъ заниматься разрѣшеніемъ жгучихъ соціальныхъ вопросовъ и не рѣшающихся при этомъ идти дальше трусливыхъ полумѣръ и наложенія мизерныхъ заплатокъ на гнилое, дырявое общественное рубище...

Какъ только законопроэктъ Риве былъ внесенъ въ палату, тотчасъ-же завязалась шумная полемика между его противниками и защитниками;—полемика продолжается еще и теперь, такъ какъ поднятый вопросъ остается открытымъ и до сихъ поръ. Для защитниковъ законопроэкта задача представляется довольно легкою; сбить ихъ съ занятой ими позиціи логическими доводами оказывается довольно затруднительно. И дѣйствительно, законъ, противъ котораго они ратуютъ, долженъ поражать своею явною несправедливостью каждаго непредубѣжденнаго, безпристрастнаго человѣка. Формально воспрещая «recherche de la paternité», законъ въ то же время разрѣшаетъ „recherche de la maternité». Такъ какъ эти „recherches" могутъ производиться и производятся исключительно въ виду тѣхъ естественныхъ обязательствъ, которыя лежатъ на родителяхъ по отношенію къ дѣтямъ, то отсюда слѣдуетъ, что французскій кодексъ всю тяжесть воспитанія дѣтей сваливаетъ въ данномъ случаѣ на плечи слабой, безпомощной женщины, являющейся ничѣмъ инымъ, какъ instrumentum voluptatis для «милыхъ шалуновъ», по престу—негодяевъ, изъ аристократическихъ и буржуазныхъ семействъ; шалуновъ же этихъ законъ предупредительно выгораживаетъ отъ всякой отвѣтственности. Если ребенокъ брошенъ родителями на произволъ судьбы, то лицамъ, принимающимъ

съ сердцу его интересъ, предоставляется разыскивать только мать, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, существо безпомощное; отца-же, человѣка почти всегда обезпеченнаго, занимающаго положеніе въ обществѣ, безпокоить такими пустяками, какъ вопросъ о кускѣ насущнаго хлѣба для *его* ребенка, не полагается. Что, спрашивается, можетъ быть, возмутительнѣе такой несправедливости, санкціонируемой закономъ?

Въ виду моральной невозможности оправдывать такое безобразіе, партизаны status quo, боящіеся какихъ-бы то ни было нововведеній, благоразумно обходятъ этотъ щекотливый пунктъ молчаніемъ, рискуя однако же выставлять на видъ обратную „несправедливость", жертвами которой, въ случаѣ принятія законопроэкта Риве, станутъ, будто-бы... мужчины!.. «Любовныя связи, —говорятъ они,—возникаютъ обыкновенно по взаимному согласію сторонъ. Отдаваясь мужчинѣ, женщина прекрасно знаетъ объ ожидающихъ ее естественныхъ послѣдствіяхъ ея шага. Едва-ли можно допустить, чтобы она, завязывая интимныя отношенія, не предвидѣла возможности и даже вѣроятности сдѣлаться матерью. А если такъ, если, не смотря на все это, она все таки отдается, то чѣмъ же виноватъ мужчина, берущій только то, что ему даютъ добровольно, безъ всякихъ условій?! . Развѣ можно, въ виду этого, дѣлать его отвѣтственнымъ за послѣдствія?!.. Volenti non fit injuria. Не говоря уже о глубокой безнравственности этого аргумента, замѣтимъ, между прочимъ, что онъ сильно грѣшитъ и противъ истины: обоюдное соглашеніе, о которомъ съ такимъ апломбомъ разсуждаютъ консерваторы, обыкновенно покоится на клятвахъ въ вѣрности, на обѣщаніи жениться, обезпечить, и т. д. Такимъ образомъ, дѣвушка, оставляемая любовникомъ, является чаще всего въ роли вѣроломно-обманутой жертвы,—и ссылка на «добровольное согласіе» оказывается, по меньшей мѣрѣ, неумѣстною: еслибы упомянутыя добрая воля и согласіе со стороны женщины и дѣйствительно были неоспоримымъ фактомъ, то и тогда, казалось-бы, отвѣтственность за послѣдствія извѣстнаго акта должна была распредѣляться поровну между обѣими сторонами: оба, мужчина и женщина, принимаютъ непосредственное участіе въ произведеніи на свѣтъ ребенка, оба и должны поддерживать его существованіе... Вся фальшь вышеприведеннаго аргумента выступитъ съ особенною рѣзкостью, когда мы обратимъ вниманіе на тѣ условія, при которыхъ возникаютъ интимныя связи. Жертвою тутъ обыкновенно является молоденькая дѣвушка, зачастую еще не вышедшая изъ отрочества, наивная, не знающая жизни, а потому и довѣрчивая; въ роли-же соблазнителя чаще всего фигурируетъ какой нибудь опытный шалопай или развратникъ. Можно-ли двухъ субъектовъ ставить на одну доску и относиться къ нимъ съ одинаковою требовательностью?.. Не является-ли обольститель человѣкомъ несравненно болѣе сильнымъ, а потому и болѣе отвѣтственнымъ морально?.. Не обязанъ-ли законъ, въ противность тому, что онъ дѣлаетъ теперь, покровительствовать и защищать слабаго противъ силь-

наго, жертву противъ обольстителя?.. Для рѣшенія этихъ вопросовъ совершенно достаточно только поставить ихъ... да и ставить-то ихъ нѣсколько стыдно: до такой степени они элементарны. А между тѣмъ, партизанамъ «разысканія отцовства» приходится изъ кожи лѣзть, чтобы втолковать эти азбучныя истины господамъ сенаторамъ, депутатамъ, разнымъ президентамъ, юристамъ и т. д., упорно отстаивающимъ сакраментальную формулу: «la recherche de la paternité est interdite»...

Отбиваясь отъ безобиднаго предложенія Риве, консерваторы вопятъ, между прочимъ, и объ интересахъ общественной нравственности. Дозволять разыскивать отца, значитъ, по ихъ словамъ, поощрять развратъ. Тогда каждая «дѣвчонка» смѣло, не сдерживаемая никакими опасеніями, ударится во всѣ тяжкія, и filles-mères расплодятся въ такомъ количествѣ, что ихъ не оберешься. Доводъ опять таки неискренній и фальшивый. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно серьезно говорить о томъ, что наивныя, неопытныя и довѣрчивыя «дѣвчонки»,— а таковы вѣдь почти всѣ бросаемыя любовниками filles-mères,—станутъ руководиться какими нибудь матеріальными разсчетами при завязываніи интимныхъ отношеній?!.. Да и наконецъ, о какихъ разсчетахъ тутъ можетъ быть рѣчь?.. Объ обезпеченіи своего ребенка?

Чаще и пространнѣе всего противники законопроэкта Риве толкуютъ не объ интересахъ нравственности, а о тѣхъ практическихъ неудобствахъ и безпокойствахъ, которыя могутъ возникнуть для мужчинъ и ихъ «почтенныхъ семействъ въ томъ случаѣ, если „разысканіе отцовства“ будетъ допущено закономъ. Они предвидятъ безконечный рядъ публичныхъ скандаловъ, шантажей, вымогательствъ со стороны filles-mères, отъ посягательствъ и притязаній которыхъ не будетъ, будто-бы, гарантированъ ни одинъ порядочный человѣкъ. И все это будетъ производиться съ тѣмъ бо́льшею легкостью, что фактъ отцовства всегда остается болѣе или менѣе сомнительнымъ, что установить или отвергнуть его всегда бываетъ болѣе или менѣе трудно.—Не труднѣе однако-же, а во многихъ случаяхъ даже несравненно легче, чѣмъ въ законномъ бракѣ,—возражаютъ имъ на это. Далѣе, разысканіе отцовства, по проэкту Риве, обставляется очень надежными гарантіями: отъ каждаго вчинателя иска требуется представленіе неопровержимыхъ доказательствъ; что-же касается до неосновательныхъ претензій, до недобросовѣстныхъ исковъ, разсчитанныхъ на скандалъ и вымогательство, то авторамъ ихъ угрожаетъ суровая уголовная кара. При такихъ серьезныхъ гарантіяхъ, всѣмъ дѣйствительно «почтеннымъ» и „порядочнымъ“ людямъ можно и не бояться шантажныхъ продѣлокъ, въ особенности, если эти люди будутъ вести себя осторожнѣе и порядочнѣе съ дѣвушками, относительно которыхъ они не имѣютъ никакихъ серьезныхъ намѣреній. Остается боязнь публичнаго, скандальнаго изобличенія дѣйствительныхъ грѣшковъ „почтенныхъ“ и „порядочныхъ“ людей, каковые грѣшки, при допущеніи разысканія отцов-

имя приносимыхъ. Комисія прошеній зародилась еще при Петрѣ Великомъ. Этотъ геніальный преобразователь Россіи обратилъ вниманіе на множество жалобъ, поступавшихъ къ нему и вызванныхъ преимущественно проволочками въ дѣлопроизводствѣ и неправильностью судебныхъ рѣшеній. Для пріема и разсмотрѣнія прошеній и жалобъ, рѣшеніе которыхъ зависѣло единственно отъ воли государя, Петръ I повелѣлъ сенату, 9-го апрѣля 1720 года, назначить „особаго человѣка, персону знатную", съ присвоеніемъ этому лицу званія „генералъ-рекетмейстера". Эта должность, съ бо́льшими или меньшими измѣненіями, продолжала существовать до 1810 года. Въ виду образованія государственнаго совѣта, послѣдовало распоряженіе объ учрежденіи при немъ комисіи прошеній, съ особымъ статсъ-секретаремъ, къ которому и перешли всѣ обязанности генералъ-рекетмейстера. Вслѣдствіе же значительнаго накопленія дѣлъ, поступавшихъ въ комисію прошеній, въ 1855 году послѣдовало отдѣленіе комисіи, какъ самостоятельнаго учрежденія, съ независимою отъ государственнаго совѣта дѣятельностью. Канцеляріи же статсъ-секретаря у принятія прошеній присвоены были преимущества собственной Его Величества канцеляріи. Съ такимъ самостоятельнымъ назначеніемъ комисія прошеній вошла въ систему государственныхъ установленій, на правахъ высшаго государственнаго учрежденія.

Безъ сомнѣнія, подобное учрежденіе необходимо въ государственномъ общежитіи. Въ западно-европейскихъ государствахъ, имѣющихъ отличное отъ насъ политическое устройство, признается необходимымъ существованіе подобнаго органа. Такъ, напримѣръ, въ Англіи, для разсмотрѣнія дѣлъ о помилованіи осужденныхъ и, вообще, просьбъ, подаваемыхъ на имя царствующей особы, существуетъ самостоятельное учрежденіе Departement of petitions. Но, къ сожалѣнію, комисія прошеній уклонилась отъ первоначальнаго своего назначенія. Въ теченіе полувѣковаго своего существованія, она обратилась въ непомѣрно обширную канцелярію, имѣвшую оффиціально четыре спеціальныя отдѣленія (экспедиціи), а въ дѣйствительности пять. Какъ велико было дѣлопроизводство этой канцеляріи, можно, между прочимъ, видѣть изъ того, что за пятилѣтіе, съ 1876 по 1881 годъ, въ производствѣ было 49,166 всеподданнѣйшихъ жалобъ и прошеній; изъ нихъ разрѣшено 8,730 дѣлъ и „уважено" (т. е. удовлетворено) 2,193 жалобы и просьбы. По перепискѣ статсъ-секретаря у принятія прошеній, поступило въ теченіе указаннаго промежутка времени 34,445 отношеній отъ разныхъ лицъ; исходящихъ бумагъ было

56,490. Среднимъ числомъ, въ годъ приходится 6,629 входящихъ бумагъ и 11,298 исходящихъ.

Мы приводимъ эти факты, какъ доказательство того, какую огромную канцелярію представляла комисія прошеній. Уклоненіе же этого учрежденія въ сторону канцелярскаго дѣлопроизводства объясняется тѣмъ, что оно самостоятельно, собственною властью, рѣшало массу дѣлъ. Въ силу этого, ему приходилось входить въ разсмотрѣніе дѣлъ по существу,—и непремѣннымъ слѣдствіемъ явилось обширное канцелярское производство. Между тѣмъ, по самой сущности комисіи прошеній, она должна была представлять личный органъ Его Величества; назначеніе этого органа—дѣлать доклады по поводу прошеній и жалобъ, т. е. безпристрастно и всесторонне выяснять предметы прошеній и жалобъ, но не входить въ обсужденіе ихъ по существу. Комисія прошеній могла играть роль только совѣщательнаго, но не рѣшающаго учрежденія, такъ какъ всѣ поступающія сюда дѣла могутъ подлежать рѣшенію единственно по личному благоусмотрѣнію Государя.

Въ виду этихъ-то именно обстоятельствъ и признано необходимымъ измѣнить порядокъ принятія и направленія прошеній и жалобъ, на высочайшее имя приносимыхъ, въ томъ именно смыслѣ, чтобы отнять у этого органа характеръ канцелярскаго дѣлопроизводства, съ самостоятельнымъ, притомъ, рѣшеніемъ дѣлъ. Съ этою цѣлью комисія прошеній упразднена. Обязанность принятія и направленія приносимыхъ на высочайшее имя прошеній и жалобъ возложена на командующаго императорскою главною квартирою, какъ на такое лицо, которому, въ виду близости его къ Государю, приходилось и прежде принимать прошенія и жалобы. Кромѣ прошеній о всевозможныхъ милостяхъ, на высочайшее имя позволяется приносить: жалобы на опредѣленія департаментовъ правительствующаго сената, кромѣ кассаціонныхъ; жалобы на дѣйствія и распоряженія министровъ, главноуправляющихъ отдѣльными частями и генералъ-губернаторовъ, когда дѣйствія и распоряженія ихъ не подлежатъ, по закону, обжалованію въ правительствующемъ сенатѣ.

Для предварительнаго разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ жалобъ на опредѣленія департаментовъ сената, при государственномъ совѣтѣ учреждено временное присутствіе, состоящее изъ предсѣдателя и четырехъ членовъ, назначаемыхъ высочайшею властью изъ среды сенаторовъ и членовъ государственнаго совѣта. Командующему императорскою главною квартирою предоставлено участвовать въ засѣданіяхъ присутствія, когда онъ признаетъ это необходимымъ. Присут-

твіе, не разрѣшая дѣла по существу, постановляетъ заключеніе о, омъ, въ какой мѣрѣ изложенныя въ жалобѣ объясненія служатъ снованіемъ къ переходу дѣла на разсмотрѣніе общаго собранія сената. Заключеніе присутствія повергается на благоусмотрѣніе Государя Императора. Такимъ образомъ, присутствіе является лишь органомъ совѣщательнымъ, но не рѣшающимъ.

Въ общемъ, нельзя не сочувствовать тому направленію, въ которомъ произошло преобразованіе комисіи прошеній. Въ этомъ направленіи вполнѣ ясно выражены двѣ характерныя черты: во-первыхъ, тремленіе привести учрежденіе по принятію прошеній и жалобъ, на высочайшее имя приносимыхъ, въ согласованіе съ реформами прошлаго царствованія и, главнымъ образомъ, съ судебною реформою; во-вторыхъ, снять съ этого почтеннаго учрежденія канцелярскую оболочку и уничтожить, по возможности, господствовавшую здѣсь систему канцелярскаго дѣлопроизводства. Такой исходъ преобразованія комисіи прошеній очень разочаровалъ ненавистниковъ новыхъ судебныхъ учрежденій, которые простерли было свои вожделѣнія до того, что громко вопили, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго года, объ отдачѣ даже и кассаціонныхъ департаментовъ сената подъ контроль комисіи прошеній.

Одна очень почтенная газета ошибочно смѣшала «жалобы на дѣйствія и распоряженія министровъ, главноуправляющихъ отдѣльными частями и генералъ-губернаторовъ» съ «отвѣтственностью министровъ, хотя бы только и на судебномъ началѣ». Мы вполнѣ согласны съ этой газетой, что «безконтрольность министровъ и начальниковъ отдѣльныхъ частей управленія представляетъ огромное зло въ системѣ внутренняго нашего управленія». Ровно годъ тому назадъ, разбирая вопросъ о необходимыхъ измѣненіяхъ въ организаціи мѣстнаго и центральнаго управленія, мы, между прочимъ, цитировали Записку» Трощинскаго, который, при самомъ зарожденіи министерствъ, розилъ „мракомъ всепоглощающей канцеляріи“ и „своевластіемъ министровъ“, основываясь именно на „безконтрольности министровъ“. аконъ даетъ право каждому жаловаться правительствующему сенату а дѣйствія и распоряженія высшихъ администраторовъ, до генералъ-губернаторовъ и министровъ включительно. Какъ предусмотрѣны закономъ случаи обжалованія дѣйствій высшихъ властей, можно идѣть уже изъ того, что въ пунктѣ *б* § 3 „Временныхъ правилъ“ о порядкѣ принятія и направленія прошеній и жалобъ, на высочайшее имя приносимыхъ, говорится „о жалобахъ на дѣйствія и распоряженія“ высшихъ властей, „когда таковыя дѣйствія и рас-

поряженія *не подлежатъ, по закону, обжалованію правительствующему сенату*". И точно такъ, какъ право жаловаться сенату на высшихъ властей нисколько не парализовало того „своевластія", которое было предусмотрѣно еще Трощинскимъ,—не въ состояніи парализовать его и старинное, неотъемлемое право подданныхъ жаловаться Государю Императору. Само собою разумѣется, что предоставленіе права обжалованія передъ верховною властью,—притомъ болѣе льготнаго обжалованія, чѣмъ передъ сенатомъ,—можетъ служить нѣкоторою острасткою и обузданіемъ „своевластія"; но, тѣмъ не менѣе, это—*не* „контроль" и, ни въ какомъ случаѣ, *не* „отвѣтственность" даже „и на судебномъ началѣ".

Какъ было сказано уже, одну изъ главныхъ задачъ преобразованія комисіи прошеній составляло уничтоженіе системы канцелярскаго дѣлопроизводства. Дѣйствительно, вмѣсто бывшей обширной канцеляріи съ пятью отдѣленіями, при статсъ-секретарѣ у принятія прошеній,—мы видимъ очень маленькую канцелярію при командующемъ главною императорскою квартирою. Но съ уменьшеніемъ размѣровъ канцеляріи, не уменьшились пропорціонально сношенія завѣдывающаго принятіемъ прошеній и жалобъ, на высочайшее имя приносимыхъ, съ министрами, начальниками отдѣльныхъ частей и всевозможными учрежденіями. Значитъ, размѣры переписки значительны, и маленькая канцелярія, вѣроятно, не замедлитъ разрости. Впрочемъ, не будемъ забѣгать впередъ. Установленный нынѣ порядокъ принятія и направленія всеподданнѣйшихъ прошеній и жалобъ представляетъ временную мѣру, на одинъ годъ.

Но такъ какъ мѣра эта имѣетъ очень важное практическое значеніе, то необходимо отмѣтить кажущіяся излишними формальности, которыя могутъ вредить дѣлу. Такъ, напримѣръ, по § 5-му „временныхъ правилъ" требуется, чтобы подъ прошеніями и жалобами была подпись не только лица, подающаго просьбу, но и „переписчика", когда просьба писана чужою рукою. Если принять во вниманіе положеніе людей, лишенныхъ свободы, то, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, означеніе подписи „переписчика" можетъ быть крайне затруднительнымъ, такъ какъ „переписчиками", т. е. составителями прошеній, въ этомъ случаѣ, могутъ быть исключительно ближайшія къ заключеннымъ лица,—начальство ихъ, которое, навѣрно, не рискнетъ подписаться въ качествѣ „переписчика". Въ пунктѣ *в* § 8-го „временныхъ правилъ" говорится: «жалобы и прошенія, писанныя безпорядочно или безсмысленно, на клочкахъ бумаги, или съ неприличными *выраженіями*—оставляются безъ разсмотрѣнія». Но принесеніе про-

шеній и жалобъ на высочайшее имя—*послѣднее прибѣжище* для людей страждущихъ, угнетенныхъ, находящихся въ крайности, гдѣ обыкновенно и клочкомъ бумаги раздобыться очень и очень затруднительно. Что же касается «безпорядочности», «безсмысленности» и «неправильныхъ выраженій», то понятія въ этомъ отношеніи весьма растяжимы. Основываясь на буквѣ «правилъ», мы не можемъ опредѣлительно сказать, въ какой мѣрѣ возможно, напримѣръ, принесеніе всеподданнѣйшей жалобы или просьбы, собственноручно написанной малограмотными крестьянами, на простонародномъ языкѣ.

На нашъ взглядъ, предметы всеподданнѣйшихъ жалобъ и просьбъ не поддаются регламентаціи. Никто, напримѣръ, не будетъ отрицать что предметомъ всеподданнѣйшей просьбы можетъ быть даже рѣшеніе верховной власти, имѣющее силу закона. Какимъ же образомъ, возможно установить точныя рамки для жалобъ и просьбъ? Каждая жалоба и просьба, дѣйствительно заключающая въ себѣ *предметъ* обжалованія и несомнѣнный поводъ для проявленія монаршаго милосердія, безспорно должна подлежать разсмотрѣнію, на какой-бы бумагѣ, какимъ-бы почеркомъ и языкомъ она ни была написана. Повторяемъ, что къ подачѣ всеподданнѣйшихъ жалобъ и просьбъ обращаются всегда въ крайности и нуждѣ, для которыхъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, немыслимы никакія иныя правила, кромѣ тѣхъ, которыя предписываются лишеніями, безвыходнымъ и безнадежнымъ положеніемъ.

«Временныя правила» о порядкѣ и направленіи всеподданнѣйшихъ прошеній и жалобъ, на высочайшее имя приносимыхъ, представляютъ поучительный примѣръ, какъ трудно преобразовать одно учрежденіе, не касаясь системы остальныхъ. Безспорно, законодательство руководствовалось самыми прекрасными побужденіями, установляя порядокъ обжалованія дѣйствій и распоряженій министровъ, главноуправляющихъ отдѣльными частями и генералъ губернаторовъ, путемъ подачи просьбъ на высочайшее имя. Но эта прекрасная въ принципѣ мѣра можетъ остаться пальятивомъ, который не принесетъ въ жизни практической пользы, ожидаемой отъ нея законодательною властью. Съ другой стороны, упраздняя комисію прошеній, законодательство имѣло въ виду уничтоженіе господствовавшаго въ этомъ учрежденіи канцелярскаго дѣлопроизводства. Но и это, повидимому, малозначущее само по себѣ обстоятельство, не могущее представлять препятствій для искорененія его, оказывается трудно устранимымъ, въ виду общепринятой системы канцелярскаго дѣлопроизводства и неумѣренно развитой оффиціальной «переписки» во-

Статья 3-я. „Всякая женщина, разыскивая отца своего ребенка съ цѣлями скандала и вымогательства и преслѣдующая при этомъ своими притязаніями невиннаго человѣка, наказывается, какъ ложные свидѣтели, т. е. десятилѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ, или какъ поддѣлыватели фальшивыхъ документовъ, двадцатилѣтнею каторжною работою. (Законопроэктъ Риве требуетъ въ этомъ случаѣ гораздо болѣе легкой кары, какъ за диффамацію).

Статья 4-я. „Мать, уличенная въ произведеніи искусственнаго выкидыша, также какъ и сообщники ея въ этомъ преступленіи, наказываются каторжною работою отъ десяти до двадцати лѣтъ.

Статья 5-я. „Мать, уличенная въ дѣтоубійствѣ, подвергается смертной казни"...

А чтобы незнаніемъ закона никто отговариваться не могъ, Дюма предлагаетъ эти „статьи", вмѣстѣ съ другими, болѣе существенными законоположеніями, начертать повсюду на стѣнахъ мэрій, школъ, на спеціально для того воздвигнутыхъ колоннахъ или на пьедесталахъ статуй Правосудія и Республики, которыя непремѣнно должны быть въ каждомъ большомъ городѣ. „Видите, какъ все это ясно и просто",—наивно восклицаетъ Дюма, заключая свой проэктъ общественнаго оздоровленія и совсѣмъ упуская изъ виду ту избитую истину, что строгія кары безсильны въ борьбѣ съ соціальными недугами... Замѣтимъ, что вопросомъ о разысканіи отцовства занимался, между прочимъ, собиравшійся въ прошломъ году въ Парижѣ конгрессъ международнаго «общества покровительства дѣтямъ», причемъ единогласно принята была слѣдующая резолюція: „Законъ долженъ предоставить дѣвушкѣ-матери право требовать матеріальной поддержки для своего ребенка отъ человѣка, относительно котораго будетъ доказано, что въ эпоху зачатія онъ находился съ нею въ интимныхъ отношеніяхъ, и который со своей стороны не докажетъ, что женщина, въ *ту-же эпоху*, вела развратный образъ жизни"... Вообще, нужно сказать, что болѣе или менѣе рѣшительныхъ сторонниковъ законопроэкта Риве немало,— и мы убѣждены, что рано или поздно, путемъ идейной пропаганды или путемъ усиленнаго воздѣйствія сѣрною кислотою и другими способами, рутина будетъ наконецъ побѣждена и, по примѣру большинства другихъ цивилизованныхъ странъ, Франція, въ той или другой формѣ, дозволитъ „recherche de la paternité».

Но тутъ возникаетъ слѣдующій вопросъ: къ какимъ практическимъ результатамъ можетъ повести измѣненіе кодекса въ указанномъ либеральномъ смыслѣ? Можетъ-ли законъ Риве, или какой-нибудь другой, ему подобный, уврачевать то зло, для борьбы съ которымъ онъ предназначается? Меньше-ли станетъ число несчастныхъ filles-mères, сдѣлается-ли ихъ положеніе обезпеченнѣе, улучшится-ли судьба незаконныхъ дѣтей, сократятся-ли случаи дѣтоубійствъ, плодоизгнаній и другихъ преступленій, такъ часто совершаемыхъ теперь брошен-

измѣнить то или другое изъ существующихъ законоположеній. Распоряженія высшей власти по ходатайствамъ земскихъ собраній перваго рода—могутъ подлежать обжалованію со стороны земскихъ учрежденій въ правительствующій сенатъ. Но совершенно въ обратномъ смыслѣ высказался, въ 1873 году, сенатъ по поводу тѣхъ ходатайствъ земскихъ собраній, въ которыхъ затрогиваются законодательные вопросы. Сенатъ призналъ, что починъ въ возбужденіи вопроса о необходимости новаго закона или объ отмѣнѣ прежняго не принадлежитъ земскимъ учрежденіямъ и предоставленъ только правительственнымъ учрежденіямъ и лицамъ, притомъ съ соблюденіемъ условій, установленныхъ на этотъ предметъ.

Въ силу этого разъясненія сената, съ юридической точки зрѣнія, рамки земскихъ заявленій и ходатайствъ передъ правительствомъ оказались до крайности узкими. Но, не смотря на это ограниченіе земскихъ учрежденій, заявленія и ходатайства ихъ по вопросамъ, имѣющимъ общегосударственное значеніе, не только не прекратились съ 1873 года, но съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе увеличивались. Оглядываясь на эти ходатайства, мы видимъ, что земство не переставало касаться въ нихъ вопросовъ первостепенной государственной важности, начиная съ системы государственныхъ налоговъ, воинской повинности, судебныхъ установленій, и кончая облегченіями условій пользованія кредитомъ вообще, вопросами, касающимися промышленности и торговли, улучшенія положенія крестьянъ, регулированія питейной торговли и примѣненія акцизныхъ правилъ, лѣсоохраненія, оффиціальной статистики и т. д. Въ общей суммѣ земскихъ ходатайствъ, заявленія передъ правительствомъ по вопросамъ общегосударственной важности въ значительной степени преобладаютъ надъ ходатайствомъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ въ узкомъ смыслѣ слова. Это доказываетъ только, что общій порядокъ дѣлъ оказываетъ весьма серьезное вліяніе на степень удовлетворенія собственно мѣстныхъ потребностей.

Такимъ образомъ, хотя съ 1873 года земскія ходатайства по общимъ вопросамъ и представляли, можно сказать, контробанду; но, не смотря на это, они шли впереди законодательства по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ. Для примѣра, можно указать на позднѣйшія узаконенія въ отношеніи начавшагося измѣненія подушной системы, предоставленія крестьянамъ льготнаго пользованія казенными лѣсами и землями, мѣропріятій по части переселенія крестьянъ, установленія крестьянскаго земельнаго кредита и т. д. И вотъ, подъ вліяніемъ этого неотвратимаго факта дѣйствительной жизни, правитель-

ствующій сенатъ призналъ, наконецъ, за земскими учрежденіями право ходатайствовать передъ правительствомъ по вопросамъ, имѣющимъ общегосударственное значеніе. Согласно разъясненію сената, опубликованному 27-го іюня, съ земскихъ ходатайствъ этого рода снимается губернаторское «veto»—и они обязательно должны быть направляемы въ соотвѣтствующія инстанціи высшихъ правительственныхъ учрежденій. Въ видахъ соблюденія губернскими начальствами единообразнаго порядка въ отношеніи дальнѣйшаго направленія поступающихъ къ нимъ постановленій земскихъ учрежденій, заключающихъ въ себѣ „*ходатайства передъ правительствомъ по какимъ либо предметамъ*“,—сенатъ опредѣлилъ рѣшеніе свое по этому предмету «сообщить губернаторамъ циркулярными указами» и, кромѣ того, опубликовать въ «собраніи узаконеній и распоряженій правительства», издаваемомъ при правительствующемъ сенатѣ.

Итакъ, указанное разъясненіе и опредѣленіе сената очерчиваетъ сферу земскихъ заявленій и ходатайствъ передъ правительствомъ такъ широко, что, въ сущности, уничтожаются какія бы то ни было искусственныя рамки въ этомъ отношеніи. Сенатъ, въ этомъ случаѣ, стоитъ на высотѣ пониманія современныхъ потребностей отечественной жизни и того вліянія, которое неизмѣнно оказывали до сихъ поръ земскія заявленія и ходатайства передъ правительствомъ на законодательную жизнь. Единственно возможныя рамки для земскихъ ходатайствъ—это потребности и условія дѣйствительной жизни,—и сенатъ безусловно правъ, съ нравственной и юридической точки зрѣнія, уничтоживъ торжественно границы для земскихъ ходатайствъ передъ правительствомъ: съ *нравственной* — потому что невозможно предусмотрѣть всѣхъ обстоятельствъ и условій практической жизни, по поводу которыхъ можетъ оказаться полезнымъ или даже необходимымъ правительству земскій голосъ,—и никакая регламентація въ этомъ отношеніи, какъ это положительно доказано самимъ фактомъ земскихъ ходатайствъ, рѣшительно немыслима; съ *юридической*—потому что въ «положеніи о земскихъ учрежденіяхъ», какъ основномъ законѣ о земствѣ, нѣтъ никакихъ ограниченій для земскихъ заявленій и ходатайствъ передъ правительствомъ.

Мы указываемъ на это обстоятельство въ виду того, что нынѣшнее рѣшеніе сената по поводу земскихъ ходатайствъ вызвало со стороны нѣкоторыхъ газетъ замѣчаніе относительно противорѣчія между сенатскимъ разъясненіемъ 1873 года и тѣмъ, которое опубликовано 27-го іюня нынѣшняго года. Нужно замѣтить, что поводомъ къ разсматриваемому нами разъясненію сената, также

какъ и въ 1873 году, послужило земское ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія въ средѣ крестьянства. Значитъ, если смотрѣть на дѣло только съ внѣшней стороны, дѣйствительно, между рѣшеніями сената по одному и тому же вопросу, состоявшимися 11 лѣтъ тому назадъ и теперь, есть видимое противорѣчіе. Но, повторяемъ, это—*только* «съ внѣшней стороны». Нѣтъ и быть не можетъ такого человѣческаго закона, который бы имѣлъ абсолютное и вѣчное значеніе: законы имѣютъ лишь относительное значеніе, сообразно съ обстоятельствами и условіями жизни въ данный промежутокъ времени. Одиннадцатилѣтній промежутокъ, раздѣляющій оба закона — очень много значитъ въ жизни государства. Въ 1873 году, сенатъ, подъ вліяніемъ административныхъ «распоряженій», ограничивавшихъ дѣятельность земства, нашелъ возможнымъ признать достаточною для законодательной дѣятельности государства иниціативу однихъ только правительственныхъ учрежденій и лицъ; но, затѣмъ, въ виду очевиднаго для всѣхъ факта, что земскія ходатайства идутъ впереди законодательной работы, сенатъ не могъ не узаконить живаго и положительнаго явленія—ходатайствъ земскихъ учрежденій по общимъ вопросамъ.

Лучшимъ доказательствомъ этой невозможности служитъ именно тѣлесное наказаніе въ крестьянской средѣ. Какъ самое крестьянское управленіе, обособленное и кастовое, такъ и спеціальныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ установлялись законодательною властью лишь въ видѣ мѣры временной, ибо правительство имѣло въ виду слитіе крестьянскаго управленія и учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ со всѣми другими учрежденіями на общемъ основаніи, когда окончательно укрѣпится освобожденіе крестьянъ и будетъ закончено надѣленіе ихъ землею. Но дѣло это затянулось на десятки лѣтъ — и трудно сказать, когда оно будетъ закончено настолько, чтобы крестьянское населеніе, т. е. болѣе 82% государственнаго населенія, перестало быть замкнутою, изолированною кастою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы совершенно забыли о томъ, что въ крестьянскомъ управленіи остались самые злокачественные атрибуты крѣпостничества и рабства—розги, палка и кнутъ,—и путемъ тѣлеснаго наказанія, очень развитаго среди крестьянъ, извращаются гуманнѣйшія начала ихъ освобожденія. Если, 11 лѣтъ тому назадъ, сенатъ призналъ недѣйствительнымъ земское ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что это постановленіе земства касается общаго закона по имперіи, то не могъ сенатъ постановить такого рѣшенія теперь; притомъ именно въ виду того, что предо-

ставленный правительственнымъ учрежденіямъ и лицамъ законодательный починъ нисколько не подвинулъ впередъ разрѣшенія вопроса объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія въ крестьянскомъ управленіи, тогда какъ вопросъ этотъ,—опять-таки по ходатайству земства,—былъ возбужденъ еще въ концѣ 60-хъ годахъ.

Въ виду разсмотрѣннаго нами новаго закона о направленіи земскихъ ходатайствъ, не лишнимъ считаемъ напомнить всѣ другія узаконенія, относящіяся къ этому же предмету. Еще въ 1867 году сенатъ разъяснилъ, что земское собраніе, въ томъ случаѣ, если найдетъ отказъ министра внутреннихъ дѣлъ въ какомъ-либо ходатайствѣ стѣснительнымъ для себя, можетъ обращаться съ жалобою въ правительствующій сенатъ, отъ котораго, затѣмъ, будетъ зависѣть подлежащее по такому дѣлу распоряженіе. На основаніи примѣчанія 4-го къ ст. 212 учрежд. мин. (I т., ч. 2 свода закон.), министры обязаны о всѣхъ ходатайствахъ губернскихъ собраній, оставляемыхъ безъ послѣдствій, представлять комитету министровъ, прежде увѣдомленія земствъ. Итакъ, если принять во вниманіе всю сумму узаконеній относительно земскихъ ходатайствъ, оказывается, что законодательствомъ приняты мѣры для того, чтобы заявленія земствъ передъ правительствомъ не пропадали безслѣдно, а также и для огражденія земскихъ ходатайствъ отъ произвольнаго отношенія къ нимъ.

Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (въ нумерѣ отъ 24-го іюля) помѣщена крайне неприличная во всѣхъ отношеніяхъ передовая статья, въ которой подвергается сомнѣнію право сената разъяснять законъ. Публицисты названной газеты недовольны сенатскимъ рѣшеніемъ вопроса о земскихъ ходатайствахъ. По невѣдѣнію или по инымъ причинамъ, они отказываются признать за рѣшеніемъ сената значеніе узаконенія. По ихъ мнѣнію, установленное нынѣ сенатомъ направленіе земскихъ ходатайствъ и расширеніе правъ земскихъ учрежденій въ этомъ отношеніи—требуетъ спеціальнаго узаконенія, въ законодательномъ порядкѣ. Одно изъ двухъ: или это круглое невѣжество, или передержка. Двухъ узаконеній по одному и тому же предмету не можетъ быть. И разъ имѣется одинъ, основной въ этомъ смыслѣ, законъ — «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ», то далѣе можетъ быть только разъясненіе сенатомъ закона. И сколько бы ни хлопотали публицисты извѣстнаго сорта, имъ никогда не измѣнить того государственнаго порядка дѣлъ, въ силу котораго сенатъ представляетъ собою верховное государственное учрежденіе, и дѣлаемыя имъ разъясненія законовъ имѣютъ безусловно законодательное значеніе. Какъ бы ни былъ непріятенъ такой порядокъ вещей для извѣстнаго

сорта и направленія людей, но, тѣмъ не менѣе, рѣшеніе сената по вопросу о земскихъ ходатайствахъ имѣетъ силу неизмѣннаго государственнаго закона.

По поводу расширенія правъ земства въ дѣлѣ ходатайствъ передъ правительствомъ, въ печати, вполнѣ кстати, было указано на ненормальный порядокъ предсѣдательствованія въ земскихъ собраніяхъ. Считая вполнѣ умѣстнымъ напоминаніе о такомъ застарѣломъ и крайне серьезномъ для земства недугѣ, какъ предсѣдательствованіе въ земскихъ собраніяхъ предводителей дворянства и лицъ по назначенію отъ правительства, мы, все таки, не согласны съ толкованіемъ нѣкоторыхъ газетъ, что, будто бы, „произволъ предсѣдателей земскихъ собраній можетъ помѣшать земскимъ учрежденіямъ воспользоваться должнымъ образомъ предоставленнымъ имъ правомъ ходатайствовать передъ правительствомъ по вопросамъ, имѣющимъ общегосударственное значеніе". Что касается „произвола предсѣдателей", то, послѣ рѣшенія сената по вопросу о земскихъ ходатайствахъ, „произволъ" этотъ—дѣло уже прошлое, но не настоящее. Если сенатъ снялъ даже губернаторское „veto" съ земскихъ заявленій и ходатайствъ и узаконилъ извѣстный порядокъ въ этомъ отношеніи, то, само собою разумѣется, ни о какомъ «предсѣдательскомъ произволѣ» не можетъ быть и рѣчи; а разъ онъ проявился, это былъ бы, дѣйствительно, «произволъ», земское самоуправство, подлежащее суду сената же. Дѣло въ томъ, что предсѣдатели земскихъ собраній въ своемъ отношеніи къ тѣмъ или другимъ вопросамъ, обсуждаемымъ въ земскихъ собраніяхъ, руководствовались извѣстными административными распоряженіями. Но какъ только эти „распоряженія" встрѣтились съ рѣшеніемъ сената, имѣющимъ значеніе положительнаго закона, обязательнаго, притомъ, даже и для тѣхъ властей, отъ которыхъ исходятъ названныя «административныя распоряженія», — они утрачиваютъ свое значеніе.

Словомъ, точно придерживаясь смысла сенатскаго рѣшенія, какъ положительнаго закона, мы не можемъ допустить, чтобы въ дѣлѣ ходатайствъ и заявленій передъ правительствомъ личныя усмотрѣнія предсѣдателей земскихъ собраній могли быть поставлены выше компетенціи сената, какъ верховнаго государственнаго учрежденія. Иначе, повторяемъ, это былъ бы только „произволъ", съ которымъ и нужно считаться, какъ съ произволомъ. Итакъ, вовсе не съ этой стороны мы придаемъ значеніе возбужденію вопроса о порядкѣ предсѣдательствованія въ земскихъ собраніяхъ, а совершенно въ иномъ отношеніи. Въ земствѣ, какъ всесословномъ общественномъ учрежденіи, необхо-

бенно важное значеніе. Помимо того неблагопріятнаго вліянія, какое оказываютъ на нашъ денежный курсъ, съ одной стороны, отсутствіе устойчивой денежной единицы, съ другой—убыль кредитныхъ знаковъ, несомнѣнно, что переживаемое нами финансовое затрудненіе въ огромной степени зависитъ также и отъ общаго состоянія внутренней нашей жизни. Идетъ-ли дѣло о подъемѣ русскаго денежнаго курса, приходится-ли изобрѣтать мѣры для уплаты долговъ вообще, и въ частности долга государственному казначейству, нужно ли перейти отъ системы бумажныхъ денегъ къ металлической валютѣ,—нельзя ни на одну минуту упускать изъ виду, что во всѣхъ этихъ случаяхъ, кромѣ собственно-финансовыхъ мѣръ, надо оглядываться и на самую жизнь, на ея условія и проявленія. Въ противномъ же случаѣ, мѣра, прекрасная съ точки зрѣнія финансовой техники, оказывается на дѣлѣ непроизводительною. Она тормозится, обезличивается или даже прямо извращается общими условіями жизни. И понятно. Финансовое государственное хозяйство—лишь одно изъ проявленій жизни государственнаго организма, притомъ, проявленіе не только не обособленное отъ другихъ государственныхъ функцій, но, напротивъ, находящееся въ самой тѣсной и непосредственной зависимости отъ всего склада, быта и условій существованія огромной и сложной политической единицы, называемой государствомъ.

Вопросъ этотъ настолько же обширенъ по размѣрамъ, насколько и важенъ по внутреннему значенію. Обнять его въ предѣлахъ журнальной статьи невозможно, и мы намѣтили лишь важнѣйшіе штрихи этого крупнаго государственнаго вопроса. Какъ отдѣльная личность не можетъ быть находчива и производительна въ своей дѣятельности, въ накопленіи богатствъ и въ пользованіи ими, если моральныя условія не благопріятствуютъ этому, такъ и цѣлая государственная семья не можетъ быть предпріимчива и производительна въ промышленномъ отношеніи, въ добываніи и накопленіи матеріальныхъ средствъ, въ улучшеніи своего благосостоянія вообще и финансовъ въ частности, если условія жизни не благопріятствуютъ проявленію и развитію почина и самодѣятельности на почвѣ свободной конкуренціи, а также примѣненію къ практической дѣятельности успѣховъ науки по всѣмъ ея отраслямъ.

Обращаясь къ другимъ дѣламъ нашей внутренней жизни, нельзя не остановиться на упраздненіи комисіи прошеній и на установленіи новаго порядка принятія и направленія прошеній, на высочайшее

общее собраніе правительствующаго сената, который и разъяснилъ законъ въ томъ смыслѣ, что предсѣдатели и члены земскихъ управъ предаются суду I-мъ департаментомъ сената, и ему одному, какъ власти, предающей суду, принадлежитъ и право назначенія надъ ихъ дѣйствіями предварительнаго слѣдствія. Такимъ образомъ, сенатъ призналъ незаконнымъ присвоенное прокурорскимъ надзоромъ право попеченія надъ земскими учрежденіями и почина въ возбужденіи судебнаго преслѣдованія противъ лицъ, служащихъ по земскимъ учрежденіямъ. Члены земскихъ учрежденій, въ порядкѣ привлеченія ихъ къ отвѣтственности за преступленія по должности, сравнены съ должностными лицами, служащими въ правительственныхъ административныхъ учрежденіяхъ. Съ точки зрѣнія поддержанія достоинства земскихъ учрежденій, именно какъ мѣстныхъ органовъ правительственной власти, это разъясненіе правительствующаго сената имѣетъ очень важное значеніе.

Второй десятокъ доживаютъ земскія учрежденія, и вотъ, въ концѣ этого десятка, оказывается такая настоятельная надобность въ разъясненіяхъ сената, какъ въ отношеніи ходатайствъ, такъ и въ отношеніи порядка привлеченія къ отвѣтственности членовъ земства. Что же это означаетъ?—Очевидно, не установилось еще должнаго пониманія закона о земскихъ учрежденіяхъ,—не установилось именно потому, что сбивчивъ и неустойчивъ взглядъ на земскія учрежденія. Однимъ такъ хотѣлось бы низвести земскія учрежденія на степень „раскладочныхъ комисій“, какъ ихъ въ шутливомъ тонѣ называютъ „развязные“ люди, отрицающіе даже авторитетъ сената въ отношеніи толкованія закона. Другіе, стоя на почвѣ положительнаго закона, смотрятъ на земскія учрежденія, какъ на органы одной и той же правительственной власти, какъ на мѣстныя административныя учрежденія, только не правительственнаго, а общественнаго характера, предназначенныя притомъ для завѣдыванія существенною частью мѣстнаго управленія — хозяйствомъ, гдѣ требуется большая административная мудрость, глубокое и правильное пониманіе жизни, ея потребностей и условій. Потому-то именно и ьызваны къ жизни общественныя учрежденія — городскія и земскія, что правительственная система заправленія мѣстнымъ хозяйствомъ оказалась недостаточною, неудовлетворительною. И вотъ, между двумя лагерями, придерживающимися различныхъ взглядовъ на общественныя учрежденія (нелегальныхъ и легальныхъ взглядовъ) происходитъ борьба. Оскорбительно-нехорошъ смыслъ этой борьбы. Онъ не сулитъ русской жизни ничего хорошаго, пока не установятся у насъ взгляды на су-

56,490. Среднимъ числомъ, въ годъ приходится 6,629 входящихъ бумагъ и 11,298 исходящихъ.

Мы приводимъ эти факты, какъ доказательство того, какую огромную канцелярію представляла комисія прошеній. Уклоненіе же этого учрежденія въ сторону канцелярскаго дѣлопроизводства объясняется тѣмъ, что оно самостоятельно, собственною властью, рѣшало массу дѣлъ. Въ силу этого, ему приходилось входить въ разсмотрѣніе дѣлъ по существу,—и непремѣннымъ слѣдствіемъ явилось обширное канцелярское производство. Между тѣмъ, по самой сущности комисіи прошеній, она должна была представлять личный органъ Его Величества; назначеніе этого органа—дѣлать доклады по поводу прошеній и жалобъ, т. е. безпристрастно и всесторонне выяснять предметы прошеній и жалобъ, но не входить въ обсужденіе ихъ по существу. Комисія прошеній могла играть роль только совѣщательнаго, но не рѣшающаго учрежденія, такъ какъ всѣ поступающія сюда дѣла могутъ подлежать рѣшенію единственно по личному благоусмотрѣнію Государя.

Въ виду этихъ-то именно обстоятельствъ и признано необходимымъ измѣнить порядокъ принятія и направленія прошеній и жалобъ, на высочайшее имя приносимыхъ, въ томъ именно смыслѣ, чтобы отнять у этого органа характеръ канцелярскаго дѣлопроизводства, съ самостоятельнымъ, притомъ, рѣшеніемъ дѣлъ. Съ этою цѣлью, комисія прошеній упразднена. Обязанность принятія и направленія приносимыхъ на высочайшее имя прошеній и жалобъ возложена на командующаго императорскою главною квартирою, какъ на такое лицо, которому, въ виду близости его къ Государю, приходилось и прежде принимать прошенія и жалобы. Кромѣ прошеній о всевозможныхъ милостяхъ, на высочайшее имя позволяется приносить: жалобы на опредѣленія департаментовъ правительствующаго сената, кромѣ кассаціонныхъ; жалобы на дѣйствія и распоряженія министровъ, главноуправляющихъ отдѣльными частями и генералъ-губернаторовъ, когда дѣйствія и распоряженія ихъ не подлежатъ, по закону, обжалованію въ правительствующемъ сенатѣ.

Для предварительнаго разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ жалобъ на опредѣленія департаментовъ сената, при государственномъ совѣтѣ учреждено временное присутствіе, состоящее изъ предсѣдателя и четырехъ членовъ, назначаемыхъ высочайшею властью изъ среды сенаторовъ и членовъ государственнаго совѣта. Командующему императорскою главною квартирою предоставлено участвовать въ засѣданіяхъ присутствія, когда онъ признаетъ это необходимымъ. Присут-

ствіе, не разрѣшая дѣла по существу, постановляетъ заключеніе о, томъ, въ какой мѣрѣ изложенныя въ жалобѣ объясненія служатъ основаніемъ къ переходу дѣла на разсмотрѣніе общаго собранія сената. Заключеніе присутствія повергается на благоусмотрѣніе Государя Императора. Такимъ образомъ, присутствіе является лишь органомъ совѣщательнымъ, но не рѣшающимъ.

Въ общемъ, нельзя не сочувствовать тому направленію, въ которомъ произошло преобразованіе комисіи прошеній. Въ этомъ направленіи вполнѣ ясно выражены двѣ характерныя черты: во-первыхъ, стремленіе привести учрежденіе по принятію прошеній и жалобъ, на высочайшее имя приносимыхъ, въ согласованіе съ реформами прошлаго царствованія и, главнымъ образомъ, съ судебною реформою; во-вторыхъ, снять съ этого почтеннаго учрежденія канцелярскую оболочку и уничтожить, по возможности, господствовавшую здѣсь систему канцелярскаго дѣлопроизводства. Такой исходъ преобразованія комисіи прошеній очень разочаровалъ ненавистниковъ новыхъ судебныхъ учрежденій, которые простерли было свои вожделѣнія до того, что громко вопили, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго года, объ отдачѣ даже и кассаціонныхъ департаментовъ сената подъ контроль комисіи прошеній.

Одна очень почтенная газета ошибочно смѣшала «жалобы на дѣйствія и распоряженія министровъ, главноуправляющихъ отдѣльными частями и генералъ-губернаторовъ» съ «отвѣтственностью министровъ, хотя бы только и на судебномъ началѣ». Мы вполнѣ согласны съ этой газетой, что «безконтрольность министровъ и начальниковъ отдѣльныхъ частей управленія представляетъ огромное зло въ системѣ внутренняго нашего управленія». Ровно годъ тому назадъ, разбирая вопросъ о необходимыхъ измѣненіяхъ въ организаціи мѣстнаго и центральнаго управленія, мы, между прочимъ, цитировали Записку» Трощинскаго, который, при самомъ зарожденіи министерствъ, грозилъ „мракомъ всепоглощающей канцеляріи“ и „своевластіемъ министровъ“, основываясь именно на „безконтрольности министровъ“. Законъ даетъ право каждому жаловаться правительствующему сенату на дѣйствія и распоряженія высшихъ администраторовъ, до генералъ-губернаторовъ и министровъ включительно. Какъ предусмотрѣны закономъ случаи обжалованія дѣйствій высшихъ властей, можно видѣть уже изъ того, что въ пунктѣ *б* § 3 „Временныхъ правилъ“ о порядкѣ принятія и направленія прошеній и жалобъ, на высочайшее имя приносимыхъ, говорится „о жалобахъ на дѣйствія и распоряженія“ высшихъ властей, „когда таковыя дѣйствія и рас-

поряженія *не подлежатъ, по закону, обжалованію правительствующ сенату*". И точно такъ, какъ право жаловаться сенату на высш властей нисколько не парализовало того „своевластія", которое было дусмотрѣно еще Трощинскимъ,—не въ состояніи парализовать е старинное, неотъемлемое право подданныхъ жаловаться Государю ператору. Само собою разумѣется, что предоставленіе права обж ванія передъ верховною властью,—притомъ болѣе льготнаго обж ванія, чѣмъ передъ сенатомъ,—можетъ служить нѣкоторою остр кою и обузданіемъ „своевластія"; но, тѣмъ не менѣе, это—*не* „ троль" и, ни въ какомъ случаѣ, *не* „отвѣтственность" даже „ судебномъ началѣ".

Какъ было сказано уже, одну изъ главныхъ задачъ преобраз нія комисіи прошеній составляло уничтоженіе системы канцелярс дѣлопроизводства. Дѣйствительно, вмѣсто бывшей обширной ка ляріи съ пятью отдѣленіями, при статсъ-секретарѣ у принятія шеній,—мы видимъ очень маленькую канцелярію при командующ главною императорскою квартирою. Но съ уменьшеніемъ размѣр канцеляріи, не уменьшились пропорціонально сношенія завѣды щаго принятіемъ прошеній и жалобъ, на высочайшее имя прин мыхъ, съ министрами, начальниками отдѣльныхъ частей и всевозм ными учрежденіями. Значитъ, размѣры переписки значительны, и ленькая канцелярія, вѣроятно, не замедлитъ разростись. Впроче не будемъ забѣгать впередъ. Установленный нынѣ порядокъ прин и направленія всеподданнѣйшихъ прошеній и жалобъ представля временную мѣру, на одинъ годъ.

Но такъ какъ мѣра эта имѣетъ очень важное практическое ченіе, то необходимо отмѣтить кажущіяся излишними формально которыя могутъ вредить дѣлу. Такъ, напримѣръ, по § 5-му „врем ныхъ правилъ" требуется, чтобы подъ прошеніями и жалобами б подпись не только лица, подающаго просьбу, но и „переписчи когда просьба писана чужою рукою. Если принять во вниманіе ложеніе людей, лишенныхъ свободы, то, въ огромномъ большинс случаевъ, означеніе подписи „переписчика" можетъ быть крайне труднительнымъ, такъ какъ „переписчиками", т. е. составител прошеній, въ этомъ случаѣ, могутъ быть исключительно ближайши заключеннымъ лица,—начальство ихъ, которое, навѣрно, не риск подписаться въ качествѣ „переписчика". Въ пунктѣ *в* § 8-го „ менныхъ правилъ" говорится: «жалобы и прошенія, писанныя бе рядочно или безсмысленно, на клочкахъ бумаги, или съ неприличн *выраженіями*—оставляются безъ разсмотрѣнія». Но принесеніе

пеній и жалобъ на высочайшее имя—*послѣднее прибѣжище* для лю-
дей страждущихъ, угнетенныхъ, находящихся въ крайности, гдѣ
обыкновенно и клочкомъ бумаги раздобыться очень и очень затруд-
нительно. Что же касается «безпорядочности», «безсмысленности» и
«неправильныхъ выраженій», то понятія въ этомъ отношеніи весьма
растяжимы. Основываясь на буквѣ «правилъ», мы не можемъ опре-
дѣлительно сказать, въ какой мѣрѣ возможно, напримѣръ, принесеніе
всеподданнѣйшей жалобы или просьбы, собственноручно написанной
малограмотными крестьянами, на простонародномъ языкѣ.

На нашъ взглядъ, предметы всеподданнѣйшихъ жалобъ и просьбъ
не поддаются регламентаціи. Никто, напримѣръ, не будетъ отри-
цать что предметомъ всеподданнѣйшей просьбы можетъ быть даже
рѣшеніе верховной власти, имѣющее силу закона. Какимъ же
образомъ, возможно установить точныя рамки для жалобъ и просьбъ?
Каждая жалоба и просьба, дѣйствительно заключающая въ себѣ *пред-
метъ* обжалованія и несомнѣнный поводъ для проявленія монаршаго
милосердія, безспорно должна подлежать разсмотрѣнію, на какой-бы
бумагѣ, какимъ-бы почеркомъ и языкомъ она ни была написана. По-
вторяемъ, что къ подачѣ всеподданнѣйшихъ жалобъ и просьбъ обра-
щаются всегда въ крайности и нуждѣ, для которыхъ, въ огромномъ
большинствѣ случаевъ, немыслимы никакія иныя правила, кромѣ
тѣхъ, которыя предписываются лишеніями, безвыходнымъ и безнадеж-
нымъ положеніемъ.

«Временныя правила» о порядкѣ и направленіи всеподданнѣй-
шихъ прошеній и жалобъ, на высочайшее имя приносимыхъ, пред-
ставляютъ поучительный примѣръ, какъ трудно преобразовать одно
учрежденіе, не касаясь системы остальныхъ. Безспорно, законо-
дательство руководствовалось самыми прекрасными побужденіями,
становляя порядокъ обжалованія дѣйствій и распоряженій мини-
стровъ, главноуправляющихъ отдѣльными частями и генералъ губер-
наторовъ, путемъ подачи просьбъ на высочайшее имя. Но эта пре-
красная въ принципѣ мѣра можетъ остаться пальятивомъ, который
не принесетъ въ жизни практической пользы, ожидаемой отъ нея за-
конодательною властью. Съ другой стороны, упраздняя комисію про-
шеній, законодательство имѣло въ виду уничтоженіе господствовав-
шаго въ этомъ учрежденіи канцелярскаго дѣлопроизводства. Но и
то, повидимому, малозначущее само по себѣ обстоятельство, не могу-
щее представлять препятствій для искорененія его, оказывается трудно
устранимымъ, въ виду общепринятой системы канцелярскаго дѣло-
производства и неумѣренно развитой оффиціальной «переписки» во-

обще. Наряду съ этимъ фактомъ, умѣстно отмѣтить характерное обстоятельство, свидѣтельствующее о неустойчивости и недостаточной выработанности узаконеній даже въ отношеніи земскихъ учрежденій. Мы имѣемъ въ виду вопросъ о земскихъ заявленіяхъ и ходатайствахъ передъ правительствомъ.

Разныя такъ называемыя „обстоятельства и условія“ запрудили земскія учрежденія такою массою всевозможныхъ „недоразумѣній“, что требуется особенная чуткость ко всякому новому узаконенію, касающемуся земства. Очень крупнымъ фактомъ въ жизни земства представляется послѣдовавшее въ концѣ іюня разъясненіе сената, имѣющее характеръ узаконенія, которымъ признается за земствомъ право ходатайствовать по вопросамъ, имѣющимъ общегосударственное значеніе. Это означаетъ иначе, что за земствомъ признаётся право почина по вопросамъ законодательнаго характера.

Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ „земству предоставлено право ходатайствовать обо всемъ, что̀ имѣетъ отношеніе къ мѣстной жизни“. По мѣрѣ того, какъ съуживались предѣлы вѣдомства и власти земскихъ учрежденій, ограничивались и вопросы, по которымъ земскимъ учрежденіямъ позволялось обращаться съ заявленіями и ходатайствами къ правительству. Такъ какъ это ограниченіе производилось не на основаніи положительнаго закона о земскихъ учрежденіяхъ, а въ силу административныхъ „распоряженій“, и „разъясненій“, то въ это дѣло пришлось вмѣшаться сенату. Однимъ изъ земствъ было возбуждено передъ правительствомъ ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія въ крестьянскомъ населеніи. Въ мартѣ 1873 года, сенатъ призналъ это ходатайство земства недѣйствительнымъ, основываясь на томъ соображеніи, что возбужденный земствомъ вопросъ касается не мѣстныхъ только пользъ и нуждъ, но клонится къ отмѣнѣ общаго закона, дѣйствующаго во всей имперіи и, такимъ образомъ, выходитъ изъ предѣловъ предоставленной земскимъ учрежденіямъ власти. Мотивы этого рѣшенія сената заслуживаютъ особеннаго вниманія. По мнѣнію сената въ 1873 году, ходатайства земства могутъ быть двоякаго рода. Съ одной стороны, они могутъ относиться къ предметамъ вѣдомства земскихъ учрежденій, постановленія по которымъ, на основаніи закона, требуютъ утвержденія высшей власти. Эти ходатайства не выходятъ изъ круга дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію земскихъ учрежденій. Но, съ другой стороны, земскими ходатайствами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, могутъ, быть возбуждаемы и вопросы законодательные, въ смыслѣ *указанія на* необходимость, по мнѣнію земства, въ чемъ либо

измѣнить то или другое изъ существующихъ законоположеній. Распоряженія высшей власти по ходатайствамъ земскихъ собраній перваго рода—могутъ подлежать обжалованію со стороны земскихъ учрежденій въ правительствующій сенатъ. Но совершенно въ обратномъ смыслѣ высказался, въ 1873 году, сенатъ по поводу тѣхъ ходатайствъ земскихъ собраній, въ которыхъ затрогиваются законодательные вопросы. Сенатъ призналъ, что починъ въ возбужденіи вопроса о необходимости новаго закона или объ отмѣнѣ прежняго не принадлежитъ земскимъ учрежденіямъ и предоставленъ только правительственнымъ учрежденіямъ и лицамъ, притомъ съ соблюденіемъ условій, установленныхъ на этотъ предметъ.

Въ силу этого разъясненія сената, съ юридической точки зрѣнія, рамки земскихъ заявленій и ходатайствъ передъ правительствомъ оказались до крайности узкими. Но, не смотря на это ограниченіе земскихъ учрежденій, заявленія и ходатайства ихъ по вопросамъ, имѣющимъ общегосударственное значеніе, не только не прекратились съ 1873 года, но съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе увеличивались. Оглядываясь на эти ходатайства, мы видимъ, что земство не переставало касаться въ нихъ вопросовъ первостепенной государственной важности, начиная съ системы государственныхъ налоговъ, воинской повинности, судебныхъ установленій, и кончая облегченіями условій пользованія кредитомъ вообще, вопросами, касающимися промышленности и торговли, улучшенія положенія крестьянъ, регулированія питейной торговли и примѣненія акцизныхъ правилъ, лѣсоохраненія, оффиціальной статистики и т. д. Въ общей суммѣ земскихъ ходатайствъ, заявленія передъ правительствомъ по вопросамъ общегосударственной важности въ значительной степени преобладаютъ надъ ходатайствомъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ въ узкомъ смыслѣ слова. Это доказываетъ только, что общій порядокъ дѣлъ оказываетъ весьма серьезное вліяніе на степень удовлетворенія собственно мѣстныхъ потребностей.

Такимъ образомъ, хотя съ 1873 года земскія ходатайства по общимъ вопросамъ и представляли, можно сказать, контробанду; но, не смотря на это, они шли впереди законодательства по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ. Для примѣра, можно указать на позднѣйшія узаконенія въ отношеніи начавшагося измѣненія подушной системы, предоставленія крестьянамъ льготнаго пользованія казенными лѣсами и землями, мѣропріятій по части переселенія крестьянъ, установленія крестьянскаго земельнаго кредита и т. д. И вотъ, подъ вліяніемъ этого неотвратимаго факта дѣйствительной жизни, правитель-

ствующій сенатъ призналъ, наконецъ, за земскими учрежденіями право ходатайствовать передъ правительствомъ по вопросамъ, имѣющимъ общегосударственное значеніе. Согласно разъясненію сената, опубликованному 27-го іюня, съ земскихъ ходатайствъ этого рода снимается губернаторское «veto»—и они обязательно должны быть направляемы въ соотвѣтствующія инстанціи высшихъ правительственныхъ учрежденій. Въ видахъ соблюденія губернскими начальствами единообразнаго порядка въ отношеніи дальнѣйшаго направленія поступающихъ къ нимъ постановленій земскихъ учрежденій, заключающихъ въ себѣ *„ходатайства передъ правительствомъ по какимъ либо предметамъ“*,—сенатъ опредѣлилъ рѣшеніе свое по этому предмету «сообщить губернаторамъ циркулярными указами» и, кромѣ того, опубликовать въ «собраніи узаконеній и распоряженій правительства», издаваемомъ при правительствующемъ сенатѣ.

Итакъ, указанное разъясненіе и опредѣленіе сената очерчиваетъ сферу земскихъ заявленій и ходатайствъ передъ правительствомъ такъ широко, что, въ сущности, уничтожаются какія бы то ни было искусственныя рамки въ этомъ отношеніи. Сенатъ, въ этомъ случаѣ, стоитъ на высотѣ пониманія современныхъ потребностей отечественной жизни и того вліянія, которое неизмѣнно оказывали до сихъ поръ земскія заявленія и ходатайства передъ правительствомъ на законодательную жизнь. Единственно возможныя рамки для земскихъ ходатайствъ—это потребности и условія дѣйствительной жизни,—и сенатъ безусловно правъ, съ нравственной и юридической точки зрѣнія, уничтоживъ торжественно границы для земскихъ ходатайствъ передъ правительствомъ: съ *нравственной* — потому что невозможно предусмотрѣть всѣхъ обстоятельствъ и условій практической жизни, по поводу которыхъ можетъ оказаться полезнымъ или даже необходимымъ правительству земскій голосъ,—и никакая регламентація въ этомъ отношеніи, какъ это положительно доказано самимъ фактомъ земскихъ ходатайствъ, рѣшительно немыслима; съ *юридической*—потому что въ «положеніи о земскихъ учрежденіяхъ», какъ основномъ законѣ о земствѣ, нѣтъ никакихъ ограниченій для земскихъ заявленій и ходатайствъ передъ правительствомъ.

Мы указываемъ на это обстоятельство въ виду того, что нынѣшнее рѣшеніе сената по поводу земскихъ ходатайствъ вызвало со стороны нѣкоторыхъ газетъ замѣчаніе относительно противорѣчія между сенатскимъ разъясненіемъ 1873 года и тѣмъ, которое опубликовано 27-го іюня нынѣшняго года. Нужно замѣтить, что *поводомъ* къ разсматриваемому нами разъясненію сената, также

и въ 1873 году, послужило земское ходатайство объ отмѣнѣ
наго наказанія въ средѣ крестьянства. Значитъ, если смотрѣть
ло только съ внѣшней стороны, дѣйствительно, между рѣшеніями
а по одному и тому же вопросу, состоявшимися 11 лѣтъ
назадъ и теперь, есть видимое противорѣчіе. Но, повторяемъ,
только «съ внѣшней стороны». Нѣтъ и быть не можетъ такого
ѣческаго закона, который бы имѣлъ абсолютное и вѣчное зна-
: законы имѣютъ лишь относительное значеніе, сообразно съ
ятельствами и условіями жизни въ данный промежутокъ вре-
Одиннадцатилѣтній промежутокъ, раздѣляющій оба закона —
много значитъ въ жизни государства. Въ 1873 году, сенатъ,
вліяніемъ административныхъ «распоряженій», ограничивавшихъ
льность земства, нашелъ возможнымъ признать достаточною
аконодательной дѣятельности государства иниціативу однихъ
о правительственныхъ учрежденій и лицъ; но, затѣмъ, въ виду
днаго для всѣхъ факта, что земскія ходатайства идутъ впереди
одательной работы, сенатъ не могъ не узаконить живаго и по-
гельнаго явленія—ходатайствъ земскихъ учрежденій по общимъ
самъ.

учшимъ доказательствомъ этой невозможности служитъ именно
ное наказаніе въ крестьянской средѣ. Какъ самое крестьянское
леніе, обособленное и кастовое, такъ и спеціальныя учрежденія
рестьянскимъ дѣламъ установлялись законодательною властью
въ видѣ мѣры временной, ибо правительство имѣло въ виду
е крестьянскаго управленія и учрежденій по крестьянскимъ дѣ-
со всѣми другими учрежденіями на общемъ основаніи, когда
ательно укрѣпится освобожденіе крестьянъ и будетъ закончено
леніе ихъ землею. Но дѣло это затянулось на десятки лѣтъ —
дно сказать, когда оно будетъ закончено настолько, чтобы
ьянское населеніе, т. е. болѣе 82% государственнаго населенія,
тало быть замкнутою, изолированною кастою. Вмѣстѣ съ тѣмъ,
бы совершенно забыли о томъ, что въ крестьянскомъ управле-
стались самые злокачественные атрибуты крѣпостничества и раб-
—розги, палка и кнутъ,—и путемъ тѣлеснаго наказанія, очень
таго среди крестьянъ, извращаются гуманнѣйшія начала ихъ
ожденія. Если, 11 лѣтъ тому назадъ, сенатъ призналъ не-
вительнымъ земское ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказа-
мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что это постановленіе земства
тся общаго закона по имперіи, то не могъ сенатъ постановить
о рѣшенія теперь; притомъ именно въ виду того, что предо-

ставленный правительственнымъ учрежденіямъ и лицамъ законодательный починъ нисколько не подвинулъ впередъ разрѣшенія вопроса объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія въ крестьянскомъ управленіи, тогда какъ вопросъ этотъ,—опять-таки по ходатайству земства,—былъ возбужденъ еще въ концѣ 60-хъ годахъ.

Въ виду разсмотрѣннаго нами новаго закона о направленіи земскихъ ходатайствъ, не лишнимъ считаемъ напомнить всѣ другія узаконенія, относящіяся къ этому же предмету. Еще въ 1867 году сенатъ разъяснилъ, что земское собраніе, въ томъ случаѣ, если найдетъ отказъ министра внутреннихъ дѣлъ въ какомъ-либо ходатайствѣ стѣснительнымъ для себя, можетъ обращаться съ жалобою въ правительствующій сенатъ, отъ котораго, затѣмъ, будетъ зависѣть подлежащее по такому дѣлу распоряженіе. На основаніи примѣчанія 4-го къ ст. 212 учрежд. мин. (I т., ч. 2 свода закон.), министры обязаны о всѣхъ ходатайствахъ губернскихъ собраній, оставляемыхъ безъ послѣдствій, представлять комитету министровъ, прежде увѣдомленія земствъ. Итакъ, если принять во вниманіе всю сумму узаконеній относительно земскихъ ходатайствъ, оказывается, что законодательствомъ приняты мѣры для того, чтобы заявленія земствъ передъ правительствомъ не пропадали безслѣдно, а также и для огражденія земскихъ ходатайствъ отъ произвольнаго отношенія къ нимъ.

Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (въ нумерѣ отъ 24-го іюля) помѣщена крайне неприличная во всѣхъ отношеніяхъ передовая статья, въ которой подвергается сомнѣнію право сената разъяснять законъ. Публицисты названной газеты недовольны сенатскимъ рѣшеніемъ вопроса о земскихъ ходатайствахъ. По невѣдѣнію или по инымъ причинамъ, они отказываются признать за рѣшеніемъ сената значеніе узаконенія. По ихъ мнѣнію, установленное нынѣ сенатомъ направленіе земскихъ ходатайствъ и расширеніе правъ земскихъ учрежденій въ этомъ отношеніи—требуетъ спеціальнаго узаконенія, въ законодательномъ порядкѣ. Одно изъ двухъ: или это круглое невѣжество, или передержка. Двухъ узаконеній по одному и тому же предмету не можетъ быть. И разъ имѣется одинъ, основной въ этомъ смыслѣ, законъ — «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ», то далѣе можетъ быть только разъясненіе сенатомъ закона. И сколько бы ни хлопотали публицисты извѣстнаго сорта, имъ никогда не измѣнить того государственнаго порядка дѣлъ, въ силу котораго сенатъ представляетъ собою верховное государственное учрежденіе, и дѣлаемыя имъ разъясненія законовъ имѣютъ безусловно законодательное значеніе. Какъ бы ни былъ непріятенъ такой порядокъ вещей для извѣстнаго

сорта и направленія людей, но, тѣмъ не менѣе, рѣшеніе сената по вопросу о земскихъ ходатайствахъ имѣетъ силу неизмѣннаго государственнаго закона.

По поводу расширенія правъ земства въ дѣлѣ ходатайствъ передъ правительствомъ, въ печати, вполнѣ кстати, было указано на ненормальный порядокъ предсѣдательствованія въ земскихъ собраніяхъ. Считая вполнѣ умѣстнымъ напоминаніе о такомъ застарѣломъ и крайне серьезномъ для земства недугѣ, какъ предсѣдательствованіе въ земскихъ собраніяхъ предводителей дворянства и лицъ по назначенію отъ правительства, мы, все таки, не согласны съ толкованіемъ нѣкоторыхъ газетъ, что, будто бы, „произволъ предсѣдателей земскихъ собраній можетъ помѣшать земскимъ учрежденіямъ воспользоваться должнымъ образомъ предоставленнымъ имъ правомъ ходатайствовать передъ правительствомъ по вопросамъ, имѣющимъ общегосударственное значеніе“. Что касается „произвола предсѣдателей“, то, послѣ рѣшенія сената по вопросу о земскихъ ходатайствахъ, „произволъ“ этотъ—дѣло уже прошлое, но не настоящее. Если сенатъ снялъ даже губернаторское „veto“ съ земскихъ заявленій и ходатайствъ и узаконилъ извѣстный порядокъ въ этомъ отношеніи, то, само собою разумѣется, ни о какомъ «предсѣдательскомъ произволѣ» не можетъ быть и рѣчи; а разъ онъ проявился, это былъ бы, дѣйствительно, «произволъ», земское самоуправство, подлежащее суду сената же. Дѣло въ томъ, что предсѣдатели земскихъ собраній въ своемъ отношеніи къ тѣмъ или другимъ вопросамъ, обсуждаемымъ въ земскихъ собраніяхъ, руководствовались извѣстными административными распоряженіями. Но какъ только эти „распоряженія“ встрѣтились съ рѣшеніемъ сената, имѣющимъ значеніе положительнаго закона, обязательнаго, притомъ, даже и для тѣхъ властей, отъ которыхъ исходятъ названныя «административныя распоряженія», — они утрачиваютъ свое значеніе.

Словомъ, точно придерживаясь смысла сенатскаго рѣшенія, какъ положительнаго закона, мы не можемъ допустить, чтобы въ дѣлѣ ходатайствъ и заявленій передъ правительствомъ личныя усмотрѣнія предсѣдателей земскихъ собраній могли быть поставлены выше компетенціи сената, какъ верховнаго государственнаго учрежденія. Иначе, повторяемъ, это былъ бы только „произволъ“, съ которымъ и нужно считаться, какъ съ произволомъ. Итакъ, вовсе не съ этой стороны мы придаемъ значеніе возбужденію вопроса о порядкѣ предсѣдательствованія въ земскихъ собраніяхъ, а совершенно въ иномъ отношеніи. Въ земствѣ, какъ всесословномъ общественномъ учрежденіи, необхо-

димо долженъ быть установленъ порядокъ предсѣдательствованія по выбору собранія. Предсѣдатель въ земскомъ собраніи можетъ играть роль только перваго между равными,—не болѣе. Вопросъ о необходимости въ земскихъ собраніяхъ непремѣнно выборныхъ предсѣдателей очень давно уже назрѣлъ, имѣетъ обширную литературу, въ которой очень видное мѣсто занимаютъ заявленія не только земскихъ, но и дворянскихъ собраній, въ пользу непремѣнно выборныхъ предсѣдателей. Освобожденіе земскихъ собраній отъ предсѣдательствованія въ нихъ предводителей дворянства и лицъ по назначенію отъ правительства (въ губерніяхъ не дворянскихъ) имѣетъ чрезвычайно важное принципіальное значеніе, въ смыслѣ снятія съ земскихъ учрежденій посторонней опеки. Дѣствительно, трудно понять, во имя чего тяготѣетъ надъ земствомъ эта опека. Съ 1873 года, этой опекѣ придавалось какое-то особенное значеніе, въ видахъ, будто бы, обузданія земскихъ заявленій и ходатайствъ передъ правительствомъ. Но такъ какъ „обузданіе“ это, въ концѣ концовъ, привело къ предоставленію земству полной свободы въ заявленіяхъ и ходатайствахъ передъ правительствомъ, то, очевидно, что утрачиваетъ значеніе и то основаніе, во имя котораго земскимъ собраніямъ навязываются предсѣдатели не по выбору самихъ гласныхъ.

Коснувшись нынѣшняго положенія земскихъ учрежденій, нельзя пройти молчаніемъ новое узаконеніе, касающееся земства—разъясненіе общаго собранія правительствующаго сената по вопросу «о порядкѣ привлеченія къ отвѣтственности членовъ земскихъ учрежденій за преступленія по должности». Этотъ законъ знаменателенъ въ томъ отношеніи, что, подъ обильнымъ и быстрымъ напластованіемъ всевозможныхъ «недоразумѣній», земскія учрежденія совершенно неожиданно очутились подъ контролемъ прокурорскаго надзора,—распространившаго вопреки «уставу уголовнаго судопроизводства» (ст. 1097 и пун. 3 ст. 1100) и «положенію о земскихъ учрежденіяхъ» (ст. 113, 114 и 116) свою власть до того, что, по самостоятельному почину прокурорской власти, возбуждались въ послѣднее время преслѣдованія противъ членовъ земскихъ учрежденій. Понятія о значеніи земскихъ учрежденій, какъ мѣстныхъ органовъ правительственной власти, завѣдывающихъ важною отраслью управленія — хозяйственнымъ дѣломъ, — спутались и перемѣшались до такой степени, что, когда въ I-мъ департаментѣ сената возбужденъ былъ вопросъ: въ какомъ порядкѣ привлекать членовъ земскихъ учрежденій къ отвѣтственности за преступленія по должности,—оказалось разногласіе между сенаторами. Въ виду этого, вопросъ былъ перенесенъ въ

общее собраніе правительствующаго сената, который и разъяснилъ законъ въ томъ смыслѣ, что предсѣдатели и члены земскихъ управъ предаются суду I-мъ департаментомъ сената, и ему одному, какъ власти, предающей суду, принадлежитъ и право назначенія надъ ихъ дѣйствіями предварительнаго слѣдствія. Такимъ образомъ, сенатъ призналъ незаконнымъ присвоенное прокурорскимъ надзоромъ право попеченія надъ земскими учрежденіями и почина въ возбужденіи судебнаго преслѣдованія противъ лицъ, служащихъ по земскимъ учрежденіямъ. Члены земскихъ учрежденій, въ порядкѣ привлеченія ихъ къ отвѣтственности за преступленія по должности, сравнены съ должностными лицами, служащими въ правительственныхъ административныхъ учрежденіяхъ. Съ точки зрѣнія поддержанія достоинства земскихъ учрежденій, именно какъ мѣстныхъ органовъ правительственной власти, это разъясненіе правительствующаго сената имѣетъ очень важное значеніе.

Второй десятокъ доживаютъ земскія учрежденія, и вотъ, въ концѣ этого десятка, оказывается такая настоятельная надобность въ разъясненіяхъ сената, какъ въ отношеніи ходатайствъ, такъ и въ отношеніи порядка привлеченія къ отвѣтственности членовъ земства. Что же это означаетъ?—Очевидно, не установилось еще должнаго пониманія закона о земскихъ учрежденіяхъ,—не установилось именно потому, что сбивчивъ и неустойчивъ взглядъ на земскія учрежденія. Однимъ такъ хотѣлось бы низвести земскія учрежденія на степень „раскладочныхъ комисій“, какъ ихъ въ шутливомъ тонѣ называютъ „развязные“ люди, отрицающіе даже авторитетъ сената въ отношеніи толкованія закона. Другіе, стоя на почвѣ положительнаго закона, смотрятъ на земскія учрежденія, какъ на органы одной и той же правительственной власти, какъ на мѣстныя административныя учрежденія, только не правительственнаго, а общественнаго характера, предназначенныя притомъ для завѣдыванія существенною частью мѣстнаго управленія — хозяйствомъ, гдѣ требуется большая административная мудрость, глубокое и правильное пониманіе жизни, ея потребностей и условій. Потому-то именно и ьызваны къ жизни общественныя учрежденія — городскія и земскія, что правительственная система заправленія мѣстнымъ хозяйствомъ оказалась недостаточною, неудовлетворительною. И вотъ, между двумя лагерями, придерживающимися различныхъ взглядовъ на общественныя учрежденія (нелегальныхъ и легальныхъ взглядовъ) происходитъ борьба. Оскорбительно-нехорошъ смыслъ этой борьбы. Онъ не сулитъ русской жизни ничего хорошаго, пока не установятся у насъ взгляды на су-

ществующія учрежденія въ томъ именно смыслѣ, какъ они узаконены, безъ всякаго допущенія произвольныхъ отношеній съ чьей бы то ни было стороны.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Лѣто и политика.—Манифестаціи противъ лордовъ.—Митинги въ Гайдъ-паркѣ и Манчестерѣ.—Упорство и увертки членовъ верхней палаты.—Лордъ Салисбюри.—Неожиданные сюрпризы лондонской конференціи.—Ахиллесова пята Англіи.—Комисія для опредѣленія афганистанской границы.—Туркмены и кабульскій эмиръ.—Упадокъ англійской торговли и промышленности.—Недостатокъ работъ и стачки.—Билль о медицинскихъ корпораціяхъ.—Версальскій конгрессъ.—Война изъ-за холеры во Франціи и Италіи.—Антигерманская демонстрація въ Парижѣ.—Изгнаніе изъ Пруссіи русскихъ евреевъ.—Антиеврейскіе безпорядки въ Галиціи и Алжирѣ.—Дипломатическія непріятности изъ-за проговорившихся министровъ.—Конецъ парламентскаго столкновенія въ Норвегіи.—Министерскій кризисъ въ Даніи.—Торговые трактаты Турціи съ Россіей и Англіей.—Новый генералъ-губернаторъ Восточной Румеліи.—Торговыя сношенія Россіи съ Болгаріей.

Важные вопросы внутренней и внѣшней политики, поднятые въ прошломъ мѣсяцѣ въ главныхъ европейскихъ державахъ, въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ мало подвинулись впередъ: лѣто-ли взяло свое, вспомнила-ли Франція классическую поговорку: festina lente, слѣдовала-ли Англія нашему русскому правилу: дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ,—только ни та, ни другая страна не приняла еще окончательныхъ мѣръ, которыя могутъ совершенно измѣнить ихъ политическую программу. Гладстонъ, не смотря на категорическій отказъ палаты лордовъ—принять избирательную реформу, не распустилъ парламента, а отложилъ до осени вторичное представленіе своего билля, надѣясь, что до того времени благородные лорды одумаются и не захотятъ идти наперекоръ общественному мнѣнію. А это мнѣніе выразилось съ такою силою, съ такимъ единодушіемъ и въ печати, и на сходкахъ, что членамъ верхней палаты Великобританіи есть о чемъ серьезно подумать. Такихъ громадныхъ манифестацій противъ лордовъ, какъ лондонскій и манчестерскій митинги, не было въ Англіи съ 1867 года, когда народная демонстрація принудила консервативное правительство лорда Дерби принять билль также объ избирательной реформѣ, только имѣвшій гораздо менѣе значенія, чѣмъ реформа Гладстона. Лондонскій митингъ происходилъ въ Гайдъ-паркѣ. 20-го іюня, съ полудня, на набережной Темзы, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, начали собираться массы народа, со множествомъ знаменъ и значковъ и оркестрами музыкантовъ. Оркестровъ этихъ было до пятидесяти — поэтому можно судить, сколько же лицъ участвовало въ манифестаціи: ихъ считаютъ болѣе полутораста тысячъ; да, кромѣ того, публики,

не участвовавшей въ процессіи, но собравшейся на улицахъ и въ Гайдъ-паркѣ и восторженно встрѣчавшейпроцессію—было не меньше. Между участниками процессіи было болѣе всего рабочихъ—и лондонскихъ, пожертвовавшихъ своимъ дневнымъ заработкомъ, чтобы выразить сочувствіе реформѣ, и прибывшихъ изъ провинціи, по приглашенію рабочихъ союзовъ и клубовъ. Сельскіе рабочіе приходили пѣшкомъ за десятки верстъ. Въ началѣ четвертаго часа, вся эта огромная масса народа двинулась процессіей по направленію къ Гайдъ-парку. Громкія выраженія сочувствія привѣтствовали ее по пути, проходившему по главнымъ улицамъ города. Мимо парламента процессія шла молча, не желая, чтобы ея одобрительные возгласы, адресованные палатѣ общинъ, палата лордовъ приняла на свой счетъ. Нѣкоторые радикалы не могли однако удержаться отъ свистковъ, шиканья, и пожелали—чумы обѣимъ палатамъ (A plague to both our houses!) Громкія рукоплесканія не умолкали, когда процессія шла мимо жилища Гладстона, а свистки и шиканье— мимо Карльстонъ-клуба,—главнаго сборища ретроградныхъ лордовъ. Восторженными криками встрѣтили Джона Брайта, смотрѣвшаго изъ окна своей квартиры. Проходя мимо дворцовъ консервативныхъ лордовъ и аристократическихъ клубовъ, музыканты прерывали веселые мотивы и играли похоронные марши. Полиція по обыкновенію не вмѣшивалась въ манифестацію и, напротивъ, относилась къ ней весьма сочувственно. Только около дома вождя консерваторовъ, Салисбюри, поставленъ былъ кордонъ изъ двухсотъ полисменовъ, изъ опасенія, чтобы толпа отъ свистковъ не перешла къ битью стеколъ. Дѣло однако и тутъ ограничилось только криками: долой лордовъ! По программѣ, въ пять часовъ, въ Гайдъ-паркѣ должны были одновременно открыться семь митинговъ на особыхъ, платформахъ устроенныхъ на протяженіи цѣлой версты; но къ этому времени только голова процессіи достигла парка, а хвостъ ея добрался до мѣста назначенія, не раньше семи часовъ, когда всѣ рѣчи были уже произнесены и митингъ окончился Всѣ семь ораторовъ предложили публикѣ единодушно принятыя ею, тождественныя резолюціи, заключавшія въ себѣ протестъ противъ палаты лордовъ, члены которой представляютъ только самихъ себя, свои интересы, и отвергнули избирательный билль; въ то же время выражалось полное одобреніе Гладстону и желаніе, чтобы положенъ былъ конецъ праву палаты лордовъ—останавливать законы, клонящіеся ко благу страны и народа. Эти резолюціи были очень мягки, въ видахъ соглашенія между радикальными рабочими союзами, либеральными клубами и консервативными рабочими асоціаціями. Только на одной платформѣ, вокругъ которой собралось тысячъ пятнадцать вполнѣ единодушной публики, принята была радикальная резолюція—не ограниченія правъ палаты лордовъ, а совершеннаго ея уничтоженія. Вообще, на этомъ митингѣ, не въ членахъ его, а въ массѣ народа явно проявлялось требованіе идти гораздо дальше парламентскихъ либераловъ и всякихъ компро-

миссовъ. Только около одной изъ платформъ консерваторы вздумали про контръ-манифестацію и начали шикать и свистать оратору, но тотъ были заглушены криками одобренія, а зачинщиковъ демонстраціи за замолчать.

Другой, еще болѣе внушительный, хотя и не такой многочисленный собрался 25-го іюня въ Манчестерѣ. Въ Лондонѣ вопросъ объ избирателя формѣ стоялъ на первомъ планѣ; о палатѣ лордовъ говорилось въ умѣ выраженіяхъ. Въ радикальномъ Манчестерѣ предсѣдатель Джонъ Брайт заявилъ, что цѣль созваннаго имъ сборища—«ограниченіе олигархіи», отв шей билль о реформѣ. Резолюція, предложенная митингомъ, на которомъ ствовало 80,000 человѣкъ и принятая единогласно—прямой протестъ палаты лордовъ. Она дѣйствительно сдѣлалась невозможной въ послѣдне отвергая систематически всѣ либеральныя мѣры министерства. Такъ, вс биллемъ избирательной реформы, лорды отвергли въ *пятый* разъ измѣн составѣ ирландскихъ попечительныхъ совѣтовъ. Въ этихъ совѣтахъ, уч ныхъ для помощи бѣднякамъ, изъ которыхъ состоитъ большинство обез наго ирландскаго населенія,сосредоточивается все мѣстное самоуправленіе наго острова. Между тѣмъ, членовъ въ совѣты назначаетъ ирландская адми ція, всецѣло принадлежащая ландлордамъ. Парнеллисты просили ввести совѣты представительный элементъ и тайную подачу голосовъ. Правит охотно согласилось, и палата общинъ единогласно приняла эту мѣ палата лордовъ постоянно отвергаетъ всѣ мѣры, клонящіяся къ об ирландскаго населенія, и не хочетъ, чтобы ея собраты-ландлорды потер вліяніе на попечительные совѣты. И въ этомъ случаѣ, какъ въ избира реформѣ, Гладстонъ дѣлалъ всевозможныя уступки, готовъ былъ пойти на миссы, но упрямство лордовъ отвергло всякое соглашеніе. Кромѣ того, въ б это формѣ консервативная партія прибѣгнула къ недостойнымъ увертками ея, маркизъ Салисбюри, на митингѣ консерваторовъ въ Шеффильдѣ, объяв избирательный билль составленъ такимъ образомъ, чтобы большинство б долго обречено нынѣшнему министерству; поэтому, отвергнувъ его, пала довъ «исполнила свою обязанность». Исказивъ цѣль билля, Салисбюр своею обязанностью польстить народу, обманывая его въ то-же время грубымъ образомъ: «мы не противъ реформы, говорилъ онъ, но требуемъ голоса избирателей были правильно распредѣлены между округами, чтобы имѣлъ возможность дѣйствительно выказать свою волю». Между тѣмъ, представителей въ палату общинъ избираютъ только городскіе округи, щіеся подъ вліяніемъ лордовъ, сельскіе округи лишены этого права. Но можно назвать дѣйствительною народною волею—волю однихъ горожа *участія* гораздо болѣе многочисленныхъ сельскихъ жителей? Какое жал *цемѣріе* и какія грубыя уловки, чтобы скрыть эгоистическія цѣли и не до

расширенія избирательныхъ правъ. Что же касается до митинговъ, благородный лордъ объявилъ, что «уличныя манифистаціи не должны руководить законодательствомъ страны, и лордамъ нечего пугаться поддѣльнаго общественнаго мнѣнія». Близкое будущее покажетъ, что̀ болѣе поддѣльно: народное-ли движеніе противъ лордовъ, или желаніе главы ихъ лишить народъ возможности выказать свою дѣйствительную волю. Такой-же торжественный митингъ происходилъ и въ Эдинбургѣ, а на одномъ изъ неменѣе шумныхъ лондонскихъ митинговъ въ Клеркенуэлѣ, центрѣ политической жизни лондонскихъ рабочихъ, принята была, при восторженныхъ крикахъ резолюція, что «наслѣдственная и безотвѣтственная палата лордовъ совершенно несовмѣстима съ національною свободой». Это—перифраза словъ Джона Брайта, сказанныхъ въ парламентѣ, что «наслѣдственная палата не можетъ быть учрежденіемъ свободной страны».

Лондонская конференція, цѣлый мѣсяцъ занимавшаяся разсмотрѣніемъ поданнаго Франціею контръ-проэкта англійскимъ финансовымъ предложеніямъ, закрылась совершенно неожиданно рѣзкимъ эпизодомъ. Она не обращала на себя вниманія публики, совершенно равнодушно относившейся къ засѣданіямъ уполномоченныхъ. Германскій посолъ, графъ Мюнстеръ, среди преній о финансахъ Египта, предложилъ заняться преобразованіемъ санитарныхъ порядковъ во владѣніяхъ хедива. Предсѣдатель Гренвиль объявилъ, что не можетъ допустить уклоненія отъ программы конференціи. Представители нѣкоторыхъ державъ согласились съ этимъ, но сказали, что готовы подать свои голоса за предложеніе графа. Тогда Мюнстеръ потребовалъ, чтобы оно внесено было въ протоколъ. Такимъ образомъ, по рѣшеніи финансоваго вопроса—если онъ когда нибудь рѣшится,—Англія могла бы заявить, что на конференціи представители великихъ державъ нашли необходимымъ предложть, п о отношенію къ Египту, и другіе вопросы, не менѣе важные, чѣмъ его финансы—и поэтому можно было бы обсудить ихъ съ международной точки зрѣнія въ этой или другой конференціи. Въ этихъ переговорахъ и преніяхъ время могло бы протянуться до осени, когда Гладстонъ покончитъ съ избирательнымъ, а, можетъ быть, и съ суданскимъ вопросомъ. Повидимому, ему только это и было нужно. Успѣхъ избирательнаго билля заставилъ позабыть о неуспѣхѣ египетской политики, которою недовольны и лорды, и комонеры, и либералы, и консерваторы, а если еще и она пойдетъ на ладъ—цѣль была бы вдвойнѣ достигнута: тогда, не согласившись съ любымъ мнѣніемъ любой державы, можно бы и весь Египетъ со всѣми его вопросами захватить въ свои руки, а всякія конференціи—по̀-боку. Этимъ дѣло кончилось и теперь. 21-го іюля, министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Гренвиль неожиданно закрылъ конференцію и въ тотъ-же день заявилъ въ палатѣ общинъ о неудачномъ исходѣ международнаго совѣщанія. Что̀ было причиною такого внезапнаго рѣшенія—объ этомъ газеты и корреспонденціи еще не говорятъ и потому приходится отложить объясненіе страннаго факта.

Но чѣмъ бы ни тревожилась Англія, какія бы важныя мѣры ни принимала

она во внѣшней или внутренней политикѣ, у нея всегда на первомъ планѣ больное мѣсто—Индія. И лорды и простые граждане видятъ въ ней ахиллесову пяту и понимаютъ, что престижъ и могущество Англіи болѣе всего уязвимы съ этой стороны. Немудрено поэтому, что все, сколько нибудь касающее Индіи, возбуждаетъ опасеніе англичанъ. Въ послѣднемъ засѣданіи палаты общинъ, одинъ ораторъ опять обратилъ вниманіе правительства на то, что занятіе русскими Мерва и Серакса угрожаетъ Герату, а вмѣстѣ съ тѣмъ независимости Афганистана и, конечно, Индіи. Товарищъ министра по индѣйскимъ дѣламъ отвѣчалъ, что правительство заботливо слѣдитъ за этимъ вопросомъ: отправляется комисія для опредѣленія сѣверозападныхъ границъ Афганистана, совмѣстно съ приближенными эмира. Для сопровожденія комисіи, въ Кветѣ собирается англійскій отрядъ изъ сотни кавалеріи и сотни пѣхоты. Вопросъ только въ томъ: пропустятъ-ли эту свиту независимыя племена въ горныхъ проходахъ. Въ составъ комисіи войдутъ три политическіе агента, которые, конечно, не одному Абдуррахманъ-хану постараются надѣлать сколько можно больше непріятностей.

Журналистика поддерживаетъ это настроеніе и, въ послѣдней книжкѣ одного изъ самыхъ серьезныхъ органовъ англійской печати. «Blackwoods Magazine», въ статьѣ «Русское движеніе на Индію», придается огромное политическое и стратегическое значеніе присоединенію туркменскихъ племенъ къ Россіи, которая «принявъ грозное положеніе на афганской границѣ, распространила свою власть на опасное разстояніе отъ Индіи, пріобрѣтя военную позицію, необходимую для усиленнаго движенія въ югозападную Азію. При этомъ, Россія будетъ угрожать и Малой Азіи, и Сиріи; персидскій шахъ уже ея слуга; борьба между Англіею и Россіею неизбѣжна и должна рѣшить судьбу англійскаго владычества въ южной Азіи; Россія наложила руку на Гератъ, черезъ который шли всѣ завоеватели Индіи отъ Александра Македонскаго до шаха Надира; изъ Мерва ташкентская армія можетъ двинуться во всѣ проходы Гиндукуша и, въ то же время, подать руку арміи кавказской и отъ Каспійскаго моря; съ этими арміями соединятся орды среднеазіатскихъ ханствъ и туркменъ". «Если эти 12,000 превосходныхъ наѣздниковъ, писалъ полковникъ Бекеръ еще въ 1873 году, — будутъ поставлены подъ команду европейскихъ офицеровъ, они образуютъ такую силу, которая, подпавъ подъ русское управленіе, легко овладѣетъ Афганистаномъ». Туркменскія лошади, по словамъ Бекера, лучше чистокровныхъ англійскихъ и арабскихъ: онѣ могутъ проскакать безъ остановки 40—50 англійскихъ миль, тогда какъ индійская кавалерія очень слаба. Единственное средство, при настоящемъ положеніи дѣлъ, если не отвратить, то отдалить опасность— не выпускать изъ англійскихъ рукъ Герата и взять обратно Кандагаръ. Это не разъ совѣтовали правительству и другіе журналы, такъ какъ опасенія «Blackwoods Magazine» раздѣляются всею англійскою печатью.

Объ англо-русской комисіи для опредѣленія сѣверной афганской границы газеты не сообщаютъ никакихъ свѣдѣній; это покамѣстъ дипломатическая тайна. Извѣстно только, что между двумя правительствами состоялось соглашеніе, и что комисія начнетъ свою работу осенью. Индійскія телеграммы сообщаютъ, что въ Кабулѣ эмиръ выдалъ своимъ войскамъ жалованье за четыре мѣсяца впередъ и готовится къ походу, но куда? Одни говорятъ—въ афганскій Туркестанъ, другіе—въ Гератъ. Очевидно только, что Абдуррахманъ, получающій такую крупную субсидію отъ Англіи—на ея сторонѣ. Но есть оптимисты, утверждающіе, что эмиръ играетъ между двумя соперничествующими великими державами традиціонную роль мелкаго азіатскаго властителя, обманывающаго обѣ державы и старающагося извлечь изъ нихъ для себя личныя выгоды. Можно стараться о томъ, чтобы склонить такое лицо на свою сторону, но довѣряться ему было-бы большою ошибкою, послѣдствія которой могутъ быть очень печальны.

Заботиться объ Индіи заставляетъ англійское правительство, получающее отъ нея значительныя суммы, упадокъ торговли и промышленности въ самой Англіи. Кризисъ этихъ важнѣйшихъ факторовъ общественной жизни, начавшійся съ половины семидесятыхъ годовъ, продолжается до настоящаго времени, съ незначительными колебаніями. Это доказываютъ оффиціальные отчеты о состояніи англійской внѣшней торговли за истекшее полугодіе. За всѣ шесть мѣсяцевъ вывезено на 115.621,173 фунта стерл., въ прошломъ же году, также неблагопріятномъ, за тотъ-же періодъ времени вывозъ былъ больше на1.345,742 фунт. Во ввозѣ произошло еще болѣе крупное уменьшеніе: онъ уменьшился, по сравненію съ прошлымъ годомъ, на восемь процентовъ. Значительное уменьшеніе въ количествѣ ввезенной пшеницы не представляется неблагопріятнымъ явленіемъ, указывая на прошлогодній урожай въ самой Англіи, но уменьшеніе въ привозѣ живаго скота, шерсти, хлопка, пеньки, джута, керосина объясняется прямо неудовлетворительнымъ состояніемъ промышленности, а это состояніе отзывается чрезвычайно неблагопріятно на положеніи рабочаго населенія. Не въ одномъ Лондонѣ уменьшился спросъ на рабочія руки—на сѣверѣ Англіи упадокъ заработной платы еще значительнѣе. Есть города, какъ Миддельсборо, съ 60-ти-тысячнымъ населеніемъ, гдѣ положеніе рабочаго населенія самое отчаянное. Тысячи рабочихъ получаютъ за дробленіе камней въ рабочихъ домахъ по шилингу въ день. Въ приморскихъ городахъ, еще недавно отличавшихся кораблестроеніемъ, гдѣ кипѣла работа по нагрузкѣ судовъ, бродитъ масса голодныхъ безъ всякаго дѣла. На рѣкѣ Тайнъ въ прошломъ мѣсяцѣ стояли въ бездѣйствіи 104 пароход?, вмѣстимостью въ 90,000 тоннъ. Въ сѣверовосточныхъ портахъ стоятъ безъ грузовъ 137 океанскихъ пароходовъ, цѣною въ милліонъ фунтовъ. За истекшіе три мѣсяца финансоваго года, въ поступленіи государственныхъ доходовъ не-

дочетъ, въ сравненіи съ прошлымъ годомъ, доходитъ до 850,000 фунтовъ. Стачка стаффордшейрскихъ углекоповъ кончилась новымъ пониженіемъ заработной платы съ 3 шилинговъ 8 пенсовъ на 3 шил. 4 пенса. Въ Глазгоу остались безъ работъ 15,000 человѣкъ; въ Гринокѣ—нѣсколько меньше. На корабельныхъ верфяхъ по Клайду—полный застой; въ Ньюкестлѣ масса матросовъ безъ дѣла. Хлопчато-бумажныя фабрики въ Ланкашейрѣ на половину сократили работы. Въ Ливерпулѣ до 4,000 рабочихъ въ докахъ безъ работы. Земельная агитація изъ Ирландіи и Шотландіи переходитъ въ Англію. Рента, платимая фермерами лордамъ въ Ланкашейрѣ—до 120 рублей съ нашей десятины—доходитъ до такихъ размѣровъ, что занятіе сельскимъ хозяйствомъ дѣлается невозможнымъ. Кромѣ того, на фермерахъ лежатъ тяжелые мѣстные налоги и значительный десятинный сборъ. Одинъ изъ фермеровъ лорда Дерби отказался отъ уплаты этого сбора и послалъ по всѣмъ окрестнымъ фермерамъ циркуляры съ просьбою поддержать его въ борьбѣ съ землевладѣльцемъ. Циркуляръ принятъ весьма сочувственно во всемъ графствѣ.

Только одно утѣшительное явленіе въ англійской жизни за послѣднее время—это принятіе палатою лордовъ неполитическаго билля о медицинскихъ корпораціяхъ. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ попеченіе о народномъ здоровьѣ и контроль надъ лицами и учрежденіями, посвятившими себя этому дѣлу, принадлежитъ государству. Въ Англіи, лѣченіе больныхъ и право продажи лѣкарствъ принадлежало двадцати двумъ замкнутымъ корпораціямъ, дѣятельность которыхъ была совершенно изъята изъ контроля законодательной и исполнительной власти. Эти корпораціи пользовались исключительнымъ правомъ выдавать докторскія и аптекарскія свидѣтельства въ районѣ извѣстной мѣстности, такъ что лондонскій врачъ не имѣлъ права лѣчить въ Эдинбургѣ, и наоборотъ—провинціальные врачи не могли практиковать въ Лондонѣ; экзамены для полученія патентовъ составляли простую формальность, и это ни съ чѣмъ несообразное учрежденіе, сохранявшееся съ среднихъ вѣковъ, уничтожено только теперь, послѣ двадцатишестилѣтней борьбы и шестаго билля, внесеннаго правительствомъ. Билль опредѣляетъ также нормальную программу экзаменовъ, обязательную для медицинской корпораціи всѣхъ трехъ королевствъ, тогда какъ, до сихъ поръ, у всякой корпораціи была своя отдѣльная программа. Для надзора за экзаменами учреждаются медицинскія управленія (boards) и совѣты, въ которыхъ двѣ трети членовъ назначаются правительствомъ.

Дѣйствуя осторожно и неторопливо въ сношеніяхъ съ Китаемъ, Франція не медлила въ вопросѣ упроченія своей конституціи. Согласившись на пересмотръ части этой конституціи, сенатъ не допустилъ только пересмотра статьи, опредѣляющей его финансовый контроль надъ палатою депутатовъ. Этого права сенатъ не захотѣлъ лишиться. Жюль Ферри ручался сенаторамъ, что изъ ихъ финансовыхъ правъ можетъ подвергнуться отмѣнѣ только право возстановлять кре-

диты, вычеркнутые изъ бюджета палатою депутатовъ, а право неутвержденія кредитовъ, принятыхъ палатою, останется неприкосновеннымъ. Сенатъ не удовольствовался и этою уступкою, желая всегда имѣть возможность тормозить радикальныя ассигновки палаты, въ родѣ назначенія пособій комунарамъ, или попытки сократить содержаніе духовенства. Ферри подчинился этому рѣшенію, и сенатъ, большинствомъ 165-ти голосовъ противъ 111-ти, согласился на пересмотръ конституціи, за исключеніемъ означенной 8-й статьи. Тогда и палата депутатовъ приняла поправку сената, изъявивъ этимъ готовность сдѣлать угодное министерству, съумѣвшему заручиться въ сенатѣ большинствомъ 54-хъ голосовъ. Это большинство дѣлаетъ Жюля Ферри полнымъ руководителемъ Франціи и избавляетъ его отъ необходимости подчиняться палатѣ депутатовъ, вопреки своимъ убѣжденіямъ. Еслибы она не приняла поправки сената, Ферри могъ бы тотчасъ распустить палату, а члены ея знаютъ хорошо, что на новыхъ выборахъ они потерпятъ пораженіе, если ихъ не будетъ поддерживать правительство. Для пересмотра конституціи составилось изъ палаты депутатовъ и сената національное собраніе или конгрессъ; засѣданіе происходятъ въ Версалѣ, въ залѣ бывшаго придворнаго театра, передѣланнаго для палаты въ 1871 году. Здѣсь, послѣ перенесенія центральнаго управленія въ Парижъ, національное собраніе созывалось уже въ январѣ 1879 года для избранія президента республики на мѣсто Макъ-Магона. 23-го іюня открылся новый конгрессъ, но разсчеты правительства, что вопросъ рѣшится быстро, безъ преній, не оправдались. Предсѣдатель въ первое же засѣданіе долженъ былъ пріостановить его, вслѣдствіе страшнаго шума, неизвѣстно отчего поднявшагося. Монархисты и радикалы очевидно хотѣли затянуть дѣло, но исходъ его все таки будетъ въ пользу правительственнаго предложенія объ окончательномъ признаніи республиканской формы правленія во Франціи. На конгрессѣ Жюль Ферри располагаетъ большинствомъ 500 голосовъ.

Упроченію государственнаго положенія мѣшаетъ общественное бѣдствіе, постигнувшее южныя провинціи. Въ теченіе мѣсяца, холера не унесла много жертвъ и не распространилась въ отдаленныя мѣстности, ограничиваясь Тулономъ, Марселемъ, Арлемъ, Эксомъ, Тарасконом и еще нѣсколькими прибрежными пунктами; но она произвела въ населеніи такую панику, какая не появлялась во время прежнихъ эпидемій, и ничѣмъ не объясняется. Все сколько нибудь зажиточное населеніе бѣжало изъ холерныхъ мѣстностей, гдѣ прекратилась всякая торговля, закрылись всѣ лавки, прервались всѣ сношенія. Общему упадку духа содѣйствовало разногласіе врачей касательно свойствъ и способовъ лѣченія эпидеміи. Нѣмецкіе врачи, съ Кохомъ во главѣ, утверждаютъ, что холера по воздуху не распространяется, французскіе—высказываютъ противное мнѣніе. Кохъ видѣлъ причину холеры въ проникновеніи въ организмы микробовъ; французы говорятъ, что сама болѣзнь рождаетъ микробы въ организмѣ и дѣлаетъ

сырость дурнымъ проводникомъ холеры, а нѣмцы считаютъ ее—хорошимъ. Знаменитый эпидеміологъ Петенкоферъ отвергаетъ заразительность холеры, утверждая, что эта болѣзнь—продуктъ извѣстной почвы, какъ желтая и перемежающаяся лихорадка. Приверженцы этой теоріи, «локалисты», доказываютъ заблужденіе «контагіонистовъ» тѣмъ, что рѣже другихъ заболѣваютъ холерою врачи и ухаживающіе за больными или заботящіеся о погребеніи холерныхъ. Причину болѣзни слѣдуетъ искать въ почвѣ; бѣлье холерныхъ только тогда можетъ служить источникомъ холеры, когда привозится изъ холерной мѣстности. Петенкоферъ не отвергаетъ открытія Кохомъ бакциллъ въ кишкахъ холерныхъ, но говоритъ, что бакциллы, какъ и всѣ низшіе организмы, зарождаются въ почвѣ, загрязненной человѣческими отбросами. На ослабленіе брюшнаго тифа, холеры и другихъ инфекціонныхъ болѣзней, зависящихъ отъ почвы, вліяютъ чистота, канализація, очищеніе водою. Разногласіе докторовъ могъ бы разъяснить международный конгресъ для обсужденія мѣръ борьбы съ холерою, но теперь различныя теоріи и разнообразныя мѣры, принимаемыя правительствами, сбиваютъ съ толку. Въ то время, какъ Англія не хочетъ слышать ни о какихъ предохранительныхъ мѣрахъ, Италія думаетъ защититься отъ холеры штыками, установивъ самый строгій военно-санитарный кордонъ, задерживающій и усердно окуривающій всѣхъ пріѣзжающихъ даже изъ такихъ мѣстъ, гдѣ вовсе нѣтъ холеры, какъ изъ Австріи и Швейцаріи. Понятно, что отъ этого страдаетъ торговля, промышленность; вездѣ ропотъ, обѣдненіе и недовольство неимущихъ классовъ. Да и никакіе кордоны не спасутъ отъ эпидеміи—доказательствомъ этому служитъ то, что холера все таки появилась въ Италіи, въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Во Франціи были случаи бунта разоренныхъ бѣдняковъ, хотя въ Марсели и Тулонѣ болѣзнь значительно ослабѣла. Отдѣльные случаи заболѣванія были въ Ліонѣ и въ Парижѣ, но вѣдь въ этомъ правительство сознается только, когда уже нельзя будетъ скрывать явныхъ фактовъ. Въ Парижѣ, въ госпиталяхъ, надъ кроватями холерныхъ придумали выставлять надпись „refroidissement progressif"—и всѣ очень довольны. Мы все еще боимся больше словъ, чѣмъ дѣла.

Антигерманская демонстрація въ Парижѣ, въ день національнаго праздника, 14-го іюля, имѣла вовсе не такой ничтожный характеръ, какъ объ этомъ сообщали первоначальныя извѣстія. Не нѣсколько воспитанниковъ одной школы, какъ говорили телеграммы, но многолюдная процессія, съ демонстративнымъ характеромъ, нанесла оскорбленіе германскому флагу, сорвавъ его съ Континентальнаго отеля и уничтоживъ. Для чего вздумалось хозяину этого отеля выѣсить два нѣмецкихъ флага?—осталось неразъясненнымъ. Замѣчательно, что одинъ флагъ былъ сброшенъ съ балкона полицейскимъ комисаромъ, явившимся для прекращенія безпорядка. Комисаръ былъ, конечно, немедленно отставленъ; президентъ республики ѣздилъ извиняться къ германскому послу; печать употребляла всѣ усилія, чтобы ослабить впечатлѣніе, какое произвела въ Берлинѣ

...а ульчная сцена. Монархическій „Figaro“ прямо заявилъ, что „дѣйствовать такимъ образомъ могутъ только или глупцы, или подстрекатели“. Германское правительство, конечно, не поднимет исторіи изъ-за этого скандала, но нѣмецкія газеты отозвались рѣзко и жостко о французскомъ правительствѣ, допустившемъ подобное оскорбленіе. Правительство это, постоянно кокетничая съ шовинистами, виновато въ томъ, что въ Парижѣ безнаказанно нарушаются самыя элементарныя правила международной вѣжливости. «NazionalZeitung» говоритъ, что въ Парижѣ ежегодно производится демонстрація гораздо болѣе значительная, чѣмъ сорваніе флага—это возложеніе вѣнковъ къ подножію статуи Страсбурга, и правительство допускаетъ это, не смѣя протестовать противъ партіи, открыто проповѣдующей войну съ Германіей. Когда эта партія сдѣлается достаточно сильна и возобновитъ крики: à Berlin, правительство должно будетъ послѣдовать за нею, хотя и не хочетъ войны. Оффиціальная „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ утверждаетъ, что германскій флагъ былъ вывѣшенъ нарочно, чтобы предоставить парижской черни удобный предлогъ—произвести демонстрацію, враждебную Германіи. Подобные отзывы не содѣйствуютъ, конечно, скрѣпленію дружественныхъ отношеній между націями, хотя нѣкоторыя глубокомысленныя газеты печатаютъ, что Франція входитъ въ союзъ съ Германіей для противодѣйствія Англіи. Скорѣе возможенъ союзъ съ Китаемъ, съ Мадагаскаромъ, съ кѣмъ угодно, только не съ завоевателями Эльзаса и Лотарингіи.

Довольно оживленную полемику возбудила мѣра, принятая берлинскою полиціею по отношенію къ русскимъ подданнымъ, проживающимъ въ столицѣ Германіи. Многихъ изъ этихъ лицъ высылаютъ немедленно; другимъ разрѣшаются только кратковременные сроки пребыванія въ городѣ. Какая причина такой строгой и неожиданной мѣры? Этого никто не объясняетъ, между тѣмъ на прусское правительство сыплятся обвиненія, даже въ прусскихъ газетахъ. Такъ, берлинскій «TagBlatt» называетъ образъ дѣйствій полиціи антигуманнымъ и произвольнымъ, и совѣтуетъ русскимъ подданнымъ жаловаться министру внутреннихъ дѣлъ, какъ будто полиція могла принять такую мѣру безъ его вѣдома. Да она не могла быть принята и безъ вѣдома русскаго правительства, которое, въ противномъ случаѣ, не оставило бы полицейскаго распоряженія безъ запроса. Очевидно, что въ этомъ случаѣ было соглашеніе обоихъ государствъ и объясненіе его будетъ дано въ нѣмецкихъ газетахъ. «Kreuzzeitung» замѣтила, что высылкѣ подвергаются если не исключительно, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ—русскіе евреи, ведущіе болѣе или менѣе сомнительный образъ жизни и, вѣроятно, подозрѣваемые въ политическихъ тенденціяхъ. И это очень возможно, хотя за тенденціи въ Германіи не высылаютъ, но, вѣроятно, тутъ были вѣскіе факты. Впрочемъ, изъ 2,000 русскихъ, живущихъ въ Берлинѣ, высылается только 1800—преимущественно евреевъ и поляковъ.

Въ Галиціи, въ Драгобычѣ произошли крупные антиеврейскіе безпорядки. Неизвѣстно изъ-за чего рабочіе на нефтяныхъ источникахъ начали бить стекла въ еврейской части города. Затѣмъ толпа ворвалась въ синагогу, гдѣ произошла схватка съ евреями, причемъ нѣсколько человѣкъ было убито и ранено. Полиція, возстановляя порядокъ, принуждена была дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ, и два человѣка получили смертельныя раны. По крайней мѣрѣ, при усмиреніи не участвовало войско, дѣйствующее иногда уже черезчуръ энергически. Такъ, при подавленіи антиеврейскихъ безпорядковъ въ Алжирѣ, произошли, по вновь полученнымъ извѣстіямъ, весьма печальныя сцены: разогнавъ толпу, кричавшую «долой евреевъ!» войско, вмѣсто того чтобы удалиться, когда все успокоилось, отправилось маршировать по городу, какъ будто завоеванному имъ. Населеніе смотрѣло на это побѣдное шествіе сначала съ удивленіемъ, потомъ съ неудовольствіемъ, и къ ночи составились новыя группы на главной площади. Явились члены муниципальнаго совѣта съ мэромъ и употребили всѣ усилія, чтобы разсѣять толпу. Она послушалась увѣщаній и стала расходиться. Вдругъ на площади явились солдаты и, безъ дальнихъ словъ, бросились въ штыки. Толпа разсыпалась, но въ ней оказалось много раненыхъ и нѣкоторые—опасно. Въ то же время, съ противоположной стороны, явились зуавы и оцѣпили бѣжавшихъ. Мэръ началъ протестовать противъ такого превышенія власти, и какъ лицо, отвѣчающее за спокойствіе города, приказалъ войскамъ удалиться. Полковой командиръ отвѣчалъ: «хоть вы и мэръ, но я буду стрѣлять въ васъ». Мэръ въ негодованіи обнажилъ грудь и вскричалъ: „стрѣляйте же“! Это заставило полковника образумиться и удалиться съ солдатами. Военныя власти и въ другихъ странахъ считаютъ себя выше гражданскихъ, но нигдѣ антагонизмъ между ними не развитъ такъ сильно, какъ во Франціи, и не разъ приводилъ онъ къ самымъ прискорбнымъ сценамъ.

Дипломатіи пришлось въ послѣднее время улаживать еще два международныхъ столкновенія, кромѣ случая съ германскими флагами: испанскій министръ просвѣщенія Пидаль произнесъ въ засѣданіи кортесовъ рѣчь, въ которой восхвалялъ свѣтскую власть папы и доказывалъ ея необходимость. Итальянское правительство обидѣлось этимъ, а римскія газеты стали бранить Испанію и, заодно, главу итальянскаго кабинета, зато, что онъ позволяетъ оскорблять свое отечество. А между тѣмъ, мѣсяцъ тому назадъ, президентъ итальянскаго сената, въ рѣчи по поводу смерти поэта Прати, родомъ изъ Тріеста, открыто заявилъ права Италіи на этотъ городъ. Депретису пришлось, по этому случаю, извиняться передъ австрійскимъ кабинетомъ и ссылаться на старческій возрастъ президента Теккіо. Пидаль не моложе его и говорилъ только о теоретическихъ правахъ папы-короля, а не о территоріальныхъ притязаніяхъ. Другой случай былъ въ Бельгіи: министръ иностранныхъ дѣлъ Моро приглашалъ французскихъ клерикаловъ „послѣдовать

примѣру ихъ бельгійскихъ единомышленниковъ", для достиженія власти,—то-есть, низвергнуть порядокъ вещей, существующій во Франціи. Оффиціальная брюссельская газета поспѣшила объявить, что слова Моро были невѣрно переданы въ газетѣ, исказившей смыслъ рѣчи и выраженія министра. Не смотря на это извиненіе, парижскія министерскія газеты прямо объявили, что если консервативное и клерикальное бельгійское министерство вздумаетъ давать Франціи совѣты касательно ея внутренней политики, то бельгійскій повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ получитъ приглашеніе выѣхать изъ Франціи.

Въ Норвегіи распря между королемъ Оскаромъ и стортингомъ окончилась. Уволенъ консервативный кабинетъ, въ составѣ котораго было нѣсколько министровъ изъ числа признанныхъ виновными верховнымъ судомъ. Новое министерство образовалось подъ предсѣдательствомъ Свердрупа, главы оппозиціи. Король приказалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекратить процессы, начатые противъ органовъ либеральной партіи, и народъ восторженно привѣтствовалъ его пріѣздъ въ Христіанію. Такимъ образомъ стортингъ, оставаясь на почвѣ законности и конституціи, одержалъ побѣду, благодаря своей твердости и энергіи. Въ то время, когда король слѣдовалъ неблагоразумнымъ совѣтамъ, норвежскій парламентъ рѣшился отстаивать права свои и народа, хотя бы сопротивленіе его привело къ разрыву союза между Швеціею и Норвегіею. Если послѣдняя страна была на сторонѣ своихъ представителей, то въ первой общественное мнѣніе было противъ нихъ. Король не поддался внушеніямъ партіи, совѣтовавшей прибѣгнуть къ оружію, и уступилъ, отказавшись отъ притязанія—налагать четвертое veto на законъ, трижды разсматривавшійся въ парламентѣ и неодобренный исполнительною властью. Еслибы парламентъ настоялъ на принятіи закона, вреднаго для блага страны, народъ не могъ бы упрекнуть въ этомъ короля, а представители націи могли бы въ слѣдующую сессію отмѣнить такой законъ. Исходъ этого дѣла въ Норвегіи можетъ послужить примѣромъ для Даніи, гдѣ уже два года продолжается парламентскій кризисъ и нижняя палата систематически отвергаетъ всѣ законопроэкты министерства. Что населеніе страны недовольно такимъ положеніемъ дѣлъ—доказывается выборомъ въ фолькстингъ радикальныхъ членовъ. На послѣднихъ выборахъ, въ палату вступили четыре соціалиста и много сторонниковъ крайнихъ партій, такъ что оппозиція обладаетъ теперь большинствомъ 82 голосовъ, и министерству не остается другаго исхода, какъ опять распустить палату.

Въ прошломъ мѣсяцѣ кончились сроки торговыхъ трактатовъ, заключенныхъ Турціею съ Россіей и Англіей, и обѣ эти державы предложили, чтобы впредь до заключенія новыхъ трактатовъ, пошлина съ товаровъ, ввозимыхъ въ Турцію, взималась въ размѣрѣ 8% ad valorem. Порта нашла однако жъ, что такое предложеніе несогласно съ ея интересами и требуетъ, увеличенія пошлинъ, такъ какъ съ этимъ связано улучшеніе финансовъ и возможность для нея консолидировать свои долги, потому что всѣ таможенные сборы по-

ступаютъ на погашеніе этихъ долговъ, а сборовъ этихъ не хватаетъ и на уплату Россіи, опредѣленной ей, контрибуціи. Еще недавно посолъ нашъ, г. Нелидовъ, вынужденъ былъ предъявить Портѣ требованіе объ уплатѣ этой контрибуціи за прошлый годъ. Въ обезпеченіе ежегоднаго вноса въ 350,000 турецкихъ лиръ (около 3.150,000 рублей) назначены нѣкоторыя статьи таможенныхъ доходовъ, но онѣ доставили только 150,000 лиръ и съ перваго же разу получился дефицитъ въ 200,000 лиръ, уплатою которыхъ Турція просила обождать. Откуда возьметъ Порта эту недостающую сумму — сказать трудно. Любопытно, что даже въ Турціи происходили антиеврейскіе безпорядки, хотя раса живущихъ тамъ евреевъ (испаньоловъ) гораздо лучше нашихъ, и ей не уступаютъ на поприщѣ гешефтовъ армяне и греки. Но не смотря на это, непріязнь къ евреямъ выразилась и тамъ по слѣдующему поводу: послѣ пожара въ Хаскіолѣ, предмѣстьѣ Константинополя, заселенномъ преимущественно евреями, до 200 семействъ переселилось въ предмѣстье Кассима. Недавно, наканунѣ шабаша, громадная толпа мусульманъ явилась съ криками и угрозами передъ синагогой, потому что одна турчанка стала увѣрять, что ея ребенка унесли въ синагогу. Евреи предлагали осмотрѣть синагогу по окончаніи богослуженія, но толпа ничего не хотѣла слушать и бросилась ломать двери. Во-время подоспѣвшая полиція успѣла разогнать толпу.

Восточная Румелія продолжаетъ возбуждать опасенія Турціи, хотя провинція эта далеко не въ цвѣтущемъ положеніи. Алеко-паша оставилъ новому генералъ-губернатору Крестовичу очень плохое наслѣдство. Въ пять лѣтъ своего управленія, Алеко съумѣлъ подорвать благосостояніе провинціи, уменьшить доходы, увеличить долги. Правительство убивало въ зародышѣ всякія полезныя начинанія, промышленность и торговлю. Въ каждомъ иностранцѣ видѣли злоумышленника, посягающаго на независимость страны, а въ самой странѣ, только-что начинающей самостоятельную жизнь, не было, конечно, ни опытныхъ администраторовъ, ни вообще какихъ-либо свѣдущихъ спеціалистовъ. Въ то время, когда въ Болгаріи русскіе офицеры сформировали благоустроенную армію, въ Румеліи нѣтъ ни одной порядочной роты и всѣ русскіе инструкторы, подвергаясь мелкимъ придиркамъ и гоненіямъ, оставили провинцію. Да и не они одни подвергались преслѣдованіямъ: самихъ болгаръ, если они не слѣпо повиновались ген.-губернатору, онъ высылалъ изъ ихъ родины, какъ директора финансовъ Гечова и другихъ способныхъ дѣятелей. Народное собраніе состояло изъ однихъ приверженцевъ Алеко-паши, продолжающихъ тормозить всѣ благія начинанія Крестовича. Пріятнымъ явленіемъ въ странѣ было только то, что новый начальникъ румелійской милиціи Дригальскій-паша, уже отправившійся изъ Константинополя къ мѣсту своего назначенія, замѣненъ начальникомъ жандармеріи. Отъ новаго генералъ-губернатора ждутъ многаго. Это, во всякомъ случаѣ, замѣчательная личность. Онъ родомъ изъ Котла, большаго мѣстечка въ Балканахъ,

откуда происходилъ и Алеко-паша. Отецъ послѣдняго, богатый семьянинъ, призрѣлъ Крестовича, бѣднаго мальчика, далъ ему воспитаніе и послалъ учиться въ Парижъ. Тамъ онъ слушалъ курсъ юридическихъ наукъ и даже выдержалъ экзаменъ, что̀ рѣдко случается съ болгарами, воспитывающимися на западѣ. Крестовичъ, учившійся при орлеанской монархіи, считаетъ ее послѣднимъ словомъ политической мудрости; республика ему антипатична. Преобладаніе Германіи, по его мнѣнію, случайное и скоропреходящее. Послѣ Франціи, идеалъ политическаго развитія для него—Англія. О Россіи онъ выражается сдержанно и уклончиво, но ставитъ ее ниже Германіи, которую однако не любитъ. На турецкой службѣ Крестовичъ, благодаря покровительству Алеко, занималъ видное мѣсто. Приглашенный имъ на должность директора внутреннихъ дѣлъ и генеральнаго секретаря Румеліи, Крестовичъ работалъ усиленно и его часть была самая благоустроенная во всей провинціи. Вся переписка съ Портой велась подъ его наблюденіемъ. Пріобрѣтя полную довѣренность лѣниваго и безхарактернаго Алеко, Крестовичъ вытѣснилъ всѣхъ своихъ соперниковъ по управленію и одинъ распоряжался всѣмъ. Одно время сильнымъ вліяніемъ пользовался директоръ путей сообщенія Вулковичъ, но Крестовичъ внушилъ Алеко-пашѣ, что его директоръ разсчитываетъ быть его преемникомъ, и Вулковичъ вышелъ въ отставку, послѣ бурной сцены съ ген. губернаторомъ, а, перейдя въ Болгарію, сдѣлался тамъ сначала министромъ, потомъ предсѣдателемъ державнаго совѣта. Увольненіе начальника милиціи, генерала Шгрекера, и директора финансовъ Гечова, человѣка съ замѣчательнымъ дарованіемъ, позже перешедшаго въ Болгарію—дѣло Крестовича, державшаго себя такъ ловко, что подозрительный ген.-губернаторъ, изгонявшій всякаго, кто хоть сколько нибудь казался способнымъ занять его мѣсто, и не воображалъ себѣ, что̀ преемникомъ ему можетъ быть Крестовичъ. Алеко ошибся въ этомъ случаѣ также, какъ въ поддержкѣ Австріи. Крестовичъ, помимо своего политическаго значенія, много содѣйствовалъ къ обогащенію болгарской литературы. Еще въ 1837 году онъ перевелъ сочиненіе Франклина «Мудрость добраго Ричарда»; въ 1858—61 г. издавалъ со Стояновымъ журналъ «Болгарски Кнежицы», гдѣ помѣщалъ изслѣдованія о прошлой жизни болгаръ, придерживаясь въ вопросѣ объ ихъ происхожденіи теоріи Венелина. Въ 1871 году, онъ издалъ въ Константинополѣ первый томъ «Исторіи Болгарскаго народа», хотя турецкій министръ просвѣщенія совѣтовалъ ему не заниматься такими пустяками, которые испортятъ его служебную карьеру. Впрочемъ исторія Крестовича, утверждающаго, что гунны были болгары, не выдерживаетъ научной критики, особенно послѣ труда професора Дринова. Гораздо серьезнѣе статьи его по церковной исторіи болгаръ, направленныя противъ Цанкова, старавшагося въ шестидесятыхъ годахъ увлечь болгаръ въ унію и ѣздившаго на поклоненіе папѣ. Съ представителемъ Россіи Крестовичъ старался постоянно быть въ ладахъ. Ему теперь за 60 лѣтъ, и онъ, хоть

природный болгаринъ, женатъ на гречанкѣ, а сынъ и дочь болгарскаго писателя и политическаго дѣятеля—не знаютъ болгарскаго языка.

Въ послѣднее время, наши газеты опять заговорили о необходимости возстановить наше вліяніе въ Болгаріи и Румыніи—посредствомъ усиленія торговыхъ сношеній. Именитое купечество собирается облагодѣтельствовать «братушекъ» подвозомъ къ нимъ московскихъ мануфактурныхъ произведеній, не находящихъ сбыта въ отечествѣ. Въ Европу давно уже нельзя сбывать товарецъ сомнительнаго достоинства и она почему-то не признаетъ глубокой мудрости россійской поговорки: «не обманешь—не продашь». Ну, а „братушки"—народъ новый, не настолько цивилизованный, чтобы постигнуть всѣ тонкости торговыхъ продѣлокъ, и въ этомъ случаѣ эксперименты надъ ними, конечно, легче сошли бы съ рукъ. Не приняли только въ разсчетъ наши комерсанты: какими средствами они будутъ бороться съ Австріей, отдѣленной отъ Болгаріи только Дунаемъ и обладающей большою сѣтью желѣзныхъ дорогъ да двумя обширными славянскими провинціями по сосѣдству съ болгарами. А намъ-то еще надо везти товаръ или моремъ, или транзитомъ черезъ Румынію. Подъ силу-ли нашему купечеству, только умѣющему жаловаться да просить о казенной поддержкѣ и увеличеніи таможенныхъ пошлинъ, бороться съ такими соперниками, какъ австрійскіе евреи, захватившіе уже въ свои руки всю мелочную торговлю на Балканскомъ полуостровѣ? Гдѣ же намъ конкурировать съ Австріей, если мы до сихъ поръ не могли найти рынка нашимъ товарамъ въ Средней Азіи, гдѣ намъ уже никто не мѣшаетъ и гдѣ однако англійскіе товары и лучше нашихъ, и стоютъ дешевле, не смотря на отдаленность перевозки и дорогую заработную плату въ Англіи. Да и у себя дома-то развѣ мы успѣшно боремся съ иностранными товарами? Во всемъ нужны намъ субсидіи да монополіи. Торговыя сношенія съ Болгаріей можно было установить, когда мы были въ Болгаріи, а мы взялись за это, когда тамъ уже усилилось австрійское вліяніе и самъ князь сдѣлался покорнымъ слугою Габсбурговъ. Почтенные комерсанты, какъ видно, забыли еще объ одной русской поговоркѣ: „спустя лѣто, въ лѣсъ по малину не ходятъ".

НОВЫЯ КНИГИ.

Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Изслѣдованіе *И. И. Дубасова.* Москва, 1883 года.

Книга г. Дубасова, возбудившая недавно цѣлую газетную полемику, заключаетъ въ себѣ, дѣйствительно, не мало интересныхъ и глубоко драматическихъ

страницъ; это—именно тѣ, гдѣ излагаются разсказы о помѣщикахъ Тамбовской губерніи, прославившихся своимъ жестокимъ обращеніемъ съ несчастными крѣпостными крестьянами того времени. Одинъ изъ первыхъ считъ по жестокости принадлежитъ несомнѣнно бывшему тамбовскому губернскому предводителю дворянства, князю Юрію Николаевичу Голицыну, извѣстному музыканту, пѣвцу и немножко писателю, прославившемуся болѣе своими многоразличными похожденіями за границей.

„Пылкій, избалованный барской обстановкой—говоритъ г. Дубасовъ—и вовсе не умѣвшій сдерживать своихъ аристократическихъ порывовъ, этотъ князь приказывалъ иногда давать своимъ провинившимся крестьянамъ *по тысячѣ* ударовъ и потомъ къ *избитымъ мѣстамъ прикладывать испанскія мушки*... А когда не хотѣлось ему *развлекаться* (курсивъ въ книгѣ) сѣченіемъ своихъ крестьянъ, онъ ставилъ ихъ въ маленькую башню на крышѣ барскаго дома и держалъ тамъ, не смотря ни на какую погоду, по нѣсколько сутокъ безъ пищи. Желая иной разъ поглумиться надъ своими дворовыми, князь собственноручно мазалъ ихъ дегтемъ или смолою. Мазалъ онъ стариковъ, не щадилъ также женщинъ и дѣтей. Нерѣдко приходила ему фантазія наказывать крестьянъ при болѣе или менѣе торжественной обстановкѣ. Такъ, однажды, онъ созвалъ къ себѣ всѣхъ своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ и въ ихъ присутствіи приказалъ сѣчь одну изъ нихъ, *а самъ въ это время игралъ на билліардѣ*... Сѣченіе продолжалось *цѣлый часъ* (!!) и результатомъ его было то, что изувѣченную дѣвушку немедленно послѣ экзекуціи пріобщили св. тайнъ...» (стр. 68).

Жестокостямъ князя Голицына посвящено въ книгѣ г. Дубасова нѣсколько страницъ... Оказывается, Голицына боялись не только его собственные крестьяне, но и всѣ сосѣдніе; его боялись даже помѣщики и все окрестное духовенство... «Если какой нибудь *священникъ* или мелкій купецъ встрѣчался съ надменнымъ владѣльцемъ и, по разсѣянности, не снималъ передъ нимъ шапки, *то неизбѣжно получалъ за это розги*»... (стр. 70). «И сами животныя — писалъ шефу жандармовъ нѣкто Сычевъ, долгое время служившій у князя Голицына — при встрѣчѣ съ Юріемъ Николаевичемъ, инстинктивно прятались куда попало...» Имущество же крестьянъ этого кровожаднаго чудовища и самая ихъ жизнь были— по словамъ очевидцевъ—«ежедневно въ опасности»... Просто сердце обливается кровью при чтеніи всѣхъ этихъ ужасовъ, происходившихъ, вдобавокъ, сравнительно недавно—всего лишь въ пятидесятыхъ годахъ, на нашихъ, такъ сказать, глазахъ и на нашей памяти!..

Не меньшіе ужасы учиняли въ своихъ тамбовскихъ вотчинахъ и многіе другіе помѣщики. Двоимъ изъ нихъ—Кашкарову и К—чинскому—г. Дубасовъ посвящаетъ нѣсколько кровавыхъ и страшныхъ страницъ. Въ Елатомскомъ, напр., уѣздѣ, въ имѣніи помѣщика Кашкарова, производились ежедневно самыя невѣроятныя и страшныя истязанія крестьянъ—за всякую самомалѣйшую провинность, а иногда и вовсе безъ всякой провинности и причины: «скотина была худа—за это скотниковъ сѣкли; скотина потолстѣла—и за это сѣкли. Баринъ

былъ не въ духѣ — онъ сѣкъ съ досады; баринъ былъ веселъ — для потѣхи дралъ»... (стр. 191).

«Въ имѣніи у Кашкарова—повѣствуетъ г. Дубасовъ—заведены были самые строгіе порядки. Въ случаѣ малѣйшей неисправности крестьянъ, наказаніе производилось немедленно. Давали по 400 ударовъ кнутомъ, такъ что наказанные лежали больными мѣсяца по три и болѣе. Одного крестьянина Кашкаровъ высѣкъ, въ теченіе великаго поста, 16 разъ, каждый разъ по 100 ударовъ (т. е. 1,600 ударовъ кнутомъ, въ теченіе семи недѣль!..). Бывало и такъ, что наказанные уже не вставали съ мѣста и трупы ихъ, безъ всякой огласки, были препровождаемы на кладбища... Такой участи чаще всего подвергались дѣти. Какъ человѣкъ съ чрезвычайно жосткою натурою, Кашкаровъ, наказывая, любилъ издѣваться надъ своими жертвами. Такъ, у одной дѣвочки послѣ сѣченія, онъ сжегъ на головѣ волосы, а у другой—обезобразилъ лицо зажженной свѣчкой. У оброчныхъ крестьянъ Кашкаровъ обыкновенно отнималъ имущество и переводилъ ихъ въ дворовые. Кромѣ того, Кашкаровъ весьма неумѣренно пользовался своими правами надъ крѣпостными женщинами и дѣвушками, даже малолѣтними—отъ 7 и 8 лѣтъ. За несогласіе билъ кнутомъ, розгами, и брилъ головы. Затѣмъ, все-таки добивался своей цѣли и непослушныхъ отдавалъ впослѣдствіи замужъ нарочно за самыхъ безобразныхъ мужиковъ. Замѣчательно, что Кашкаровъ пользовался иногда правомъ primae noctis въ присутствіи своей жены,—и г-жа Кашкарова не только не возмущалась этими зрѣлищами, но какъ будто сочувствовала имъ, вѣроятно—изъ принципа помѣщичьей власти... По крайней мѣрѣ, извѣстно, что нѣкоторыхъ малолѣтнихъ дѣвочекъ она сама приводила къ мужу и, въ случаѣ ихъ сопротивленія, помогала ему... Вообще, Кашкаровъ былъ настоящимъ пугаломъ для своихъ крестьянъ: съ пріѣздомъ его въ какую нибудь деревню—а ихъ у него было много,—на всѣхъ деревенскихъ жителей нападалъ паническій ужасъ: женщины и дѣти бѣжали тогда, куда попало—въ конопли, во ржи, а зимою къ гумнамъ и въ овраги.. » (стр. 188 и 189).

Вотъ портретъ изверга, созданнаго крѣпостнымъ правомъ «добраго стараго времени»... Дѣянія Кашкарова г. Дубасовъ дорисовываетъ, въ концѣ, не менѣе страшными разсказами. Этотъ елатомскій феодальный баронъ дошелъ, наконецъ, до того, что сталъ судить своихъ крестьянъ за уголовныя преступленія самъ, *какъ независимый владѣтель*... а несчастнымъ своимъ крѣпостнымъ женщинамъ приказывалъ кормить грудями своихъ любимыхъ щенятъ... И все это происходило въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, не далѣе!.. Наконецъ, несчастные крестьяне рѣшились подать графу Орлову, бывшему шефу жандармовъ, жалобу на своего жестокосердаго мучителя.

«Какъ безчеловѣчный бичъ — жаловались крестьяне, — какъ пугачъ (Пугачевъ) Кашкаровъ приводитъ въ ужасъ даже сторонніхъ крестьянъ, кои называютъ его *фармазономъ*—ибо онъ никогда въ церковь не ходитъ, Богу не молится, не говѣетъ и св. тайнъ не пріобщается. Только онъ богачъ необыкновенный и мѣстное начальство судить его не можетъ. Лѣтъ 10 тому назадъ, Кашкаровъ высѣкъ одного мальчика до смерти и ему за это ничего не было. Онъ же лишилъ дѣвства 11-тилѣтнюю Татьяну и 9-тилѣтнюю Прасковью, и ему за это ничего не было. Сама барыня своеручно розгами и кнутомъ сѣчетъ людей нещадно и тоже никто ей слова не скажетъ. *А сѣчетъ она* истинно безъ всякой жалости: крестьянина Владиміра Румянцева, не

устыдясь, сама сѣкла; женщину Авдотью Сергѣеву, нагую и беременную, повела въ баню и тамъ долго издѣвалась надъ ней, три пучка розогъ перемѣнила и головой объ стѣну била. Въ 1845 году, у насъ въ имѣніи на первый день Пасхи шла обѣдня, а Кашкаровъ въ это время сѣкъ кнутомъ своихъ дворовыхъ, щипалъ ихъ и палилъ имъ волосы лучиною...» (стр. 191).

По этой жалобѣ несчастныхъ мучениковъ началась переписка, а затѣмъ и слѣдствіе... И вотъ, когда о дѣйствіяхъ безжалостнаго тирана неповинныхъ крестьянъ стали разсуждать въ тамбовскомъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи, Кашкаровъ обратился къ этому собранію съ слѣдующимъ письменнымъ заявленіемъ: «Настоящія обвиненія противъ меня представляютъ случай небывалый, ибо безпорочный (!!) дворянинъ, дожившій почти до 60-ти лѣтъ, обвиняется въ нарушеніи будто бы права, предоставленнаго ему верховною властію. Не страдаетъ-ли отъ этого незапятнанная честь моя? и гдѣ же у слѣдователей моихъ страхъ Божій?.. Этотъ извергъ безотвѣтныхъ крестьянъ разсуждалъ еще о «чести» и «страхѣ Божіемъ»!..

Слѣдствіе и судъ надъ Кашкаровымъ кончились лишь тѣмъ, что подсудимаго вызвали въ Тамбовъ подъ надзоръ полиціи, а имѣніе его пробыло нѣкоторое время въ опекѣ... *И болѣе ничего.* Такимъ образомъ, ему преблагополучно сошли съ рукъ нѣсколько убійствъ, сотни изнасилованій и растлѣній, тысячи истязаній и столько же грабежей имущества своихъ крестьянъ.

Не такъ дешево отдѣлался другой, современный Кашкарову, помѣщикъ Елатомскаго же уѣзда, нѣкто К— чинскій, такой же ужасный тиранъ и развратникъ. Въ декабрѣ 1859 года, съ небольшимъ за годъ до освобожденія крестьянъ, шефъ жандармовъ князь Долгорукій телеграфировалъ въ Тамбовъ на имя губернатора Данзаса: «18-го декабря помѣщикъ К—чинскій умеръ. Примите мѣры къ огражденію его имущества отъ расхищенія возмутившихся крестьянъ». «Умеръ» К—чинскій въ садовой оранжереѣ, захваченный тремя крестьянами заговорщиками на любовномъ свиданіи съ крестьянкой Агафьей Никитиной, «по неволѣ принадлежавшей барину»... Крестьяне раздѣли К—чинскаго до нага, долго били его и звѣрски оскопили... На слѣдствіи убійцы повинились сразу: они объяснили, что баринъ переселялъ ихъ съ мѣста на мѣсто 7 разъ «и совсѣмъ разорилъ и измучилъ; а когда мы упрашивали его не трогать насъ, онъ томилъ голодомъ и сѣкъ розгами и плетьми, а избы наши велѣлъ разметать и сжечь»; затѣмъ виновные добавляли: «баринъ отнялъ у насъ жонъ на другой же день послѣ вѣнчанія»... По окончаніи слѣдствія, надъ виновными крестьянами начался судъ, который и приговорилъ ихъ къ 100 ударамъ плетьми каждаго, и ссылкѣ въ каторжную работу безъ срока...

Богъ вѣсть, чѣмъ бы, въ концѣ концовъ, разрѣшились всѣ эти ужасы, если-бы желанный день освобожденія крестьянъ затянулся почему нибудь на дальній срокъ... Порабощенье, по словамъ поэта:

Какъ зло за зло,
Всегда влекло
Ожесточенье,—

и мы узнаёмъ, напр., изъ той же книги г. Дубасова, что такъ называемыя «крестьянскія волненія» приняли въ 50-хъ годахъ характеръ весьма острый и заразительный. Расхищеніе помѣщичьяго имущества, поджоги барскихъ лѣсовъ, гуменъ и домовъ, и явное неповиновеніе помѣщичьей власти—стали повторяться чаще и чаще... Почти сплошное волненіе стало охватывать нѣкоторые уѣзды Тамбовской губерніи,—и крестьяне принялись уже за разбитіе питейныхъ домовъ и уничтоженіе изоляторовъ на телеграфныхъ столбахъ... А когда въ одно изъ имѣній прибылъ для усмиренія крестьянъ генералъ-адъютантъ Яфимовичъ, то его не хотѣли признать за генерала: «кто знаетъ—говорили крестьяне—генералъ-ли онъ; можетъ статься, какой нибудь подговоренный управляющимъ имѣніемъ»... (стр. 82).

Наступившее вскорѣ 19-е февраля 1861 года положило конецъ всѣмъ этимъ «волненіямъ» и недоразумѣніямъ, а равно и всѣмъ ужасамъ крѣпостнаго права—и жестокостямъ рабовладѣльцевъ, и мщенію крестьянъ, и безчеловѣчнымъ приговорамъ старыхъ судовъ... Для Тамбовскаго края, какъ и для всей остальной Россіи, наступила новая жизнь—и новая исторія.

Другія стороны жизни въ прошедшей исторіи Тамбовскаго края изслѣдованы г. Дубасовымъ менѣе тщательно и подробно, чѣмъ эта крѣпостная пора: исторія заселенія края, дѣла и жизнь тамбовскихъ архипастырей и администраторовъ, народное образованіе и проч.—все это излагается въ книгѣ г. Дубасова лишь слегка, безъ всякой, къ тому же, системы и толковой распланировки. Нѣкоторыя крупныя событія въ Тамбовской губерніи едва даже названы. Такъ, напр., извѣстный холерный бунтъ въ Тамбовѣ 1831 года не остановилъ на себѣ вовсе вниманія автора,—и мы знаемъ объ этомъ бунтѣ лишь изъ статьи «Вѣстника Европы», 1875 года. Зато, дѣяніямъ какого-то епископа Феофила авторъ посвящаетъ нѣсколько страницъ, да еще очень тенденціозно написанныхъ. Такъ напр., г. Дубасовъ называетъ этого епископа «незабвеннымъ», относившимся къ дѣламъ духовенства «съ истинно отеческою любовью»; между тѣмъ, изъ дальнѣйшихъ описаній подвиговъ этого «незабвеннаго» архипастыря оказывается, что онъ каралъ духовныхъ лицъ ввѣренной ему епархіи «тюремнымъ сидѣніемъ при консисторіи, штрафами и батогами»; дьячковъ наказывалъ розгами публично, подлѣ церквей; обязывалъ бѣдное сельское духовенство шить себѣ рясы «сукна синяго или вишневаго», а непослушныхъ этому приказу «отрѣшалъ отъ мѣста»... Прибавимъ еще, что этотъ «незабвенный» архипастырь, приводящій въ такое умиленіе г. Дубасова, оставилъ послѣ смерти «значительное состояніе—въ билетахъ сохранной казны и въ наличныхъ деньгахъ»...

Н. А. Лейкинъ. **Христова невѣста. Кусокъ хлѣба.** Романъ и повѣсть. Изданіе третье, 1884. Спб. 287 стр.

Съ развитіемъ у насъ журналистики, въ ней сдѣлались ходячими, шаблонными нѣсколько фразъ, надъ которыми стали смѣяться сами журналисты. Въ шестидесятыхъ годахъ, когда литература наша, во всѣхъ ея формахъ, развилась такъ широко и быстро, насмѣшки самихъ же писателей возбуждало выраженіе: «въ настоящее время, когда» и проч., хотя фраза эта была весьма естественна подъ перомъ лицъ, пережившихъ печальную эпоху сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Теперь эту фразу совершенно позабыли и повторять ее не приходится. Въ семидесятыхъ годахъ ее смѣнило другое выраженіе, надъ которымъ также немало поглумились: „съ одной стороны нельзя не признаться, съ другой нельзя не сознаться». Сужденіе, высказанное въ такой формѣ, конечно, было смѣшно, но вѣдь и политическія событія въ Европѣ въ ту эпоху, и разныя законодательныя и административныя мѣры были именно таковы, что въ нихъ были и хорошія и дурныя стороны, а нововведенія и преобразованія ограничивались полумѣрами, ничего не рѣшавшими и никого не удовлетворявшими. Для примѣра возьмемъ хоть міровое событіе 1870—71 года — уничтоженіе французской имперіи Пруссіею. Съ одной стороны, уничтоженіе растлѣвающаго наполеоновскаго управленія было весьма желательно, съ другой стороны—нисколько не желательно усиленіе прусскаго милитаризма и бисмаркизма. Но, оставивъ въ сторонѣ политику и перейдя къ скромной области нашей литературы, мы и здѣсь, даже въ настоящее время, должны подтвердить справедливость несомнѣнной истины: съ одной стороны сознаться, что журналистика содѣйствуетъ развитію талантовъ, укрѣпляя силы ихъ разработкою вседневныхъ общественныхъ вопросовъ, съ другой—должны признаться, что та же журналистика, принуждая таланты къ ежедневной, спѣшной, заказной работѣ, заставляетъ ихъ мельчать, разбрасывать свои силы, тратить ихъ на предметы, часто не заслуживающіе обсужденія. Въ нашей современной литературѣ — два такихъ примѣра растраты дарованія по мелочамъ: поэтъ Минаевъ и прозаикъ Лейкинъ. Первый взялъ подрядъ поставлять извѣстное количество стиховъ въ ежедневную газету, второй — помѣщаетъ въ той же газетѣ, всякій день, юмористическій разсказъ. На седьмой день ему дается отдыхъ, но писатель и имъ не пользуется, потому что издаетъ свою еженедѣльную газету, въ которой помѣщаетъ такіе же разсказы. Теперь пусть самъ авторъ скажетъ: есть-ли физическая и человѣческая возможность быть остроумнымъ юмористомъ 365, а въ высокосный годъ—366 разъ въ году? Въ теченіе двухъ лѣтъ, 1880 и 1881 г., Лейкинъ издалъ семь томовъ своихъ разсказовъ отдѣльными книгами и восьмой—въ 1882 году (три тома вторымъ изданіемъ), въ нихъ помѣщено 497 разсказовъ. Многіе-ли изъ нихъ останутся въ исторіи литературы? Вопросъ этотъ не праздный и къ нему стоило бы возвратиться, такъ какъ разсказы Лейкина рисуютъ современные, хотя и мелкіе слои петербургскаго общества. Изслѣдовать, насколько они вѣрны

дѣйствительности—необходимо для вѣрной оцѣнки нашего времени въ культурномъ отношеніи. Но мы должны теперь дать отчетъ о двухъ первыхъ произведеніяхъ неутомимаго автора, являющихся въ третьемъ изданіи.

Романъ и повѣсть г. Лейкина доказываютъ талантъ несомнѣнный, который могъ бы создать хорошія вещи, еслибы не размѣнялся на мелочи, не насиловалъ себя ежедневнымъ остроумничаньемъ. „Христова невѣста“ — произведеніе вполнѣ типичное, удачно задуманное, мастерски исполненное. Плутоватый купецъ Мякинниковъ, въ виду грозящей отъ пожара гибели его баркѣ съ хлѣбомъ у Калашниковой пристани, даетъ обѣтъ,—если Богъ охранитъ его достояніе, нажитое неправеднымъ трудомъ,—отдать въ монастырь ребенка, которымъ беременна его жена. Два смѣльчака бросаются въ пламя, обрубаютъ канаты у барокъ и спасаютъ ихъ, спустивъ внизъ по Невѣ. Купецъ даетъ имъ пять рублей, а родившуюся у него дочь, Таню, отправляетъ въ монастырь. Дѣвушка растетъ съ мыслью, что должна сдѣлаться монахиней по достиженіи узаконеннаго возраста, но пріѣзжаетъ по временамъ къ отцу погостить. Въ послѣдній пріѣздъ свой, уже взрослой дѣвушкой, на свадьбу двоюродной сестры, она влюбляется въ своего учителя живописи. Отецъ Тани не принадлежитъ къ числу домашнихъ тирановъ и невозможныхъ самодуровъ. Онъ человѣчно обращается съ дочерью и понимаетъ, что ни гражданскіе, ни церковные законы не даютъ права отцу приневоливать дочь къ поступленію въ монахини; но онъ боится, что нарушеніе даннаго обѣта навлечетъ на него гнѣвъ божій: два случая неудачи въ его дѣлахъ, когда онъ задумалъ освободиться отъ необдуманнаго обѣта, еще болѣе пугаютъ его. Онъ не приказываетъ своей дочери исполнить его требованіе, а умоляетъ ее не навлекать на себя и на него несчастія нарушеніемъ обѣта. Когда же она, увлеченная страстью, бѣжитъ къ своему возлюбленному, онъ не проклинаетъ ея, не преслѣдуетъ, а начинаетъ пить, чтобы виномъ залить свое горе. Борьба въ Мякинниковѣ человѣческихъ чувствъ съ дурно понятыми религіозными предразсудками, съ дикими идеями, завѣщаннымъ вѣковымъ невѣжествомъ, изображена авторомъ безъ всякаго преувеличенія, съ тонкою наблюдательностью, съ полнымъ знаніемъ быта и нравовъ нашего купечества. И когда параличъ разбиваетъ этого безхарактернаго, несчастнаго старика, мучающаго свою дочь, но болѣе ея мучающагося въ борьбѣ съ понятіями, которыя онъ считаетъ неизмѣнными, онъ возбуждаетъ къ себѣ невольное участіе. Также рельефно очерчены и другіе характеры романа: монахиня Анфиса, игуменья, являющаяся только въ письмахъ, мать Тани, ея братъ-забулдыга, прикащикъ Степанъ, юродивый Никита, учитель, даже эпизодическія лица, какъ актриса Левеницкая, священники, призываемые купцомъ на совѣщаніе, графъ, бывшій его помѣщикъ, и др. Только героиня романа, Таня, вышла блѣднѣе другихъ и послѣднее рѣшеніе ея идти все таки въ монастырь, когда отца разбилъ

параличъ, недостаточно мотивировано. Зато отдѣльныя сцены романа: именинный обѣдъ, дѣвичникъ, всѣ подробности купеческаго быта—изображены мастерски и вообще все произведеніе заставляетъ пожалѣть, что авторъ не продолжалъ писать въ этомъ же родѣ, а обратился въ присяжнаго поставщика дешеваго юмора въ ежедневную мелкую прессу.

Повѣсть „Кусокъ хлѣба“—также зрѣло-обдуманное, достаточно художественное хотя и незначительное по объему произведеніе. Это простая, несложная исторія бѣднаго крестьянина, прибывшаго въ Петербургъ искать свою дочь, а заодно и работы. Дочь его, дѣвочкой оставившая деревню, пошла по тяжелому пути, на который приводитъ въ столицѣ нужда да бѣдность. Отецъ находитъ ее въ извѣстномъ «пансіонѣ безъ древнихъ языковъ», откуда старика выгоняетъ хозяйка, такъ какъ къ ея воспитанницѣ пришелъ хорошій гость. Крестьянинъ собирался сначала „спустить семь шкуръ“ со своей дочери, но расплакавшись, при свиданіи, надъ нею и вмѣстѣ съ нею, пробуетъ, послѣ неудачныхъ попытокъ достать какую нибудь работу „въ треклятомъ городѣ“, вторично увидѣться съ дочкой, и узнаётъ, что она въ „Калинкинской“. Онъ съ горя прибѣгаетъ все къ тому же единственному средству, утоляющему горе русскаго человѣка. У пьянаго крадутъ паспортъ и старика отправляютъ по этапу, вмѣстѣ съ арестантами, на мѣсто жительства. Этимъ оканчивается исторія, очень обыкновенная, въ которой все правдиво и естественно, хотя нѣкоторыя, уже черезчуръ реальныя подробности ея могутъ показаться слишкомъ рѣзкими. Ихъ можно было смягчить, но тогда разсказъ не производилъ бы такого сильнаго впечатлѣнія. Да и можно-ли представить въ розовомъ свѣтѣ кабаки, публичные дома, ночлежные пріюты, съѣстныя лавочки, трущобы, гдѣ ютится петербургская мелкота и бѣдность? И г. Лейкинъ рисуетъ ихъ безъ преувеличенія, но и не скрывая непривлекательныхъ сторонъ этой жизни. Типы его разсказа: самъ старикъ, его гулящая дочь, ея подруги и хозяйка, земляки—портной, случайный товарищъ въ поискахъ за работой, балагуръ-кимрякъ, отъѣвшіеся прикащики, кабацкіе завсегдатаи—все это лица живыя, списанныя съ натуры, и если они принадлежатъ къ подонкамъ общества, это еще не причина, чтобы общество, которое нерѣдко само доводитъ ихъ до послѣдней степени нравственнаго паденія, отворачивалось отъ нихъ, встрѣчая вѣрные портреты этихъ отверженцевъ общества въ разсказахъ Лейкина.

Что читать народу? Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія, сост. учительницами харьковской частной женской воскресной школы. Спб. 1884.

Задавшись вопросомъ первостепенной важности, поставленнымъ въ заглавіи этой книги, учительницы харьковской частной воскресной школы взяли на себя трудъ отмѣтить все то изъ состава нашей народной и дѣтской литературы, что хотя нѣсколько подходитъ къ уровню умственнаго развитія учени-

ковъ народной школы и взрослыхъ крестьянъ, и можетъ быть сознательно и толково прочтено ими. Въ результатѣ получился указатель, весьма почтенный какъ по объему, такъ и по содержанію, и представляющій прекрасное дополненіе къ изданному, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, спб. комитетомъ грамотности «Систематическому Обзору народно-учебной литературы». Но особенный интересъ этому труду придаетъ взглядъ составительницъ на свою задачу,— взглядъ, по нашему мнѣнію, настолько-же справедливый, насколько и оригинальный. Вполнѣ основательно разсуждая, что лучшимъ критеріемъ при выборѣ книгъ будетъ степень ихъ интереса и доступности для читателей, составительницы «Указателя» постарались собрать какъ можно больше отзывовъ читателей—малолѣтнихъ и взрослыхъ—если не о всѣхъ книгахъ, разобранныхъ въ этомъ трудѣ, то, по крайней мѣрѣ, о наиболѣе выдающихся и чаще всего попадающихъ въ руки народа. Эти отзывы, изложенные во всей ихъ неприкосновенности, чрезвычайно интересны и поучительны во многихъ отношеніяхъ: изъ нихъ мы можемъ узнать не только то, что слѣдовало бы читать нашему народу, но и то, что имъ на самомъ дѣлѣ читается и какъ понимается; а въ отвѣтахъ на эти вопросы писатель, посвятившій свои труды народной и дѣтской литературѣ, найдетъ весьма цѣнныя указанія относительно того, что и какъ нужно писать для народа. «Мужикъ—справедливо говоритъ гр. Л. Толстой—платитъ гривенникъ за книжку и потому требуетъ, чтобы ему дали то, что ему хочется, а не то, что хочется воспитателю народа; почему же для этого сфинкса-народа не должно предложеніемъ отвѣчать на требованіе? Почему мы для себя считаемъ хорошимъ писателемъ того, который намъ нравится, а для народа считаемъ хорошимъ писателемъ того, который намъ, а не народу нравится?»

Но само собою понятно, что, пытаясь теоретически рѣшать вопросъ о томъ, что пригодно и что непригодно для народнаго чтенія, мы ничѣмъ не застрахованы отъ ошибокъ, происходящихъ отъ различія взглядовъ нашихъ и народныхъ; поэтому знакомство съ практикою народнаго чтенія, школьнаго и домашняго, можетъ и должно служить руководителемъ на трудномъ пути сочинительства для народа. Отзывы школьниковъ и взрослыхъ крестьянъ о прочитанныхъ ими книгахъ очень часто поражаютъ своею мѣткостью и разумностью, и иногда являются совершенно неожиданными. Кто бы могъ, напр., подумать, что «Ундина» Фуке, въ извѣстной передѣлкѣ Жуковскаго, можетъ понравиться деревенскому читателю? А, между тѣмъ, это—фактъ: «Ундиной» положительно зачитываются,— и въ то же время большая часть премированныхъ изданій Фребелевскаго общества оказываются скучными и мало вразумительными. Такихъ примѣровъ можно было бы привести очень много; но въ настоящей замѣткѣ мы задаемся другою цѣлью: опредѣлить, на основаніи «Указателя», составъ нашей народной библіотеки и указать на ея пробѣлы, настоятельно требующіе пополненія.

Въ «Указателѣ» перечислено и разобрано болѣе 1,000 книгъ, отзывы о которыхъ расположены систематически. Всѣхъ отдѣловъ здѣсь—семь: духовно-нравственный, литературный, естествознаніе, исторія, біографія, географія и путешествія, земское дѣло съ народнымъ хозяйствомъ. Въ составленіи перваго отдѣла принималъ участіе одинъ изъ харьковскихъ священниковъ-законоучителей, который помѣстилъ въ «Указателѣ» изъ наличнаго состава книгъ, существующихъ въ библіотекѣ воскресной школы, только тѣ, какія призналъ желательнымъ рекомендовать, и вообще придерживался своего собственнаго метода. По этому рецензіи этого отдѣла вышли очень кратки и едва ли могутъ дать народному библіотекарю надежное руководство въ выборѣ книгъ. Слѣдующіе отдѣлы несравненно полнѣе и обстоятельнѣе. Здѣсь, для каждой изъ разсматриваемыхъ книгъ, приводятся краткое изложеніе содержанія, критическая оцѣнка, вопросы, по которымъ лицо, дающее книгу для прочтенія, можетъ провѣрить, насколько она понята прочитавшимъ ее; далѣе, какъ мы уже говорили, при многихъ книгахъ приводятся отзывы и отвѣты учащихся, прочитавшихъ книгу; наконецъ, отмѣчены и рецензіи на разсматриваемыя книги—въ журналахъ и газетахъ.

Отзывами читателей особенно богатъ литературный отдѣлъ,—самый важный отдѣлъ народной библіотеки, разсмотрѣнный въ «Указателѣ» чрезвычайно подробно и обстоятельно. Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ лучшіе наши писатели, произведенія которыхъ, изданныя для народа, пользуются особенною популярностью: Л. Толстой, Пушкинъ, Тургеневъ, Некрасовъ, Григоровичъ; почти такою же популярностью пользуются въ народѣ солдатскіе разсказы Погоскаго, дѣйствительно, заслуживающіе вниманія и по языку, и по изложенію. Затѣмъ слѣдуютъ составленные уже спеціально для народнаго и дѣтскаго чтенія разсказы и повѣсти, оригинальные и передѣланные съ иностранныхъ оригиналовъ; здѣсь уже начинается, мало по малу, область всяческихъ курьезовъ, въ родѣ нелѣпоправоучительныхъ сочиненій и еще болѣе нелѣпыхъ стиховъ для народа; но «благонравные Пети и злыя Оленьки» во всей своей красотѣ являются въ отдѣлѣ разсказовъ, направленныхъ противъ пьянства. Есть вопросы, настолько серьезные и сложные, что, становясь съ ними лицомъ къ лицу, человѣку дѣлается жутко говорить о нихъ и выискивать способы къ ихъ разрѣшенію. Вопросъ о народномъ пьянствѣ принадлежитъ именно къ числу подобнаго рода вопросовъ: но народная литература не можетъ обходить его, такъ какъ это значило бы—расписаться въ полномъ безсиліи живаго, искренняго слова, въ отсутствіи какого бы то ни было нравственнаго вліянія книги. Къ тому же, народъ самъ силится разрѣшить эти вопросы, и тема о пагубномъ вліяніи пьянства и значеніи кабака, какъ убѣжища отъ горя, встрѣчается во многихъ произведеніяхъ народнаго творчества, очень давняго происхожденія. Между тѣмъ большинство разсказовъ, изданныхъ съ этою цѣлью для народа, какъ двѣ капли воды похожи на тѣ картинки, на которыхъ, въ назиданіе простолюдина, изображались носъ

пьяницы, его желудокъ и т.п.—и сводятся на пресловутое трагическое восклицаніе: «Братцы! не пейте водки—нехорошо!» Совершенно въ томъ же родѣ и такъ называемыя «копѣечныя» (по цѣнѣ) изданія Общества распространенія полезныхъ книгъ. Дамы-благотворительницы, желая заняться «дѣломъ», переводятъ самыя безцвѣтныя правоучительныя книжки, преимущественно—англійскія, и пресерьезно воображаютъ, что эти книжки годятся для русскаго народа. Содержаніе этихъ изданій вполнѣ сходно съ содержаніемъ издававшагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ журнала «Русскій Рабочій» (съ англійскими картинками): вездѣ порокъ паказывается, а добродѣтель торжествуетъ; злые исправляются, а добрые преуспѣваютъ; дѣйствіе происходитъ внѣ всякихъ условій времени и пространства. Однако, при скудости нашей народной литературы, по неволѣ приходится мириться и съ этими книжками, пока нѣтъ ничего лучшаго, что могло бы замѣнить ихъ въ школьной библіотекѣ за такую ничтожную цѣну; а цѣна, какъ извѣстно, играетъ немалую роль въ нашихъ народныхъ библіотекахъ, располагающихъ, въ большинствѣ случаевъ, крайне ограниченными средствами.

Очень видное мѣсто въ народной литературѣ занимаютъ сказки, пользующіяся преимущественнымъ вниманіемъ юныхъ читателей. Этотъ отдѣлъ народно-дѣтской библіотеки довольно богатъ хорошими произведеніями, такъ что дѣтямъ посчастливилось больше взрослыхъ; но и здѣсь сплошь да рядомъ встрѣчаются книжечки, лицемѣрно-слащавыя мораль которыхъ, съ ихъ квинтъ-эссенціей «благонравія» и вымученнымъ содержаніемъ, дѣлаетъ ихъ по меньшей мѣрѣ непригодными для народно-школьной библіотеки. Другія произведенія этого разряда страдаютъ незнаніемъ народной жизни и крестьянской обстановки, что всякій разъ вызываетъ со стороны читателей вполнѣ заслуженныя насмѣшки и, слѣдовательно, опять таки дѣлаетъ такія книжки непригодными.

Наконецъ, остается еще литература драматическая. Драматическихъ произведеній, написанныхъ собственно для *народной* сцены и вполнѣ для нея пригодныхъ, у насъ покуда еще нѣтъ вовсе, — конечно, потому что мы до сихъ поръ все только разсуждаемъ о народномъ театрѣ и ничего не дѣлаемъ на практикѣ. Большинство пьесокъ, предназначаемыхъ авторами для *дѣтскихъ* спектаклей, представляютъ верхъ пошлости и безобразія; впрочемъ, можетъ быть, это и хорошо, такъ какъ, по нашему мнѣнію, каждый порядочный воспитатель долженъ тщательно избѣгать дѣтскихъ спектаклей, чтобы не вносить въ душу ребенка деморализующаго вліянія; въ этомъ, кажется, согласны между собою всѣ наши педагогическіе журналы, когда либо затрогивавшіе вопросъ о дѣтскомъ театрѣ. Стало быть, отсутствіе дѣтской драматической литературы —потеря небольшая. Гораздо чувствительнѣе отсутствіе народной драмы; но, по свойственной русскимъ людямъ привычкѣ во всемъ находить утѣшеніе, станемъ утѣшаться тѣмъ, что, Богъ дастъ, будетъ у насъ народный театръ, — будутъ для него и подходящія пьесы...

Вопроса о народной драматической литературѣ «Указатель» касается собственно съ тою цѣлью, чтобы выяснить значеніе произведеній Островскаго для народнаго чтенія. Слѣдуетъ-ли знакомить съ этими произведеніями читателей изъ народа? доступны-ли они ихъ пониманію? насколько полезно этой средѣ чтеніе такихъ произведеній?—вотъ вопросы, которые «Указатель» пытается рѣшить въ особой статьѣ,—и рѣшаетъ утвердительно, подкрѣпляя свои доводы отзывами взрослыхъ читателей изъ народа, которымъ, какъ оказывается, пьесы Островскаго (не всѣ, конечно) вполнѣ доступны и по языку, и по содержанію. Къ числу пьесъ, которыя всего больше нравятся такимъ читателямъ, принадлежатъ: «Не въ свои сани не садись», «Въ чужомъ пиру похмѣлье», «Воспитанница», „Бѣдная невѣста“, «Не такъ живи, какъ хочется», «Бѣдность не порокъ» и, въ особенности, „Гроза“. Если не ошибаемся, составительницы «Указателя» впервые задались цѣлью, путемъ практической провѣрки, рѣшить вопросъ о пригодности Островскаго для народнаго чтенія,—и нельзя не признать, что опытъ вышелъ вполнѣ удачнымъ.

Въ ряду книгъ, возможно большее распространеніе которыхъ среди народа не только желательно, но и существенно необходимо, книги по естествознанію и гигіенѣ должны занимать если не первенствующее, то далеко и не послѣднее мѣсто, какъ по своему образовательному и воспитательному вліянію на человѣка, такъ и съ чисто утилитарной точки зрѣнія. Наивныя воззрѣнія на природу, суевѣрное отношеніе ко многимъ изъ ея явленій, различные предразсудки, основанные на невѣдѣніи и страхѣ, которые служатъ однимъ изъ сильныхъ препятствій на пути къ умственному и нравственному развитію, незнакомство съ строеніемъ и потребностями собственнаго организма—такъ еще велики въ народной массѣ, что все, что можетъ способствовать искорененію или ослабленію этихъ предразсудковъ, должно быть признано наиболѣе необходимымъ предметомъ чтенія среди народа,—и такимъ предметомъ нельзя не признать естествознанія. Все это такъ элементарно, что не нуждается и въ доказательствахъ. Но—странное дѣло!—что казалось-бы труднѣе: написать хорошую беллетристическую вещь для народнаго чтенія, или простую книжку, въ которой бы ясно, живо, общедоступно объяснялись самыя обыкновенныя явленія природы? Всякій, конечно, подумаетъ, что второе несравненно легче; на практикѣ-же оказывается какъ разъ наоборотъ: изъ 313 книжекъ, разобранныхъ въ литературномъ отдѣлѣ «Указателя», только 45, или немного болѣе 14%, признаны непригодными для народнаго чтенія, между тѣмъ какъ въ отдѣлѣ естествознанія такихъ непригодныхъ книгъ оказалось изъ 121—41, т. е. *болѣе трети*, причемъ многія изъ нихъ не только для народа, но и совсѣмъ никуда не годятся. Ясно, что этотъ отдѣлъ народной библіотеки очень неудовлетворителенъ и нуждается въ хорошихъ работахъ.

Еще менѣе удовлетворителенъ отдѣлъ историческій. Здѣсь изъ 284 книгъ пришлось, не смотря на всю снисходительность рецензій, признать негодными

для народнаго чтенія 149, т. е. *боже половина*! А между тѣмъ книги историческія читаются народомъ охотнѣе всѣхъ другихъ поучительныхъ книгъ. Очевидно, что и на этомъ благодарномъ поприщѣ сдѣлано еще слишкомъ мало, тогда какъ именно въ эту сторону должны бы быть направлены главнымъ образомъ усилія людей, вѣрующихъ въ возможность воспитанія народа посредствомъ книги. Кстати нужно замѣтить, что число книгъ, помѣщенныхъ составителями «Указателя» въ этомъ отдѣлѣ, значительно уменьшилось бы, если бы исключить отсюда, напр., пересказы былинъ и различные историческіе разсказы и повѣсти, попавшіе сюда, очевидно, по такому-же недоразумѣнію, какъ романы Купера и Майнъ-Рида попали въ географическій отдѣлъ.

Къ исторіи тѣсно примыкаетъ біографія замѣчательныхъ лицъ. И этотъ отдѣлъ народной библіотеки не можетъ похвалиться ни количествомъ книгъ (всего 85), ни ихъ качествомъ (непригодныхъ—31, или 36 $^1/_2$ %). А между тѣмъ указанный во многихъ рецензіяхъ интересъ, съ какимъ читаются и слушаются простымъ народомъ лучшія изъ имѣющихся на лицо біографій, заставляетъ особенно сильно желать и скорѣйшаго появленія, и возможно большаго числа біографическихъ очерковъ. Жизнеописанія русскихъ замѣчательныхъ людей, конечно, полезнѣе и желательнѣе въ народно-школьныхъ библіотекахъ; но и біографіи иностранцевъ,—конечно, соотвѣтственнымъ образомъ обработанныя и въ достаточной мѣрѣ просто и живо изложенныя—далеко не лишнія. Доказательствомъ можетъ служить интересъ, возбуждаемый біографіями Гарфильда, Стефенсона и др.; ими положительно зачитываются.

Недостатокъ хорошихъ книгъ особенно даетъ себя чувствовать въ отдѣлѣ географіи и этнографіи. Здѣсь, изъ 118 разобранныхъ въ „Указателѣ“ книгъ, *только* 16 могли быть признаны вполнѣ отвѣчающими своей цѣли, 52 полезными лишь отчасти, а 60—должны быть признаны безполезными или даже вредными, по совершенной недоступности языка и содержанія, или по невѣрности сообщаемыхъ въ нихъ свѣдѣній. Къ сожалѣнію, авторы книгъ для народа слишкомъ часто ведутъ свой разсказъ о серьезныхъ вещахъ легкомысленнымъ тономъ балагура,—вѣроятно, желая соединить „пріятное съ полезнымъ“. Но читатель-простолюдинъ не обладаетъ большимъ досугомъ; часто чтеніе для него только трудъ, за который онъ принимается съ охотой, ища въ немъ знаній, рѣже—развлеченія. Предлагать ему то же, что учащей публикѣ—просто насмѣшка, непростительная ошибка. Пословица, поговорка, народный анекдотъ, преданіе, пѣсня, конечно, могутъ найти мѣсто среди дѣловаго матеріала фактовъ и отвлеченныхъ объясненій; но народный юморъ и пошлое зубоскальство,—вещи разныя.

Послѣдній отдѣлъ «Указателя»—книги по земскому дѣлу и народному хозяйству—составленъ покойнымъ барономъ Н. А. Корфомъ, которому сначала бо-

а потомъ смерть помѣшали докончить начатый обзоръ. Впрочемъ, и раз-

бирать-то здѣсь собственно было нечего, такъ какъ этотъ отдѣлъ нашей народной литературы—отдѣлъ самый важный—поражаетъ своею бѣдностью: въ немъ отмѣчено всего 19 книгъ.

Такимъ образомъ, пересмотръ «Указателя» приводитъ насъ къ неутѣшительному заключенію, что составъ нашей народной библіотеки—за исключеніемъ развѣ, литературнаго, т. е. чисто беллетристическаго отдѣла—далеко неудовлетворителенъ. Что же удивительнаго, если въ исторіи изданій для народнаго чтенія московскіе издатели Никольской улицы до сихъ поръ занимаютъ самое видное мѣсто, распространяя свои книжонки въ милліонахъ экземпляровъ? Они первые, задолго до появленія «обществъ», имѣющихъ цѣлью изданіе и распространеніе книгъ для народа, познакомили нашего простолюдина съ книгой, сдѣлали ее предметомъ торговли, проложили пути книжному торговцу. Дѣло ихъ заведено давно и стоитъ крѣпко, и народъ охотно платитъ за ихъ товаръ послѣдніе гроши. Пока другіе только еще разсуждали о необходимости созданія народной литературы, сомнѣвались въ томъ, будетъ-ли еще читаться въ настоящее время приподнесенная народу книга,—московскіе издатели заставили заговорить дѣйствительность, сообщили краснорѣчивые отвѣты жизни на безконечные запросы теоріи. Мы относимся къ гг. Манухинымъ и Леухинымъ презрительно, свысока,—а между тѣмъ, право, не грѣхъ бы намъ кое-чему поучиться у нихъ, такъ какъ сами мы до сихъ поръ сдѣлали—не смотря на всю нашу просвѣщенность—гораздо меньше, чѣмъ бы слѣдовало. Кому много дано, съ того много и спросится; а намъ дано много. Что же дали народу мы, «вверху стоящіе, какъ городъ на горѣ»? Отвѣтъ—въ «Указателѣ»: чѣмъ больше у народа спросъ, тѣмъ меньше съ нашей стороны предложеніе. Пора серьезно подумать о такомъ крайне печальномъ положеніи народно-библіотечнаго дѣла и постараться прійти къ нему на помощь.

СОДЕРЖАНІЕ № 8-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

I. Знакомые люди. Романъ В. Л. Маркова . . . . . .
II. По Италіи. Д. Л. Мордовцева. . . . . .
III. Фантазія. Стихотвореніе А. Орлова . . . . . (
IV. Сафо. Парижскіе нравы. Романъ Альфонса Додэ. . . . . (
V. Роль арендной земли въ крестьянскомъ хозяйствѣ. (*Окончаніе*). В. В. 1
VI. Миссъ Гарріэтъ. Разсказъ Гюи де-Мопассана. 1
VII. Картины петербургскихъ нравовъ. III. Родители и дѣти. В. О. Михневича 1
VIII. „Покойная сестра его жены“. Разсказъ Франка Стокмана. 2
IX. Крымскія акварели: 1) Рынокъ. 2) Заключеніе. Д. И. Стахѣева 2
X. Больная любовь. Стихотвореніе Ф. Андреева. 2
XI. Послѣднія десять лѣтъ жизни барона Брамбеуса. А. В. Старчевскаго. 2
XII. Тоска. Стихотвореніе В. Теплова 2
XIII. Лиза Флёронъ. Романъ Онэ 2

Современное обозрѣніе.

XIV. Заграничныя письма. И. Денисова. . . . . .
XV. Наши внутреннія дѣла. 1
XVI. Политическая хроника 3
XVII. Новыя книги 4

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

«НАРОДНАЯ ШКОЛА»

ВЪ 1884 ГОДУ.

(шестнадцатый годъ).

Журналъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ, и удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоящаго при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» издается въ 1884-мъ году на прежнихъ основаніяхъ, при участіи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) **Законодательство по народному образованію.** II) **Педагогика и дидактика.** III) **Исторія народнаго образованія.** IV) **Критика и библіографія.** V) **Новости и смѣсь.** Этотъ отдѣлъ вполнѣ соотвѣтствуетъ «современному обозрѣнію» въ другихъ журналахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ — кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій — систематическій обзоръ (подъ названіемъ **педагогической хроники**) всѣхъ наиболѣе интересныхъ явленій въ области народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ; въ такомъ же систематическомъ видѣ предлагается, по временамъ, хроника народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, подъ рубрикою **«Разныхъ извѣстій»**, любопытные для народнаго учителя факты изъ общественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнія по сельскому хозяйству и другимъ техническимъ предметамъ и пр. VI) **Приложенія** къ журналу, куда входятъ: а) политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событіяхъ за границею; б) чтенія для народа по всѣмъ предметамъ знанія и пр.

Въ прошломъ году, въ «НАРОДНОЙ ШКОЛѢ» принимали участіе своими трудами: *гг. Акатовъ, А. И. Анастасіевъ, В. Фонъ-Боль, Л. П. Весинъ, А. С. Виреніусъ, д-ръ Ивинъ, Е. П. Карновичъ, баронъ Н. А. Корфъ, Г. Т. Михайловскій, Л. К. Поповъ* и друг.

Въ распоряженіи редакціи имѣется много новыхъ матеріаловъ.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» выходитъ въ 1884 году, по прежнему, ежемѣсячными книжками отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, **четыре рубля пятьдесятъ коп.** съ пересылкою или доставкою. За границу—**6 руб.** Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ», Поварской переулокъ, д. № 5; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, Моховая, противъ Университета. Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки только передъ лицами, подписавшимися въ главной конторѣ.

Желая сдѣлать доступнымъ пріобрѣтеніе оставшихся полныхъ экземпляровъ нашего журнала за 1878—79—82 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакція предлагаетъ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: вмѣсто 13½ руб. за три года, **по 9 руб. съ пересылкою.** При подпискѣ же на 1884 годъ, слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, 13 руб.

За 1880, 1881 и 1883 гг. журналъ выписывается по номинальной стоимости.

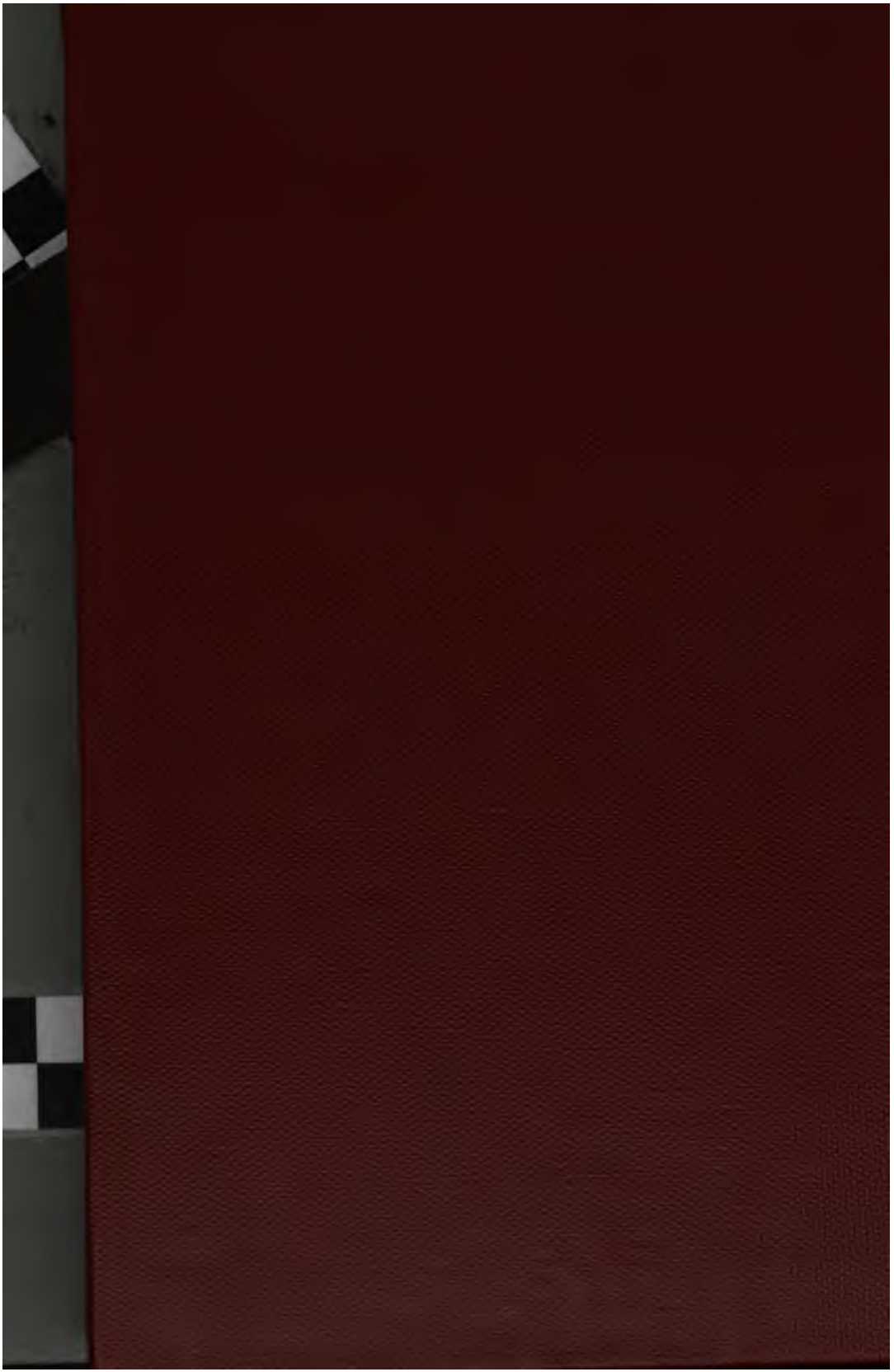
Редакторъ-издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ газетная экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо сообщать *старую печатную бандероль* или же нумеръ билета, и при каждомъ заявленіи прилагать три семикопѣечныя почтовыя марки за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный уплачивается *1 р. 50 к.;* при перемѣнѣ же иногороднаго на городской *1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, если не будутъ вытребованы обратно—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 10 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами и посылками*, т. е. съ *доставленіемъ* ихъ въ Главную Контору журнала. 7) Въ лѣтніе мѣсяцы, за отсутствіемъ редактора, для личныхъ объясненій, редакція проситъ обращаться къ секретарю. Контора открыта ежедневно отъ 10 до 4 часовъ, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу 15 руб. и за $^1/_2$ стр.—8 руб. 9) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только два раза въ мѣсяцъ:* **5 и 20 числа, отъ 12 до 2-хъ часовъ.** *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

Редакторъ-Издатель А. И. Пятковскій.

Вопроса о народной драматической литературѣ «Указатель» касается собственно съ тою цѣлью, чтобы выяснить значеніе произведеній Островскаго для народнаго чтенія. Слѣдуетъ-ли знакомить съ этими произведеніями читателей изъ народа? доступны-ли они ихъ пониманію? насколько полезно этой средѣ чтеніе такихъ произведеній?—вотъ вопросы, которые «Указатель» пытается рѣшить въ особой статьѣ,—и рѣшаетъ утвердительно, подкрѣпляя свои доводы отзывами взрослыхъ читателей изъ народа, которымъ, какъ оказывается, пьесы Островскаго (не всѣ, конечно) вполнѣ доступны и по языку, и по содержанію. Къ числу пьесъ, которыя всего больше нравятся такимъ читателямъ, принадлежатъ: «Не въ свои сани не садись», «Въ чужомъ пиру похмѣлье», «Воспитанница», „Бѣдная невѣста“, «Не такъ живи, какъ хочется», «Бѣдность не порокъ» и, въ особенности, „Гроза“. Если не ошибаемся, составительницы «Указателя» впервые задались цѣлью, путемъ практической провѣрки, рѣшить вопросъ о пригодности Островскаго для народнаго чтенія,—и нельзя не признать, что опытъ вышелъ вполнѣ удачнымъ.

Въ ряду книгъ, возможно большее распространеніе которыхъ среди народа не только желательно, но и существенно необходимо, книги по естествознанію и гигіенѣ должны занимать если не первенствующее, то далеко и не послѣднее мѣсто, какъ по своему образовательному и воспитательному вліянію на человѣка, такъ и съ чисто утилитарной точки зрѣнія. Наивныя воззрѣнія на природу, суевѣрное отношеніе ко многимъ изъ ея явленій, различные предразсудки, основанные на невѣдѣніи и страхѣ, которые служатъ однимъ изъ сильныхъ препятствій на пути къ умственному и нравственному развитію, незнакомство съ строеніемъ и потребностями собственнаго организма—такъ еще велики въ народной массѣ, что все, что можетъ способствовать искорененію или ослабленію этихъ предразсудковъ, должно быть признано наиболѣе необходимымъ предметомъ чтенія среди народа,—и такимъ предметомъ нельзя не признать естествознанія. Все это такъ элементарно, что не нуждается и въ доказательствахъ. Но—странное дѣло!—что казалось-бы труднѣе: написать хорошую беллетристическую вещь для народнаго чтенія, или простую книжку, въ которой бы ясно, живо, общедоступно объяснялись самыя обыкновенныя явленія природы? Всякій, конечно, подумаетъ, что второе несравненно легче; на практикѣ-же оказывается какъ разъ наоборотъ: изъ 313 книжекъ, разобранныхъ въ литературномъ отдѣлѣ «Указателя», только 45, или немного болѣе 14%, признаны непригодными для народнаго чтенія, между тѣмъ какъ въ отдѣлѣ естествознанія такихъ непригодныхъ книгъ оказалось изъ 121—41, т. е. *болѣе трети*, причемъ многія изъ нихъ не только для народа, но и совсѣмъ никуда не годятся. Ясно, что этотъ отдѣлъ народной библіотеки очень неудовлетворителенъ и нуждается въ хорошихъ работахъ.

Еще менѣе удовлетворителенъ отдѣлъ историческій. Здѣсь изъ 284 книгъ пришлось, не смотря на всю снисходительность рецензій, признать негодными